

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

1 (43)

Январь–Февраль–Март

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2014

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*,

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*,

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

-
- © Российская академия наук, 2014
  - © Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2014
  - © Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2014

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

© 2014

Л. Л. Селиванова

ПОБЕДА И (ИЛИ) СМЕРТЬ НА ОБЩЕГРЕЧЕСКИХ ИГРАХ

В статье рассматриваются боевые виды состязаний на Панэллинских играх: кулачный бой, борьба и панкратий. Анализируя семь случаев смерти, автор заключает, что они не дают полной картины, но дополняются косвенными данными. Неумышленное убийство соперника на Общегреческих играх не считалось преступлением или нарушением правил, а смерть не гарантировала победу оставшемуся в живых. Не только победа, но и смерть на священных играх занимала высшее место в шкале ценностей наравне со славой умереть за свой полис. Идея «победа или смерть», воплощавшая аристократический принцип калокагатии, сохранялась на протяжении всей истории античного атлетизма.

Ключевые слова: древнегреческая атлетика, боевые виды спорта, смерть на Панэллинских играх

Древнегреческое общество было ярко выраженным обществом конкурентивного типа. Поведение древнего грека определялось представлением о доблести (ἀρετή) и калокагатии (καλοκαγαθία), стремление к которым носило отчетливый агональный характер, пронизывающий все стороны жизни¹. Ни одно другое общество древности не было так ориентировано на агон вообще и атлетические соревнования в частности, как древнегреческое. Расцвет агонистики приходится на VI в. до н.э., когда учреждаются Пифийские, Истмийские и Немейские игры (неофициально все Панэллинские состязания проводились много раньше)². Возникшие раньше других Олимпийские (в 776 г. до н.э.) сформировали программу атлетических состязаний, принятую всеми Великими, а также Малыми играми³:

Селиванова Лариса Леональдовна — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН. E-mail: larleon@mail.ru

¹ О всеобъемлющем, всепроникающем характере агонального духа в Древней Греции см.: Зайцев 2000, 246, 113, 140–150 и др.; 2000a, 279–285; Фролов 1986, 226–227; Хейзинга 1992, 43, 87–92; Буркерт 2004, 188–189; Vogt 1964, 136; Sweet 1987, vi; Poliakoff 1987, 104–115. О распространении идеи арете на спорт см.: Pleket 1975, 49–89; Lee 1983, 32–37; Miller 1991, vii–viii.

² Латышев 1997, 111; Глускина 1948, 126; Шанин 2001, 63; Кулишова 2001, 209; Sweet 1987, 4, 6–9; Fontenrose 1988, 125; Lee 1988, 110–118; Renfrew 1988, 13–25; Toohey, Veal 2007, 12. Ср., однако, Malwitz 1988, 79–109: культ в Олимпии древнее игр, до 700 или даже 680 г. до н.э. они не выходили за рамки локальных состязаний.

³ Amandry 1991, 308; Morgan 1993, 35–36; Kyle 2004; Young 2004, 24.

простой бег, двойной, длинный бег, пятиборье, борьба, кулачный бой, панкратий⁴. Постепенно программа расширялась. Античный спорт, вышедший из потребностей культа⁵ и военного дела⁶, был, как и война, занятием рискованным и опасным (например, ристания колесниц)⁷. Самыми жестокими и кровавыми были три боевых вида: кулачный бой (*πυγμαί*), борьба (*πάλη*) и комбинация обоих — панкратий, где использовались также удары ногами и головой с минимальными ограничениями (дальний предок современного кикбоксинга, тхэквондо, тайского бокса, ушу и прочих подобных ударных единоборств (рис. 1.) Об их смертельной опасности согласно свидетельствуют трагики, комедиографы, историки, писатели, философы, отцы церкви. Однако в дошедших до нас письменных источниках нашлось только семь случаев смерти на Панэллинских играх (преимущественно в Олимпии): два в панкратии, четыре в кулачном бое и один в борьбе. Зададимся следующими вопросами:

- В какой мере эти данные могут отражать исторические реалии?
- Насколько это сопоставимо с современными потерями на ринге?
- Как относились организаторы игр к убийству соперника на поединке?
- Означала ли смерть противника победу для оставшегося в живых?

⁴ Программа игр и порядок состязаний в древней Олимпии — вопрос дискуссионный, любые выводы могут носить только предварительный характер ввиду недостаточности данных (Raschke 1988, 256; Young 2004, 52). В V в. до н.э. праздник проходил пять дней, предпоследний отводился боевым видам: кулачному бою, борьбе и панкратию. См.: Kotynsky 2006, 9.

⁵ Кузищин 2001, 6–7; Nilsson 1906, 159; Jüthner 1965, 74–77; Scanlon 2002, 25–39.

⁶ Вся история Греции — это история перманентной «войны всех против всех». См.: Pritchett 1974; Young 2004, 58–60; Bowden 2005, 134–151. Война являлась одним из проявлений агонального начала в мрачном его аспекте, да и сам полис порожден бесконечной борьбой за место под солнцем. Спортивный агон был своего рода альтернативой военной культуре, и греки полагали, что хороший атлет будет доблестным воином. См.: Андреев 1998, 173–174, 193–194; Pritchett 1974, 219, no 44; Cartledge 1985, 112–113. В «Застольных беседах» (V. 2) Плутарх говорит: «... все гимнастические состязания являются подражанием воинским упражнениям. Ведь в завершении всех состязаний выступают гоплиты, и это свидетельствует, что такова конечная цель всех упражнений и состязаний; и то, что победителям предоставляется почесть въехать в город через пролом, сделанный для этого в городской стене, имеет тот смысл, что нет большой нужды в стенах городу, граждана которого умеют сражаться и побеждать». (Пер. Я. М. Боровского). Связь войны и атлетики лучше всего иллюстрирует сообщение Павсания: в Олимпии по обеим сторонам стола с заготовленными победными венками стояли изображения Ареса и Агона (Paus. V. 20, 3).

⁷ Зайцев 2000, 132; Golden 1998, 23–28. При этом все общегреческие празднества носили мирный характер. Хотя мудрецы Древней Греции считали войну родителем всего, тема мира как положительного организатора общественной жизни никогда не уходила на второй план (Фролов 2011, 92–114). Символично, что на легендарных первых Олимпийских играх, устроенных Идейским Гераклом, бог света Аполлон побеждает бога войны Ареса (Paus. V. 7. 4). Лисий в «Олимпийской речи» утверждал, что Геракл учредил игры, чтобы принести мир грекам (Lys. 33. 1, о том же Павсаний: Paus. V. 4, 6). Согласно основной статье Олимпийского устава, принимать участие в играх могли только те атлеты, чьи государства не находились в состоянии войны. Вся область, где проходили состязания, объявлялась священной, и никто не имел право вторгаться сюда с оружием. Защита распространялась и на тех, кто пересекал враждующие государства. На время проведения соревнований (включая дорогу туда и обратно) провозглашалось священное перемирие *ἐκεχειρία*, продолжавшееся иногда довольно длительное время. Миротворческие принципы распространились затем на все общегреческие игры, а также на Элевсинские мистерии и другие региональные праздники. Случаи нарушения экехерии были крайне редки и сурово карались. См.: Латышев 1997, 109, 111–113, 204; Шанин 2001, 49; Кузищин 1997, 41–49; 2000, 119–135; 2004, 251; Кулишова 2001, 218; Гвоздева 2012, 6–7; Decker 1997, 79–80, 82; Hornblower 2000, 212–225; Toohey, Veal 2007, 20.

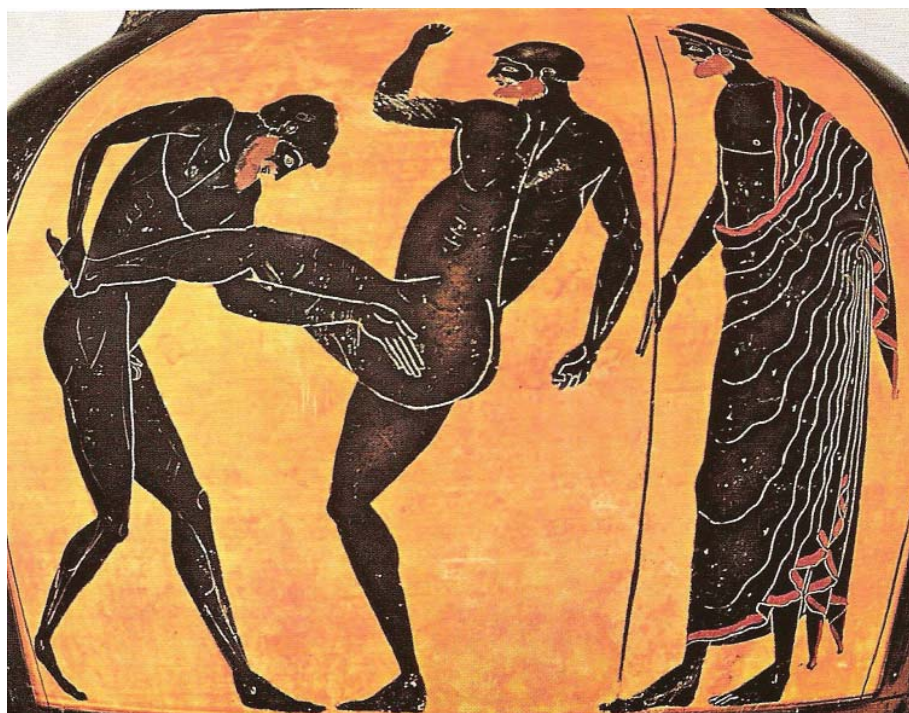

Рис. 1. Панкратий. Панафинейская амфора нач. V до н.э. Нью Йорк. Метрополитан музей.

Самым древним является случай с панкратиастом Аррахионом на 54-й Олимпиаде (564 г. до н.э.). Одержав уже две победы, он стал бороться с последним соперником. Тот, повалив Аррахиона на землю, крепко сжал ногами и стал душить. Аррахион успел все же сломать противнику палец на ноге, правда, испустил дух, но зато ему присудили победу, и уже на мертвого гелландики возложили венок⁸. Павсаний описывал каменную статую атлета у фигейцев как очень древнюю, в архаическом стиле и уже без надписи (Paus. VIII. 40.1–2).

Очень показательное следующее по времени происшествие. В 492 г. до н.э. на 72-х Олимпийских играх Клеомед из Астипалеи в кулачном бою убил Икка из Эпидавра⁹ и, так как бился не по правилам, был лишен победного венка. Не выдержав такого потрясения, он сошел с ума. Вернувшись домой, он направился в школу (*διδασκαλεῖον*) и ударом кулака свалил колонну, поддерживающую потолок. Все 60 детей погибли, а Клеомед, придя в себя, бежал в храм Афины, где чудес-

⁸ Венками награждали победителей на всех Панэллинских играх: на Олимпийских — из ветвей маслины, на Пифийских — лавровыми, на Истмийских в честь Посейдона — вначале из пиниевых веток, затем из сельдерея (Plut. Quaest. conv. V. 3. 675 e–677b). На Немейских играх в честь Зевса наградой служил сначала масличный венок, а после Персидских войн — венок из сухого сельдерея. См.: Blech 1982; Krause 1841; Curran, Williams 1981, 209–212; Sweet 1987, 8; Knox 1990, 183–202; Hollis 1996, 69–73.

⁹ Согласно Павсанию (VI. 9. 4–8), это случилось в Олимпиаду, предшествующую той, на которой в ристании колесниц победил Гелон, сын Дейномена, тиран Гелы (73-я, 488 г. до н.э.), то есть в 72-ую (492 г. до н.э.). См.: Высокий 2004, 181.

ным образом исчез (Paus. VI. 9. 6–8). Дельфийский оракул повелел чтить его как героя¹⁰:

Это последний герой, Клеомед из Астипалеи;
Жертвы ему приносите, зане уже он не из смертных.
Пер. С. П. Кондратьева¹¹.

Героизация психически больного убийцы детей, да еще по прямому указанию самого гуманного эллинского бога, удивляла только христиан. Так, Кирилл Александрийский считал, что свирепый и лютый Клеомед, мало отличавшийся от диких зверей, потому и был почтен Аполлоном, что тот поощрял бесчеловечность атлетов. Хороши, дескать, божественные мягкость и благородство, если в список богов вносится нечестивец, запятнанный кровью! (Cyril. Alex. C. Iulian. 6). Христианство вообще сурово осуждало атлетизм. Астипалейцы же просто последовали указанию оракула¹², ведь, по мнению греков, «людская сила метится божеством» (Pind. Isthm. V. 11) и потому священна и почитается (Paus. VI. 3. 16).

Аполлон и сам был покровителем кулачного боя: на самых первых Олимпийских играх, установленных Зевсом после победы над Кроном, он победил в этом виде Ареса (Paus. V. 7. 4). В Дельфах ему поклонялись как Πύκτης (Plut. Qu. conv. VIII. 4. 4). Известны его эпиклесы Πυγμαῖος Πύξιος¹³.

На Делосе Аполлона чествовали кулачным боем и пляской (H. h. I. 149 sqq.). Киник Эномай Гадарский (II в. н.э.) риторически вопрошал, не оттого ли погиб соперник, что Клеомед одним ударом пробил ему бок и вырвал внутренности (ар. Euseb. Praer. Eu. 5.34 B-C). Это явная реминисценция другого, столетием позже произошедшего события, также описанного Павсанием (VIII. 40. 3–5). На Немейских играх¹⁴ кулачный боец Кревга из Эпидамна сражался с сиракузянином Дамоксеном. Дело шло к вечеру, а перевеса никто не добился, поэтому договорились о свободном ударе (κλίμαξ, или κλίμακισμός — «лестница»): противники встают друг против друга и бьют по очереди, не уклоняясь и не защищаясь¹⁵. Кревга обрушил кулак на голову Дамоксена. Тот в ответ ударил Кревгу вытянутыми пальцами с длинными ногтями под ребра, пробил бок, ухватил внутренности и вытащил их вон. Кревга, естественно, умер, а гелландики не только присудили ему победу, но и поставили его статую в храме Аполлона Ликейского в Аргосе, которую видел еще Павсаний (Paus. II. 20. 1). Дамоксена же изгнали, но не за убийство, как полагал Мель¹⁶, а за нарушение правил (Paus. VIII. 40. 4–5)¹⁷. Во-первых, разрешалось бить только в голову, лицо и шею, а удары по корпусу запрещались, как в совре-

¹⁰ Parke, Wormell 1956, № 88; Johnston 2005, 303.

¹¹ Павсаний 1994, 101.

¹² Sinn 2010, 79.

¹³ Wernicke 1896, 11.

¹⁴ А. И. Зайцев датирует событие 401 г. до н.э. (Зайцев 2000, 133), Дж. Фрэзер — ок. IV в. до н.э. (Frazer 1965 IV, 392), Р. Брофи — IV-ым, до 336 г. до н.э. (Brophy 1978, 375–376, 382).

¹⁵ Glubok, Tamarin 1976, 79.

¹⁶ Jüthner, Mehl 1962, 1312.

¹⁷ Кулачный бой был введен в 23-ю Олимпиаду (688 г. до н.э.). Победил тогда Ономаст из Смирны, он и установил правила πυγμαῖ (Philostr. Gymn. 12).

менном боксе удары ниже пояса¹⁸. Во-вторых, на один удар Дамоксен ответил многими: 1) ударил Кревгу; 2) пробил ему бок; 3) схватил внутренности; 4) вытащил их; 5) выбросил вон. Тогда еще были мягкие ремни-гиманты из сыромятной бычьей кожи, которые оставляли последние фаланги пальцев свободными. Дамоксен ударил открытой ладонью. По мнению некоторых ученых, это был или колюще-режущий удар сверху вниз (так называемая «рука-нож», *sonnal*¹⁹), или горизонтальный ребром ладони, как в карате²⁰, пробивший тело и повредивший легкое, так что Кревга был обречен умереть от пневмоторакса. Разумеется, здесь могут быть только допущения. Так, памятуя о длинных ногтях, можно предположить и другой прием — «кулак-щипцы» (*jipkejumeok*), или вилку между отогнутыми большим и указательным пальцами. В технике этого удара два пальца хватают и вырывают цель. Чем выше концентрация на цели наименьшей площади и чем короче контакт, тем сильнее и разрушительней удар. Р. Брофи подвергает сомнению замечание о ногтях в тексте, ссылаясь на современные требования в боксе и невозможность пробить таким способом ребра и крепкие межреберные мышцы²¹. Однако у Павсания речь идет об ударе под ребра, а крепкие длинные ногти могли быть индивидуальной особенностью атлета, на которую правила не распространялись. Более вероятно, что удар был спонтанным, а случай единичным.

В древности кулачные бойцы сражались нагими, надев лишь пояс. Руки для защиты суставов они обматывали мягкими ремнями-гимантами из сыромятной воловьей кожи. Множество дошедших до нас изображений на вазах показывают способ наложения ремня. Это была крестообразная повязка, охватывающая сначала сустав, затем пястные кости, указательный и средний пальцы и, наконец, два последних пальца. Последние фаланги пальцев оставались свободными, чтобы можно было сжать кулак (рис. 2). Такими гимантами пользовались эпические герои (II. XXIII. 683–684). Позже для усиления удара были изобретены «острые» гиманты — режущие ремни из грубой кожи (Philostr. Gymn. 10). «Острые» гиманты были предшественниками кастета, они покрывали большую часть предплечья и наверху имели шерстяную повязку, которой атлеты вытирали пот и кровь²² (рис. 3). Но и такие гиманты оказались недостаточными для сильного удара. С IV в. до н.э. появляются своеобразные перчатки, сплетенные из четырехгранных ремешков, скрепленные на суставах кожаными кольцами, снабженные металлическими бляхами, гвоздями или свинцовыми шишками (пальцы все еще оставались свободными). Это было сокрушительное оружие, и бой нередко проходил в наушниках-амфотидах (*ἄμφοτίδα*) или кожаных шлемах (Plut. Mor. 38 B; Phil. Gymn. 9).

¹⁸ Frost 1905, 213–225.

¹⁹ Ударная площадь простирается от мизинца до запястья, пальцы слегка согнуты и напряжены. Прием осуществляется хлещущим маховым движением предплечья наружу с максимальной скоростью и силой. *Sonnal* используется для ударов по виску, шее или по ребрам.

²⁰ Brophy 1978, 369–370; Brophy, Brophy 1985, 182. Мнение ценно тем, что ученые исходят из двадцатилетних наблюдений учителя по тхэквондо и из своего собственного опыта. У Роберта Брофи третий дан и черный пояс по тхэквондо, а Мэри, доктор анатомии человека (PhD in human anatomy) — обладательница второго дана и черного пояса в том же виде спорта. См.: Brophy, Brophy 1985, 172, no 1.

²¹ Brophy, Brophy 1985, 181–182. Он цитирует слова бывшего чемпиона мира по боксу в тяжелом весе Джо Фрейзера, победителя Мохаммеда Али: «Теперь, когда я перестал боксировать, я могу отрастить ногти» (Brophy 1978, 383, n. 29).

²² Young 2004, 41.

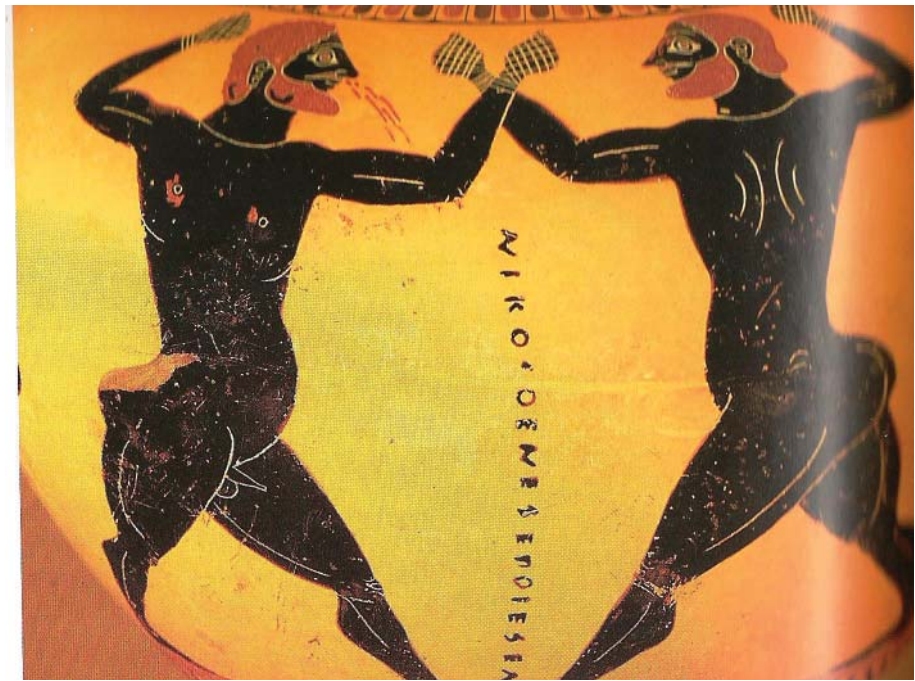

Рис. 2. Кулачный бой. Краснофигурная амфора. 530 г. до н.э. Лондон. Британский музей.

Рис. 3. Кулачный боец. Мозаика. Ок. 60 г. н.э. Неаполь. Национальный археологический музей.

Нередко использовались кастеты с мягкой подкладкой. Самое известное изображение такого кастета дает бронзовая статуя кулачного бойца работы Аполлония (I в. до н.э.) (рис 4). А $\mu\acute{\rho}\mu\eta\kappa\epsilon\varsigma\text{-}\zeta\epsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}$ ²³ эллинистического и римского времени, покрывавшие руку до подмышек, превращали голову бойцов в решето, оставляя их без ушей, бровей, носа. Колоритные портреты таких боксеров рисует поэт I в. н. э. Лукилий в своих эпиграммах:

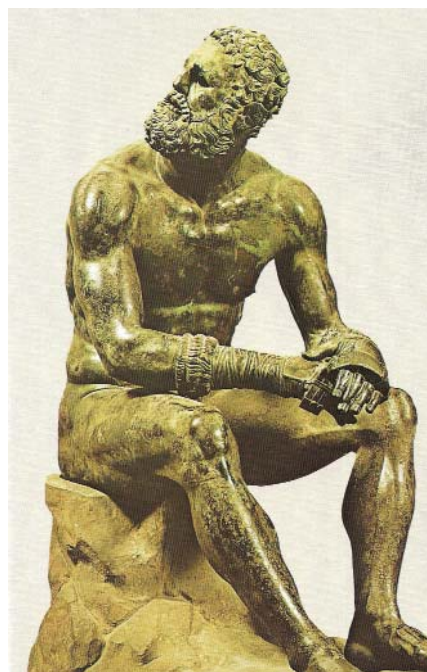

Рис. 4. Бронзовая статуя кулачного бойца. Римский национальный музей.

Как и у всех, государь, у Олимпика этого были
Уши, была борода, брови, и веки, и нос.
Но, подвизаясь в кулачных боях, он утратил все это,
Да и в отцовском добре части лишился своей,
Так как, увидя портрет его прежний, предъявленный братом,
Судьи решили, что он — вовсе другое лицо.

AP. XI. 75. Пер. Л. Блуменау²⁴.

Где только были в Элладе агоны кулачного боя,
Всюду участвовать в них я приходил, Андролей.
В Писе лишился я уха, без глаза остался в Платее,
В Дельфах с арены меня замертво вынесли вон.

²³ Президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин переводил это слово как «ки-стень» (Olenin 1835, 46).

²⁴ Петровский 1960, 220.

Стали уже хлопотать мой отец Дамотел и наш город,
 Чтобы хоть мертвым меня с места борьбы воротить.
 AP. XI. 81. Пер. Л. Блуменау²⁵.

Понятна благодарность соперников, поставивших статую аккуратному Апису:

Апис, кулачный боец, никого не поранил²⁶. За это
 Был от соперников он статуей этой почтен.
 AP. XI. 80. Пер. Ю. Шульца²⁷.

Цесты, правда, были в ходу только у гладиаторов и не использовались на Панэллинских состязаниях. Но и мягкие перчатки представляли собой серьезную угрозу²⁸. Так, киренец Евридам победил в кулачном бою, при этом противник выбил ему зубы, и, чтобы тот ничего не заметил, Евридам был вынужден их проглотить (Ael. V.h. X. 19).

Обычным приемом у греков был хук левой или прямой в висок²⁹, так что свободный удар представлял серьезную опасность. Как это происходило в панкратии, говорил Филон Александрийский (Philo. Quod omnis probus liber sit. 17. 110–113), утверждавший, что знает многих панкратиастов и борцов, из-за честолюбия лишившихся жизни. Он передает рассказ о двух атлетах, борющихся на равных. Решив наносить удары по очереди (κλίμαξ)³⁰, они, не уступая, без усталости так и махались пока не рухнули одновременно, забив друг друга до смерти. «Славна для агонистов смерть за венок из дикой оливы или петрушки!» — заключает Филон. Р. и М. Брофи считают этот пассаж анекдотом, а глагол τελευτήσαι игрой слов, вроде английского «dead heat» («одновременный финиш»)³¹. Л. Робер видит здесь исторический факт³².

Немногим позже Кревги и Дамоксена в Олимпии произошел курьез с кулачным бойцом Диогнетом с Крита. В бою он победил, убив при этом соперника, но правил не нарушил. Однако гелландики не только не дали ему венка, но и выгнали, потому что убитого звали... как и любимого сына Зевса, Гераклом. Похоже, элейцы убоялись гнева царя богов и людей. Но у себя на родине Диогнет был почтен как герой. Об этом сообщает Фотий (Phot. Bibl. 190, p.151 Bekker)³³.

²⁵ Петровский 1960, 221.

²⁶ В списке олимпийских победителей Юлия Африкана под 240 г. до н.э. упоминается кулачный боец atraumatistos. Не он ли тот самый Апис из эпиграммы Лукилла? См.: Sweet 1987, 260.

²⁷ Петровский 1960, 221.

²⁸ Селиванова 1997, 380–391.

²⁹ Эти удары и сегодня лидируют по числу нокаутов.

³⁰ В панкратии бились стоя: «Что же касается гимнастических упражнений, то эта возня в грязи называется “борьбой”; борются также и в песке. Когда же юноши бьют друг друга, стоя на ногах, мы называем это панкратием» (Лукиан. Анахарсис, или об упражнении тела. 8. Пер. Д. Н. Сергеевского). Однако пример Аррахиона свидетельствует о том, что в панкратии стойка могла сочетаться с партером (лежа, на коленях, на боку), если только панкратиаст Аррахион не соревновался также и в борьбе, что было делом обычным: жесткой специализации в единоборствах не было (Paus. V. 8, 4; 21, 11; VI. 15, 3–5, 10).

³¹ Brophy, Brophy 1985, 194–197.

³² Robert 1968, 199–201.

³³ Moretti 1953, 54, № 181.

Лишь один источник говорит об убийстве борца³⁴. Это посвятельная надпись на базе статуи Телемаха из Фарсала, найденной в Дельфах³⁵. Статуя была частью скульптурной группы IV в. до н.э. (338–332 г. до н.э.) — приношение Даоха, сына Сизифа³⁶. Среди своих славных предков из аристократического фессалийского рода он перечисляет олимпийских победителей: прадеда Агия и его братьев Телемаха и Агелая, живших в начале V в. до н.э. Агий, названный первым фессалийцем, победившим в панкратии на Олимпийских играх³⁷, был непревзойденным чемпионом: он также стяжал пять побед в Немее, три в Пифоне и пять на Истме³⁸. Все три брата были пифиониками³⁹ (их изображения и составляли скульптурную группу в Дельфах): Агий — победитель в панкратии, Телемах — в борьбе, Агелай — в беге на стадий среди мальчиков. Надпись на статуе Агелая завершается победной кодой: *μοῦνοι δὲ θνατῶν τοῦσδε ἔχομεν στεφάνους*⁴⁰ («Мы единственные из смертных имеем эти венки», то есть обладаем этой славой)⁴¹. О Телемахе сказано:

Κὰ γὰρ τοῦδε ὀμάδελο[ς ἔ]φυν, ἀριθμὸν δὲ τὸν αὐτόν
ἤμασι τοῖς αὐτοῖς ἔχφ[έρ]ομαι στεφάνων
νικῶν μονοπάλη[v]: Τ[υρ]σηνῶν δὲ ἄνδρα κράτιστον
κτεῖνα, ἐθέλοντο[ς ἐοῦ]. Τηλέμαχος δὲ ὄνομα.

Также и я был родным его братом и столько же точно,
Будучи первым в борьбе, вынес победных венков
В те же года. Но убил я Тирренца, сильнейшего мужа,
Ибо хотел он того. Имя мое Телемах.

(Пер. наш — Л.С.)

«Тирренец» звучит здесь диссонансом: известно, что иностранцы не могли участвовать в Панэллинских играх (Hdt. V. 22; Paus. V. 24, 9; Philost. Gymn. 25).

³⁴ Случай исключительный: культу Аполлона была чужда варварская жестокость рингов. См.: Селиванова 1991, 28–31; 2007, 18–20, 23–26. К тому же атлетические состязания никогда не были в Дельфах основными. Главным агонимом был и оставался древнейший, мусический. См.: Селиванова 2007, 24–27; 2012, 88–90; Кулишова 2001, 214, 218; Шарнина 1997, 63–73; Amandry 1991, 306–307.

³⁵ Надпись опубликована ее первооткрывателем Т. Омоллем: Homolle 1897, 593.

³⁶ Moretti 1953, № 21, 68–75; Amandry 1991, 311; Jacquemin 1999, 51, 139; Laroche, Jacquemin 2001, 305–332.

³⁷ πρῶτος Ὀλύμπια παγκράτιον, Фарсάлие, νικῶς, Ἀγία Ἀκρονίου, γῆς ἀπὸ Θεσσαλίας (Ebert 1972, № 43).

³⁸ В соответствии с идеей двойного чествования, копия скульптуры победителя посылалась на его родину. Так, в Дельфах был установлен памятник Даоха, а в Фарсале — Агия (Partida 2011, 231, по 75). Аполлону делали посвящения и ставили свои статуи победители на других играх, как некий Алкмеонид из беотийского Птойона (Ebert 1965, 393).

³⁹ Ziegler 1963, 563–564.

⁴⁰ Ebert 1972, № 46.

⁴¹ Дэвид Янг считает победы Агия всего лишь «национальным рекордом» (фессалийское достижение), зато победы всех трех братьев расценивает как мировой рекорд в категории «семейные победы на вторых по значимости Общегреческих играх». См.: Young 1996, 180–181. Безусловными мировыми рекордсменами были периодоники (победители на всех Панэллинских играх в течение четырех лет подряд, то есть за один период). См.: Латышев 1997, 124; Шанин 2001, 32; Maróti 1985–1988, 335–355; Amandry 1991, 279. Непревзойденным же был знаменитый кулачный боец периодоник Диагор Родосский (сер. V в. до н.э.), у которого вся семья — братья, дети и внуки — были олимпиониками (то есть трижды победителями в Олимпии), а дочь даже стала тренером собственного сына (Paus. VI. 7. 1–5; V. 6. 8).

Финли и Плекет указывают, правда, на Александра Македонского и римских императоров⁴². Но, во-первых, это еще V в. до н.э., во-вторых, Александру все же пришлось доказывать свое греческое происхождение (Hdt. V. 22), а в-третьих, Нерон, действительно, получил в Олимпии венок в ристаниях, хоть и вылетел из колесницы (Suet. Nero. 24. 2), однако впоследствии греки эти игры отвергли. Тирренцы же были не только «варварами», но и имели стойкую репутацию пиратов (Strabo. V. 2, 2)⁴³, а запятнанных не допускали (Dem. XXIII. 40)⁴⁴. В Дельфах того же времени находилось приношение липарцев, благодаривших бога за морскую победу над этрусками. Жители острова Липара близ Сицилии (колония книдян) отправили в дар Аполлону большую скульптурную группу (она находилась между сокровищницами сифнийцев и фивян) и еще один памятник, установленный близ святилища. От первой сохранился только пьедестал (длина 40 м примерно соответствует протяженности стены террасы)⁴⁵. На нем, по мнению ученых, стояло 20 статуй (возможно, Аполлона)⁴⁶ — по числу захваченных тирренских кораблей, как о том сообщает Павсаний (Paus. X. 11, 3–4; 16, 7). Поэтому Л. Моретти восстанавливает лауну не как Τυρσηνῶν, а как Τ[αρ]σηνῶν — «(мужа) тарсейского», то есть из жителей города Тарса⁴⁷. Однако в V в. он еще не был греческим полисом⁴⁸. Р. и М. Брофи предложили остроумную теорию, оставлявшую реконструкцию Т. Омоля. Речь идет об этрусском городе Цере, где проживало греческое население и который, по легенде, был основан пеласгами из Фессалии и назывался тогда Агилла. В Дельфах находилась сокровищница агиллейцев, а сами они, во исполнение оракула, основали у себя гимнастические и конные состязания⁴⁹. Греки уважали агиллейцев за отказ от пиратства, мужество и справедливость (Hdt. I. 167; Strabo. V. 2, 3). По мнению Р. и М. Брофи, автор надписи сознательно опустил имя убитого соперника и использовал прозвище, дабы выделить победу предка: гораздо престижнее было одержать верх над варваром, чем над греком⁵⁰. Однако если события, происшедшие столетие назад, сохранились в семейной памяти, то имена всех соперников, побежденных тремя прадедами, многократными чемпионами в Панэллинских играх, запросто могли забыться, а возможно, их не помнили и сами победители, знавшие противников по прозвищам. Привычка давать различные клички, прозвища по месту происхождения — как далее увидим — была распространенной среди атлетов⁵¹.

⁴² Finley, Pleket 1976, 68, 62.

⁴³ Gras 1985; Ormerod 1924, 127–130, 152–154: в V–III вв. до н.э. тирренцами называли всех италийских корсаров, не обязательно этрусков.

⁴⁴ Согласно олимпийской клятве, которую атлеты приносили Зевсу Горкию в первый день соревнований. См.: Гвоздева 2012, 11–12; Toohey, Veal 2007, 14. Не допускали и опоздавших, уважительными причинами считались болезнь, кораблекрушение или нападение пиратов (Kotynsky 2006, 6).

⁴⁵ Partida 2011, 232.

⁴⁶ Jacquemin 1999, №№ 337–338.

⁴⁷ Moretti 1953, 71–72.

⁴⁸ Ebert 1972, 143.

⁴⁹ В честь некогда побитых камнями фокейцев, которым стали приносить жертвы как героям (Hdt. I. 167; Parke Wormell 1956, № 64; Johnston 2005, 301–302).

⁵⁰ Brophy, Brophy 1985, 175.

⁵¹ Она имеет место и в наши дни. Прозвища спортсменам дают по характерным особенностям (так, американского боксера Эрни Шейверса зовут Желудем за голый череп, голландского бейсболиста Михаэла Рейзигера — Противоголом за своеобразную форму черепа, футболиста Игоря Нетто — Гусем за манеру недовольно шипеть на товарищей по команде). По манере игры прозва-

Павсаний, к примеру, называет кулачных бойцов Аполлония и Гераклида, а также панкратиаста Сарапиона из Александрии (явных греков) египтянами (Paus. V. 21, 12–13, 18). И Тирренец — скорее всего прозвище западного грека, борца-тяжеловеса из Цере-Агиллы.

В последней строке очень интересен Genetivus Absolutus ἐθέλοντος ἑοῦ — «по его собственному желанию»⁵²: Телемах убил, потому что этого хотел противник. И все же почему? Известно, как встречали олимпийских победителей в родном полисе: венки, помпа, почести, торжественные гимны, победный монумент, бесплатные обеды до конца жизни в Пританее, освобождение от налогов, проэдриа, почетные должности, разбиралась даже городская стена. Известен случай, когда в честь олимпионика Сострата на родине в Сикионе была вычеканена монета с его изображением⁵³. Знаменитейшие поэты Пиндар, Симонид, Вакхилид прославляли в своих эпиникиях победителей. В них видели героев или богов, и даже статуям их приписывали целительные функции⁵⁴. Олимпионики избирались ойкистами, военачальниками, становились государственными деятелями⁵⁵, законодателями, тиранами⁵⁶. В свою очередь, тираны стремились подкрепить свою власть олимпийскими победами⁵⁷. «Фантастический почет, который воздавался

ны пилот Формулы-1 Айртон Сенна — Человек Дождя (за частые победы в дождевых гонках); чилийский форвард Иван Саморано — Вертолет (за умение зависать в воздухе во время подачи). По спортивным достижениям баскетболиста Эрла Монро окрестили Черным Иисусом — за то, что он «истинный», и за то, что в него верили всегда; Карла Мэлоуна — Почтальоном за его надежность и умение доставить мяч всегда точно по адресу, в корзину (забывая, он говорил: «Получите почту!»).

⁵² Заметим, однако, что повреждение в 4-й строке делает возможным и другое понимание. Л. Моретти (Moretti 1953, 71) восстанавливает лакуну как ἔθελον τό [γε δ' οὔ], Эберт (Ebert 1972, 142) — как ἔθελον τό [μὲν οὔ], — в смысле «убил нечаянно». Непредумышленное убийство на стадионе не наказывалось. М. Поляков предполагает, что речь идет именно о таком случае, причем смерть, возможно, наступила спустя какое-то время после поединка (Poliakoff 1986, 401–402). В том, что причинение смерти по неосторожности на спортивных состязаниях было, есть и будет, сомневаться не приходится, как и в смерти от последствий ранений. Однако и текст, и контекст надписи не позволяют согласиться с вышеприведенными трактовками: глагол κτεῖναι («убил») однозначно исключает отсроченную гибель, а восстановление лакуны в смысле случайного убийства не очень согласуется с правилами борьбы, где, в отличие от кулачного боя и панкратия (в которых бой велся, пока противник не сдавался или же не был выведен из строя), для победы надо было трижды уложить соперника на землю (достаточно касания спиной, плечом, бедром или коленом). См.: Harris 1964, 102; Howland, Instone 2003, 1626; Kyle 2004; Young 2004, 39, 43. Более убедительно толкование Р. и М. Брофи, оставляющее в силе конъектуру первооткрывателя (Brophy, Brophy 1985, 175, 177).

⁵³ Латышев 1997, 120–121; Андреев 1998, 188–190; Зайцев 2000, 134–142; Шанин 2001, 31–32; Pentazou 2003, 142–149; Kyle 2004.

⁵⁴ После смерти кулачный боец Клеомед из Астипалеи стал героем, а Феаген и вовсе богом, статуя которого к тому же начала врачевать болезни.

⁵⁵ Так, легендарный шестикратный олимпионик Милон Кротонский в 510 г. до н.э. возглавил войско родного города в войне против Сибариса. Вооруженный только шкурой льва и дубиной, наподобие Геракла, он нагнал такого страха на врага, что победа над изнеженными сибаритами была молниеносной. Большой авторитет толкал некоторых олимпиоников на захват власти или политические авантюры. Классический пример — Алквиад, выступивший в Олимпии в 416 г. до н.э. с семью колесницами и занявший 2 и 4 места (Thuc. VI. 16; Moretti 1957, № 345).

⁵⁶ Зельин 1962, 21–29; Гвоздева 2012, 5–15; Cartledge 1985, 115; Amandry 1991, 310–313.

⁵⁷ Особенно преуспели в этом сицилийские правители Гиерон и его братья Гелон и Полизал. Первый дважды победил в скачках в Дельфах (вероятно, в 478 и 474 гг. до н.э.) и дважды в Олимпии (476 и 472 гг. до н.э.). На квадриге он также получил приз в 470 г. до н.э. в Пифо, а два года спустя в Олимпии. В таком же состязании победил брат Гиерона Гелон в 488 г. до н.э., что запечатлено на 10-тидрахмовых серебряных монетах (так называемых дамареинах). См.: Moretti 1957, № 185 (Ге-

олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне — все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась по смежности на его родичей и сограждан. Идя на войну, граждане рады были видеть в своих рядах олимпийского победителя не потому, что он мог в бою убить на несколько вражеских бойцов больше, чем другие, а потому что его присутствие сулило всему войску благоволение Зевса Олимпийского. Исход состязаний позволял судить, чье дело боги считают правым, чье нет⁵⁸. Незавидна была участь проигравших, которые пробирались на родину тайком, окольными путями, под покровом темноты (Pind. Pyth. VIII. 115–122)⁵⁹. Бесславие и насмешки были их уделом. Позору и унижениям предпочитали славную смерть на стадионе. Не случайно *Филострат* в первом разбираемом нами случае с задушенным атлетом добавляет, что *Аррахсион готов уже был сдаться (и тогда остался бы в живых)*, но побуждаемый окриком тренера сознательно *пошел на смерть* (Philostr. Gymn. 21; Imag. 2.6). Несомненно, пройдя за день многоступенчатый отбор и идя на последний бой, оба атлета были вымотаны⁶⁰. Реально оценив силы, они могли заранее договориться друг с другом об одолжении. В борьбе удары запрещены, но есть броски и захваты. Сам по себе бросок не приводил к смерти (если только не повреждался позвоночник)⁶¹, так как скамма (площадка для борьбы) посыпалась мелким песком, а во время дождей и вовсе превращалась в грязь, что смягчало падение⁶². Телемах мог применить какой-нибудь удушающий прием или блок, за-

лон), № 221, 232 (Гиерон). Самым известным стал третий брат Полизал — победитель в ристаниях колесниц на Пифийских играх. Об этой победе и сегодня напоминает знаменитая бронзовая статуя Возничего в Дельфах, на базе которой высечена надпись «Властвующий над Гелой». Скульптура и надпись датируются 470–460 гг. до н.э. Хвалебные оды Пиндара и Вакхилида прославляли не только победы на состязаниях, но также личность и деяния сицилийских тиранов (Берве 1997, 178, 185–187, 191). Дейномениды вообще уделяли большое внимание Панэллинским играм, а также щедро одаряли Олимпию и Дельфы. Так, Гелон на средства из военной добычи соорудил сокровищницу, посвятил в храм Зевса Олимпийского огромную, украшенную золотым плащом статую Зевса и три панциря. В Дельфы он послал золотой тренажник весом в 16 талантов, по тренажнику посвятили Аполлону и брата Гелона. Гиерон за победу над Кумами послал богатые дары в Дельфы и Олимпию. Подробнее см.: Высокий 2004, 180–181, 225, 237–239; Amandry 1991, 311–312.

⁵⁸ Гаспаров 1980, 363. О том же: Kyle 1990, 292–293, 300; Potter 2012, 93–97.

⁵⁹ Шанин 2001, 31.

⁶⁰ Так, панкратиаст Клейтомах из Фив в один и тот же день состязался в панкратии и в кулачном бою. Он одержал несколько побед, пока, измотанный, не был побежден своим соперником (Paus. VI. 15. 3–5). Неудивительно поэтому, что один кротонский атлет, одержавший победу на Олимпийских играх и уже шедший получать венок, замертво рухнул у ног гелландиков (Ael. V.h. IX.31).

⁶¹ Так, в 1979 г. российский дзюдоист Сергей Лебедев получил тяжелую травму позвоночника во время схватки на первенство РСФСР и скончался в больнице. Современные хирурги-травматологи согласны с Гиппократом, который, описывая патологию посттравматического кифоза, вызванного падением на плечо или ягодицы, пришел к выводу о редкости повреждения позвоночника и низкой смертности в результате таких травм: Vasiliadis, Grivas, Kaspiris 2009. Кстати, Гиппократ был первым, кто предложил методы лечения позвоночника и даже изобрел устройство для коррекции искривлений. См.: Marketos, Skiadas 1999, 1381–1389.

⁶² Gardiner 1910, 376; Gardiner 1967, 182; Harris 1964, 104. В диалоге Лукиана скиф Анахарсис спрашивает: «Скажи мне, Солон, для чего юноши продельвают у вас все это? Одни из них, перевевшись руками, подставляют друг другу ножку, другие дают и вертят своих товарищей, валяются вместе в грязи и барахтаются в ней, как свиньи... И вот один из них, схватив другого за ноги, бросает его на землю, затем, насадая на него, не позволяет поднять голову, толкая его обратно в грязь;

хват шеи с резким поворотом головы, что вело к перелому шейных позвонков и смерти. Так как правила формально не были нарушены, а сговор без доносчика недоказуем, все прошло гладко. Впрочем, не исключено, что гелландики знали о подобных вещах, но смотрели на них сквозь пальцы. К тому же, хотя случайное убийство соперника не каралось (Dem. XXIII. 53; Ath. Pol. 57. 3; Plato. Leg. 865a)⁶³, отделить умышленное от неумышленного, как заметил Платон, очень трудно.

Последнее свидетельство — надпись из Олимпии II в. н.э., опубликованная в 1964 г.⁶⁴, эпитафия, написанная полупрозой-полустихами:

Ἀγαθὸς Δαίμων ὁ καὶ Κάμηλος Ἀλεξανρεὺς, ἀνὴρ πύκτης νεμεονείκης,
ἐνθάδε πικτεῦων ἐν τῷ/ σταδίῳ ἐτελεύτα,
εὐξάμενος Ζηνὶ ἢ θάνατον,
ἐτῶν ΛΕῚ χαῖρε.

Агатос Даймон, известный также как Александрийский Верблюд, муж, кулачный боец, победитель Немейский,

Здесь, подвизаясь в боях, в поединке кулачном скончался,

Давши Зевесу обет: или венок, или смерть.

35 лет. Прощай.

(Пер. наш — Л.С.)

Муж здесь — возрастной класс ἀνὴρ. Агатос Даймон — обычное теофорное имя у египетских греков в эллинистическую и римскую эпохи. Прозвище «Верблюд»⁶⁵ указывает на профессиональные качества атлета. Верблюд был красноречивым символом брутальности: храбрости, силы, грубости, жестокости, упорства. Впрочем, панкратиастов и кулачных бойцов сравнивали и с другими могучими животными, например с быками. Так, прозвище Никофрона из Милета было Тавр, Гераса из Лаодикеи Ταυρογάστωρ — «С бычьей утробой»; имя вышеупомянутого Аписа говорит само за себя: Египетский бык⁶⁶. Греки не знали

наконец, обвив ногами живот и подложив локоть под горло, душит несчастного, а тот толкает его в плечо, ... умоляя, чтобы первый не задушил его насмерть». Солон объясняет: «Грязь же и песок... заготавливаются ... для того, чтобы юноши падали не на твердую, а на мягкую почву, не причиняя себе вреда. Далее, и скользкость их неизбежно увеличивается от того, что они потеют в глине... Не думай, что легко поднять с земли человека, вспотевшего и намазанного маслом, старающегося вырваться из рук» (Анахарсис. 1; 28. Пер. Д. Н. Сергеевского).

⁶³ По закону, если человек нечаянно убил соперника во время гимнастических состязаний или соратника в пылу сражения, он должен очиститься в соответствии с предписанием, полученным из Дельф, после чего он уже считается чистым.

⁶⁴ te Riele 1964, 169–195, 186–187.

⁶⁵ О египетском обычае давать прозвища: Paus. V. 21, 12.

⁶⁶ Ср. с устрашающими прозвищами боксеров XX–XXI вв.: Дикий Бык Пампасов (Луис Фирпо), Атомный Бык (Оливер Макколл), Мичиганский Убийца (Стенли Кетчел), Молотобоец из Манасы (Джек Дэмпси), Доктор Железный Кулак (Виталий Кличко), Железный Майк (Майк Тайсон), Костолом (Джеймс Смит), Палач (Бернард Хопкинс), Туши Свет (Джеймс Тони), Русский Танк (Олег Маскаев), Гром из преисподней (Константин Цзю). Больше всего прозвищ у Николая Валуева: Зверь с Востока, Кинг-Конг, Кувалда, Снежный Человек, Человек-Гора, Русский Гигант, Никола Питерский. Есть и исключения. Так, боксер Макс Бэр был веселым, жизнерадостным человеком, пока не стал причиной смерти Фрэнки Кемпбелла, скончавшегося от травм, полученных в поединке с Бэрром, который после этого получил прозвище Грустный Клоун. Тревора Бебрика называли Проповедни-

весовых категорий и ограничения времени поединка, а разделение по возрасту было весьма условно⁶⁷. Нередко в борьбу с взрослыми вступали юноши и даже мальчишки (Paus. VI. 5, 7; 8, 1; 14, 2–3; 15, 1, 10). Поэтому перед таким твердолюбим, яростным, опытным, но уставшим супертяжеловесом, как Верблюд, преимущества очевидны у более молодого, легкого и выносливого соперника (бои продолжались весь световой день на жаре). Если же участвовало нечетное число атлетов, то победить мог и более слабый (но свежий) противник, оказавшийся последним. Доброму Демону было уже 35 — закат спортивной карьеры. Победный венок достался ему посмертно⁶⁸, как Аррахону и Кривге. Неизвестно, умер ли он во время или после поединка. Смерть его наступила, скорее всего, в результате открытой черепно-мозговой травмы либо острой субдуральной гематомы⁶⁹ после одного или серии ударов (возможно в сочетании с открывшимися старыми ранами). Такая надпись в Олимпии не имела бы смысла (и не победил, и умер), если бы не ключевые слова, выделенные элегическим дистихом — Агатос Даймон выполнил обет, данный Зевсу: победить или умереть.

Атлетика была порождением древнегреческой аристократии и сложилась во времена ее безраздельного господства. Победившая демократия переняла аристократическую систему ценностей с большим или меньшим смещением акцентов⁷⁰. Содержание понятия калокагатия со временем претерпевало изменения, но ее социально-политические задачи не менялись: прославление «достойных», «доблестных», «добрых», «хороших», «благородных» — сильных, здоровых, тренированных, прекрасных, уважаемых соотечественников⁷¹. «Общий идеал совершенного в физическом и нравственном смысле человека — участника

ком за его подчеркнутую набожность (он даже на ринг выходил в трусах с нашитым изображением креста). А Сонни Листон получил свою кличку Сыночек из-за большой привязанности к матери.

⁶⁷ Особенно это касалось класса *παῖδες* («мальчишки»). См.: Селиванова 2007, 18–19; Crowther 1988, 304–398; Frisch 1988, 179–185; Amandry 1991, 307; Papalas 1991, 176; Young 2004, 40, 57; Kotynsky 2006, 6.

⁶⁸ Brophy, Brophy 1985, 192.

⁶⁹ По данным японских нейрохирургов, острое повреждение мозга — наиболее распространенное последствие нокаута (75%) и основная причина смерти в боксе. Боксер впадает в бессознательное состояние. Результаты немедленной операции таковы: 66,7% — восстановление, 13,3% — инвалидность средней степени, 13,3% — постоянные вегетативные расстройства, 6,7% — смерть. Несвоевременная диагностика, отсутствие неотложной помощи, а также повторная черепно-мозговая травма делают прогноз неблагоприятным. См.: Sawauchi, Murakami, Tani, Ogawa, Suzuki, Abe 1996. Данные М. Веласкеса подтверждают японские: 80% смертей наступало в результате ударов в голову и шею, 12% — от сердечного приступа и 8% — от других причин. См.: Svinth 2007. В дзюдо и карате также чаще всего травмируются голова и шея, в тхэквондо, где предусмотрена защита головы и груди, а ноги активны, наиболее распространенными являются травмы нижних конечностей. См.: Zetou, Komninakidou, Mountaki, Malliou 2006. Примеры. В 1989 г. французский боксер Давид Тио впал в кому от удара в челюсть во время боя с Теренсом Алли и в тот же вечер умер. В 2000 г. американский боксер Роберт Бенсон после боя со Стивом Дотсом из Уганды потерял сознание, провел в коме пять дней и скончался. В 2003 г. во время боя у американского боксера Брэда Роуна остановилось сердце. В 2004 г. 17-летний борец сумо Такаси Саито умер после тренировки от сердечного приступа. В 2008 г. 16-летний спортсмен из Новосибирска Артем Коротков на открытом первенстве Кемерово по кудо (один из стилей карате) во время поединка потерял сознание. В какой-то момент он очнулся и вновь лишился сознания. Присутствовавшие на соревновании врачи безуспешно пытались спасти его жизнь с помощью дефибриллятора.

⁷⁰ Зайцев 2000, 144–146, 256; Scanlon 2002, 201–202.

⁷¹ Лосев 1960, 411–475; Шанин 2001, 289–290; Ленская 2006, 69–82.

и победителя Олимпийских игр — оставался неизменным и бесспорно оказывал свое благотворное влияние на общую моральную атмосферу в Греции»⁷².

Итак, приведенные данные как будто подтверждают общее мнение античности о смертельной опасности боевых видов спорта: наиболее в кулачном бое, меньше в панкратии и наименее всего в борьбе (Suid. s.v. *παγκρατιαστής*). Разумеется, летальных исходов было немало. Наши источники неполны: и списки победителей были «дырявыми», и велись не с начала учреждения игр, и восстанавливались несколько столетий спустя⁷³. Не исключено, что записывались только самые примечательные или необычные случаи, рядовые же смерти могли не фиксироваться как обычные издержки силовых соревнований. Кроме того, нам неизвестны реальные смертельные случаи после поединка, а также на тренировках, речь идет только о происшедших на состязаниях. Такую выборку нельзя считать репрезентативной. Семь летальных случаев за период с VI в. до н.э. по II в. н.э. — очень малая величина, не дающая полной картины, которую необходимо восполнять косвенными данными. В современных единоборствах потери весьма значительны, притом что здесь, казалось бы, созданы максимально безопасные условия⁷⁴, включающие неотложную медицинскую помощь⁷⁵. Не все страны ведут такую статистику, но там, где это делается, результаты ужасают⁷⁶. В течение одного только века, с 1918 по 1982 г., на рингах погибло 438 боксеров⁷⁷, а с 1890 по 2000 г. — всего 1355 (из них 90,7 % на ринге и 9,2 % на тренировках и от несчастных случаев, средний возраст — 24,2 года), из которых профессиональных боксеров — 923 (из них 744, то есть 80% умерли непосредственно на ринге,

⁷² Кузицин 2001, 7.

⁷³ Jüthner 1965, 22–24; Amandry 1991, 314–315; Christensen 2007. О каталоге олимпиоников см.: Moretti 1957; 1970, 295–303; 1987, 67–91.

⁷⁴ Резонансной стала гибель южнокорейского боксера Дук Ку Кима в бою против американца Рэя Манчини в ноябре 1982 г., после которой в профессиональном боксе были приняты знаковые реформы, направленные на усиление безопасности жизни и на охрану здоровья спортсменов. Манчини, за свой драчливый слагтерский стиль получивший кличку Бум-Бум, накануне схватки заявил, что готовится к тяжелому бою. К войне на ринге готовился и Ким, за несколько дней до поединка пророчески написавший на зеркале своего гостиничного номера в Лас-Вегасе слова: «Победить или умереть». В бою 13 ноября 1982 г. оба были основательно избиты, так как большую часть времени дрались кость в кость и никто не хотел уступать. В начале 14-й трехминутки Ким был сбит с ног и, падая, сильно ударился головой о настил ринга. Он еще смог подняться, но рефери остановил поединок. Спустя несколько минут Ким рухнул без сознания и сразу был доставлен в госпиталь. Нейрохирурги провели экстренную операцию по удалению субдуральной гематомы, но все оказалось тщетно. Спустя четыре дня, 17 ноября 1982 года, в возрасте 23 лет Дук Ку Ким умер, не приходя в сознание. Мучимый чувством вины, рефери Ричард Грин покончил с собой 1 июля 1983 года, а спустя четыре месяца свела счеты с жизнью и мать Кима. Очень тяжело переживал случившееся и Рэй Манчини. Он не хотел больше выходить на ринг и уже никогда не был прежним разбитым Бум-Бумом. После этого случая боксерские организации отказались от регламента в 15 раундов, перейдя к 12-тираундовому формату. Но главной реформой стало кардинальное ужесточение доматчевых медицинских обследований боксеров. Теперь уже перед поединком им не только измеряли давление и проверяли пульс, но перед каждым боем обязывали их делать томографию головного мозга, электрокардиограмму, а иногда флюорографию. Была сдвинута на более раннее время процедура официального взвешивания, когда стало известно, что Ким нещадно истязал себя, сгоняя лишний вес и страдая от обезвоживания накануне боя.

⁷⁵ Young 2004, 41.

⁷⁶ Например, в США: Svinth 2007a.

⁷⁷ Brophy, Brophy 1985, 192, no 64. 438-ым как раз и был южнокорейский боксер Дук Ку Ким.

средний возраст — 23,1 года)⁷⁸. И это далеко не полные данные, вдобавок смерти после соревнований не всегда отслеживаются и регистрируются, а истинные причины зачастую скрываются⁷⁹. Сейчас гибнет 20–40 человек в год, в США каждые три дня умирает молодой спортсмен — страшные числа. На Общегреческих играх неумышленное убийство соперника в рамках судейских требований не считалось преступлением или нарушением правил. Сама по себе смерть противника не гарантировала автоматическую победу оставшемуся в живых. Не исключено также, что атлеты, предпочитая смерть позору, могли заранее договариваться об избавлении от одного с поединщиком. Не только победа, но и смерть на священных играх занимала высшее место в шкале ценностей наравне со славой умереть за свой полис. А олимпийский победитель получал в Спарте особую честь: идти в атаке впереди царя (Plut. Lys. 22).

И эта идея — победа или смерть, — воплощавшая аристократический принцип калокагатии, сохранялась на протяжении всей истории античного атлетизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю. В.* 1998: Цена свободы и гармонии. СПб.
- Берве Г.* 1997: Тираны Греции. Ростов-на-Дону.
- Буркерт В.* 2004: Греческая религия: Архаика и классика. СПб.
- Высокий М. Ф.* 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V вв. до н.э. СПб.
- Гаспаров М. Л.* 1980: Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.
- Гвоздева Т. Б.* 2012: Олимпийские игры в памятниках античной литературы. М.
- Глускина Л. М.* 1948: Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н. э.): дисс. на соиск. уч. степ. канд истор. наук. Л.
- Петровский Ф.* 1960: Греческая эпитафия. М.
- Зайцев А. И.* 2000: Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.
- Зайцев А. И.* 2000а: «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма. М.
- Зельин К. К.* 1962: Олимпионики и тираны // ВДИ. 4, 21–29.
- Кузищин В. И.* 1997: Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры // ВИ. 1, 41–49.
- Кузищин В. И.* 2000: Олимпийские игры как миротворческий фактор в политической жизни Греции // ВИ. 8, 119–135.
- Кузищин В. И.* 2001: Предисловие. Олимпия древняя и современная // Олимпия: история античного атлетизма. СПб.
- Кузищин В. И.* 2004: Олимпийские и Пифийские игры: их взаимосвязь. Доклад на университетском олимпийском семинаре (Москва, МГУ, 7 июня 2002 г.) // Древний Восток и античный мир. 6, 251.
- Кулишова О. В.* 2001: Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб.
- Латышев В. В.* 1997: Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб.
- Ленская В. С.* 2006: Καλὸς κἀγαθός: воспитание и образование древнегреческого аристократа // Studia historica. VI, 69–82.

⁷⁸ Svinth 2007, Tab. 5, 6

⁷⁹ 75% смертей происходит на ринге вследствие нокаута, 25% непосредственно после поединка, 5% — без видимых симптомов («по необъяснимым причинам») через неделю и больше. См.: Svinth 2007, Tab. 10.

- Лосев А. Ф.* 1960: Классическая калокагатия и ее типы // ВЭ. 3, 411–475.
- Селиванова Л. Л.* 1991: Пифийские игры в Дельфах: дух и тело // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2, 24–31.
- Селиванова Л. Л.* 1997: Πυγμαί. К истории боксерской перчатки // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций Российской Ассоциации антиковедов 1996–1997 гг. М., 380–391.
- Селиванова Л. Л.* 2004: Пифийские игры: концепция и процедура // Древний Восток и античный мир. Вып. 6, 252–253.
- Селиванова Л. Л.* 2007: Древние Пифийские и современные Дельфийские игры // ПИФК. XVII, 14–42.
- Селиванова Л. Л.* 2012: Олимпийские и Пифийские игры: общее и особенное // Олимпийские игры: история и современность. М., 84–106.
- Фролов Э. Д.* 1986: Рождение греческого полиса. Л.
- Фролов Э. Д.* 2011: Тема мира в политике и публицистике Античной Греции // Мнемон. 10, 92–114.
- Хейзинга Й.* 1992: Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.
- Шанин Ю. В.* 2001: Олимпия: история античного атлетизма. СПб.
- Шарнина А. Б.* 1997: Пифийские игры в Дельфах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ / В. С. Дуров (ред.). СПб., 63–73.
- Amandry P.* 1991: La fête des Pythia // ΠΡΑΚΤΙΚΑ ΤΗΣ ΑΚΑΔΗΜΙΑΣ ΑΘΗΝΩΝ. 6, 279–317.
- Bleeh M.* 1982: Studien zum Kranz bei der Griechen. (Religionsgeschichte Versuche und Vorarbeiten. Bd. 38). New York.
- Bowden H.* 2005: Classical Athens and the Delphic Oracle. Divination and Democracy. Cambridge.
- Brophy R. H.* 1978: Deaths in the Pan-Hellenic Games: Arrachion and Creugas // AJPh. 99, 363–390.
- Brophy R., Brophy M.* 1985: Deaths in the Pan-Hellenic Games II: All Combative Sports // AJPh. 106. 2, 171–198.
- Cartledge P.* 1985: The Greek Religious Festivals // Greek Religion and Society. Cambridge.
- Christensen P.* 2007: Olympic Victor Lists and Ancient Greek History. Cambridge.
- Crowther N.* 1988: The Age Category of Boys at Olympia // Phoenix. 42, 304–308.
- Curran B., Williams F.* 1981: Laurel boughs // LCM. 6, 209–212.
- Decker W.* 1997: Zur Vorbereitung und Organisation griechischer Agone // Nikephoros. X. 3, 77–102.
- Ebert J.* 1965: Zu griechischen agonistischen Epigrammen // Wiss. Zeitschrift der Martin-Luther-Univers. Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. XIV.
- Ebert J.* 1972: Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen // Abhandl. der Sächs. Akademie der Wissenschaft zu Leipzig. 63, 2.
- Finley M. J., Pleket H. W.* 1976: The Olympic Games: The First Thousand Years. L.
- Fontenrose J.* 1988: The Cult of Apollo and the Games at Delphi // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and Other Festivals in Antiquity / W. J. Raschke (ed.). Madison, 135–136
- Frazer J. G.* 1965: Pausanias's Description of Greece.
- Frisch P.* 1988: Die Klassifikation der παίδες bei den griechischen Agonen // ZPE. 75, 179–185.
- Frost K. T.* 1905: Greek Boxing // JHS. 25, 213–225.
- Gardiner E. N.* 1910: Greek Athletic Sports and Festivals. Oxford.
- Gardiner E. N.* 1967: Athletics of the Ancient World. Oxford.

- Glubok Sh., Tamarin A.* 1976: Olympic Games in Ancient Greece. New York.
- Golden M.* 1998: Sport and Society in Ancient Greece. Cambridge.
- Gras M.* 1985: Traffics Tyrrhéniens archaïques // BEFAR. 258.
- Harris H. A.* 1964: Greek Athletes and Athletics. L.
- Hollis A. S.* 1996: Ovid. Metamorphoses 1, 445 ff.: Apollo, Daphne, and the Pythian Crown // ZPE. 112, 69–73.
- Homolle Th.* 1897: *Ex-voto* trouvés à Dèlphes. — 33 Statues du Thessalien Daochos et de sa famille // BCH. 21, 592–598.
- Hornblower S.* 2000: Thucydides, Xenophon, and Lichas: Were the Spartans Excluded from the Olympic Games from 420 to 400 BC? // Phoenix. 54. 3/4, 212–225.
- Howland R. L., Instone S. J.* 2003: Wrestling // OCD³. Oxford, 1626.
- Jacquemin A.* 1999: Offrandes de Delphes // BEFAR. 304.
- Johnston S. I.* 2005: Delphi and the Death // Mantikê. Studies in Ancient Divination / S. I. Johnston, P. T. Struck (ed.). Brill; Leiden; Boston, 283–306.
- Jüthner J.* 1965: Die athletischen Leibesübungen der Griechen. Bd. I. Wien.
- Jüthner J., Mehl E.* 1962: Pygme (pugilatus) // RE. Suppl. IX, 1312.
- Knox P. E.* 1990: In Pursuit of Daphne // TAPhA. 120, 183–202.
- Kotynsky E. J.* 2006: The Athletics of the Ancient Olympics. A Summary and Research Tool.
- Krause J. H.* 1841: Die Pythien, Nemeen und Isthmien. Lpz.
- Kyle D. G.* 2004: Ancient Olympics Guide. Winning at Olympia // Archeology. 6 April. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.archaeology.org/online/features/olympics/olympia.html>.
- Kyle D. G.* 1990: Winning and Watching the Greek Pentathlon // JSH. 17. 3, 291–305.
- Laroche D., Jacquemin A.* 2001: Le monument de Daochos ou le trésor des Thessaliens // BCH. 125, 305–332.
- Lee H.* 1983: Athletic Arete in Pindar // Ancient World. 7. 1–2, 32–37.
- Lee H. M.* 1988: The “First” Olympic Games of 776 B.C. // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity / W. J. Raschke (ed.). L., 110–118.
- Malwitz A.* 1988: Cult and Competition Locations at Olympia // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity / W. J. Raschke (ed.). L., 79–109.
- Marketos S. G., Skiadas P. K.* 1999: Hippocrates: The Father of Spine Surgery. Historical Perspective // Spine. 24 (13), 1381–1389.
- Maróti E.* 1985–1988: Περιοδικός. Anmerkungen zum Begriff Perioden-Sieger bei den panhellenischen Spielen // AAASH. 31, 335–355.
- Miller S. G.* 1991: Arete. Greek Sports from Ancient Sources. Berkeley; Los Angeles; Oxford.
- Moretti L.* 1953: Iscrizioni agonistiche greche. Roma.
- Moretti L.* 1957: Olympionikai. I vincitori negli antichi agoni olimpici. Roma.
- Moretti L.* 1970: Supplemento al catalogo degli Olympionikai // Klio. 52, 295–303.
- Moretti L.* 1987: Nuovo supplemento al catalogo degli Olympionikai // Miscellanea greca e romana. 12, 67–91.
- Morgan C.* 1993: The origins of pan-Hellenism // Greek Sanctuaries. New approaches / N. Marinatos, R. Hägg (ed.). L.; New York, 18–44.
- Nilsson M. P.* 1906: Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluß der attischen. Leipzig.
- Olenin A. de.* 1835: Essai sur le costume et les armes des gladiateurs comparées à du soldat grec ou remain. St.-Pb.
- Ormerod H. A.* 1924: Piracy in the Ancient World. Liverpool.
- Papalas A. J.* 1991: Boy Athletes in Ancient Greece // Stadion. 17, 165–192.
- Parke H. W., Wormell D. E. W.* 1956: The Delphic Oracle. Vol. II: The Oracular Responses. Oxford.

- Partida E. C.* 2011: The nexus of inter-regional relations established by creators and artisans in the Ancient sanctuary and the town of Delphi // *Pallas*. 876, 223–242.
- Pentazou M.* 2003: Honours conferred on the victors // *The Olympic Games in Ancient Greece* / G. A. Christopoulos (ed.). Athens, 142–149.
- Pleket H. W.* 1975: Games, Prizes, Athletes and Ideology. Some Aspects of the History of Sport in the Greko-Roman World // *Arena*. I, 49–89.
- Poliakoff M.* 1986: Deaths in the Pan-Hellenic Games: Addenda et Corrigenda // *AJPh*. 107. 3, 400–402.
- Poliakoff M.* 1987: Combat Sports in the Ancient World: Competition, Violence, and Culture. New Haven, 104–115.
- Potter D.* 2012: *The Victor's Crown. A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium*. Oxford.
- Pritchett W. K.* 1974: *The Greek States at War*. Part 2. Berkeley.
- Raschke W. J.* 1988: Epilogue // *The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity* / W. J. Raschke (ed.). L., 256–266.
- Renfrew C.* 1988: The Minoan Mycenaean Origins of the Panhellenic Games // *The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity* / W. J. Raschke (ed.). L., 13–25.
- te Riele G.-J. M.-J.* 1964: Inscriptions conservées au Musée d'Olympie // *BCH*. 88. 169–195, 186–187.
- Robert L.* 1968: Les épigrammes satiriques de Lucillius sur les athlètes. Parodie et réalités // *Fondation Hardt: Entretiens sur l'Antiquité Classique XIV: L'Épigramme Grécque*. Geneva, 179–295.
- Sawauchi S., Murakami S., Tani S., Ogawa T., Suzuki T., Abe T.* 1996: Acute subdural hematoma caused by professional boxing // *No Shinkei Geka*. Oct. 24 (10), 905–911. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/8914149?dopt=Abstract>.
- Scanlon Th. F.* 2002: *Eros and Greek athletics*. Oxford.
- Sinn U.* 2010: Olympia-Zeustempel und Wettkampfstätte // *Die griechische Welt. Erinnerungsorte der Antike*. München, 79–97.
- Svinth J. R.* 2007: Death under the Spotlight: The Manuel Velazquez Boxing Fatality Collection. Analyzing the data // *JCS*. Nov. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ejmas.com/jcs/jcsart_svinth_a_0700.htm.
- Svinth J. R.* 2007a: Death under the Spotlight: The Manuel Velazquez Boxing Fatality Collection. About Manuel Velazquez // *JCS*. Nov. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ejmas.com/jcs/velazquez/velazquezbio.html>.
- Sweet W. E.* 1987: *Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations*. New York.
- Toohey K., Veal A. J.* 2007: *The Olympic Games: A Social Science Perspective*. Cambridge.
- Vasiliadis E. S., Grivas Th. B., Kaspiris A.* 2009: Historical overview of spinal deformities in ancient Greece // *Scoliosis*. 4, 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scoliosisjournal.com/content/4/1/6>.
- Vogt E.* 1964: Agon (es) (certamena) // *KIP*. I, 136.
- Wernicke R.* 1896: Apollon // *RE*. II, 1–111.
- Young D. C.* 1996: First with the Most: Greek Athletic Records and “Specialization” // *Nikephoros*. 9, 175–197.
- Young D. C.* 2004: *A brief history of the Olympic Games*. Oxford.
- Zetou E., Komninakidou A., Mountaki F., Malliou P.* 2006: Injuries in Taekwondo Athletes // *Physical Training Sept.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sportmedicine.ru/articles/injuries_in_taekwondo_athletes.htm.
- Ziegler K.* 1963: Πυθιονίκαι // *RE*. Stuttgart. 24, 563–564.

VICTORY AND (OR) DEATH AT THE PANHELLENIC GAMES

L. L. Selivanova

The article deals with such fighting sports at the Pan-Hellenic games as boxing, wrestling, and pankration. The analysis of seven recorded *causa mortis* leads the author to the conclusion that the latter do not reveal a whole picture but give additional data. Involuntary manslaughter of the rival at the Pan-Hellenic games was not regarded either as a crime or violation of rules, but did not ensure victory for the heory for survivor. Furthermore, an athlete's death at the Panhellenic games was as glorious as the victory or death for his polis. This attitude reflected the ethos of *kalokagathia* throughout the entire history of the games.

Key words: Greek athletics, combative competitions, the Pan-hellenic games, fatalities

© 2014

А. А. Попов

СВЕДЕНИЯ ЮСТИНА (ПОМПЕЯ ТРОГА) О ПОМОЩИ БАКТРИЙЦЕВ
СЕЛЕВКИДСКОМУ ЦАРЮ ДЕМЕТРИЮ II

Статья представляет собой комментарий фрагмента труда Юстина (Помпея Трога), где этот селевкидский царь получил помощь от бактрийцев (Just. XXXVI. 1, 1–4). Автор статьи считает, что они были не вспомогательными войсками, но союзниками. Вероятнее всего, это была армия греко-бактрийского царя Гелиокла I, сына Екратида Великого.

Ключевые слова: эллинизм период, Селевкиды, Юстин, Деметрий II, Греко-Бактрия, Гелиокл I

Один из самых значимых литературных источников по истории античности, и в частности эллинизма, является труд Юстина, который в более сжатой форме изложил сочинение своего предшественника Помпея Трога. В этом памятнике содержится описание царствования Деметрия II из династии Селевкидов (145–140 гг. до н. э.; 129–125 гг. до н. э.). В частности, описываются некоторые события, связанные с противостоянием этого монарха с парфянами, и отношение к нему со стороны населения Ирана.

«Recuperato paterno regno Demetrius, et ipse rerum successu corruptus, uitii adulescentiae in segnitiam labitur tantumque contemptum apud omnes inertiae, quantum odium ex superbia pater habuerat, contraxit. Itaque cum ab imperio eius passim ciuitates deficerent, ad abolendam segnitiae maculam bellum Parthis inferre statuit ; cuius aduentum non inuiti Orientis populi uidere et propter Arsacidae, regis Parthorum, crudelitatem et quod ueteri Macedonum imperio adsueti noui populi superbiam indigne ferebant.

Попов Артем Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. E-mail: artempopovspb@gmail.com

Тетрадрахма Митридата I

Itaque cum et Persarum et Elymaeorum Bactrianorumque auxiliis iuuaretur, multis proeliis Parthos fudit»¹. «Деметрий, отвоевав отцовское царство, испорченный удачей, предался порокам, свойственным юности, и впал в бездеятельность. За отвращение к труду его стали презирать так же глубоко, как глубоко ненавидели его отца за надменность. Поэтому, когда от его державы начали отпадать государства, он, чтобы смыть с себя позорное пятно лености, решил начать войну против парфян. Народы Востока ничего не имели против его прихода: они были возмущены жестокостью парфянского царя Арсакида, привыкнув исстари к господству македонян, с негодованием переносили высокомерие нового народа [завоевателя]. Так как Деметрию оказали помощь и персы, и элимеи, и бактрийцы, то он в ряде сражений разбил парфян» (XXXVI. 1 1–4) (пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского).

Тетрадрахма Деметрия II

В ходе этой войны с парфянским правителем Митридатом I царь Деметрий II был пленен и долгое время удерживался в отдаленной провинции Гиркании (Just. XXXVI. 1 5–6). Власть же над державой Селевкидов перешла в руки Антиоха VIII, брата Деметрия II (Just. XXXVI. 1 8). Впоследствии Деметрию удалось после гибели брата в войне с Парфией восстановить свою власть над державой Селевкидов. Вскоре этот честолюбивый политик ввязался в очередное противоборство с Птолемеями. По-видимому, слабо утвердившись на престоле и имея незначительную поддержку своего политического курса, Деметрий II, «оставленный всеми», через некоторое время погибает в Тире (Just. XXXVIII. 9 1–10; 10 1–11; XXXIX. 1 1–8).

В целом перед нами развернулась драматическая картина, изображающая кровавые эпизоды Сирийских войн эпохи эллинизма и противоборства эллинов

¹ Текст дан по изданию: M. Iuniani Iustini 1985.

с парфянами. Однако в данном контексте событий истории династии Селевкидов нас интересует лишь упоминание о бактрийцах, оказавших содействие Деметрию II в борьбе с Парфией.

Очевидно, что данные события касаются первого этапа царствования Деметрия II и могут быть отнесены ко второй половине 140-х гг. до н. э. Место же действия бактрийцев, которые выступили на стороне Деметрия II, остается под вопросом. Современные комментаторы перевода Юстина, автора извлечений из сочинения Помпея Трога, не дают никаких пояснений по этому поводу (Just. 395).

Э. Бикерман в своей работе, посвященной государству Селевкидов, видит упомянутых здесь бактрийцев в качестве вспомогательных войск, присланных от зависимого от Селевкидов правителя или из подвластных Селевкидам территорий². Мнение Э. Бикермана здесь кажется поверхностным, так как в этот период Бактрия давно уже находилась под властью своих собственных правителей.

Гипотетически можно предположить, что некоторые представители этого народа могли служить в качестве наемных отрядов в войсках могущественного Селевкида. Однако встает вопрос о целесообразности подобных подразделений в армии Деметрия. Сам источник говорит о помощи со стороны бактрийцев, а не о подразделениях, состоящих из жителей этой центральноазиатской страны, служащих за вознаграждение.

К тому же маловероятно, чтобы военные отряды из Бактрии проникли через парфянские земли к театру военных действий, который располагался для парфян в приграничных районах с Селевкидским государством, то есть на западе Парфии или к западу от Парфянской державы. Миновать восточную границу Парфии, а затем добраться до границы с державой Селевкидов для бактрийцев в эту эпоху не представлялось возможным без военных столкновений и иных препятствий со стороны парфян. Скорее всего, возможны два варианта развития событий. Первый лежит в русле источниковедения и изучения античной исторической прозы. Возможно, перечисление бактрийцев в одном ряду с остальными жителями Востока было чисто механическим. Сюда понятие «бактрийцы» прокралось случайно.

Ведь в предыдущем предложении Юстин упоминает о «народах Востока», которые проявили лояльность к селевкидскому царю из-за жестокой политики со стороны парфянского владыки. Таким образом, мы встречаемся с неким топосом (общим местом) в литературной традиции древних об основных этносах, проживающих к востоку от государства Селевкидов, то есть народах Ирана. При этом бактрийцы представляются основными обитателями восточной части Ирана, граничащей с парфянами. Действительно, далекие Бактрия и Согдиана в ту эпоху могли ассоциироваться с той местностью, где заканчивается оседлый обитаемый мир и начинается продолжение ойкумены, населенное воинственными варварами скифского происхождения. Именно туда дошел Александр Великий и оттуда отправился покорять последнюю страну на краю ойкумены – Индию.

Второй ряд рассуждений лежит в русле основной канвы истории взаимоотношений между эллинистической Бактрией, государством Селевкидов и Парфией, а также в контексте истории Греко-бактрийского царства с его внутривосточными коллизиями.

² Бикерман 1985, 68.

Известно, что после восстания Диодота, бактрийского наместника Селевкидов, в середине III в. до н. э. возникло Греко-бактрийское государство. При этом в Парфии наместник Селевкидов Андрагор был свергнут парнами, скифами по происхождению, установившими там свою власть и основавшими царскую династию Аршакидов.

Уже тот факт, что в одной селевкидской провинции воцарились варвары, а в другой сохранилась власть эллинов, говорит о будущей череде столкновений между этими державами. Аршакиды, проводившие агрессивную политику, внушали опасение не только Селевкидам, но и Диодоту I. В этой связи Греко-Бактрия была традиционным противником парфян на востоке, начиная с его первого правителя.

Однако антиселевкидский альянс Греко-Бактрии и Парфии состоялся после смерти Диодота I, когда взошел на престол его сын Диодот II. Возможно, его свержение произошло именно из-за предательства общеэллинского дела.

Новый царь Евтидем I, пришедший к власти после Диодота II, столкнулся с угрозой уничтожения независимости Греко-Бактрии. Произошло это событие в период правления Антиоха III Великого, видного представителя династии Селевкидов, который совершил знаменитый поход на восток. В ходе этого похода Антиоху III удалось разбить войска Евтидема I в битве на реке Арий и осадить его столицу – Бактры. Однако в результате затянувшейся осады Бактр Антиох III был вынужден заключить мир с Евтидемом I при условии сохранения независимости Греко-бактрийского царства от Селевкидов.

С этого момента греко-бактрийская внешняя политика была направлена на восток. Деметрий I, сын Евтидема I, и его преемники покорили значительное количество индийских территорий. Их завоевания были внушительнее приобретений Александра Великого на Индостане.

В дальнейшем мы знаем о свержении Деметрия I Евкратидом I, основавшим в Греко-Бактрии новую династию. Во время царствования Евкратиды I были очередные столкновения между Парфией и Греко-Бактрией. При этом парфянам удалось захватить некоторые провинции Греко-бактрийского царства, сатрапии Аспиона и Туриву (Strab. XI. 11. 2; Just. XLI. 6. 1).

Из этого следует сделать несколько выводов.

Во-первых, в середине II в. до н. э. существовали однозначно напряженные и недружественные отношения между Греко-Бактрией и Парфией. Эти противоречия начинаются с самого начала истории данных государственных образований.

Во-вторых, правители Греко-Бактрии стали терять свои позиции на западе из-за внутренних неурядиц внутри своей державы и из-за активной внешней политики по отношению к Индии, что требовало значительного напряжения сил.

В-третьих, упомянутые бактрийцы у Юстина (Помпея Трога) выглядят не как подданные Деметрия II, а как союзники.

Возникает логичный вопрос: почему о столь значимом альянсе Деметрия II и Греко-Бактрии такое краткое упоминание? Возможно, что события на бактрийско-парфянском фронте не имели решающего значения ни для одной из сторон и их столкновение закончилось безрезультатно, то есть восстановилось довоенное положение. Может быть, эти столкновения не оказали значительного влияния на войну между Деметрием и Парфией. Другой причиной столь краткого сообщения могла быть удаленность Греко-Бактрии от Ближнего Востока, где располагалась

основная часть земель, принадлежащих Селевкидам, то есть информация из Бактрии доходила крайне скудная. В конце концов, и сам автор данного упоминания мог не придать этим сведениям особого значения и упомянул об этом в крайней степени кратко.

Однако встает вопрос: почему упомянут не какой-нибудь греко-бактрийский правитель, а использовано слово «бактрийцы»? С одной стороны, здесь мы можем столкнуться с общим названием обитателей страны независимо от их этнического происхождения. С другой стороны, если боевые действия проходили между парфянами и войсками греко-бактрийских правителей, то, скорее всего, они велись преимущественно конными контингентами с обеих сторон. Мы же знаем, что бактрийцы составляли значительную часть конных отрядов в Греко-Бактрии. Так, сражение на р. Арий во время Восточного похода Антиоха III состояло по сути из военного столкновения на границе Греко-Бактрии отряда из десяти тысяч бактрийских всадников и всей армии этого селевкидского царя. Причем этот корпус, состоявший из бактрийцев, использовал тактические приемы кочевников евразийских степей, в частности скифов. Например, они атаковали армию противника тремя отрядами, накатывая на порядки Антиоха III подобно волнам. Учитывая то, что парфяне были по происхождению скифами, можно предположить, что греко-бактрийские цари использовали против них войска, способные исполнять аналогичные кочевникам тактические приемы ведения боя. Таким образом, упомянутые бактрийцы могли быть непосредственными участниками боевых действий. Однако следует помнить, что они были подданными греко-бактрийского царя.

Безусловно, представляет значительный интерес личность этого неупомянутого царя Греко-Бактрии. При Евкратиде I Греко-Бактрия, как было упомянуто выше, неудачно воюет с парфянами. Описанные события эпохи Деметрия II могли быть продолжением этого противостояния. Однако дожил ли Евкратид I до второй половины 140-х годов до н. э.? Скорее всего, он был к тому моменту свергнут и данные события относятся к правлению его преемников.

Известно, что сверг Евкратид I его сын и соправитель. По-видимому, имя этого отцеубийцы было Платон, чье правление было недолгим. Правил Платон, судя по немногочисленным монетным эмиссиям, недолго и весьма небольшой территорией. Сверг же Платона, скорее всего, его брат Гелиокл, поддержанный своей матерью, греко-бактрийской царицей, вдовой Евкратиды I Лаодикой. Гелиокл восстановил прежний порядок.

Существует интереснейшая коммеморативная эмиссия монет с портретом Евкратиды Великой на одной стороне и Гелиокла с Лаодикой на другой³, причем данный чекан был осуществлен не Евкратидом, как полагал У.В. Тарн⁴, а Гелиоклом и Лаодикой. Ошибочное мнение У.В. Тарна перекочевало даже в последнее издание на русском языке, посвященной нумизматической коллекции Эрмитажа и касающееся данной монетной эмиссии⁵. Говорят об этом имена данных представителей династии. Имя Евкратиды стоит в именительном падеже, а имена Гелиокла и Лаодики в родительном, что свидетельствует о том, кто выпускал эти денежные знаки. Вероятнее всего, данная трактовка этих монетных выпусков со

³ Vorearachi 1991, 209–210, pl. 19–20, ser. 13–16; Смирнова 2005, 151, табл. XIV, 110.

⁴ Tarn 1951, 196.

⁵ Смирнова 2005, 151.

стороны У.В. Тарна произошла из-за банальной невнимательности. Следовало обратить внимание на склонения существительных и прилагательных, в которых стоят греческие слова из легенд на этих тетрадрахмах. Даже выдающийся современный ученый Ф. Холт в одной из последних своих работ следует за У.В. Тарном и называет Гелиокла и Лаодику родителями Евкратида⁶.

Тетрадрахма Гелиокла и Лаодики, отчеканенная в честь Евкратида Великого

Именно новый царь Гелиокл Справедливый правил значительное время. Судя по широко распространенным монетным эмиссиям, его правление приходится на несколько десятилетий середины — второй половины II в. до н. э. Это и было то время, когда у власти в государстве Селевкидов находился Деметрий II. Гелиокл I, сохранивший бактрийские владения своего отца, скорее всего и был союзником Деметрия II.

Вероятно, Гелиокл I пытался вернуть территории Греко-Бактрии, потерянные его отцом Евкратидом I. И если ему это не удалось, то урон парфянам он, скорее всего, нанес, так как Парфии пришлось воевать на два фронта. Причем первостепенный фронт, конечно, был на западе. Борьба с Селевкидами отнимала у парфян наибольшие силы, поэтому греко-бактрийские цари могли этим воспользоваться.

В какой мере одерживали победы греко-бактрийские владыки, неизвестно, но мы можем сказать с точностью одно: по крайней мере, при сложной внутриполитической обстановке, когда держава Евкратида I распалась, Гелиоклу I удалось сохранить за собой бактрийские земли. Вероятнее всего, Гелиокл I не имел достаточное количество вооруженных сил для полномасштабного реванша по отношению к Парфии, но, скорее всего, ему удалось остановить на долгое время агрессию со стороны этого могущественного государства.

Этого времени было достаточно для того, чтобы впоследствии бактрийские эллины смогли найти себе покровителя и защитника от парфянской угрозы. Таковым государством было Большое Юэчжи, располагавшееся на северных границах Бактрии. После объединения двух этих государств были заложены основы Кушанской державы, ставшей затем мощной империей, включающей не только центральноазиатские территории, но и значительную часть Индии.

Упоминание бактрийцев, вставших на сторону Деметрия II, может служить свидетельством, возможно, одного из последних крупных противостояний между Греко-Бактрией и Парфией в правление Гелиокла I.

⁶ Holt 2012, 169, fig. 20.

После правления Гелиокла I наступает время ослабления Греко-Бактрии. Вероятно, его преемникам конца II в. до н. э. уже не удалось противостоять могущественным парфянам. Поэтому возникла предпосылка для поиска нового альянса, который и вылился в присоединение Бактрии к юэчжам на рубеже II–I вв. до н. э. Таким образом, продвижение Парфии в глубины Центральной Азии было остановлено.

Последующие события I в. до н. э. относятся к истории кушан, присоединивших Бактрию к своим владениям в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман Э.* 1985: Государство Селевкидов. М.
Смирнова Н.М. 2005: Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // НЭ. XVII, 139–180.
Voppearachchi O. 1991: Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris.
Holt F.L. 2012: Lost world of the golden king: in search of ancient Afghanistan. Berkely; Los Angeles; London.
Tarn W.W. 1951: The Greeks in Bactria and India. Cambridge.

JUSTINUS (POMPEIUS TROGUS) EVIDENCE ON BACTRIAN HELP TO THE SELEUCID KING DEMETRIUS II

A. A. Popov (St. Petersburg)

The article comments on a fragment of Justinus' (Pompeius Trogus) work describing Bactrian aid to the Seleucid King (Just. XXXVI. 1. 1–4). The author considers that Bactrian troops were allied, but not mere auxiliary. Most probably, it was the army of Greco-Bactrian King Heliocles I, the son of Eucratides the Great.

Key words: the Hellenism, the Seleucids, Justinus, Demetrius II, Greco-Bactria, Heliocles I

© 2014

Р. В. Лапырёнок

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ *AGER PUBLICUS*, ПОЛУЧИВШИХ «ИММУНИТЕТ» НА ОСНОВАНИИ АГРАРНОГО ЗАКОНА ГАЯ ГРАКХА

В статье изучаются сведения источников об аграрном законе Гая Гракха. Автор предпринимает попытку определить категории *ager publicus*, которые, согласно одной из статей этого закона, получили «иммунитет» от раздела. На основе изучения античной традиции и памятников римского права он приходит к выводу, что к числу таких категорий относились *ager quaestorius*, *ager censorius* и *ager scripturarius*. Не меньшее значение придавалось также защите интересов *possessores* (как римских граждан, так и союзников) в областях, где Гай Гракх предполагал организовать новые поселения.

Ключевые слова: аграрный закон, Гай Гракх, колонии, римская общественная земля, аграрная комиссия

По словам британского исследователя Д. Эрла, *lex agraria* Гая Гракха является «во многих аспектах наименее освещённым из всех законов Гая Гракха»¹. Данное обстоятельство является следствием неудовлетворительного по меркам поздней Республики состояния источниковой базы. Сведения письменных источников крайне противоречивы и не позволяют создать полную картину политического развития Рима в гракханское время. В этой связи особое значение приобретают исторические сведения, которые содержатся в эпитафических памятниках указанного периода. Именно они представляют наибольшую ценность, так как в них запечатлены объективные условия развития земельных отношений.

Важнейшим источником по аграрному законодательству Гая Гракха является *lex agraria* 111 г. до н. э. В его тексте содержится целый ряд ссылок на мероприятия младшего Гракха, которые, впрочем, достаточно трудно соотнести со сведениями письменной традиции. Практически в каждой строке «италийской» части этого закона мы встречаем вводную формулу, где упоминается некий закон или плебисцит Гая Гракха, в соответствии с которым какая-то или какие-то категории земли получают своего рода «иммунитет» от раздела, то есть от вовлечения в сферу влияния аграрной комиссии *a. d. a.* (CIL. 585. 1)². Законодатель определяет пространственно-временные рамки действия своего *lex agraria*: *quei ager publicus populi Romanei in terra Italia P. Muucio L. Calpurnio co(n)s(ulibus) fuit* (CIL. 585. 1; Crawford 1996 I, 113). Таким образом, земельный закон 111 г. до н. э. в той или иной мере затрагивал земли, являвшиеся частью фонда *ager publicus* в консульство П. Муция Сцеволы и Л. Кальпурния Пизона, то есть в 133 г. до н. э. После утверждения сферы распространения закона следует ссылка на вышеупомянутую

Лапырёнок Роман Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и правовых дисциплин Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: lapyrionok@mail.ru

¹ Earl 1963, 35.

² Crawford 1996/I, 113.

меру Гая Гракха: *extra eum agrum, quei ager ex lege plebeive scito, quod C. Sempronius Ti. f. tr. pl. rogavit, exceptum cavitumve est nei divideretur*³. В письменных источниках, к сожалению, мы не находим никаких сведений по этому поводу. Несмотря на это, нельзя говорить об отсутствии всякой перспективы в изучении данной проблемы. О противоположном свидетельствует большой интерес к ней со стороны историков-антиковедов, а также специалистов в области римского права, которые вот уже на протяжении двух столетий постоянно выдвигают новые гипотезы о характере земельного закона Гая Гракха.

Одна из этих реконструкций представлена в работах Й. Гёлера и Ж. Каркопино. Они считают, что наличие такого пункта в *lex agraria* 111 г. до н. э. связано с планами Гая Гракха вывести в различных регионах Италии несколько колоний⁴. Главной задачей последнего при этом являлось обеспечение новых колоний земельными ресурсами. Согласно точке зрения Й. Гёлера, Тиберий Гракх намеревался разделить также и *ager Campanus*⁵ Гай Гракх решил не привлекать этот фонд к разделу в рамках работы аграрной комиссии, но собирался использовать его при основании своих колоний, специально оговаривая неприкосновенность *ager Campanus* в отдельном законе или в одной из статей общего закона⁶. Эта гипотеза не нашла поддержки среди историков, занимающихся изучением земельного законодательства братьев Гракхов⁷. Ф. Т. Гинрихс, в частности, приводит аргумент, опровергнуть который представляется практически невозможным: ссылка на данную ограничительную меру присутствует также и в 21–23 строках *lex agraria* 111 г. до н. э., где речь идёт о колониях Гая Гракха⁸. Если бы даже целью последнего действительно являлось сохранение земельных ресурсов для своих будущих колоний, то наличие пункта о неприкосновенности *ager Campanus*, на котором он якобы и планировал их основать, в этих строках было бы просто излишним⁹. Помимо этого следует отметить, что в рассматриваемый период сенат не предпринимал попыток противопоставить реформаторам собственную аграрную программу: законопроект М. Ливия Друза был внесён в комиции уже во время второго трибуната Гая Гракха. От кого же в таком случае гракханцы должны были защищать эти земли? Если следовать логике Й. Гёлера, то, видимо, от самих себя в лице аграрной комиссии.

Ф. Т. Гинрихс предложил другой вариант решения данной проблемы. Согласно его точке зрения, в планы Гая Гракха входило улучшение отношений с италийскими союзниками Рима. Как известно, именно их недовольство действиями *Viri a(gris) i(udicandis) a(dsignandis)* привело к кризису 129 г. до н. э., в результате которого аграрная комиссия Тиберия Гракха лишилась судебной власти. Это обстоятельство заставило Гая Гракха внимательнее относиться к нуждам и требованиям италиков. Он намеревался заручиться их поддержкой в борьбе против

³ Э. Фельсберг (Фельсберг 1910, 179) полагает, что некоторые категории *ager publicus* получили своего рода «иммунитет» от раздела уже на основании *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха. Данная точка зрения, однако, не находит поддержки в источниках.

⁴ Carcopino 1967, 252–253; Göhler 1939, 150.

⁵ Göhler 1939, 150.

⁶ Göhler 1939, 150.

⁷ Hinrichs 1966, 255, прим. 5; Johannsen 1971, 197–198; Lintott 1992, 204.

⁸ Hinrichs 1966, 255, прим. 5.

⁹ Hinrichs 1966, 255, прим. 5.

сената, вследствие чего и провёл закон, в котором объявил земли, изначально являвшиеся частью *ager publicus populi Romani* и находившиеся тогда во владении союзных общин, неприкосновенными¹⁰. Немецкий историк совершенно справедливо отмечает, что источники ничего не сообщают о протестах со стороны италиков в 123–122 гг. до н. э. Данная ситуация действительно сильно контрастирует с сообщениями Плутарха и Аппиана о трибунате Тиберия Гракха и работе аграрной комиссии вплоть до знаменитой акции Сципиона Эмилиана. Кроме того, широко известен тот факт, что даже во времена М. Ливия Друза Младшего в руках союзников оставалось определённое количество римской общественной земли (App. В.С. 1. 36)¹¹. Эти обстоятельства послужили причиной того, что концепция Ф. Т. Гинрихса получила положительную оценку со стороны большей части специалистов в области аграрных отношений в Риме эпохи поздней Республики. Впрочем, и в данном случае существует целый ряд логических сложностей, на которые указывали ещё К. Йоганнсен и Э. У. Линтотт¹².

К числу слабых сторон рассматриваемой гипотезы относится, на мой взгляд, тот факт, что Ф. Т. Гинрихс принимает версию об историчности *lex agraria*, „quam et frater eius tulerat“¹³. В первую очередь, конечно, непонятно, какую реакцию у сограждан Гая Гракха должен был вызвать закон, в котором оккупированные союзниками части римской общественной земли признавались неприкосновенными. В этом случае гракханские *Illviri* должны были целиком и полностью сконцентрировать своё внимание на римских владельцах *ager publicus*. Трудно поверить в то, что подобное развитие ситуации могло вызвать одобрение со стороны римской элиты. Представители последней, как кажется, были заинтересованы в противоположном сценарии. Необходимо также отметить, что голосование по данному закону должно было проходить в *римском* народном собрании. В 122 г. до н. э. Гай Гракх потерпел поражение на выборах плебейских трибунов, а одним из главных его проектов тогда являлось предоставление римского гражданства латинам и права провокации остальным италикам. Не исключено, что именно этот пункт его программы стал основной причиной неудачи на выборах. Это обстоятельство заставляет нас усомниться в предложенном Ф. Т. Гинрихсом варианте решения вышеозначенной проблемы.

Помимо этого, К. Йоганнсен указывает на присутствие *socii nominisve Latini*, quibus ex formula togatorum milites in terra Italia inperarare solent в 21–22 строках земельного закона 111 г. до н. э.¹⁴. В данном случае некая группа союзников фигурирует в качестве *veteres possessores* (CIL. 585. 21–22)¹⁵. Судя по всему, они принимали активное участие в оккупации римской общественной земли. Норма владения *ager publicus populi Romani*, ссылку на которую мы находим во 2 строке *lex agraria* 111 г. до н. э., была, как кажется, обязательной не только для римлян,

¹⁰ Hinrichs 1966, 256.

¹¹ В следующем предложении (App. В.С. 1. 36) Аппиан объясняет, кого из италиков он имеет в виду. Речь в данном случае идёт об этрусках и умбрах.

¹² Lintott 1992, 204. К. Йоганнсен (Johannsen 1971, 199) сначала отзывается об идее Ф. Т. Гинрихса весьма положительно, называя его гипотезу „bestehend und in sich logisch“. Однако затем приводит весомые аргументы в пользу её исторической несостоятельности (Johannsen 1971, 199–200).

¹³ Hinrichs 1966, 256.

¹⁴ Johannsen 1971, 200.

¹⁵ Crawford 1996/I, 115.

но и для союзников (CIL. 585. 2)¹⁶. По крайней мере, в тексте закона исключительное положение италиков специально не оговаривается. Это означает, что и *socii nominisque Latini* должны были расставаться с «излишками» земли в пользу гракханской аграрной комиссии¹⁷.

Впрочем, все эти аргументы не позволяют найти логическое объяснение отсутствию в некоторых строках земельного закона 111 г. до н. э. ссылки на запрет привлекать для раздела среди малоимущих римлян определённые категории земли. Речь в данном случае идёт о строках 15, 16, 21, 29, 33 (CIL. 585. 15. 16. 21. 29. 33)¹⁸. По мнению Ф. Т. Гинрихса, эта ситуация обусловлена тем, что их содержание напрямую затрагивало земли союзников, вследствие чего наличие такого пункта в указанных пассажах закона являлось необязательным. В 15 строке определяется судебная процедура для римских граждан, получивших земельные участки от гракханской аграрной комиссии (CIL. 585. 15)¹⁹. Они упоминаются и в третьей строке, причём присутствие здесь вышеозначенной ссылки представляется весьма вероятным (CIL. 585. 3)²⁰. Таким образом, неполная «комплектация» вводной формулы в 15 строке вполне могла быть связана с желанием переписчика сберечь пространство для последующего текста. Кроме того, в этих пассажах говорится о римских гражданах, а не о союзниках, вследствие чего использование их Ф. Т. Гинрихсом при аргументации своей гипотезы следует признать некорректным.

Похожую картину мы наблюдаем и в 16 строке эпитафического *lex agraria* (CIL. 585. 16)²¹. Категория земельных собственников, приводимая в данном пассаже, впервые появляется в самом начале документа²². Во второй строке также достаточно места для вводной формулы в полном её виде, так что и в этом случае нельзя исключать экономии пространства со стороны переписчика. Не меньше вопросов вызывают и другие примеры, на основе которых немецкий историк пытается доказать состоятельность своей точки зрения. Это относится и к его комментарию к строкам 21–23, в которых регулируются земельные отношения при выведении колоний (CIL. 585. 21–23)²³. В качестве объекта здесь выступают земельные участки, находившиеся во владении лиц, относившихся к категориям *veteres possessores* и *pro vetere possessore*. В числе последних находятся не только римские граждане, но и италики (CIL. 585. 21–23)²⁴. Именно это обстоятельство и позволяет Ф. Т. Гинрихсу сделать вывод о том, что ограничительная мера Гая Гракха касалась прежде всего *socii nominisque Latini*. Впрочем, присутствие в этой строке собственно римских граждан некоторым образом нарушает целостность концепции немецкого антиковеда. Помимо этого, ссылка на запрет привлечения для раздела среди малоимущих римлян определённых категорий земли появляется уже в следующей строке (CIL. 585. 22)²⁵.

¹⁶ Crawford 1996/I, 113.

¹⁷ Johannsen 1971, 200.

¹⁸ Crawford 1996/I, 114–116.

¹⁹ Crawford 1996/I, 114.

²⁰ Crawford 1996/I, 113.

²¹ Crawford 1996/I, 114.

²² Речь здесь идёт о так называемых *veteres possessores*. CIL. 585. 2; Crawford 1996/I, 113.

²³ Crawford 1996/I, 115.

²⁴ Crawford 1996/I, 115.

²⁵ Crawford 1996/I, 115.

Ф. Т. Гинрихс предлагает своё объяснение данной ситуации²⁶. Он указывает на то, что земельные участки, которые получили упоминаемые в 22 строке *lex agraria* 111 г. до н. э. *veteres possessores* и *pro vetere possessore*, изначально были частью фонда *ager publicus*²⁷. Эти участки являлись компенсацией за переданные в распоряжение *Швири* при проведении теми работ по выведению колоний земли. Если в 21 строке, где речь идёт об исконных владениях союзников, запрет излишен, то в 22–23 строках, по мнению немецкого исследователя, он был вполне актуален, так как взамен италики получили земельные участки из фонда *ager publicus*²⁸. Несмотря на всю привлекательность подобного решения проблемы, с его помощью невозможно объяснить тот факт, что ссылка на вышеозначенный закон Гая Гракха отсутствует в 15 и 16 строках *lex agraria* 111 г. до н. э. Кроме того, даже если предположение Ф. Т. Гинрихса соответствует действительности, у нас нет достаточных оснований говорить о том, что Гай Гракх стремился защитить права и имущественные интересы союзников. В указанных строках упоминаются лишь те земли, которые находились в непосредственной близости от предполагаемых колоний. Положение других италийских собственников, чьи *possessiones* всё ещё могли быть привлечены для обеспечения нужд гракханской аграрной комиссии, в любом случае оставалось бы прежним. Таким образом, становится очевидно, что гипотеза Ф. Т. Гинрихса имеет довольно существенные слабые стороны. На мой взгляд, такой закон совершенно не имел политической перспективы. Если бы даже он в качестве законопроекта и сумел преодолеть стадию обсуждения в сенате, то в комициях неизбежно был бы обречён на неудачу.

А. Бурдесе предложил другой вариант реконструкции упоминаемого в *lex agraria* 111 г. до н. э. закона Гая Гракха. Он считает, что действие последнего распространялось на несколько категорий римской общественной земли, а именно: *ager senatorius*, *ager quaestorius* и *ager compascuus*²⁹. Состояние источниковой базы по истории их формирования нельзя назвать удовлетворительным. *Ager Campanus* является единственным известным науке земельным фондом, который относился к категории *ager senatorius*³⁰. Ещё меньше нам известно об *ager quaestorius* и *ager compascuus*. За пользование землёй из фонда *ager Campanus* взималась рента, о чём неоднократно говорит Цицерон. Вполне возможно, что это предусматривалось и в отношении двух других категорий, на которые ссылается А. Бурдесе, хотя в античных источниках и отсутствуют прямые указания на наличие таких сборов. Некоторые исследователи сомневаются в том, что государство вообще могло на регулярной основе взимать земельную ренту³¹. По крайней мере, нам неизвестно о существовании специального органа, призванного контролировать данные поступления³².

Правовой статус земель, которые входили в состав фонда *ager quaestorius*, стал предметом продолжительной научной дискуссии. Большинство специали-

²⁶ Hinrichs 1966, 277, прим. 62.

²⁷ Hinrichs 1966, 277, прим. 62.

²⁸ Hinrichs 1966, 277, прим. 62.

²⁹ Burdese 1952, 92–93.

³⁰ Roselaar 2010, 132.

³¹ Для *ager quaestorius*: Kaser 1942, 45; Roselaar 2010, 124; для *ager compascuus*: Burdese 1952, 126; Roselaar 2010, 142.

³² Roselaar 2010, 123–124.

стов, изучающих проблемы развития *ager publicus*, считает, что их правомочным собственником являлся *populus Romanus*³³. Итак, речь здесь шла об общественной, а не о частной собственности. *Possessores* должны были выплачивать ренту, которая обеспечивала законность их притязаний на пользование этой землёй. Однако отсутствие прямого контроля за её выплатой нередко приводило к спорным ситуациям, которые становились причиной изменения статуса земельных участков (*Hyginus* (1) 82. 28–30; *Sic. Flacc.* 120. 14–17)³⁴. В таких случаях их переводили в состав фонда *ager occupatorius*, что было сопряжено с крайне нежелательными последствиями: теперь они подпадали под юрисдикцию гракханской аграрной комиссии. Подобный сценарий развития событий мог стать поводом для возникновения конфликтов между *IIIvir* a. i. a. и пользователями земли из фонда *ager quaestorius*, в которых не была заинтересована ни одна из двух представленных сторон.

Другие категории *ager publicus* также были знакомы с данной проблемой, хотя, видимо, и в меньшей степени, чем *ager quaestorius*. Это относится, например, к *ager censorius*. Как известно, *ager Campanus* находился под бдительным контролем сената, а рента, которая была определена за пользование его ресурсами, регулярно пополняла римскую казну³⁵. Впрочем, это обстоятельство несколько не отражалось на постоянных спорах о статусе тех или иных участков земли, расположенных на его территории, причём подобная картина наблюдалась на протяжении всей первой половины II в. до н. э.³⁶. Таким образом, *IIIvir* a. i. a. могли столкнуться с трудностями не только при размежевании государственной и частной земель, но и при определении статуса отдельных участков внутри самого фонда *ager publicus*. Эти трудности тормозили работу аграрной комиссии, вынуждая триумвиров тратить время на разбирательства с пользователями спорных земель. Конечно, речь здесь не идёт о желании Тиберия Гракха и его соратников привлечь к разделу среди малоимущих граждан также и земли, которые относились к категориям *ager quaestorius* и *ager censorius*. В античных источниках отсутствует информация о наличии у него такого желания. Однако действия его младшего брата могли быть обусловлены проблемами, которые возникли уже в ходе работы аграрной комиссии и которых необходимо было избежать при воплощении в жизнь нового проекта.

Присутствие в *lex agraria* Гая Гракха статьи, обеспечивающей «иммунитет» другого обозначенного А. Бурдесе земельного фонда, *ager compascuus*, я считаю маловероятным. Качество земель этой категории позволяло использовать их только для выпаса скота. Данное обстоятельство должно было непременно сказаться на интересе к *ager compascuus* со стороны *IIIvir* a. i. a., а точнее, на его отсутствии³⁷. Его привлечение не сулило аграрной комиссии никакой практической пользы в силу непригодности этих земель для земледелия. Кроме того, они находились в пользовании не отдельных частных лиц, а целых общин. Местные власти

³³ Bozza 1938, 68–69; Burdese 1952, 45–46; Campbell 2000, 474; Gargola 1995, 118–119; Kaser 1942, 44; Roselaar 2010, 123.

³⁴ См. комментарий: Campbell 2000, 473–474.

³⁵ Roselaar 2010, 131.

³⁶ Bozza 1938, 25–28; D'Isanto 1993, 18; Frederiksen 1984, 250; Gargola 1995, 121–123; Johannsen 1971, 190–196; Roselaar 2010, 130–132.

³⁷ К проблеме общественных пастбищ в *lex Sempronia agraria* см. Tipps 1989, 334–342.

распределяли их среди своих сограждан, так что в случае возникновения спорной ситуации триумвирам пришлось бы иметь дело с проявлением недовольства в массовом масштабе.

М. Г. Кроуфорд считает, что вышеозначенная мера Гая Гракха могла затронуть также и другие категории *ager publicus*³⁸. В их числе он называет *ager in trientabulis*, “mountain pasture”, “perhaps land ceded to Latins and Italians, etc., etc.”³⁹. Вопрос о возможном «иммунитете» римской общественной земли, находившейся в пользовании италийских общин, рассматривался в начале этого параграфа. Я не принимаю гипотезу Ф. Т. Гинрикса по той причине, что он видит в качестве объекта ограничительной статьи закона Гая Гракха только «италийские» земли. Такое решение данной проблемы, как я уже отмечал, по многим причинам представляется неприемлемым⁴⁰. На мой взгляд, главная слабость этой гипотезы состоит в том, что свой тезис о стремлении гракханцев защитить имущественные интересы союзников Ф. Т. Гинрикс комбинирует с мнением, согласно которому земельный закон Гая Гракха был идентичен *lex Sempronia agraria* его старшего брата. Однако в сочетании с другими категориями подобный вариант не кажется невозможным.

Земельный фонд *ager in trientabulis* сформировался во время II Пунической войны, когда Рим нуждался в денежных средствах для финансирования боевых действий против армии Ганнибала. Необходимые средства были предоставлены частными лицами, а образовавшийся в результате этого долг было решено выплачивать тремя частями. Когда пришёл черёд второго платежа, в казне не оказалось достаточной суммы. Тогда кредиторы получили в пользование участки *ager publicus* в соответствии с размером суммы, которую они ранее предоставили в распоряжение государства. *Possessores* могли вернуть свои деньги при условии возвращения этих участков. Впрочем, в античных источниках не сохранилось информации о существовании такого прецедента.

Пользование ресурсами фонда *ager in trientabulis* было сопряжено с внесением в римскую казну особого сбора⁴¹. Последнее обстоятельство являлось причиной заинтересованности государства в стабильности таких *possessiones*. Вполне возможно, что ещё во время Ганнибаловой войны эти земли были занесены в специальный кадастр (*forma agrogum*), в котором содержалась точная информация относительно их расположения. При условии регулярной выплаты ренты пользование ими не было ограничено какими-либо временными рамками. Его правовой статус оставался неизменным на протяжении всего II в. до н. э., о чём свидетельствует содержание 31–32 строк *lex agraria* 111 г. до н. э. (CIL. 585. 31–32)⁴². С большой долей уверенности можно говорить о том, что земли из фонда *ager in trientabulis* даже теоретически не могли пострадать от деятельности аграрной комиссии. Во-первых, они находились вдали от «очагов» гракханской активности. Во-вторых, в случае давления со стороны *IIIviri* их пользователи могли потребовать от государства возвращения денег. Подобное развитие событий предполагало возникно-

³⁸ Crawford 1996/I, 157.

³⁹ Crawford 1996/I, 157.

⁴⁰ Этого мнения придерживается и М. Г. Кроуфорд: Crawford 1996/I, 157.

⁴¹ См. к проблеме: Cardinali 1965, 122; Roselaar 2010, 127–128. *Ager in trientabulis* в *lex agraria* 111 г. до н. э.: CIL. 585. 31–32; Crawford 1996/I, 116–117.

⁴² Crawford 1996, 116–117.

вание конфликтной ситуации с ещё одной влиятельной группой *possessores*. Гракханцы могли получить доступ к вышеозначенному фонду лишь при содействии сената, который должен был по доброй воле выделить денежные средства для погашения долга. Трудно поверить в то, что оппозиция всерьёз могла рассчитывать на оказание содействия со стороны своих политических противников.

На мой взгляд, эти соображения не позволяют отнести *ager in trientabulis* к числу земельных фондов, которым в соответствии с *lex agraria* Гая Гракха был предоставлен «иммунитет». Конечно, теоретически его могла получить любая из названных М. Г. Кроуфордом категорий *ager publicus*. С другой стороны, во время обсуждения законопроекта Гая Гракха в сенате⁴³ речь шла прежде всего о практической стороне дела. Плебейский трибун должен был обозначить сферу распространения своего закона, то есть определить категории римской общественной земли, которые подлежали разделу в рамках его программы. В ходе обсуждения стал актуальным и вопрос о судьбе других земель из фонда *ager publicus*, так или иначе затронутых аграрной реформой Тиберия Гракха. Не меньшее значение придавалось также защите интересов владельцев общественной земли в областях, где Гай Гракх предполагал организовать новые поселения. Последнее обстоятельство сыграло, на мой взгляд, решающую роль в появлении в *lex agraria* Гая Гракха пункта о неприкосновенности определённых категорий *ager publicus*.

Методы работы аграрной комиссии *III viri a. i. a.* вызвали своё время большее недовольство со стороны как римских, так и италийских собственников. Это обстоятельство стало причиной появления в *lex agraria* Гая Гракха специального пункта, в котором декларировалась неприкосновенность отдельных категорий *ager publicus*. К их числу относились земли из фонда *ager publicus*, так или иначе затронутые аграрной реформой Тиберия Гракха (предположительно *ager quaestorius*, *ager censorius* и *ager scripturarius*). Не меньшее значение придавалось также защите интересов владельцев/собственников в тех областях, где Гай Гракх предполагал организовать новые поселения (речь в данном случае могла идти и о землях союзников).

ЛИТЕРАТУРА

- Фельсберг Э.* 1910: Братья Гракхи. Юрьев.
Bozza F. 1938: La possessio dell'ager publicus. Napoli.
Burdese A. 1952: Studi sull'ager publicus. Torino.
Campbell B. 2000: The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary. London.
Carcopino J. 1967: Autour des Gracques. Paris.
Cardinali G. 1965: Studi graccani. Roma.
Crawford M.H. 1996: Roman Statutes. Vol. I–II. London.
D'Isanto G. 1993: Capua Romana. Ricerche di prosopografia e storia sociale Roma.
Earl D.C. 1963: Tiberius Gracchus. A Study in Politics. Bruxelles.
Frederiksen M. 1984: Campania. Rome.
Gargola D. 1995: Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill; London.

⁴³ По моему мнению, присутствие в земельном законе Гая Гракха пункта о неприкосновенности отдельных категорий земли косвенно свидетельствует в пользу его наличия.

- Göhler J. 1939: Rom und Italien. Die römische Bundesgenossenpolitik von den Anfängen bis zum Bundesgenossenkrieg. Breslau.
- Hinrichs F.T. 1966: Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // ZRG. 83, 252–307.
- Johannsen K. 1971: Die Lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München.
- Kaser M. 1942: Die Typen der römischen Bodenrechte in der späteren Republik // ZRG. 62, 1–81.
- Lintott A.W. 1992: Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge.
- Roselaar S.T. 2010: Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus, 396–89 BC. Oxford.
- Tipps G. K. 1989: The Generosity of Public Grazing Rights under the “Lex Sempronia Agraria” of 133 B.C. // CJ.84. 4, 334–342.

SOME NOTES ON THE AGER PUBLICUS LEGAL CATEGORIES THAT WERE GRANTED IMMUNITY BY VIRTUE OF GAIUS GRACCHUS AGRARIAN LAW

R. V. Lapyryonok

The paper considers ancient evidence for the agrarian law of Gaius Gracchus. The author tries to define the categories of public land, which were excepted from distribution among Roman citizens during the agrarian reform of 123–122 BC. His conclusion, based on re-examination of our literary and epigraphic sources, is that such legal categories as ager quaestorius, ager censorius and ager scripturarius were excepted from allotment. The property interests of possessors (both Roman citizens and Italian allies) also enjoyed protection granted by this law in the regions where Gaius Gracchus was going to establish his new colonies,

Key words: Roman history, agrarian law, Gaius Gracchus, colonies, public land, agrarian commission

© 2014

Н. С. Широкова

ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ В РИМСКОЙ БРИТАНИИ

В римской Британии официальным центром провинциального императорского культа являлся храм, посвященный божественному императору Клавдию, построенный после смерти императора в римской колонии Колчестера. Храм Клавдия был местом встречи провинциального совета (*consilium provinciae*), главной обязанностью которого было следить за правильностью исполнения ритуалов императорского культа. Разумеется, должны были существовать другие храмы и алтари императорского культа (так называемого муниципального культа) в привилегированных городах провинции (римских колониях и муниципиях) и в наиболее богатых племенных столицах. Муниципальная версия императорского культа обслуживалась членами

Широкова Надежда Сергеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: N.S.Shirokova@yandex.ru

корпораций, известных как севиры августалы, число членов которых в значительной степени пополнялось за счет богатых вольноотступленников. Большая часть посвящений императорского культа была сделана военными: солдатами и офицерами, воинскими подразделениями римской армии, дислоцировавшейся в Британии. Иногда в посвящениях культ божественности (*numen*) императора соединяется с поклонением местным кельтским божествам, так как культура римской Британии представляла собой синтез римских и кельтских наиболее существенных элементов.

Ключевые слова: императорский культ, римская Британия, провинциальный совет, божественность императора

Одним из самых значительных явлений в идеологической жизни императорского Рима являлся культ императора, представлявший собой официальную политическую религию римской Империи и получивший широкое распространение как в восточных, так и в западных провинциях. Обильный эпиграфический материал, а также археологические памятники свидетельствуют о существовании и достаточно широком распространении императорского культа, в том числе и в римской Британии.

Как известно, будучи сами политеистами, римляне терпимо относились к местным культам и божествам, которых они встречали у завоеванных ими народов, оставляя их в неприкосновенности или даже посредством *interpretatio romana* вводя их в свой пантеон. Таким образом, религия Римской Империи включала множество различных божеств: римских, местных и таких, в которых соединялись римские и местные черты. «Было, однако, — писал К. Жюллиан, занимавшийся историей римской Галлии и говоривший о множественности божеств, составлявших гало-римский пантеон, — одно божество, которое действительно можно назвать великим социальным и политическим божеством Римской Империи. Его существование идентифицировалось с самим существованием этой Империи, она его санкционировала. Его культ был так же необходим для всех, как повиновение законам. Это было божество императора»¹. Как средоточие верноподданнических чувств и лояльности по отношению к Империи даже культ капитолийской триады (Юпитера Лучшего Величайшего, Юноны и Минервы — главных божеств римского пантеона) постепенно уступил место новой государственной религии — культу императора.

В отечественной историографии имеется посвященная культу императора в римской Британии весьма основательная статья М. С. Садовской, прекрасно фундированная, написанная на основании использования обильного этнографического материала и некоторого числа археологических памятников². М. С. Садовская упрекала английских исследователей в том, что они недооценивают и не учитывают весь фактический материал, содержащийся в источниках по императорскому культу в римской Британии, а также в том, что они стремятся преуменьшить уровень романизации провинции в области идеологии, преувеличивая значение кельтского элемента³.

¹ Jullian 1920/VI, 6.

² Садовская 1985, 69–95.

³ Садовская 1985, 73–74.

Следует сказать, что эти суждения исследовательницы не совсем справедливы. Упрек в недооценке материала источников М. С. Садовская адресовала Д. Фишвику, назвав его «автором небольших этюдов, посвященных императорскому культу в римской Британии»⁴. Между тем его содержательные, отличающиеся научной акрибией статьи, рассматривающие все аспекты императорского культа в римской Британии, составляют фундамент разделов, посвященных культу императора, в английских работах по истории религии римской Британии⁵.

В статье, озаглавленной по ключевой фразе Тацита из его сообщения о храме Клавдия в Камулодуне (Колчестер) «*Templum divo Claudio constitutum*» (Ann. XIV. 31), Д. Фишвик тщательно проанализировал все источники и все материалы, имеющие отношение к учреждению императорского культа в римской Британии, разрешив непростой вопрос о времени возведения храма Клавдия в Колчестере, о времени и особенностях учреждения императорского культа в Британии⁶.

Во второй статье Д. Фишвика проанализировано большое число надписей, дающих представление о широком распространении императорского культа в римской Британии. Вотивные надписи, посвященные божественной силе (*numen*) императора, абстрактным качествам императора, прославляющим его как великого полководца и великого государственного деятеля (Мужеству Августа, Фортуне Августа, Победе Августа, Дисциплине Августа), часто соединенные с посвящениями богам римского пантеона (Зевсу, Марсу, Меркурию и др.) или даже местным кельтским божествам (Оцелу, Антеноцитику, Ванауну и др.), распределены Д. Фишвиком по разделам, позволяющим очертить круг десикантов. Эти разделы озаглавлены: «Провинциальный культ», когда посвящения делались от лица провинции в целом; «Муниципальный культ», представленный посвящениями общин и муниципиев; «Частный культ» (в этом разделе собраны вотивные надписи частных лиц как римских граждан, живших в Британии, так и местных жителей) и, наконец, самый многочисленный по количеству надписей раздел — «Военный культ», поскольку большинство обнаруженных в Британии вотивных надписей, связанных с императорским культом, были сделаны солдатами, офицерами и воинскими подразделениями римской армии, стоявшей в Британии⁷.

Что же касается того, что английские исследователи стремятся преуменьшить уровень романизации идеологической жизни провинции, преувеличивая значение кельтского элемента, то для опровержения этого обвинения (в данном случае мы имеем в виду только область религии) приведем следующий крайний случай. Блестящий английский историк Р. Г. Коллингвуд был настроен антиримски и старался во что бы то ни стало защитить кельтское прошлое римской Британии. Так, рассматривая результаты романизации британского искусства, он проанализировал оба элемента, из которых складывался романо-британский художественный стиль: местное британское искусство доримского периода и собственно римское искусство императорской эпохи. В результате он пришел к следующим выводам: «До римского завоевания британцы были народом одаренных и блестящих художников. Завоевание, насильственно втиснув их в матрицу римской жизни с ее

⁴ Садовская 1985, 73.

⁵ Henig 2005, 225.

⁶ Fishwick 1972/3, 164–181.

⁷ Fishwick 1961, 159–173, 213–229.

вульгарной эффективностью и отсутствием вкуса, уничтожило этот дар и свело их искусство к уровню простого ремесла»⁸.

Судя по этой крайне субъективной и несправедливой характеристике как римского искусства эпохи Империи, так и романо-британского стиля, давшего немало прекрасных образцов яркого, самобытного искусства, впитавшего лучшие римские и кельтские черты, Коллингвуда трудно заподозрить в том, что ему присуща «романоцентристская концепция»⁹. Тем не менее, даже он, говоря о религии римской Британии, вынужден был признать, что в римской Британии с обеих сторон (римской и британской) господствовал «гибкий политеизм, толерантный и гостеприимный, который позволял взаимные заимствования и компромиссы»¹⁰.

В более позднее время английские исследователи с удовлетворением отмечали, что религия римской Британии развивалась в благоприятной атмосфере синтеза двух культур: римской и британской¹¹. В фундаментальной монографии Ш. Фрера имеется специальная глава, посвященная различным аспектам романизации римской Британии. Эту главу Ш. Фрер начинает с утверждения, что «романо-британская культура родилась от мощного воздействия цивилизации Рима на кельтский народ Британии. Результатом, однако, явилось не замещение одной культуры другой, а то, что в широком смысле может быть охарактеризовано как их синтез»¹².

Для иллюстрации этого тезиса Ш. Фрер приводит имеющий непосредственное отношение к императорскому культу материал, происходящий из маленького городка Бруга на реке Хамбер (древняя Петуария), который мог быть столицей общины паризиев. В середине II в. н.э. римская военная оккупация этой территории была прекращена, и на месте римского форта начал вырастать гражданский город. В нем был построен театр, сценическое здание которого было подарено городу римским гражданином Марком Ульпием Януарием, эдилом городского округа (*vicus*) Петуарии. Он воздвиг стелу с надписью в честь божественного дома (*Domus Divina*) Антонина Пия и обожествленных императоров. «Трудно было бы представить себе более римскую сцену!» — восклицает Фрер¹³.

Однако в то же самое время, когда было сделано это посвящение, на кладбище рядом с городом был похоронен кельтский жрец. Погребальный обряд представлял собой ингумацию: умерший был похоронен в сопровождении местной работы деревянного ведерка, оплетенного железом, и двух скипетров. Это был кельтский погребальный ритуал. Как если бы для того, чтобы подчеркнуть неримский характер ритуала, скипетры были намеренно согнуты и сломаны и тем самым как бы лишены жизненных сил и приготовлены для путешествия в другой мир вместе с покойником. «Ничто не могло бы лучше проиллюстрировать двойственный характер романо-британской цивилизации, — заметил Фрер. — Внешне она была римской, а внутренне оставалась кельтской. Тем не менее, было бы ошибочно предполагать, что существовал конфликт между этими двумя аспектами. Резуль-

⁸ Collingwood, Myres 1937, 247.

⁹ Садовская 1985, 70.

¹⁰ Collingwood, Myres 1937, 261.

¹¹ Frere 1967, 303; Henig 2005, 26.

¹² Frere 1967, 303.

¹³ Frere 1967, 303.

татом взаимодействия двух культур явился синтез, задуманный Римом и радостно принятый местным населением Британии, как только оно осознало преимущества мира и благоденствия, которые доставляло членство в Римской Империи»¹⁴.

Исследования римского императорского культа в любых частях Римской Империи (в том числе и в римской Британии) обычно начинаются с рассмотрения непростого вопроса об истоках культа императора. Среди английских исследователей, уделявших внимание императорскому культу в римской Британии, разумный (учитывающий особенности императорской религии в восточных и западных провинциях) подход к проблеме его происхождения демонстрирует Д. Фишвик. Он предлагал рассматривать отдельно истоки императорского культа в восточных и западных провинциях Римской Империи. Если в восточных провинциях императорский культ был обязан своим происхождением издревле существовавшей в странах Древнего Востока идее обожествления земного правителя, то в латинских провинциях новая государственная религия была, по словам Д. Фишвика, «привита к традиционным институтам и приспособлена к местным религиозным верованиям»¹⁵.

Кроме того, Д. Фишвик предлагал разделить западные провинции на те, которые были уже давно цивилизованы в римском духе в период ранней Римской Империи, и на те, которые недавно вошли в состав римской державы. С его точки зрения, развитие императорского культа в старых провинциях было в значительной степени спонтанным, в то время как «на недавно замиренных территориях введение императорской религии отмечало решающую фазу официальной программы обдуманной романизации»¹⁶. Д. Фишвику вторил Дж. Либешютц, полагавший, что в западных провинциях успех императорских культов был связан с романизацией и более всего с урбанизацией¹⁷.

Урбанизация была первым пунктом «этой официальной программы обдуманной романизации». «Превратить Британию в провинцию Римской Империи, т.е. цивилизовать ее в самом буквальном смысле слова, можно было только снабдив ее городами», — писал Р.Г. Коллингвуд¹⁸. В самом деле, со второй половины I в. н.э. в Британии, на территории провинции, стали возводиться города в соответствии с нормами римского урбанизма. Их строили на месте бывших племенных столиц доримской Британии или по соседству с ними, на новых местах, географическое или стратегическое положение которых представлялось важным; они вырастали из легионных крепостей и римских военных фортов; в них размещалась политическая и финансовая администрация провинции, стояли римские военные гарнизоны¹⁹. Теперь была очередь за выполнением второго пункта программы романизации: за организацией императорского культа, представлявшего собой новую государственную религию. «Римская религия повсюду следовала за армией и администрацией», — замечал Дж. Либешютц²⁰.

¹⁴ Frere 1967, 303.

¹⁵ Fishwick 1961, 159.

¹⁶ Fishwick 1961, 159.

¹⁷ Liebeschuetz 2008, 990–991.

¹⁸ Collingwood, Myres 1937, 187.

¹⁹ Frere 1967, 239–263; Shotter 2004, 66–79.

²⁰ Liebeschuetz 2008, 991.

Самым ярким свидетельством императорского культа в Британии по праву считается храм императора Клавдия в Колчестере. Через шесть лет после победоносного британского похода Клавдия 43 г. н.э. (когда римляне завоевали всю юго-восточную часть Британии) в 49 г. тогдашний наместник провинции Осторий Скапула вывел колонию ветеранов в Камулодун (Колчестер), бывшую столицу царства катувеллаунов.

Однако хаотично построенный, наполовину варварский Камулодун не соответствовал тому, чтобы в качестве римской колонии стать столицей недавно образованной провинции. Новый город расположили на вершине холма, немного юго-восточнее туземного Камулодуна. По всей вероятности, в центре города находились официальная резиденция наместника провинции, здание сената и театр.

На краю же городского поселения археологами был обнаружен массивный (32 на 23,5 м) подиум античного храма, который позднее послужил платформой для большого норманнского замка XI в. К сожалению, от верхней части храма ничего не сохранилось. Однако по размерам подиума и по аналогии с другими провинциальными храмовыми постройками I в. н.э. полагают, что это был великолепный храм коринфского ордера, по стилю напоминающий так называемый «Квадратный дом» в Ниме. Археологи открыли также базу большого алтаря, примыкавшего к фасаду храма, два пьедестала продолговатой формы и одну статую богини победы Виктории. Видимо, статуй Виктории было две и они стояли на пьедесталах, которые фланкировали алтарь с двух сторон²¹. Археологические источники находят подтверждение в литературных свидетельствах. Так, Тацит упоминает о храме, возведенном божественному Клавдию (*templum divo Claudio constitutum*) в римской колонии, выведенной в Камулодун (*Ann. XIV. 31*).

Считается, что образцом для организации императорского культа в Британии и в других западных провинциях послужило учреждение в Галлии в 12 г. до н.э. культа богини покровительницы Рима Ромы и Августа. Дион Кассий (*Dio Cass. LIX. 32*) сообщает, что Друз, бывший в это время правителем Трех Галлий (Аквитании, Лугдунской Галлии с центром в Лугдуне и Белгики), созвал в Лугдун (Лион) представителей местной знати и убедил их установить культ Ромы и Августа. Жрецы алтаря, воздвигнутого в Лугдуне в честь Ромы и Августа, назывались *sacerdotes Romae et Augusti* (*CIL. XIII. 1036. 1042–1045, 1675, 4324*) или *sacerdotes ad aram Romae et Augusti* (*CIL. 1718*).

Лugdун стал крупнейшим центром императорской религии Трех Галлий. Страбон (*IV. 3. 3*) говорит, что святилище, которое было посвящено Августу всеми галлами, было сооружено не в самом городе, а перед ним при слиянии рек. Свидетельство Страбона подтверждается данными археологических раскопок. На южном склоне холма Круа-Русс, на полуострове, образованном слиянием Роны и Соны, помещался колоссальный алтарь Ромы и Августа. По обе стороны от алтаря находились две колонны из египетского гранита, каждая из которых была увенчана крылатой фигурой богини победы Виктории²².

Кроме алтаря, в Лугдунском святилище имелся также располагавшийся за алтарем храм, посвященный Августу. На его существование указывает целый ряд надписей (*CIL. XIV. 1691, 1706, 1712, 1714, 1716*). Однако считается, что главным

²¹ Crummy 1980, 243–252; Henig 2005, 53; Fishwick 1961, 162.

²² Широкова 1982, 170.

и первоначальным центром культа в Лугдунском святилище был алтарь, а храм был добавлен позднее, самое раннее — при Тиберии²³.

Археологические материалы, происходящие из римской Британии, дают представление о том, что культовый центр в Колчестере обнаруживает черты сходства со святилищем богини Ромы и Августа в Лугдуне. Так, в Колчестере, как и в Лугдуне, комплекс сакральных построек был вынесен за пределы города и тоже состоял из алтаря и храма. Только, в отличие от Лугдуна, где храмовое здание являлось отдельным сооружением, располагавшимся за алтарем, в Колчестере алтарь непосредственно примыкал к фасаду храма. Так же, как и в Лугдунском святилище, в Колчестере по обеим сторонам алтаря, видимо, стояли на пьедесталах две статуи богини победы Виктории (одна из которых была обнаружена археологическими раскопками).

В связи с этим и поскольку, как указывалось выше, организация культа богини Ромы и Августа на алтаре Лугдунского святилища послужила образцом для установления императорского культа в западных провинциях, в том числе и в Британии, то правомерным кажется вывод Д. Фишвика, что, несмотря на скудость источников, следует предположить, что императорский культ в Британии во всех отношениях был организован по лугдунскому образцу. Таким образом, при жизни Клавдия в святилище Колчестера на большом алтаре справляли культ Ромы и Августа, а после его смерти был построен храм, посвященный обожествленному императору²⁴.

Тацит, писавший о восстании Боудикки (60 г. н.э.), называет одной из причин восстания легшие на плечи британцев чрезвычайно большие расходы на строительство храма и на отправление в нем культа императора и говорит, что храм казался британцам «как бы оплотом вечного господства над ними — *quasi arx aeternae dominationis*» (Тас. Ann. XIV. 31)²⁵. По словам Тацита, когда началось восстание, жители Камулодуна, считая храм неприступной крепостью, не позаботились о том, чтобы возвести укрепления для защиты города. Поэтому восставшие практически беспрепятственно ворвались в город, разграбили, разрушили и сожгли его. Только воины, собравшиеся в храме, еще два дня отчаянно сопротивлялись, затем и храм был взят штурмом солдатами Боудикки и разрушен до основания (Тас. Ann. XIV. 32). Однако после подавления восстания храм был восстановлен как символ римского владычества в Британии. В дальнейшем у античных авторов не встречается никаких ссылок на него²⁶.

В связи с этим некоторые исследователи (например, Р. Г. Коллингвуд) высказывали предположение, что императорский культ был перенесен из Камулодуна в Лондиний (Лондон) как место более безопасное и не отягощенное настолько враждебностью британских племен, как римская колония в Камулодуне²⁷.

Свидетельствовать об этом перемещении провинциального императорского культа в Лондон, на первый взгляд, как будто могут три памятника. Во-первых, это несколько превышающая натуральную величину бронзовая голова императо-

²³ Jullian 1913, 437; 1913a, 159; Fishwick 1961, 168.

²⁴ Fishwick 1972, 180.

²⁵ Пер. А. С. Бобовича.

²⁶ Henig 2005, 54.

²⁷ Collingwood, Myres 1937, 169–170.

ра Адриана, найденная в Темзе, у Лондонского моста, в 1834 г. и хранящаяся в Британском музее. Неровные, зазубренные края нижней линии шеи свидетельствуют о том, что голова императора была грубо отломана от тела статуи, которой она некогда принадлежала. Памятник был тщательно исследован Дж. Тойнби, которая полагала, что фигура императора могла находиться в нише, возвышаясь над форумом, базиликой или каким-то другим зданием Лондония. Возможно, она была поставлена в память о визите Адриана в Британию в 122 г. Акт вандализма, когда статуя была разломана и ее голова выброшена в Темзу, скорее всего был совершен участниками одного из саксонских вторжений в Британию²⁸. Таким образом, статуя императора не была культовой, она не находилась в храме и не может свидетельствовать о переносе центра императорской религии из Колчестера в Лондон.

Два других памятника — это две надписи, происходящие из Лондона. Обе датируются приблизительно второй половиной I в. н.э. Первая надпись: «Боженности Цезаря Августа провинция Британия — Num (ini) Caes (aris) Aug (usti) Provincia Britannia» (RIB, 5). Вторая надпись выполнена на одной стороне небольшой шестигранной колонны из оолита, представляющей собой надгробный памятник, воздвигнутый неким Аненклетом в память о его супруге: «Богам Манам Клаудии Мартины, прожившей 19 лет, Аненклет раб провинции (provincialis), благочестившей супруге. Здесь похоронена» (CIL. VII. 28).

Две эти надписи дают представление о важнейшем аспекте британского императорского культа. Дело в том, что лугдунское святилище в Галлии, по образцу которого было организовано британское святилище в Колчестере, функционировало благодаря деятельности собрания галльских провинций, на которое съезжались представители всех общин Трех Галлий, чтобы справлять культовые торжества в честь Ромы и Августа (Dio. LIV. 32; Suet. Claud. 2). Делегаты на этот ежегодный лугдунский съезд избирались сенатами общин. Один из делегатов собрания исполнял высшую функцию «жреца при алтаре (позднее храме) Ромы и Августа — sacerdos ad aram (позднее templum) Romae et Augusti» (CIL. XIII. 1699, 1702 и др.). Обязанностью жреца Ромы и Августа было руководить религиозными церемониями, председательствовать на заседаниях собрания. Собрание Трех Галлий имело рабов (Galliarum servus - CIL. XIII. 1725, 1735; XIV. 328), которых оно могло использовать для службы в своих канцеляриях и которых могло освободить.

Хотя основной задачей собрания Трех Галлий было проведение церемонией императорского культа, но практически было невозможно, чтобы деятельность собрания ограничивалась только рамками этой задачи. Составленное из делегатов от всех общин Трех Галлий, собрание естественно интересовалось общими государственными проблемами, касавшимися управления всей провинцией, пыталось повлиять на их решение. Никакого прямого участия в управлении провинцией собрание Трех Галлий, как и вообще провинциальные собрания, принимать не могло. Однако у него было право своеобразного контроля деятельности правителя провинции, вернее, право высказывать суждение об этой деятельности после того, как истек срок управления провинцией данным лицом²⁹.

²⁸ Тоунбее 1964, 51.

²⁹ Широкова 1982, 182.

Чаще всего собрание принимало решение одобрить деятельность наместника провинции (легата). Если же собрание не одобряло действия легата, то оно могло отправить в Рим своих делегатов с наказом возбудить судебный процесс против него. Прибывшие в Рим с обвинительным актом делегаты должны были сначала явиться к магистрату, который представлял их сенату, назначавшему им защитника по их выбору. Таким защитником становился патрон провинции (*patronus provinciae*), которого избирало провинциальное собрание из числа наиболее влиятельных римских граждан — сенаторов или всадников. Патрон провинции и выступал перед трибуналом принцепса с обвинением правителя провинции. Продолжить или прекратить судебное преследование обвиненного было уже делом центральной власти³⁰.

Что касается существования и деятельности провинциального собрания или совета провинции (*consilium provinciae*) в римской Британии, то, вследствие скудости источников, в исследовательской литературе по этому поводу высказывались противоположные мнения. М. С. Садовская, например, полагала, что никаких данных о совете провинции в римской Британии не существует.³¹ Т. Моммзен, напротив, утверждал, что в Британии «существовало представительное собрание и общий культ императора»³².

В самом деле, здравый смысл подсказывает, что если императорский культ в Британии был организован по галльскому образцу, то в Камулодуне, являвшемся центром императорского культа в Британии (как Лугдун был центром императорского культа в Галлии), должен был существовать и действовать совет провинции (провинциальное собрание), основной функцией которого было проведение религиозных церемоний и устройство праздников и игр, посвященных культу императора. К тому же все-таки имеется небольшое число источников, свидетельствующих о наличии провинциального совета в Британии.

Прежде всего это две приведенные выше надписи из Лондона. Правда, по поводу надписи («Божественности Цезаря Августа провинция Британия» — RIB. 5) М. С. Садовская утверждала, что эта надпись не является доказательством наличия совета провинции в Британии³³. Однако, как справедливо заметили Ш. Фрер и М. Хениг, от лица провинции как единого целого мог выступать только провинциальный совет, и данная надпись как раз свидетельствует о том, что совет провинции существовал и действовал в Британии, как и в других провинциях Римской Империи³⁴.

Что касается второй надписи, в которой речь идет о надгробном памятнике, воздвигнутом Аненклетом, рабом провинции (*provincialis*), в память о своей супруге (CIL. VII. 28), то большинство английских исследователей считает, что слово *provincialis* в этой надписи равнозначно выражению *servus provinciae* (раб в провинции)³⁵. Однако если в Британии были *servi provinciae* (рабы провинции), которые, как известно, использовались на службе провинциального совета, сле-

³⁰ Guiraud 1887, 172.

³¹ Садовская 1985, 73.

³² Моммзен 1949/V, 170.

³³ Садовская 1985, 73.

³⁴ Frere 1967, 208; Henig 2005, 54.

³⁵ Collingwood, Myres 1937, 170; Frere 1967, 209; Wachter 1980, 159; Henig 2005, 54; Fishwick 1961, 165–166.

довательно, в римской Британии существовал и сам совет провинции (*concilium provinciae*). В пользу существования провинциального совета в Британии свидетельствует также терминология: Тацит в «Анналах» жрецов британского провинциального культа называет *sacerdotes* (Ann. XIV. 31) и, как мы видели, верховный жрец Рому и Августа в Лугдуне, возглавлявший галльское провинциальное собрание, тоже назывался *sacerdos*.

Нам известны имена двух патронов провинции Британии (*patroni provinciae Britanniae*), которые являются доказательством того, что провинциальный совет продолжал функционировать вплоть до III в. н.э. Первый — это Марк Веттий Валент, который, кроме того что он выступал в качестве патрона Британии, был еще назначен в Британию императорским легатом, предположительно около 150 г. н.э. (CIL. XI. 383)³⁶. Предполагают, что он был внуком Марка Веттия Валента, награжденного Клавдием за участие в британском походе 43 г.³⁷ Второй известный по надписям патрон Британии — это Гай Юлий Аспр (CIL. XIV. 2508), который был консулом в 212 г. н.э.³⁸

Р.Г. Коллингвуд, твердо придерживавшийся точки зрения, что провинциальный совет в римской Британии существовал и действовал, в то же время считал (как мы видели), что после 60 г. провинциальный культ и его администрация были переведены из Колчестера в Лондон, а доказательство этого факта можно видеть как раз в упоминавшихся выше двух надписях, происходящих из Лондона³⁹. Однако большинство исследователей полагает, что Р.Г. Колчестер продолжал оставаться официальным центром императорского культа римской Британии, поскольку после окончания восстания Боудикки храм в Колчестере, разрушенный восставшими, был восстановлен и реконструирован и реконструированный храм был больше по размерам, чем обычные храмы императорского культа в колониях⁴⁰. А в том, что две надписи, имеющие отношение к провинциальному совету, были найдены в Лондоне, виноват случай, поскольку, как известно, именно случай часто определяет результаты археологических раскопок. По поводу надписи на надгробном памятнике, воздвигнутом Аненклетом его супруге, М. Хениг замечает, что она означает только то, что Аненклет был рабом, обслуживавшим провинциальный культ, и он вполне мог работать в Колчестере, во всяком случае, «его присутствие в Лондоне не означает, что алтарь и храм Колчестера перестали функционировать»⁴¹.

Другое дело, что императорский культ не мог быть сосредоточен в одном только официальном центре Колчестера. Колонии, муниципии и наиболее богатые племенные столицы должны были иметь алтари и храмы императорского культа, культовые статуи императоров. В Британии был обнаружен ряд фрагментов портретных статуй императоров. Если бы удалось доказать, что это были культовые статуи, то тогда можно было бы считать, что в тех городах, в которых

³⁶ Frere 1967, 209.

³⁷ Fishwick 1961, 167.

³⁸ Fishwick 1961, 167.

³⁹ Collingwood, Myres 1937, 170.

⁴⁰ Frere 1967, 324; Henig 2005, 54; Садовская 1985, 73.

⁴¹ Henig 2005, 54.

(или поблизости от которых) они были найдены, существовала та разновидность императорского культа, которую Д. Фишвик назвал муниципальным культом⁴².

На первом месте из такого рода памятников стоит хорошо сохранившаяся, прекрасной работы бронзовая голова, являющаяся идеализированным портретом императора Клавдия, найденная в реке Элде в Рендхеме (Суффолк). Дж. Тойнби, тщательно исследовавшая этот памятник, отметила, что нижняя линия шеи имеет неровные, зазубренные и разорванные края, что указывает на то, что голова была грубо отломана от тела статуи и унесена как добыча (судя по месту находки) из Колчестера. Вандалы же, разломавшие статую, были, по-видимому, сторонниками Боудикки. Поскольку памятник по своим размерам не превышает натуральную величину, то это заставляет сделать вывод, что голова не могла принадлежать культовой статуе обожествленного императора, стоявшей в храме Клавдия. Может быть, портретная статуя императора украшала какое-то другое общественное здание или открытую площадь в городе⁴³.

В базилике Силчестера был найден фрагмент, в два раза превышавший натуральную величину бронзовой статуи императора, одетой в парадный доспех «доадриановского стиля». Ш. Фрер полагал, что статуя скорее всего представляла собой портрет императора, при котором был основан город — Тита или Траяна, — поскольку статуи Домициана были уничтожены после его смерти. Так как статуя происходила из городской базилики, то, по-видимому, это был памятник общественного, а не религиозного значения.⁴⁴ Точно так же (как мы видели выше) общественным памятником была статуя императора Адриана, которой принадлежала происходящая из Лондона портретная голова Адриана.

С другой стороны, из Босхема (Суссекс) происходит колоссальная мраморная голова, предположительно являющаяся портретом Траяна. Полагают, что она принадлежала культовой статуе; культовые статуи обычно были монументальными памятниками, превышавшими более чем в два раза нормальные человеческие размеры. Таким образом, возможно, в Босхеме находился культовый центр императорской религии⁴⁵. Кроме того, в разных местах Кембриджшира Фенс найдены три маленькие бронзовые головы и еще одна — в Дастоне (Кортхемптоншир), которые, по мнению исследователей, являются портретами некоторых императоров II в. (например, бронзовая голова из Виллингхем Фен, изображающая Антонина Пия, высотой 9,7 см)⁴⁶. Эти бронзовые головки были предназначены для того, чтобы прикреплять их к церемониальным скипетрам или жезлам, использовавшимся в культовых церемониях, которые проводили в храмах. Это дает возможность предполагать, что в храмах, которым они принадлежали, справлялись обряды императорского культа.

Наиболее ярким проявлением муниципальной разновидности императорского культа являлась деятельность жреческой коллегии, обязанностью которой было содержание городского императорского культа и шесть членов которой назывались севиры (*seviri*), августалы (*augustales*) или севиры августалы (*seviri august-*

⁴² Fishwick 1961, 170.

⁴³ Toynbee 1964, 47–48.

⁴⁴ Frere 1967, 317, 325.

⁴⁵ Frere 1967, 317, 325.

⁴⁶ Henig 2005, 56, fig.25.

tales). Происходили они обычно из вольноотпущенников, которые составляли в городах по преимуществу класс богатых торговцев, так сказать, «бизнес-класс», всем обязанный имперской системе и безусловно лояльный по отношению к ней. Тримальхион и его друзья в «Сатириконе» Петрония были августиалами (Petron. Satyricon. 71).

Материал, имеющий в этом плане отношение к Британии, немногочислен. В Бордо была найдена каменная плита с надписью, датируемой 237 г. н.э., сделанной от имени Марка Аврелия Лунара, севира августала, колоний в Эбораке (Йорк) и в Линде (Линкольн), занимавшегося торговлей вином с Бурдигалой (Бордо) в Галлии. В надписи речь идет о том, что он посвятил богине Будиге, покровительнице Бурдигалы, алтарь после окончания своего путешествия из Британии в Бордо⁴⁷.

В окрестностях Йорка были найдены два каменных саркофага; в одном был похоронен сефир колонии Эборака (Йорк), а в другом его жена. Сефир Марк Верекундий Диоген имел греческий когномен, но сам он называл себя гражданином общины битуригов кубов — «cives Biturix Cubus» (RIB. 678). Как следует из надписи, саркофаг был сооружен еще при жизни Диогена, а обнаружен в 1579 г. В 1877 г. был найден саркофаг его жены, Юлии Фортунаты, которая происходила из Сардинии и, видимо, тоже была вольноотпущенницей (RIB. 687). Это была очень состоятельная семья, поскольку Диоген являлся членом коллегии севилов, которая финансировала городской императорский культ. М. Хениг отметил, что и их наследники, так как они переходили в разряд *honestiores*, имели возможность сделать гораздо более успешную карьеру, чем если бы они были детьми крестьян или простых ремесленников. «Это было только справедливо, — писал Хениг, — что люди, подобные Диогену, поддерживали систему, которая дала им так много, и что они в самом деле относились с благоговением к культу, который хранил Империю»⁴⁸.

Муниципальный императорский культ, по-видимому, особенно хорошо был представлен в таких больших городах, как Лондиний (Лондон) и в римских колониях. Например, в Эбораке, с одним из членов коллегии севилов–августалов которого мы уже знакомы, сохранился алтарь, посвященный «божественности Августа и Гению Эборака» (RIB. 657), отсюда же происходят и другие посвящения «божественности императоров» (RIB. 648: 656). По мнению М. С. Садовской, там мог находиться и храм императорского культа, поскольку Эборак был в начале III в. н. э. резиденцией Септилия Севера⁴⁹.

Провинциальный и муниципальный императорские культы были предназначены служить инструментом романизации и наиболее ярким проявлением лояльности по отношению к императорской власти. Однако, как справедливо заметил Д. Фишвик, об успехе этой политики можно судить только по степени проникновения императорской религии в различные слои провинциального общества⁵⁰. Свидетельством этого являются многочисленные посвятельные надписи, сделанные римлянами и местными жителями, происходящие из разных частей

⁴⁷ Burn 1969, 50–51.

⁴⁸ Henig 2005, 55.

⁴⁹ Садовская 1985, 89.

⁵⁰ Fishwick 1961, 168–169.

Британии. Фишвик делит эти посвящения на две категории: надписи, сделанные гражданскими лицами (раздел «Частный культ»), и надписи, сделанные военными (раздел «Военный культ»).

Среди дедикантов, относящихся к гражданскому населению, встречаются ремесленники (например, медник Целат — RIB. 274, гильдия кузнецов — RIB. 91), администраторы (например, римский прокуратор провинции Марк Кокцей Унгрин — RIB. 2066), коллегия почитателей Меркурия (CIL. VII. 1070), женщины (например, Гермiona, дочь Квинта, — RIB. 845) и др.⁵¹

Наибольшее число посвячительных надписей дает военный раздел императорского культа, поскольку на всем протяжении римской оккупации британская провинция оставалась по преимуществу военным образованием. Хотя во II в. н.э. появление солдат в Италии или в соседних с нею провинциях было необычным и почти вызывающим тревогу событием, но вдоль границ Империи легионы были расквартированы по постоянным гарнизонам, и значительные военные соединения стояли в Британии, располагавшейся на самой западной границе римского мира.

В качестве военных дедикантов выступают представители среднего командного состава римской армии: префекты, трибуны когорт, центурионы (RIB. 636, 741, 814, 824–26, 832, 842–43, 850, 1041, 1091–92); встречаются представители высшего командного состава: императорские легаты, префекты претория (RIB. 587, 976, 978, 1091, 1092, 1149); посвящения делаются и от лица воинских соединений: легионов (например, RIB. 1322, 1327, 1330, 1338, 1609–10,), когорт (например, RIB. 1705, 1710, 1738, 1882, 1905;6), ал (например, RIB. 1041, 1462, 1465) и др. Этнический состав военных дедикантов отличается пестротой: здесь и местные жители, и итальянцы, даки, испанцы, фракийцы, довольно многочисленные представители германских племен (тунгров, нервиев, батавов и др.)⁵².

Вотивные надписи классифицируются по тем или иным традиционным формулам почитания императора, которые они содержат. По общему мнению, самой распространенной формулой в посвячительных надписях императорского культа является обращение к *numen* (божественной силе или божественности) императора⁵³. Классический вариант этой формулы мы встречаем в самой, может быть, знаменитой надписи римской Британии, в которой речь идет об обращении к *numen* императора всей провинции Британии: «*Numini Caesaris Augusti Provincia Britannia* — Божественности Цезаря Августа провинция Британия» (RIB. 5). Возможны и другие написания: *numini Augusti* (например, RIB. 940), *numinibus augustorum* (например, RIB. 1056, 1227, 1425).

В надписях посвячительные формулы по большей части даны в сокращениях. Обращения к божественной силе (*numen*) императора часто представлены в сокращенном варианте: *num Aug* и *num Augg*. Встает вопрос, как расшифровывать эти сокращения, как быть с числом сокращенных существительных? Ясно, что в случае сокращения *Augg* императорский титул *Augustus* при расшифровке должен быть поставлен в родительном падеже множественного числа (*Augustorum*). Сложнее с сокращением *Aug*: при его расшифровке ставят и родительный падеж

⁵¹ Fishwick 1961, 168–173.

⁵² Садовской 1985, 87–88, прим. 42.

⁵³ Fishwick 1969, 169; Frere 1967, 325; Henig 2005, 55; Садовская 1985, 76.

множественного числа (*Augustorum*), и родительный падеж единственного числа (*Augusti*). Еще сложнее определиться с числом сокращенного варианта понятия *numen* (*num*): когда его нужно расшифровывать в единственном числе (*numini*), а когда во множественном (*numinibus*). За этим, как будто чисто грамматическим, вопросом стоит и более глубокая мысль: сколько *numina* (божественных сил) может быть у одного императора? А сколько — у нескольких?

Д. Фишвик, так же тщательно, как и все другие аспекты императорского культа в Британии, исследовав эту проблему, проанализировал большое число надписей из первого тома «Римских надписей в Британии» (*RIB*), составленного Р. Коллингвудом и Р. Райтом⁵⁴, в которых посвятельные формулы, обращенные к *numen* императора, представлены и в сокращенном, и в полном вариантах. Он пришел к выводу, что если императорский титул *Augustus* стоит в родительном падеже единственного числа, то *numen* должно быть поставлено в дательном падеже единственного числа (в результате — *numini Augusti*), если же императорский титул стоит в родительном падеже множественного числа, то *numen* должно принять форму дательного падежа множественного числа (в результате — *numinibus Augustorum*). Свой вывод Фишвик сформулировал кратко, но емко и образно: «Один император может иметь одну божественную силу (*numen*) и только одну»⁵⁵.

Культ *numen Augusti* имеет свою предысторию. Обычай совершать возлияния гению (*genius*) отца семейства (*pater familias*) являлся легитимной формой выражения почтения главе семьи еще со времен ранней Республики⁵⁶. Растущая популярность культа гения Августа достигла кульминационной точки, когда в 12 г. до н.э. был установлен государственный культ гения Августа⁵⁷, представлявший собой, по выражению Д. Фишвика, «слегка замаскированную форму прямого обожествления»⁵⁸. Божество, охраняющее императора, являвшееся воплощением его духовной мощи, затем стало по большей части известно как *numen Augusti*. В этой форме оно было включено в государственную религию, когда Тиберий освятил знаменитый Алтарь божественности Августа (*Ara numinis Augusti*) незадолго до смерти императора⁵⁹.

Д. Фишвик отметил любопытную особенность культа *Numen Augusti*: редкость посвящений одной только «божественности императора» (*numini Augusti*) без сопровождающих ее божеств. В гражданском культе он нашел только один пример — исполненное по обету посвящение из Честера III или IV в.: «*Numinib(us) Aug(ustorum)... ex voto faci [endum curavit...]* — божественным силам Августов... позаботился сделать по обету...» (*CIL. VII. 170*).⁶⁰ В провинциальном культе можно вспомнить приводившуюся выше надпись из Лондона, где посвящение «божественности Цезаря Августа» сделано провинцией Британией (*RIB. 5*). В военном культе изредка встречаются посвящения божественности императора или императоров, по выражению Д. Фишвика, «взятой самой по себе»⁶¹. Например:

⁵⁴ Collingwood, Wright 1965.

⁵⁵ Fishwick 1961, 76–77.

⁵⁶ Штаерман 1985, 120–121.

⁵⁷ Штаерман 1987, 173.

⁵⁸ Fishwick 1961, 169.

⁵⁹ Штаерман 1987, 173.

⁶⁰ Fishwick 1961, 169.

⁶¹ Fishwick 1961, 169.

«Num Augg vix leg XXVV... — божественным силам Августов вексилярии⁶² Двадцатого Валериева Победоносного легиона...» (RIB. 940); «Numinub augustor coh III Gall... — божественным силам Августов Четвертая когорта галлов...» (RIB. 1227).

Гораздо чаще в посвячительных надписях императорская божественная сила соединяется с главными божествами римского пантеона. В военном культе имеется целый ряд надписей, в которых объединены посвящения императорской божественности (*numen*) и главному богу римской государственной религии — Юпитеру Лучшему Величайшему. Обычная формула таких посвящений «I(ovi) O(ptimo) M(aximo) et num(inibus) Aug(ustorum)... — Юпитеру Лучшему Величайшему и божественным силам Августов...». Д. Фишвик⁶³ отметил, что в большинстве случаев эти посвящения были сделаны корпоративно подразделениями вспомогательных войск, такими как Первая когорта тунгров — в Хаузистидсе (CIL. VII. 638. 639. 640), Вторая когорта тунгров, Гордианская, — в Кастлстидсе (CIL. VII. 882), Первая когорта даков — в Вотерхеде.

В Мерипорте найден ряд алтарей⁶⁴, посвященных Юпитеру, на трех из которых Юпитер соединен с императорской божественной силой (*numen*) (CIL. VII. 372. 380. 381). Посвящения были сделаны офицерами стоявших там когорт, главным образом когорт испанцев и бетазийцев. Эти сохранившиеся в Мерипорте алтари напоминают о торжественной церемонии, которая совершалась в римских фортах каждый год третьего января, когда войсковые командиры от лица вверенных им подразделений торжественно приносили обеты во имя благополучия и безопасности государства. Кульминационный момент ритуала состоял в том, что воздвигали и посвящали Юпитеру новые алтари, а старые закапывали в землю на краю учебного плаца⁶⁵.

Кроме посвящений, объединявших культ верховного римского бога и императорских *numina*, сделанных воинскими подразделениями, встречается посвящение этому же культу от частного лица. Это был Марк Варий Север, бенефициарий консуляра (*beneficiarius consularis*), проходивший военную службу в римском форте, располагавшемся на территории Дорчестера (Оксфордшир). Как известно, бенефициарии были солдатами, которых командиры в виде особой льготы (бенефиция) освобождали от выполнения тяжелых работ. Они могли нести охрану полководца, но могли также выполнять какие-либо финансовые, юридические или гражданские функции⁶⁶. Что касается Марка Вария Севера, то исследователи предполагают, что его обязанностью, возможно, было следить за порядком на местном рынке и в окрестных деревнях, т.е. исполнять полицейские функции⁶⁷. Во всяком случае, он отпраздновал свое назначение тем, что посвятил огороженный алтарь Юпитеру Лучшему Величайшему и императорским божественным силам (IOM et numinib M. Vari Severus — RIB. 235).

⁶² Вексилярии - старейшие ветераны легиона.

⁶³ Fishwick 1967, 214.

⁶⁴ По подсчетам М. С. Садовской в Мерипорте было найдено 17 алтарей Юпитеру (Садовская 1985, 82).

⁶⁵ Frere 1961, 323.

⁶⁶ Le Bohec 1997, 561.

⁶⁷ Henig 2005, 57; Fishwick 1961, 215.

На базе статуи, найденной в Бирренс (Дамфрис-энд-Галловэй), видимо, изображавшей Меркурия, была сделана надпись, в которой речь шла о том, что статуя была поставлена коллегией почитателей Меркурия, начиналась же надпись с посвящения: «Num(ini) Aug(isti) Deo Merc(urio)... — божественности Августа и богу Меркурию...» (RIB. 2103). Практически то же самое посвящение повторено в надписи из Колчестера: «numinib(us) Aug(ustorum) et Mercu(rio) deo... — божественным силам Августов и богу Меркурию...» (CIL. VII. 170).

В Карворане похожая формула представлена на посвянительной надписи, которая, возможно, принадлежала храму или алтарю бога Марса и императорских numina: «Deo M [arti?] et numinibus [Aug(ustorum)...]» (CIL. VII. 87)⁶⁸. Из Эбчестера (Дарем) происходит посвящение, которое определенно объединяло культ Марса и императорской numen: «Deo Marte et n(umini) Aug(usti)... — богу Марсу и божественности Августа...» (RIB. 1100). В Фосс-Дайк (Линкошир) была обнаружена тонкой работы статуэтка Марса. Из надписи, помещенной на базе статуэтки, следовало, что она была изготовлена медником Целатом, а средства на ее изготовление (100 сестерций) были предоставлены Брукцием и Каратием, колазунами⁶⁹. Надпись содержала также посвящение богу Марсу и императорским numina: «Deo Mar(ti) et nu(mini) b(us) Aug(ustorum)...» (RIB. 274). И, наконец, в музее Хаузистидса хранится алтарь с рельефным изображением Марса, на левой стороне которого — надпись: «Deo Marti et Victoriae et numin(ibus) Aug(ustorum)... — Богу Марсу и Победе и божественным силам Августов...» (RIB. 1596).

Большой интерес представляет серия посвянительных надписей, в которых культ императорской божественной силы (numen/numina) соединяется с поклонением богу Марсу, которому посредством interpretatio romana приданы имена кельтских или германских божеств войны. Любопытна надпись, хранящаяся в Национальном музее Уэльса (Кардифф): «Deo Marti Leno sive Ocelo Vellaun(o) et num(inibus) Aug(ustorum) M(arcus) Romanus ob immunitat(em) collegni... — Богу Марсу Лену или Оцелу, Веллауну и божественным силам Августов Марк Ноний Роман по причине освобождения от повинностей коллегии...» (RIB. 309). Д. Фишвик высказал предположение, что эта надпись, посвященная богу Марсу, представленному в его различных кельтских обликах, и императорским numina увековечивает благодарность Марка Нония, который был принят в члены коллегии почитателей (вероятно, Марса) без уплаты обычного вступительного взноса⁷⁰.

Лен (Lenus) был богом племени треверов в Галлии. В Британии, в Кёрвенте (Venta Silurum), найдены две надписи, в которых просили о помощи бога Лена. Там же обнаружен пьедестал монументальной статуи бога, от которой сохранились только ступни ног и перепончатые лапы сопровождавшей его большой птицы, лебедя или гуся. Статуя могла изображать бога Лена или Оцела (Ocelus), который был племенным богом силуров. Бог Веллаун (Vellaunus) встречается в Галлии на территории племени аллоброгов⁷¹.

⁶⁸ Fishwick 1961, 169.

⁶⁹ М. С. Садовская считала, что «колазуны» — это может быть наименование какого-то неизвестного племени (Садовская 1985, 85).

⁷⁰ Fishwick 1961, 169.

⁷¹ Ross 1967, 376.

На алтаре, происходящем из Олд Пенрита, имеется надпись, посвященная императорским numina и Марсу Белатукадру: «Deo Marti Belatucadro et numinub Augg...» (RIB. 918). М.С. Садовская считала Марса Белатукадра германским богом войны⁷². Однако, по мнению Э. Росс, Белатукадр — кельтский бог войны. Его имя означает нечто вроде «Прекрасный Сияющий». Иконография бога не известна, так как посвящения ему не сопровождаются его изображениями⁷³.

Германским богом войны был Марс Тинкс (Mars Thincsus). В Хаузистидсе (древней Верковиции) были найдены два алтаря, посвященные Марсу Тинксу и двум Алаизиагам (Беде и Фиммилене). Культ этих божеств объединен с поклонением «божественности императора — numini Augusti» (RIB. 1593, 1594). Алтари были поставлены германскими солдатами из племени фризов, служившими в военном отряде — *cuneus frisozum*. Р. Берн переводит *cuneus* (буквально — клин) как «атакующий батальон», отмечая, что это была обычная манера германских солдат — выстраиваться клином во время атаки⁷⁴. Что касается имени божеств «Алаизиаги» (*Alaisiagae*), то, по мнению Берна, под ними подразумеваются Валькирии⁷⁵.

Помимо кельтских и германских разновидностей бога войны Марса, в святительных надписях римской Британии божественная императорская сила (*numen, numina*) соединяется и с другими варварскими божествами. В Бенвелле, на валу Адриана, был найден алтарь с посвятительной надписью: «Deo Antenocitico et numinib(us) Augustor(um)... — Богу Антеноцитику и божественным силам Августов...» (RIB. 1327). На втором алтаре, обнаруженном там же, имеется посвящение одному этому богу, имя которого дается в несколько ином написании: «Deo Anocitico... — Богу Аноцитику...» (RIB. 1329). По мнению Э. Росс, возможно и то, и другое написание имени бога, которое (имя) она считает загадочным и не поддающимся интерпретации⁷⁶.

Дедикантом первого посвящения (RIB. 1327) был Элий Вибий, центурион Двадцатого Валериева Победоносного легиона, а второго — Тиней Лонг, префект всадников и квестор (RIB. 1329). Поскольку на территории форта Бенвелл дислоцировалась германская Первая когорта вангионов (RIB. 1328), то М.С. Садовская предположила, что почитавшийся здесь бог Антеноцитик, или Аноцитик, был германским богом. Впрочем, она отметила, что кельтские и германские культы бывают очень схожи и, кроме того, германские солдаты, проходившие службу в Британии, часто поклонялись кельтским божествам⁷⁷.

Э. Росс считает Антеноцитика, или Аноцитика, кельтским богом. В Бенвелле (др. Кондеркум) находился его храм, в котором были поставлены алтари с посвящениями. Кроме того, там же были найдены остатки статуи, которая, по видимому, изображала бога в натуральную величину: голова достаточно хорошей сохранности и фрагменты остальной части фигуры. Бог изображен юным; чувствуется, что скульптор находился под сильным влиянием греко-римских образ-

⁷² Садовская 1985, 84.

⁷³ Ross 1967, 181.

⁷⁴ Burn 1969, 114.

⁷⁵ Burn 1969, 113.

⁷⁶ Ross A1967, 376.

⁷⁷ Садовская 1985, 84.

цов. В то же время в исполнении головы статуи ясно различим кельтский элемент: густые волосы довольно искусно уложены, локоны, лежащие надо лбом, несколько приподняты, так что под ними ощущается наличие отростков рогов молодого оленя. Антеноцитик был одной из ипостасей рогатого кельтского бога, выступавшего под разными именами и в разных обликах, очень популярного в кельтской мифологии. Храм в Бенвелле был разрушен, статуя разбита, алтари опрокинуты во время большого варварского вторжения в конце II в. н.э.⁷⁸

Д. Фишвик установил, что *numina* умерших и обожествленных императоров (*divi*) были включены в императорский культ по большей части во II в. н.э., а *numina* живых — в начале III в. н.э.⁷⁹ С почитанием *numen* развитие императорского культа вступило в новую фазу. Личный гений императора (*genius Augusti*), который напрямую относился к индивидуальному, царствующему императору, трансформировался в универсальную духовную абстракцию. Несмотря на как будто бы абстрактный характер понятия «божественность (*numen*) императора», оказалось, что это преобразование успешно и обладает определенной практической ценностью, поскольку соответствует чаяниям жителей Империи, нуждавшихся в защите сильной политической власти. Тогда процесс продолжился и стали почитать целый ряд императорских добродетелей, которые Дж. Фергюсон называет «божественными абстракциями»⁸⁰, а Е. М. Штаерман «божественными понятиями»⁸¹: Мужество императора, Фортуна императора, Победу императора, Дисциплину императора и др. Е. М. Штаерман справедливо заметила, что культ императорских добродетелей был связан с мечтой о хорошем императоре⁸².

Памятники, происходящие из римской Британии, представляют достаточное число примеров культа императорских добродетелей. На рельефах из Данточера (вал Антонина) и Честера (вал Адриана) изображена амазонка в шлеме и тунике, оставляющей обнаженной ее правую грудь, держащая знамя. Она воплощает Мужество (*Virtus*) императора. Рельефы датируются соответственно II и III вв. н.э. Оба памятника были созданы по инициативе воинских соединений, стоявших в этих местах⁸³. Однако в Мерипорте был найден алтарь, посвященный Мужеству императора (*Virtuti Augusti*), поставленный индивидуально — одной женщиной по имени Гермiona, дочь Квинта (RIB. 845).

Победа (*Victoria*) естественно была важным атрибутом императора. Так, из римского форта, находившегося в Мерипорте, происходит каменная плита, на которой помещены посвящение императорской Победе («*Victoriae Augg...*» — RIB. 844), и рельефные изображения двух крылатых Викторий, богинь победы. Очень тонкой работы скульптурная плита из Ризингема, обнаруженная еще в XVI в. и хранящаяся в музее Кембриджа, посвящена императорским *numina* Четвертой когортой галлов (RIB. 1227); надпись с обеих сторон обрамлена выполненными в рельефе фигурами: с одной стороны — фигурой бога войны Марса, а с другой стороны — фигурой богини победы Виктории. Победа, будучи одной из личных

⁷⁸ Ross 1967, 377.

⁷⁹ Fishwick 1961, 180

⁸⁰ Ferguson 1970, 91.

⁸¹ Штаерман 1957, 267.

⁸² Штаерман 1957, 182, 183.

⁸³ Henig 2005, 60.

божественных добродетелей императора, в то же время могла служить воплощением боевой доблести подразделений его армии. Так, недалеко от Рочдейла была найдена серебряная статуэтка Виктории, которая была посвящена Победе Шестого легиона («Victoriae Leg VI...» — RIB. 582) солдатом этого легиона Валерием Руфом.

М. Хениг замечает, что римская Виктория не всегда является только воплощением одной из «божественных абстракций» императорского культа. Она имеет равное право считаться богиней, римским эквивалентом греческой Ники. Если на рельефе из Ризингема Марс — бог, то Виктория — богиня, его спутница⁸⁴. В посвящении же Валерия Руфа объединены обе функции римской Виктории: серебряная статуэтка изображает богиню победы, и она посвящена Победе Шестого легиона, являющейся персонификацией божественной императорской добродетели, в данном случае перенесенной на Шестой легион ввиду его особой военной доблести. Среди почитателей императорской Победы преобладали, естественно, военные. Однако, как и в случае с *Virgus* (Мужеством императора), гражданские лица тоже делали посвящения Победе императора. Из Колчестера происходит бронзовая табличка, посвященная Вепогеном, каледонянином, Марсу Медоцию и, вместо императорской *numen*, Победе императора Александра Севера (RIB. 191).

Только среди военных был распространен культ Дисциплины императора или императоров (*Disciplina* или *Discipulina Augusti* или *Augustorum*). Д. Фишвик заметил, что «дисциплина была необходимым условием Победы и сильнейшим связующим звеном всей Римской Империи в целом»⁸⁵. Самые ранние посвящения Дисциплине императора в Британии датируются временем принципата Адриана⁸⁶. Затем посвятельные надписи, свидетельствующие о культе Дисциплины в Британии, появляются на алтарях, на пьедесталах статуй, на каменных плитах на протяжении всего II в. и в III в., во времена правления династии Северов. Все эти надписи происходят из римских фортов⁸⁷. Например, из форта, находившегося в Кастлстидсе, происходит алтарь, посвященный «Дисциплине трех Августов — *Discipulinae Aug [gg]*» (RIB. 1978). Датируют его 209–211 гг. — временем совместного правления Севера, Каракаллы и Геты⁸⁸.

Дисциплина, Мужество, Победа императора — все это были военные атрибуты императорской власти, «божественные абстракции», далекие от повседневной жизни. Однако среди императорских божественных добродетелей была одна, более близкая людям. Это (добрая) Фортуна императора, которая называлась «Фортуна Августа — *Fortuna Augusta*). Она ассоциировалась с греческой Тихе, и ее атрибуты (рог изобилия и корабельный руль, которым она управляет судьбой) были хорошо знакомы людям античности. Корабельный руль Фортуны представлял собой буквальный символ управления кораблем государства⁸⁹, был, так сказать, аналогией «кормила власти». Фортуна (добрая) главы государства означала счастье и удачу для всех его подданных. Вот почему жители римской Британии

⁸⁴ Henig 2005, 60.

⁸⁵ Fishwick 1961, 219.

⁸⁶ Henig 2005, 61.

⁸⁷ Fishwick 1961, 219.

⁸⁸ Садовская 1985, 80.

⁸⁹ Как известно, в античной поэзии встречается сравнение государства с кораблем, несущимся по морским волнам.

были преданы культу Фортуны. Добрая Фортуна помогала им в их повседневных делах: давала шанс на успех в азартных играх, помогала вернуться домой из далекого путешествия, защищала от злых сил и опасностей.

Д. Фишвик и М. Хениг приводят два любопытных примера посвящений (доброй) Фортуне, которые происходят из римских терм. В Карворане (Нортумберленд) в помещении для раздевания, предбаннике (apodyterium) римской бани был обнаружен алтарь с посвянительной надписью: «Fortunae Aug(ustae) pro salute L(ucii) Aaeli Caesaris ex visu T(itus) Fla(vius) Saecundus Praef(ectus) Coh(ortis) I Hamiorum Sagittar(iorum) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) — Фортуне Августе за здоровье Люция Элия Цезаря по причине видения Тит Флавий Секунд, префект Первой когорты хамийских лучников, исполнил обет охотно, достойно» (RIB. 1778). Люций Элий Цезарь, приемный сын и предполагаемый наследник Адриана, умер 1 января 138 г. Посвящение гораздо более личного характера было сделано трибуном Юлием Северином Фортуне «счастливого возвращения» (Fortuna Redux). Алтарь с этой вотивной надписью был найден тоже в термах, в Ризингеме (RIB. 1212). Оба исследователя (Фишвик и Хениг) одинаково комментируют то обстоятельство, что алтари, посвященные Фортуне, ставились в банях: обнаженный человек в большой степени уязвим и открыт для воздействия злых сил и поэтому особенно нуждается в покровительстве и защите⁹⁰.

Рассмотренные материалы дают представление о том, что в римской Британии существовали все аспекты императорского культа. Это был провинциальный императорский культ, официальная резиденция которого находилась в римской колонии Колчестера, где после 43 г., пока был жив император Клавдий, на алтаре справляли культ богини Ромы и Августы, а после смерти императора в 54 г. построили храм, посвященный обожествленному императору (divus), и он стал главным центром провинциального императорского культа в Британии. Там же действовал провинциальный совет, заведовавший религиозными церемониями, совершавшимися в храме божественного Клавдия и обладавший своеобразным правом контроля над деятельностью наместника провинции.

Это был также муниципальный императорский культ, получивший распространение в римских колониях, муниципиях и самых больших племенных столицах провинции, который обслуживала жреческая коллегия севиоров августалов. Это были военный императорский культ, давший наибольшее число посвянительных надписей, и культ императора, справлявшийся гражданским населением провинции.

В качестве дедикантов выступали все слои провинциального общества: средний класс (ремесленники и торговцы), являвшийся опорой городской жизни, развитие которой было так важно для романизации страны; военные — солдаты и офицеры, высший командный состав, целые воинские подразделения римской армии, дислоцировавшейся в Британии; римские граждане и местные жители; представители различных варварских племен, служившие во вспомогательных войсках: галлы, германцы, даки, испанцы и др. Таким образом, государственная императорская религия пронизывала весь ансамбль экономической, социально-политической, военной и повседневной жизни римской Британии и являлась

⁹⁰ Fishwick 1961, 219; Henig 2005, 63.

мощным инструментом романизации. В то же время в посвяtitельных надписях культ императорской божественной силы (*numen*) бывает объединен с поклонением местным, кельтским божествам, не вытесняя их. В связи с этим представляется, что в религии римской Британии действительно существовал гибкий и толерантный политеизм (как это утверждают английские исследователи) и в области идеологии присутствовал синтез двух культур: римской и местной, британской.

ЛИТЕРАТУРА

- Моммзен Т.* 1949: История Рима: в 5 т. Т. V. М.
- Садовская М. С.* 1985: Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 69–95.
- Широкова Н. С.* 1982: Императорский культ и собрания галльских провинций // Социальная структура и политическая организация античного общества / Э. Д. Фролов (ред.). Л., 164–193.
- Штаерман Е. М.* 1957: Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях римской Империи. М.
- Штаерман Е. М.* 1985: От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. Т. 1 / Е. С. Голубцова (ред.). М., 106–201.
- Штаерман Е. М.* 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.
- Burn A. R.* 1969: The Romans in Britain. An Anthology of Inscriptions. Ed.2. Oxford.
- Collingwood R. G., Myres J. N. L.* 1937: Roman Britain and the English Settlements. Ed.2. Oxford.
- Collingwood R. G., Wright R. P.* 1965: The Roman Inscriptions of Britain. V. 1. Oxford.
- Crummy P.* 1980: The Temples of Roman Colchester // BAR.77, 243–282.
- Ferguson J.* 1970: The Religions of the Roman Empire. New York.
- Fishwick D.* 1961: The Imperial Cult in Roman Britain // Phoenix. Vol. 15. 3–4, 159–173; 213–229.
- Fishwick D.* 1969: The Imperial Numen in Roman Britain // JRS.59, 76–91.
- Fishwick D.* 1972: Templum Divo Claudio Constitutum // Britannia: Society for the Promotion of Roman Studies, 164–181.
- Frere Sh.* 1967: Britannia. A History of Roman Britain. London.
- Guiraud F.* 1887: Les assemblées provinciales dans l'empire romaine. Paris.
- Henig M.* 2005: Religion in Roman Britain. Ed.2. London.
- Jullian C.* 1913: Histoire de la Gaule. Vol.IV. Paris.
- Jullian C.* 1920: Histoire de la Gaule. Vol.VI. Paris.
- Le Bohec Y.* 1997: Beneficarii // Der Neue Pauly: Enzyklopädie der Antike. Stuttgart; Weimar.
- Liebeschuetz J. H. W. G.* Religion // CAH. XI, 984–1002.
- Ross A.* 1967: Pagan Celtic Britain. London; New York.
- Shotton D.* 2004: Roman Britain. Ed.2. London; New York.
- Toynbee J. M. C.* 1964: Art in Britain under the Romans. Oxford.
- Wacher J.* 1980: Roman Britain. London.

THE IMPERIAL CULT IN ROMAN BRITAIN

N. S. Shirokova

Roman Britain's official center of provincial imperial cult was Divine Claudius Temple ready-build after the emperor's death in Colchester, the Roman colony. The temple was a meeting place of consilium provinciae whose main duty was to keep watch on the proper observance of the Imperial Cult ritual. There were other temples and altars too (of the so called municipal type) in privileged towns of Roman provinces and the richest tribal centers. Municipal version of the Imperial Cult was attended to by corporation members known as Seviri Augustales whose number increased on account of rich libertines. The bulk of Imperial cult consecrations was performed by soldiers and officers of the Roman army military units deployed in Britain. Sometimes the ritual with the worship of local Celtic gods as the culture of Roman Britain comprised both Roman and Celtic basic elements.

Key words: the Imperial Cult, Roman Britain, provincial council, the Emperor's divinity

---

Северное Причерноморье

© 2014

Д. В. Журавлев

«БРАСЛЕТЫ» И КОЛЬЦА С ВЫСТУПАМИ ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКИХ И САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

Статья посвящена интересной группе металлических изделий — кольцам с выступами, или «шишечками». Эти кольца имеют разный диаметр, в основном соответствуя «кольцам» и «браслетам», но практически всегда в погребении их находят среди амулетов, а не на скелете. Многие исследователи считают, что в Северном Причерноморье эти кольца свидетельствуют о кельтском влиянии. Рассмотрев все варианты использования этих колец, мы считаем их в первую очередь амулетами, хотя некоторые из них служили в качестве деталей конской упряжи или пряжек, а несколько экземпляров, судя по месту их находки, могли использоваться утилитарно как браслеты и кольца. Представляется, что кельтские изделия не могли стать прототипами для колец с выступами из Северного Причерноморья — такого числа этих колец нет ни на одной другой территории, а форма латенских колец и браслетов имеет сильные отличия. Не исключено, что происхождение колец с выступами из Крыма и сопредельных территорий было связано с фракийскими влияниями.

Ключевые слова: кольца с выступами, украшения, амулеты, кельты, фракийцы, поздние скифы, сарматы

А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса». Король не мог надивиться богатством молодого маркиза.

Ш. Перро. Кот в сапогах¹.

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник 1 категории отдела археологических памятников Государственного исторического музея, начальник Боспорской археологической экспедиции. E-mail: denzhuravlev@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках стипендии фонда А. фон Гумбольдта.

¹ Данный отрывок из знаменитой сказки Ш. Перро уже был однажды использован для эпитафии в одной из археологических статей (Хаврин 1994, 104). Тем не менее, считаю возможным взять его еще один раз, поскольку обе статьи посвящены рассмотрению ряда объектов материальной культуры, традиционно, но неверно относимых к определенной культурной традиции.

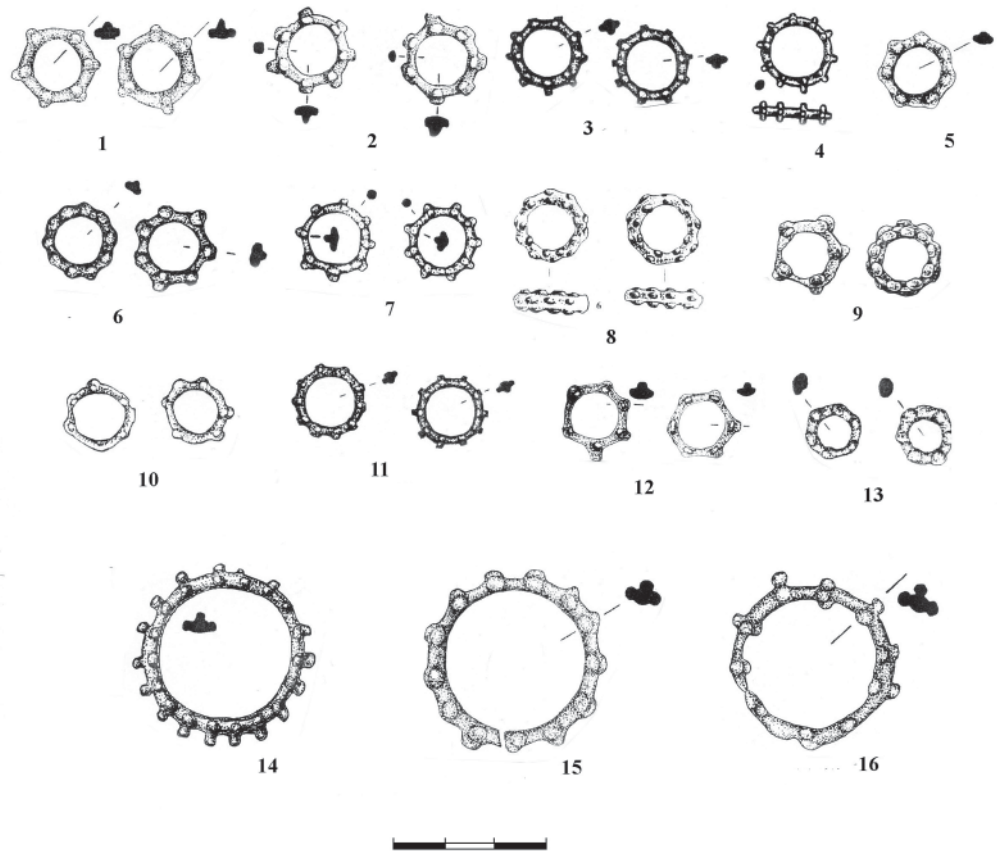

Рис. 1. Кольца с выступами из могильника Бельбек IV, Юго-Западный Крым. Раскопки И. И. Гущиной.

Кельтские влияния в материальной культуре населения Северного Причерноморья скифо-сарматского времени уже не раз становились предметом специального исследования археологов². Несмотря на очевидность «латенского» следа в ряде культур региона в раннем железном веке, подчас некоторые исследователи преувеличивают собственно кельтский компонент. В качестве примера рассмотрим широко распространенные в позднескифских и сарматских памятниках Крыма и сопредельных регионов литые круглопроволочные кольца или так называемые «браслеты»³ с тремя рядами округлых выступов по всему ободу (их часто называют еще «кольцами с шишечками»). Диаметр этих колец — 5,5–9,2 см.

Точно такие же выступы-шишечки присутствуют и на кольцах небольшого диаметра — от 1,2 до 2,4 см⁴ (рис. 1). Даже найденные по два в одной могиле, эти кольца не всегда были парными, и у них зачастую различается количество высту-

² Литература на эту тему многочисленна, приведу лишь некоторые работы: Кухаренко 1951, 31–51; Мачинский 1973, 52–64; Трейстер 1992, 37–50; Еременко 1997; Берлизов, Еременко 1998 и др.

³ Я сознательно употребляю термин «браслет» в кавычках, поскольку исследуемые в статье изделия не использовались в виде таковых, несмотря на соответствующие размеры и форму.

⁴ Журавлев 2006, 98–103.

пов-шишечек. Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что кольца с выступами маленького диаметра пока еще не встречены в одном погребальном комплексе с кольцами большого диаметра.

Несмотря на значительные отличия в размерах, мы рассмотрим кольца различного диаметра вместе, поскольку схема их декора идентична.

Находки подобных изделий в большом количестве встречены не только в могильниках Юго-Западного Крыма⁵, но и в других областях Северного Причерноморья⁶, Подонья⁷, Кавказа⁸ и иных районов Европы⁹. Кольца с выступами известны в памятниках Евразии с III в. до н.э. вплоть до VII–IX вв. н.э., а близкие по стилю оформления экземпляры — еще в памятниках скифского времени.

Все эти кольца или «браслеты» литые, и, хотя в целом они имеют единую схему, среди них есть и много различий. Отдельные «браслеты» имеют четкие, хорошо выраженные выступы, другие — уплощенные выступы округлой формы¹⁰. Ряд «браслетов» декорирован тремя выпуклостями в одной точке сечения кольца, другие имеют одну выпуклость-утолщение, третьи — группы выступов на своей поверхности. Подавляющее большинство таких изделий изготовлено из бронзы, хотя встречаются и исключения: так, в п. 144 могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму были обнаружены два таких кольца, сделанных из свинца¹¹. Еще одно свинцовое кольцо аналогичной формы происходит из позднескифского могильника у с. Левадки в Крыму¹². Близкие по схеме декора кольца более раннего, скифского времени могли быть изготовлены также из белого сплава или даже золота¹³.

Нас в первую очередь будут интересовать изделия, массово представленные в крымских могильниках в I–III вв. н.э., а именно кольца, имеющие три выпуклости в одной точке сечения, с трех его сторон.

История изучения

Кольца с выступами большинством исследователей давно связываются с древностями латенского круга¹⁴. Впервые эту гипотезу высказал Ю. В. Кухаренко¹⁵, учтя часть находок подобных колец в корпусе кельтских вещей с территории Восточной Европы. А. В. Богачев специально отмечает, что «подвески с выпуклостями» возникают, «по-видимому, как уменьшенное подражание гальштатским и

⁵ Дашевская 1991, табл. 72, 13–21; Высотская 1994, 111; Пуздровский 2007, рис. 146 и др.

⁶ См. например: Вірлич 1965, рис. 1; Кореняко, Найденов 1977, рис. 4, 1; Гудкова, Фокеев 1982, рис. 8, 1, 3; 11, 7; Журавлев, Фирсов 2013, 37, рис. 16 и др.

⁷ Раев 1979, табл. 22, 20; Косяненко 2008, илл. 6, 2–3.

⁸ Абрамова 1993, рис. 29, 56, 60, 73.

⁹ Ursachi 1987, fig. 12, 24; Capitanu 1989, pl. I, 3, fig. 1, 1–2; Vaday 1985, Abb. 11, 15–16.

¹⁰ См. например: Мульд 2001, рис. 2, 5.

¹¹ Возможно, использование этого металла связано с тем, что свинец в I в. н.э. стоил дешевле олова (Plin. N. H. XXXIV. 161) и часто использовался в качестве лигатуры в бронзолитейном производстве. Причина же изготовления упоминаемой пары колец не из бронзы, а из более мягкого металла вряд ли может быть достоверно установлена.

¹² Мульд, Мяскин 2003, рис. 3, 5.

¹³ Мелюкова 1978, 228.

¹⁴ Кухаренко 1951, 36; Zirga 1971, Abb. 3, 17–18; Высотская 1994, 111; ср. Трейстер 1992а, 44; Стржелецкий и др. 2005, 154.

¹⁵ Кухаренко 1951, 36–37, рис. 2, 17–18, 22–24.

латенским браслетам»¹⁶. Эта точка зрения получила полное признание в отечественной литературе¹⁷. О. Н. Мельниковская, рассмотревшая находки колец с выступами в Южной Белоруссии, считает их изготовленными под латенским влиянием¹⁸. Г. М. Залашко и В. Е. Еременко, говоря о сходных «браслетах с группами насечек или рубчиков», предполагают, что они были изготовлены кельтскими ремесленниками, скрывавшимися на милоградских городищах от скифов¹⁹.

Лишь Н. А. Богданова в свое время выступала против латенской принадлежности этих браслетов²⁰, ссылаясь на их размеры и значительные морфологические отличия.

Браслеты с шишечками второй половины IV — начала III в. до н.э. из скифских памятников были собраны В. Г. Петренко, которая также считает их кельтскими. Они были выделены в 11 тип ее классификации²¹. Ряд скифских и фракийских колец с выступами был детально рассмотрен А. И. Мелюковой²².

Специальную статью посвятил «кольцевым подвескам» небольшого диаметра (до 4–5 см) А. В. Богачев²³, который собрал подобные находки со всей территории Восточной Европы. Им было учтено 115 экземпляров из 64 географических пунктов²⁴. Сводка А. В. Богачева избавляет меня от необходимости перечисления еще раз всех памятников, в которых эти кольца были найдены. Отмечу лишь, что их находки получили широкое распространение по всей территории Восточной Европы. Автор отмечает, что они найдены в трех больших регионах «1) юго-запад Восточной Европы и примыкающие районы Центральной Европы; 2) бассейн Средней Волги и Камы; 3) Кавказ»²⁵.

А. В. Богачев разделил кольца «с выпуклинами» на два подтипа. К первому (подтип I) относятся кольца с тремя выпуклинами-шишечками в одной точке сечения кольца: одна на внешней стороне окружности, две другие — по сторонам²⁶. К этому подтипу как раз и относятся интересующие нас кольца с выступами. Ко второму (подтип II) относятся изделия, где «тройная выпуклина как бы «заменена» на кольцо одним вздутием-утолщением». При этом они подразделяются еще на два варианта — в одном из них выпуклости расположены на определенном расстоянии друг от друга, а в другом — одна выпуклина сразу переходит в другую²⁷.

В 2006 г. автором статьи был прочитан доклад о позднескифских кольцах с выступами, ставший прологом этой статьи²⁸.

¹⁶ Богачев 1998, 155; Ср. Кухаренко 1951, 35; Высотская 1972, 156.

¹⁷ См. например: Берлизов, Еременко 1988, 25–27.

¹⁸ Мельниковская 1956, 175–176; 1967, 78–80.

¹⁹ Залашко, Еременко 1986, 59–60.

²⁰ Богданова, Гущина, Лобода 1976, 144; Богданова 1980, 84.

²¹ Петренко 1978, 55.

²² Мелюкова 1978, 227–229, рис. 48.

²³ Богачев 1998, 151–166.

²⁴ Богачев 1998, 151, рис. 1. На самом деле их известно гораздо больше. Только в позднескифских некрополях Крыма их число исчисляется сотнями.

²⁵ Богачев 1998, 152.

²⁶ Богачев 1998, 153.

²⁷ Богачев 1998, 154.

²⁸ Журавлев 2006, 98–103. См. также: Журавлев, Фирсов 2013, 37.

За рубежом также существует несколько специальных публикаций, посвященных интересующим нас изделиям. Среди них выделю статью И. Глодариу²⁹. Ряд иностранных исследователей, публикуя подобные кольца с выступами, приводит широкий ряд аналогий европейского происхождения, при этом почти не учитывая находки из Юго-Западного Крыма и сопредельных территорий.

Все остальные исследователи при публикации подобных колец лишь повторяли выводы предшественников, не делая попыток разобраться в их происхождении.

Рассмотрим кольца с выступами, чтобы понять, действительно ли они являются одной из самых многочисленных групп находок в Северном Причерноморье, имеющих латенские корни.

Место находок колец с выступами

Сначала определим место находок колец с выступами в позднескифских и сарматских погребальных памятниках. Сразу должен отметить, что случаи утилитарного использования этих предметов как браслетов (на руку или ногу) или колец (на палец) единичны. Так, в могильнике Бельбек IV, раскопки которого велись под руководством И. И. Гущиной, зафиксировано только два случая, когда кольца с выступами были надеты на левой руке погребенного как браслеты, причем рядом был надет и браслет другого типа. Этот необычный обряд для крымских некрополей римского времени зафиксирован в п. 159 и 191³⁰.

В различных погребениях их находки встречены в ногах, на груди, около рук, в головах покойного; в отдельных случаях они найдены в мешочках для амулетов или в деревянной шкатулке. Иногда в могиле кольца с выступами представлены в обломках или в нескольких экземплярах. Например, в п. 238 могильника Бельбек IV один «браслет» найден целым, а еще два — в обломках. В Усть-Альминском некрополе в одном из погребений их было найдено 7 экземпляров (рис. 2)! Иногда эти «браслеты» могли быть скреплены проволокой между собой (рис. 3)³¹.

В могильнике Скалистое III «кольца с тройными шишечками» в двух погребениях были найдены на фалангах пальцев рук. Правда, учитывая диаметр (7–8 см), трудно предположить их утилитарное использование в качестве обычных колец. Авторы публикации специально подчеркивают ритуальный характер подобных изделий³². В Усть-Альминском некрополе кольца с выступами были найдены у левого или правого бедра, около локтя левой руки, за пределами останков скелета, в засыпи могильной ямы. Лишь в одном случае браслет был найден в области локтя левой руки³³.

В п. 335 могильника Бельбек IV два кольца с выступами, найденные слева от левого плеча погребенного, служили единственным инвентарем умершего³⁴. В сарматском могильнике Валовый 1 (курган 9, погребение 1) в Подо-

²⁹ Glodariu 1984, 63–80.

³⁰ Гущина, Журавлев (в печати).

³¹ Пуздровский 2007, рис. 146, 3.

³² Богданова и др. 1976, 144.

³³ Высотская 1994, 111.

³⁴ Журавлев, Фирсов 2007, рис. 7.

ные подобные «браслеты» были найдены слева от височной кости скелета; в том же погребении обнаружена и подвеска-сфера, лежавшая среди амулетов³⁵.

Отметим, что находки колец с выступами чаще встречаются в женских погребениях, реже — в детских³⁶. К сожалению, отсутствие половозрастных определений в большинстве публикаций не позволяет с точностью восстановить половую принадлежность погребенных.

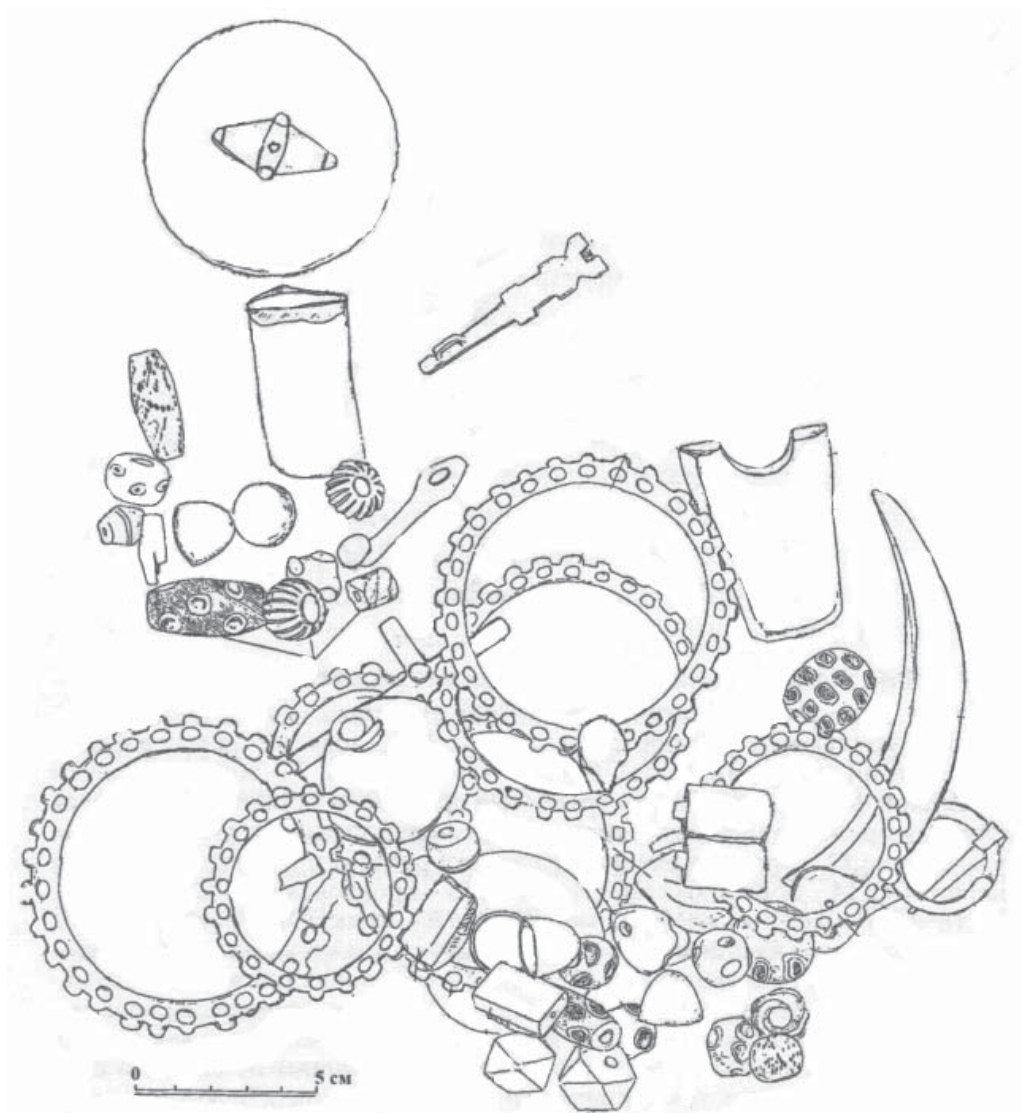

Рис. 2. Кольца с выступами в погребении склепа 853 Усть-Альминского некрополя (по А. Е. Пуздровскому).

³⁵ Беспальый и др. 2007, табл. 27–28.

³⁶ Косяненко 2008, 139.

Рис. 3. Кольца с выступами, скрепленные между собой проволокой. Усть-Альминский могильник (по А. Е. Пуздровскому).

Назначение колец с выступами

Амулеты. Чаще всего находки таких колец с выступами фиксируются среди амулетов. Очень интересен мешочек для амулетов, открытый в склепе 853 Усть-Альминского некрополя, в котором среди различных предметов (окаменелости, обломки каменных молотков бронзового века, колокольчики, бусы и т.п.) было найдено несколько колец с выступами (рис. 2)³⁷. А. Е. Пуздровский трактует это погребение как жреческое. В склепе 620 того же некрополя у головы погребенного было найдено скопление амулетов и других предметов³⁸. В крымском могильнике Казан-Таш в женском погребении два кольца различного диаметра были найдены в мешочке, лежавшем около левого бедра. Показательно, что в том же погребении были найдены три лепные курильницы, возможно, говорящие об определенных сакральных функциях, которыми была наделена захороненная здесь женщина³⁹. В сарматском погребении I в. до н.э. в кургане «Крестовый» в Подонье кольцо с выступами также найдено в мешочке для амулетов⁴⁰.

Что же касается находок обломков подобных колец, то сходная традиция фиксируется во многих позднескифских и сарматских погребениях, где в качестве амулетов использовались обломки различных вещей. Среди этих предметов могли быть обломки предметов вооружения и римской воинской амуниции, атташи

³⁷ Пуздровский 2007а, рис. 1.

³⁸ Loboda et al 2008, Abb. 13; 15, 14, 15, 17, 19; Кат. Симферополь, 2005, 22. № 100–105.

³⁹ Зайцев 1997, 116, рис. 65.

⁴⁰ Захаров 2000, 35–36, рис. 2, 23.

1

2

Рис. 4. Кольца с выступами, найденные вместе с бусами *in situ*. Могильник Бельбек IV, раскопки Д. В. Журавлева, К. Б. Фирсова.

бронзовых сосудов, фрагменты стеклянных сосудов в проволочных петлях, обломанные бронзовые статуэтки, артефакты эпохи бронзы и т.п.

Таким образом, нет никаких сомнений, что кольца с выступами использовались в качестве амулетов и имели ритуальное назначение. Н.А.Богданова предполагает, что количество шишечек — три — не случайно, и трактует эти кольца как амулеты-символы, отображающие единство трех элементов — водной стихии, солнца и земли⁴¹. Не вдаваясь в семантику этих вещей, отмечу, что подобный вывод представляется несколько преждевременным.

Детали украшений. Судя по всему, некоторые кольца с выступами могли использоваться и как детали украшений. В 2004 г. при раскопках некрополя Бельбек IV в п. 336 эти кольца (всего 4 — это уникальный случай) были найдены со вставленными в них стеклянными бусинами несколько меньшего диаметра (рис. 4)⁴². Подобные находки, только с меловыми бусинами, были известны в этом некрополе и ранее. Интересно отметить и другие случаи использования подобных колец как деталей украшения: так, например, известна гривна из некрополя Фанагории с нанизанной бусиной и подобным кольцом (рис. 5)⁴³.

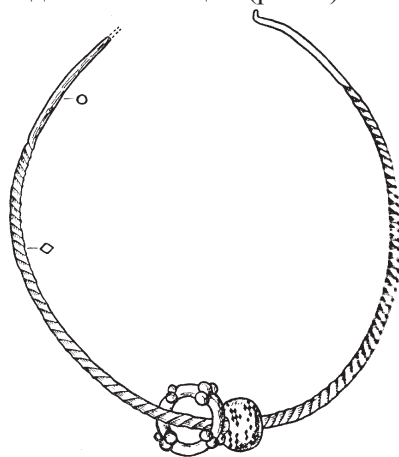

Рис. 5. Гривна из Фанагории (по Е. М. Алексеевой).

Показательно, что в детском погребении 9 скифского могильника у с. Николаевка «три соединенных вместе кольца и два одинарных вместе с пастовыми бусами и бронзовыми пронизками входили в состав ожерелья и были найдены в области шеи» (рис. 6, 10)⁴⁴. Несмотря на значительные отличия этих колец от наших, надо отметить наличие на них тройных выступов-шишечек. Известны подобные колечки в кургане у с. Мастюгино (рис. 6, 9), где они были найдены в области шеи детского скелета. В том же положении золотые кольца, датированные II–I вв. до н.э., были зафиксированы Н.И. Веселовским в женском погребении у с. Марьевка⁴⁵.

⁴¹ Богданова 1980, 84.

⁴² Журавлев, Фирсов 2007, рис. 10.

⁴³ Алексеева 1975, табл. 17, 11.

⁴⁴ Мелюкова 1978, 228.

⁴⁵ Мелюкова 1978, 228.

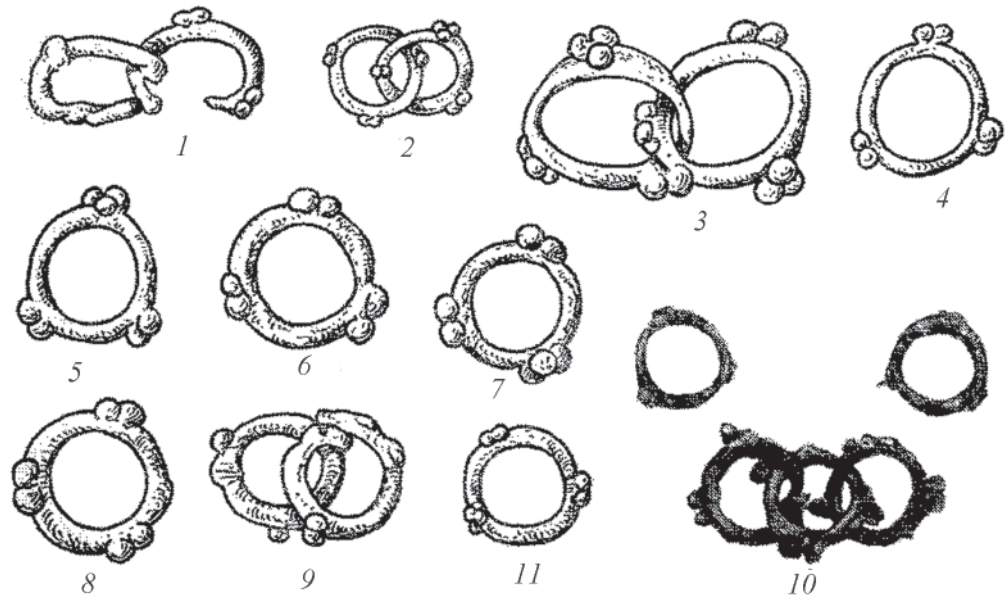

Рис. 6. Бронзовые и серебряные кольца с выступами из фракийских и скифских погребений (по А. И. Мелюковой).

Сбруя и портупейные пряжки. Как уже отмечалось выше, специальную статью посвятил рассматриваемым «браслетам» с И. Глодариу⁴⁶. Автор рассмотрел все известные ему находки с территории Дакии, предложил собственную типологию и схему развития этих изделий (рис. 7) и пришел к выводу, что подобные предметы могли использоваться в качестве пряжек или распределителей ремней (рис. 8). Во Фракии подобные кольца находят с остатками кожаных ремней и трактуются как детали конской упряжи⁴⁷.

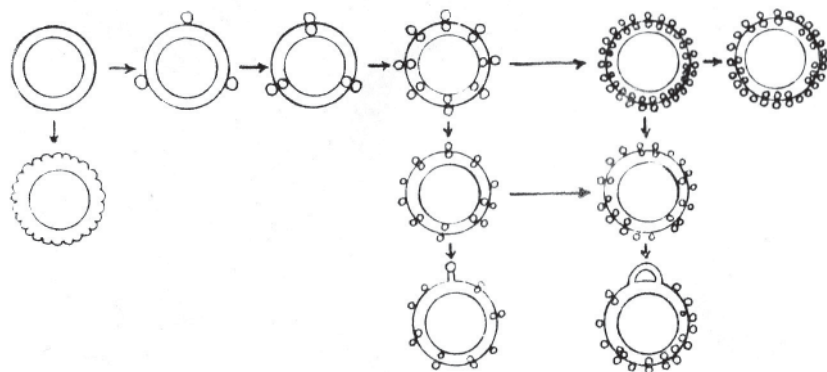

Рис. 7. Схема эволюции колец с выступами (по I. Glodariu).

⁴⁶ Glodariu 1984, 63–80.

⁴⁷ Тончева 1956, 54; табл. I, 9–10; 3, 13.

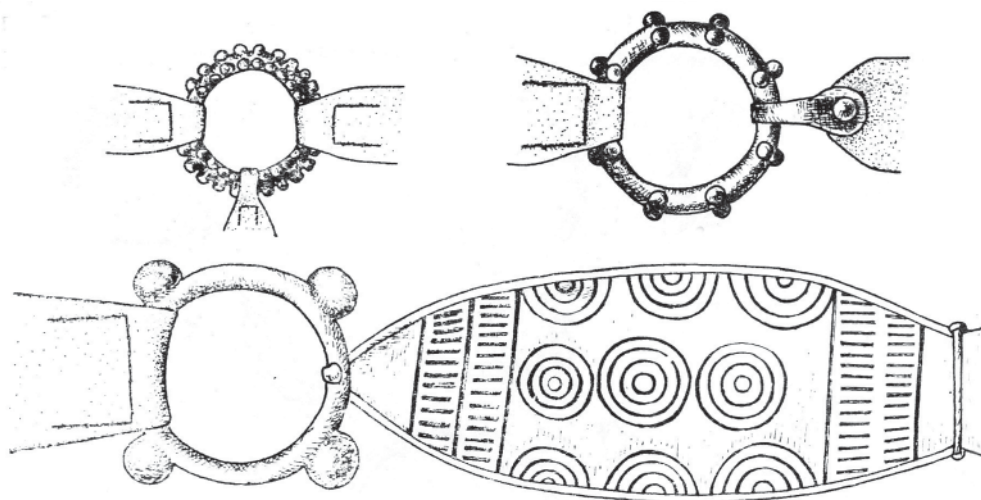

Рис. 8. Варианты использования колец с выступами (по: I. Glodariu).

Подобная теория хорошо иллюстрируется и северопричерноморскими материалами. Очень интересная находка «бронзового кольца с напаянными шариками», связанная с конской уздой, происходит из кургана 1, погр. 2 Кировского I могильника: «Между малыми ажурными фаларами, на одинаковом удалении от них, находилось бронзовое литое кольцо с напаянными шариками, сгруппированными по три. Размер кольца 3,7 X 3,3 см». И далее: «южнее бронзового кольца с напаянными шариками были обнаружены два железных зажима из согнутых пополам прямоугольных пластинок... Фрагмент железной пластинки, возможно еще от одного зажима, был найден вдоль сложенных пополам удила⁴⁸.

Более ранние скифские кольца с тремя группами тройных выступов были найдены в мужских погребениях рядом с рукоятями мечей, например, в кургане XII у села Кирикова⁴⁹ или в кургане 487 у с. Капитоновка (рис. 6, 11)⁵⁰. В воинских же погребениях были найдены кольца, служившие портупейными застежками или пряжками, например в некрополе у с. Требениште на Охридском озере⁵¹. Показательна в этом случае находка в могильнике Бельбек IV двух колец с выступами вместе с бронзовой фигурнорамчатой пряжкой на поясе погребенного из п. 123⁵².

Существует еще одна точка зрения на подобные кольца, близкие обнаруженным в скифских погребениях. С. Топалов предполагает, что они могли использоваться в качестве платежного средства немонетного облика, подобно монетам-стрелкам, дельфинчикам и т.п.⁵³

⁴⁸ Ильюков 2000, 103; рис. 8, 2.

⁴⁹ Мельник 1902, 714–715, рис. 119.

⁵⁰ Бобринский 1910, 71; рис. 11.

⁵¹ Мелюкова 1978, 229.

⁵² Гущина, Журавлев (в печати), табл. 74, 3–4, 6.

⁵³ Topalov 2004, 35–45.

Подвески в виде сферы

С рассматриваемыми кольцам, несомненно, связаны литые ажурные подвески, сделанные из толстых круглопроволочных бронзовых колец с тремя рядами выпуклых шишечек, кольца как бы вставлены одно в другое, образуя сферу (рис. 9). С одной стороны они имеют петлю для подвешивания, с другой — небольшое округлое утолщение. Диаметр их колеблется от 2 до 6,5 см, форма также несколько варьируется. Э. А. Сымонович считал их «усложненными образцами рассматриваемых оберегов»⁵⁴. Как правило, в погребениях встречается по одной такой подвеске, изредка по две. Известны они и в могильнике Бельбек IV⁵⁵. В могиле они обычно находятся среди других амулетов.

Подобные подвески-сферы — достаточно частая находка в крымских могильниках первых веков н.э.⁵⁶, а ареал их распространения простирается вплоть до региона Киева на севере⁵⁷ и Нижнего Подунавья⁵⁸ и Балкан⁵⁹ на Западе. Известны подобные подвески и в ареале распространения сарматской культуры⁶⁰. В Крыму подвески-сферы (правда, оформленные более схематично) известны вплоть до позднеримского времени, например, в некрополе Чатыр-Даг⁶¹ или в могильнике Дружное⁶².

Специальная работа, посвященная подвескам в виде сферы, недавно опубликована Л. А. Рыжовой⁶³. Исследовательница разделила подобные подвески на 4 типа, рассмотрев их хронологию и возможные прототипы.

Напоминающие по форме крымские подвески-сферы известны в ареале распространения кельтской культуры⁶⁴. Многие исследователи относят эти подвески к кругу латенских древностей, так же, как и кольца с выступами⁶⁵. Л. А. Рыжова отмечает также их возможную связь с изделиями из западных провинций Римской империи⁶⁶, указывая и на прототипы среди балканских материалов, начиная с VIII в. до н.э.⁶⁷

Н. А. Богданова считает подобные сферические подвески символами небесного свода со звездами, солнцем и луной⁶⁸. Л. А. Рыжова также не исключает связь этих подвесок с культом плодородия⁶⁹. Впрочем, семантика этих подвесок не является темой нашей статьи.

⁵⁴ Сымонович 1983, 98.

⁵⁵ Гущина 1982, рис. 4, 51, 68, 75; Ахмедов и др. 2001, рис. 3, 6–7; Журавлев 2006, рис. 1, 2–3.

⁵⁶ Дашевская 1991, табл. 70, 22–24; Пуздровский 2007, рис. 146, 8–13, 16.

⁵⁷ Бобринский 1910, рис. 44.

⁵⁸ Bicher 1972, 155, pl. XIII, 5; Turcu 1979, fig. 26, 45; Rustoiu 1996, fig. 108, 13.

⁵⁹ Todorović 1974, fig. 109.

⁶⁰ Cat. Milano 2005, 166. No. 141; Беспальный и др. 2007, табл. 28, 4.

⁶¹ Мыц и др. 2006, табл. 8Б, 3.

⁶² Храпунов 2002, рис. 92, 5.

⁶³ Рыжова 2005, 283–290.

⁶⁴ Loeschcke 1909, 166. Здесь же см. аналогии с территории Швейцарии и Италии.

⁶⁵ Сымонович 1983, 98.

⁶⁶ Рыжова 2005, 285.

⁶⁷ Bouzek 1973, 60–61, 70, fig. 21, 11–12.

⁶⁸ Богданова 1980, 84.

⁶⁹ Рыжова 2005, 285.

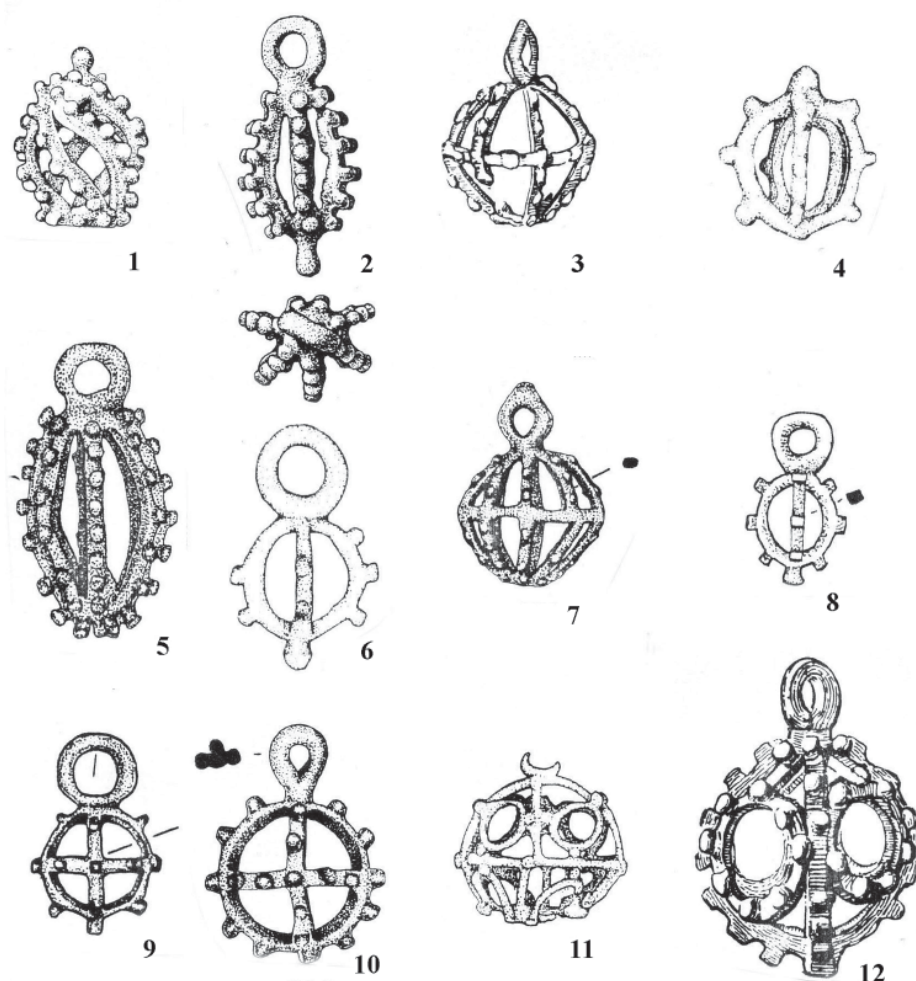

Рис. 9. Подвески-сферы. Могильник Бельбек IV, расопки И. И. Гушиной.

Собственно говоря, ареал распространения этих подвесок совпадает с ареалом распространения колец с выступами. Вероятно, эти магические предметы были тесно связаны между собой. На наш взгляд, многочисленные находки этих подвесок в Крымских могильниках римского времени говорят о местном производстве этих изделий.

Амулеты с изображениями людей, животных и птиц

Говоря о кольцах с выступами, необходимо также упомянуть и некоторые экземпляры, дополнительно украшенные изображениями животных. Так, подобный экземпляр происходит из сарматского могильника Вальной-1 (рис. 10, 2)⁷⁰.

⁷⁰ Трейстер 1992, рис. 9, 3–4; Cat. Paris 2001, 260, No. 316; Беспалый и др. 2007, табл. 38.

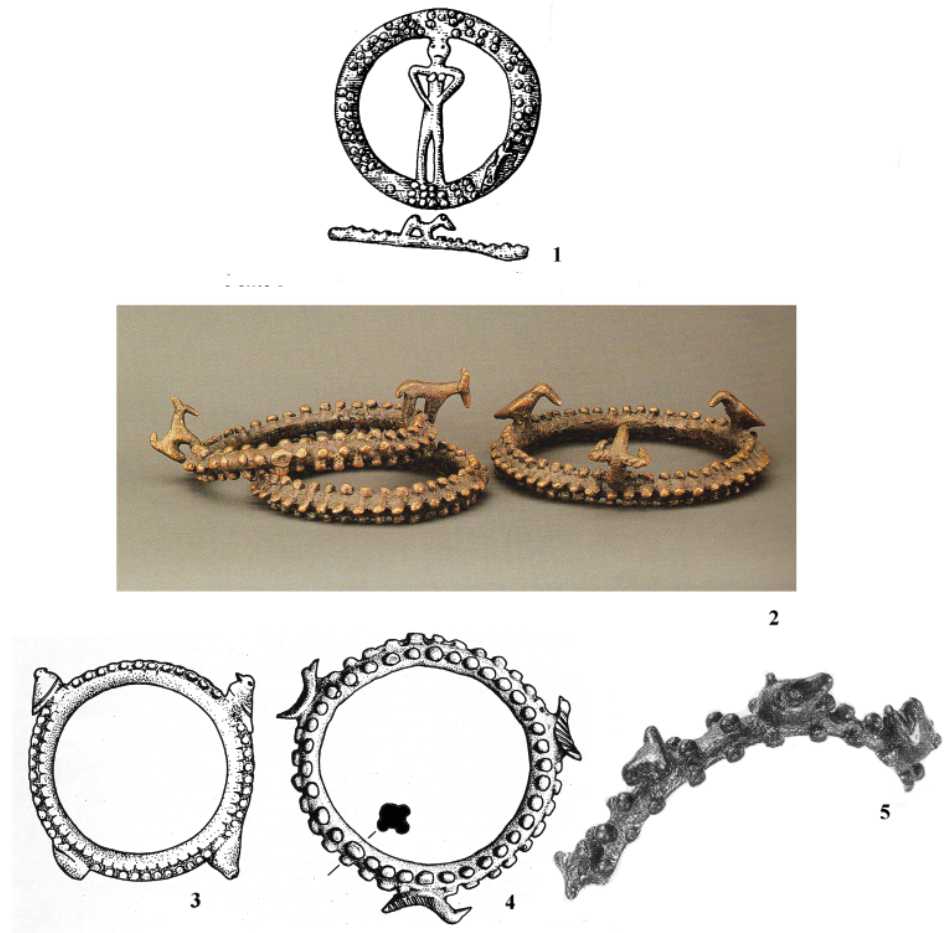

Рис. 10. Амулет с антропоморфными и зооморфными изображениями: 1 — Усть-Альминский некрополь (по Т.Н. Высотской); 2 — могильник Вальной-1 (по каталогу: L'Or des Amazones); 3–4 — по Н. Dannheimer; 5 — по Cat. München 1993.

С этой находкой можно сопоставить бронзовую «бляху» из Усть-Альминского некрополя, украшенную выступами-шишечками по кругу (рис. 10, 1). В круг вписана фигура обнаженной женщины, а на поверхности «бляхи» помещено рельефное изображение собаки⁷¹. Т.Н. Высотская специально подчеркивает, что «бляха ... безусловно варварской работы, возможно, выполнена местным мастером-бронзолитейщиком»⁷².

Целый набор бронзовых предметов, связанных с нашей темой, был обнаружен в 1913 г. в окрестностях Керчи (рис. 11). Здесь были найдены кольцо с выступами, дополнительно украшенное многофигурными изображениями животных, еще одно кольцо небольшого диаметра, а также колокольчик, также имеющий на

⁷¹ Высотская 1979, 162–163, рис. 77; 1994, 129–130.

⁷² Высотская 1994, 130.

верхней поверхности выпуклости⁷³. Не так давно близкий по сюжету амулет был найден в могиле 27 восточного некрополя Фанагории (рис. 12)⁷⁴. Еще один подобный амулет, также происходящий с территории Боспора (из Керчи?), хранится в Лувре и, насколько мне известно, не опубликован⁷⁵.

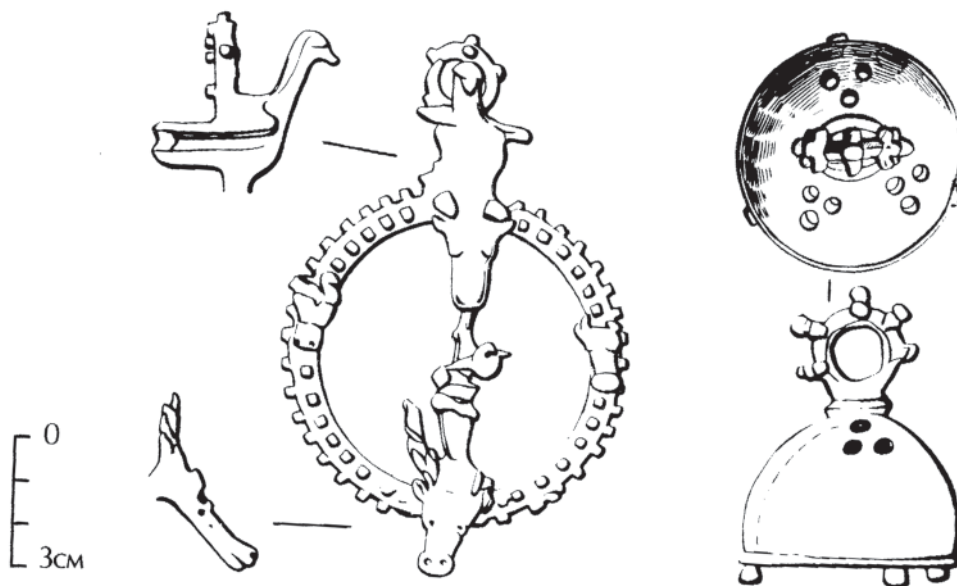

Рис. 11. Комплекс находок 1913 г. из Керчи (по М. Ю. Трейстеру).

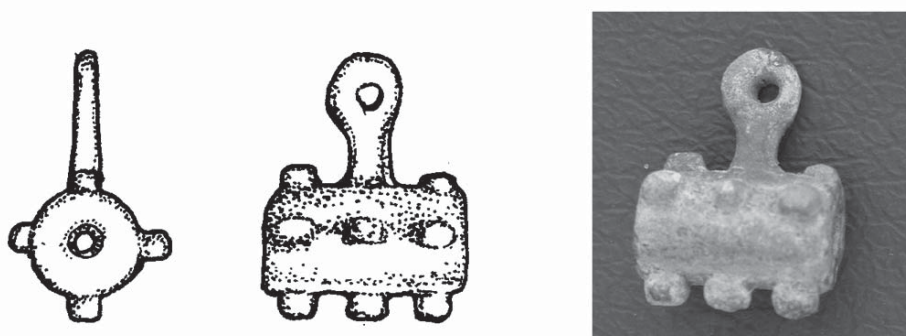

Рис. 12. Подвеска из могильника Бельбек IV. Раскопки Д. В. Журавлева, К. Б. Фирсова.

⁷³ Трейстер 1992а, илл. 11, 1–3.

⁷⁴ Phanagoreia 2009, 43; Шавырина 2013, 79–105. Т. Г. Шавырина предложила сложный вариант интерпретации изображения на этом амулете. Не рассматривая в данной статье семантику этих изображений, замечу лишь, что далеко не со всеми выводами исследовательницы можно согласиться.

⁷⁵ Благодарю М. Фужера за информацию.

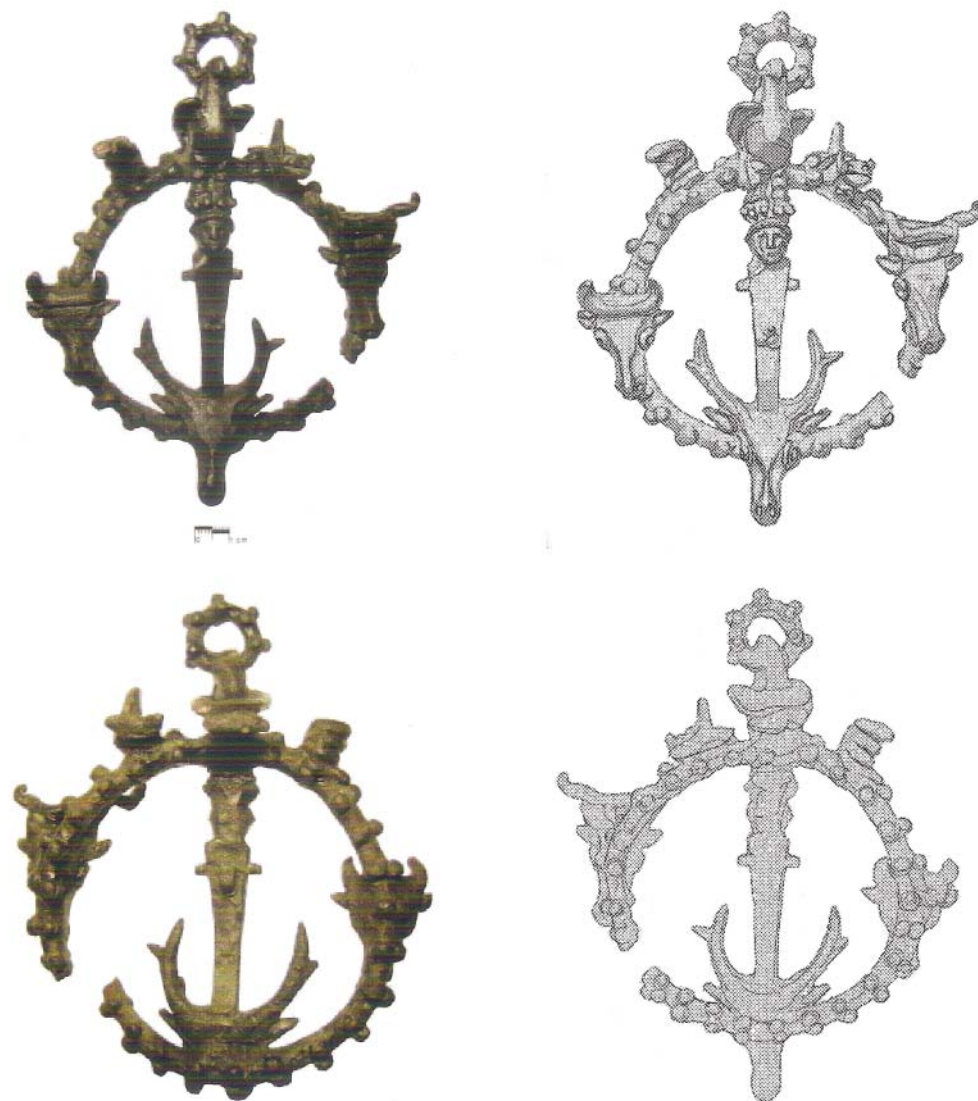

Рис. 13. Подвеска из Фанагории (По: Шавырина 2013).

Находки колокольчиков, подобных керченскому, мне неизвестны. Вероятно, они изготавливались в ограниченных количествах или даже индивидуально, на заказ. В этой связи упомяну еще одну подвеску-амулет из могильника Бельбек IV (рис. 13), также украшенную выступами⁷⁶, аналогия которой известна и в позднескифском могильнике Заветное⁷⁷.

М. Ю. Трейстер сравнивал «браслет» из могильника Вальной-1 с кельтскими изделиями, на основании чего сделал вывод о латенском происхождении этого

⁷⁶ Журавлев, Фирсов 2007, рис. 6, 6.

⁷⁷ Журавлев, Фирсов 2007, 238, сноска 53.

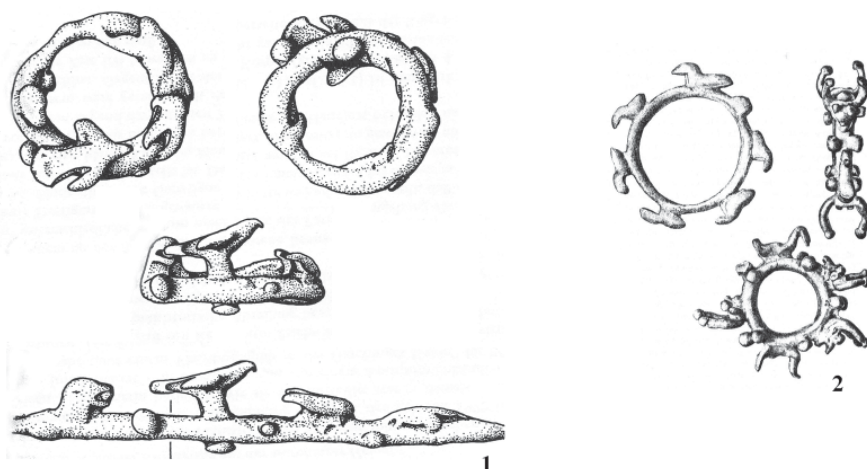

Рис. 14. Различные кельтские браслеты с выступами и зооморфными изображениями (по Н. Dannheimer).

экземпляра⁷⁸. Действительно, можно провести ряд параллелей с изделиями из Швейцарии, в частности с кольцами с изображением водоплавающих птиц (рис. 14)⁷⁹. Одно из них действительно напоминает находку из Ростовской области. Тем не менее, они далеко не идентичны.

Еще несколько близких колец происходят с территории Германии (рис. 14)⁸⁰. Надо отметить, что изображение животных действительно является характерной чертой кельтского искусства⁸¹, хотя находки т.н. «браслетов» с такими изображениями на этой территории уникальны⁸², а их происхождение дискуссионно.

Оставив в стороне семантику изображений на амулетах, которая должна стать темой специального исследования, отмечу, что их ритуальное назначение не вызывает никаких сомнений.

Кельтские браслеты

В связи с тем, что интересующие нас кольца с выступами многими исследователями считаются кельтскими, представляет интерес кратко рассмотреть собственно кельтские изделия (рис. 15). Действительно, браслеты и кольца, на первый взгляд близкие рассматриваемым в настоящей статье, присутствуют в кельтских памятниках Центральной и Западной Европы⁸³.

⁷⁸ Трейстер 1992, 44.

⁷⁹ Wyss 1974, Abb. 14, 1–3.

⁸⁰ Dannheimer 1975, Abb. 4, 6–7; Cat. München 1993, 333, 335, Nr. 443.

⁸¹ Eggers et al. 1964, 50–55.

⁸² Здесь необходимо сделать одно важное замечание: в отличие от обычных браслетов, в данном случае автор публикации специально пишет, что перед нами амулеты в форме колец с выступами! Но даже эти близкие к северо-причерноморским кольцам предметы (Dannheimer 1975, Abb. 2) имеют совершенно другую форму выступов.

⁸³ Crisan, Milea 1970, pl. I, 2; II, 2; Harváth et al. 1987, pl. VIII, 1; XII, 2–3; XXI, 1; Kolník 1991, Abb. 5, 8; Némethi 1989, fig. 1, 1,2,5; 4; 5; Walus 1992, рис. 2, c,d; Cat. Leipzig 2002, 172, Kat. Nr. 126; и др.

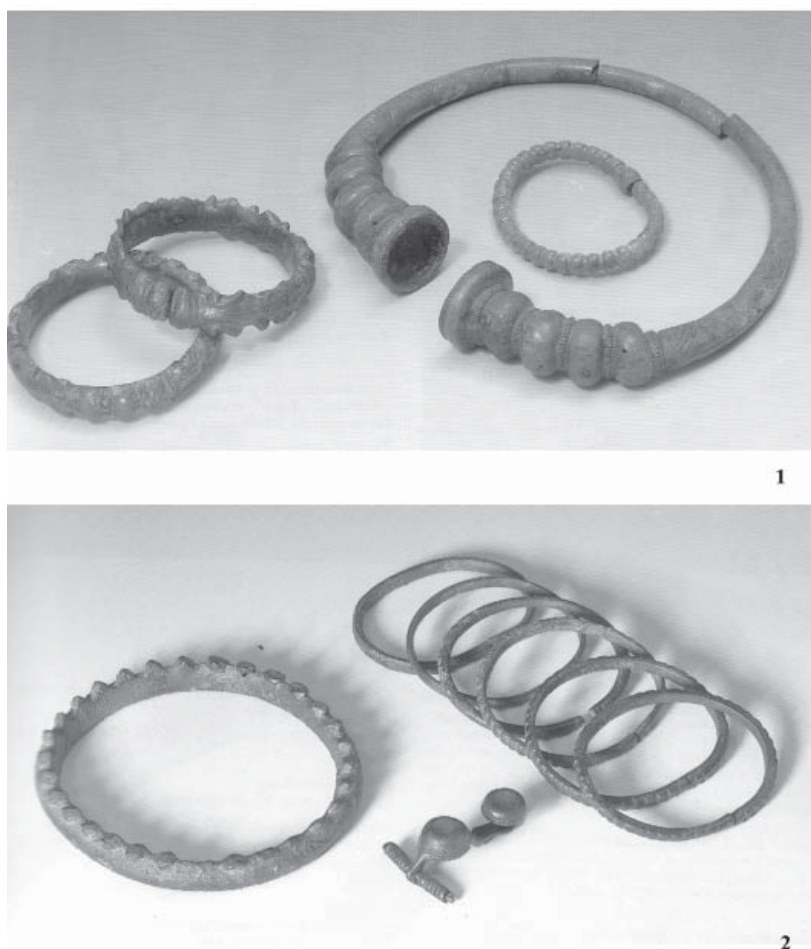

Рис. 15. Образцы кельтских браслетов с выступами (по Cat. München 1993).

Кольца меньшего диаметра также были распространены в европейских памятниках римского времени, например в Словакии⁸⁴. Небольшая подвеска близкого облика найдена в некрополе Оравассо раннеримского времени⁸⁵. Эту подвеску действительно можно считать кельтской. Кольца с выступами были найдены также в Словении⁸⁶ и Чехии⁸⁷. В Безансоне были обнаружены следы производства колец с выступами-шишечками, но несколько другого облика⁸⁸.

В свое время Е. С. Нефедовой был собран 101 браслет латенского стиля с территории европейской части СССР, которые характеризуются «латенскими»

⁸⁴ Filip 1956, tab. CIV, 11, 14, 15; Pieta 1996, Abb. 3, 2.

⁸⁵ Graue 1974, Abb. 12, 6.

⁸⁶ Bozic 1993, Abb. 1, 3–4.

⁸⁷ Filip 1956, tab. XXVIII, 2.

⁸⁸ Feugère 1994, fig. 6; 7, 4.

чертами — шишечками и рубчиком⁸⁹. Тем не менее, даже беглого взгляда на эту работу достаточно, чтобы понять, что браслетов, подобных найденным в крымских могильниках, здесь просто нет! Наиболее близки к ним типы 6 и 7 ее классификации⁹⁰, но и они скорее напоминают браслеты с выступами, обнаруженные в скифских и фракийских памятниках IV–III вв. до н.э.⁹¹ Кстати, и хронология этих браслетов тоже совпадает⁹². В работе Я. Филипа собрано множество латенских браслетов, но нет ни одного, более-менее напоминающего крымские⁹³. Изделия же галатского облика, происходящие из Малой Азии⁹⁴, лишь весьма отдаленно напоминают крымские находки.

А. В. Захаров, на мой взгляд, совершенно справедливо отмечает, что «почти все кубанские и вообще северопрichernоморские находки изготовлены довольно грубо, часто у них даже не спилены литники, и они явно отличаются от мелкой пластики собственно кельтского происхождения»⁹⁵. В этой связи вспомним и тезис Ю. В. Кухаренко об изготовлении значительной части «латенских» вещей в мастерских Северного Причерноморья⁹⁶.

Таким образом, морфологические различия между латенскими браслетами⁹⁷ и кольцами с выступами, обнаруженными в Северном Причерноморье, очевидны⁹⁸. И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова и С. А. Мульд также считают, что «у кельтов в эпоху латена бытовали похожие браслеты, но они имели либо прямоугольные «рубчики» или гофрированную поверхность, либо иное расположение шишечек»⁹⁹.

Немаловажен и тот факт, что браслеты кельтского облика найдены в погребении именно как изделия утилитарного назначения — они были надеты на руки или ноги погребенного (в зависимости от диаметра)¹⁰⁰.

«Браслеты» и кольца с выступами скифского времени

Представляется, что исследуемые нами кольца с выступами близки по схеме оформления к кольцам из скифских памятников более раннего времени. На территории Северного Причерноморья «браслеты» близкой схемы появляются как минимум со второй половины IV в. до н.э. (рис. 6)¹⁰¹. Среди наиболее близких рассматриваемым в статье «браслетам» можно считать серебряный экземпляр из

⁸⁹ Нефедова 1992, 21–34.

⁹⁰ Нефедова 1992, 22, сл.; рис. 2; 2а.

⁹¹ Ср.: Мелюкова 1978, рис. 48.

⁹² Нефедова 1992, 28; табл. 1.

⁹³ Filip 1956, tab. XIII, 2; XXV, 15; XXVIII, 3; XXX, 8–12; XXXI, 13, 15; XXXIII и др.

⁹⁴ Müller-Karpe 1988, 189–199, Abb. 3.

⁹⁵ Захаров 2000, 36.

⁹⁶ Кухаренко 1951, 41–42.

⁹⁷ См. например: Procházka 1937, tab. XII, 5; XXV, 16–18; Raftery 1988, fig. 38, 1, 3; 42, 4;

⁹⁸ Побывав во многих музеях Европы и имея возможность лично изучить коллекции кельтских браслетов, я могу утверждать на основании собственных наблюдений, что все латенские браслеты изготовлены по совершенно другой схеме.

⁹⁹ Храпунов и др. 2001, 136.

¹⁰⁰ Выше я уже отмечал, что и в кельтских памятниках есть амулеты в форме колец с выступами (см. например: Dannheimer 1975, Abb. 2), форма которых, правда, несколько отличается от причерноморских.

¹⁰¹ Петренко 1978, 55.

п.1 кургана 14 Люберецкого поселка и бронзовый фрагмент из кургана Огуз¹⁰². По предположению М. Пардуца, рассмотревшего материалы из Артанда в Венгрии и отметившего достаточную близость браслетов из этих комплексов, они далеки от кельтских экземпляров и скорее имеют фракийскую принадлежность. Сами же браслеты из Артанда близки материалам из Трансильвании¹⁰³. В.Г. Петренко, напротив, отстаивает латенскую принадлежность огузского и любарецкого экземпляров¹⁰⁴.

А.И. Мелюкова считает, что, несмотря на то что на территории собственно Скифии таких колец было обнаружено больше, чем во Фракии, мы не можем говорить о скифском происхождении подобных предметов¹⁰⁵. Еще Б.Е. Деген обратил внимание на близость пары бронзовых колец «с шишечками» из слоя Троя VII к скифским и фракийским экземплярам¹⁰⁶. В уже упомянутом некрополе у с. Требениште на юге Фракии находки близких колец относятся к VII–VI вв. до н.э.¹⁰⁷

Кольца с выступами небольшого диаметра были найдены в комплексах первых веков н.э. в Одессе и связываются с фракийским влиянием в регионе¹⁰⁸. Значительно число их находок и на территории современной Румынии.

Таким образом, согласно предположению А.И. Мелюковой, фракийцам Балкано-Дунайского региона кольца с тремя выступами из шишечек стали известны из более южных районов, возможно, из Малой Азии. Помимо Трои, укажу на находку подобных колец в Дидимах¹⁰⁹ Приене,¹¹⁰ Олинфе¹¹¹ и других памятниках Анатолии¹¹². В таком случае возможно предполагать их появление в Северном Причерноморье из более южных районов, возможно, из Малой Азии через посредство фракийцев¹¹³.

Происхождение колец с выступами

Надо отметить, что такого количество «браслетов» и колец с выступами, как в крымских могильниках первых веков н.э., не известно ни в одном другом пункте Европы. Вспомним и о том, что еще в IV–III вв. до н.э. подобные украшения известны в скифских памятниках Северного Причерноморья (рис. 6). Значительное число находок таких изделий как в Крыму, так и в других районах Причерноморья не оставляет сомнений в их местном производстве. Формы для изготовления таких колец найдены в Ольвии (рис. 15)¹¹⁴. Более поздние формы для отливки подобных изделий известны в Волго-Камье¹¹⁵.

¹⁰² Петренко 1978, 55, табл. 44, 13–14.

¹⁰³ Párducz 1965, 204–206, fig. XX.

¹⁰⁴ Петренко 1978, 55.

¹⁰⁵ Мелюкова 1978, 229.

¹⁰⁶ Деген 1940, 94. См. также: Мелюкова 1978, 229.

¹⁰⁷ Мелюкова 1978, 229.

¹⁰⁸ Тончева 1956, 54, табл. I, 9–10; 3, 13.

¹⁰⁹ Bumke et al. 2000, Abb. 27.

¹¹⁰ Raeck 2003, 394, Abb. 50.

¹¹¹ Robinson 1941, pl. CLXVI, 2585.

¹¹² Müller-Karpe 1988, 196, Abb. 3.

¹¹³ Мелюкова 1978, 229.

¹¹⁴ Кадеев 1970, 56; Археология Украинской ССР 1986, рис. 171, 4.

¹¹⁵ Богачев 1998, 155.

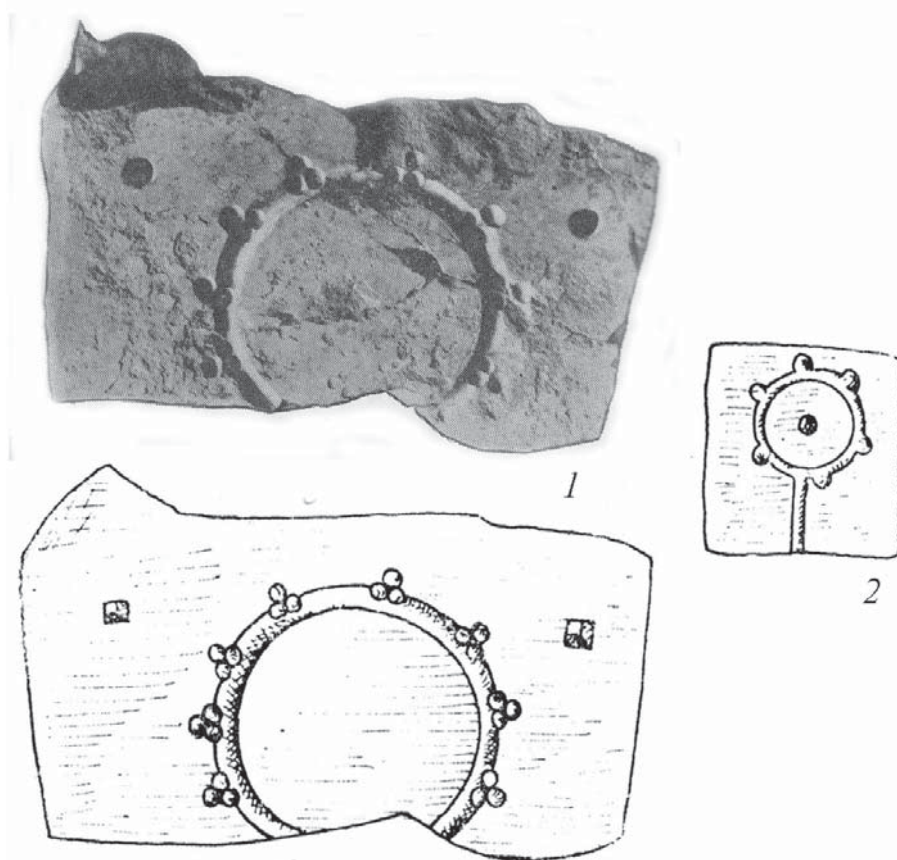

Рис. 16. Форма для отливки колец с выступами. Ольвия (по: I. Glodariu).

Уже в римское время находки украшений с выступами широко распространены в Херсонесе¹¹⁶, что, по всей видимости, нельзя связывать лишь с усилением варварского влияния в городе. Кстати, Д. С. Раевский в свое время предполагал, что появление в позднескифских некрополях «браслетов» и колец с выступами наряду с другими категориями инвентаря свидетельствует о сарматском влиянии¹¹⁷.

На мой взгляд, различия северопричерноморских и кельтских «браслетов» и колец с выступами очевидны, и последние не могли стать прямыми прототипами для производства. Значительно большее сходство с крымскими имеют фракийские экземпляры, хотя и здесь мы не можем говорить об их полной идентичности¹¹⁸. Наиболее близкие аналогии нашим кольцам с выступами есть на территории Гето-Дакии¹¹⁹. Нет никаких сомнений, что «браслеты» и кольца, обнаруженные в аре-

¹¹⁶ Рыжова 2005, 283.

¹¹⁷ Раевский 1971, 149.

¹¹⁸ Согласно типологической схеме И. Глодариу (рис. 6), они вполне могли стать прототипом рассматриваемых в статье колец с выступами.

¹¹⁹ Bicher 1973, pl. CLXXXIV, 2; 1984, pl. XLIX, 3; Glodariu 1984; Alicu et al. 1994, pl. 53; Cat. N 806; Rustoiu 1996, fig. 54–57; 110, 4; Babeş 1999, Abb. 7, 12; и т.д.

але распространения позднескифской культуры, имеют северопричерноморское происхождение. Возможно, они были линией развития подобных изделий более раннего, скифского времени (рис. 6), испытав на себе определенное фракийское влияние. Мы не можем исключить некоторых параллелей и с латенскими экземплярами, но ведь могло быть и по-другому. И кельтские, и северопричерноморские изделия могли иметь единый прототип. Еще раз повторюсь в этой связи — число находок колец близкого облика на территории латенизированных культур Европы значительно меньше, чем в Крыму и Северном Причерноморье.

Что же касается колец меньшего диаметра, очень показательным, что их появление в памятниках латенизированных культур Центральной Европы приходится на I в. н.э., т.е. на начало сарматской экспансии¹²⁰. Позволю себе процитировать венгерских исследователей Э. Иштванович и В. Кульчар: «Самыми типичными находками второй сарматской волны, появившейся на Венгерской низменности уже после Маркоманнских войн, в конце II века, являются кольца с шишечками, весьма характерные для крымских находок»¹²¹. Таким образом, не исключен и обратный путь этих колец в Европе — с востока на запад.

Уже в раннесредневековое время кольца с выступами, как прекрасно показано в сводке А.В. Богачева, распространяются и на территорию Волго-Камья. Не будучи специалистом в области исследования именьковской культуры и тем более ее возможных генетических корней в зарубинецкой, я не могу судить о причинах появления и необыкновенной популярности этих колец среди местного населения во второй половине I тыс. н.э. Дальнейшее же их проникновение на Кавказ в третьей четверти I тыс. н.э. именно из этого региона вызывает у меня некоторые сомнения — ведь они были известны здесь значительно раньше, в первые века н.э.

Таким образом, на наш взгляд, говорить о «браслетах» и кольцах с выступами из позднескифских и сарматских памятников как о кельтских не стоит. Вероятно, наши кольца с выступами связаны происхождением с экземплярами из Фракии или, скорее, Гето-Дакии.

Заключение

Подчас отнесение отдельных украшений к предметам, созданным под влиянием кельтов, основано лишь на отдаленном визуальном сходстве вещей двух культур и на приблизительном знакомстве с импортными предметами лишь по публикациям. При этом ряд специалистов, работающих на территории распространения кельтской культуры, имеет прямо противоположное мнение и считает, что кольца и «браслеты» с выступами появились в латенской культуре в результате взаимодействия с культурами скифского и фракийского мира¹²². В результате получается своего рода замкнутый круг...

Разумеется, никто не собирается отрицать кельтского влияния в Причерноморье, которое не только нашло свое отражение в заимствовании многих типов фибул и иных украшений, наступательного (мечи) и оборонительного (шлемы)

¹²⁰ См. например: Párdutz 1941, Taf. 16, 37; XXIII, 13; XXVI, 3, 5; Párdutz 1944, Taf. LIV, 1–2; и др.

¹²¹ Иштванович, Кульчар 2005, 341.

¹²² Благодарю Г. Парцингера за плодотворную дискуссию.

вооружения и т.п., а также большом количестве реальных кельтских импортов в регионе, но и хорошо прослеживается по данным письменных источников (например, кельтские воины на службе понтийского царя Митридата Евпатора). Среди тех же браслетов также может быть выделена значительная группа, ведущая свое происхождение из латенизированных культур Европы¹²³.

На фоне всего массива находок представляется, что влияние латенских культур на материальную культуру причерноморских племен римского времени не было столь всеобъемлющим. В результате в некоторых работах возникает картина столь значительного кельтского влияния в Северном Причерноморье, которую трудно проследить и на территории значительно более латенизированных Чехии, Словакии или Польши. Завершая свою небольшую статью, призываю коллег к осторожности, критическому отношению к источникам и стремлению не выдавать желаемое за действительное лишь на основании сомнительных аналогий или общей идеи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.* 1993: Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э). М.
- Алексеева Е. М.* 1975: Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1–12. М.
- Археология Украинской ССР 1986: в 3 т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев.
- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В.* 2001: Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Тр. ГИМ. 118, 175–186.
- Берлизов Н. Е., Еременко В. Е.* 1998: Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // Древности Кубани. 7, 25–27.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А.* 2007: Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону.
- Бобринский А.* 1910: Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г. // ИАК. 35, 61–85.
- Богачев А. В.* 1998: Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 / Д. А. Сташенков (ред.). Самара, 151–166.
- Богданова Н. А.* 1980: Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // Тр. ГИМ. 51, 79–88.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 4, 121–152.
- Вірлич А. Е.* 1965: Сарматське поховання в Білозерском районі Херсонської області // Археологія (Київ). XIX, 177–178.
- Высотская Т. Н.* 1972: Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Высотская Т. Н.* 1979: Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.
- Высотская Т. Н.* 1994: Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М.* 1982: Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье / А. В. Гудкова (ред.). Киев, 55–113.

¹²³ Нефедова 1992, 21–34.

- Гущина И. И.* 1982: О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н.э. // Тр. ГИМ. 54, 20–30.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (в печати).
- Дашевская О. Д.* 1991: Поздние скифы в Крыму. САИ. Д 1–7. М.
- Деген Б. Е.* 1940: О «загадочных предметах» из скифских погребений // КСИИМК. VII, 93–97.
- Еременко В. Е.* 1997: «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.
- Журавлев Д. В.* 2006: Об одной группе «браслетов» или Кельтский мираж в Крыму // БЧ. VII, 98–103.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б.* 2007: Новые раскопки могильника Бельбек 4 // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева (ред.). Симферополь, 233–248.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б.* 2013: Фракия, скифский мир и античные города Северного Причерноморья // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. Каталог выставки в Государственном историческом музее. 1 октября — 30 ноября / Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов (ред.). М., 32–38
- Зайцев Ю. П.* 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму 1994 г. / В. А. Кутайсов (ред.). Симферополь, 102–116.
- Залашко Г. М., Еременко В. Е.* 1986: К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА РАН СССР. М., 59–60.
- Захаров А. В.* 2000: Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. I, 27–45.
- Ильюков Л. С.* 2000: Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. I, 100–140.
- Иштванович Э., Кульчар В.* 2005: Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в культуре сарматов Карпатского бассейна // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 335–342.
- Кадеев В. И.* 1970: Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Харьков.
- Кат. Симферополь 2005: Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки. Симферополь.
- Кореняко В. А., Найденов А. В.* 1977: Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 3, 230–248.
- Косяненко В. М.* 2008: Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Донские древности. 9, Азов.
- Кухаренко Ю. В.* 1951: Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1, 31–51.
- Мачинский Д. А.* 1973: Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 15, 52–64.
- Мельник Е. Н.* 1902: Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900–1901 гг. // Труды XII Археологического съезда. I, 714–715.
- Мельниковская О. Н.* 1956: Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия) // ВДИ. 1, 173–176.
- Мельниковская О. Н.* 1967: Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Минск.
- Мелюкова А. И.* 1978: Скифия и фракийский мир. М.

- Мульд С. А. 2001: Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. VIII, 51–66.
- Мульд С. А., Масакин В. В. 2003: Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. XI, 5–31.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. 2006: Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.
- Нефедова Е. С. 1992: К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / М. Б. Шукин (ред.). Л., 21–34.
- Петренко В. Г. 1978: Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. / САИ. Д 4–5. М.
- Пуздровский А. Е. 2007: Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Пуздровский А. Е. 2007а: Ритуальные предметы из погребения «жриц» Усть-Альминского некрополя // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 278–285.
- Раев Б. А. 1979: Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества. Новочеркасск.
- Раевский Д. С. 1971: Скифы и сарматы в Неаполе // МИА. 177, 143–151.
- Рыжова Л. А. 2005: Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // ХСб. XIV, 283–290.
- Стржелецкий В. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2005: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 4, 27–277.
- Сымонович Э. А. 1983: Население столицы позднескифского царства. Киев.
- Тончева Г. 1956: Тракийского влияние в Одессе // Известия на археологическото дружество гр. Варна. X, 51–64.
- Трейстер М. Ю. 1992: Кельты у Північному Причорномор'ї // Археологія (Київ). 2, 37–50.
- Трейстер М. Ю. 1992а: Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. 10, 66–110.
- Хаврин С. В. 1994: Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. 8, 104–113.
- Храпунов И. Н. 2002: Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.) / Monumenta Studia Gothica II. Lublin.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2, 105–168.
- Шавырина Т. Г. 2013: Бронзовый медальон из женского захоронения № 27 (Восточный некрополь Фанагории) // ПИФК. 2, 79–105.
- Alicu D., Cocis S., Ilies C., Soroceanu A. 1994: Small Finds from Ulpia Traiana Sarmizegetusa. Biblioteca Musei Napocensis, IX. Cluj-Napoca.
- Babeş M. 1999: Ein Tamga-Zeichen aus der Dakischen Siedlung von Ocnița (Buridava) // Transilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des Südöstlichen Mitteleuropa. Gedankenschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie. Rahden/Westf, 223–239.
- Bicher Gh. 1973: Cultura Carpică. București.
- Bicher Gh. 1984: Geto-Dacii din Muntenia în epoca romană. București.
- Bicher Gh. 1972: Sarmatii la Dunărea de Jos în Luminia ultimelor cercetări // Pontica. V, 137–175.
- Bouzek J. 1973: Graeco-Macedonian Bronzes (Analysis and Chronology). Praha.
- Bozic D. 1993: Slovenija in srednja Evropa v poznolatskem obdobju // Arheološki vestnik. 44, 137–152.

- Bumke H., Herda A., Röve E., Schattner G.* 2000: Bericht über die Ausgrabungen 1994 an der Heiligen Strasse von Milet nach Didyma // AA, 57–97.
- Capitanu V.* 1989: Obiecte de podoaba si piese vestimentare descoperite on dava de la Racatau, jud. Bacau // Carpica. XX, 97–124.
- Cat. Leipzig 2002: Cain H.-U., Rieckhoff S. (Hrsg.). Fromm — fremm — barbarish. Die Religion der Kelten. Ausstellungskatalogue. Mainz am Rhein.
- Cat. Milano 2005: I Tesori della Steppa di Astrakhan. Milano.
- Cat. München 1993: Dannheimer H., Gebhard R. (Hrsg.). Das keltische Jahrtausend. Prähistorische Staatssammlung München, Museum für Vor- und Frühgeschichte. Mainz am Rhein.
- Cat. Paris 2001: L'Or des Amazones. Peuples nomads entre Asie et Europe VIe siècle av.J.-C. — IVe siècle apr.J.-C. Musée Gernuschi. P.
- Crisan I.M., Milea Z.* 1970: Descoperiri celtice la Papui — Ilarian (Jud. Mures) // Acta Mvsei Napocensis. VII, 65–78.
- Dannheimer H.* 1975: Zu zwei älteren Keltischen Fundstücken aus der Münchner Schotterebene // Archaeologisches Korrespondenzblatt. 5, 59–67.
- Eggers H.J. Will E., Joffroy R., Holmqvist W.* 1964: Kelten und Germanen in Heidnischer Zeit. Baden-Baden.
- Feugère M.* 1994: Les fouilles du Parking de la Mairie de Besançon (Doubs) (1989–1990). Petits objets des niveaux laténiens // Die spätkeltische Zeit am südlichen Oberrhein. Kolloquium Basel, 17/18 Oktober 1991 / P. Jud (hrsg.). Basel, 146–155.
- Filip J.* 1956: Keltové ve Střední Evropě. Praha,
- Glodariu I.* 1984: “Bratarile” cu nodozitati laténe tirzii in Dacia // Acta mvsei Napocensis. XXI, 63–80.
- Graue J.* 1974: Die Gräberfelder von Ornavasso. Eine Studie zur Chronologie der später Latene- und frühen Kaiserzeit // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Beiheft 1.
- Harváth L., Kelemen M., Uzsoki A., Vadász É.* 1987: Corpus of Celtic Finds in Hungary. Vol. I. Transdanubia. I. Budapest.
- Kolník T.* 1991: Zu den erster Römern und Germanen an der mittleren Donau im Zusammenhang mit den geplanten römischen Angriffen gegen Marbod 6 n.Chr // Die römische Okkupation nördlich der Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1989. Vorträge. (Bodenaltertümer Westfalens, 26). Aschendorff Münster, 71 — 84.
- Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P.* 2004: Prunkbestattungen des 1.Jh. n. Chr. In der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim // Eurasia antiqua. 8, 295–346.
- Loeschcke S.* 1909: Keramische Funde in Haltern. Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen. V.
- Müller-Karpe A.* 1988: Neue galatische Funde aus Anatolien // IstMitt. 38, 189–199.
- Németi I.* 1989: Necropola Laténe de la Piscolt, jud. Satu Mare. II // Traco-Dacica. T. X. N 1–2, 75–114.
- Párdutz M.* 1941: Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I. Budapest.
- Párdutz M.* 1944: Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, II. Budapest.
- Párducz M.* 1965: Graves from the Skythian Age at Ártánd (County Hajdu-Bihar) // Acta Archaeologica Hungaricae. XVII, 137–231.
- Phanagoreia 2009: Kuznetsov V., Povalahev N (Hrsg.). Phanagoreia. Die vergessene Metropole am Schwarzen Meer. Eine Expedition berichtet. Göttingen.
- Pieta K.* 1996: Römischer Import der Spätlatènezeit in der Slowakei // Arheoloski vestnik. 47, 183–195.
- Procházka A.* 1937: Gallská kultura na Vyškovsku (La Tène Středomoravský). Slavkov u Brna.
- Raeck W.* 2003: Priene. Neue Forschungen an einem alten Grabungsort // IstMitt. 53, 313–423.

- Raftery B.* 1988: Hollow Two-Piece Metal Rings in La-Tène Europe // Marburger Studien zur Ur- und Frühgeschichte. 11. Marburg/Lahn.
- Robinson D. M.* 1941: Metal and Minor Miscellaneous Objects. An Original Contribution to Greek Life. Excavation at Olynthus. X. Baltimore.
- Rustoiu A.* 1996: Metalurgia bronzului la Daci (sec. II î. Chr. — sec. I d. Chr.). Tehnici, ateliere și produse de bronz. București.
- Todorović J.* 1974: Skordisci. Istorija i kultura. Novi Sad; Beograd.
- Topalov S.* 2004: Nichtmonetäre austauschgegenstände im Rahmen des kleinhandels der Thrakischen Regionen während des erstes Jahrtausends v.Chr // Archaeologia Bulgarica. VIII, 35–45.
- Turcu M.* 1979: Geto-dacii din Cimpia Munteniei. București.
- Ursachi V.* 1987: Cetatea dacica de la Brad // Traco-Dacica. VIII, 1–2, 100–126.
- Vaday A. H.* 1985: Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surján-Ujtelep // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 37, 345–390.
- Walus A.* 1992: Zabytki metalowe kultury latenskiej z Rembielina, woj. Ostrołęckie // Barbaricum '92. T. 2. Studia z archeologii ludyw barbarzyńskich z wybrzeży Baltyku i dorzecza Wisły. Warszawa, 89–101.
- Wyss R.* 1974: Grabriten, Opferplätze und weitere Belegte zur geistigen Kultur der Latènezeit // Ur- und Frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz. Band IV. Die Eisenzeit. Basel.
- Zirra V.* 1971: Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Latène in Rumänien // Dacia. XV, 171–238.

BRACELETS AND KNOBBY RINGS FROM LATE- SCYTHIAN AND SARMATIAN MONUMENTS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

D. V. Zhuravlyov

The paper deals with a group of metallic artifacts, namely knobby rings which are of different diameter and on the whole are similar to rings and bracelets, but in graves they are always found among amulets but not on skeletons. Many researchers stick to the opinion that rings of the kind bear evidence of Celtic influence. After detailed analysis of different uses of the rings the author in the first place refers them to amulets, though some of them served as elements of horse harness or buckles. Some pieces, judging by the place of their find, could be used as rings and bracelets. It seems that Celtic articles could not become a prototype for knobby rings from the Northern Black Sea Region as there are not so many rings of the kind in any other territory, and La Tène culture rings and bracelets look radically different. It is not improbable that the origin of knobby rings from the Crimea and neighboring territory is due to Thracian influence.

Key words: archaeology, jewellery, amulets, Celts, Thracians, late Scythians, Sarmatians

---

© 2014

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев

НОВЫЙ САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДИЩЕ «БЕЛИНСКОЕ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Статья посвящена исследованию и интерпретации сложного сакрального памятника позднеантичного и хазарского периодов на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Авторы прослеживают связь данного объекта с различными сторонами религиозной жизни населения Европейского Боспора указанного времени, в том числе и с ранним христианством. На основании комплексного подхода к источникам делается вывод о ключевой роли виноделия в функционировании и преемственности традиций данного святилища.

Ключевые слова: Европейский Боспор, городище «Белинское», каменные круги, алтарь, виноделие, обряд, святилище

Городище «Белинское» расположенное на западной границе Боспора (рядом с северным участком Узунларского вала), по результатам многолетних исследований датируется началом II — первой третью V в. н.э.¹ После появления в VIII в. н.э. на античных развалинах носителей салтово-маяцкой культуры жизнь на городище возобновилась. С позднеантичным и хазарским временем оказался связан необычный комплекс, выявленный на раскопе «Восточный» в 2008–2012 гг. Здесь на площади 320 м² были полностью исследованы слои указанных периодов, что вполне позволяет сделать предварительные выводы.

Прежде всего в северной части раскопа был обнаружен стационарный алтарь (рис. 4), обработанные камни которого стратиграфически связаны со слоем желто-коричневого суглинка последней четверти III — середины IV в. н.э. Изначально он представлял собой невысокую прямоугольную площадку, возведенную из плит желтого ракушечника. Судя по следам горения на верхней поверхности, она предназначалась для сожжений частей жертвенного животного, плодов, зерен и других приношений. Определить местоположение данного объекта относительно жилых строений не удалось, однако в античное время такие алтари стояли в каждом дворе с целью общения с божеством и исполнения им различных просьб².

О том, что обряд сожжения широко практиковался среди жителей «Белинского» городища, свидетельствует находка рядом с нашим памятником миниатюрного переносного ступенчатого глиняного алтаря. Ножка алтаря, как и его скульптурные украшения под углами фронтона, до нас не дошли, но следы горения в расположенном в верхней части углублении указывают на совершение обряда сожжения. Иногда такие предметы служили вотивами в античных святилищах³.

Зубарев Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Ярцев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

¹ Раскопки памятника с 1996 г. проводит Международная российско-украинская Белинская археологическая экспедиция. Начальник экспедиции — д.и.н., проф. Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого В. Г. Зубарев.

² Русяева, Зубарь 2004, 373; Русяева 2005, 190–195; Шевченко 2011, 175–192.

³ Русяева 2005, 190.

В позднеантичное время стационарный алтарь подвергся довольно странной переделке. Часть камней в его основании с западной стороны была сдвинута со своего первоначального места, и между плитами образовались щели и углубления. С северо-запада конструкция была дополнена грубо обтесанным по кругу камнем из белого известняка диаметром 0,4 м и толщиной 0,13 м с чашеобразным углублением в центре (рис. 5). В античное время такие углубления на алтарях, как правило, предназначались для возлияния вина⁴.

Подобный принцип конструкции античных алтарей не является чем-то экстраординарным. Так, на некрополе Ольвии известен ступенькообразный алтарик, *in situ* обнаруженный над могилой IV в. до н.э. Под его юго-восточным углом была вкопана ножка амфоры для возлияния вина, соединенная канавкой со стоком в могилу. Алтарик, таким образом, предназначался как для сжигания жертвенной пищи, так и для возлияния вина⁵.

На городище «Белинское» новый жертвенник и старый алтарь со сдвинутыми для возлияний плитами представлял функциональное единство, что в какой-то мере позволяет искать аналогии в раннем христианстве. В последнем алтарь-престол-жертвенник в начальной фазе своего существования составлял неразделимость одного объекта. Перестроенный алтарь в нашем случае как раз и демонстрирует такое пространственное единство. Обряд здесь, по-видимому, заключался в том, что немного вина вначале наливало в чашу жертвенника, а потом маленькими порциями проливалось на поверхность и в углубления между смещенных со своего места плит престола-алтаря.

В христианстве алтарь-престол-жертвенник разделился только с течением времени в ходе усложнения форм обрядности⁶. Под ними в первую очередь следует понимать проскомидию (изготовление на жертвеннике хлеба и вина) и евхаристию (преосуществление на престоле хлеба и вина в Тело и Кровь Иисуса Христа)⁷. Начало процесса выделения жертвенника в качестве обособленного элемента, предназначенного исключительно для подготовки Евхаристии, датируется достаточно поздним для нас временем — началом V в., когда была введена в практику литургия св. Василия Великого⁸.

Некоторую помощь в вопросах интерпретации алтарного комплекса могут оказать выявленные в 5 метрах к юго-западу от него каменные кругообразные сооружения. К настоящему времени обнаружено и исследовано пять таких сооружений (рис. 1, 2, 3). Все они сложены из необработанных камней мелких и средних размеров посредством однорядной, иррегулярной одно- или двухслойной кладки, сохранившейся на высоту от 0,1 до 0,2 м. Ширина кладки от 0,3 до 0,6 м. Диаметр колеблется от 1,4 м до 2,3 м. Часть из них (1, 2 и 4) стратиграфически связана со слоем последней четверти III — середины IV в. н.э., но продолжала функционировать и во второй половине IV — первой трети V в. н.э. Часть (3 и 5) — более поздние и, возможно, относятся уже к салтовскому периоду.

⁴ Русяева, Зубарь 2004, 374–375.

⁵ Папанова 2006, 158.

⁶ Шевченко 2011, 56.

⁷ Шевченко 2011, 73.

⁸ Шевченко 2011, 73.

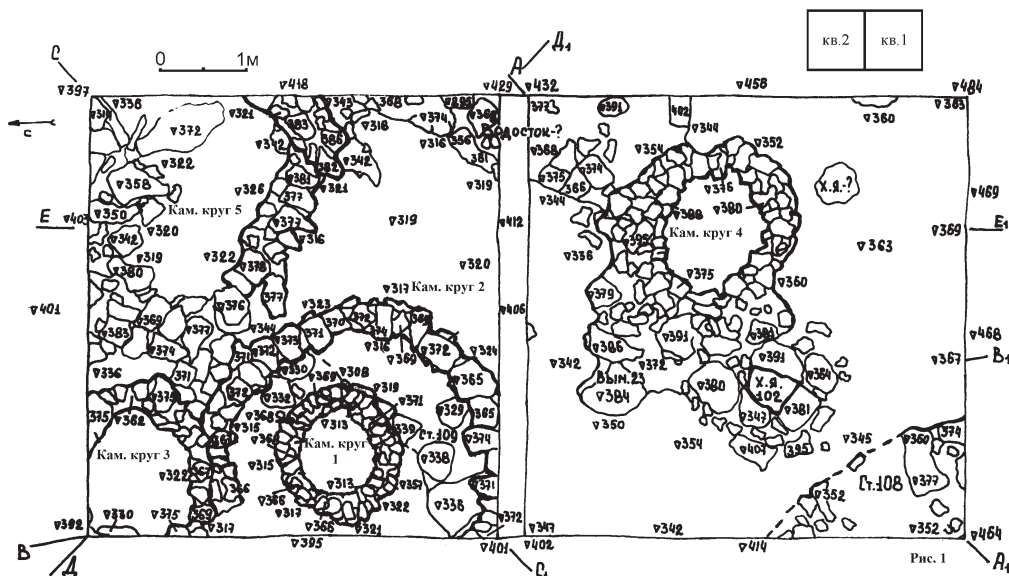

Рис. 1. Городище Белинское. Раскоп Восточный. Каменные круги.

Круглые конструкции для античного мира Северного Причерноморья не являются редкостью. Такими, например, были форма первых жилищ греческих переселенцев⁹ и каменные обкладки цилиндрических ям на царской хоре Боспора¹⁰. Однако компактное расположение и необычный вид кругов на «Белинском» городище однозначно свидетельствуют о культовом характере этих построек, и, следовательно, для их интерпретации необходимо выявить аналогии с сакральными функциями. Такие аналогии можно найти в культовом комплексе II–V вв. н.э. в Китае и в каменных кругах на некрополе Илурата.

Китайское святилище, кроме своих форм (две постройки из четырех имели круглую форму)¹¹ и явно сакральной функции, почти ничего общего не имеет с кругами «Белинского» городища. Оно в первую очередь интересно нам с точки зрения обрядовой традиции на Европейском Боспоре, о чём речь пойдёт ниже. Иное дело каменные круги на некрополе Илурата. От кругов городища «Белинское» они отличаются большим диаметром (6–7 м) и своим местоположением не на городище, а на некрополе. В то же время есть и общие черты, и в первую очередь это касается датировки построек.

В.Ф. Гайдукевич в своё время датировал илуратские круги III–IV и более поздними веками, то есть временем, когда Илурат уже лежал в руинах¹². З.В. Ханутина и В.А. Хршановский предприняли попытку «удревнить» памятники до II–III вв. н.э. В этом случае время создания большинства кругов оказывалось син-

⁹ Носова 2005, 31–43.

¹⁰ Масленников 2010, 181–184.

¹¹ Молев, Молева 2007, 84–89.

¹² Гайдукевич 1950, 188; 1958, 138.

Рис. 2. Городище Белинское. Раскоп Восточный. Каменные круги. Вид с северо-запада.

Рис. 3. Городище Белинское. Раскоп Восточный. Каменные круги. Вид с юго-запада.

хронным погребениям илуратского некрополя¹³. Сложность более точной датировки связана с тем, что круги как на Илурате¹⁴, так и на «Белинском» городище использовались длительное время, в том числе и в салтовский период. Возможно, именно последним обстоятельством объясняется такой широкий разброс связанного с кругами материала: фрагменты керамики эллинистического времени и материал первых веков нашей эры¹⁵ встречаются здесь вместе с артефактами салтовской эпохи.

Во-вторых, можно отметить некоторую схожесть в топографии памятников. По условиям своего расположения (северо-восточный угол плато, рядом с обрывистыми склонами речной балки) круги Белинского городища довольно схожи с расположением кругов №№ 102 и 103 на Илурате (такой же северо-восточный угол плато, и тоже рядом с крутыми склонами берега реки)¹⁶. Скорее всего это не простая случайность. Добавим к этому, что степень археологической изученности городища «Белинское» (равно как и его некрополя) существенно меньше, чем Илурата. Мы не исключаем возможности обнаружения новых кругов на других участках, тем более что такой прецедент уже имел место на раскопе «Северный»¹⁷.

В-третьих, обращает на себя внимание, что круги на Илурате, как и алтарь, расположенный рядом с кругами на Белинском городище, непосредственно связаны с обрядом возлияния жидкости. В скальном основании каменных кругов на Илурате были выявлены воронковидные углубления в грунте¹⁸, а в одной из конструкций подпрямоугольной формы со скругленными углами обнаружена целая система чашеобразных углублений соединенных искусственными канавками. Данная конструкция дополнялась лежавшим посередине *in situ* круглым известняковым жерновом (вспомним жертвенник в алтарном комплексе городища «Белинское»!).

По всей вероятности, жернов играл важную роль в обряде, ведь он лежал над вырубленным в скале округлым углублением. Правда, к последнему подходу искусственные канавки со стороны, что подвергает сомнению возможность использования отверстия жернова для собственно пролива жидкости¹⁹. Однако данное отверстие могло быть предназначено не только для возлияния. С IV в. в христианстве появляется особый тип престола, в мензе которого, помимо чашеобразного углубления (для пребывания вина), специально проделывалось сквозное отверстие, которое давало возможность проведения обряда «пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело. Представления о литургическом характере таких престолов со сквозными отверстиями были утрачены уже ко времени крестовых походов²⁰.

Любопытно, что в центре одного из каменных кругов на Илурате, в скальном основании, было обнаружено углубление (для обряда возлияния?) в виде грубо вырубленного креста, слева от которого схематично была изображена рыба, спра-

¹³ Ханутина, Хршановский 2003, 317–318.

¹⁴ Кубланов 1979, 96–97.

¹⁵ Ханутина, Хршановский 2003, 320.

¹⁶ Ханутина, Хршановский 2003, 316.

¹⁷ Зубарев 2003, 146.

¹⁸ Зубарев 2003, 318–319.

¹⁹ Зубарев 2003, 319–320.

²⁰ Шевченко 2011, 63.

ва — птица, а у основания располагались антропоморфные контуры²¹. По мнению П. Д. Диатроптова, В. Ю. Юрочкина и Е. А. Зинько, данный каменный круг использовался первыми христианами для совершения культовых обрядов²², а так как речь идет о территории некрополя, не исключено, что здесь совершались трапезы любви — поминальные агапы, популярные среди ранних христиан в первые века н.э.

Сам обряд поминовения на трапезе, напоминающий языческую тризну, включал омовение, то есть освящение менсы, пение, ритаульные танцы, моления и собственно трапезу. В ходе последней иногда совершали возлияния еля и вина прямо в погребение, делясь трапезой с покойным²³.

К рубежу III–IV вв. на Боспоре уже довольно активно вели свою деятельность христианские общины. Своих единоверцев они погребали на определенных участках некрополя, где устанавливали погребальные стелы с изображением креста²⁴. В этой связи несомненный интерес представляет обнаруженная предположительно в районе Илурата пряжка IV в. с квадратной сердоликовой вставкой. На ней изображен крест с удлиненным нижним лучом и по птице с двух сторон креста. При этом поперечные окончания этого, безусловно христианского, креста специально выделены округлой формы, причем на всех четырех лучах²⁵.

В первые века н.э. для передачи основных догм новой религии христиане пользовались не только условными выражениями, словами и буквами²⁶, но и геометрическими формами, скрывающими истинный смысл для непосвященных²⁷. То, что символизм круга довольно прочно утвердился в христианстве, мы видим по изображению этой фигуры на стенах христианских склепов Боспора позднеантичного времени²⁸. Заметим, что среди них есть и такие, где внутри одного круга изображен другой²⁹ — принцип, напоминающий конструкцию из двух кругов (№№ 1 и 2) на «Белинском» городище. Климент Александрийский (II в.) объяснял круг тем, что Бог «есть круг, в котором все силы движутся и Им же собираются (объединяются). Поэтому Логос именуют Альфой и Омегой»³⁰. Хорошей иллюстрацией этих слов является изображение в китейском склепе первой половины IV в. н.э.³¹ корабля с мачтой и реей с человеком на борту, над которым нарисован крест в круге с буквами *A* и еще какими-то непонятными знаками. Еще Ю. Ю. Марти предполагал, что это Альфа и Омега³². По мнению Е. А. Зинько, после Альфы здесь расположено стилизованное изображение якоря или T-образного креста и обвивающей его рыбы, а затем Омеги³³, то есть в любом случае речь идет о христианском сюжете, в котором важное место занимает круг.

²¹ Кубланов 1979, 97.

²² Diatropov 1999, 224; Юрочкин 2002, 35; Зинько 2007, 60–61.

²³ Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 170.

²⁴ Зинько 2007, 61–62.

²⁵ Зинько 2007, 58.

²⁶ Зинько 2007, 61.

²⁷ Зинько 2003, 80–81.

²⁸ Зинько 2007, 63.

²⁹ Зинько 2007, 63.

³⁰ Уваров 2001, 77.

³¹ Юрочкин 2002, 42.

³² Гайдукевич 1959, 229.

³³ Зинько 2003, 85.

Рис. 4. Городище Белинское. Раскоп Восточный. Стационарный алтарь. Вид с востока.

Рис. 5. Городище Белинское. Раскоп Восточный. Стационарный алтарь. Вид с запада.

Допуская предположение об отправлении в каменных кругах Илурата и на «Белинском» городище христианских обрядов, мы далеки от мысли считать их изначально христианскими постройками, тем более что каменные круги (равно как и другие круглые постройки) для ранних христиан абсолютно не характерны. Хорошо известно, что в IV в. на Боспоре христиане еще не сооружали специальных зданий для богослужений, а приспособивали для этих целей заброшенные погребальные или иные античные постройки³⁴. Однако мы не можем согласиться и с другой крайностью, предполагающей, что круги — это объекты, не имеющие никакого отношения к культам и верованиям, например, сторожевые башни³⁵ или обкладки юрт-зимников³⁶, наподобие кругов на Гераклеяском полуострове.

В округе Херсонеса действительно были обнаружены не связанные между собой каменные фундаменты круглых форм. В большинстве случаев они вплотную примыкали к жилым усадьбам и, судя по материалу, действительно относились к жилым помещениям³⁷. В отличие от этих конструкций, небольшие размеры и компактное расположение кругов на «Белинском» городище, как и местоположение илуратских кругов среди могил, не вызывают сомнений в их сакральной принадлежности.

Отсутствие близлежащих аналогий определенно указывает на варварскую основу данных памятников. Однако мы не считаем возможным связывать каменные круги Восточного Крыма с сооружениями Лебедевского могильника (II — начало III в. н.э.) на Южном, как это предложили З. В. Ханутина и В. А. Хршановский³⁸. Там нет главного — собственно каменных кругов и системы жертвенников для пролива жидкости. Зато мысль, которую высказала М. Г. Мошкова в связи с интерпретацией круглых и овальных площадок окруженных валиками на указанном позднесарматском могильнике, нам представляется верной. По ее мнению, эти сооружения использовались для погребальных обрядов, ограждения тела умершего или для ритуальных трапез³⁹. Ученый делает вывод, что аналогичные сооружения (прямоугольные или круглые площадки, ограниченные невысоким валом) есть и в Хорезме. Ю. А. Раппопорт считал их убежищами для душ погребенных. Члены рода собирались здесь для совершения обрядов в память умерших⁴⁰.

Подобную сакральную функцию, по-видимому, выполняли и каменные круги на территории Скандинавии, где они были известны еще с эпохи неолита. В первых веках н. э. они начинают распространяться на севере Дании, Германии и Польши. Несмотря на то, что под некоторыми такими конструкциями захоронения отсутствуют, так или иначе все они были связаны с погребениями⁴¹.

В определенной мере это подтверждают и круги Европейского Боспора. На «Белинском» городище они расположены на обрывистом мысе с таким прекрасным обзорным видом на некрополь, что считать это простым совпадением вряд ли будет правильным. На Илурате круги находятся непосредственно среди могил.

³⁴ Зинько 2007, 59.

³⁵ Ханутина, Хршановский 2003, 317; Зубарь 2006, 146; Сапрыкин 2005, 170–171, 69.

³⁶ Гайдукевич 1958, 138.

³⁷ Зубарь 2006, 145–152.

³⁸ Ханутина, Хршановский 2003, 321.

³⁹ Мошкова 1984, 196–201.

⁴⁰ Раппопорт 1979, 155–164.

⁴¹ Щукин 2005, 29.

Более того, в центре одного из кругов выявлено погребение, которое прямо свидетельствует не только в пользу предположения о хтонической сущности связанных с кругами обрядов, но и может означать связь данных памятников с германской традицией. Тем более что указанное захоронение датируется по комплексу материалов, в том числе и по медной монете Аркадия (395–408 гг.), первой половиной V в. н.э., то есть временем Великого переселения народов⁴². Однако прямой перенос сарматской и германской традиций на памятники Европейского Боспора невозможен.

Верования, которые отражают комплексы на Белинском городище и Илурате, мы видим уже в сильно трансформированном и синкретическом виде. На Илурате, например, на это указывает размещенный в центре одного из сооружений жернов⁴³. На Боспоре в античное время жернова и зернотерки традиционно выступали в качестве хтонических алтарей⁴⁴. Считать данный жернов пяточным камнем для установки центрального столба юрты⁴⁵ неверно, так как центральный столб не характерен ни для жилищ ранних кочевников, ни для более поздних тюркских юрт⁴⁶.

На «Белинском» городище религиозный синкретизм проявляется в переделанном, но не ставшем от этого менее традиционным античном алтаре и, возможно, в небольшом по размеру зольнике, вплотную примыкавшем к каменным кругам с юго-востока. Многочисленный амфорный материал уверенно датирует его позднеантичным временем. Любопытно, что подобным образом расположен культовый комплекс с круглыми постройками и в Китее⁴⁷. Пепел встречается и при расчистке илуратских конструкций⁴⁸. Считается, что такие зольные культовые объекты были связаны с земледельческой магией и почитанием женского божества⁴⁹.

Зольники, занимающие важное место в сакральной жизни многих народов, были неизвестны в Северной Европе, но являлись почти обязательным атрибутом поселенческих структур хоры Европейского Боспора, особенно римского времени⁵⁰. Расположенный рядом с кругами зольник на «Белинском» городище мог иметь отношение к поздним скифам, активно практиковавшим этот обряд, так или иначе связанный с культом женского божества⁵¹. Наличие позднескифской традиции на городище отмечалось и ранее⁵². Прослеживается она и на Илурате. Изображение богини с широко известного круглого глиняного штампа, обнаруженного в соседнем с жертвенником доме, аналогично росписи склепа II–III в.н.э.

⁴² Ханутина, Хршановский 2003, 318.

⁴³ Ханутина, Хршановский 2003, 319–320.

⁴⁴ Молев, Молева 2007, 85.

⁴⁵ Федосеев 2006, 304.

⁴⁶ Изогнутость жердей кровли тюркской юрты позволяла не ставить опорные столбы. Однако и в дальнейшем у монголов их было несколько, и располагались они не по центру. На них опирался светодымовой обруч, а в центре юрты находился очаг для приготовления пищи и обогрева жилища (Вайнштейн 1976, 42–62).

⁴⁷ Молев, Молева 2007, 84.

⁴⁸ Ханутина, Хршановский 2003, 319.

⁴⁹ Зубарев, Ярцев 2008, 20–21; 2012, 282–283.

⁵⁰ Масленников 2007, 406–457.

⁵¹ Высотская 2001, 77–87.

⁵² Зубарев, Ярцев 2011, 144–149; 2012, 279–282.

на некрополе Неаполя Скифского. Совпадают не только голова божества в виде кроны дерева (здесь она органически сливается со священным деревом жизни)⁵³, но и крылатые кони по сторонам богини⁵⁴. На Китейском святилище, по мнению его исследователей, вплоть до IV в. включительно отправлялся культ Великой Матери, который в позднеантичное время заменил собой предшествующие культы всех греческих хтонических богинь плодородия и ее спутников⁵⁵.

Культ Великой Матери у поздних скифов был неразрывно связан с магией круга. Конечно, скифы не возводили никаких каменных кругов, но площадкам под зольники они принципиально придавали круглые формы, укрепляя их очертания каменной оградой или ровиком⁵⁶. Также не случайно на одном из votивных предметов из Усть-Альминского зольника (небольшой каменной плитке подквадратной формы) с двух сторон были нанесены очертания кругов⁵⁷, а на каменной стеле городища «Чайка», над сценой адорации верховной богини, помещены прямоугольник и четко очерченный двумя линиями круг⁵⁸. Т. Н. Высотская склоняется к мнению, что круг у поздних скифов имел то же значение, что и в древнеиндийской религии, то есть значение земного огня (а четырехугольник — огня небесного)⁵⁹. Однако заметим, что такому предположению явно противоречит хорошо известная бронзовая фигура великой богини из Усть-Альминского могильника (из склепа второй половины I–II вв. н.э.), покровительницы животных, образ которой к этому времени явно слился с образом Афродиты, ставшей хтоническим божеством⁶⁰. Богиня с руками на поясе располагалась в центре круга из цветов, плодов и животных⁶¹, то есть в круге земном, что, возможно, приоткрывает тайну значения и места круга в системе представлений поздних скифов.

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что поздним скифам не были чужды и обряды, связанные с проливом жидкости. Несмотря на свидетельство, что скифы не использовали вино в качестве возлияний (Лис. Тох. 45), в одном из помещений царского дворца Неаполя Скифского был обнаружен необычный жертвенник, который представлял собой вертикально установленную синопскую амфору II в. до н.э. Ее горло было запечатано деревянной пробкой, ножка аккуратно отбита. Отверстие примыкало к скале, и вино, стекая при проливе, постепенно уходило в землю. Жертвенник связывают с заупокойным культом и считают, что он имел прямое отношение к смерти хозяина дворца царя Скилура⁶². Следовательно, поздним скифам все же был известен обряд возлияний хтоническим божествам и душам умерших предков⁶³, причём и в этом случае речь идёт об использовании вина в качестве главного элемента обряда.

⁵³ Гайдукевич 1958, 83.

⁵⁴ Коренцвит 2007, 161–162.

⁵⁵ Молев, Молева 2007, 88.

⁵⁶ Высотская 2001, 84.

⁵⁷ Высотская 2001, 80–81.

⁵⁸ Попова 1974, 222–230.

⁵⁹ Высотская 2001, 81.

⁶⁰ Высотская 1994, 129–130.

⁶¹ Пуздровский 2002, 110–111.

⁶² Зайцев 1997, 47.

⁶³ Сон 1993, 116.

Изготовление вина являлось мистическим актом, и неслучайно святилища, посвященные хтоническим божествам, возводили именно там, где находились винодельни⁶⁴. В понятиях древних вино заменяло кровь при жертвоприношениях и связывало мир живых и мир мертвых. Ведь для того чтобы потусторонние силы смогли войти в контакт с живыми людьми, хтонических богов и умерших предков необходимо было насытить кровью или ее заменителем вином⁶⁵. Все это хорошо согласуется как с античными, так и с варварскими традициями.

Так, по словам Геродота, помимо обливания вином голов приносимых в жертву пленников (Herod. IV. 62), этот дорогой напиток являлся неотъемлемым компонентом ритуального пира. Правда, из сосуда для смешения вина могли пить «только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» (Herod. IV. 66). Огромную роль вина в пиршестве германцев отмечает Тацит. По его словам, у них вообще «беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно. Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесной перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран. Но по большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвижении вождей, наконец и мире и войне, полагая, что ни в какое другое время душа не бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом... Потворствуя их страсти к бражничанью и доставляя им столько хмельного, сколько они пожелают, сломить их пороками было бы не труднее, чем оружием» (Tacit. Germ. 22. 23).

Пир у варваров действительно считался важнейшим политическим, религиозным и общественным мероприятием, и участие в нем было почетным правом избранного круга аристократии⁶⁶. Данные археологии подтверждают приведенные выше письменные свидетельства. Судя по инвентарю богатых княжеских захоронений Центральной и Северной Европы, древнегерманская аристократия не представляла свое обитание в потустороннем мире без престижных римских столовых наборов для вина⁶⁷. Великолепные южноиталийские серебряные и золотые кубки и вазы из богатых сарматских курганов первых веков нашей эры (Хохлач, Садовый, Жутово, Высочино), составляющие целые сервизы для вина, свидетельствуют о схожей картине представлений и у сарматских племен⁶⁸. В черняховском культурном комплексе ритуальный сервиз для вина, несмотря на то что подвергся упрощению, все так же остался свидетельством принадлежности умершего к верхним слоям общества. Действительно, трудно что-либо возразить против факта присутствия предназначенного для вина сосуда в черняховском погребении ребенка 3–4 лет. Это явно говорит не о пристрастии к вину, а об аристократическом происхождении и праве ребенка в загробном мире занять свое место в кругу пирующих предков⁶⁹.

⁶⁴ Винокуров 2002, 39–45.

⁶⁵ Винокуров 2002, 57–60.

⁶⁶ Магомедов 2001, 32.

⁶⁷ Кулаков 2005, 283.

⁶⁸ Мошкова 1989, 207.

⁶⁹ Магомедов 2001, 32–33.

Появившиеся на границах Боспора во второй половине III–IV в. н.э. варвары в социальном плане относились к дружинному типу культуры⁷⁰. По понятным причинам особую роль в таком не связанном между собой родством обществе играл обряд побратимства, в котором вино, так же как и на пиршествах, играло наиважнейшую роль. Постоянная угроза жизни и готовность к смерти вызывали острую необходимость в верных товарищах по оружию. Это была одна из главнейших причин востребованности вина в профессиональных воинских коллективах. Напомним, что скифы с этой целью пили вино из одной чаши с примесью крови (Herod. IV. 70). Однако заметим, что побратимство, то есть установление родства как с людьми, так и с божеством⁷¹, неизбежно вело к почитанию родственников, в том числе и умерших предков и подземных богов. Учитывая связь каменных кругов с культом предков и хтоническим миром, становится понятным возведение этих конструкций либо на некрополе, либо с видом на него и одновременно рядом с местом производства вина. Не исключено, что именно в этих священных местах чашу с вином и кровью пускали по кругу, после чего все воины должны были не только объединиться кровной связью в единое целое, но и получить силу и мощь животного или человека, чью кровь они пили⁷². Таким образом, с одной стороны, круги продолжали играть роль святилищ, где происходила связь мира живых и мира мертвых, с другой — обряды стали здесь совершаться с опорой не на человеческие погребения, а на кровавые жертвоприношения (как правило, животных) и возлияния вином. На Илурате, по-видимому, такая связь с потусторонним миром обеспечивалась в первую очередь расположением кругов на некрополе и только потом другими элементами обряда. На «Белинском» городище именно виноделие вышло на главную роль в подобной сакральной обрядовой практике.

Данный вывод косвенно подтверждают находки в золистом слое, связанном с кругами на Белинском городище, — многочисленные фрагменты пифосов, амфор и амфорных пробок. Не противоречат этому и найденные здесь пирамидальные ткацкие грузила, которые могли являться вотивами в обрядах, связанных с виноделием⁷³. Видимо совсем не случайно здесь же обнаружено большое количество виноградной улитки, кстати, отмеченной исследователями и на сооружениях Илурата⁷⁴ и в Китейском святилище⁷⁵. И совсем уже многозначительной находкой является выявленный рядом с кругами «Белинского» городища фрагмент тарапана из местного известняка, предназначенный для производства вина.

В этой связи причина, по которой некоторые круги могли быть использованы христианами, скорее всего, гораздо глубже и серьезней, чем просто семантика известной нам геометрической фигуры. Заметим, что в первые века н.э. христиане отправляли свои обряды исключительно в местах, которые были связаны с потусторонним миром⁷⁶: «Под жертвенником души убиенных за слово Божие» (Откр. 6:9). Не исключено, что именно поэтому одной из причин выбора места для богослужений оказалось наличие рядом неразрывно связанного с потусторонним

⁷⁰ Зубарев, Ярцев 2008а, 118.

⁷¹ Винокуров 2002, 40.

⁷² Фрэзер 1986, 185.

⁷³ Винокуров 2002, 56.

⁷⁴ Ханутина, Хршановский 2003, 319.

⁷⁵ Молев, Молева 2007, 85.

⁷⁶ Зинько 2007, 59.

миром винодельческого комплекса. Преосуществление на престоле хлеба и вина в Тело и Кровь Иисуса Христа привело к тому, что виноград и виноградная лоза стали играть одну из важнейших ролей в раннехристианском символизме, о чем прямо свидетельствуют слова Христа: «Я есть истинная виноградная лоза» (Иоанн. 15: 1). Местный материал довольно наглядно иллюстрирует эти слова. Например, изображение виноградной лозы, листьев и гроздьев к IV в. выдвигается на одно из главных мест в раннехристианских росписях херсонесских склепов⁷⁷.

Любопытно, что в слое салтовского периода, перекрывшем каменные круги «Белинского» городища, помимо специфической керамики, обнаружено довольно большое количество амфор «причерноморского типа». Скорее всего, к этому же периоду относится и вкопанный в грунт рядом с кругами пифос, от которого сохранилась лишь нижняя часть. Все эти артефакты свидетельствуют, что основой хозяйства осевших здесь людей продолжало оставаться виноделие. Это не противоречит современным представлениям о булгарах, которые, в результате хазарского завоевания лишившись своего скота, были вынуждены оседать на землю и переходить к занятию земледелием и отгонно-пастбищным скотоводством⁷⁸. Более того, считается, что хазарские тидуны собирали дань с подвластных им крымских варваров не только натуральной сельхозпродукцией, но и вином⁷⁹. Может быть, именно с этим связано то, что некоторые из каменных кругов в это время были явно переложены или даже сложены заново (№№ 3 и 5). Круг № 5 поэтому и отличается от других конструкций неровной формой и тем, что для создания одной из его сторон была использована кладка фундамента античной стены. Видимо, не случайно и на Илурате также была зафиксирована переделка и вторичное использование в VIII в. некоторых каменных кругов⁸⁰.

Сейчас трудно сказать, восстановили ли болгары античное святилище в понятной для себя форме или речь здесь вообще не идет о культах и верованиях⁸¹. Анализ каменных конструкций на Белинском городище более предполагает первое, чем второе. Косвенно это доказывает и восстановление здесь виноделия, которое уже само по себе предполагало задабривание сил природы. Салтовские святилища Крыма достаточно редки, но особенности тех, которые нам известны⁸², позволяют утверждать, что круглые каменные выкладки для тюрко-булгар были не характерны. Вот почему вызывает удивление факт вторичного использования кругов как на Илурате, так и на «Белинском» городище. Вероятно, переселенцы были уверены, что эти памятники были как-то связаны с производством вина, столь важного для них сейчас, поэтому пытались умиловить сверхъестественные силы, которые, как они предполагали, и раньше обеспечивали божественную поддержку этому процессу. Все это лишний раз подтверждает вывод, что в основе салтово-маяцкой культуры лежит местная сармато-аланская культура⁸³.

⁷⁷ Зубарь, Хворостяный 2000, 78.

⁷⁸ Тортика 2005, 469–470.

⁷⁹ Тортика 2005, 484.

⁸⁰ Кубланов 1979, 96–97.

⁸¹ Например, возведенный на Илурате внутри круга «с крестом» прямоугольный дом продолжил традиции святилища или же не имел к нему никакого отношения? (Кубланов 1979, 97).

⁸² Баранов, Майко 2001, 98–110; Зинько, Пономарев 2005, 414–415; Сорочан 2008, 111.

⁸³ Тортика 2005, 462.

Таким образом, новый сакральный комплекс «Белинского» городища достаточно информативно отражает происходившие в идеологии местного населения в позднеантичный период изменения. В первую очередь это касается резкого усиления хтонического начала в религии и формирования языческого монотеизма (распространения культа Великой Богини). Выложенные каменные круги вместе с расположенным рядом алтарем отражают синкретический пласт верований, сложившийся на городище в это время⁸⁴. Безусловно, он вобрал в себя позднескифские, сармато-аланские и германские культурные черты. Однако именно виноделие, несмотря на этническую смену населения, обеспечило не только преемственность традиций, связанных с отправлением хтонических культов и обрядов, но и допустило возможность использования святилища ранними христианами. Семантика выложенных на земле каменных фигур и внутренняя духовная составляющая данного места нашли свое объяснение и с позиции новой религии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов И. А., Майко В. В.* 2001: Тюркское святилище Сугдеи // РА. 3, 98–110.
- Вайнштейн С. И.* 1976: Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 4, 42–62.
- Винокуров Н. И.* 2002: Античный социум: культ вина и винограда // БИ. II, 27–88.
- Высотская Т. Н.* 1994: Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Высотская Т. Н.* 2001: К вопросу о позднескифских зольниках // РА. 3, 77–87.
- Гайдукевич В. Ф.* 1950: Боспорский город Илурат // СА. XIII, 173–204.
- Гайдукевич В. Ф.* 1958: Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 85, 9–140.
- Гайдукевич В. Ф.* 1959: Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 69, 154–238.
- Зайцев Ю. П.* 1997: Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 3, 36–50.
- Зинько Е. А.* 2003: Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. X, 78–89.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* 2005: Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. XI, 406–429.
- Зинько Е. А.* 2007: Христианские склепы некрополя Боспора IV–VI вв. // МАИЭТ. XIII, 56–67.
- Зубарев В. Г.* 2003: Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища Белинское) // ДБ. 6, 138–151.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2007: К вопросу об инновационных влияниях на сакральную жизнь сельского населения Европейского Боспора в позднеантичный период (на примере сакральных объектов городища «Белинское» и его некрополя) // БЧ. VIII, 154–160.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2008: К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское» // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф.: в 5 т. Т.3. / О. Г. Вронский (ред.). Тула, 17–26.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2008а: К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Причерноморья и Крыма позднеантичного периода // БИ. XIX, 113–128.

⁸⁴ Зубарев, Ярцев 2007, 154–160.

- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2011: Новое культовое погребение из раскопок городища «Белинское» // БЧ. XII, 144–149.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2012: Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища Белинское // БИ. XXVI, 275–289.
- Зубарь В. М.* 2006: Круглые постройки на Гераклеяском полуострове. По поводу датировки и интерпретации // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре / Материалы III Судакской международной конференции. Т. II / Н. М. Куковальская (ред.). Киев; Судак, 145–152.
- Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* 2000: От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III в. — первая половина VI в.). Киев.
- Коренцив В. А.* 2007: Святилище в Илурате // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Международной научной конференции. Ч. 1. / П. Гульдагер Бильде, М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 159–168.
- Кубланов М. М.* 1979: Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 159, 90–97.
- Кулаков В. И.* 2005: Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н.э. // STRATUM+(2003–2004. 4). Между певкинами и феннами / М. Б. Щукин (ред.). СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 278–382.
- Магомедов Б. В.* 2001: Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.
- Масленников А. А.* 2007: Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула.
- Масленников А. А.* 2010: Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* 2012: Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков.
- Молев Е. А., Молева Н. В.* 2007: О культовой принадлежности архитектурного комплекса II–V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время / МАИЭТ — Supplementum 4 / В. Н. Зинько, В. В. Крапивина (ред.). Симферополь, 84–89.
- Мошкова М. Г.* 1984: Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / А. И. Мелюкова (ред.). М., 196–201.
- Мошкова М. Г.* 1989: Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / А. И. Мелюкова (ред.). М., 202–214.
- Носова Л. В.* 2005: О грунтовых постройках округлой формы в Северо-Западном Причерноморье античной эпохи // Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности / Н. Н. Болгов (ред.). Белгород, 31–43.
- Папанова В. А.* 2006: Урочище сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев.
- Попова Е. А.* 1974: Рельеф с городища «Чайка» // СА. 4, 222–230.
- Пуздровский А. Е.* 2002: К вопросу о культе женского божества у поздних скифов // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: материалы Международной научной конференции. Ч. 2. / М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 105–115.
- Раппопорт Ю. А.* 1979: Кочевники на границах Хорезма. М.
- Русяева А. С., Зубарь В. М.* 2004: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. - третья четверть III в. Культурные традиции и новшества // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — IV в. н.э. / П. П. Толочко (ред.). Харьков, 333–430.
- Русяева А. С.* 2005: Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Сапрыкин С. Ю.* 2005: Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.

- Сон Н. А.* 1993: Тира римского времени. Киев.
- Сорочан С. Б.* 2008: О положении и статусе Сугдеи в VI–IX вв. // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник / В. И. Кадеев (ред.). Харьков, 108–124.
- Тортика А. А.* 2005: Лесостепное Подонье-Придонецье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. XI, 459–489.
- Уваров А. С.* 2001: Христианская символика. М.; СПб.
- Федосеев Н. Ф.* 2006: Ойкос среди могил // БЧ. VII, 301–309.
- Фрэзер Д. Д.* 1986: Фольклор в Ветхом Завете. М.
- Ханутина З. В., Хрищановский В. А.* 2003: Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. III, 315–328.
- Шевченко Т. М.* 2011: Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. Київ.
- Шевченко Ю. Ю.* 2011: К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма / М. М. Чореф (ред.). Севастополь; Тюмень, 55–147.
- Шукин М. Б.* 2005: Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.
- Юрочкин В. Ю.* 2002: Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии / В. Ю. Юрочкин (ред.). Киев, 21–50.
- Diatroptov P. D.* 1999: The Spread of Christianity in the Bosporus in the 3-rd — 6-th centuries // ACSS. 5.3, 215–244.

THE NEW SACRAL COMPLEX IN BELINSKOYE SETTLEMENT IN THE EAST CRIMEA

V. G. Zubarev, S. V. Yartsev

The article deals with the research and the interpretation of a complex sacral monument of Late Antique and Khazar periods in the Belinskoye Settlement in the East Crimea. The authors trace the connection of the object with different aspects of religious life of European Bosporus inhabitants of the period, including early Christianity. Complex approach to the sources makes it possible to infer the key role of viniculture in the functioning and traditions continuity of the above mentioned sanctuary.

Key words: The European Bosporus, Belinskoye Settlement, stone circles, altar, viniculture, ritual, sanctuary

---

© 2014

С. В. Ярцев

БОСПОР И ХЕРСОНЕС НАКАНУНЕ ГУННСКОГО НАШЕСТВИЯ

Статья посвящена сложной теме истории античных государств Таврии в период правлений Констанция II, Константа и Юлиана II. Автором подробно рассматриваются многочисленные аспекты, связанные с заключительной стадией боспоро-херсонесского военного конфликта, о котором рассказывает четвертый сюжет «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного. По мнению автора, последняя война Херсонеса с Боспором относится к событиям, имеющим отношение к религиозному конфликту Константа и Констанция II. После поражения Боспор продолжил свое существование в качестве автономной части херсонесского государства.

Ключевые слова: боспоро-херсонесские войны, император Констанций II, император Констант, меотийские варвары, грейтунги

Военные действия между Боспором и Херсонесом, известные нам из четвертого сюжета 53 главы сочинения Константина «Об управлении империей»¹, не имеют прямых подтверждений в других источниках². Однако не исключено, что сведения из данного сюжета могут отражать реальные события, произошедшие на полуострове в позднеантичное время. Для доказательства этого предположения необходимо провести комплексное исследование истории античных государств Таврии и окрестных варваров в период правлений Константа, Констанция II и Юлиана II, то есть времени, когда могли произойти указанные события³. Такой подход может опровергнуть или допустить возможность наличия исторической основы в тексте достаточно позднего сочинения.

Почти сразу же после смерти Константина Великого 22 мая 337 года в империи произошла ожесточенная схватка за власть. Узнав о смерти отца, Констанций II срочно вернулся с персидской границы в Константинополь, где инициировал мятеж, использовав слухи об отравлении Константина своими братьями (Philost. 2.16; Zon. 13.4). В результате кровавых событий⁴ были убиты два брата Константина и фактически уничтожена вся боковая линия детей Констанция I и Феодоры⁵. Погиб и племянник Константина — Нобилиссим, царь царей и понтийских племен — Ганнибалиан⁶ (Jul. Ep. Ath.270C; Zosim. II. 40.3). После захвата владений своих убитых родственников цезарь Востока Констанций II стал августом

Ярцев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

¹ Здесь и далее цитируется по Константин Багрянородный / Пер. Г.Г.Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991.

² О специфике данного сочинения и неоднозначном к нему отношении см. Ярцев 2008, 69–85; 2010, 34–46.

³ Мы исходим из того, что предшествующий военный конфликт (о котором повествует третий сюжет повествования) должен датироваться эпохой единоличного правления Константина Велико-

⁴ Произошедших до 9 сентября 337 г. (Болгов 2010, 123, 7).

⁵ Болгов 2010, 123, 7.

⁶ Болгов 2010, 123, 1.

Востока и Египта⁷. Следовательно, если Боспор, как и Херсонес, относился к ведению дел данной префектуры⁸, то это никак бы не отразилось на боспороримских отношениях. Однако на самом деле мы наблюдаем здесь совершенно иную картину. Боспор, восстановивший было чекан своих монет в последний год правления Константина Великого, вновь резко оборвал его в 337 г.⁹ Косвенно это подтверждает гипотезу о вхождении Боспора в состав «царства» Ганнибалиана в конце правления Константина¹⁰. Ведь получается, что именно гибель царя Понта и Боспора и ликвидация его царства вызвала прекращение субсидий, без которых продолжать денежную эмиссию Боспор не мог. Однако при этом помощь Боспору не поступила и от августа Востока и Египта, что свидетельствует о возникновении проблем и в отношениях с Констанцием II.

Сам же Констанций II, утвердившись во власти, вернулся на восток, где в это время Сапор II вторгся в Месопотамию и осадил Нисибин. При этом начавшаяся римско-иранская война 338–342 гг. приняла затяжной характер и отвлекла Констанция II от дел на западе¹¹ (Jul. Or. I. 18–22; Liban. 18.206, 59.75–93; Amm. Marc. XXV. 1.12, XXVI. 10.8). По мнению О. В. Шарова, для нейтрализации союзника Рима — Боспора, который обязан был оказывать помощь империи в этой войне, Сасанидский Иран использовал северокавказские племена, возможно, племена маскутов или зигхов, вследствие чего Боспорское царство вступило в период перманентной войны с варварами¹². С одной стороны, это объясняет возобновление римской помощи Боспору. Ведь только благодаря ей в это тяжелое время Рескупорид VI мог возобновить чекан своих монет в 341/342 г. Статеров с этой датой сейчас известно уже более десятка, и поэтому они справедливо считаются последней полноценной эмиссией на Боспоре¹³. Однако, с другой стороны, не совсем понятно, почему римская помощь была оказана не в начале военных действий, а в момент довольно серьезного внутреннего кризиса в империи. В 340 г. Констант, убив брата Константина II, захватил всю западную территорию Римской империи (Zosim. II. 41; Cons. Const. I.236; Hieron. Chron. 2356; Vict. Caes. 41.22; Eutrop. X. 9.2; Socr. II.5; Zon. 13.5), в результате чего возникла напряженная ситуация, которая не исключала возможности схватки за власть уже между Константом и Констанцием II.

Уточним еще раз: Боспор получил помощь не во время войны между Константином II и Константом, а после ее окончания, когда Римская империя оказалась во власти Константа и Констанция II. Другими словами, субсидии пришли на Боспор именно в период резкого ухудшения отношений двух августов. Известно, что в данном случае камнем преткновения являлись серьезные религиозные разногласия. Констанций II не просто симпатизировал арианству и арианствующим, но и всячески поддерживал последних рычагами государственной власти¹⁴, подвергая

⁷ Болгов 2010, 122, 7.

⁸ Зубарь 1998, 159.

⁹ Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 64.

¹⁰ Моммзен 1949, 268.

¹¹ Болгов 2010, 123–124, 8.

¹² Шаров 2009, 29.

¹³ Фролова 1975, 55; 1997, 188; Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 64.

¹⁴ Сидоров 2009, 39.

гонениям их противников¹⁵. Констант же являлся активным защитником решений I Вселенского собора в Никее, на котором еще в 325 г. осудили учение Ария и, поддержав Афанасия, приняли Никейский Символ Веры¹⁶. На пике конфликта Констант даже пригрозил Констанцию II войной, если он не восстановит александрийского епископа Афанасия на его престоле¹⁷. Напомним, что под решениями Никейского собора стоит подпись и боспорского епископа Кадма¹⁸. Возможно, что защита боспорской правящей элитой Никейского Символа Веры и стала причиной ее отказа от отношений с Констанцием II. В этой ситуации Констант, не скупившийся на финансовую поддержку церкви, вполне мог обеспечить субсидии Боспору, на которые Рескупорид VI и восстановил чекан монет в 341/342 г.¹⁹ Тем загадочнее выглядит последовавшее практически тут же достаточно резкое и, главное, окончательное прекращение денежной эмиссии на Боспоре. Общепринятое мнение о хозяйственном упадке и натурализации боспорской экономики уже не может объяснить этот факт боспорской истории²⁰. Безусловно, его причиной явилось некое экстраординарное событие, ведь именно после него Боспор вступил в свой темный двадцатилетний период истории, полностью исчезнув из всех письменных источников. На память сразу приходит фраза «царство савроматов в Боспоре было уничтожено» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 230–235), которой и заканчивается четвертый сюжет херсонесских рассказов. Очевидно, что именно заключительный этап войны между Боспором и Херсонесом лучше всего подходит в качестве причины указанной катастрофы.

Обращает на себя внимание, что прекращение чекана монет на Боспоре совпадает по времени с самым пиком конфликта Константа и Констанция II. Именно в это время мятеж в Константинополе 341 г. и требование Константа о восстановлении на кафедрах Афанасия и Павла привели к созыву в 342/343 г. церковного Собора в Сердикe, положившего начало еще более глубокому расколу в государстве. В ходе его работы в ответ на римскую авторитарность восточные епископы удалились в город Филиппополь, где организовали свой собственный Собор, на котором низложили девять лиц с римской стороны, включая папу Юлия. После окончания работы двух параллельных Соборов волна раскола и мятежей охватила страну. Мятеж в Андрианополе, например, Констанцию II удалось подавить, только казнив девять его организаторов²¹. Предположение, что в это время Констанций II с опорой на отряд херсонитов и союзные племена привел к покорности и Боспор, хорошо вписывается в общую картину волнений и мятежей в римских провинциях.

¹⁵ Талбацкий 2010, 17.

¹⁶ Сидоров 2009, 22–23.

¹⁷ Талбацкий 2010, 12–13.

¹⁸ Несмотря на то, что это имя в различных списках пишется по-разному, учеными не оспаривается факт присутствия боспорского епископа на Никейском соборе (Зубарь, Хворостянский 2000, 109; Зинько 2007, 59).

¹⁹ В этом случае изображение императора, которое в этот год поместил на своих монетах Рескупорид VI, являлось бюстом Константа.

²⁰ Болгов 1996, 40; Ярцев, Миляева 2010, 494–500. Прекращение государственной денежной эмиссии после 341/342 года затрудняет определение даты тезаврации кладов, в состав которых входили монеты последнего года чекана. Поэтому такие клады не могут служить основанием для выводов о дестабилизации на Боспоре в начале 40-х гг. IV в. н.э. (Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 86).

²¹ Величко 2012, 110–115.

Как считает Н. Н. Болгов, вскоре после начала или одновременно с прекращением чеканки боспорских монет умер Рескупорид VI, руководивший страной более 30 лет²². Однако даже в этом случае любому новому правителю также не было никакого смысла идти на конфликт с Констанцием II, если бы от него зависела помощь Боспорскому государству. Все будет выглядеть иначе, если допустить, что помощь на Боспор поступила не от Констанция II, а от Константа, решившего таким образом помочь своим единоверцам. Тем более что именно опираясь на поддержку этого августа, у Боспора появлялся шанс вернуть свои потерянные территории: «...через некоторое время снова другой Савромат, снарядясь и взяв с собою множество мужей с Меотидского озера, затеял войну против херсонитов. Перейдя клятвой утвержденные в Кафе первым Савроматом границы (что никогда никто из боспорян не дерзнет преступить их ради войны), пересек их сей Савромат, будто бы желая силой отнятую у него землю вызволить и получить обратно. Разумеется, херсониты — а венценосцем и протевонем страны херсонитов был в те времена Фарнак, сын Фарнака — также выступили против Савромата. Встретившись друг с другом в местах прежде названной Кафы, встали обе стороны на горах. Савромат, будучи велик ростом, был уверен в себе, бахвалился, понося херсонитов и полагаясь также на бесчисленное множество находившихся с ним. А Фарнак был мал ростом по сравнению с Савроматом и, видя толпу Савромата, порешил со своим войском, что он один сразится с Савроматом и не погубит бесчисленное множество людей. Итак, когда это решение было вынесено, Фарнак заявляет полчищу Савромата, говоря: “Какая надобность в том, чтобы произошла гибель такой толпы? Ведь не вы по собственному почину обратились к войне, а Савромат побудил вас. Посему возжелайте принудить его на поединок со мной, и если я с богом одолею его, вы уйдете в свои места без ущерба, а он сам и его город подчинятся мне; а если он одолеет меня, вы также уйдете в свои места, а он вступит в мои”». Далее в ходе поединка при помощи хитрой уловки Фарнак убивает Савромата. «Оказавшись победителем в борьбе, он распустил воинство Меотиды, а людей из Боспора забрал как пленников, отняв их землю. Он поставил в Кивернике, далеко от страны херсонитов, пограничные знаки, оставя им земли лишь в сорок миль. Эти пограничные знаки остаются на месте и поныне, тогда как упомянутые первые пограничные столбы находятся в Кафе. Немногих из боспориан удержав у себя для земледелия, Фарнак позволил всем прочим, удостоив сострадания, уйти к боспорианам. Отпущенные Фарнаком за проявленные им к ним благодеяния и человеколюбие воздвигли в его честь стелу в Боспоре. С тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 180–235).

В первую очередь отметим довольно точное указание расстояния в 40 миль в достаточно позднем источнике, если, конечно, определять расстояние от самого устья Боспора Киммерийского (городища Порфмий) и до Киммерика, локализуемого на г. Опук²³. Подтверждает информацию херсонесского повествования и независимый письменный источник, так называемый географический текст Исто-

²² Болгов 1996, 40.

²³ Голенко 2006, 129–130.

рического музея²⁴, который, несмотря на критику К. Цукермана²⁵, довольно точно отражает ситуацию на полуострове второй половины VI в.²⁶ В данном тексте Херсонская епархия охватывает территорию от Херсонеса до пределов Боспора, включая Кафу, под которой обычно понимают хору Феодосии или какой-то населенный пункт, расположенный в этом районе²⁷. Исходя из контекста упоминания о «местах, называемых Кафа» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 170–175), очевидно, что это необычное название появилось задолго до времени написания «Повествования о крепости Херсон». Обычно его связывают с осетинским *kaef* — *рыба*²⁸, древнеиндийским *карра* — *череп (холм, бугор)*²⁹ или древнегерманским *hafen* — *гавань*³⁰.

Однако археологические данные, подтверждающие сообщения позднего источника, не так однозначны. По оригинальной гипотезе В. Ю. Юрочкина, финальная стадия боспоро-херсонесской войны стала причиной переселения в Центральный и Юго-Западный Крым пленного боспорского населения, среди которого были и меотийцы. Именно этот факт нашел свое отражение на археологических памятниках указанных районов, где выделяются два культурно-хронологических горизонта II–III вв. и IV в. н.э. Для первого показательны погребения в грунтовых и подбойных могилах, для второго наиболее выразительными являются ингумации в склепах Т-образной конструкции (группа Озерное-Инкерман или инкерманская культура)³¹, с которыми обычно связывают миграцию в Крым алан³². И. Н. Храпунов также допускает возможность переселения в указанные районы вместе с северокавказскими племенами и части боспорского населения³³. Мы согласны, что памятники Озерное-Инкерман являются отражением переселенческой волны с востока³⁴. Правда, не совсем понятно, с какими же точно варварами ее можно будет связать.

На Боспоре подобный тип Т-образных склепов, который обычно связывается с аланами, появляется во II вв. н.э.³⁵, во всяком случае, с конца II — начала III в. н.э. данные погребальные сооружения уже широко распространяются на Европейском и Азиатском Боспоре³⁶. В Предгорном Крыму они появляются в первой половине III в. н.э.³⁷, что, вероятно, было связано с войнами против крымских скифов, которые Боспор вел с опорой на аланский племенной союз³⁸. Впервые же подобный тип склепов появился во второй половине II в. н.э. в предгорных

²⁴ Шангин 1938, 252–255.

²⁵ Цукерман 1994, 560, 47.

²⁶ Ярцев 2010а, 108, 4.

²⁷ Петрова 2000, 132; 2001, 51.

²⁸ Абаев 1970, 465; Бушаков 2003, 60.

²⁹ Трубачев 1999, 246.

³⁰ Катюшин 2012, 189–192.

³¹ Юрочкин 2000, 129–131; 2002а, 57–86; 2002б, 125–137; Колтухов, Юрочкин 2004, 177–179.

³² Айбабин 1999, 22–23; Храпунов 2004, 139–140, 149.

³³ Храпунов 2007, 172.

³⁴ Зубарев, Ярцев 2008, 113–117.

³⁵ Масленников 1990, 27–30; Юрочкин 2002б, 132;

³⁶ Айбабин 1999, 22–23.

³⁷ Храпунов 2004, 137–140.

³⁸ Зубарев 2009, 177–178.

районах Центрального Кавказа³⁹, в период активного формирования здесь аланской культуры⁴⁰. До этого времени обряд захоронения в указанном виде, то есть в курганах с ровиками и в Т-образных катакомбах, на просторах Великой Степи и территории Средней Азии, отсутствовал⁴¹.

Однако даже после того как погребальный обряд в целом сформировался, трансформация его продолжилась. Так, на Кавказе и на Нижнем Дону постепенно менялись формы входной ямы, дромоса, погребальной камеры⁴², а в Крыму исчезли курганные насыпи, стрельчатый потолок⁴³. Такие изменения, безусловно, были связаны с седентаризацией населения в эпоху миграций⁴⁴ и эволюцией социальной структуры аланского общества. Отказ аланами от многоразового использования катакомб, появление у них курганной насыпи и ровика хорошо объясняются особенностями социальной организации этого военизированного общества, ядро которого состояло из воинов-катафрактариев одного или нескольких аристократических родов⁴⁵. Понятно, что в военизированном объединении дружинного типа традиции семейной катакомбы сохраниться не могли. Погребение аланского воина было связано теперь с огромными трудозатратами⁴⁶. Только последовавший вскоре процесс оседания на землю некоторых представителей этого общества вызвал естественное возвращение к идее семейного склепа и, соответственно, исчезновение курганов. Представляется, что на этом этапе появилась возможность погребения в аланских склепах представителей других этнических групп, например, членов семьи или побратимов.

Заметим, что меотийские варвары, имеющие подобный аланам дружинный тип социальной структуры⁴⁷, довольно долго проживали на Нижнем Дону среди местной группировки сармато-алан⁴⁸. В этой связи можно предположить вероятность перехода некоторых аланских женщин в чужеродную среду данных варваров или даже о вхождении последних в аланский племенной союз⁴⁹. Не исключено, что еще здесь, в Поддонье, меотийцы стали погребать своих воинов в аланских подкурганых катакомбах, где нередко, в том числе и в подбоях, находят инвентарь, популярный в общегерманской среде: прогнутые фибулы, янтарные грибовидные подвески, лунницы, гребни, есть и три сосуда черняховского облика⁵⁰.

³⁹ Зубарев 2009, 148–149.

⁴⁰ Габуев, Малашев 2009, 160.

⁴¹ Габуев, Малашев 2009, 156.

⁴² Юрочкин 2002б, 132; Габуев, Малашев 2009, 146.

⁴³ Мошкова, Малашев 1999, 195–197; Храпунов 2004, 138–139.

⁴⁴ Храпунов 2004, 139.

⁴⁵ Наглер, Чипирова 1985, 87–91; Щукин 2005, 357–358; Раев 2008, 127–129.

⁴⁶ Коробов 2003, 123, 275.

⁴⁷ Военная аристократия — это всегда особая, сильно подверженная внешнему влиянию социальная группа. Из-за своей полиэтничности и постоянному участию в войнах воинов такого общества более связывают узы побратимства, чем родства, что еще более отдаляет их от прошлых родовых и культурных традиций (Зубарев, Ярцев 2008, 118).

⁴⁸ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 88, 3; Зубарев, Ярцев 2008, 117.

⁴⁹ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 86; Ярцев 2007, 25–26; Зубарев, Ярцев 2008, 118.

⁵⁰ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 86; Зубарев, Ярцев 2008, 117.

Таким образом, появление в Предгорном Крыму в IV в. н.э. погребений мужчин-воинов в Т-образных аланских склепах вполне может отражать картину расселения пленного боспорского войска, известную нам из рассказа позднего источника. Правда, в этом случае остаются нерешенными несколько вопросов. Почему, например, сильнейшая группировка меотийцев, ставшая позднее известной под именем готов-тетракситов/трапезитов (Procop. Bell. Got., VIII. 5. 18–20), так и осталась в Восточном Крыму? Более того, их пребывание здесь было оформлено договорными отношениями не с Херсонесом, а с Боспором, границу которого они и охраняли. Можно, конечно, предположить, что варваров здесь расселил именно Херсонес, который тем самым обозначил буферную зону между двумя государствами, сделав будущие военные конфликты со своим соседом невозможными, и только потом варвары вернулись в боспорское правовое поле. Но, похоже, меотийцы как изначально пребывали в тесном контакте с Боспором, так и продолжали выстраивать традиционные отношения с ним, то есть они никогда не обрывали их. По большому счету, и «Повествование о крепости Херсон» ничего не говорит о переселении меотийцев, войско которых было распущено и ушло «в свои места без ущерба» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 195–205).

Однако трудности возникают, даже если предполагать, что речь шла только о переселении «людей из Боспора» («боспориан»), как об этом и говорит источник (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 220–230). В этом случае непонятно, почему, помимо Т-образных в плане склепов, известных в Восточном Крыму, в Предгорном Крыму не появились довольно популярные на Боспоре подобные же склепы (но только с лежанками в боковых стенах), распространение которых здесь связывают с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем⁵¹. Единственным исключением из правил являются три склепа с лежанками Севастопольского могильника (№№ 7,12,20)⁵². Однако, судя по остаткам погребального инвентаря, они датируются относительно поздним временем (последней четвертью IV в. — началом V в.)⁵³ и, скорее всего, связаны с культурным влиянием Херсонеса, где еще в V в. продолжали погребать в подобных сооружениях⁵⁴. Очевидно, что на территории, подконтрольной Херсонесу, в основном были расселены те из «боспориан», которые давно жили и несли военную службу на боспорской границе и, скорее всего, являлись этническими аланами. Только это может объяснить, что данная категория людей хоронила своих умерших в исключительно аланских склепах.

Все это, конечно, не исключает возможности того, что среди переселенцев совсем не было меотийцев, но их определенно не должно быть много. Дело в том, что расселение происходило на спорные земли, на которые претендовал Боспор, а Херсонес стремился оставить их если и не под прямым подчинением, то, во всяком случае, под своим влиянием. Заселять указанную территорию вчерашними врагами было не совсем логично. Вероятней предположить, что земли в Предгорном Крыму Херсонес мог предоставить союзным варварам, с опорой на которых и был подавлен мятеж на Боспоре. На эту роль вполне подходили некоторые аланские племена, находившиеся на стадии седентаризации.

⁵¹ Масленников 1982, 37; Айбабин 1999, 18, 23; Зубарь, Хворостяный 2000, 47.

⁵² Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 37–38.

⁵³ Высотская 1998, 256–273; Юрочкин 1999, 265.

⁵⁴ Айбабин 1999, 61.

Исчезновение Боспорского царства из письменных источников на 20 лет и явный запрет на чекан боспорских монет прямо свидетельствуют о том, что судьбу государства решал Константинополь. Все это не позволяет рассматривать боспоро-херсонесскую войну в качестве малозначимого локального конфликта. Выявленные вблизи Узунларского вала на Белинском городище отдельные участки фортификации (противотаранный пояс западной башни) после разгрома 318–322 гг. оказались скрытыми под слоем плотно утрамбованного желтого суглинка. Это свидетельствует о целенаправленных действиях по сокрытию под грунтом трудно разбираемых мощных каменных конструкций⁵⁵, в то время когда все остальные оборонительные стены подверглись не совсем обычному разрушению. Похоже, что их методично разбирали вплоть до самого фундамента⁵⁶. Уничтожение оборонительных сооружений на новой границе определенно свидетельствует о поражении и подчиненном положении Боспорского государства. Вот почему следует с большей долей ответственности относиться к сведениям «Повествования о крепости Херсон», текст которого прямо утверждает, что после поражения Боспорское государство перестало существовать, так как было подчинено Херсонесу (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 195–205; 220–230).

Конечно, сейчас трудно сказать, насколько близки к реальным историческим событиям эти поздние свидетельства, ведь к подобным жестким мерам Констанция II могли подтолкнуть лишь довольно опасные для него действия Боспора. Тем не менее очевидно, что попытка последнего перейти под протекторат Константа действительно могла представлять собой серьезную угрозу для Констанция II. Она разрушала монопольную власть августа Востока в довольно нестабильном регионе — источнике постоянной опасности для империи. Более того, именно такой ход событий лучше всего объясняет ответные меры Констанция II по отношению к мятежному клиентскому государству. Дело в том, что только прямое подчинение Боспора Херсонесу и соответственно префекту Востока не позволяло Константу продолжать отношения с Боспором, ведь теперь это могло быть расценено как вмешательство во внутренние дела империи Констанция II.

Все вышесказанное подтверждает и необычное посольство боспорян к императору Юлиану в 362 г., известие о котором сохранилось в «Римской истории» Аммиана Марцеллина: «...ехали посольства боспорцев и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли» (Amm. Marc. XXII.VII. 10). Конечно, этот текст не дает указаний как на полную потерю контактов с империей в темные годы⁵⁷, так и на опасения боспорян, что император в связи с предстоящей войной с Персией введет на Боспор войска⁵⁸. Контекст просьбы свидетельствует о полном контроле империи над родными землями боспорян, и поэтому вряд ли здесь могла идти речь о выборе между Юлианом и Эрманарихом⁵⁹. Судя по тексту, боспоряне хотели вернуть свои земли и клиентский статус (обещая выплачи-

⁵⁵ Ярцев 2010а, 111,1.

⁵⁶ Зубарев 2011, 246–247.

⁵⁷ Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 86.

⁵⁸ Щукин 2005, 451.

⁵⁹ Шаров 2009, 30.

вать регулярную дань)⁶⁰ или готовы были даже войти в состав империи на правах провинции. Именно в этом случае провинциальная земля, оставленная прежним собственникам, облагалась поземельным налогом в пользу империи⁶¹. Все это, безусловно, дает возможность уточнить статус Боспора в темном периоде. Так, отсутствие в приведенном выше тексте характерных признаков как клиентского государства⁶², так и провинции может свидетельствовать о том, что Боспор в 342–362 гг. находился где-то между указанными формами политической эволюции зависимого от Рима государства. По нашему мнению, это свидетельствует в пользу сообщения херсонесского повествования, что в данный период Боспорское царство являлось автономной частью государства Херсонес⁶³. Скорее всего, не гипотетическая внешняя угроза, а именно категорическое нежелание оставаться в статусе автономии явилось причиной необычной просьбы боспорского посольства к новому императору.

По поводу отношений с раннегосударственным образованием Гебериха-Эрманариха необходимо сказать следующее. Констанций II даже при том, что аннексировал территорию Боспора в пользу Херсонеса, не мог полностью разорвать со своим клиентским государством все связи и бросить его на произвол судьбы. Это противоречит всей политике отношений Рима со своими буферными государствами⁶⁴. Поэтому захват Боспора готами⁶⁵ был невозможен в принципе. Констанций II, в жесточайшей борьбе объединивший к 353 г. империю (Zosim. II. 42–55), ни при каких обстоятельствах не допустил бы подобной катастрофы. Это наглядно демонстрирует пример мятежа в Армении, узнав о котором Констанций II немедленно направил туда римское войско полководца Антиоха, которому были вручены «порфира и венец» для нового царя. Быстро разбив мятежников и возведя на престол римского ставленника, Антиох отбыл в империю⁶⁶ (Moises Chor. III. 4–6). По-видимому, подобным образом был подавлен мятеж и на Боспоре, только произошло это с опорой на херсонесский отряд и союзные аланские племена. Потеря всякого интереса императора к Боспорскому царству после всего произошедшего была в принципе невозможна.

Эрманарих, «которого страшились соседние народы из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (Amm. Marc. XXXI. III. 1), действи-

⁶⁰ Браунд 1991, 34–52; Болгов 2002, 33.

⁶¹ Маркин 2011, 67.

⁶² Таких, как получение регулярных римских субсидий, имперского покровительства и даже, похоже, в достаточной степени широкого внутреннего самоуправления (Цветаева 1979, 27), о чем свидетельствует просьба о разрешении «жить [самостоятельно ?] в пределах родной земли» (Amm. Marc. XXII.VII. 10).

⁶³ Хорошо иллюстрируют данное время найденные в керченском склепе два серебряных блюда с изображением Констанция II, изготовленные в 343 г., и, возможно, чаша этого же императора, обнаруженная в 1891 г. (правда, не исключено, что последняя может относиться к более раннему времени. См.: Шаров 2009а, 508–514). Предметы, скорее всего, были подарены римской администрацией представителям высшей боспорской знати из круга нового боспорского правителя — ставленника Констанция II (Гайдукевич 1949, 467; Блаватский 1985, 250; Болгов 1996, 41–42; Зубарь 1998, 160). О сохранении государственного аппарата на Боспоре, в частности армии, свидетельствует надгробие, поставленное между 342 и 353 гг., в надписи которого упоминается должность принкипа — командира армии (КБН, 744; Зубарь, Зинько 2006, 226).

⁶⁴ Болгов 2002, 31–46.

⁶⁵ Васильев 1921, 289; Казанский 1999, 277–297.

⁶⁶ Болгов 2002, 41–42.

тельно вышел к границам Боспора, пытаясь взять под свой контроль устье Та-наиса (Iord. Get. 117–119). Однако мы не знаем точного времени этого завоевания и обстоятельства, которые были с ним связаны. При этом не будем забывать, что варварский мир, несмотря на свою агрессивность, в целом всегда был заинтересован в установлении мирных, торговых отношений с Римом⁶⁷. Не являлись исключением и готы. Одним из важнейших двигателей политики готских вождей в интересующее нас время становится внешняя торговля⁶⁸. Это доказывает начало массового поступления римского импорта на территорию черняховской культуры в указанный период⁶⁹. Речь в первую очередь идет о вине и масле в амфорах, стеклянной посуде, ткани и украшениях⁷⁰. Договор с империей 332 г. (Anon. Vales. Pars prior. VI. 31; Socrat. Hist. Eccl. I, 18; Iord. Get. 112), разрешающий тервингам вести торговлю на торжищах дунайского лимеса, хорошо объясняет сложившуюся ситуацию⁷¹.

Однако никаких иллюзий по поводу указанных готов Константинополь не испытывал. Вряд ли могло быть иначе, учитывая жестокое преследование готским вождем Атанарихом христиан и бегство последних, с разрешения Констанция II, на территорию империи⁷². Императору же Юлиану близкие люди вообще советовали первому «напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство» (Amm. Marc. XXII. VII. 8). Разумеется, и торговля, которая римлянами часто использовалась в качестве средства для порабощения народов⁷³, играла свою особую роль в борьбе против них. Дело здесь не только в широком использовании торговых ограничений, часто применявшихся в качестве средства давления на покоренные или умиротворенные племена⁷⁴, ведь «запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (Amm. Marc. XXVII. 5. 7). Даже разрешая внешнюю торговлю с варварами, Римская империя часто преследовала цели, далекие от задач хозяйственного развития. Конкретную прибыль от такой торговли получали лишь сами торговцы, которые ради наживы иногда забирались довольно далеко от римских границ (Tacit. Ann. II. 62.3)⁷⁵. Римские же императоры никогда не стремились организовывать торговлю исходя из чисто экономических факторов, ведь огромная территория империи вполне позволяла аккумулировать необходимые ресурсы внутри государства⁷⁶.

В нашем случае империя позаботилась, чтобы к варварам Северного Причерноморья свободно поступало огромное количество вина в амфорной таре⁷⁷. Это сразу заставляет вспомнить слова Тацита, который, рассказывая о германцах, предположил, что, «потворствуя их страсти к бражничанью и доставляя им столько хмельного, сколько они пожелают, сломить их пороками было бы не трудней,

⁶⁷ Колосовская 2000, 183–184.

⁶⁸ Магомедов 2001, 141.

⁶⁹ Магомедов 2001, 141.

⁷⁰ Магомедов 1987, 79.

⁷¹ Буданова 2001, 146.

⁷² Буданова 2001, 179–180; Вольфрам 2003, 98.

⁷³ Колосовская 2000, 158.

⁷⁴ Ермолова 2010, 21–22.

⁷⁵ Ермолова 2010, 23.

⁷⁶ Ермолова 2010, 21.

⁷⁷ Магомедов 2001, 109.

чем оружием» (Tacit. Germ. 23). Более того, анализ поступления импорта на территорию черняховской культуры выявил некоторую разницу между восточными и западными областями с примерной границей между ними по Днестру. Если в западную область товар в основном поступал из придунайских провинций империи, то в восточную — из городов Южного побережья Черного моря и из Восточного Средиземноморья⁷⁸. Это объясняется традиционными связями греческих колоний и варварских племен Причерноморья с Малой Азией, которые сохранялись и в римское время⁷⁹. Однако данная особенность распространения импорта в Северном Причерноморье могла быть использована Константинополем в качестве одного из факторов разъединения тервингов и грейтунгов. Это должно было помешать выступить им единой силой против империи, а в будущем не исключало возможности нейтрализации этих объединений друг другом. Особенно беспокоили императора грейтунги, ведь они находились в меньшей зависимости от империи, чем придунайские готы⁸⁰. Не связанные договором с римлянами, они представляли для империи серьезную опасность. Поэтому если тервингам разрешалась торговать на Дунае, то для грейтунгов могли быть открыты рынки Херсонеса и Боспора, куда традиционно поступал импорт из Малой Азии и других восточных регионов империи. При этом импортный товар и изделия собственных ремесленных мастерских могли отсюда непосредственно направляться к варварам в северопричерноморские порты и далее по речным и сухопутным путям расходиться по территории Восточной Европы⁸¹.

Существует мнение, что из-за зависимости, в которую попал Боспор от готов, некоторые из варваров даже интегрировались в состав боспорской аристократии. Для доказательства этой версии обычно обращаются к черняховским вещам и предметам, напоминающим европейские находки горизонта Унтерзибенбрунн (второй половины IV — первой половины V в.) из погребений столичной знати⁸². По мнению М. Б. Щукина, новой аристократией могли стать отправленные Константином II на Боспор готы-федераты, отряд которых он сформировал в 351 г., направляясь на войну с узурпатором Магнецием⁸³.

Однако отметим, что никаких письменных свидетельств о подчинении Боспора готам не существует⁸⁴, а те источники, которые нам известны, свидетельствуют о том, что Боспор в первую очередь был традиционно связан с объединением профессиональных меотийских воинов, «ведь не было тогда народа, который бы не набирал из них легковооруженных воинов в свой строй» (Iord. Get. 118). При этом, судя по отправке меотийцами к Юлиану вместе с боспорянами и своих послов, именно представители этого объединения, по всей вероятности, входили в высший круг боспорской аристократии, что и отразили приведенные выше археологические источники. Данный вывод основан на том, что в Северном Причерноморье только исключительно к Приазовской группировке можно было применить

⁷⁸ Магомедов 2001, 108–109.

⁷⁹ Магомедов 2001, 109; 2006, 54.

⁸⁰ Буданова 2001, 169.

⁸¹ Магомедов 2001, 109; 2006, 54.

⁸² Казанский 1999, 277–297; Щукин 2005, 450–451; Шаров 2009, 30; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 86–87.

⁸³ Щукин 2005, 451.

⁸⁴ Болгов 1996, 42; Щукин 2005, 451.

наименование «неведомые народы» (Amm. Marc. XXII.VII. 10). О. В. Шаров совершенно верно подметил, что в указанном отрывке «Римской истории» существует четкое деление на известных Риму боспорян и неизвестных других народов, таких образом не связанных между собой⁸⁵. Однако здесь также необходимо учитывать и единую просьбу этих двух посольств, причем сильно отличающуюся от просьб послов других народов, приведенных выше. Данный факт явно указывает на один и тот же регион, откуда прибыли эти люди. При этом Аммиан Марцеллин хорошо знал современные ему племена, включая готов и гуннов, и не стал бы применять к ним такой необычный эпитет⁸⁶. Единственные варвары Северного Причерноморья, наименование которых так и осталось неизвестным, являлись «мужи с Меотидского озера» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 175–180). Причем из-за полиэтничности данной группировки ни один из известных этнонимов не мог быть принят этими варварами в качестве самоназвания. Даже античные источники, как правило, обозначали их собирательным термином «скифы»⁸⁷. Видимо, собственное наименование меотийцев звучало довольно странно, если впервые услышанное в империи оно стало причиной появления термина «неведомых народов». Помимо прочего, на то, что грейтунгов не было на Боспоре, также свидетельствует и полное отсутствие здесь погребений по обряду кремации, обязательных для биритуальных могильников черняховской культуры⁸⁸. И только для меотийцев были характерны исключительно ингумационные погребения, что объясняется особенностями культуры и религии этих варваров⁸⁹.

Подведем некоторые итоги. Несомненно, в основе четвертого сюжета «Повествования о крепости Херсон», несмотря на все свое беллетризованное изложение, содержатся исторические факты. При этом последняя война Херсонеса с Боспором явно относится к событиям, имеющим отношение к конфликту Константа и Констанция II. Используя разногласия августов по религиозным вопросам, Боспор совершает попытку перейти под протекторат Константа. Это было воспринято Констанцием II как чрезвычайно опасный для него мятеж. Поэтому он был быстро подавлен с помощью Херсонеса и союзных аланских племен, причем последние вскоре получили землю в Предгорном Крыму. Одновременно туда же была переселена с пограничных территорий Боспора и некоторая часть пленных боспорян, в которых необходимо видеть все тех же алан. Боспорское царство не было ликвидировано, но на уровне управления было напрямую подчинено Херсонесу и префектуре Востока. Таким образом, Боспор продолжил свое существование в качестве автономной части херсонесского государства. В эти темные годы своей истории Боспор тесно взаимодействовал с группировкой меотийских воинов, большая часть которых была расселена на новых боспорских границах в качестве федератов. При этом некоторые из них смогли войти в круг правящей верхушки Боспорского царства. Не совсем понятными остаются отношения Боспора с раннегосударственным объединением Гебериха-Эрманариха. Очевидно только то, что эти отношения были инспирированы самим Констанцием II с целью обе-

⁸⁵ Шаров 2009, 30.

⁸⁶ Шаров 2009, 30.

⁸⁷ Буданова 2001, 114–129.

⁸⁸ Магомедов 2001, 33–34.

⁸⁹ Зубарев, Ярцев 2008, 113–128.

спечения контроля за грейтунгами и проведение курса на дальнейшее разделение варварского мира Северного Причерноморья. При этом учитывалось огромное значение внешней торговли для развития варварских раннегосударственных объединений и важная роль Херсонеса и Боспора в этом процессе, ведь именно отсюда к варварам поступал импорт из Малой Азии и других римских восточных центров, в том числе и продукция собственных ремесленных мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* 1970: Русско-осетинский словарь. М.
- Айбабин А. И.* 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Болгов Н. Н.* 1996: Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород.
- Болгов Н. Н.* 2002: К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991–2001. Белгород, 31–46.
- Болгов Н. Н.* (пер.) 2010: Зосим. Новая история. Белгород.
- Браунд Д.* 1991: Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 4, 34–52.
- Блаватский В. Д.* 1985: Античная археология и история / М. М. Кобылина (ред.). М., 242–260.
- Буданова В. П.* 2001: Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.
- Бушаков В. А.* 2003: Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ.
- Васильев А. А.* 1921: Готы в Крыму: в 2 ч. // ИРАИМК. 1, 265–344.
- Величко А. М.* 2012: История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М.
- Вольфрам Х.* 2003: Готы. СПб.
- Высотская Т. Н.* 1998: Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. VI, 256–273.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* 2009: Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
- Гайдукевич В. Ф.* 1949: Боспорское царство. М.; Л.
- Голенко В. К.* 2006: Древний Киммерик и его округа. Симферополь.
- Голенко В. К., Юрочкин В. Ю., Синько О. А., Джанов А. В.* 1999: Рунический камень с г. Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // ДБ. 2, 77–97.
- Ермолова И. Е.* 2010: Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами // Вестник Российского государственного гуманитарного университета / Е. И. Пивовар (ред.). М., 20–32.
- Зинько Е. А.* 2007: Христианские склепы некрополя Боспора IV–VI вв. н.э. // МАИЭТ. XIII, 56–67.
- Зубарев В. Г.* 2009: К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III — IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // БЧ. X, 175–181.
- Зубарев В. Г.* 2011: К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV — начале V в. н.э. // Боспорский феномен: Население, языки, контакты / М. Ю. Вахтина (ред.). СПб., 244–247.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.* 2008: К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Приазовья и Крыма позднеантичного периода // БИ. XIX, 113–128.

- Зубарь В. М.* 1998: Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев.
- Зубарь В. М.* 2004: Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н.э. — первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э.: Очерки истории и культуры / П. П. Толочко (ред.). Харьков, 31–72.
- Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* 2000: От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI в.). Киев.
- Зубарь В. М., Зинько В. Н.* 2006: Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. XII. Симферополь; Керчь.
- Казанский М. М.* 1999: Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / М. И. Гладких (ред.). Киев, 277–297.
- Катюшин А. Е.* 2012: К вопросу о происхождении топонима «Кафа» // БЧ. XIII, 189–192.
- Колосовская Ю. К.* 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.
- Коробов Д. С.* 2003: Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.
- Магомедов Б. В.* 1987: Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Магомедов Б. В.* 2001: Черняховская культура: Проблема этноса. Lublin.
- Магомедов Б. В.* 2006: Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим / Р. В. Терпиловский (ред.). Киев, 52–59.
- Маркин А. Н.* 2011: Организация системы налогообложения в Римской республике // Вестник Удмуртского университета. История и филология / Г. В. Мерзляков (ред.). Ижевск, 66–68.
- Масленников А. А.* 1982: Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н.э. // СА. 1, 33–43.
- Моммзен Т.* 1949: История Рима: в 5 т. Т.5. М.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю.* 1999: Хронология и типология сарматских катакомбных и погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 172–212.
- Наглер А. О., Читирова Л. А.* 1985: К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир / А. В. Исаенко (ред.). Орджоникидзе, 87–91.
- Петрова Э. Б.* 2000: Античная Феодосия: История и культура. Симферополь.
- Петрова Э. Б.* 2001: Менестрат и Сог (К вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н.э.) // БИ. I, 44–54.
- Раев Б. А.* 2008: Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции Алматы, 21–23 ноября 2007 г. / Л. Е. Масанова, Б. Т. Жанаев (ред.). Алматы, 124–133.
- Сидоров А. И.* 2009: Церковное богословие в период от Первого до Второго Вселенского собора (325–381 гг.) // Христианское чтение / Епископ Гатчинский Амвросий (Ермаков) (ред.). СПб., 6–53.
- Стржеелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* 2005: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // STRATUM plus. Между певкинами и феннами / М. Б. Щукин (ред.). СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 5–277.
- Талбацкий Я. П.* 2010: Император Констанций в «Церковной истории» Сократа Константинопольского // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история» / Е. И. Пивовар (ред.). М., 11–19.

- Фролова Н. А.* 1975: О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 4, 45–56.
- Фролова Н. А.* 1997: Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. II. М.
- Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н.* 2001: Клад боспорских медных монет (I — середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 3, 59–85.
- Храпунов И. Н.* 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI. Симферополь; Керчь.
- Храпунов И. Н.* 2007: Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 1, 167–175.
- Цветашева Г. И.* 1979: Боспор и Рим. М.
- Цукерман К.* 1994: Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. IV, 545–561.
- Шангин М. А.* 1938: Новый географический текст // ВДИ. 4, 252–255.
- Шаров О. В.* 2009: Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.): автореф. дис. ... док. ист. наук. СПб.
- Шаров О. В.* 2009а: Блюдо с изображением триумфа императора из склепа Гордиковых в Керчи // БЧ. X, 508–514.
- Шукин М. Б.* 2005: Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.
- Юрочкин В. Ю.* 1999: Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХС. X, 257–274.
- Юрочкин В. Ю.* 2000: Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей - Боспор - Керчь: 26 веков древней столице / П. И. Иваненко (ред.). Керчь, 126–133.
- Юрочкин В. Ю.* 2002а: К вопросу о «готском вопросе» // Иресиона. Античный мир и его наследие / Н. Н. Болгов (ред.). Белгород, 57–86.
- Юрочкин В. Ю.* 2002б: Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища / М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 125–137.
- Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* 2004: От Скифии к Готии. Симферополь.
- Ярцев С. В.* 2007: О переходном периоде от язычества к христианству у варваров Северного Приазовья и Предгорного Крыма 2-й половины III–IV вв. н.э. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. 8(39). 4, 22–28.
- Ярцев С. В.* 2008: Последний морской поход меотийских варваров // ПИФК. XXII, 69–85.
- Ярцев С. В.* 2010: Варвары Северного Причерноморья в борьбе Константина и Лициния // ПИФК. 4, 34–46.
- Ярцев С. В.* 2010а: К проблеме локализации области Дори Прокопия Кесарийского // III Кондаковские чтения. Человек и эпоха: античность — Византия — Древняя Русь / Н. Н. Болгов (ред.). Белгород, 103–116.
- Ярцев С. В., Миляева Ю. В.* 2010: К вопросу о влиянии кризисных явлений второй половины III — первой трети IV вв. н.э. на товарное производство ремесленных изделий на Боспоре // БЧ. XI, 494–500.
- Šćikin M., Kazanski M. et Sharov O.* 2006: Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas — empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I // BAR 1535. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford.

THE BOSPORUS AND CHERSONESE ON THE EVE OF THE HUN INVASION

S. V. Yartsev

The article deals with a difficult issue of Taurica antique states history during the reign of Constantius II, Constant and Julian II. The author dwells upon numerous aspects that are connected with the final stage of the Bosporan-Chersonesian military conflict described in the fourth story of “The Narrative about the Cherson Fortress” by Constantine Porphyrogenitus. In the author’s opinion, the last Bosporus-Chersonesian war is related to the religious conflict between Constantius II and Constant. After defeat the Bosporus became the autonomous region of the Chersonese state.

Key words: Bosporan-Chersonesian wars, Constantius II, Constant, Maeotis barbarians, Greuthungi

---

Древний Восток

© 2014

Г. А. Терновая

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ, РЕЛИГИИ И ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА ГОСУДАРСТВА КАНГЮЙ В КОНЦЕ III–IV вв. н. э.

В статье рассматриваются архитектурные комплексы с крестообразными сооружениями, относящиеся к отрарско-каратауской культуре конца III–IV вв. н.э., которые расположены на территории Таласской долины (Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе), северных склонов Каратау (Актобе) и в Южном Казахстане (Культобе). Памятники определены как сезонные храмы Солнца сармато-аланских племен. В планировке и оформлении крестообразных храмов прослеживается сходство с ранними христианскими памятниками.

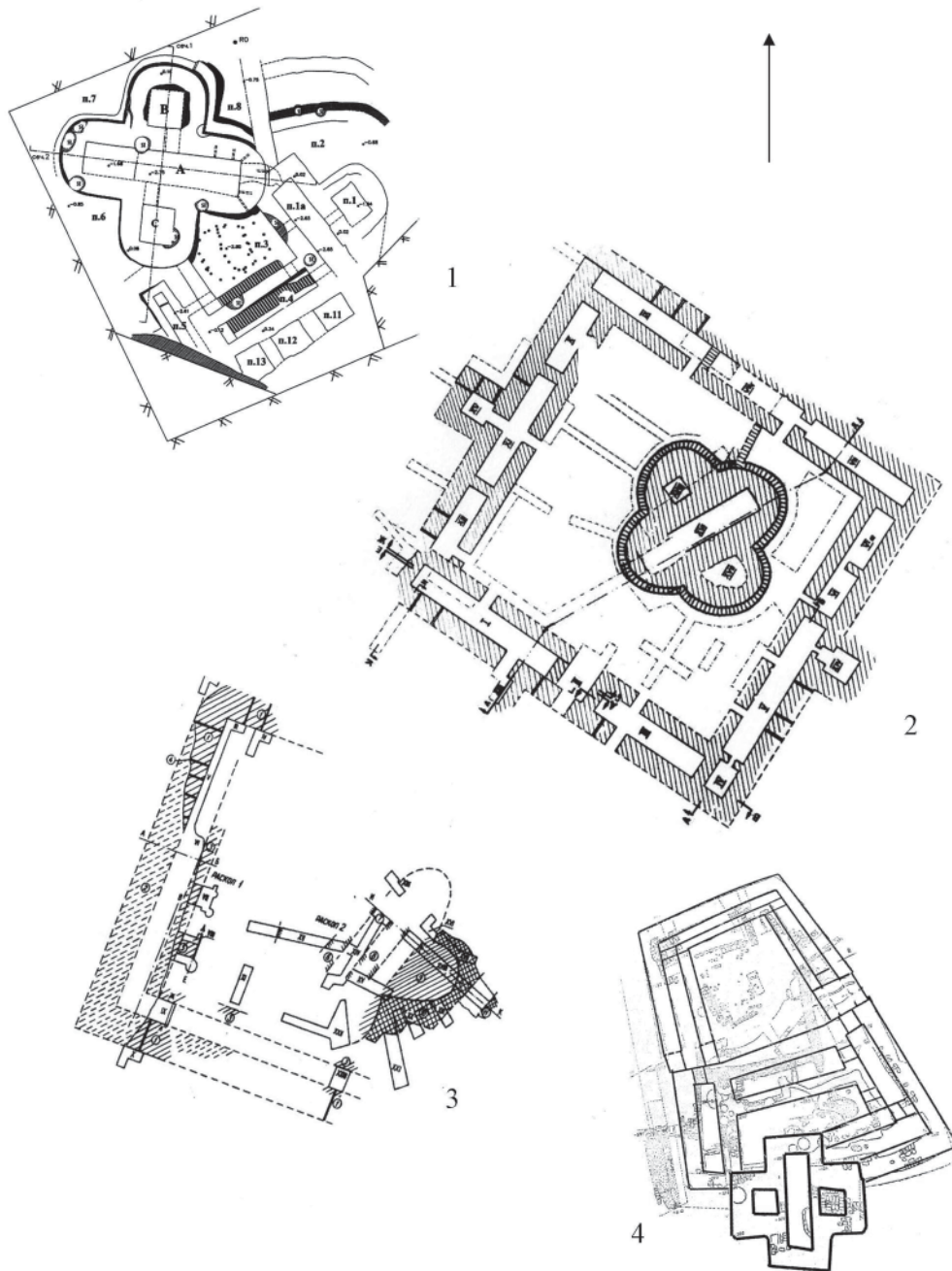
Ключевые слова: Казахстан, Кангюй, сармато-аланы, храмы Солнца

Основой государственного объединения Кангюй (II в. до н.э. — IV вв. н.э.) являлись джетыасарская, каунчинская и отрарско-каратауская археологические культуры. Средняя и нижняя Сырдарья, Фергана и Чач представляли единую культурно-хозяйственную зону. Отрарско-каратауская культура была распространена в районах среднего течения Сырдарьи и в предгорьях Каратау до Таласа. Археологические материалы свидетельствуют о взаимосвязях присырдарьинских культур. Восточное Приаралье было зоной культурных, этнических и торговых контактов между скотоводами евразийских степей и земледельцами древних оазисов Средней Азии. Здесь на протяжении столетий формировались условия сосуществования различных этносов, что обусловило специфику и сложность процессов этногенеза. Занимая выгодное географическое положение, государство Кангюй контролировало один из самых оживленных участков Великого Шелкового пути. Под влиянием кочевых народов, пришедших с востока, на рубеже III–IV вв. н.э. на памятниках нижней и средней Сырдарьи появились признаки, характерные для памятников Южной Сибири, Тувы, Монголии¹.

В археологии выделяется так называемая «кангюйская проблема», в основе которой — соотношение археологических данных и письменных источников.

Терновая Галина Алексеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: galina-ternovaya@yandex.ru

¹ Левина 1971.

Табл. 1. Памятники конца III–IV вв.: 1. Культобе (по Е.А.Смагулову, А. А. Ержигитовой, А. И. Торгоеву); 2. Чоль-тобе (по М. С. Мерциеву); 3. Кзыл-Кайнар-тобе (по М. С. Мерциеву); 4. Актобе (Дешифровка плана Т. Н. Сениговой по Е. А. Смагулову, А. А. Ержигитовой)

Археология, история. В результате работ, проводимых археологами с начала 60-х годов XX в. по настоящее время, в Казахстане были открыты архитектурные комплексы с крестовидными сооружениями. Памятники расположены в Таласской долине (Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе)², на северных склонах Каратау (Актобе)³ и на юге — на территории цитадели древнего Ясы/Туркестана (Культобе)⁴ (табл. 1). Крестообразные сооружения сложены из сырцового кирпича и пахсы. К ним примыкали дворы и прямоугольные постройки, состоящие из вытянутых коридорообразных помещений с коробовым перекрытием. Памятники были определены как храмы, отнесены к оттарско-каратауской культуре и датированы концом III–IV вв.⁵

Крестовидную планировку имели постройки Актобе-2 и Актобе-1 на средней Сырдарье. Монументальное сооружение на Актобе-2 (I — начало IV вв.), ранее рассматриваемое как «дворец»⁶, определено как укрепленный храм⁷. Памятник связан с Кангюй и сарматами, относится к первому и второму этапам каунчинской культуры. Время существования здания с крестовидной планировкой на Актобе-1⁸ пересмотрено и отнесено к IV–VI вв., периоду Каунчи-3⁹. В Нахшабе выявлена крестообразная планировка на крупной укрепленной постройке близ античного городища Киндиклитепа (Киндиктепа) IV–V вв. н.э.¹⁰

Архитектурные комплексы Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе, Актобе и Культобе имеют сходство в планировке с близкими по времени крестовидными памятниками: Сеталак-I в Бухарском оазисе (на втором этапе существования)¹¹; с крестовидными постройками в районе Ташкента — на Шаштепа¹² и Мингурик¹³; с ферганским сооружением в Керкидоне¹⁴.

Истоки структур крестообразной планировки лежат в основе памятников эпохи бронзы на территории Бактрии и Маргианы. В крестообразных сооружениях раннего средневековья была воплощена модель космограммы, восходящая к общему источнику, представленному погребальными сооружениями племен сакского типа Приаралья и скифов Причерноморья¹⁵.

Культовая архитектура Жетысу и Южного Казахстана I–IV вв. н.э. складывалась на основе хронологически предшествующих погребальных памятников с крестовидной планировкой, соотносимых с культом Солнца. При исследовании культового сооружения Хорезма Кой-Крылган-Кала (IV в. до н.э. — I в. н.э.) было отмечено сходство планировочных принципов с погребальными памятниками

² Максимова, Мершиев (архив); Мершиев 1966; 1970.

³ Сенигова 1962; Дешифровка плана: Смагулов, Ежигитова 2013.

⁴ Смагулов, Ежигитова, Торгоев 2011; Смагулов, Ежигитова 2013.

⁵ Терновая 2009; 2012; 2013; 2013а; 2013б.

⁶ Вайнберг, Левина 1968.

⁷ Терновая 2008.

⁸ Мершиев 1968.

⁹ Терновая 2008.

¹⁰ Сулейманов 2000, 259; Хасанов 2004.

¹¹ Сулейманов 2000, 249–250, 258–259.

¹² Филанович 1983, 58, 140.

¹³ Филанович 2010.

¹⁴ Горбунова 1977, 110.

¹⁵ Сулейманов 2000, 230–231, 259–261.

в низовьях Сырдарьи: Тагискен (мавзолей №1) X–VIII вв. до н.э., Баланды-3 и Чирик-рабат (круглый мавзолей), датированных периодом IV–II вв. до н.э.¹⁶

План в виде креста присутствует в структуре культовых объектов, относящихся к разным религиям. Древние ступы Бактрии и Гандхары имели квадратное или крестообразное в плане основание. Планировка с дворовой композицией была выработана во второй половине I — начале II в. н.э. на северо-западе Индии для сооружения буддийских монастырей. По периметру центрального двора располагались помещения — ряд одинаковых келий, к ним примыкали помещения культового и хозяйственного назначения. Одним из обязательных элементов монастыря являлась ступа, она могла располагаться внутри монастырского двора или за пределами основных построек. Такая планировка, называемая «типичной кушанской», применялась при строительстве монастырей от Таксилы до Санчи на протяжении нескольких столетий¹⁷.

При постройке храмов отрарско-каратауской культуры конца III–IV вв. были использованы строительная техника и приемы, известные в джетыясарской культуре. Памятники джетыясарской культуры существовали с конца эпохи бронзы до VIII–IX вв. н.э. одновременно с сакскими и чирикрабатскими поселениями в бассейне древних северных протоков Сырдарьи — Кувандарьи и Пракувандарьи¹⁸.

Влияние джетыясарской культуры соотносится с передвижением племен, вызванным сложной экологической ситуацией и историческими событиями. В конце III — начале IV в. н.э. заканчивается жизнь на некоторых городищах в Джетыясарском урочище, в то же время в материалах отрарско-каратауской и каунчинской культур отмечено появление значительного количества джетыясарских форм и элементов. В неоднократных перемещениях на запад, в том числе в районы Северного Кавказа, на юг и юго-восток — вверх по правому берегу Сырдарьи — джетыясарцы несли с собой инвентарь, керамику, строительную технику, типы погребальных сооружений. Преимущество отмечена в аланских каменных склепах Северного Кавказа и в сырцовых погребальных сооружениях Южного Казахстана. Планы склепов Борижарского и других могильников Южного Казахстана во многом совпадают с планами джетыясарских склепов. В среднесырдарьинском регионе сырцово-пахсовые склепы IV–VIII вв., пришли на смену подкурганам катакомбам, существовавшим с первых веков до н.э. по V в. н.э.¹⁹

Археологические исследования показали распространение джетыясарской культуры в районы Согда, среднее течение Сырдарьи, северные склоны Каратау и в Таласскую долину. Один из признаков — появление в джетыясарских склепах конца III–IV вв. стационарных жертвенников в форме прямоугольника и прямоугольника с закругленной стороной, расположенных в центре. Возможно, очертания этих жертвенников явились основой при формообразовании крестовидных построек конца III–IV вв. с прямыми и закругленными окончаниями «ветвей» крестов. Еще один признак — «скользящий» проход, расположенный не в центре одной из стен, а в углу, типичный для укреплений и погребальных склепов дже-

¹⁶ Рапопорт 1962, 73–75, 79.

¹⁷ Мкртычев 2002, 65–66.

¹⁸ Левина 1996, 9–10.

¹⁹ Левина 1996, 89, 369–370, 375–376.; Байпаков, Смагулов, Ергигитова 2005.

тыасарской культуры²⁰. «Скользкий» вход отмечен в помещениях крестовидных сооружений на Актобе²¹ и Культобе²². Во втором периоде (IV–V вв.) небольшое кубическое здание на Сеталак-1 в Бухарском оазисе было перекрыто новыми кладками, образовавшими по его сторонам четыре полуовальных выступа. Монолитный квадрат с полуовалами был окружен квадратом стены (40х40 м) со спиралевидно оформленным «скользящим входом» в юго-восточном углу²³.

На Культобе обнаружены тамги, относящиеся к крестообразной постройке конца III–IV вв.²⁴. Тамга в виде креста с крючками на концах встречается в сармато-аланских комплексах Северного Причерноморья. В. С. Драчук опубликовал изображение тамги, зафиксированное на разных объектах — каменном надгробии и известняковой плите с территории Боспорского царства, известняковой плите из Пантикапей²⁵. В работе С. А. Яценко тамга представлена в «энциклопедиях» на двух плитах из Танаиса (I в. до н.э. — середина II в. н.э.). По количеству известных «энциклопедий» — скоплений тамг на одном объекте — Боспорские города Танаис и Пантикапей стоят на первом месте. В этих городах были сосредоточены экономические и политические интересы сармато-аланской знати²⁶.

Изображение тамги с Культобе, вероятно, относится к периоду конца III — первой половины IV вв. С. А. Яценко заметил, что гуннская эпоха конца IV–V вв. (между временем сарматов и ранним средневековьем) с политической нестабильностью, миграциями и принижением положением аланов под властью гуннов, почти не дает находок изображений тамг аланов по всей области их расселения²⁷.

На Чоль-тобе были открыты жертвенные погребения — женское и два мужских, сделанные при жизни памятника. Погребение воина на Кзыл-Кайнар-тобе относится к периоду запустения постройки. На Культобе в последний период существования памятника был устроен кенотаф в виде камеры-катакомбы, расположенной в восточной части вытянутого помещения крестообразной постройки²⁸. В результате исследования погребального обряда на памятниках Таласской долины был сделан вывод, что они принадлежат представителям сармато-аланского племени²⁹.

Судьба раннеаланского этноса связана с государственными объединениями Кангюй и Яньцай. С. Г. Кляшторный сравнил Кангюй с Кангхой Авесты, Кан-Дезом зороастрийских источников VIII–IX вв., Кангом «Шахнаме» и определил Кангюй на средней Сырдарье³⁰. Т. А. Габуев, суммируя высказанные мнения и не вдаваясь в вопрос о границах государства Кангюй, также констатировал, что основные его территории находились в бассейне Средней Сырдарьи и в районе реки Талас. При такой локализации поиск территории, занимаемой Яньцай (со-

²⁰ Левина 1996.

²¹ Сенигова 1962.

²² Смагулов, Ержигитова 2013.

²³ Сулейманов 2000, 249–250.

²⁴ Смагулов, Ержигитова, Торгоев 2011.

²⁵ Драчук 1975, 125, табл. VIII, 556.

²⁶ Яценко 2001, 61–62, 146, 173, рис. 22а, 23а.

²⁷ Яценко 2001, 110.

²⁸ Смагулов, Ержигитова, Торгоев 2011.

²⁹ Терновая 2013; 2013а.

³⁰ Кляшторный 1964, 161–179.

гласно китайским источникам, Яньцай отстоит от Кангюя на 2000 ли, то есть 800 км), приводит в Восточное Приаралье, поскольку Яньцай «лежит при большом озере» (Аральском море), и на Сырдарью в её нижнем течении³¹. Л. А. Боровкова на основании тщательного изучения китайских источников, используя новые разработки китайских исследователей, определила, что владение Яньцай должно располагаться в Юго-Восточном Приаралье с центром недалеко от современной Кзыл-Орды³².

В оригинальных китайских источниках сведения об Янцай встречаются с II в. до н.э. до III в. н.э. (позднее идут повторения). Высказано много догадок и гипотез об этническом наименовании, но, по заключению Б. А. Литвинского, это сармато-аланские племена Приаралья³³. Ханьские историографы отмечали зависимость от Кангюя сармато-аланских племен Приаралья. В это время аланские племена приобрели господствующее положение в сарматском союзе племен. Сведения из «Хоу Хань шу», «Вэй люэ» и и более ранних источников относительно Яньцай совпадают. По сообщению «Хоу Хань шу», «владение Яньцай переименовалось в Аланья»³⁴.

В античной литературе сохранились сведения о массагетском происхождении алан. Алан сопоставляли с массагетами Кассий Дион Коккеан (Dio Cass. LXIX. 15) и Аммиан Марцеллин (Amm. XXXI. 12). С точки зрения В. И. Абаева, название народа «алан» является производным от древнего названия иранцев «агуа»³⁵. Согласно Г. Ньюли, аланы обязаны своим именем влиянию культуры иранских ариев³⁶.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванов высказали точку зрения, что первоначальное значение слова «агуа» — «хозяин», «гость», «товарищ» развивается в отдельных исторических традициях в «товарищ по племени», а потом в самоназвание племени и страны³⁷. По мнению Б. И. Вайнберг, под «агуа» из перечня областей в «Фравардин-яште» Авесты (Яшт XIII, 143–144) понимается область расселения ариаков в низовьях Сырдарьи. Анализ перечисляемых народов и исторической ситуации, отраженной в тексте, позволил датировать этот документ не позднее II в. до н. э.³⁸

Рассматривая китайские источники, Л. А. Боровкова привела сведения о падении былого могущества государства Кангюй к III–IV вв. н.э. Во II–I вв. до н.э. они были кочевникам, а к IV в. н.э. перешли на оседлый образ жизни и занимались отгонным животноводством³⁹.

Племена, исконно обитавшие на территории Кангюя, участвовали в этногенезе и формировании алан. С точки зрения некоторых исследователей, Кангюй был «колыбелью» народа, более тысячелетия существовавшего под

³¹ Габуев 1999, 85,88–89.

³² Боровкова 1989, 65.

³³ Литвинский 1967, 35; 1968, 17–18.

³⁴ Бичурин 1950, 150,229.

³⁵ Абаев 1949, 246.

³⁶ Ньюли 2002, 19–20, 33, 43.

³⁷ Гамкрелидзе, Иванов 1984, 755.

³⁸ Вайнберг 1999, 196.

³⁹ Боровкова 2001, 312.

этнонимом «аланы»⁴⁰. Из исторических и археологических источников известно, что союзы позднесарматских племен, в состав которых входили и аланы, в III–IV вв. играли большую роль на юго-востоке Европы. На Дунае аланы, как известно, имели столкновения с римлянами. Связанные с городами Северного Причерноморья, сармато-аланские племена создали своеобразную материальную культуру, представленную в сотнях исследованных археологических памятников. В III–IV вв. эти родственные ираноязычные племена были известны в письменных источниках под общим именем аланы, что отражено у Аммиана Марцеллина. Позднее при упоминаниях об аланах имеются в виду позднесарматские племена, объединенные этим собирательным термином.

Религия. В результате исследования архитектурных комплексов отарско-каратауской культуры конца III–IV вв. был сделан вывод, что они связаны с погребальным культом. В эпоху «протогородов» идея храма соотносилась с погребальными комплексами. Памятники имеют отношение к культу Солнца, в них воплощены основные этапы солнечного цикла: рождение Солнца, Солнце в зените, постепенное угасание Солнца, смерть Солнца и подземное или ночное Солнце. Храмы связаны с определенным временем года. Культоте — с зимой (подземное, ночное и одновременно рождающееся Солнце), Чоль-тобе — с летом, Кзыл-Кайнар-тобе — с осенью, Актобе — с поздней осенью и переходом к зиме. Культоте в Южном Казахстане было местом зимовки. В районе Таласской долины и Северного Каратау население, практикующее отгонное животноводство, пребывало в летний и осенний периоды года. Обряды, проводимые на четырех памятниках, так же имели сезонные отличия⁴¹.

Основу плана памятников, помимо крестообразных сооружений, составлял двор и обрамляющие его коридорообразные помещения. На памятнике Чоль-тобе (табл. 1,2) постройки, расположенные по периметру, образовывали форму, близкую к квадрату. Квадрат или прямоугольник ориентирован углами по сторонам света с некоторыми отклонениями. Если сопоставить четыре памятника, то можно проследить передвижение крестообразного сооружения относительно этого прямоугольника, что предположительно соотносится с круговым перемещением Солнца в течение года.

В период от зимнего до летнего солнцестояния, когда увеличивается день, Солнце движется «северным путем», то есть при «рождении» в день зимнего солнцестояния оно восходит в крайней южной точке, а в летнее солнцестояние — в крайней северной точке, после чего начинается обратный ход на юг, и день постепенно укорачивается. Благоприятное время года — лето соотносилось с севером, а благоприятное время суток — с востоком, восходом Солнца.

На планах (табл. 1) видно как крестообразное сооружение постепенно перемещается с севера в южном направлении. Если учесть цикличное, круговое движение, можно заметить, что дойдя до южной точки, оно опять появляется на севере, устремляясь на юго-восток. Следовательно, согласно этой схеме, ночное или подземное Солнце проходит свой путь под «квадратом» или «прямоугольником»⁴².

⁴⁰ Габуев 1999, 128.

⁴¹ Терновая 2012.

⁴² Терновая 2012.

Следует так же обратить внимание на размер и очертание крестовидных построек. К определяющим признакам относится направление вытянутых помещений внутри крестообразных сооружений, угол их отклонения по линиям В-З, С-Ю и др.

На Чоль-тобе расстояние между точками на вершинах противоположных «лепестков» составляло 17 м, на Кзыл-Кайнар-тобе и Культобе — 18 м, а на Актобе — 12 м. На первых трех памятниках концы «ветвей» крестовидных построек закруглены, на четвертом они прямые. Если сравнивать их с определенным состоянием Солнца, то на трех памятниках солнечная энергия аккумулируется к центру (закругленные концы работают по принципу вогнутых зеркал), на четвертом памятнике показано как Солнце, «умирая», отдает последнее тепло и энергию перед тем как спуститься под землю.

В комплекс памятника Актобе (табл. 1,4) входил столб, сложенный «циркульной» кладкой кирпичей. По мнению Т.Н. Сениговой, он мог значительно возвышаться и служить религиозным церемониям. Столб находился в юго-западном углу помещения 6. К его основанию и вдоль стен помещения подходила возвышенность, образованная кирпичной кладкой. Основная часть пола была занята большим углублением (1,9x1,4 м) с серо-беловатой зольной массой. С западной стороны к нему примыкало углубление прямоугольной формы, вытянутое с востока на запад и напоминающие поддувало у очага. Западная часть помещения имела два выступа у входного проема в удлиненное помещение 7, где очаги и кости животных свидетельствовали о коллективных трапезах⁴³. По мнению Е. А. Смагулова и А. А. Ержигитовой, помещения 6 и 7 были территорией внутреннего двора, прилегавшего к крестовидной постройке⁴⁴.

В мифологической традиции столб, колонна соотносится с представлениями об оси мира, Мировом древе, объединяющем три зоны мироздания. Направление центрального помещения Актобе по линии С-Ю соответствует движению Солнца от лета к зиме. Дойдя до крайней южной точки, Солнце спускается в подземный мир. Обряды, проводимые на этом памятнике, связаны с проводами Солнца. В.Н. Топоров отметил, что жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и максимально сакральной временной точке. Высшей, сакральной считалась точка в пространстве и времени — «середина» мира, где стоит Мировое древо, и время творения, соотносимое с «началом» мира. Во временном плане ситуация «в начале» повторяется во время праздника, когда Солнце на стыке старого и нового года опишет свой годовой путь вокруг Мирового древа. От умения царя-жреца найти эту сакральную точку зависело благополучие социума. Обнаружив ее, можно было определить место и время жертвоприношения и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом: алтарь, храм, поселение, его границы по четырем сторонам света и временные координаты⁴⁵.

Памятники представляли собой своего рода «солнечные часы». Координатами этих часов служило расположение помещений, сезонное смещение основ-

⁴³ Сенигова 1962.

⁴⁴ Смагулов, Ержигитова 2013.

⁴⁵ Топоров 2010, 15, 332, 425.

ной оси и т.д.⁴⁶ Подобные «солнечные часы» были исследованы художником и историком Г. Й. Петрашом на древних архитектурных памятниках Киевской Руси (X–XII вв.). Храмы вписывались в координаты Солнечной системы, что отличало их от других зданий. Г. Й. Петраш сравнил канонизированные оси ориентации храмов по линии запад-восток и оси солнечных часов. Внутри храмов Г. Й. Петраш определил хронометрическую закономерность попадания солнечного луча на узловые архитектурные детали интерьера, важные не только архитектурно, но и канонически для хода литургии⁴⁷.

Сармато-аланские памятники Южного Казахстана и Таласской долины конца III–IV вв. в чем-то отдаленно напоминают христианские памятники — церкви и мартинии — мемориальные сооружения, возведенные в честь первых христианских мучеников, чаще над символическим захоронением (кенотаф), обозначающим место мученичества и гибели христианских святых.

Сезонные праздники, проводимые в сармато-аланских храмах Солнца Казахстана, связаны с героями нартского эпоса⁴⁸. Жертвенные захоронения на Чолтобе — женское с пряслицем и игольником в центральном сооружении и два скорченных мужских в помещениях прямоугольного комплекса (предположительно в точках смерти и рождения Солнца в день летнего солнцестояния) — находят соответствия в нартском эпосе⁴⁹. Возможно, они связаны со сказанием о рождении и смерти солнечного героя Созырыко-Сослана и о его матери — Сатане, соотносимой в некоторых преданиях с образом богини с веретеном⁵⁰. Погребение воина с мечом и фигуркой коня на памятнике Кзыл-Кайнар-тобе предположительно соотносится с культом Уастырджи⁵¹. Сезонные праздники, проводимые в их честь, можно сравнить с престольными праздниками, отмечаемыми в христианских церквях⁵².

Нартский эпос, основу которого составляют сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей (Нартов), получил распространение практически у всех народов Северного Кавказа. Ж. Демюзиль отметил, что «некоторые образы Нартов, по-видимому, вышли из аланского, сармато-скифского, «евро-иранского», т. е. в конечном счете осетинского фонда. Осетины через алан являются наследники нескольких сарматских племен⁵³. Осетинский эпос насыщен солярной мифологией и солярной символикой, существует представление о Нартах как детях Солнца»⁵⁴.

В. Ф. Миллер отметил, что осетины делят год на периоды: 1) зима; 2) ранняя весна; 3) весна и первая половина лета, 4) лето, начиная с покоса и до листопада; 5) позднее лето, т. е. осень с появления инея и с листопада до снега. Более крупное деление — теплое и холодное время года. Общеосетинские календарные праздни-

⁴⁶ Терновая 2012.

⁴⁷ Шевченко, Богомазова 2002, 88–110.

⁴⁸ Терновая 2012.

⁴⁹ Терновая 2008а; 2009; 2012.

⁵⁰ Ардзинба 1985, 131, 155–156.

⁵¹ Терновая 2012.

⁵² Терновая 2013б.

⁵³ Дюмезиль 1976, 26–27, 33–36, 161.

⁵⁴ Абаев 1990, 275–278.

ки справляются в определенные месяцы года и находятся в связи с календарем и сельскохозяйственными работами⁵⁵.

У осетин божества и святилища называются дзуар⁵⁶. В. Ф. Миллер среди перечня дзуаров Осетии упомянул могилу Сослана⁵⁷. К числу общеосетинских божеств относятся дзуары, которые почитались всеми осетинами. Эти дзуары содержат как древнекавказские, так и иранские элементы. Бытование дзуаров у предков осетин подтверждается археологическими находками, культовыми памятниками и данными осетинского языка. Считается, что *dzwar* (*wli dzuar*) происходит от грузинского *dzvari* (крест) и связано с христианством. По мнению В. И. Абаева, влияния грузинского на осетинский относятся в значительной части к более новым временам⁵⁸. Ж. Дюмезиль отметил, что осетинское слово *dzuar* произошло от грузинского «крест», но означает также и языческие «святые места»⁵⁹.

Сравнительно-историческое изучение и сопоставление некоторых обычаев и обрядов современных осетин с бытом алан, сарматов, скифов позволяют установить сходство и преемственность многих обычаев и обрядов. Высказывание А. Марцеллина о том, что аланы поклонялись богу войны в виде меча, находит косвенные параллели в быту современных осетин. Некоторые черты культа Уастырджи и связанные с ним обряды позволили исследователям предположить в его образе прототипа аланского бога войны. Об этом свидетельствуют военизированные обряды, проводимые в святилище Реком, имеющем связь с культом св. Георгия (Уастырджи)⁶⁰. В аланскую эпоху современный осетинский пантеон подвергся христианизации. Многие «христианские» божества осетинского пантеона имеют дохристианские, индоиранские корни⁶¹. В. Ф. Миллер отметил, что ввиду святости Рекома во всей Осетии и его положения в глуши, поблизости от одного из величайших ледников Кавказа, это святилище может восходить к языческим временам. Вероятно, миссионеры освятили прежнее капище и построили на его месте христианский храм, но вследствие слабого влияния христианства на осетин св. Георгий принял облик прежнего языческого бога. Реком, как и другие дзуары, посещается только тогда, когда справляется праздник. Надзор за святилищем поручается почтенному старику. Он хранит ключи от капища и вносит в него приношения молельщиков, так как один имеет право входить внутрь⁶².

Памятники кангюйской культуры, расположенные на территории Южного Казахстана, послужили основой для развития городских центров. Так, выше кангюйского слоя Культобе находится строительный горизонт IX–X вв. с остатками производственной деятельности — изготовлением керамики. Основные конструкции этого строительного горизонта прорезаны ямами, найденная в них керамическая посуда относится к X–XI вв. Верхний строительный горизонт содержал остатки строений XVIII–XIX вв.⁶³ На Актобе первый строительный гори-

⁵⁵ Миллер 1882, 262–263.

⁵⁶ Абаев 1990, 104–105.

⁵⁷ Миллер 1882, 250–262.

⁵⁸ Абаев 1949, 87; 1990, 104–105.

⁵⁹ Дюмезиль 1976, 113.

⁶⁰ Миллер 1882, 237–238, 255–256; Кузнецов 1977, 167–168; Чибиров 2008, 483–489.

⁶¹ Дзицойты 2003, 48.

⁶² Миллер 1882, 257.

⁶³ Смагулов, Ержигитова, Торгоев 2011.

зонт был забутован и на нем возведены постройки VI–VII вв. В 7 км от Актобе, на северных склонах Каратау, был построен памятник VI–VIII вв.⁶⁴ — храм Солнца и огня⁶⁵. Позднее он был превращен в платформу, на которой построили новое здание. Здесь образовалось средневековое городище Баба-Ата, в обрядовой практике горожан отмечены сохраненные традиции.

Прослеживая дальнейшее развитие крестообразной архитектуры сармато-аланских храмов Солнца III–IV, можно заметить, что форма и размеры сооружений напоминают христианские памятники в период их появления. Исследование формообразования, устройства и назначения отдельных элементов оформления христианских построек помогает понять значение более ранних памятников, которые предположительно могли использоваться в качестве образца при сложении христианской архитектуры.

Христианская храмовая архитектура с планом в виде креста складывалась в контактной зоне влияния Римской империи с территориями распространения культуры сармато-аланских племен, среди народов, у которых был распространен культ Солнца. Вероятно, при исследовании формирования и развития крестообразного и крестово-купольного типов культовых построек христиан следует учитывать крестообразные постройки I–IV вв., расположенные на территории Казахстана. Возможно, часть сармато-аланских племен из этих районов достигла территории Римской империи. Предполагаемую версию подтверждает появление там в начале н.э. построек с планом в виде креста.

По мнению специалистов, происхождение крестово-купольного типа храма «выяснено еще далеко не достаточно», но уже в V–VI вв. он в основном сложился в восточной школе византийского зодчества и проникал в отдельных случаях и в Константинополь. Начиная с V века, центрические церкви, увенчанные куполом, приходят на смену храмам, строившимся в виде базилик. Первоначально функции храмов-базилик и центрических купольных сооружений были разными. В храмах-базиликах совершалась литургия, центрические постройки разнообразных форм (круглые, крестообразные и др.) использовались как крещальни, известные не ранее IV в., и мавзолеи — постройки, отмечавшие места важнейших евангельских событий, а также места погребения мучеников. Центрические сооружения — мавзолеи, баптистерии, церкви — занимали важное место в раннехристианской архитектуре. Мавзолеи являлись прямым продолжением позднеантичных мавзолеев начала IV в.⁶⁶

Крестообразные и крестово-купольные типы христианских храмов появляются в Крыму и на Кавказе в V–VI, VII вв., в Алании — в X–XI вв. Эти земли были местом расселения аланских племен, где отмечено влияние Византийской империи. Переходным звеном между сармато-аланскими храмами Солнца, связанными с погребальным культом, и памятниками христиан могли быть позднеантичные мавзолеи.

На основании материалов археологии из Южного Казахстана и Жетысу можно сделать вывод, что рассматриваемые храмы сармато-алан были сезонными. Население вело полукочевой образ жизни, производя выпас животных на паст-

⁶⁴ Агеева 1962.

⁶⁵ Терновая 2007.

⁶⁶ Михайлов 1973, 681–682, 684.

бицах различных сезонов использования. Праздники, связанные с определенным временем года и с Солнцем, отмечались в отведенных для этой цели местах. Сармато-аланские племена — солнцепоклонники — в теплое время года продвигались вслед за светилом. Это соотносилось с хозяйственными нуждами и религиозными представлениями, необходимостью привести свою жизнь в соответствие с устройством мироздания для достижения благоденствия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* 1949: Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.
- Абаев В. И.* 1990: Избранные труды. Т. 1: Религия, фольклор, литература. Владикавказ.
- Агеева Е. И.* 1962: Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). Цитадель // Археологические исследования на северных склонах Каратау. ТИИАЭ АН Каз ССР. 14, 117–153.
- Ардзинба В. Г.* 1985: Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия / Б. Б. Пиотровский, В. В. Иванов, В. Г. Ардзинба (ред.). М., 128–168.
- Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.* 2005: Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы.
- Бичурин Н. Я.* 1950: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.
- Боровкова Л. А.* 1989: Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.
- Боровкова Л. А.* 2001: Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.
- Вайнберг Б. И.* 1999: Этногеография Турана в древности (VII в. до н.э. — VIII в. н.э.). М.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* 1968: Поселение Актобе 2 (I — начало IV в. н.э.) // ДЧ, 11–79.
- Габуев Т. А.* 1999: Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы. 2. Тбилиси.
- Горбунова Н. Г.* 1977: Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА. 3, 107–120.
- Драчук В. С.* 1975: Системы знаков Северного Причерноморья. (Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев.
- Дзиццойты Ю. А.* 2003: Нартовский эпос и Амириани. Цхинвал.
- Дюмезиль Ж.* 1976: Осетинский эпос и мифология / Пер. А. З. Алмазовой. М.
- Кляшторный С. Г.* 1964: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Кузнецов В. А.* 1977: Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.
- Левина Л. М.* 1971: Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // ТХАЭЭ. VII. М.
- Левина Л. М.* 1996: Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии до н.э. — первом тысячелетии н.э.). М.
- Литвинский Б. А.* 1967: Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 2, 29–37.
- Литвинский Б. А.* 1968: Кангюйско-сарматский Фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе.

- Максимова А. Г., Мерциев М. С.* Восточная округа Тараза в I тыс. н.э. / Архив ИА МОН РК. Инв. 1183.
- Мерциев М. С.* 1966: Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН Каз. ССР. 12. Алма-Ата, 69–73.
- Мерциев М. С.* 1968: Городище Актобе 1 (IV — начало XIII в.) // ДЧ, 120–173.
- Мерциев М. С.* 1970: Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана / М. К. Кадырбаев (ред.). Алма-Ата, 79–92.
- Миллер В.* 1882: Осетинские этюды. 2. Исследования / Ученые записки императ. Московск. универ-та. Отд. истор-филологич. 2. М.
- Михайлов Б. П.* 1973: Раннехристианская архитектура. Архитектура Римской империи // Всеобщая история архитектуры. Т. 2 / В. И. Раздольская (ред.). М., 675–688.
- Мкртычев Т. К.* 2002: Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.
- Ньоли Г.* 2002: Название Алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего / В. Гусалов (ред.). Владикавказ.
- Рапопорт Ю. А.* 1962: Хорезмийские астоданы. (К истории религии Хорезма) // СЭ. 4, 65–83.
- Сенигова Т. Н.* 1962: Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. ТИИАЭ АН Каз.ССР. 14. Алма-Ата, 57–82.
- Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торгоев А. И.* 2011: Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». 12–15 декабря 2011 г. III. Алматы, 61–71.
- Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.* 2013: Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения 2011–2012 гг. // Известия НАН РК. Сер. общ. и гуманитар. наук. 3, 82–100.
- Сулейманов Р. Х.* 2000: Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. — VII в. н.э. Самарканд; Ташкент.
- Терновая Г. А.* 2007: К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана. (Храм VI–VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 1, 198–213.
- Терновая Г. А.* 2008: О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 1, 218–238.
- Терновая Г. А.* 2008а: Культ богини с веретеном в разных традициях и воплощение её образа в искусстве // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент / Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 276–310.
- Терновая Г. А.* 2009: Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV — V вв. (по результатам археологических работ М. С. Мерциева) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 1, 275–292.
- Терновая Г. А.* 2012: Основные принципы планировки и формообразования храмов конца III–IV вв. (Отрарско-каратауская культура) // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии / Б. Е. Кумеков, Б. А. Байтанаев (ред.). Алматы, 190–218.
- Терновая Г. А.* 2013: К истории сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана в конце III–IV вв. (по материалам археологии) // Отан тарихы / Отечественная история / History of the homeland. Научный журнал ИИЭ им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК. 1, 129–138.

Терновая Г. А. 2013а: Погребальный обряд на архитектурных комплексах Таласской долины конца III–IV вв. // Хабаршы. Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2, 102–110.

Терновая Г. А. 2013б: К проблеме генезиса крестообразной архитектуры сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана конца III–IV вв. // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Роль казахстанской молодежи в развитии инноваций». 26–27 апреля 2013 г. Алматы, 551–561.

Топоров В. Н. 2010: Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.

Филанович М. И. 1983: Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент.

Филанович М. И. 2010: «Temple town» городища Мингурик в Ташкенте // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной / С. Б. Болелов (ред.). М., 91–93.

Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения Ю. Ф. Бурыкова / Д. А. Алимова, А. А. Анарбаева (ред.). Самарканд, 155–161.

Чибиров Л. А. 2008: Традиционная духовная культура осетин. М.

Шевченко Ю. Ю., Богомазова Т. Г. 2002: Древнейший сохранившийся храм Руси // Христианство в регионах мира. СПб., 88–110.

Яценко С. А. 2001: Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

ON THE ISSUE OF HISTORY, RELIGION AND LIFESTYLE OF KANGJU IN THE LATE 3rd — 4th CENTURIES AD

G. A. Ternovaya

The paper considers architectural complexes with cross-shaped constructions dated to Otrarsk-Karatau Culture of the late 3rd — 4th centuries AD, which are situated in the Talass Valley territory on the northern slope of Karatau (Aktobe) and in southern Kazakhstan (Kul'tobe). The monuments are defined as seasonal sun temples of Alan-Sarmatian tribes. Cross-shaped temples lay-out and design bear a similarity to early Christian monuments.

Key words: Kazakhstan, Kangju, Sarmatian-Alan, sun temples

ПЛЕМЕННОЙ МИР

© 2014

Е. В. Долбунова

ДРЕВНЕЙШИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ДНЕПРО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ VII–VI тыс. до н.э.*

В статье рассмотрены комплексы раннеолитической глиняной посуды памятников Днепро-Двинского междуречья. Для раннего неолита было выделено несколько «фаз развития керамики», которые маркируют произошедшие изменения в технологии, морфологии и орнаментации глиняной посуды. В статье затрагиваются вопросы функции первых глиняных сосудов в культуре древнего населения данного региона, постепенное изменение ее роли от престижной к утилитарной. Представлен также круг аналогий керамическим материалам различных фаз среди культур ряда регионов Восточной Европы.

Ключевые слова: ранний неолит, технология изготовления глиняной посуды, неолитизация, Днепро-Двинское междуречье

Днепро-Двинское междуречье — регион, где долгое время не удавалось обнаружить памятники раннего неолита, несмотря на то что исследования здесь ведутся с 60-х годов XIX века. Поэтому вплоть до 80-х годов XX века эта территория рассматривалась как белое пятно на общей карте раннеолитических памятников Восточной Европы. В 1960-х гг. исследования Днепро-Двинского междуречья были начаты экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А. М. Микляева. В 1962–1968 гг. основные работы проводились в Усвятском микрорайоне Псковской области. Тогда раннеолитические материалы стоянок Узмень, Усвяты II, селища Узмень были отнесены к значительно более позднему периоду, синхронному со временем существования керамики слоев А и ст. Усвяты IV. Древнейшей же неолитической культурой данного региона была названа культура свайных поселений, которая была отнесена к эпохе среднего неолита¹. В 1968 г. в Велижском районе обследуются бассейны рек Западная Двина и Сертейка, где были выявлены местонахождения каменных орудий, свидетельствующие о том, что эти места часто посещались в древности, однако «долговременных поселений, по-видимому, не было»².

Долбунова Екатерина Владимировна — аспирант Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. E-mail: katjer@mail.ru

* Исследования были выполнены при поддержке грантов РГНФ 13-21-01003, РФФИ 13-06-12057

офи_м.

¹ Микляев 1969, 18–36.

² Микляев, Минасян 1969, 8–9.

В результате исследований 1962–1987 гг. была выявлена цепочка развития материальной культуры от позднего палеолита до культуры длинных курганов, разработана методика полевых работ с трехмерной фиксацией материала, применен комплексный метод исследований. К раннему неолиту типологически и стратиграфически были отнесены материалы двух памятников, исследования которых начались в 1983 г. Древнейшим из них являлась торфяниковая стоянка Рудня Сертейская, раскопки которой производились в 1984–1986 гг.³ Более молодой памятник — это поселение Дубокрай V, керамика которого находит аналогии в ранних ступенях развития культуры линейно-ленточной керамики⁴. В это же время была высказана мысль о том, что еще будет выявлен целый пласт новых ранненеолитических памятников и культур⁵.

Исследования Сертейского микрорегиона Днепро-Двинского междуречья, начатые в середине 1980-х гг. отрядом Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством ученика А. М. Микляева — А. Н. Мазуркевича, позволили открыть целую серию ранненеолитических памятников, остававшихся неизвестными до этого времени. В ходе проведенных работ типологически выделенные керамические комплексы были отнесены к раннему неолиту и объединены в археологическую культуру, получившую название сертейской. А. М. Микляев совместно с А. Н. Мазуркевичем выделили т.н. «фазы развития керамики», маркирующие «реально происшедшие изменения в технологии, формах и орнаментации глиняной посуды различных культур»⁶. К сертейской ранненеолитической культуре были отнесены фазы «а», «b» и «с». В последующее десятилетие были типологически выделены материалы раннего неолита на памятниках со смешанными комплексами. Это заставило дополнить разработанную схему развития сертейской культуры, в которую будут включены новые фазы развития керамики: «b-1» и «с-1», — описана кремневая индустрия, а также расширен круг аналогий для данных материалов среди культур других регионов⁷. Так, аналогии с керамикой фаз «а» и «b» были выделены, кроме азово-прикаспийского региона, также в материалах культур Верхнего и Среднего Подонья, Подесенья, Сура-Мокшанского междуречья и Нижнего Поволжья. Появление керамических материалов фаз «b-1» и «с» произошло, по мнению исследователей, под влиянием импульса с территорий Верхнего Поволжья, Верхнего и Нижнего Подонья. Несмотря на появление такого большого количества аналогий, общая тенденция эволюционного развития культуры сохранилась.

Развитие представлений о хронологии раннего неолита Днепро-Двинского междуречья зависело от материала, имевшегося на тот момент в арсенале исследователей. Изначально схема развития ранненеолитической глиняной посуды была построена на материалах памятников южной части Сертейского микрорегиона: Рудня Сертейская, Сертея XII, Сертея X (суходольная часть) (1986–1989 гг.). Следующий этап связан с выделением новых материалов типологически в коллекциях памятников Усвятского микрорегиона: Узмень, Усвяты, Удвяты, Романов-

³ Dolukhanov et al. 1989.

⁴ Мазуркевич и др. 1998; Микляев и др. 1989, 9.

⁵ Микляев и др. 1987, 169–170.

⁶ Микляев 1994, 7–10.

⁷ Мазуркевич и др. 2003, 260–261.

ское, Лукашенки. Введение новых фаз развития керамики («b-1», «c-1») связано с обширными раскопками памятников в северной части Сертейского микрорегиона — стоянок Сертея XIV, Сертея XX, торфяниковой части памятника Сертея X и др.

С открытием новых памятников и появлением нового керамического материала раннеолитическая сертейская культура приобретает все более мозаичный характер, не соответствовавший существовавшей эволюционной схеме развития.

Регион исследования

Раннеолитические материалы Верхнего Подвинья представлены на 32 памятниках, расположенных в трех археологических микрорегионах, — Сертейском, Сенницком и Усвятском.

Основной комплекс раннеолитических памятников сосредоточен в районе палеоозер с благоприятными физико-географическими условиями, расположенных около деревни Рудня Велижского района в Сертейском археологическом микрорегионе. В настоящее время озерные котловины заболочены и унаследованы узким руслом реки Сертейки, которая впадает в р. Западная Двина. Цепочка озер начала формироваться в конце плейстоцена — начале голоцена после отступления валдайского ледника на участках холмистоморенного и камового рельефа, представляющих собой краевые образования максимального продвижения ледника и последующих отступаний и наступаний бологовской и едровской стадий⁸. Памятники в Сертейском микрорегионе локализуются в стороне от реки Западная Двина, по берегам мелких притоков и озер, и удалены от основной артерии на несколько сотен метров или несколько километров. Сравнительно небольшая заселенность берегов крупных рек может объясняться тем, что они были небезопасны для проживания, так как служили путями сообщения⁹. Стоянки раннего неолита расположены двумя группами в северной (малой Нивниковской озерной котловине) и южной (Сертейской большой озерной котловине) частях микрорегиона и разделены между собой незаселенной территорией.

В северной части Сертейского микрорегиона расположено наибольшее количество известных на сегодняшний момент раннеолитических памятников. Это Сертея 3–3, Сертея XXVII, Сертея XX, Сертея XIV, Сертея XXI, Сертея XXII, Сертея 3–1, Сертея 3–2, Сертея XIX, Сертея XXIV, Сертея XXIII, Сертея 3–4, Сертея 3–5, Сертея 3–6, Сертея XXXV, Сертея XXXVII, Сертея XL, Сертея XLI, Сертея XXXIX, Сертея XXXIV, Сертея L, Сертея XLIX, Сертея LII. В южной части на берегу Руднянского палеоозера расположены стоянка Рудня Сертейская, поле над Рудней Сертейской N3, Сертея XII, на берегу Сертейского палеоозера — Сертея X. Стоянки, расположенные на берегу Руднянского палеоозера, находятся в зоне флювиогляциальных (песчано-гравийных) отложений, где распространены сосновые и широколиственные леса с включением берез. В свою очередь, стоянка Сертея X располагается на границе флювиогляциальных и моренных отложений (глины красно-бурого цвета), т.е. здесь кроме берез и елей будут произрастать также дубы. Все остальные памятники северной части Сертейского микрорегиона приурочены к зоне лимнокамовых отложений (супеси и пески светло-желтого цвета), где распространены сосново-березовые леса.

⁸ Марков 1961, 82–90.

⁹ Калечиц 2003, 162.

Для Усвятского микрорайона характерно чередование моренных и флювиогляциальных отложений. Памятники Романовская, Лукашенки II, Цыгановы Нивы, Полонейка расположены в зоне флювиогляциальных отложений, селище и стоянка Узмень, Усвяты II находятся на границе флювиогляциальных отложений и морены. Последние расположены на берегу палеоозер при впадении реки, памятники Лукашенки II, Полонейка — на берегу реки, Романовская — на острове.

Памятники Фролы I, Дубокрай I Сенницкого микрорайона также приурочены к зоне флювиогляциальных отложений. Они расположены на берегу палеоозера, причем Фролы I — на острове, а Дубокрай I — на мысу.

Памятники Верхнего Подвинья неравны по количеству и разнообразию ранне-неолитических материалов. Здесь существуют памятники, которые отличаются обилием материалов, относимых к раннему неолиту, среди которых такие стоянки, как Сертея X, Сертея XIV, Сертея 3–3 (Сертейский микрорегион) и Узмень (Усвятский микрорегион). Однако на большей части памятников ранне-неолитические коллекции представлены лишь несколькими сосудами и немногочисленным кремневым инвентарем. Культурные слои ранне-неолитических памятников в основном залегают в толще песков. В отличие от торфяниковых памятников, где благодаря особым условиям залегания сохраняются многочисленные остатки материальной культуры, памятники раннего неолита, расположенные на песчаных бортах котловин, бедны подобными находками: здесь очень плохо сохраняется древняя органика, следы конструкций, ямы, кострища. На этих памятниках процессы почвообразования шли крайне медленно, культурный слой, как правило, не превышает 20–30 см. Таким образом, единая толща культурного слоя, не различающаяся, как правило, по литологическим характеристикам и цвету, может вмещать несколько горизонтов обитания, датирующихся разным временем. Для их разделения успешно использовалась трехмерная фиксация находок и кодовая запись их соответственно типу находки, которая дает возможность проследить планиграфическое распределение находок, построить стратиграфические профили в различных частях стоянки и сделать трехмерную динамическую модель распределения находок.

Ранне-неолитическая глиняная посуда

Комплекс глиняной посуды в Днепро-Двинском междуречье, относящийся к раннему неолиту, немногочислен, несмотря на наличие 32 памятников и высокую степень изученности археологических микрорегионов. Всего известно 920 фрагментов ранне-неолитической глиняной посуды, составляющих около 250–255 сосудов. Исследование технологии изготовления сосудов было выполнено в русле понятия цепочек технологических операций¹⁰. Благодаря комплексному анализу, включающему изучение технологии изготовления сосудов, морфологии и орнаментации, удалось дополнить описание предложенных ранее фаз развития керамики «а», «b», «b-1», «с-1» и выделить новые фазы — «а-2», «b-2» (рис. 1).

Фаза «а-1». Всего известно 14 сосудов (рис. 2, 1–7). Сосуды изготавливались из тощей каолиновой глины с высоким содержанием кластического материала с примесью песка и шамота (формовочная масса D)¹¹. Сосуды набирались по кругу из небольших лент с тупым углом горизонтального и вертикального среза

¹⁰ Creswell 1983; Gosselain 2002; Livingstone-Smith 2001; Shepard 1985 и др.

¹¹ См. подробнее Мазуркевич и др. 2008.

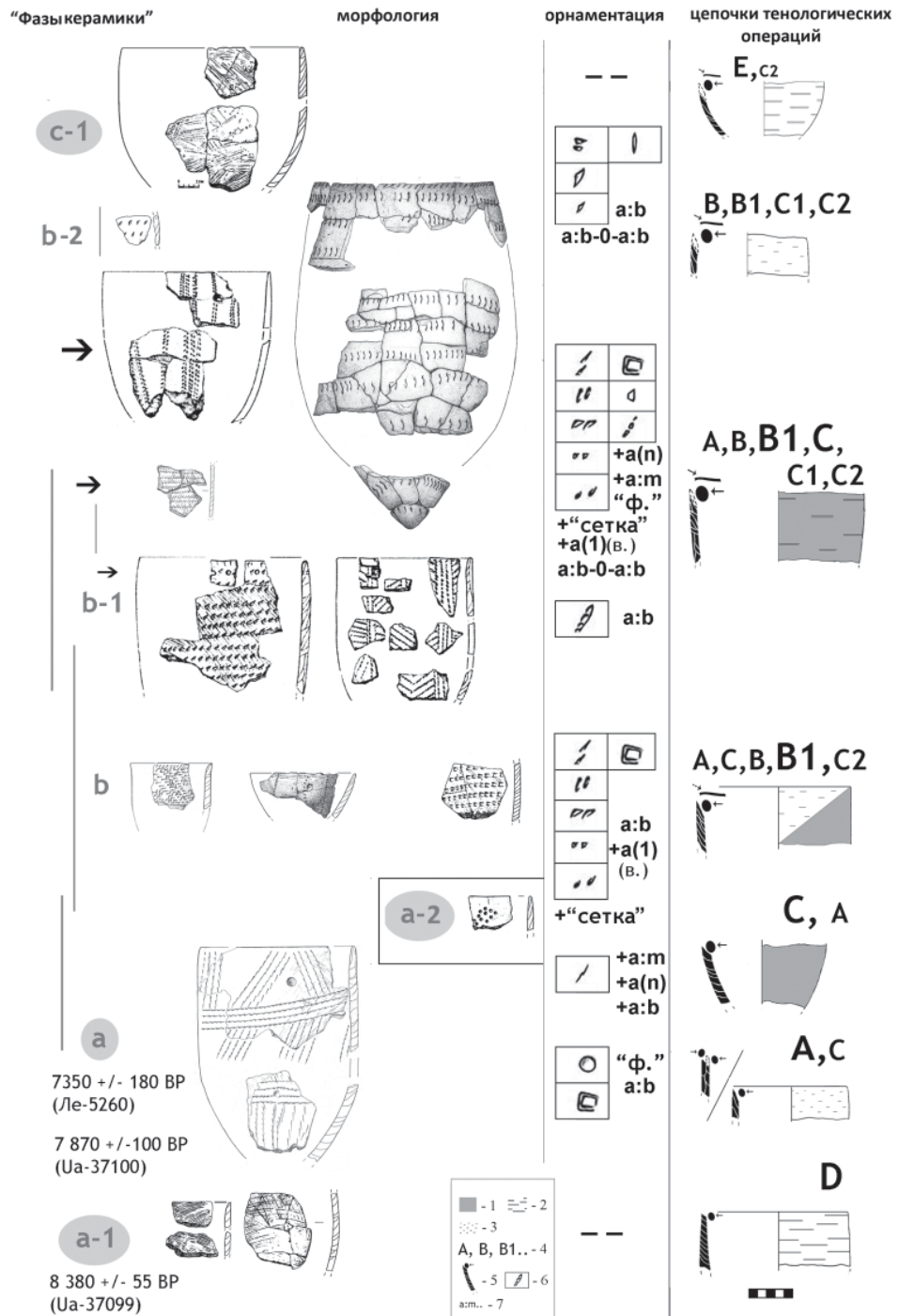

Рис. 1. Схема развития ранненеолитических «керамических фаз» Верхнего Подвалья (а — лощение, б — «расчесы», в — заглаженная поверхность, г — виды формовочной массы, д — способы конструирования сосудов, е — символы симметрии, ж — «графические значки»; «ф» — «фигура»).

высотой от 0,9 до 2 см; толщина стенок сосудов от 0,7–0,8 см до 1–1,1 см. Фиксируются следы «расчесов» на обеих поверхностях, оставленных при обработке сосуда после нанесения жидкого слоя «поливов». Также есть сосуды с «расчесами» на внешней и внутренней поверхностях, проступающими через тонкий слой покрытия стенок, которые подвергались заглаживанию/лощению. Сосуды не орнаментированы. Формы сосудов открытые или прямые с чуть выгнутым плоским краем, подцилиндрической формы, есть плоское днище. Также имеется один сосуд закрытой эллипсоидной формы объемом порядка 9 л с приостренным венчиком и небольшая мисочка формы усеченного шара. Возможно, они занимают хронологически более позднюю позицию. По нагару со стенки сосуда фазы «а-1» с памятника Сергея XIV была получена дата 8380 ± 55 ВР (Ua-37099).

Фаза «а». Всего известно 13 сосудов (рис. 2, 8–15). Цепочка технологических операций предполагала создание сосудов из глины с примесью песка и шамота (формовочная масса С) или алевроитовых отложений без каких-либо примесей (формовочная масса А). Сосуд набирался из небольших лент по кругу с тупым углом горизонтального и вертикального среза высотой от 0,9 до 2 см, толщина стенок сосудов от 0,7–0,8 см до 1–1,1 см, есть отдельные фрагменты толщиной 0,4–0,6 см. Для сосудов характерны следы «расчесов», проступающие на обеих поверхностях, подвергавшихся лощению. При орнаментации сосудов используется графический знак в виде отрезка, для орнаментации характерны геометрические композиции (символ симметрии $a : t$ в сочетании с $a(n)$, а также $a : b^{12}$). Эта фаза представлена закрытыми сосудами, формы сходящегося конуса с островыпуклым параллельным стенкам краем, возможно, с округлыми и острыми днищами. Сосуды имеют объем 4,5 л и меньше. Некоторые сосуды этой фазы происходят из горизонта А-2 памятника Сергея X, датированного по древесине временем 7300 ± 180 (Ле-5260), также была получена датировка по нагару с фрагмента сосуда 7150 ± 50 (Ua-37098). По нагару с фрагмента сосуда с памятника Рудня Сертейская была получена дата 7870 ± 100 (Ua-37100).

Фаза «а-2». Всего известно 12 сосудов. Сосуды изготовлены из алевроитовых отложений без каких-либо примесей (формовочная масса А), несколько сосудов сделаны из глины с примесью песка и шамота (формовочная масса С). Сосуды набирались по кругу из очень маленьких лент (высотой до 0,7 см), зачастую очень коротких, поставленных друг на друга, либо в технике S. Толщина сосудов варьирует от 0,4 до 0,6 см. Для них характерно покрытие сосудов тонким слоем жидкой глиняной массы и последующее заглаживание/лощение, следы «расчесов» зафиксировать не удастся. Сосуды в основном не орнаментированы, есть лишь несколько сосудов, украшенных округлыми вдавлениями и оттисками скобковидной формы (или римской I). Характерна орнаментация горизонтальными рядами оттисков (символ симметрии $a : b$), в одном случае — украшение ассиметричной фигурой.

Фаза «b». Это наиболее представительная фаза — всего известно порядка 99 сосудов (рис. 3, 1–10, 12). Технология изготовления мало отличается от фазы «а»: сосуды так же набирались из небольших лент по кругу, могли подлепливаться лоскуты. Поверхность сосудов залащивалась, возможно, покрывалась тонким слоем жидкой глины, как и поверхность сосудов других фаз. Некоторые сосуды выполнены из алевроитовых отложений без примесей (А), но в основном для их

¹² Описание символов симметрии см. Иванов 1963.

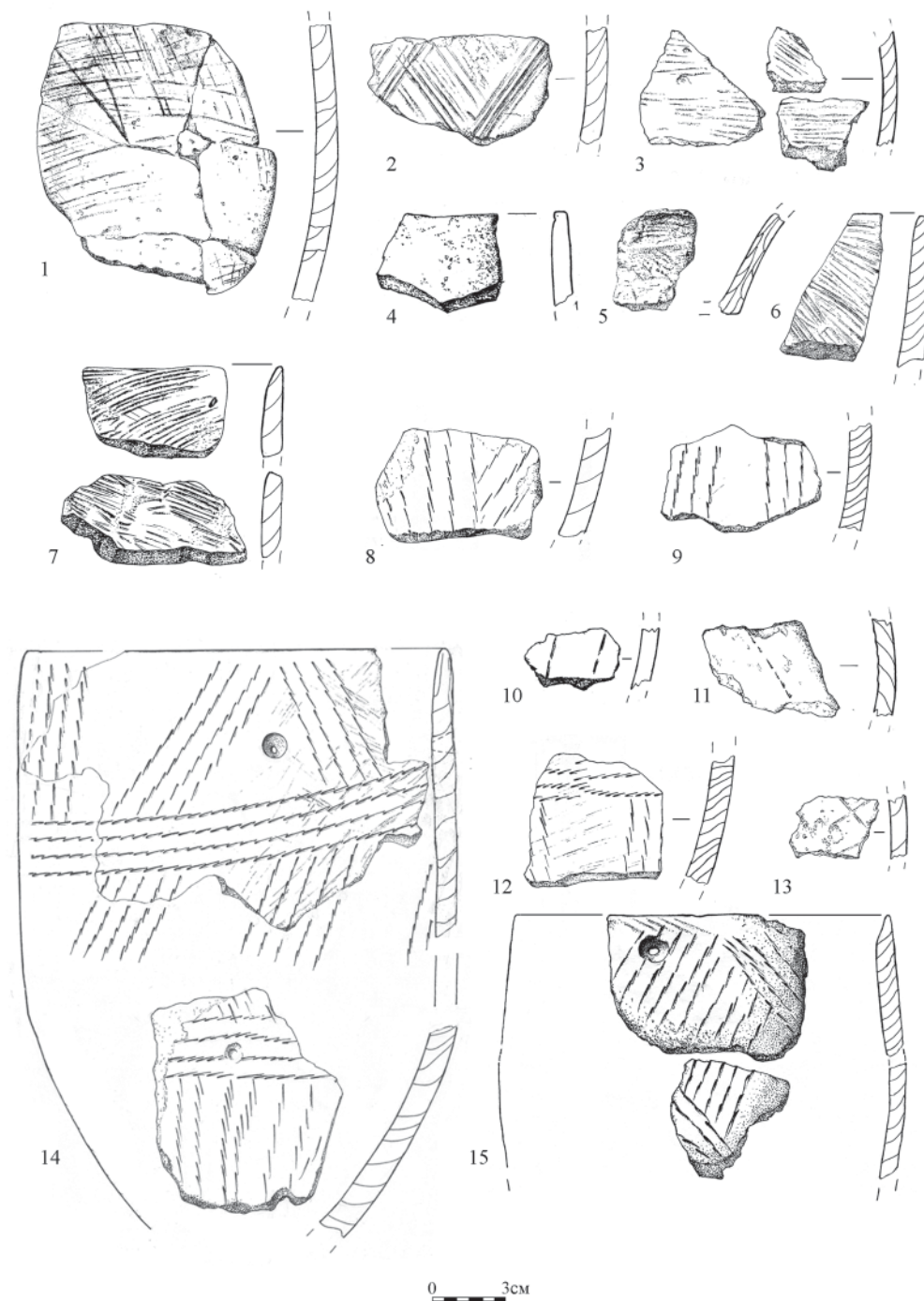

Рис. 2. Глиняная посуда раннего неолита Днепро-Двинского междуречья: 1-7 — фаза “а-1”; 8-15 — фаза “а”.

изготовления использовали два вида формовочной массы — алевроитовые или гидрослюдистые отложения (тощие) с добавлением небольшого процента песка (В) и шамота (С), а также глиняные отложения (жирные) с добавлением большого процента песка и шамота (С2, В1). Сосуды этой фазы орнаментированы каплевидными наколами, треугольными наколами различной формы, насечками и оттисками скобковидной формы. Преобладают композиции, составленные из горизонтальных рядов оттисков штампа (символ симметрии $a : b$), а также из сетки с ромбической и прямоугольной системой узлов. Формы сосудов различны: начиная от открытых с прямым, отогнутым краем, заканчивая сосудами с параллельными стенками с округлым краем подцилиндрической формы, усеченного шара (мисочки). От сосудов этой фазы происходят конические днища и округлые. Мисочки имеют объем 0,4 л, можно предположить и существование сосудов около 4–5 л в объеме.

Фаза «b-1». Всего известно 74 сосуда (рис. 3, 11, 13, 14; рис. 4, 1–5, 7–10). При изготовлении сосудов преобладают рецептуры формовочных масс С, В1, но также использовали состав теста вида А, В, С1, С2. Изменения в этой фазе отмечаются в первую очередь в области орнаментации при незначительных новшествах в цепочке технологических операций, включая появление новых видов сырья. Сосуды слеплены из лент, уложенных по кругу, в ряде случаев можно отметить появление у лент приостренного угла горизонтального среза, зачастую они начинают походить на лоскуты. Ленты могут растягивать, из-за чего они достигают в высоту 1,7–3 см. Поверхность покрывалась тонким слоем жидкой глины, зафиксированы «расчесы» на обеих сторонах сосуда и последующее лощение. Для украшения сосудов этого типа характерны композиции, составленные из горизонтальных рядов оттисков штампа и групп горизонтальных рядов ($a : b$), разделенных пустым пространством ($a:b - \theta - a:b$), в некоторых случаях в сочетании с наклонными рядами оттисков ($a(n), a : m$); также присутствует украшение сеткой. Сосуды открытые и закрытые, подцилиндрической формы или эллипсоидной с округлым или приостренным венчиком, встречаются отогнутые наружу венчики, есть острые днища. Сосуды имеют объем 3 л, 4,5 л и порядка 12 л. Особняком стоят орнаментальные композиции, выполненные зубчатым штампом, составленные в горизонтальные ряды ($a : b$), но расположенные вертикально. Подобное направление орнамента встречается крайне редко в материалах Днепро-Двинского междуречья. Также здесь появляется орнаментация гребенчатым штампом, напоминающим вытянутые оттиски раковины и гребенчатые подпрямоугольные оттиски. Это крупные сосуды объемом до 12,5 л, есть также сосуды 4,5 л.

Фаза “b-2”. Всего известно 23 сосуда (рис. 4, б). Сосуды изготавливались из лент, которые вытягивались по мере конструирования сосуда, из-за чего они достигали в высоту 1,7 — 3,5 см и имели очень острый угол горизонтального и вертикального среза. Поверхность сосудов заглаживалась. Отмечается присутствие техники «лопатки и наковальни». Для изготовления этих сосудов использовалась рецептура вида В, В1, С1, С2. Сосуды украшены значками, которые не встречаются среди сосудов других фаз, — это удлиненная насечка и оттиск зубчатого штампа, имеющего треугольные очертания, а также оттиск двузубчатого штампа. Орнаментальные композиции представлены символами симметрии $a:b$ и $\theta - a:b - \theta$.

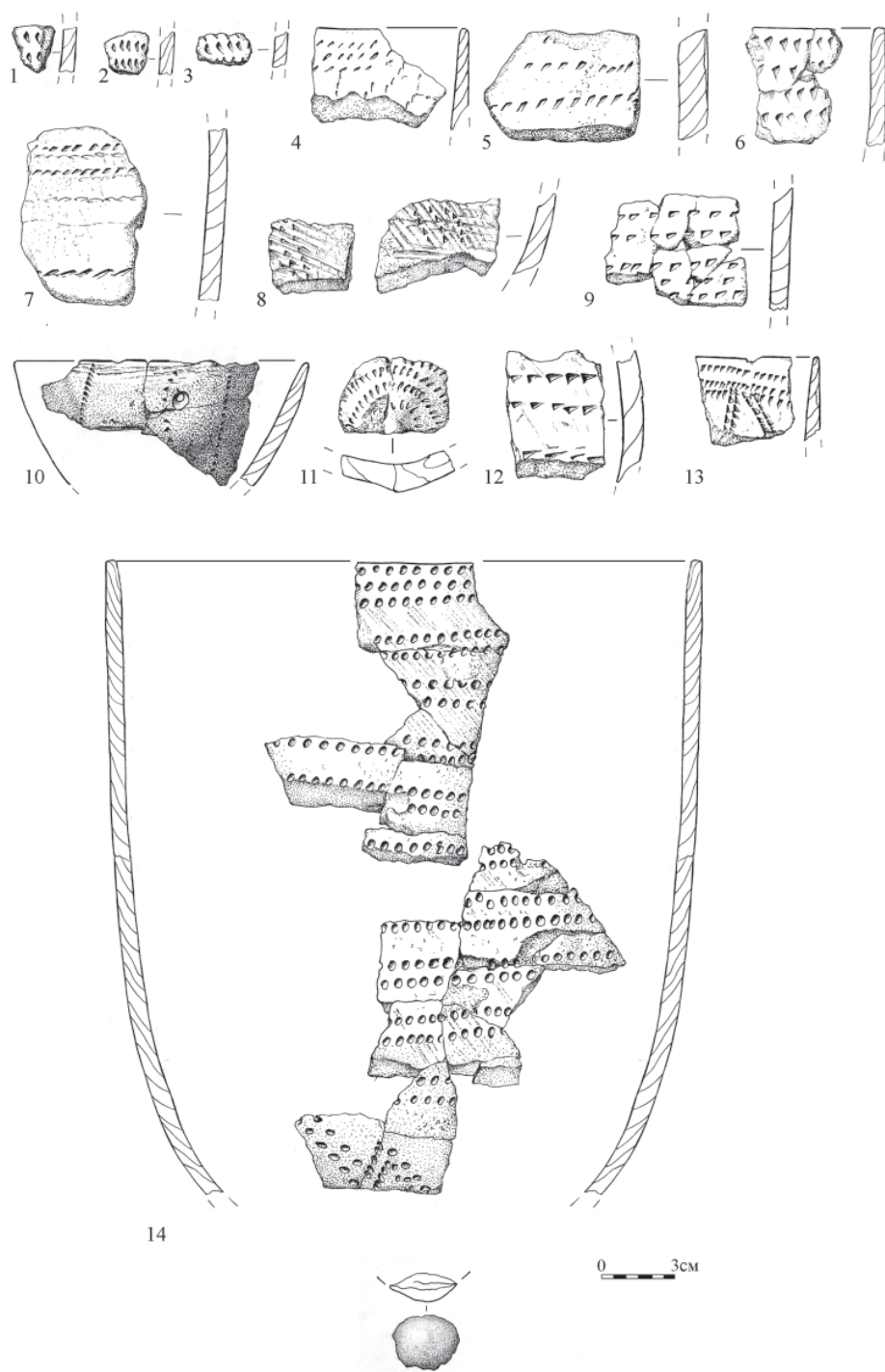

Рис. 3. Глиняная посуда раннего неолита Днепро-Двинского междуречья: 1–10, 12 — фаза “b”; 11, 13, 14 — фаза “b-1”.

Формы сосудов закрытые с плоским краем или подцилиндрические. Реконструируются сосуды объемом около 2,5 л.

Фаза «с-1». Всего известно 18 сосудов. Для изготовления этих сосудов бралась рецептура вида С2, однако преобладает использование жирных монтмориллонитовых глин с добавлением не только песка и шамота, но и органики (Е). Сосуды изготавливались из лент, которые вытягивались по мере конструирования сосуда, из-за чего они достигали в высоту 1,7–3,5 см и имели очень острый угол горизонтального и вертикального среза. Характерны следы «расчесов» на обеих поверхностях, оставленные при обработке сосуда после нанесения жидкого слоя «полив». Отмечается присутствие техники «лопатки и наковальни». Керамика не орнаментирована. У сосудов округлые венчики и сходящиеся приостренные края.

Анализ микростратиграфии расположения ранненеолитических сосудов показал, что многие из них в древности были поставлены в ямы, которые не видны в настоящее время. Построение трехмерной динамической модели распределения находок на памятнике Сертея XXXVI позволило реконструировать несколько ям, которые не были видны в ходе раскопок, где были найдены развалы сосудов фаз «b-2», «b», «b-1», «a-1». На памятнике Сертея L были найдены многочисленные фрагменты от одного сосуда фазы «b-1», концентрирующиеся в яме в юго-восточной части памятника. Анализ планиграфического и стратиграфического распределения его фрагментов показывает, что сосуд лежал по направлению на север венчиком вниз. Видимо, он стоял рядом с ямой, куда впоследствии опрокинулся. Интересно отметить и присутствие здесь фрагментов других сосудов, которые типологически относятся к тому же типу сосудов фазы «b-1» раннего неолита. Здесь же расположено большое количество жженных кальцинированных костей и отходов кремневого производства: отщепов, сколов, чешуек. На памятнике Сертея 3–3 были обнаружены следы трехкамерного жилища, относящегося к раннему неолиту¹³, где были найдены фрагменты сосудов фаз «a», «b-1», «с-1». Развалы сосудов были обнаружены в различных частях жилища и рядом с ним. Это сосуды без повышенного содержания фосфатов, приуроченные к небольшим ямам, расположенным по краю жилищ. Часть сосудов (фазы «b-1») могла появиться здесь уже после того, как жилище было покинуто, но котлован от него все еще читался, о чем свидетельствуют различные микростратиграфические уровни залегания разных сосудов на одной площади.

Керамические фазы «a», «a-1», «a-2» представляют, по всей видимости, три наиболее древние керамические традиции, появившиеся в этом регионе и имеющие разные истоки. Глиняная посуда фазы «a-1» имеет аналогии в материалах памятника Ракушечный Яр¹⁴ и может быть отнесена к концу 8 — началу 7 тыс. до н.э.¹⁵ Керамика фазы «a» аналогична ранненеолитической керамике Северного Прикаспия, Нижней Волги¹⁶ и круга культур, находившихся под влиянием этого центра, на территории Среднего и Верхнего Подонья¹⁷, Среднего и Верхнего

¹³ Мазуркевич, Полковникова 2008.

¹⁴ Долбунова и др. 2012, рис. 4 (12).

¹⁵ здесь и далее указаны калиброванные значения дат, выполненные в программе OxCal 3.10 (Bronk, Ramsey 2005).

¹⁶ Васильев и др. 1989, рис. 2–6; Юдин 2004, рис. 9–11; Кольцов 1989, рис. 2.

¹⁷ Смольянинов 2005, рис. 2 (8).

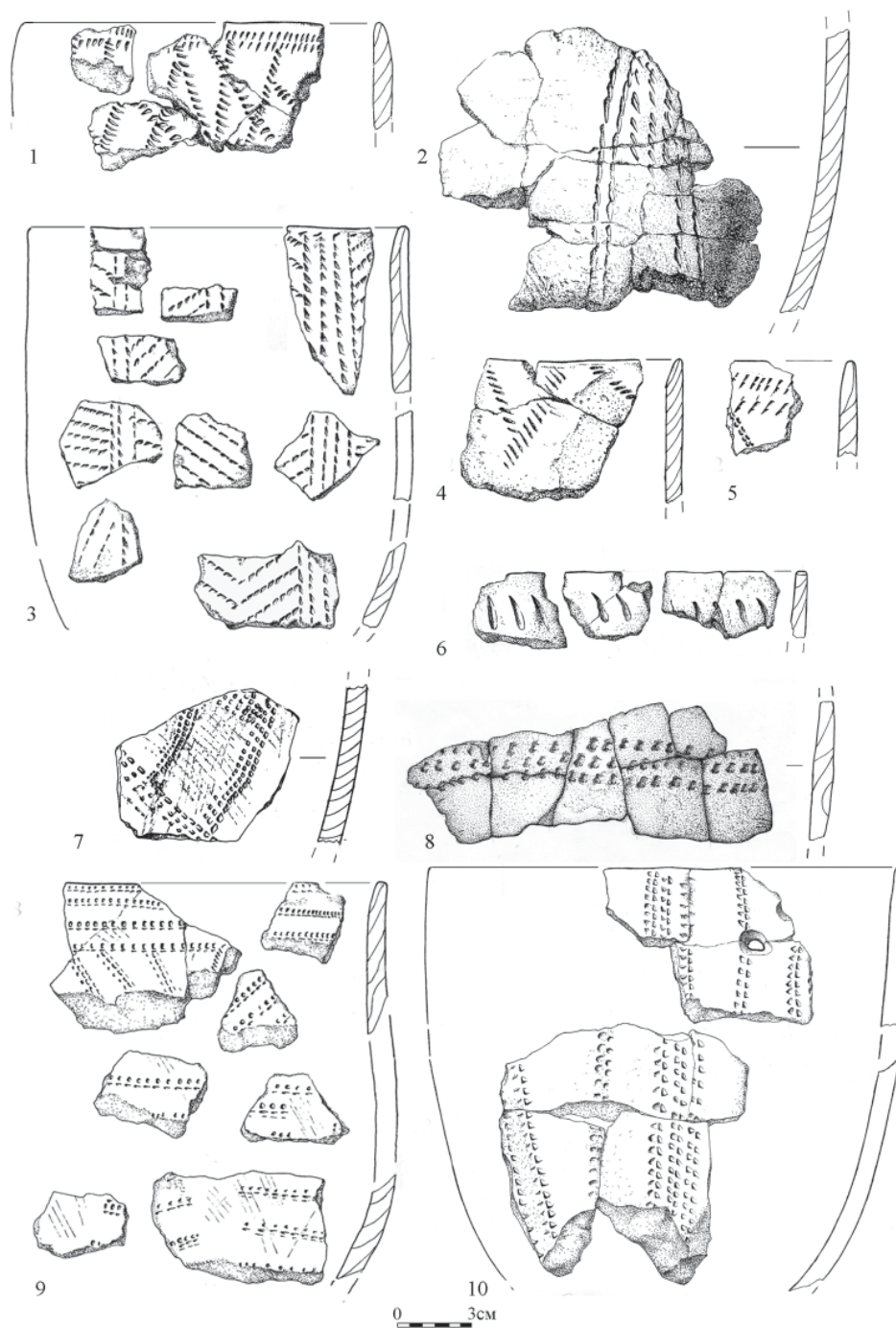

Рис. 4. Глиняная посуда раннего неолита Днепро-Двинского междуречья: 1–5, 7–10 — фаза “b-1”; 6 — фаза “b-2”.

Поволжья¹⁸, Сурско-Мокшанского междуречья¹⁹. Время ее существования можно отнести, судя по радиоуглеродным датировкам, к 7 тыс. до н.э. Глиняная посуда фазы «а-2» имеет общие черты с керамикой елшанского облика.

Далее накольчатые традиции, впервые зафиксированные в материалах фазы «а», получают свое дальнейшее развитие — так появляется керамика фазы «b», а также фазы «b-1», но уже более мозаичной, формировавшейся под влиянием культурных импульсов с других территорий, проявившихся в традиции гребенчатой орнаментации, новых видах накольчатых композиций и графических значков, изменениях в технологической сфере. Датировки, полученные по кальцинированным костям, происходящим из скоплений, которые по микростратиграфическому анализу могут быть соотнесены с сосудами данных фаз, позволяют отнести их к концу 7 — первой четверти 6 тыс. до н.э. (7300±120 BP (SPb-749), 6640±110BP (SPb-750), 6792±120 BP (SPb-748)).

Видимо, именно в это время влияние степных культур с их характерной накольчатой орнаментацией начинает распространяться в различных направлениях, охватывая бассейн Средней Волги, Верхнего и Среднего Дона²⁰, Верхней Волги²¹, Сурско-Мокшанское междуречье, Подесенье, Верхнее Подвинье и Верхнее Поднепровье, Валдайскую возвышенность²², откуда уже местная керамика проникает в соседние регионы. Орнаментация тонкими гребенчатыми отпечатками керамики фазы «b-1» схожа с орнаментацией глиняной посуды с территории Волго-Окского междуречья и Волго-Камья²³, хотя нельзя отрицать и возможность существования местных истоков этой орнаментальной традиции²⁴. Часть сосудов фазы «b-1» с гребенчатой орнаментацией, напоминающей оттиск края раковины, — результат влияния со стороны Поднепровья (верхнеднепровская культура, днепро-днепецкая культура), Буго-Днестровского междуречья (бугоднестровская культура)²⁵. Традиции изготовления и орнаментации этого вида глиняной посуды не получают дальнейшего массового развития. Сосуды фазы «b-2» маркируют появление на данной территории нового населения со стороны Подесенья²⁶. Появление сосудов фазы «с-1» может рассматриваться как продолжение традиций создания неорнаментированной керамики, покрытой «расчесами», фазы «а-1», однако значительная разница в технологии их изготовления ставит вопрос о существовании некоторых инокультурных влияний, на основе которых формируется эта керамическая традиция.

Днепро-Двинское междуречье — регион, насыщенный раннеолитическими памятниками и максимально полно археологически и геологически обследованный²⁷. Это один из первых регионов в лесной зоне, в котором глиняная посуда появляется в конце 8 — начале 7 тыс. до н. э. как результат миграции неболь-

¹⁸ Выборнов и др. 2000, 186, рис. 1; Крайнов, Хотинский 1977, рис. 4(3, 14, 15).

¹⁹ Третьяков и др. 1988, рис. 1 (1–11), 4 (1–6).

²⁰ Сурков 2007; Смольянинов 2005, рис. 5 (1); Синюк 1986, рис. 4, 5, 10, 19, 21.

²¹ Крайнов, Хотинский 1977, рис. 4 (10, 13).

²² Гурина 1975, рис. 3.

²³ Выборнов 2008, рис. 106 (1, 3), 108 (1, 2); Костылева 1986, рис. 1 (14).

²⁴ Мазуркевич 1995, 82.

²⁵ Маркевич 1974, рис. 27; Гаскевич 2010, рис. 1 (3, 6–8), 3, 4.

²⁶ Смирнов 1991.

²⁷ Mazurkevich et al 2009; 2012.

ших групп населения или «миграции идей»²⁸. На протяжении раннего неолита на данной территории появляются различные типы глиняной посуды, которые были определены как фазы развития керамики²⁹. Разнообразие керамических фаз (а, а-1, а-2, b, b-1, b-2, с-1) ставит вопросы об их генезисе, тех культурных импульсах, которые стоят за ними, их сосуществовании и том особом месте в культуре, которое занимала первая глиняная посуда. Анализ комплексов глиняной посуды позволяет проследить существование нескольких технологических, морфологических и орнаментальных традиций, сложение которых происходило под влиянием различных факторов. Керамические фазы маркируют культурно-хронологические изменения, произошедшие в материальной культуре древнего населения. Появление здесь носителей других традиций фиксируется в первую очередь через изменение морфологии и орнаментации сосудов, технология изготовления в ряде случаев изменяется незначительно.

Многочисленность аналогий, разнообразие в технологии и орнаментации древней глиняной посуды Днепро-Двинского междуречья представленных фаз указывает на различный генезис появления этой первой посуды, которая может быть связана с проникновением на данную территорию носителей различных культурных традиций. Это тесно связано со спецификой неолитизации Восточной Европы, существованием «первичных» и «вторичных» центров, из которых и происходило распространение керамических традиций³⁰. Исходя из анализа радиоуглеродных дат, можно говорить об очень быстром распространении навыков изготовления глиняной посуды среди местного мезолитического населения Восточной Европы, которое протекало несколькими волнами. Они имели истоки на территориях Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья, Буго-Днестровского междуречья. Здесь формируются самые ранние комплексы глиняной посуды: ракушечной неорнаментированной плоскостной посуды, имеющей корни в ближневосточной традиции³¹, накольчато-прочерченной³², буго-днестровской³³ и остродонной керамики елшанского типа³⁴. Процесс распространения этих традиций в северном направлении идет волнообразно и в разные хронологические периоды, охватывая ряд регионов Восточной Европы, включая и Днепро-Двинское междуречье. В различных регионах механизмы консервации и изменения керамических традиций протекают по-разному, что определено инокультурными влияниями и ролью местных традиций, а также географическим расположением региона, степенью его изолированности, близостью к бассейнам разных рек.

Характерной особенностью керамики Днепро-Двинского междуречья этого времени является ее немногочисленность и практически полное отсутствие нагара, что, по всей видимости, обусловлено, с одной стороны, характером ее залегания в песчаных почвах, с другой — ее функциональным использованием. Определение содержания фосфатов в керамике позволило установить, что лишь часть

²⁸ Mazurkevich et al. 2006.

²⁹ Микляев 1994.

³⁰ Мазуркевич и др. 2013.

³¹ Долбунова и др. 2012.

³² Выборнов 2008.

³³ Гаскевич 2010.

³⁴ Выборнов 2008; Vybornov et al. 2012.

сосудов могла использоваться для приготовления или хранения «каши», мяса или рыбы³⁵. Учитывая небольшой объем сосудов — для фазы «а» и «b» 0,4 л и около 5 л и лишь для фазы «b-1» — 12,5 л, небольшое их количество (можно предположить использование одним поколением около 4 сосудов из расчета времени существования одного поколения 25 лет, общей продолжительности раннеолитической культуры 2000 лет по радиоуглеродному датированию и общему количеству сосудов 250), трудно предположить их применение в качестве обычной кухонной посуды или емкостей для хранения больших запасов пищи. Такая немногочисленность первых глиняных сосудов, а также высокая степень консервативности керамических традиций может указывать на особую, возможно, престижную роль³⁶, которую она играла в культуре древнего населения. Увеличение же ее количества, объемов и видов сосудов в данном регионе может свидетельствовать о постепенном изменении роли глиняной посуды в культуре местного раннеолитического населения — от престижности к утилитарности. Ситуация кардинально меняется в среднем неолите этого региона, когда объем сосудов увеличивается, появляется многообразие форм и значительно возрастает количество сосудов³⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Долбунова Е. В., Кулькова М. А., Мазуркевич А. Н.* 2012: Комплексные исследования глиняной посуды из слоев 23–14 поселения Ракушечный Яр // ПИФК. 2, 91–106.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В.* 1989: Исследования неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 18–45.
- Выборнов А. А.* 2008: Неолит Волго-Камья. Самара.
- Гаскевич Д. Л.* 2010: Северо-понтийское импресо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2, 213–251.
- Гурина Н. Н.* 1975: К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 84–94.
- Выборнов А. А., Колев Ю. И., Мамонов А. Е.* (ред.). 2000: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. М.
- Иванов С. В.* 1963: Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.
- Калечиц Е. Г.* 1987: Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.
- Кольцов П. М.* 1989: Раннеолитическая стоянка Ту-бузгу-худук I в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 89–105.
- Костылева Е. Л.* 1986: Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 4, 138–151.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* 1977: Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 2, 42–67.
- Мазуркевич А. Н., Кулькова М. А., Полковникова М. Э., Савельева Л. Э.* 2003: Раннеолитические памятники Ловатско-Двинского междуречья // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб, 260–267.
- Мазуркевич А. Н., Микляев А. М.* 1998: О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 33, 7–31.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А.* 2013: Древнейшие керамические традиции Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 3, 27–108.

³⁵ Мазуркевич и др. 2013.

³⁶ Mazurkevich et al 2006.

³⁷ Mazurkevich et al 2010.

- Мазуркевич А. Н., Кулькова М. А., Долбунова Е. В.* 2008: Особенности изготовления ранненеолитической кермики в Ловатско-Двинском междуречье // ААА. 8, 139–160.
- Мазуркевич А. Н., Полковникова М. Э.* 2008: Особенности пространственной организации памятника Сертея 3 (Велижский район Смоленской области) ААА. 8, 104–117.
- Маркевич В. И.* 1974: Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.
- Микляев А. М.* 1994: Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 9, 8–42.
- Микляев А. М., Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н.* 1989: Результаты археологических исследований на юге Псковской и севере Смоленской областей в 1962–1987 годах // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.
- Микляев А. М., Минасян Р. С.* 1969: О работе Невельской экспедиции // Археологические открытия 1968 г. М.
- Микляев А. М., Мазуркевич А. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И.* 1987: О раннем неолите севера Смоленской области и юга псковской области // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 169–170.
- Марков К. К. (ред.).* 1961: Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений Северо-Запада Русской равнины. М.
- Синюк А. Т.* 1986: Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Смольянинов Р. В.* 2005: Нові ранньонеолітичні матеріали з накольчастою керамікою на Верхньому Дону // Кам'яна доба України 7, 123–132.
- Сурков А. В.* 2007: Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж.
- Третьяков В. П., Выборнов А. А.* 1988: Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев.
- Смирнов А. С.* 1991: Неолит верхней и средней Десны. М.
- Юдин А. И.* 2004: Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов.
- Creswell R.* 1983: Transfert de technique et chaine operateire// Technique et culture. 2, 143–159.
- Dolukhanov P. M., Gey N. A., Miklyayev A. M. and Mazurkewicz A. N.* 1989: Rudnya-Serteya, a stratified dwelling-site in the Upper Duna basin (a multidisciplinary research) // Fennoscandia archaeologica. VI, 23–27.
- Gosselain O.* 2002: Poteries du cameroun meridional. Styles techniques et rapports à l'identité. Paris.
- Livingstone-Smith A.* 2001: Chaînes opératoires de la poterie, références ethnographiques, analyse et reconstitution. Thèse de doctorat. Bruxelles.
- Mazurkevich A. N., B. N. Korotkevich, P. M. Dolukhanov, A. M. Shukurov, Kh. A. Arslanov, L. A. Savel'eva, E. N. Dzinoridze, M. A. Kulkova, G. I. Zaitseva.* 2009: Climate, subsistence and human movements in the Western Dvina — Lovat River Basins // Quaternary International. 203, 52–66.
- Mazurkevich A. N., Dolukhanov P. M., Shukurov A. M., Zaitseva G. I.* 2006: Pottery-making revolution in Northern Eurasia// International conference “Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and Early Settlement of Northern Europe”. SPb.
- Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D.* 2010: Results of underwater excavations of Serteya II and research of pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. 14, 47–64.
- Mazurkevich A., Kulkova M., Savel'eva L.* 2012 : Geomorphic and sedimentation history of the Upper Dvina Basin // Geoarchaeological issues of the upper Dnieper-Western Dvina River Region (Western Russia): fieldtrip guide. Moscow; Smolensk, 49–70.
- Shepard A.* 1985: Ceramics for the archaeologist. Washington.

Vybornov A., Zaitseva G., Kovaliukh N., Kulkova M., Possnert G., Skripkin V. 2012: Chronological problems with neolithization of the northern Caspian Sea area and the forest-steppe Povolzhye region // *Radiocarbon*. 54, 3–4, 795–799.

THE OLDEST CERAMIC TRADITIONS OF DNEIPER-DVINA BASIN
IN THE 7th — 6th MILLENNIA BC

E. V. Dolbunova

The paper considers complexes of Early Neolithic pottery of Dnieper-Dvina basin sites. There are several “phases of ceramic development” characterizing Early Neolithic material which mark changes in technology, morphology and decor of ancient pottery. The paper touches upon the role of the first ceramic vessels in the culture of ancient inhabitants of the area and its gradual transition from prestigious to utilitarian. The paper also presents some ceramic material analogous to that of different phases of pottery belonging to different cultures of Eastern Europe.

Key words: Early Neolithic, neolithization, pottery-making technology, Dnieper-Dvina basin

---

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

© 2014

И. И. Болдырева

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье рассматриваются правовые особенности раннесредневекового английского завещания. На основе анализа документальных источников IX–XI вв. и картулярных хроник (*Libellus Æthelwoldi episcopi*) автор подчеркивает важную роль публичной церемонии и элементов взаимного обмена в англосаксонской завещательной практике. Раннесредневековое английское завещание имело устный характер, а дошедшие до нас грамоты являлись средством его сохранения в коллективной памяти. Мужские и женские завещательные практики, по мнению автора, не были идентичны. В связи с этим автор обращает внимание на необходимость изучения правовой и культурной специфики англосаксонских женских завещаний в рамках отдельного исследования.

Ключевые слова: завещания, англосаксонские грамоты, средневековое право, англосаксонское общество, женщина в раннее средневековье

От англосаксонской Англии сохранилось около семидесяти завещаний, составленных на народном древнеанглийском языке. Эти документы обладают серьезным научным потенциалом и представляют немалый интерес для исследователей англосаксонского общества и раннесредневекового права. Дошедшие до нас завещания были составлены в IX–XI вв. и принадлежат к целому ряду церковных архивов, где они сохранились на отдельных листах или в особых сборниках — картуляриях. Наиболее значимой работой последних лет, посвященной данному корпусу источников, является монография Л. Толлертон, где грамоты и картулярные хроники анализируются в широком социальном контексте. Толлертон выявляет политические и семейные стратегии позднесаксонских правителей, элдорменов, представителей светской и церковной элиты. Особое место в ее исследовании отведено изучению средневекового благочестия и различных способов его реализации в англосаксонской завещательной практике. В отечественной медиевистике раннесредневековое английское завещание как историко-правовой феномен не получило освещения. Наша статья имеет своей целью отчасти восполнить существующую лакуну.

Болдырева Ирина Ивановна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко. E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Еще в XIX в. отдельные древнеанглийские завещания были опубликованы в составе многотомных изданий грамот под редакцией Дж. Кэмбла и У. де Грея Бирча¹. Позднее, в 1914 г., некоторые из них вошли в состав «Избранных английских исторических документов», изданных усилиями Фл. Хармер². На сегодняшний день самой крупной коллекцией опубликованных англосаксонских завещаний остается издание, вышедшее в свет в 1930 г. под редакцией известного британского исследователя Д. Уайтлокк³. Книга содержит тексты 39 грамот, снабженные параллельным переводом на современный английский и историческими комментариями. В предисловии к этому изданию профессор Г. Хэйзлтайн подчеркивал условность использования термина «завещания» по отношению к сохранившимся документам⁴. Являясь предшественниками современного завещания, эти грамоты существенно отличаются от него рядом важных правовых аспектов.

В своей работе «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» отечественный медиевист А.Я. Гуревич обратил внимание на значимость публичности и публичной церемонии в правовом опыте средневековья⁵. Эта значимость сохраняла актуальность на протяжении столетий, в том числе в обществе с достаточно высоким уровнем развития письменной культуры. По наблюдению М. Клэнчи, вплоть до XIII в. завещание имело преимущественно устный характер, несмотря на то что к тому времени его запись становилась нормой⁶. Англосаксонское завещание представляло собой официальный публичный акт. Чтобы этот акт получил силу закона, его документирование не было обязательным. Наличие грамоты лишь подтверждало факт совершившейся юридической процедуры и в случае смерти свидетелей позволяло наследникам обеспечить наиболее благоприятный исход возможных судебных споров.

Об устном характере древнеанглийских завещаний прежде всего свидетельствует фигурирующая в них лексика. Для обозначения этой разновидности документов современники использовали слово «*swide*» — «устная речь». В сознании английского кодификатора начала XI в. умереть, не оставив завещания, означало умереть «без речи» («*swydeleas*»)⁷. Древнеанглийский язык, на котором составлены грамоты, может указывать на близость их текста к публично сделанному заявлению. Текст некоторых завещаний предполагает наличие аудитории, иногда содержит имена свидетелей. Так, во второй половине X в. Орднот и его жена огласили свое завещание в присутствии монашеской общины Старого Минстера (Винчестер): «*Þis is seo gewitnes ðe Orednod. Wile habban godæs 7 his hirede on ealdan mynstere. þæt is þæt he 7 is wif cwæden on heora gewitnesse ...*»⁸. Завещание другой супружеской пары, Брихтрика и Эльфсвит, было оформлено в присутствии их родственников, перечисленных в грамоте поименно⁹. Текст датируемого се-

¹ Birch 1885–1899; Kemble 1839–1848.

² Harmer 1914.

³ Whitelock 1930.

⁴ Hazeltine 1930, vii — viii.

⁵ Гуревич 2007, 262–263.

⁶ Clanchy 1993, 254.

⁷ Liebermann 1903, 356.

⁸ Whitelock 1930, 18.

⁹ Whitelock 1930, 26.

рединой X в. завещания элдормена Этельвольда содержит речь, произнесенную в присутствии его друзей: «...swa swa ic nu þam freondum sæde þæ ic to spræc»¹⁰.

Ценную информацию, проливающую свет на процесс составления раннесредневековых английских завещаний, можно обнаружить в нарративных памятниках, в частности в «Liber Eliensis» — истории Илийского монастыря, основанного в VII в. на землях королевства восточных англвов. «Илийская книга» была написана в середине XII в., однако ее основу составили более ранние источники, в том числе книжица (libellus) епископа Этельвольда Винчестерского, сохранившая важные сведения о земельных операциях, относящихся к концу X в. и непосредственно затрагивающих интересы общины монастыря¹¹. Отдельные прецеденты из англосаксонской завещательной практики, зафиксированные книжицей, позволяют предположить, что этот процесс был достаточно сложен и мог включать в себя несколько этапов, которые хорошо проиллюстрированы на примере завещания Сиферта Даунэмского, знатного землевладельца, жившего в X в.

Из источника мы узнаем, что в разное время Сиферт сделал несколько публичных заявлений о посмертном земельном даре монашеской общине Или. Первые две церемонии состоялись в монастыре в присутствии именитых лиц, представителей духовенства и мирян. Повествуя об этих событиях, хронист приводит прямые и косвенные цитаты из речи Сиферта, демонстрируя особую значимость устной традиции в англосаксонской правовой культуре. Чтобы его распоряжения не были забыты, Сиферт призывает участников церемонии подтвердить его волю при первой необходимости: «...и я прошу, друзья мои, — говорит он, — чтобы вы это [завещание — *И. Б.*] не предали забвению, но, напротив, когда возникнет необходимость, подтвердили»¹².

Если первое собрание носило строго официальный характер и на нем присутствовал сам этелинг Этельред с королевой Эльфрит, то второе отличалось большей приватностью и эмоциональностью. На этот раз Сиферт прибыл в Или вскоре после смерти своего лучшего друга Годинга, который был там похоронен. Сама церемония состоялась на месте его погребения. Собрав свидетелей, Сиферт «объявил им, что его самые дорогие и верные друзья похоронены здесь и что он сам, будучи одержим тяжким недугом, приближается к кончине»¹³. По возвращении домой после второго визита в Или Сиферт сообщает о своем завещании на другом собрании¹⁴. И, наконец, находясь на смертном одре, он снова призывает свидетелей: монашескую братию, авторитетных светских лиц, жену и дочь, — в присутствии которых аббат Бирхтнот распоряжается составить документ и зачитывает его публично¹⁵. История завещания Сиферта Даунэмского наряду с други-

¹⁰ Harmer 1914, 33.

¹¹ Текст «Libellus Æthelwoldi episcopi» инкорпорирован во вторую главу «Илийской книги» (Blake 1962). Он рассказывает о земельных приобретениях Илийского аббатства в конце X в., которые осуществлялись стараниями епископа Этельвольда Винчестерского, оказывавшего этой обители особое покровительство.

¹² Blake 1962, 86–87: et precor, o amici mei, ut hoc oblivioni non tradatis, immo, ubi necesse fuerit, illud recognoscatis.

¹³ Blake 1962, 86: innotuitque eis, quod sui karissimi et fidelissimi amici ibi essent sepulti et quod ipse nimia infirmitate depressus morti appropinquasset.

¹⁴ Blake 1962, 87.

¹⁵ Balake 1962, 87.

ми свидетельствами подобного рода освещает особую роль монастырей и церкви в составлении письменных документов для состоятельных мирян. Церковные учреждения служили главными депозитариями грамот, и большинство дошедших до нас завещаний так или иначе связаны с земельными интересами церкви.

Источником могущества в раннесредневековом обществе выступала земля и владение ею. Раннесредневековое английское завещание имело своей целью не просто распоряжение собственностью. В центре его внимания находилась передача земли, пожалованной по королевской грамоте¹⁶. К X в. бокленд¹⁷ обладал целым набором феодальных привилегий, в том числе судебным иммунитетом и правом юрисдикции глафорда на подвластной ему территории¹⁸. Наследниками земельного имущества часто становились монастыри, которые обеспечивали дарителям столь необходимое для средневекового христианина церковное поминовение. При оглашении завещания даритель и наследники принимали на себя взаимные обязательства. Определенное сходство англосаксонского завещания с деловым договором хорошо согласовывалось с обычаями древних германцев, где значимая роль в отношениях между людьми отводилась реципрокному обмену¹⁹.

О спасении своей души стремились заблаговременно позаботиться практически все представители знати, завещаниями которых мы располагаем. Особого внимания в этой связи заслуживает завещание отшельника Мантата, детально обсуждающее объемы поминовения, что в целом для англосаксонских грамот не характерно²⁰. Из текста документа известно, что он был составлен в правление Кнута Великого (1017–1035). Нарративные источники той эпохи о прошлом Мантата ничего не сообщают, однако, судя по тексту грамоты, он принадлежал к знатному роду и некогда состоял на королевской службе²¹. Свои земли в Кониингтоне отшельник оставлял местным священникам и дьяконам, которые, по его словам, заслужили этот дар при жизни Мантата. «И они обещали Господу и дали обещание мне, — сообщает он, что ежегодно будут служить по нам двести месс и двести раз прочитывать псалтирь со многими другими молитвами»²².

¹⁶ Wormald 2001, 264–268.

¹⁷ Бокленд (англосакс. bocland) — тип феодального землевладения в раннесредневековой Англии, при котором на основании особой грамоты (bos) король жаловал представителям аристократии или церковным организациям определенную территорию. В отличие от фолкланда (folcland), находившегося в собственности рода, эта земля выводилась из сферы действия обычного права, освобождалась от большинства государственных повинностей и могла отчуждаться за пределы рода.

¹⁸ Глебов 1998, 141.

¹⁹ См., например: Evans 1997, 56–73. По наблюдению Л. Толлертона, в ряде завещаний, которые она относит к особой категории the bequest-agreement (дар-соглашение), черты делового контракта выражены наиболее рельефно. Здесь они проявляются в употреблении терминов foreward, gedinge, что можно перевести как «договор» (Tollerton 2011, 35).

²⁰ Whitelock 1930, 66–67.

²¹ На это может указывать то, что, обращаясь к королю и королеве с просьбой утвердить свое завещание, Мантат пишет, что ни один монах не был более полезен им, чем он: þat wat god b inc ne wæs nep bescoran man nytte þænne (Whitelock 1930, 66). Среди англосаксонского монашества довольно часто встречались представители нобилитета, которые провели значительную часть жизни в миру. В их числе известный отшельник св. Гутлак Кроулендский, который до двадцати четырех лет участвовал в военных походах и вел жизнь, типичную для англосаксонского аристократа (см.: Colgrave 1956). Также не исключено, что, ссылаясь на свои заслуги перед королевской четой, Мантат имеет в виду не службу государю, а молитвенный подвиг.

²² Whitelock 1930, 66: And hi habbað god behaten 7 me on hande gesealde b hi sculen elke gear don for us twa hundred messen 7 twa hundred sauters. 7 þertoeken fele holy beden.

Молитва об упокоении представителей знати являлась не единственным средством в арсенале раннесредневековой церкви, обеспечивающим ей крупные земельные приобретения. Иногда соглашение между монастырем и завещателем касалось более материальных вещей. Нередко в своих завещаниях аристократы и аристократки сообщали о желании упокоиться на территории какой-либо обители, которой оставляли немалое состояние. Быть похороненной в Старом Минстере планировала Эльфгифу, сестра Этельверда-хрониста. Она оставила монастырю 200 манкузов золота, свой реликварий и землю в Рисбурге (Букенгемшир)²³. Завещая собственность тому же монастырю, Орднот и его супруга рассчитывали, что после их кончины монашеская община примет на себя все обязанности по организации похорон²⁴. Посмертный дар в виде земли и движимого имущества, получаемый обителью за предоставление достойного места на монастырском кладбище, в ряде грамот фигурирует как «saulsceate», буквально «деньги за душу» или «подушные деньги»²⁵.

Интересно, что в англосаксонской правовой культуре забота о поминовении родственников нередко возлагалась на женщин. Например, элдормен Эльфгар оставил землю своей старшей дочери Этельфледе с условием, что она будет ревностно заботиться о лучшей посмертной участи родителей и брата, равно как о спасении собственной души: «And ic an Athelflede mine douhter þe lond at Cokefeld. and at Dittone. and þat at Lauenham. ouer min day. on þe red þat heo be þe bet for mine soule. and hire moder soule 7 for hire brother soule. 7 for hire seulen»²⁶. Здесь элдормен имел в виду определенный порядок завещания имущества, которому должна была следовать Этельфледа. В раннесредневековой Англии широкое распространение получила практика завещания земли на время жизни наследника, который был не властен распоряжаться ею по своему усмотрению и после смерти передавал это владению конкретному лицу или монашеской общине, указанной первым завещателем. Согласно воле Эльфгара, практически все земли, которые он оставлял своей бездетной дочери, после ее смерти отходили нескольким английским монастырям за молитвы об упокоении предков²⁷. Сохранившийся текст ее завещания подтверждает, что Этельфледа достаточно точно выполнила волю отца²⁸.

Раннесредневековые завещания далеко не всегда составлялись на смертном одре. Как правило, человек предполагал прожить еще некоторое время. Сиферт Даунэмский впервые сообщает о своем посмертном даре Илийскому монастырю, ссылаясь на преклонный возраст и болезнь²⁹. Второй визит Сиферта в Или с целью подтвердить завещание был вызван обострением его болезни в преддверии скорой кончины³⁰. Однако по возвращении домой Сиферт был в состоянии в тот же день лично присутствовать на еще одном собрании, организация которого, видимо, стоила ему определенных усилий³¹.

²³ Whitelock 1930, 20.

²⁴ Whitelock 1930, 16–18.

²⁵ Whitelock, 1930, 52; 54.

²⁶ Whitelock 1930, 6.

²⁷ Whitelock 1930, 6–9.

²⁸ Whitelock 1930, 34–37.

²⁹ Blake 1962, 86.

³⁰ Blake 1962, 86.

³¹ Blake 1962, 87.

Судя по грамотам и нарративным источникам, поводом к составлению завещания могли стать проблемы со здоровьем, старость, дальнейшее путешествие, вдовство и даже тяжба. Классическим примером последнего является дело из Хэрфрдишира — судебный конфликт, произошедший из-за земельных владений между человеком по имени Эдвин и его матерью во время правления Кнута. В ходе разбирательства мать Эдвина, чье имя источник не сохранил, огласила завещание, в котором всю свою собственность передавала родственнице Леоффлед, не оставив сыну «ни единой вещи» (*næfre nan þing*)³². Отца Эдвина текст грамоты не упоминает. Вероятно, к тому времени он уже умер.

Дошедшие до нас женские завещания в основном были составлены вдовами. Не исключено, что вдовой была женщина по имени Сифлед, в завещании которой указано, как она распорядилась своим имуществом, «когда отправлялась за море» (*þo sche ouer se ferde*)³³. Очевидно, речь шла о паломничестве к христианским святыням Рима или Палестины³⁴. В средние века эти маршруты пользовались большой популярностью у пилигримов, несмотря на то что дальний путь был сопряжен с множеством лишений и таил немало опасностей. Сифлед не знала, вернется она на родину или нет. Большую часть своего имущества, в том числе дом и усадьбу, она оставляла аббатству св. Эдмунда, уточняя, что если благополучно возвратится, то хочет закрепить эту собственность за собой на время жизни³⁵.

Условия, которые надлежало исполнить еще при жизни завещателя, оговариваются в целом ряде документов подобного рода. Например, в начале правления Эдуарда Исповедника (1042–1066) некто по имени Турстан оставил землю монашеской общине церкви Христа. Турстан указывал, что при его жизни и жизни его супруги монастырь будет получать по фунту ежегодно в качестве подтверждения своих наследственных прав³⁶. Эльфледа, младшая дочь элдормена Эльфгара и вдова погибшего при Мэлдоне (991) Брихтнота, в обмен на земельное наследство просила элдормена Этельмера быть ее другом и покровителем, оговаривая, что после ее смерти в его поддержке нуждался монастырь в Стоуке, где находились могилы ее предков³⁷. В завещании Эльфледы фигурирует еще один наследник по имени Этельмер, на чье покровительство эта знатная дама рассчитывала еще при жизни. После кончины Эльфледы Этельмер должен был позаботиться об исполнении ее последней воли³⁸.

Завещание получало силу закона, когда его утверждал король. С этой целью англосаксонское право предусматривало выплату государственного посмертного побора (*heriot*), который можно рассматривать в контексте отношений взаимного обмена между монархом и представителями высшего сословия. Истоки этой практики исследователи усматривают в древнегерманской традиции возвращения конунгу после смерти дружинника некогда подаренного им оружия³⁹. Оружие в

³² Robertson 1939, 150–153.

³³ Whitelock 1930, 94.

³⁴ Например, в завещании супружеской пары Ульфа и Мадзелин (сер. XI в.) сообщалось, что они отправляются в Иерусалим: *þa hig to Ierusalem ferdon* (Whitelock 1930, 94).

³⁵ Whitelock 1930, 94.

³⁶ Whitelock 1930, 78.

³⁷ Whitelock 1930, 40.

³⁸ Whitelock 1930, 40.

³⁹ Brooks 2000, 138–161.

качестве королевского дара представителям знати имело как символическое, так и практическое значение. Мужские образы англосаксонской письменной культуры — это прежде всего образы воинов. В Англии X в., как и несколькими столетиями ранее, каждый воин был обязан сражаться, отстаивая честь своего короля. Ярким примером тому служат произведения «Битва при Мэлдоне» и «Битва при Брунанбурге», где позднесаксонский книжник воспеваает традиционные ценности героического общества⁴⁰. После смерти воина королевский дар возвращался монарху.

В XI в. посмертный побор был утвержден законодательно, его размеры варьировались в зависимости от социального статуса завещателя. В частности, второй кодекс законов Кнута (ок. 1020 г.) различает *heriot*, положенный эрлам (*eorles*), королевским тенам (*cyninges ðegenas*) и младшим тенам (*medemra ðegen*). Эрл был обязан предоставить оседланных коней и полное вооружение для четырех человек, а также неоседланных коней со щитами и копьями для других четырех воинов. Посмертный побор, выплачиваемый королевским тенем, отличался более скромными размерами и включал в себя полный набор оружия и доспехов для одного воина, второй набор для легковооруженного воина (без кольчуги и шлема), двух оседланных и двух неоседланных коней с копьями и щитами для двух человек. *Heriot* младшего тена ограничивался набором оружия и конем. Помимо оружия и лошадей, завещатель уплачивал определенное количество золота⁴¹.

О тарифах посмертного побора для женщин в законодательстве ничего не говорится. Однако, судя по грамотам, принцип *quid pro quo* соблюдался и здесь: одобрение завещания королем было обязательным вне зависимости от пола. В женских завещаниях слово *heriot* появляется лишь однажды. Его упоминает Вульфгит, жившая в середине XI в.⁴² Что входило в ее *heriot*, Вульфгит не уточняет. Тем не менее, некоторые завещательницы перечисляют богатые дары королю, которые можно считать эквивалентом посмертного побора. Эти дары достаточно серьезно отличались от тех, которые входили в обычный *heriot*, что во многом обусловлено различием традиционных сфер мужского и женского в раннесредневековой культуре и повседневности. Среди подаренных королю вещей здесь фигурируют чашки (*cuppan*), сосуд (*fæt*), предметы одежды (*pellas*), кони (*hors*), золото (*mancys goldes*)⁴³. Лишь Эльфгифу, жившая в середине X в., оставляет государю щиты и копья (*scylda and spæra*)⁴⁴. Иногда завещательницы в обмен на землю, золото, дорогую домашнюю утварь, украшения (*swytbeages*) пытались заручиться поддержкой королевы⁴⁵. Ту же особенность мы наблюдаем в завещаниях церковных деятелей и супружеских пар.⁴⁶ В ее основе лежал не только гендерный принцип,

⁴⁰ Древнеанглийский текст см.: Dobbie 1942, 7–16; 16–20.

⁴¹ Liebermann 1903, 356; 358.

⁴² Whitelock 1930, 84.

⁴³ Whitelock 1930, 34; 38.

⁴⁴ Whitelock 1930, 20. Видимо, этот факт можно объяснить особым статусом Эльфгифу. Некоторые исследователи полагают, что она была женой короля Эдвиг (955–959), с которой он развелся по настоянию архиепископа Оды в виду кровного родства (Whitelock 1930, 119).

⁴⁵ Whitelock 1930, 20; 76; Crick 2007, 144–145.

⁴⁶ См., напр., завещание Брихтрика и его жены Эльфсвит (Whitelock 1930, 26), завещание епископа Теодреда, где он обещает золото королеве-матери Эдгифу (Whitelock 1930, 2), также завещание епископа Элфрика, составленное в правление Гарольда I (Whitelock 1930, 72).

но также политические реалии Англии рубежа X–XI вв., связанные с возвышением королевских жен в период бенедиктинской реформы⁴⁷.

Несмотря на выплату посмертного побора, перспектива вмешательства монарха в процесс наследования оставалась реальной. В некоторых грамотах выражена надежда, что король не воспользуется своим правом изменить завещание. Это пожелание присутствует в конце грамоты как часть специальной анафемы. Например, в завещании Вульфрика, датированном началом XI в., есть следующие строки: «Пусть Всемогущий Господь лишит своей божественной радости и отлучит от сообщества христиан того, кто изменит это [завещание — И. Б.], если только этим человеком не является мой царственный господин. Однако верю, что он столь добр и милостив, что никогда такого не сделает и не допустит, чтобы сделали другие»⁴⁸. Известный прецедент отказа короля утвердить завещание относится к правлению Этельреда II (978–1016), который обвинил одного из своих тенов Этельрика в государственной измене и пособничестве датскому конунгу Свейну, пытавшемуся подчинить англичан. Уже после смерти Этельрика инцидент был улажен усилиями его вдовы, которая, заручившись поддержкой влиятельных лиц, обратилась к королю⁴⁹.

Несмотря на то что в англосаксонской завещательной практике были сильны элементы соглашения, некоторые грамоты демонстрируют, что завещатель не исключал возможности внесения изменений в завещание по собственной инициативе. Подобного рода оговорки, как правило, делались в анафеме, которая могла приобретать следующий вид: «И если кто-либо, кроме меня, вознамерится изменить это [завещание — И. Б.], пусть Господь покарает его ныне и в Судный День»⁵⁰. По всей видимости, процесс изменения завещания не был односторонним и требовал консультаций с наследниками, так как по существу представлял собой пересмотр ранее заключенного соглашения. Вместе с тем источники не сохранили сведения о каких-либо правовых казусах, которые могли бы проиллюстрировать данный процесс на конкретном историческом материале.

Подводя итоги нашего исследования, выделим следующие ключевые моменты.

Важнейшие особенности англосаксонской завещательной практики определялись первостепенной ролью публичности и устной традиции в раннесредневековой правовой культуре. Чтобы обеспечить легитимность и надлежащее исполнение своего завещания, человек стремился сохранить его в коллективной памяти. Дошедшие до нас грамоты были одним из средств достижения этой цели.

Большое значение в распространении письменных завещаний имел рост англосаксонского феодального землевладения в IX–XI вв., равно как и земельные

⁴⁷ О статусе жены правителя в поздний англосаксонский период см.: Болдырева 2013; Stafford 1997.

⁴⁸ Whitelock 1930, 50: 7 god ælmihtig hine awende of eallum godes dreame. 7 of ealra cristenra gemanan. se ðe ÐIS awende. butan hit min án cynehlaford sy. 7 ic hópyge to him swa góðan. 7 swa mildheortan [þ] he hit nulle sylf dón. neeac nanum oþrum menn gefafian.

⁴⁹ Документы, сохранившие историю завещания Этельрика, опубликованы Д. Уайтлокк: Whitelock 1930, 42–47.

⁵⁰ Whitelock 1930, 82: Se þe þis quide awenden wille. buten ic self it be. god him fordo nu and on domisdæy. Эта анафема взята из завещания Турстана. См. подобные ей: Whitelock 1930, 8, 16, 78.

интересы церкви, которая выступала основным наследником собственности и выполняла функции главного хранителя грамот.

Элементы делового контракта, присущие английскому раннесредневековому завещанию, свидетельствуют о его двустороннем характере. Отчасти благодаря этому завещательный процесс был достаточно сложен и требовал привлечения влиятельных знакомых и представителей власти.

Двусторонняя природа англосаксонского завещания находила отражение в том числе в отношениях реципрокного обмена. С одной стороны, эти отношения устанавливались между завещателем и церковью, бравшей на себя заботу о спасении душ прихожан, с другой — между воином и королем, утверждавшим завещание в обмен на выплату посмертного побора, имевшего материальную ценность и символическое значение.

Мужские и женские завещательные практики не были абсолютно идентичны. Историко-правовая и культурная специфика англосаксонских женских завещаний, лишь отчасти затронутая в данной работе, заслуживает внимания в рамках отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырева И. И.* 2013: Проповедь Элфрика Эншемского на ветхозаветную книгу «Эсфирь» в контексте исторических реалий Англии его времени // ИСУ. 13 (1), 51–57.
- Глебов А. Г.* 1998: Англия в раннее средневековье. Воронеж.
- Гуревич А. Я.* 2007: Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.
- Birch W. de Gray* (ed.) 1885–1899: *Cartularium Saxonicum: a Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History: in 3 vols.* L.
- Blake E. O.* (ed.) 1962: *Liber Eliensis.* L.
- Brooks N. P.* 2000: *Communities and Warfare 700–1400.* L.
- Clanchy M.* 1993: *From Memory to Written Record: England 1066–1307.* Oxford.
- Colgrave B.* (ed.) 1956: *Felix's Life of Saint Guthlac.* Cambridge.
- Crick J.* (ed.) 2007: *Charters of St Albans, British Academy Anglo-Saxon Charters Series.* Vol. 12. Oxford.
- Dobbie. E. V. K.* (ed.) 1942: *Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. 6: Anglo-Saxon Minor Poems.* New York.
- Evans S. S.* 1997: *Lords of Battle: Image and Reality of the Comitatus in Dark-Age Britain.* Woodbridge; New York.
- Harmer F. E.* (ed.) 1914: *Select English Historical documents of the Ninth and Tenth Centuries.* Cambridge.
- Hazeltine H. D.* 1930: *Comments on the writings known as Anglo-Saxon Wills // Anglo-Saxon Wills / D. Whitelock* (ed.). Cambridge, vii — xl.
- Kemble J.* (ed.) 1839–1848: *Codex Diplomaticus Aevi Saxonici: in 6 vols.* L.
- Liebermann F.* (hg.) 1903: *Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I.* Halle.
- Robertson A. J.* (ed.) 1939: *Anglo-Saxon Charters.* Cambridge.
- Stafford P.* 1997: *Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England.* L.
- Tollerton L.* 2011: *Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England.* York.
- Whitelock D.* (ed.) 1930: *Anglo-Saxon Wills.* Cambridge.
- Wormald P.* 2001: *On þa wæpnedhealfe: kingship and royal property from Æthelwulf to Edward the Elder // Edward the Elder / N. J. Higham, D. H. Hill* (eds.). L., 264–279.

HISTORICAL AND LEGAL PRINCIPLES OF TESTAMENTARY PRACTICE
IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND

I. I. Boldyreva

The paper considers specific features of English early medieval will. The analysis of records and *Libellus Æthelwoldiepiscope* chronicles makes it possible to emphasize the importance of public ceremony and reciprocal exchange particulars in Anglo-Saxon testamentary practice. English early medieval will was oral. The documents that reached us provided a means for preserving a will in collective memory. Male and female testamentary practices were not identical. This turns the author's attention to the necessity of research study of specific legal and cultural features of Anglo-Saxon female wills.

Key words: Early Middle Ages, wills, Anglo-Saxon documents, medieval law, Anglo-Saxon community

© 2014

К. А. Демичев

ОСОБЕННОСТИ МИЛИТАРИЗАЦИИ СИКХСКОЙ ОБЩИНЫ
ПРИ ПЕРВЫХ ДЕВЯТИ ГУРУ В XVI–XVII вв.*

В статье рассматривается проблема милитаризации сикхской общины во времена первых девяти гуру с середины XVI до второй половины XVII в. Анализируются этапы и особенности милитаризации, особое внимание уделяется религиозно-политическому обоснованию этого процесса со стороны гуру. Делаются выводы о закономерности милитаризации сикхской общины, осуществлявшейся как сверху, так и снизу.

Ключевые слова: Панджаб, сикхизм, сикхская община, милитаризация, гуру

Первоначально сикхизм возник как сугубо мирное религиозное течение, для которого было характерно практически полное отсутствие какого-либо воинственного начала. Зародившись в недрах Могольского султаната, сикхизм со временем вступил в неизбежное противоречие с идеологией и политикой мусульманских правителей Дели. Долгие годы ожесточённого противостояния способствовали тому, что мирная по своей природе община сикхов превратилась в крайне милитаризованное бескастовое воинское братство. В его рамках была выкована уникальная военная организация, обеспечившая торжество сикхской общины далеко за пределами собственно Пятиречья. Так что же обусловило метаморфозу, когда, несколько перефразируя меткое сравнение десятого гуру Гобинда Сингах, «воробы» превратились в «ястребов»?

Демичев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Университета Российской академии образования (Нижегородский филиал). E-mail: kadem@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований «Полвека воинской славы: сикхская армия в 1799–1849 гг.», проект № 13-31-01262.

Учение первого сикхского гуру Нанака Дэва (1469–1539) было направлено на то, чтобы объединить индусов и мусульман посредством любви и терпения в их почитании Единого Бога. Однако для нас гораздо большее значение имеет та часть учения Нанака, где он объявляет человеческую жизнь священной, так как источником её является Всевышний. По этой причине гуру решительно осуждает убийства, войны и распри, которые наряду с жестокостью и нетерпимостью являются самыми отвратительными грехами¹. Он призывает своих сторонников: «Боритесь с доблестью, но никаким другим оружием, кроме, как словом Божиим»².

После смерти Нанака в 1539 г. власть в сикхской общине перешла к его преемнику — второму гуру Ангаду Дэву (1539–1552), затем к третьему — Амару Дасу (1552–1574). При пятом гуру Арджуне Дэве (1581–1606) характер самого сикхского учения, казалось бы, принципиально не изменился, однако именно в этот период в общине начинают складываться социально-экономические и прежде всего политические предпосылки будущей милитаризации, чему во многом способствовала трагическая судьба самого гуру.

Гуру Арджуна сыграл выдающуюся роль в жизни сикхской общины, дав ей священное писание Ади Грантх, воплотившее живое слово гуру (*гурбани*), а также начав строительство *Хари Мандира* — Золотого храма в Амритсаре, впоследствии превратившегося в одну из главных святынь всех сикхов. Другой несомненной заслугой этого гуру было то, что именно при нём сикхи окончательно приобрели свою уникальную самоидентичность. В одном из своих стихов Арджуна провозглашает своеобразный манифест новой идентичности: «Я порвал и с индуистами и с мусульманами, я не буду совершать обряды как индуист и не пойду в Мекку как мусульманин, я буду служить Ему, и никому другому. Я не буду молиться идолам и не стану читать мусульманские молитвы. Я сложу своё сердце к стопам Одного Бога, потому что мы не индуисты и не мусульмане»³.

Манифестация пятого гуру имела не только духовный, но и не менее важный мирской аспект. В сикхскую общину стали активно вступать новые члены, и прежде всего представители такой крупнейшей этно-кастовой общности северо-западной Индии, как джаты.

Джаты являлись земледельцами и землевладельцами, которые имели давнюю традицию ношения оружия и были связаны общностью происхождения с раджпутами и гуджарами, восходя к восточноиранским *шака*, появившимся в Индии не позднее V в.н.э.⁴ Основной причиной, по которой джаты стали принимать сикхизм, было стремление повысить собственный социальный статус, который в традиционном брахманском определении соответствовал статусу шудр. При этом следует помнить, что сами сикхские гуру принадлежали к касте кхатри, которая относилась к числу каст низшего слоя кшатрийского уровня. Являясь деревенскими счетоводами и учётниками, кхатри занимали высокое место в кастовой иерархии Пенджаба.

Сложно говорить, насколько во времена гуру Арджуна джаты реально претендовали на кшатрийский статус, однако присоединение к сикхской общине спо-

¹ McGregor 1846, 46.

² Malcolm 1812, 165.

³ Успенская, Котин 2007, 63.

⁴ Успенская 2010, 376.

собствовало их несомненному социальному возвышению, особенно учитывая то уважение, с каким гуру относились к труду, в том числе труду земледельцев. С другой стороны, значительный приток людей, имеющих традицию ношения оружия и определённый опыт в обращении с ним, создавал дополнительные предпосылки для дальнейшей милитаризации.

Рост численности представителей сикхской общины вёл к развитию мирского компонента власти гуру. Это проявилось прежде всего в том, что произошло усиление контроля со стороны гуру над обязательными сборами на нужды общины. Ещё при втором гуру Ангаде сикхская община была разделена на территориальные округа — *манджи*, во главе которых были поставлены доверенные представители гуру — *масанды*.

Пятый сикхский гуру Арджуна усилил контроль над сборами десятины ежегодных доходов — *дасвандх*, которые теперь производились только один раз в году в Амритсаре и стали обязательными⁵. Пополнялась казна и за счёт привлечения новых источников дохода. К их числу можно отнести прежде всего таможенные сборы и налоги на городскую недвижимость⁶. Кроме того, гуру активно поощрял своих последователей в занятии торговлей, а также лично участвовал в торговле лошадьми с Афганистаном и Туркестаном⁷. В данном факте не было ничего удивительного, так как, во-первых, в этом занятии сикхи не видели ничего порочащего или предосудительного⁸, а во-вторых, доставка лошадей в Индию приносила казне огромные доходы и способствовала росту благосостояния членов общины. Кроме того, торговля лошадьми вела к увеличению доступности лошадей для рядовых сикхов, а следовательно, и развитию у них навыков верховой езды, что в перспективе будет трудно переоценить, учитывая, что основу индийских армий того времени составляли именно кавалерийские подразделения.

Численное увеличение представителей сикхской общины и укрепление её материального благополучия по праву связывалось сикхами с деятельностью и личностью своего гуру, который начинает восприниматься ими не только как духовный лидер, но и как светский правитель. Такое изменение нашло своё отражение в титулатуре Арджуна, который первый из сикхских гуру стал называться *Сача Падишах*, то есть «истинный падишах» или «истинный государь».

При гуру Арджуне начинает складываться и своеобразная придворная культура, отражающая высокий статус лидера сикхов. Не случайно, что ставка гуру всё чаще именуется *дарбаром*, что в переводе с персидского означало «царский двор». Власть гуру начинает приобретать статусные атрибуты. Он использует слонов и лошадей, закупленных в Туркестане, одевается в дорогие одежды, то есть мало чем отличается с виду от любого другого правителя Индии. При этом для нас важно отметить, что покой Арджуна начинает охранять многочисленная вооружённая стража из числа сторонников гуру⁹. Само наличие этой стражи свидетельствует о том, как постепенно меняется отношение сикхов к оружию и возможности его использования, что, по всей видимости, было связано с притоком уже упомянутых джатов в ряды сикхской общины.

⁵ Gordon 1904, 30.

⁶ Macauliffe 1909/II, 2.

⁷ Cunningham 1849, 54–5.

⁸ Ibbetson 1916, 247–8.

⁹ Gordon 1904, 29.

Несколько трансформируется и сама модель поведения гуру. Он начинает совершать акты, которые ярко маркируют его поступки именно как действия светского правителя. Так, например, *масандов*, которые ежегодно привозили *десвандх* в ставку гуру, Арджун одаривал *хилатами*, то есть комплектами почётной одежды, состоявшими из определённого количества предметов. Для Индии, да и не только, дарение *хилата* было традиционным актом выражения милости правителя по отношению к подданному.

Своему сыну Харгобинду пятый гуру дал очень необычное образование. Руководил процессом обучения признанный и старейший авторитет сикхской общины Бхайи Буддха, который отвечал прежде всего за религиозное воспитание мальчика, в том числе знание священных текстов, также Харгобинда учили языкам, химии, астрономии, медицине, земледелию, управлению и другим полезным наукам. Однако помимо этого наследника Арджуна обучали плаванию, верховой езде, а также владению наступательным и защитным оружием¹⁰. Таким образом, будущий шестой гуру сикхов получил образования не только как духовный лидер религиозной общины, но и как светский правитель, для которого наличие воинских навыков и знание военного дела были строго обязательны.

Все перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что процесс милитаризации сикхской общины начался именно при гуру Арджуне. Причём началась она как снизу, за счёт массового вступления в сикхизм джатов, традиционно владеющих оружием, так и сверху, посредством мероприятий самого гуру.

Несомненно, что Арджуна, ставший политическим лидером общины, которая хорошо осознавала свою обособленность¹¹, не мог не задумываться о её безопасности и, в конечном счёте, выживаемости в условиях иноконфессионального окружения. Подтверждением этого является тот факт, что под конец своей жизни Арджуна, обеспокоенный ожидаемой кончиной терпимого к сикхам могольского падишаха Акбара, а следовательно, и изменением политики Дели, начал военное обучение членов общины.

Несомненно, что среди последователей гуру были профессиональные воины. Сикхская традиция содержит сведения о том, как они обращались к Арджуне за помощью и советом. Предание сохранило историю, как один из воинов получил от гуру подробное наставление в воинской доблести, обратившись за духовной поддержкой. Гуру учит своего последователя: «Тот, кто обладает храбростью, должен быть бесстрашным на поле боя. Тот, кто решил победить или умереть с оружием, и кто, умирая, хранит Истинное Имя в своём сердце, тот отбросит грехи многих рождений и получит освобождение. Ни один из непомнящих Бога не получит места на небесах героев. Тот, кто бесстрашно бросит вызов противнику и падёт под грохот оружия, ощутит экстаз, которого жаждут йоги, и достигнет вечного блаженства. Многие наслаждения ожидают его, поскольку пребудет он в царстве храбрых. Величайшая заслуга воина состоит в том, чтобы не показывать врагу свою спину. Герой обретёт для себя блаженство и в этой и в другой жизни посредством мощи своего оружия. Если он победит, то добьётся свободы на этой земле, если же он погибнет, то получит свою долю небесного счастья. Борьба за

¹⁰ Macauliffe 1909/III, 50.

¹¹ Gordon 1904, 29.

него, вот соль которую вы едите. Отдайте жизнь за своего правителя, и ваша слава будет велика в обоих мирах»¹².

Это поучение, которое во многом пересекается с положениями Бхагавадгиты, свидетельствует о существенном изменении в подходе пятого сикхского гуру к проблеме допустимости вооружённой борьбы и воинского служения. Воинский путь не только допускается, но и однозначно поощряется Арджуном, конечно, при условии, что воин несёт в своём сердце веру и любовь к Единому Богу. Храбрость высокого оценивается гуру, он подтверждает, что одной из главных заслуг воина на поле боя является бесстрашие перед лицом противника, которому просто недопустимо показать спину. Кроме того, обращает на себя внимание цель, ради которой воин может проявлять свою доблесть, — это защита и даже гибель за своего правителя. Данное положение трудно недооценить, учитывая, что сам Арджуна стал первым среди сикхских гуру, который соединил в своих руках не только духовную, но и элементы светской власти. По всей видимости, мысли о том, что кто-то может и должен отдать свою жизнь за своего духовного учителя и торжество сикхского вероучения, не кажутся гуру недопустимыми.

Конец жизненного пути пятого сикхского гуру был трагичен. После смерти императора Акбара в 1605 г., который, лично зная Арджуна, относился к сикхам очень терпимо, трон в Дели унаследовал Джахангир, бывший строгим поборником ислама. В своей автобиографии *Тузук-и-Джахангири* падишах пишет о том, что сикхскому движению необходимо положить конец, а его лидера следует обратить в ислам. Свою позицию Джахангир обосновывает тем, что гуру делает сторонниками своей веры не только «...многих простодушных индусов, но и невежественных и глупых последователей ислама», что является просто недопустимым¹³.

Непосредственным поводом для начала преследования гуру Арджуна стали события, связанные с восстанием сына Джахангира принца Хусрау. Гуру принял беглого внука Акбара, который пришёл к нему поклониться, и даже собственноручно благословил, нанеся ему на лоб шафрановый *тилак*, что вызвало особое раздражение Джахангира¹⁴. Впрочем, визит Хусрау к гуру был вызван не только потребностью в моральной поддержке и ободрении перед дальней дорогой. Принц попросил у Арджуна оплатить его расходы, связанные с переходом в Кабул, и в конечном итоге получил 5000 рупий, что было весьма существенной по тому времени суммой¹⁵. Правда, воспользоваться в полной мере полученными деньгами Хусрау не успел. При переправе через Джелам он был пойман и в цепях доставлен к своему отцу. После этого начались преследования сторонников мятежного принца, которые не обошли стороной и сикхского гуру.

Арджуна был вызван на суд императора в Лахор, где был обвинен в поддержке Хусрау и составлении книги *Ади Грантх*, направленной против индусов и мусульман. Кроме того, обвинители гуру указывали Джахангиру на то, что, во-первых, Арджуна стремиться к обретению независимой власти, а во-вторых, если бы Хусрау не был пойман, то сикхи оказали бы ему военную помощь¹⁶.

¹² Macauliffe 1909/III, 68–9.

¹³ The Tuzuk-i-Jahangiri 1909, 72.

¹⁴ The Tuzuk-i-Jahangiri 1909, 72–3.

¹⁵ Macauliffe 1909/III, 85.

¹⁶ Macauliffe 1909/III, 88–9.

Все возражения гуру падишах во внимание не принял и вынес решение, по которому Арджуна должен был уплатить штраф в размере 2 *лакхов* рупий и убрать из *Ади Грантх* все гимны, которые были расценены как потенциально враждебные к исламу. Последнее требование гуру выполнить категорически отказался, так же как и предложение принять ислам. После этого он был заключён в тюрьму, где был подвергнут жестоким пыткам¹⁷.

30 мая 1606 г. пятый сикхский гуру должен был быть казнён самой изощрённой казнью — зашиванием в коровью шкуру. Однако казнь не состоялась. Гуру попросил разрешения очиститься в водах Рави перед смертью, где во время омоения он был унесён сильным течением реки¹⁸. Не изменив своей вере и приняв смерть от моголов, гуру Арджуна стал первым, но далеко не последним мучеником за сикхскую веру.

Шестым сикхским гуру стал сын Арджуна — Харгобинд, которого отец готовил в качестве своего преемника с самого детства. 24 июня 1606 г. одиннадцатилетний Харгобинд прошёл церемонию принятия *гурта*, которая отличалась несколькими очень важными особенностями. Прежде всего юный гуру отказался надеть простой тюрбан, потребовав увенчать его тюрбаном с особым плюмажем — *калхи* из перьев чёрной цапли, традиционно являвшимся одним из символов власти правителя¹⁹. Также отказался он надеть на шею или же повязать вокруг своей головы особый шерстяной шнур, который при прежних гуру символизировал их статус в качестве духовных лидеров сикхской общины. Проводившего обряд Бхай Буддху он попросил передать шнур в казну на хранение, а затем опоясать его перевязью с двумя саблями. Две сабли должны были символизировать духовную власть — *пири* и светскую, военную власть — *мири*, являясь одновременно проявлением любви — *бхакти* и силы — *шакти*²⁰. Таким образом, шестой сикхский гуру окончательно закрепил за собой как высшую духовную, так и высшую светскую власть, которая не мыслилась без своего военного компонента.

Решение об опоясывании двумя саблями не было для гуру спонтанным. Он совершил акт институционализации той властной практики, которая сложилась ещё при его отце. Кроме того, он реализовывал своё предназначение в соответствии с широко известным пророчеством, которое сделал безусловный духовный авторитет сикхской общины Бхай Буддха ещё до его рождения²¹.

Став гуру, Харгобинд принялся последовательно укреплять свою власть, поскольку одного только титула *Сача Падишах*, который он носил вслед своему отцу²², и символов монаршей власти, таких как флаг, зонтик, плюмаж — *калхи* и боевой барабан²³, было недостаточно, чтобы её сохранить в условиях враждебного могольского окружения.

Шестой гуру сформировал постоянный отряд телохранителей, состоящий из 52 сикхов, а затем начал вербовку тех, кто изъявлял готовность умереть за него на службе. В короткий срок таких набралось более 500 человек. Всем им гуру предо-

¹⁷ Singh 1933, 14.

¹⁸ The Adi Granth 1877, LXXXIII.

¹⁹ Macauliffe 1909/IV, 2.

²⁰ Cunningham 1849, 59.

²¹ Macauliffe 1909/III, 32.

²² Cunningham 1849, 69.

²³ Macauliffe 1909/IV, 2, 105.

ставил коней и оружие. Эти воины, составившие будущее ядро сикхской армии, были разделены на 5 отрядов по 100 человек в каждом. Во главе каждого отряда были поставлены тщательно отобранные командиры, утверждённые лично гуру²⁴.

Следует отметить, что армия гуру увеличивалась не только за счёт сикхов. Имеются сведения, что патаны деревни Вадамир, находящейся неподалёку от Киртанпура у хребта Шивалика, сами пришли к гуру со своим оружием с просьбой принять их на военную службу. Там же к гуру нанялся и Паинда Хан, который, судя по всему, был патаном из племени Гильзаев. Паинда Хан, получивший 10 рупий в день вербовки, стал офицером сикхской армии с ежедневной платой в 5 рупий и правом получения пищи от стола гуру²⁵.

Содержание пусть пока и небольшой, но постоянной армии требовало значительных средств и вложений. В письмах, которые гуру рассылал к своим *масандам*, он призывал их ежегодно приносить оружие и приводить лошадей вместо отправки денег²⁶. Несомненно, что и значительная часть иных доходов гуру шла именно на военные цели. Для защиты Амритсара от врагов вокруг города была возведена крепостная стена, а в непосредственной близости от этого духовного центра сикхов Харгобинд построил крепость Лохгарх, что в переводе означало «Железная крепость». Ещё ранее, в июне 1606 г., напротив *Хари Мандира* он заложил *Акал Тахт* — «Престол Вечного», здание которое стало главным центром сосредоточения светской власти гуру.

В *Акал Тахте*, большая часть которого была построена к 1609 г., Харгобинд восседал на троне, разбираал текущие дела, принимал посетителей и подношения, творил правосудие, то есть в полной мере реализовывал мирской аспект своей власти как самостоятельный правитель. По свидетельству информаторов Джехангира, «его (Хар Гобинда — *К.Д.*) слава в два или даже в четыре раза больше, чем у всех предыдущих гуру. Его предшественники сидели на скамьях, а он восседает на троне. Он носит оружие, именуется истинным государем, принимает дары как император, содержит армию из тысяч храбрых юношей и никого не признаёт»²⁷.

Последнее свидетельство для нас интересно не только тем, что в нём отражён общий процесс усиления власти сикхского гуру, но и упоминанием об армии, состоящей из тысяч воинов. Вероятно, что в этом доносе, который был призван всячески очернить шестого гуру, численность сикхской армии была сильно преувеличена. В начале десятых годов XVII в. строительство армии ещё только начиналось, и в этот период она едва могла намного превышать тысячу человек. Хотя несомненно, что её численность продолжала последовательно увеличиваться. Так, например, имеется информация о том, что количество телохранителей Харгобинда существенно выросло и составило 300 всадников, в распоряжении которых было до 800 коней, и 60 мушкетёров²⁸.

Усиление сикхского гуру не обошло стороной внимания подозрительного Джехангира, который призвал его к своему двору не позже 1612 г.²⁹ По распоряжению императора Харгобинд был выслан из Панджаба и даже на несколько

²⁴ Macauliffe 1909/IV, 4.

²⁵ Macauliffe 1909/IV, 52.

²⁶ Macauliffe 1909/IV, 3.

²⁷ Macauliffe 1909/IV, 10.

²⁸ Cunningham 1849, 59.

²⁹ Рейснер 1966, 209.

месяцев заточён в крепости Гвалиора в Центральной Индии в период между 1617 и 1619 гг. Правда, после гвалиорского заточения гуру падишах сменил гнев на милость и даже приблизил к себе Харгобинда, взяв его на службу³⁰. Здесь Харгобинд сумел отличиться. Будучи великолепным охотником, он постоянно сопровождал Джахангира во время его роскошных охотничьих выездов. Во время одного из них на императора набросился тигр, которого не смогли остановить ни загонщики, ни многочисленные стрелки, чьи выстрелы прошли мимо разъяренного зверя. Только гуру, вооружённый лишь щитом и саблей, встал на пути тигра и сумел зарубить опасного хищника³¹.

Независимо от того, имел ли место этот сюжет, известный нам из сикхской традиции, в действительности, несомненно, что падишах в определённой степени благоволил Харгобинду в последнее десятилетие своего правления. Подтверждением этому служит тот факт, что гуру был произведён в *джагирдары* империи, то есть ему было передано право сбора поземельного налога с определённой территории в обмен на военные услуги. Размер *джагира*, полученного гуру, определял, что по приказу Великого Могола он должен был явиться на службу в соответствии со своим рангом с отрядом численностью в 700 всадников с 5 артиллерийскими расчётами³².

После возвращения на родину гуру много времени стал посвящать основанию новых поселений, строительству, не забывая при этом военные упражнения и охоту. При этом сюжет охоты заслуживает особого рассмотрения. Харгобинд отправлялся на охоту в сопровождении большой свиты и множества загонщиков, при этом охотился он, используя ручных леопардов, гончих собак и охотничьих соколов и ястребов³³. Таким образом, перед нами предстает выезд, который по своим масштабам мало чем уступал охоте самого могольского императора. Кроме того, весьма показательным является и тот факт, что поводом к первому военному столкновению между сикхами и новым могольским падишахом Шах Джаханом, вступившим на престол в начале 1628 г. после смерти своего отца, стала именно охота.

В самом начале своего правления Шах Джахан отправился на соколиную охоту по пути от Лахора к Амритсару. Любимый белый ястреб падишаха, подаренный ему правителем Персии, далеко улетел от ловчих во время преследования утки и был пойман сокольничими Харгобинда, который охотился в это время как раз в окрестностях Амритсара. На жёсткое и оскорбительное требование могольских охотников, посланных на розыски птицы, вернуть ястреба, сикхи ответили отказом, что привело к стычке, в ходе которой несколько слуг Шах Джахана были убиты³⁴. В итоге разгневанный падишах направил против сикхов семитысячное войско во главе со своим лахорским наместником.

О выступлении могольских войск гуру был предупреждён заранее, поэтому он начал сбор своих людей в крепости Лохгарх в непосредственной близости от Амритсара. В ожидании предстоящей осады гарнизон крепости обратился к Харгобинду с просьбой предоставить им артиллерию. Однако у гуру не было такой

³⁰ Scott 1930, 23.

³¹ Macauliffe 1909/IV, 18.

³² Успенская, Котин 2007, 67–8.

³³ Macauliffe 1909/IV, 10, 45, 70, 79.

³⁴ Macauliffe 1909/IV, 79–81.

возможности, поэтому он предложил им самим построить пушки из дерева. И действительно, такая пушка, стреляющая каменными ядрами, была сделана из полого ствола и использовалась для защиты Лохгарха³⁵.

Своевременно собрав войска, гуру обратился к своим последователям с призывом выйти против врага, не дожидаясь осады и разорения окрестностей Амритсара. В итоге пятитысячная сикхская армия сошлась в битве с семитысячным могольским войском в четырёх милях к югу от Амритсара³⁶. Тот факт, что за короткий срок гуру сумел собрать столь внушительную армию, свидетельствует о принципиальном изменении в сознании сикхов. Очевидно, что большая часть этого войска не была профессиональными воинами, однако для защиты своего гуру и веры они были готовы пожертвовать собой и с оружием в руках отстаивать свободу сикхской общины. При этом огромное значение имело то, что сам гуру, в полном вооружении, принял непосредственное участие в битве, вдохновляя своих последователей на борьбу, сражая многих врагов из своего лука.

Сражение с переменным успехом продолжалось в течение нескольких дней в начале апреля 1634 г. В ходе битвы могольский военачальник Мухлис-хан обратился к своим лучшим воинам с упреком в том, что они потеряли смелость и не могут справиться с противником, тем более что у гуру, по его мнению, нет ни солдат, ни армии, поскольку его сикхи это обычные люди. На это замечание один из его воинов по имени Сайид Али ответил таким образом: «О мой господин, ты говоришь справедливо, но стрелы гуру подобны чёрным змеям. Если одна из них ударяет человека, то ему уже ничего более не нужно. Ты говоришь, что гуру и его армия ничего не стоят, однако открой свои глаза и взгляни. Мы привели против него семь тысяч человек, но сколько теперь из них осталось? Гуру — это светильник, вокруг которого, подобно мотылькам, порхают его враги и сторают дотла»³⁷. В справедливости подобного сравнения Мухлис-хан скоро убедился лично.

Битва возобновилась, но отряды моголов были разбиты сикхами один за другим. В горячке боя спешенный Мухлис-хан столкнулся с гуру. Он попробовал решить судьбу сражения поединком и потребовал, чтобы гуру слез с коня и отложил лук, так как сам могольский военачальник остался лишь с щитом и саблей. Харгобинд принял вызов и спешился. Он дважды позволил своему противнику нанести удар, первый раз уйдя от него, а второй раз — парировав. После этого настал черёд гуру, который одним мощным ударом разрубил голову своего врага на две части³⁸. Этот удар окончательно решил судьбу сражения. После гибели военачальника большая часть моголов бежала с поля боя, а те, кто продолжал удерживать свои позиции, были уничтожены.

Первое сражение с моголами окончилось победой сикхского оружия и знаменовало собой начало ожесточённой борьбы с империей Великих Моголов, которая растянулась почти на 200 лет.

После победы под Амритсаром гуру не терял времени зря. Похоронив павших сикхов, Харгобинд приступил к активному обучению своих воинов, в том числе стрельбе из лука и использованию огнестрельного оружия³⁹. Продолжает

³⁵ Macauliffe 1909/IV, 82.

³⁶ McGregor 1846, 59.

³⁷ Macauliffe 1909/IV, 90.

³⁸ Macauliffe 1909/IV, 92.

³⁹ Macauliffe 1909/IV, 98.

он накапливать боеприпасы и оружие, коней и деньги, без которых продолжение войны было бы невозможным. Приготовления гуру не были напрасны.

Могольское войско численностью до 10 тысяч человек подошло к строящемуся на берегах Беаса городу Шри Хардгобиндпуру, где и состоялось второе сражение. На этот раз шестой гуру сумел вывести в поле 3 700 воинов. При этом он показал себя талантливым военачальником и отличным тактиком. Сикхская армия была разделена на восемь отрядов. Первый отряд под командованием опытного соратника гуру и великолепного стрелка Бхай Джата насчитывал 2 000 всадников, второй — 500, третий и четвёртый по 400 воинов каждый. Оставшиеся четыре тактических единицы, игравшие вспомогательную роль, имели сотенный состав⁴⁰. К сожалению, нам ничего не известно о том, как именно расставил Хардгобинд свои войска на поле боя. Имеется лишь информация, что пятисотенный отряд под руководством Бхай Пирага должен был вступить в бой с моголами как передовой отряд сикхской армии.

Битва с моголами под Шри Хардгобиндпуром носила ожесточённый характер, но благодаря таланту гуру и мужеству сикхских воинов окончилась их полной победой. Могольские войска, потеряв в битве всех своих военачальников, вновь в беспорядке отступили.

Третье сражение с моголами произошло спустя всего лишь семь месяцев после первого, в декабре 1634 г. у местечка Лахра. Формальной причиной нового столкновения стало то, что сикх по имени Бидхи Чанд вернул гуру двух породистых коней, которые ранее были конфискованы наместником Лахора. Учитывая, что первоначально эти кони были посланы представителями сикхской общины Кабула в дар своему гуру, Бидхи Чанд лишь восстановил нарушенную справедливость. Однако эта акция вызвала вполне предсказуемый гнев падишаха, который направил против сикхов третью военную экспедицию⁴¹.

Сначала Хардгобинд не принял бой и отступил в лесистую местность, изматывая постоянными стычками врага, который и без того страдал от нехватки питьевой воды. В конечном итоге гуру дал сражение превосходящим силам противника и вновь сумел одержать решительную победу. Хотя сикхи потеряли ранеными и убитыми 1 200 человек, потери моголов были в несколько раз больше и включали практически всех военных руководителей похода⁴². В знак новой победы сикхского оружия гуру повелел выкопать на месте битвы священный водоём Гурусар.

В конце апреля 1635 г. под Каргарпуром войска сикхов и моголов встретились в четвёртый раз. В этом бою сикхи вновь одержали блистательную победу, причём в этом бою Хардгобинд лично зарубил Паинда Хана⁴³. Надо сказать, что гуру не собирался убивать своего бывшего сподвижника и даже готов был простить его, но тот сам искал встречи на поле боя, а когда она состоялась, то приложил все силы, чтобы сразиться с гуру и в конечном итоге пасть под его саблей.

После своей последней победы сикхи получили несколько десятилетий относительно мирной жизни. Шестой гуру, хотя более не выходил на поле боя, продолжал уделять много времени своей армии. Именно при Хардгобинде сикхи

⁴⁰ Macauliffe 1909/IV, 107–8.

⁴¹ McGregor 1846, 59–60.

⁴² Macauliffe 1909/IV, 186.

⁴³ McGregor 1846, 60.

получили бесценный опыт ведения боевых действий и получили то, что военные справедливо называют «привычкой к победе». Практический опыт, сопровождающийся постоянным обучением под руководством самого гуру, глубоко воспринимался членами сикхской общины, которая приобретала свои собственные воинские традиции. Эти традиции, базировавшиеся на авторитете гуру, были закреплены кровью мучеников, павших на поле боя. Милитаризация общины стала носить не только централизованный, но и необратимый характер, поскольку в условиях ожесточённого столкновения с моголами большей части сикхов стало очевидно, что сохранение их веры и даже жизни будет зависеть от того, насколько эффективно они смогут соперничать с противником на поле боя.

Костяк военной организации сикхов составляла постоянная армия, выросшая к 1635 г. до 1 800 человек⁴⁴. Большую же часть сикхского войска составляло многочисленное ополчение. Причём ополченцы, отправляясь по домам, возвращались уже как воины, готовые в случае необходимости вновь выступить в поход по приказу своего гуру. Тот факт, что сикхи сражались именно против моголов, то есть мусульман, обуславливал активный приток в их ряды всех тех индусов, кто так или иначе пострадал от религиозных или экономических притеснений Великого Могола. Успех же сикхов на поле боя привлекал к ним воинственных джатов, которые, имея традицию ношения оружия, претендовали на повышение собственного социального статуса⁴⁵. Эта причина обуславливала привлекательность сикхизма и для представителей других каст, которые вполне закономерно считали ношение и владение оружием занятием, присущим кастам кшатрийского уровня.

В целом милитаризация стала объективным процессом, происходящим в сикхской общине. Прорастая как сверху, так и снизу, она охватывала всё большее количество людей. Авторитет и личный контроль со стороны шестого гуру, который сам был воином, обуславливали своего рода сакрализацию процесса утверждения религиозной общины нового типа.

В конце жизненного пути перед Харгобиндом встал вопрос выбора преемника. Старший и самый любимый сын гуру — Гурдита к этому времени уже умер, а остальным он не счёл возможным передать *гурту*. Даже Тег Бахадур, которому сам Харгобинд когда-то предсказал, что тот в своё время станет гуру, не годился в этот период на роль лидера сикхской общины, поскольку вёл уединённый образ жизни и не высказывал желаний возглавить единоверцев⁴⁶. В итоге перед самой смертью в марте 1644 г. Харгобинд назначил новым — седьмым — гуру своего внука Хар Раи, который был сыном Гурдиты.

Хар Раи описывается в сикхской традиции как образец любви, сострадания и милосердия. Однако это вовсе не означало, что он перестал быть продолжателем дел своего великого деда.

При Хар Раи милитаризация сикхской общины не остановилась. Показательно, что если при Харгобинде численность постоянного войска составляла 1 800 всадников, то при его внуке она увеличилась и достигла 2 200 человек⁴⁷.

⁴⁴ Macauliffe 1909/IV, 202.

⁴⁵ The Adi Granth 1877, LXXXIV.

⁴⁶ McGregor 1846, 61.

⁴⁷ Macauliffe 1909/IV, 277.

В 1661 г. Хар Раи умер, передав гурту своему младшему сыну Хар Кришану, которому в этот момент было всего пять лет. Однако этот выбор спустя некоторое время попытался оспорить старший сын гуру — Рам Раи, проведенный несколько лет при дворе императора как заложник. Аурангзеб не оставил жалобы Рам Раи без внимания, поскольку он и сам был заинтересован, чтобы сикхским гуру стал человек лояльный по отношению к нему и империи. В итоге юный гуру был вызван ко двору Аурангзеба вместе со своей матерью Кришной и несколькими *ма-сандами*⁴⁸.

По прибытии в Дели Хар Кришан был принят падишахом 25 марта 1664 г. и, по всей видимости, сумел произвести на него самое благоприятное впечатление, поскольку тот не стал торопиться с решением в пользу его брата. Все испытания, предложенные Аурангзебом, восьмой гуру прошёл блестяще, и неизвестно, какие политические последствия имело бы дальнейшее пребывания Хар Кришана в Дели, если бы мальчик-гуру не заболел оспой. Через пять дней после первого приёма Хар Кришан умер, успев лишь дать указание, что нового сикхского гуру следует искать в деревне Бакала на берегу Беаса⁴⁹. Это указание было для сикхов достаточно очевидным — именно в Бакале проживал сын Харгобинда — Тег Бахадур.

11 августа 1664 г. девятым гуру стал Тег Бахадур, который приложил много сил для консолидации сикхской общины. Сгладив многие противоречия внутри общины, новый гуру приступил к активной проповеднической деятельности и строительству новых поселений. При нём в 1665 г. был построен город Анандпур, ставший одним из важнейших центров сикхизма. Во второй половине 60-х гг. XVII в. Тег Бахадур совершил путешествие по Центральной и Восточной Индии. Здесь в Патне у него родился единственный сын — Гобинд Дас, которому было суждено стать последним гуру сикхов⁵⁰.

В 1672 г. Тег Бахадур вернулся в Панджаб и поселился в Анандпуре. Это возвращение происходило в условиях активного роста антиимперских настроений по всей Индии, на которые Аурангзеб отвечал карательными походами. Военные мероприятия сопровождалась политикой усиленной исламизации, в которой падишах видел одно из средств профилактики регионального сепаратизма. В конечном итоге именно исламизация привела к очередному столкновению сикхов с Могольской империей.

Непосредственным поводом к этому столкновению стало обращение делегации кашмирских брахманов к Тег Бахадuru в поисках защиты от принудительного обращения в ислам, которое практиковал *назим* Кашмира Ифтихар Хан, и оскорбления индуистских святынь⁵¹. Девятый гуру оказал поддержку брахманам, тем более что те самим фактом обращения к нему подтверждали его высший духовный авторитет среди немусульманского населения северо-западной Индии. Тем, кто прибегнул к его, защите он, по преданию, наказал дать такой ответ делийскому падишаху: «Гуру Тег Бахадур, девятый гуру сикхов, сидящий на престоле великого гуру Нанака, является защитником веры и религии. Сначала обратите

⁴⁸ The Adi Granth 1877, LXXXVI.

⁴⁹ Field 1914, 21–2.

⁵⁰ Singh 1975, 158.

⁵¹ Singh 1975, 158.

его в ислам, и тогда все люди, в том числе и мы сами, по своей собственной воле примем вашу веру»⁵².

После такого демарша Аурангзеб потребовал, чтобы гуру явился к нему для дачи пояснений, а когда тот стал медлить с выездом из Панджаба, приказал арестовать его. 11 июля 1675 г. Тег Бахадур вместе с тремя сподвижниками был захвачен могольскими властями во время одного из выездов. Надо сказать, что гуру отлично понимал, какие политические последствия повлечёт за собой оказание покровительства кашмирским брахманам. Существует легенда о том, что когда *пандиты* изложили свои беды и попросили защиты, гуру пришёл в состояние глубокой задумчивости, из которой его вывел лишь вопрос сына, поинтересовавшегося причинами такого состояния отца. Тег Бахадур ответил: «Вопрос, по которому пришли кашмирцы, жизненно важен. Весь мир страдает от гнёта турок. Однако не найти сейчас храброго человека. Только тот, кто готов пожертвовать своей жизнью, освободит землю от бремени мусульман». В ответ на это мальчик сказал: «Кто более чем ты, кто одновременно и храбр и благороден, достоин такой цели?»⁵³. Эти слова положили конец всем сомнениям гуру. Однако несколько не заблуждаясь относительно своей будущей участи, Тег Бахадур назначил сына своим наследником, передав ему знаки гуру 8 июля 1675 г.

После ареста гуру и его сподвижников несколько месяцев держали в тюрьме в Сирхинде, затем они были доставлены в Дели, где допрашивать гуру взялся лично падишах. Аурангзеб припомнил гуру и то, что его величают *Сача Падишах*, и то, что у него имеется несколько тысяч вооружённых приверженцев⁵⁴. Выдвигались и религиозные обвинения. Однако на суде Тег Бахадур отказался переменить веру и отстаивал право индуистов исповедовать собственную религию, подчеркивая при этом, что как сикх он не разделяет их убеждений. За свою стойкую позицию Тег Бахадур стал пользоваться глубочайшим уважением как сикхов, так и индусов и получил прозвище Дхарма-ди-Чадар — «Защитник дхармы» (дословно «Покрывало дхармы»)⁵⁵. Однако гуру и его трём сподвижникам предстояло пройти путь мученичества до конца.

Для устрашения гуру сначала были казнены его соратники. Бхаи Мати Даса привязали к двум столбам и распили двуручной пилой, Даял Даса бросили в котёл с кипящим маслом, а Сати Даса сожгли заживо на костре из хлопковой ваты. Затем настал черёд и самого гуру. 11 ноября 1675 девятый гуру сикхов Тег Бахадур был обезглавлен на центральной рыночной площади в Дели, а его тело было выставлено на всеобщее обозрение. Несмотря на то, что останки гуру охранялись, сикхи сумели выкрасть и тело, которое кремировали в деревне неподалёку от Дели, и голову, которую с риском для жизни доставили в Киратпур, где её кремировал, Гобинд Дас, ставший десятым сикхским гуру⁵⁶.

Казнь Тег Бахадура, который стал вторым мучеником-гуру, принявшим смерть от моголов, была поворотным пунктом сикхской истории. В память об отце и для защиты веры Гобинд Дас преобразовал религиозную общину сикхов, имеющую

⁵² Macauliffe 1909/IV, 370.

⁵³ Macauliffe 1909/IV, 371–2.

⁵⁴ Cunningham 1849, 69.

⁵⁵ Успенская, Котин 2007, 90.

⁵⁶ McGregor 1846, 70.

своё войска, в братство воинов, само ставшее единым войском, сплочённым вокруг знамени гуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Рейснер И. М.* 1961: Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. М.
- Успенская Е. Н.* 2010: Антропология индийской касты. СПб.
- Успенская Е. Н., Котин И. Ю.* 2007: Сикхизм. СПб.
- Cunningham J. D.* 1849: A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej. London.
- Field D.* 1914: The Religion of the Sikhs. New York.
- Gordon J. J.* 1904: The Sikhs. Edinburgh; London.
- Ibbetson D.* 1916: Punjab castes. Lahore.
- Macauliffe M. A.* 1909: The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors: in VI vols. Oxford.
- Malcolm J.* 1812: Sketch of the Sikhs; & Singular Ration, who inhabit the Provinces of the Penjab, situated between the Rivers Jamna and Indus. London.
- McGregor W. L.* 1846: The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh: in II vols. Vol. I. London.
- Rogers A.* (transl.) 1909: The Tuzuk-i-Jahangiri; or, Memoirs of Jahangir. London.
- Scott G. B.* 1930: Religion and Short History of the Sikhs. 1469 to 1930. London.
- Singh Sher.* 1933: Sri Guru Arjan Dev Ji (1563–1606). What He did for India and mankind at large. Tar Taran.
- Trumpp E.* (transl.) 1877: The Adi Granth, the Holy Scriptures of the Sikhs. London.

MILITARIZED SIKH COMMUNITY UNDER THE FIRST NINE GURUS IN THE 16th — 17th CENTURIES

K. A. Demichev

The paper deals with the issues of Sikh community militarization under the first nine guru from mid-16th century till the second half of the 17th century. It also analyzes specific features and stages of militarization, with emphasis on religious and political substantiation of the process by gurus. It is therefore concluded that Sikh community militarization was effected both from higher-ups and from the grass roots.

Key words: Punjab, Sikhism, Sikh community, militarization, guru

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

© 2014

С. И. Михальченко

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» Е. В. СПЕКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО КОНЦА XIX в.*

Статья посвящена освещению жизни и быта еврейского населения Царства Польского конца XIX в. в рукописных «Воспоминаниях» известного русского юриста, философа и историка Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951), хранящихся в Историческом архиве Института Восточной Европы Бременского университета.

Ключевые слова: Е. В. Спекторский, мемуары, евреи, Царство Польское

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) известен как автор многочисленных трудов по философии, теории и истории права, культурологии, социологии, истории литературы¹. Ряд работ посвящен им истории России. Деятельность Спекторского протекала в основном в рамках системы высшего образования: в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической работы — он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в последние годы жизни в Свято-Владимирской Духовной академии в США.

Важным свидетельством событий русской и европейской истории конца XIX — первой трети XX в. являются «Воспоминания» Спекторского, долгое время считавшиеся утраченными в 1945 г., но недавно ставшие достоянием научной общественности². Значительное место в мемуарах составляют описания обычаев и культуры народов, среди которых протекала жизнь автора, в том числе евреев Царства Польского. Большая часть свидетельств относится к 1880–1890-м гг., когда Спекторский был гимназистом в Радоме, а затем студентом Варшавского университета.

Михальченко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований и Центра славяноведения, зав. кафедрой теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. E-mail: smikh10@mail.ru

* Выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00099).

¹ Ермичев 2006, 513–521; Ульяновский, Короткий, Скиба 2007; Михальченко, Ткаченко 2013, 31–53.

² Михальченко 2011, 64–68.

Как подчеркивал Спекторский, многочисленное еврейское население Варшавы было очень расслоено. «Вершину занимали крупные финансисты: железнодорожный туз Кроненберг, Блох (издавший на русском языке монографию о будущей войне), банкир и меценат Вавельберг и др. Низший, весьма многочисленный слой составлял пролетариат, ютившийся в районах Намвок, Францисканской, Дикой и других улиц. Середину занимала еврейская буржуазия различной степени достатка и различных занятий: врачи, особенно зубные, адвокаты, домовладельцы, которым перед войной принадлежало 80 процентов всех варшавских домов, торговцы. Сюда же относились и лица, занимавшиеся предосудительными профессиями: ростовщики и содержательницы публичных домов»³. Различался и образ жизни еврейского населения. Так, «часть еврейской буржуазии носила европейское платье, говорила, даже дома, по-польски и почти не соблюдала еврейских религиозных обрядов»⁴. Наряду с этим, среди еврейской зажиточной буржуазии в Варшаве было немало лапсердачников и т.н. ортодоксальных евреев. «Часто можно было видеть наблюдавшего за постройкою нового дома еврея в лапсердаке. Когда наступало обеденное время, он доставал из кармана кусок хлеба, натирал его чесноком и съедал. А между тем, при всякой кажущейся бедности, это был богатый домовладелец, строивший и этот дом»⁵.

Но при этом, как отмечал Спекторский, среди варшавских евреев было чрезвычайно много и настоящих бедняков, по большей части обремененных многочисленными семействами. «Они занимались ремеслами, мелким торговым посредничеством и промышляли всем, чем можно было. Их жены торговали на базаре фруктами, плетеными булками («халками») и всякой мелочью. Они всячески изворачивались, чтобы прокормить себя и семью, хотя бы селедками. И при этом они мало разбирались в средствах. Они ходили в лапсердаках и строго соблюдали все обряды своей веры. Когда они молились в железнодорожных вагонах, они надевали на лоб ремешки с коробочками, в которые были вдеты заповеди. Их девушки, выходя замуж, брили себе головы и носили парики из собственных волос»⁶.

Ученый отмечал, что в Варшаве издавались еврейские газеты: «Израэлит», «Хацефира» и другие — и жил ряд еврейских писателей: Бергельсон, Перец, Шолом-Алейхем, Динезон, Шолом Аш и другие. Славились своим кантором и хором синагоги на Тломацкой улице. «И в судный день евреи приглашали христиан слушать, как поют «колнидры» (еврейские молитвы). Соперниками раввинов были цадики, считавшиеся чудотворцами и прозорливцами. Особенно славился цадик из Гуры Кальварии Йеуда-Арье-Лейб бар Авраам-Мордехай Алтер, выдающийся знаток Талмуда и хасидский наставник. Цадики носили атласные лапсердаки и отпускали пейсы»⁷.

Занятия евреев были традиционны для черты оседлости. Отметив, что «из еврейской пролетарской молодежи вышел «бунд», террористическая организация социалистов, интернационалистов в теории, на практике же — по мнению мемуариста — еврейских националистов», Спекторский вспоминал, что «в польских

³ FSO.01–30.230. II. Л.45.

⁴ FSO.01–30.230. II. Л.46.

⁵ FSO.01–30.230. II. Л.47.

⁶ FSO.01–30.230. II. Л.47–48.

⁷ FSO.01–30.230. II. Л.48.

местечках можно было видеть жалкие лавчонки, в которых торговали еврейки, обычно беременные. В задней же комнатке виднелся муж, с бледным лицом, весь день погруженный в изучение талмуда. Все прочие заботы возлагались на его жену, еврейский вариант евангелической Марфы. И она не только не тяготилась сидевшим у нее на шее мужем, но гордилась тем, что он, мол, ученый, не от мира сего»⁸. Евреи, как отмечал Спекторский, оказывали посреднические услуги («при приискании квартир, прислуги»), были ростовщиками («соблазнявшие легкомысленную молодежь лихвенным кредитом») и ремесленниками. Много занимались евреями и торговлей, в том числе на так называемом «блошином рынке», размещавшемся в большом дворе на улице Багно («болото»). «Принадлежавшие евреям лавки с подержанной мебелью были без окон. Внутри горели днем керосиновые лампы. И двери закрывались рогожей, чтобы всегда было темно и чтобы покупатели не замечали изъянов на мебели»⁹. Вообще Спекторский много писал о разных хитростях, придумывавшихся евреями. Здесь и т.н. «еврейские заказные письма» («Это были обыкновенные письма, на которые вместо семикопеечной марки наклеивали марок на 6 копеек. Такие письма записывались на почте, так же как и заказные и вручались под расписку адресатам с доплатой недостающей суммы в двойном размере. Таким образом, вместо 14 копеек такое «заказное» письмо стоило всего 8 копеек. Получалось 6 копеек экономии»). Здесь и вариант экономии при проезде в поезде: «когда через поезд проходил контроль, в уборную вагона входило несколько евреев. Контролер стучался в закрытую дверь. Она приоткрывалась. И оттуда вытягивалась рука одного еврея с одним билетом»¹⁰.

Спекторский отмечал, что при внешней щепетильности в соблюдении религиозных обычаев для некоторых евреев была характерна нестрогость в отношении к вопросам веры: «Разговаривая с мелким еврейским ремесленником, можно было договориться и до того, что, мол, у всех нас один Бог». Спекторский привел случай, произошедший с отцом его друга Ф. В. Тарановского: «Один еврей, хотевший во что бы то ни стало поблагодарить его за какую-то услугу, попросил разрешения благословить его»¹¹. Другой случай поведал мемуаристу дачный владелец крестьянин Сергинский: к тому «однажды явился нанимать дачу один господин и начал разговор с обычного деревенского приветствия: «Нех бендзе похвалён пан Езус Христус». Хозяин ответил, как полагается: «На всеки векув амен» — и, ничтоже сумняшеся, сдал ему дачу. А дачник оказался евреем. Это мне напомнило, — вспоминал Спекторский, — как однажды в Млаве после пасхальной заутрени мы были разбужены музыкой: еврейский оркестр пришел поздравить моего отца с Воскресением Христовым и получил за это на чай»¹².

При этом, стараясь быть объективным, Спекторский отмечал: «У евреев были и хорошие черты: чувство благодарности, столь вообще редкое у людей уважение к науке и вообще служению духу и любовь к музыке. В «Götzen-Dämmerung» [«Сумерки идолов». — С.М.] Ницше удивлялся, что у русских есть песни, ибо он утверждал, что у дурных людей нет песен. Подобным же образом тех, кто считает

⁸ FSO.01–30.230. II. Л.48.

⁹ FSO.01–30.230. II. Л.49–50.

¹⁰ FSO.01–30.230. II. Л.49.

¹¹ FSO.01–30.230. II. Л.49.

¹² FSO.01–30.230. II. Л.47.

евреев безусловно дурными людьми, должна бы заставить задуматься их любовь к музыке. Русские и евреи гораздо усерднее посещали варшавскую оперу, чем поляки, предпочитавшие оперетку <...> В районе большого театра можно было видеть евреев в лапсердаках, с упоением слушавших итальянские оперы. Евреи много содействовали открытию в Варшаве филармонии, где дирижером был Фиттельберг. Из еврейских квартир часто раздавалась прекрасно исполняемая серьезная фортепианная музыка»¹³.

Подводя итог размышлениям о бытовых подробностях жизни евреев, Спекторский замечал, что «отношение польского общества к евреям можно было бы определить как благожелательный антисемитизм. С одной стороны, — размышлял он, — сказывалась традиция Короля Казимира Великого [из династии Пястов, правил в 1333–1370. — С.М.], который ради своей еврейской любовницы Эстерки (Эсфири) предоставил разные права ее соотечественникам, а также Мицкевича, с симпатией изобразившего в «Пане Тадеуше» играющего на цимбалах еврея Янкеля. Значительная часть еврейской буржуазной интеллигенции в Польше и духовно и материально поддерживала польский национализм. С другой стороны, было и известное отталкивание от евреев. Польская аристократия, в отличие от французской и мадьярской, не рождалась с еврейскими богачами. Не женились на еврейках и представители польской интеллигенции, даже радикальной. Если верно, что жена Пилсудского была еврейка, то это было исключением, объясняющимся, может быть, его виленским происхождением и тем, что, несмотря на свою ненависть к России, он одно время общался с русскими революционерами. Влиятельное католическое духовенство не имело никаких оснований для юдофильства»¹⁴. По мнению мемуариста, еврейский вопрос в Польше обострился, когда в нее, главным образом в Варшаву, хлынули выселенные из Москвы русские евреи, т.н. литваки. Спекторский имел в виду выселение евреев из Москвы по указу от 29 марта 1891 г. «Указ не предполагал полную депортацию еврейского населения из Москвы, а касался только *условно проживающих евреев* (ремесленников, винокуров, пивоваров, подмастерьев), которые были приписаны к столице как ремесленники, но фактически не занимались профессией, указанной в ремесленной книжке»¹⁵. Как отмечал Спекторский, «они принесли с собой русский язык, много русских замашек и даже русский империализм. В этом отношении они напоминали немецких евреев, поддерживаемых германским империализмом. Они оказались бытовыми обрусителями, иногда более настойчивыми, чем обрусители административные. Так, например, русские старожилы, входя в магазины или молочные, обращались к персоналу, особенно женскому, по-польски. Русские же евреи — по-русски и требовали, чтобы им и отвечали по-русски. Когда в Варшаву приезжали на гастроли русские труппы, литваки еще усерднее, чем русские, посещали театр. А когда из Москвы приезжал Художественный театр, они вместе с русскими по много часов дежурили перед кассой в таком количестве, что для поддержания порядка на Театральной площади специально отряжались конные жандармы. Появление литваков в Варшаве вызвало большое раздражение не только среди поляков, но и среди местных евреев. Польские евреи так же невзлюби-

¹³ FSO.01–30.230. II. Л.50.

¹⁴ FSO.01–30.230. II. Л.50–51.

¹⁵ Алексеев 2009.

ли своих русских единоверцев, как сербские «сефардимы» «ашкеназиет», послов мировой войны, появившихся в Белграде из Загреба, Вены и Будапешта. В обоих случаях получился своеобразный еврейский антисемитизм. Польские евреи начали уверять, что они добрые польские патриоты, не то что пришлые евреи. Но на этом дело не остановилось. Из польских кругов раздались голоса, что все евреи без различия представляют чужеродный элемент в Польше. И застрельщиком оказался радикальный и демократический писатель Немоевский. Он твердо и недвусмысленно заявил, что можно быть радикалом и демократом и в то же время относиться отрицательно к евреям и их засилью. Его кампания имела успех. Ею воспользовалось католическое духовенство. Оно начало устраивать в деревне крестьянские кооперативы, чтобы вытеснить еврейские лавки на помещичьей земле (так, польские шляхтичи помогали евреям обходить закон, запрещавший им селиться на крестьянских землях и эксплуатировать крестьян)»¹⁶.

Мемуары Спекторского — источник, весьма насыщенный сведениями этнографического характера. В них много говорится о бытовых подробностях жизни и других народов, населявших Царство Польское. Но думается, что освещение им жизни евреев этого региона представляет — в связи с ограниченным количеством дошедших до нас свидетельств — особую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. Н. 2009: И. И. Левитан во Владимирской губернии // Сборник материалов по итогам работы научно-практической конференции «Левитановские чтения. К 120-летию приезда И. И. Левитана в Плёс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.plyos.org/stat/ples-levitan-2009-01.html>.

Ермичев А. А. (сост.) 2006: Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. СПб., 513–521.

Михальченко С. И. 2011: Документы Е. В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 6, 64–68

Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. 2013: Евгений Васильевич Спекторский // ВИ. 1, 31–53.

Ульяновський В., Короткий В., Скиба О. 2007: Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ.

UNPUBLISHED “REMINISCENCES” OF YE. V. SPECTORSKY AS SOURCE OF JEWS HISTORY IN POLISH KINGDOM IN THE LATE 19th CENTURY

S. I. Mikhalchenko

The paper covers typical mode and lifestyle of Jewish population of Polish Kingdom in the late 19th century, which is recorded in “Reminiscences” of Ye. V. Spector, a well-known Russian lawyer, philosopher and historian (1875–1951). The manuscript is kept in East Europe Institute Historical Archive of Bremen University.

Key words: Ye. V. Spector, memoirs, Jews, Polish Kingdom

¹⁶ FSO.01–30.230. II. Л. 51–52.

© 2014

С. В. Ольховский

УКРАИНСКОЕ ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В 1922–1939 гг.

Украинское парламентское представительство с первого же созыва начало проводить активную деятельность по защите интересов национальных меньшинств, что вызвало серьезные опасения у польской политической элиты, опасавшейся за целостность и сохранение национального характера государства. Почти сразу оказавшись в стабильной оппозиции правительствам национальных демократов, украинские парламентские клубы возлагали надежды на улучшение межнациональных отношений на пришедший к власти в 1926 г. режим санации. Постепенная нормализация отношений была торпедирована событиями в Галиции в 1930 г. Польско-украинское соглашение о нормализации от 1935 г. фактически не было выполнено польской стороной, что привело к сокращению влияния легальных украинских партий и повысило популярность ОУН.

Ключевые слова: история Польши, парламент, Галиция, Волынь, выборы, польско-украинское соглашение

Национальные меньшинства межвоенной Польши расценивали представительство в парламенте как важный козырь, способствующий обсуждению и реализации своих политических интересов на высшем государственном уровне. Численность и роль представительства в сейме и сенате в первую очередь определяло государственное устройство и положения о выборах, но немалое значение имели также политическая активность и степень организованности самих национальных меньшинств.

Термин «украинское парламентское представительство» в историографии предмета может обозначать: 1) всех парламентариев-украинцев, независимо от их партийной принадлежности¹; 2) всех парламентариев-украинцев, за исключением коммунистов и представителей проправительственных украинских движений («угодовцев»)²; 3) парламентариев-украинцев высшего законодательного органа 2-го, 3-го, 4-го и 5-го созывов, избранных по списку Украинского национально-демократического объединения. Вероятно, следует предпочесть первый вариант толкования, так как депутаты и от оппозиционных, и от проправительственных украинских движений по мере сил отстаивали в сейме и сенате Польши национальные интересы своих избирателей-украинцев.

Согласно положению о выборах от 28 ноября 1918 г., выборы в учредительный сейм Польши на территории Галиции и Волыни не проводились, и представители украинцев в его состав не вошли. Первые парламентские выборы на этих землях состоялись в 1922 г., причем избирательные кампании в Галиции и на Волыни существенно отличались. Большинство украинских политических сил Гали-

---

Ольховский Сергей Валерьевич — научный сотрудник Института археологии РАН.
E-mail: ptakkon@yandex.ru

¹ Papierzyńska-Turek 1979, 122.

² Torzecki 1989, 188.

ции бойкотировали выборы, не признавая юрисдикции Польши над землями бывшей Западно-Украинской народной республики. Не получили поддержки галичан и смешанные польско-украинские избирательные списки, которые должны были продемонстрировать мировой общественности лояльное отношение украинцев к польской государственности. В результате выборов представительство Галиции в парламенте Польши ограничилось пятью депутатами от Украинской крестьянской партии «хлеборобов». Они создали проправительственный Украинско-крестьянский сеймовый клуб и выдвинули ряд умеренных требований: о создании украинского университета, государственном начальном и среднем образовании на украинском языке, прекращении польской колонизации восточных воеводств, проведении аграрной реформы в пользу местных украинцев, допуске украинцев на должности в органах самоуправления и администрации.

Украинцы с территорий, до Первой мировой войны входивших в состав Российской империи, не поставили в 1922 г. под сомнение правомочность проведения выборов в парламент Польши и приняли активное участие в избирательной кампании. Центральный избирательный комитет Волыни, Холмщины, Подляшья и Полесья в августе 1922 г. присоединился к общепольскому Блоку национальных меньшинств (БНМ) и активно агитировал украинцев принять участие в выборах. В их предвыборном воззвании говорилось: «... все, молодые и пожилые, крестьяне и горожане, учителя и духовенство, грамотные и неграмотные, объединитесь, забудьте о жалобах и распрях, призовите всех на выборы, чтобы пошли все как один и выбрали только своих украинских представителей»³. Избирательная программа БНМ не ставила под сомнение законность польской власти на бывших землях Российской империи, но содержала острую критику в адрес польского правительства, формулировала неотложные потребности национальных меньшинств Польши и первоочередные меры для улучшения ситуации. Успех избирательного списка БНМ превзошел ожидания: от украинцев в парламент прошли 20 депутатов и 6 сенаторов, сформировавших Украинский клуб во главе с А. Васыньчуком.

Большинство членов клуба, представляя самую разную идейную ориентацию и не обладая существенным политическим опытом, стояло на умеренных позициях и высказывалось за поиск польско-украинского компромисса. Во время сеймовых дебатов по программе правительства В. Сикорского от имени Украинского клуба выступил С. Подгорский: «Мы, представители Волыни, Холмщины, Подляшья и Полесья, заявляем с этой трибуны, что желанием украинского народа является воссоздание независимого украинского государства. Но, учитывая реальное положение вещей, мы заявляем о готовности к сотрудничеству с польским народом и любыми народами, входящими в состав Речи Посполитой. <...> многонациональную Польшу следует обустроить так, чтобы каждая живущая здесь национальность <...> например — украинцы, имела бы возможность реализовать свое право на самоопределение, и этим было бы обеспечено ее свободное развитие»⁴. Кроме того, С. Подгорский перечислил требования по модернизации социальной и экономической жизни, выполнение которых позволило бы украинцам создать сеть общественных организаций независимо от того, получают ли украинцы терри-

³ Mędrzecki 1988, 89.

⁴ Papierzyńska-Turek 1979, 159.

ториальную автономию. Демонстрируя конструктивный характер своей позиции, Украинский клуб проголосовал за вотум доверия правительству В. Сикорского.

Однако вскоре польско-украинские отношения в парламенте обострились: уже в начале 1923 г. польское большинство в сейме вопреки позиции Украинского клуба одобрило программу кредитования польских колонистов в восточных воеводствах, утвердило дискриминирующие украинский язык ограничения, систематически игнорировало украинские предложения по отдельным срочным запросам. Отсутствие позитивных итогов парламентской работы привело к радикализации позиций части членов клуба: к маю 1923 г. депутаты-социалисты из Украинского клуба приняли активное участие в целой серии агитационных массовых собраний на Волыни, Холмщине, Полесье и Подляшье под лозунгами реализации права украинцев на самоопределение и развитие национальной жизни. 26 мая 1923 г. Украинский клуб объявил о переходе в оппозицию, и его деятельность свелась к подаче предложений и депутатских запросов в парламентские комиссии. Широкую огласку получил эпизод с лишением депутатского иммунитета четырех членов Украинского клуба, которые 28 августа 1923 г. во время встречи с избирателями в Почаеве якобы призвали к выступлению против польских властей⁵.

В начале 1924 г. политическое размежевание в Украинском клубе усилилось, его покинули сторонники Украинской социал-демократической партии (УСДП), они создали собственный сеймовый клуб из четырех депутатов и выдвинули лозунг борьбы за объединение западно-украинских земель с Советской Украиной.

В 1926 г. в результате объединения части сторонников Селянского (крестьянского) Союза и партии народной воли при активной поддержке Компартии Западной Украины (КПЗУ) было создано Украинское социалистическое крестьянско-рабочее объединение (Сель-Роб), программа которого предусматривала ведение национально-освободительной борьбы украинского крестьянства и пролетариата с польской буржуазией и установление социалистического строя на украинских землях. Уже в 1927 г. Сель-Роб раскололся на две политические фракции — Сель-Роб Правицу и Сель-Роб Единство, тесно сотрудничавшее с КПЗУ. Используя радикальные социальные лозунги, Сель-Роб Единство в 1927 г. победило на выборах в волынские органы самоуправления и стало самой влиятельной украинской партией Волыни.

Не менее значимые перемены происходили в политической жизни Галиции: 11 июля 1925 г. в Львове в результате объединения Украинской народной трудовой партии и Украинской партии национального труда при активном участии депутатов и сенаторов от Волыни, Полесья и Холмщины было создано Украинское национально-демократическое объединение (УНДО). Программа УНДО предусматривала создание буржуазного украинского государства в форме парламентской республики, требовала предоставления украинцам Польши права на самоопределение и тем самым отрицала правомочность международных актов, закрепляющих Галицию за Польшей. Несмотря на наличие внутренних противоречий, в УНДО преобладала «ориентация на собственные силы», т.е. усиление экономического и культурного потенциала украинцев для подготовки к борьбе за независимость. Хотя основной опорой УНДО стала украинская интеллигенция Галиции,

⁵ Papierzyńska-Turek 1979, 269.

влияние партии постепенно распространялось и на общественно-политические и просветительские организации Волыни.

В 1925 г., когда в сейме обострилась политическая борьба между буржуазно-националистической и левой группировками украинских депутатов, деятели УНДО предприняли активные усилия с целью укрепления авторитета партии. Они вошли в руководство влиятельных украинских общественных и образовательных организаций, организовали десятки митингов против закона о школьном образовании и правительственного проекта аграрной реформы. Активное противодействие руководства УНДО вызвали попытки проправительственного Украинского народного союза, образованного из Украинской крестьянской партии «хлеборобов» и Украинской народной партии, созвать в Галиции Крестьянский конгресс. Заметное влияние УНДО в Украинском клубе обеспечили 4 депутата и 3 сенатора, а с 31 марта 1927 г. его председателем стал сторонник УНДО С. Хруцкий.

Выборы в парламент второго созыва в марте 1928 г. проходили в обстановке активной конкуренции украинских движений, так как признание Советом послов в марте 1923 г. польской юрисдикции над землями Галиции показало галицийским украинцам бессмысленность дальнейшего бойкота Польши и предопределило их участие в ближайших парламентских выборах. Сторонники Ю. Пилсудского старались сформировать парламент, готовый к сотрудничеству с правительством и при этом представляющий интересы разных общественных и национальных групп. Для реализации этого намерения пилсудчики предложили руководству УНДО заключить соглашение с Беспартийным блоком сотрудничества с правительством (ББВР) Ю. Пилсудского и выступить на парламентских выборах единым польско-украинско-еврейским избирательным списком, но переговоры К. Свитальского с Д. Ливицким не увенчались успехом⁶. В свою очередь, 12 ноября 1927 г. УНДО выдвинуло собственную концепцию консолидации, предложив Украинской социал-радикальной партии (УСРП), Украинской социал-демократической партии (УСДП) и Сель-Робу Правиче образовать украинский избирательный блок.

Основной конкурент УНДО в Галиции — Украинская социал-радикальная партия — возникла в 1924 г. в результате объединения Украинской радикальной партии и Украинской партии социалистов-революционеров. В программе УСРП провозглашались борьба за независимую Украинскую народную республику, экспроприацию крупной собственности, декларировалось враждебное отношение к Польше и СССР. Отказ УСРП присоединиться к украинскому избирательному блоку вынудил УНДО заключить предвыборное соглашение с Блоком национальных меньшинств, чему поспособствовало желание последнего повысить свои шансы на выборах в восточной части Люблинского воеводства и на Волыни, и повторить результаты успешных для украинцев парламентских выборов 1922 г.

В борьбу за украинские голоса на Волыни включилась польская администрация. Воеводе В. Меху удалось заключить польско-украинское избирательное соглашение и включить в список кандидатов от проправительственного ББВР представителей петлюровских кругов.

Хотя украинские кандидаты оказались рассеяны по шести общепольским избирательным спискам, результаты выборов оказались в целом удачными: в сейм прошли 30 депутатов от БНМ из Галиции и Волыни, сформировавшие Украин-

⁶ Świtalski 1992, 214.

ско-белорусский клуб, а также 6 депутатов от Сель-Роба, 8 депутатов от УСРП и 5 депутатов от Волини, избранных по списку ББВР. Украинский клуб в сенате составили 12 сенаторов от БНМ, еще один сенатор был избран от Сель-Роба. Руководство УНДО осталось недовольно результатами выборов. Из-за активного противодействия польской администрации и конкурирующих украинских партий в Люблинском, Волынском и Полесском воеводствах удалось завоевать лишь 9 мандатов вместо ожидаемых 22, и таким образом УНДО не приобрело существенной политической опоры за пределами Галиции⁷.

В украинском парламентском представительстве второго созыва (1928–1930 гг.) преобладали сторонники УНДО, в парламент в качестве депутатов и сенаторов прошла почти половина Центрального комитета УНДО, в том числе почти весь президиум⁸. Значительная часть украинских депутатов и сенаторов второго созыва имела юридическое образование, опыт парламентской работы в краевом сейме австро-венгерских времен или в сейме ЗУНР. Но у украинских депутатов не было единства мнений относительно целей, которых они намеревались достичь в интересах своих избирателей. 29 марта 1928 г. председатель Украинско-белорусского сеймового клуба Д. Ливицкий выступил с программным заявлением: «Мы проиграли насилию. Но, не сломленные, мы торжественно заявляем, что высшим, святым и непоколебимым нашим идеалом является независимое, единое украинское государство на всех украинских землях. Поэтому международные акты, передавшие Польше исторические украинские земли — Галицию с Лемковщиной, Холмщину, Волинь, Подляшье и Полесье — а именно: Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г. и решение Совета послов в Париже от 14 марта 1923 г. мы считаем актами произвола, поправшими право украинского народа на самоопределение, и считаем их неправомочными. Находясь в польском парламенте, мы и здесь будем стремиться к реализации высшего права украинского народа».

30 марта 1928 г. депутат от Украинской социал-радикальной партии Д. Ладька, выступая от имени клуба, назвал главной целью создание независимой Украинской социалистической республики, объединяющей ныне разрозненных украинцев Польши, Чехословакии, Румынии и УССР, обвинил правительство в игнорировании права украинцев на самоопределение, критически оценил перспективу предоставления украинцам территориальной либо культурной автономии, и провозгласил: «... мы будем находиться в оппозиции и бороться с любым польским правительством, — пока они не признают право нашего народа на самоопределение»⁹.

31 марта 1928 г. председатель сеймового клуба Сель-Роб М. Чучмай заявил о продолжении бескомпромиссной революционной борьбы за классовое и национальное освобождение украинских трудящихся, и предупредил, что борьба «с фашистской системой насилия и террора, применяемой правительством маршала Пилсудского» будет вестись и в сейме. Депутат резко высказался и в адрес УНДО, назвав его контрреволюционной партией мещан и клерикалов, готовой к соглашательству с польским правительством под маскировкой национально-освободительных лозунгов.

⁷ Tomczyk 1997, 98.

⁸ Kronika 1928, № 2.

⁹ Kronika 1928, № 2.

Выступивший в тот же день от имени Сель-Роб Левицы депутат К. Вальницкий заявил, что украинский народ сможет свободно развиваться только в рамках собственного независимого государства и под управлением рабоче-крестьянского правительства, перечислил факты дискриминации украинцев, организованной польской администрацией, и заявил о продолжении борьбы за освобождение угнетенных Польшей народов.

Совершенно иначе обозначил цели деятельности председатель Волынской региональной группы ББВР Е. Богуславский. Он заявил: «Мы, украинцы, помним, что в борьбе за независимость украинский народ нашел понимание со стороны польского народа в лице Ю. Пилсудского»¹⁰. Тем самым, волыняне продемонстрировали готовность к сотрудничеству с режимом Пилсудского в духе союза, заключенного в апреле 1920 г. между Польшей и лидером УНР С. Петлюрой.

Все украинские парламентские клубы второго созыва, за исключением Волынской региональной группы ББВР, постоянно голосовали против правительственных проектов бюджета, находились в жесткой оппозиции и старались максимально использовать свой парламентский статус и судебный иммунитет для ведения агитации и лоббирования украинских интересов в государственных учреждениях. Немалое внимание уделялось и популяризации украинского вопроса на международной арене, члены Украинского клуба активно участвовали в Конгрессах национальных меньшинств в Женеве и в деятельности Межпарламентской унии. Заметными результатами этой работы стало официальное заявление британского парламента с напоминанием о польских обязательствах по предоставлению Галиции территориальной автономии, а также пропагандистская акция в связи с подачей в Совет Лиги наций петиции с жалобой на польское государство в связи с акцией «умиротворения» в 1930 г.

Несмотря на эпизодические согласованные шаги, Украинское парламентское представительство не демонстрировало идейного единства: помимо конфликта между Волынской региональной группой ББВР и галичанами; имело место и острое соперничество между коммунистами и националистами. Идейные разногласия проявились и в самом Украинском клубе: депутаты от БНМ выразили мнение, что УНДО, «навязывая украинскому обществу программу полного отрицания польской государственности, стало причиной многолетней, бесплодной и демонстративной украинской политики в Польше», и призвали к проведению реальной политики с позитивной программой и главным требованием в виде территориальной автономии. Хотя в результате дискуссии сторонники реальной политики были устранены из руководства клуба, официальная позиция УНДО несколько смягчилась. 5 декабря 1929 г. председатель Украинского клуба Д. Ливицкий заявил: «Мы проводим украинскую, а не польскую политику, но, несмотря на это, в отношениях с польской стороной мы оперируем не только негативом. Наши позитивные намерения содержатся в целом ряде тщательно разработанных предложений и проектов, наши предложения в области культуры и экономики не являются покушениями или заговорами, а вообще не имеют ничего общего с политикой. Однако они, очевидно, не соответствуют нынешней национальной политике Польши». Комментируя это заявление, пресса УСРП отметила: «Еще один

¹⁰ Kronika 1928, № 3.

шаг, и Дмитро Ливицкий будет готов удовлетвориться культурной автономией в границах польского государства»¹¹.

Идейную преемственность в украинском парламентском представительстве нарушили осенние события 1930 г. в Галиции, значительно ухудшившие внутриполитический фон польско-украинских отношений. Проведенное по приказу Ю. Пилсудского «умиротворение» («пацификация») галицийских украинцев¹² продемонстрировало готовность правительства к жестким силовым методам борьбы с украинским национальным движением вопреки международным обязательствам Польши; арест и тюремное заключение ряда видных украинских парламентариев значительно ослабили легальные украинские политические организации Галиции в преддверии выборов в парламент третьего созыва¹³. С другой стороны, в результате репрессий значительно вырос авторитет подпольных националистических организаций УВО-ОУН.

Сложная внутривнутриполитическая ситуация вынудила руководство УНДО, УСРП и УСДП заключить предвыборное соглашение и выставить на выборах единым списком в составе Украинско-белорусского избирательного блока. Несмотря на противодействие администрации, фактически выполнявшей функции избирательного комитета Беспартийного блока сотрудничества с правительством, Украинско-белорусский блок, проведя в парламент 21 депутата и 4 сенаторов, разделился на Украинско-белорусский клуб (19 депутатов и 3 сенатора) и клуб (фракцию) УСРП (2 депутата и 1 сенатор). Большинство парламентариев третьего созыва были избраны в сейм и сенат повторно. Кроме того, по избирательному списку ББВР в сейм прошли 6 украинских депутатов с Волыни, из них лишь Е. Богуславский был избран повторно.

Работа третьего Украинского парламентского представительства (1930–1935 гг.) началась в сложных условиях: уже 20 января 1931 г. Украинский клуб призвал к расследованию действий инициаторов «пацификации» Галиции, а украинские парламентарии заявили, что «в нашем народе массово усилилась враждебность к Польше, повсюду ощущается скрытое желание отомстить. А благодаря польской прессе среди поляков возросла ненависть к украинцам»¹⁴. В феврале 1931 г. Украинский клуб выступил с резкой критикой правительства и проголосовал против проекта бюджета.

В середине 1931 г. украинские депутаты и сенаторы, избранные от Волыни по списку ББВР, возглавили проправительственное Волынское украинское объединение во главе с П. Певным. Новая партия, опираясь на волынского воеводу Х. Юзевского, стала кадровой базой для Парламентского представительства Волыни. Она выступила за заключение польско-украинского соглашения, обосновав его потребностью повысить внешнеполитическую безопасность Польши в условиях нарастания военной угрозы со стороны Германии и СССР. Впрочем, декларируя намерение сотрудничества и лояльность в отношении правительства, ВУО не отказалась от украинских национальных требований, постулируя, кроме прочего, украинизацию православной церкви и системы школьного образования.

¹¹ Kronika 1928, № 6.

¹² Швогуляк 1993.

¹³ Ajnenkiel 1989, 154.

¹⁴ Kronika 1931, № 1.

Разгром режимом в 1930 г. польской легальной оппозиции и акция «умиротворения» в Галиции не только упрочили положение «санации», но и продемонстрировали ее противникам решимость властей покончить с видимостью соблюдения конституционности своих действий. Не дала результата попытка украинских лидеров добиться осуждения Лигой наций факта нарушения Польшей своих обязательств в области прав национальных меньшинств. В этих условиях у руководителей УНДО возобладало стремление добиться от правительства учета украинских требований с помощью компромисса. Готовность Украинского парламентского представительства к переговорам по возможному соглашению проявилась в негласных контактах видных участников Украинского клуба и представителей ББВР. Обнародование факта этих переговоров привело к скандалу в УНДО и спорам в Украинском парламентском представительстве о допустимости нормализации двухсторонних отношений. Несмотря на провал переговоров, позиция Украинского клуба заметно смягчилась, что подтверждает постановление конгресса УНДО от 26 марта 1932 г., гласившее: «В ходе политической борьбы следует использовать все возможные конституционные и легальные возможности, не отрекаясь от высшей национальной цели»¹⁵. Выражением дальнейшей эволюции позиций УНДО стало выступление Д. Ливицкого в сейме в октябре 1932 г., когда он потребовал предоставить населенным украинцами землям территориальную автономию, при этом отвергая террор и саботаж как методы политической борьбы.

Хотя этот постулат остался без ответа, в 1933–1934 гг. украинские парламентарии стали проводить в жизнь новую линию на практике, принимая активное участие в работе сеймовых комиссий и выдвигая мотивированные предложения, направленные на защиту украинских интересов. Развитием стремления УНДО к соглашению стало выступление Д. Ливицкого 6 февраля 1934 г., когда он в связи с трагедией «голодомора» в УССР признал Польшу единственной надеждой на воплощение украинских планов и заявил: «Мы стоим на позиции, что польско-украинская проблема может быть решена только взаимным соглашением обоих народов»¹⁶.

Хотя и это выступление не повлекло за собой конкретных последствий, руководство Украинского клуба продолжило поиск компромисса, тем более что правительство не прекращало наступления на положение украинцев в Польше: ограничение прав национальных меньшинств было предусмотрено законами о самоуправлении (1933 г.) и кооперации (1934 г.), проектом новой конституции Польши, практикой реализации региональной политики. Единственным в этой ситуации способом отстоять права украинцев Д. Ливицкий считал соглашение с правительством. В феврале 1935 г. он выступил с очередным заявлением: «... украинская политическая мысль уже давно ищет союзника, с которым могла бы взаимовыгодно реализовать свое национальное право. Часть украинцев искала реализации этого права в границах России <...> но <...> пророссийская концепция за редкими исключениями провалилась. Вторая концепция — создание Украины с центром в Киеве, с помощью и в согласии с центральноевропейскими и западноевропейскими государствами. Украинцы, создавая свое государство, тем самым способствуют безопасности и мощи польского народа, так как мы не верим, что

¹⁵ Kronika 1932, № 2.

¹⁶ Kronika 1934, № 1.

русские добровольно откажутся от империализма... От вас, как от нынешних хозяев страны, зависит нормализация наших отношений. Либо вы удовлетворите насущные потребности украинцев, и мы сообща построим счастье, силу и мощь обоих народов, либо наши народы порознь и в тяжелой борьбе будут пытаться достичь своих целей»¹⁷.

Следует отметить, что в сейме третьего созыва впервые была отмечена позитивная тенденция в развитии отношений между Украинским клубом и Парламентским представительством Волыни. Хотя депутаты от УНДО по-прежнему считали украинских депутатов от ББВР польскими марионетками, но уже не называли их предателями украинских национальных интересов. В свою очередь, члены ВУО упрекали Украинский клуб в оппортунизме, отсутствии позитивной программы в отношении Польши, узурпации УНДО права украинского представительства на Конгрессах национальных меньшинств Европы.

Как проявление лояльности правительству можно расценить решение Украинского клуба об отказе голосовать по проекту новой конституции Польши, урезавшей права национальных меньшинств. Этот шаг на практике лишь упростил пилсудчикам получение большинства голосов, необходимого для ее одобрения парламентом¹⁸.

Между тем правовое положение украинцев в Польше продолжало осложняться: было официально отклонено предложение о введении территориальной автономии, а в мае 1935 г. вопреки мнению Украинского парламентского представительства было утверждено новое положение о парламентских выборах, передающее в компетенцию администрации утверждение кандидатов в депутаты в избирательных списках.

Весной 1935 г. правительство предложило УНДО начать переговоры о политическом соглашении для «нормализации» польско-украинских отношений. К июлю 1935 г. соглашение в целом было согласовано, оно предусматривало выполнение ряда украинских требований в обмен на отказ УНДО от оппозиции, а также согласие правительства на предоставление УНДО в парламенте 15 депутатских и 4 сенаторских мест¹⁹. Соглашение было достигнуто ценой раскола в руководстве УНДО, новым лидером партии стал более умеренный и прагматичный В. Мудрый.

Выборы в парламент четвертого созыва (1935–1938 гг.) в сентябре 1935 г. были проведены на основе апрельской конституции и нового положения о выборах, кончина Ю. Пилсудского и кризис в руководстве режима «санации» значительно изменили политическую ситуацию в стране. Большая часть оппозиционных польских и украинских политических движений бойкотировала выборы, в избирательной кампании приняли участие лишь УНДО и ВУО. В парламенте четвертого созыва украинцы создали Украинское парламентское представительство из 18 депутатов и сенаторов во главе с В. Мудрым, и Украинское парламентское представительство Волыни из 6 депутатов во главе с П. Певным.

Возможность тесного политического сотрудничества украинских представительств была отвергнута УНДО на основании известного тезиса, что ВУО является управляемой извне проправительственной партией, в отличие от настоящих

¹⁷ Kronika 1935, № 1.

¹⁸ Kronika 1935, № 2.

¹⁹ Chojnowski 1979, 202.

народных депутатов, избранных от УНДО. Несмотря на это заявление, отношения между украинскими представительствами в парламенте четвертого созыва заметно улучшились.

УНДО, соблюдая условия соглашения о «нормализации» и ввиду нарастания политической неопределенности из-за распада лагеря «санации», придерживалось более лояльной позиции в отношении правительства. 6 декабря 1935 г. В. Мудрый объявил, что Украинский клуб будет голосовать за правительственный проект бюджета, а также озвучил требования, выполнения которых УНДО ждало от правительства в рамках выполнения обязательств по «нормализации» отношений. Среди них — предоставление территориальной автономии населенному украинцами региону; упорядочивание принципов парцелляции земли в пользу украинцев; прекращение польской колонизации; помощь государства в борьбе с безработицей; свобода деятельности украинских хозяйственных организаций на всей территории Польши; обеспечение прав украинского языка и возможности обучения на родном языке; превращение в украинские прежде украинские, а ныне полонизированные и двуязычные школы; допуск украинцев на посты в органах самоуправления и администрации; ликвидация лагеря в Березе Картуской²⁰. Учитывая тенденцию к повышению роли армии в формировании внутренней политики Польши, Украинский клуб выразил свою лояльность максимально ясно: «Сильная, многочисленная и хорошо технически оснащенная польская армия является для украинского народа жизненной необходимостью», — а В. Мудрый специально отметил, что «мы понимаем роль армии в Польше и хотим, чтобы она нас понимала»²¹.

Лояльность УНДО на первых порах была поощрена правительством, согласившимся на незначительные уступки: в восточных воеводствах разрешили использовать указатели на украинском языке, в результате открытия государственной украинской гимназии работу получили немало преподавателей.

Депутаты и сенаторы Украинского парламентского представительства проявили значительную активность по подготовке проектов, обеспечивающих возможность реализации озвученных украинцами требований, но итоги этих усилий В. Мудрый пессимистически оценил уже в апреле 1936 г.: «Атмосфера в комиссиях не способствовала конструктивной работе, в бюджете почти не учтены украинские требования. Поляки не поняли выступления 6 декабря». К концу года отказ польской стороны от выполнения условий соглашения о нормализации стал очевиден, и 2 декабря 1936 г. В. Мудрый от имени Украинского клуба заявил, что «развитие событий в сфере польско-украинских отношений для нас, столько сил вложивших в их нормализацию, чрезвычайно тревожно и трагично»²². Вместе с тем украинское парламентское представительство решило не менять курс на урегулирование и перешло к методам «тихой дипломатии», пытаясь воздействовать на ситуацию с помощью конфиденциальных контактов и личных договоренностей, впрочем, практически безуспешно.

В 1937 г. Украинское парламентское представительство продолжало придерживаться своих обязательств в рамках «нормализации» и поддержало прави-

²⁰ Kronika 1935, № 6.

²¹ Kronika 1936, № 1.

²² Kronika 1936, № 6.

тельственный проект бюджета, что привело к усилению внутренней оппозиции в УНДО и существенному падению ее авторитета среди избирателей Галиции. Руководство партии оказалось в сложной ситуации: переход УНДО в оппозицию поставил бы под угрозу немногочисленные украинские парламентские достижения и возможность хоть как-то влиять на ситуацию, а переход к методам террора и саботажа в условиях политического преобладания армейских кругов выглядел бесперспективно.

В состоянии идейного кризиса в 1937 г. оказалось и Украинское парламентское представительство Волыни, которое после отставки волынского воеводы Х. Юзевского утратило свою единственную административную опору. В ответ на постепенное обострение ситуации на Волыни, вызванное проведением политики полонизации, насильственным переводом православных в католицизм и ревиндикацией церковью²³, ВУО было вынуждено продемонстрировать свою политическую самостоятельность и готовность защитить украинские национальные интересы. Свидетельством этого стал фактический уход ВУО в оппозицию правительству и замена председателя Украинского парламентского представительства Волыни: П. Певного сменил С. Тимошенко.

К 1938 г. в жесткую оппозицию правительству перешло и Украинское парламентское представительство, выдвинув требование введения территориальной автономии для восточных воеводств Польши, создания украинского университета, прекращения польской колонизации. В то же время, после известия о роспуске парламента, ЦК УНДО решил участвовать в выборах и принял предложение премьера Ф. Славой-Складковского о пролонгации предвыборных договоренностей 1935 г. Помимо сторонников правящего лагеря, в выборах приняли участие лишь УНДО и ВУО, польская оппозиция снова их бойкотировала.

Украинское парламентское представительство пятого созыва (1938–1939 гг.) почти дублировало предыдущее: Украинский клуб из 14 депутатов и 5 сенаторов во главе с В. Мудрым, Украинское представительство Волыни из 4 депутатов и 1 сенатора во главе с С. Тимошенко. На первом же заседании сейма В. Мудрый выступил с резким заявлением о нарушении правительством польско-украинского соглашения о «нормализации», к этому мнению присоединились и депутаты от ВУО, часть которых выразила намерение перейти в УНДО. В феврале 1939 г. украинские депутаты проголосовали против проекта бюджета и отвергли предложение правительства о формировании национально смешанных списков кандидатов в органы самоуправления на выборах 1939 г.

Последним эпизодом участия украинцев в работе парламента стали выступления В. Мудрого и С. Скрипника на чрезвычайном заседании сейма 2 сентября 1939 г., заверивших правительство в лояльности украинцев к Польше и готовности к совместной борьбе с германской агрессией.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Деятельность всех партий и движений, участвовавших в украинском парламентском представительстве на протяжении межвоенного периода, привлекала к себе пристальное внимание со стороны польского и украинского общества. Интерес польской стороны объяснялся прежде всего угрозой для целостности возрожденной Польши стремления

²³ Матвеев, Федевич 1998, 33; Matwiejew 1999, 4.

украинцев к обретению собственной государственности, а также потребностью выработки эффективной государственной стратегии взаимодействия с многочисленными национальными меньшинствами. С украинской точки зрения, работа в парламенте позволяла обеспечить защиту своих базовых национальных прав, а в перспективе способствовать достижению главной цели — независимости Украины либо широкой территориальной и культурной автономии в составе Польши. Украинские депутаты и сенаторы представляли в парламенте Польши почти весь спектр социалистических, коммунистических, либеральных и националистических движений, имея возможность, пользуясь депутатским иммунитетом, свободно высказываться по острым вопросам и апеллировать к международному общественному мнению.

Существенная разница в уровне развития украинского самосознания среди населения Галиции и Волыни проявилась в политической дифференциации представительств этих регионов: галичане поддерживали в основном буржуазно-националистические партии, волыняне — социалистическо-коммунистические. Относительная политическая изоляция Волыни и целый комплекс мер, направленных на улучшение экономического и культурного положения украинцев в воеводстве, позволяли польской администрации надеяться на формирование здесь лояльного государству украинского движения, демонстрирующего практическую возможность польско-украинского соглашения. Деятельность сотрудничавших с правительством украинских депутатов с Волыни неизменно подвергалась острой критике галицийских партий, не считавших их политически самостоятельными и законно избранными украинскими представителями.

По мере осложнения внутри- и внешнеполитической ситуации в Польше украинское парламентское представительство постепенно покинули радикальные коммунистические, социалистические и националистические движения, а оставшиеся украинские представители ради заключения польско-украинского соглашения были вынуждены пойти на значительные политические уступки. Отказ польской стороны от выполнения условий достигнутого в 1935 г. компромисса, вызванный обострением международной обстановки, фактическим переходом власти в руки военных и ростом радикальных настроений в украинском обществе, привел к политической дискредитации украинского парламентского представительства, то есть умеренных буржуазных националистов Галиции и «угодовцев» Волыни в глазах избирателей, что способствовало популяризации идей радикального национализма.

ЛИТЕРАТУРА

- Швогуляк М. М.* 1993: «Пацификация». Польская репрессивная акция в Галичине 1930 г. и украинское общество. Львов.
- Ajnenkiel A.* 1989: Historia sejmu polskiego. T.2. Cz.2. Warszawa.
- Chojnowski A.* 1979: Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich 1921–1939. Wrocław.
- Матвеев Г. Ф., Федевич К. К.* 1998: Акція навернення українського населення Волині до католицтва в 1937–1938 роках // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип.33, 73–82.

- Matwiejew G. F.* 1999: Akcja «rewindykacji» na Wołyniu w końcu lat 30-ch XX wieku // Przegląd Wschodni. T. V. Zeszyt 4(20), 679–685.
- Mędrzecki W.* 1988: Województwo Wołyńskie 1921–1939. Wrocław.
- Papierzyńska-Turek M.* 1979: Sprawa ukraińska w Drugiej Rzeczypospolitej 1922–1926. Kraków.
- Świtalski K.* 1992: Diariusz 1919–1935. Warszawa.
- Tomczyk R.* 1997: Ukraińskie Zjednoczenie Narodowo-Demokratyczne (UNDO) a wybory parlamentarne w 1928 r. // Biuletyn Południowo-Wschodniego Instytutu Naukowego. Badania ukraińoznawcze. 3, 92–101.
- Torzecki R.* 1989: Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków.

UKRAINIAN PARLIAMENTARY REPRESENTATION IN 1922–1939

S. V. Olkhovskiy

Ukrainian parliamentarians of the very first convocation began to actively defend the interests of national minorities, which caused grave anxiety of Polish political elite who were concerned about the country's integrity and its ethnic character. Almost immediately after they found themselves in determined opposition to national democratic governments, Ukrainian parliamentary clubs began to cherish hopes that the reorganization regime that came to power in 1926 would improve interethnic relations. Gradually improving relations were torpedoed by the events in Galicia in 1932. Polish-Ukrainian agreement of 1935 on normalization was violated by the Polish party, which resulted in reduced influence of legal Ukrainian parties and increased popularity of Ukrainian Nationalist Organization.

Key words: history of Poland, parliament, Galicia, Volhynia, elections, Polish-Ukrainian agreement

© 2014

С. В. Ольховский

УКРАИНА В ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ПИЛСУДСКОГО

В статье прослежена эволюция представлений Ю. Пилсудского о значительной роли Украины для внешней политики Польши, рассмотрено соперничество основных польских политических концепций, по-разному расценивающих оптимальные стратегии развития возрожденного государства. Последовательные попытки польских властей реализовать на польско-советском пограничье федералистскую концепцию столкнулись с противодействием Советской России и Антанты, что вынудило Польшу прекратить поддержку С. Петлюры и привело к разделу спорных территорий между Польшей и РСФСР.

Ключевые слова: Польская республика, федерализм, Ягеллонская концепция, Ю. Пилсудский, польско-украинский союз, Украинская народная республика

Ольховский Сергей Валерьевич — научный сотрудник Института археологии РАН.
E-mail: ptakkon@yandex.ru

Воссозданная после Первой мировой войны Польша встала перед выбором способа обеспечения своей геополитической безопасности и влияния в Европе. Польская историческая традиция в предшествующий период выработала по этому поводу две основных концепции — Пястовскую и Ягеллонскую. Первая стала идейной основой для национальных демократов, предлагавших сделать Польшу мононациональным государством, сотрудничать с Россией и соперничать с Германией. Вторая предусматривала развитие Польши в виде многонационального федеративного государства — наследника традиций польско-литовской Республики Обоих народов и форпоста европейской культуры на востоке Европы. Кризис и падение Первой Речи Посполитой не разочаровали польское общество в федерализме: в середине XIX в. князь Адам Чарторыйский предложил создать федерацию с участием Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и южных славян для обеспечения политической стабильности и польского преобладания в регионе. На патриотической манифестации 1861 г. польская, литовская, волынская и подольская шляхта выступила за возрождение польско-литовской федерации, а участники восстания 1863 г. предложили создать федеративную Республику Трех народов из Польши, Литвы и Русинского княжества.

В конце XIX в. польские социалисты, посчитав ослабление Российской империи необходимым условием воссоздания польской государственности, решили стимулировать пробуждение литовского, украинского и белорусского политического самосознания. Развитие национально-освободительных движений в западных губерниях России, по мнению идеологов Польской социалистической партии (ППС), могло привести к их выходу из империи и появлению новых национальных государств¹. Юзеф Пилсудский, член ЦИК ППС, обогатил партийную программу тезисом об оказании поддержки не только потенциально революционным, но и сепаратистским движениям, а также сформулировал идею добровольной федерации Польши, Литвы, Украины и Белоруссии². В 1901 г. Ю. Пилсудский провел переговоры с лидерами украинских движений Галиции о перспективе совместной борьбы против царизма и предложил помощь в создании независимой и союзной Польше Украины. Федералистские предложения были восприняты с недоверием и не получили поддержки украинцев Галиции из-за межнациональной напряженности, вызванной социальным, политическим и экономическим доминированием местной польской общины³.

Поиски политических союзников для национально-освободительных намерений ППС среди российского социалистического движения также не увенчались успехом: и Российская социал-демократическая рабочая партия, и эсеры разделяли идеи великорусского централизма и не одобрили перспективу независимости западных окраин империи.

Русско-японская война способствовала развитию федералистских намерений Ю. Пилсудского в т.н. прометейском направлении: в 1904 г. он обратился в МИД Японии с предложением оказать помощь сепаратистским движениям на окраинах Российской империи для ослабления ее военного потенциала и возможного

¹ Polskie programy socjalistyczne 1975, 216-260; Molenda 1980, 123.

² Piłsudski 1937, 214-223.

³ Wasilewski 1925, 105.

раскола на национальные государства⁴. Революция 1905 г. привела к обострению отношений между польскими социалистами и национальными демократами: лидер эндеков Р. Дмовский в противовес сторонникам антироссийского восстания выступил за объединение всех этнически польских земель в рамках Российской империи и последующее воссоздание польской государственности путем переговоров и «разумного компромисса» с царской администрацией⁵. Ю. Пилсудский, возглавив ППС-революционную фракцию, в свою очередь полагал, что более перспективный путь для воссоздания независимости Польши — опора на администрацию Австро-Венгрии и участие польских войск в грядущей войне с Россией⁶.

Первая мировая война подтвердила расчеты Ю. Пилсудского: потребность обеспечить лояльность поляков, населяющих оккупированные земли Российской империи, вынудила Центральные державы в ноябре 1916 г. объявить о создании независимого Польского королевства, отложив на будущее определение его границ. Впрочем, с падением Российской империи шанс реализовать свои национально-освободительные намерения получили не только поляки: в июле 1917 г. украинская Центральная рада провозгласила автономию Украины в составе России, а 22 января 1918 г. объявила о создании независимой Украинской народной республики (УНР) во главе с М. Грушевским. Заключение 9 февраля 1918 г. сепаратного мира между УНР и Центральными державами фактически означало признание украинской юрисдикции над землями, на которые претендовало Польское королевство, что привело к подрыву польско-австрийского сотрудничества, отставке правительства Я. Кухажевского и переходу части польского вспомогательного корпуса, сформированного на базе легиона, на сторону Антанты. В ответ австрийское командование заменило на фронте польские добровольческие формирования полками сечевых стрельцов, что обеспечило подходящие условия для подготовки провозглашения украинской государственности в Галиции.

В октябре 1918 г. регентский совет Польского королевства издал манифест о независимости Польши; намерение войти в ее состав выразила и польская община Галиции. Не желая допустить этого, представители украинцев Галиции, Буковины и Закарпатской Руси сформировали во Львове Украинский национальный совет во главе с Е. Петрушевичем, провозгласили Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР) и вступили в затяжные бои с польскими отрядами самообороны, а затем и с армией.

Заключение перемирия Германии с Антантой, предусмотревшего вывод немецких войск с оккупированных территорий, позволило советскому правительству 13 ноября 1918 г. объявить о денонсации Брестского мирного договора и заявить о своих притязаниях на все земли бывшей Российской империи. На следующий день регентский совет Польского королевства передал власть Ю. Пилсудскому, который, приняв посты начальника государства и главнокомандующего Польской армией, известил западные столицы о воссоздании независимой Польши.

Приступая к реализации своей внешнеполитической концепции, Ю. Пилсудский исходил из убеждения, что основной угрозой для независимости Польши является Россия, вне зависимости от формы ее государственного устройства. По-

⁴ Garlicki 1981, 124-132.

⁵ Dmowski 1925, 46.

⁶ Nowak 1995, 243-253.

беда советской власти в гражданской войне означала стабилизацию РСФСР в качестве перманентного «плацдарма мировой революции» и грядущие попытки ее экспорта в Европу, что неизбежно привело бы к польско-советской войне. Победа белого движения сулила восстановление единой империалистической России, не признающей польские претензии на земли к востоку от Буга, и закрепление невыгодного геополитического положения Польши между Россией и Германией. Оптимальным способом формирования стратегического паритета с Россией Ю. Пилсудский считал появление на восточном пограничье независимых Украины, Белоруссии и Литвы, добровольно объединившихся в федерацию во главе с Польшей: «Расчленение России лежит в основе польских государственных интересов на Востоке», «... создание ряда национальных государств на территории Европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы, позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию»⁷.

Федералистские намерения Ю. Пилсудского не встретили поддержки среди основных политических сил Польши: национальные демократы во главе с Р. Дмовским считали главным противником Польши Германию и не желали способствовать чрезмерному ослаблению России путем откола ее западных областей⁸. В противовес федеративной идее эндеки высказались за построение мононационального польского государства, инкорпорацию этнически польских районов и ускоренную ассимиляцию нацменьшинств. Помимо значительного влияния в польском обществе, эндеция фактически контролировала деятельность Польского национального комитета в Париже, признанного Антантой в качестве польского правительства в эмиграции. В этих условиях Ю. Пилсудский пошел на компромисс и уполномочил И. Падеревского и Р. Дмовского представлять Польшу на Парижской мирной конференции, хотя их взгляды на послевоенное устройство польско-российского пограничья в корне не соответствовали его федералистским намерениям⁹.

Сложно складывались отношения и с потенциальными союзниками Польши на востоке: украинцы, белорусы и литовцы самостоятельно провозгласили свои национальные государства, включив в них области, на которые претендовали поляки. В случае УНР предметом территориального спора с Польшей стала Волынь, для ЗУНР — Галиция, для Белорусской народной республики (БНР) и Литвы — Виленщина. Так как Ю. Пилсудский разделял преобладавшие в польском обществе представления о несомненной принадлежности Галиции и Волыни к Польше и не собирался уступать их независимой Украине, одним из первых его решений на посту начальника государства стала концентрация в Галиции всех имевшихся на восточном направлении польских войск для ликвидации ЗУНР. В январе 1919 г., воспользовавшись началом вывода оккупационных войск с Волыни и наступлением РККА на восточные границы УНР, польская армия приступила к ликвидации УНРовской администрации на Волыни. Объединение УНР и ЗУНР, объявленное 22 января 1919 г., не смогло существенно изменить неблагоприятную для украинцев ситуацию, вынудившую их воевать на два фронта: с польскими

⁷ Z dziejów stosunków polsko-radzieckich 1968, 262.

⁸ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich 1961, 139-164; Dmowski 1914, 219.

⁹ Kułakowski 1972, 12.

войсками и РККА. Впрочем, в ходе боев на Волыни Ю. Пилсудский направил делегацию в Киев для переговоров с Директорией УНР о возможности заключения польско-украинского соглашения¹⁰.

Обстановка на польско-советском пограничье, сложившаяся к концу января 1919 г., поставила Ю. Пилсудского перед выбором: остановиться на достигнутых рубежах и предоставить Антанте определение восточной границы Польши либо использовать военный потенциал для проведения на востоке самостоятельной политики, рискуя спровоцировать войну с РСФСР. Начальник государства расценил сложившуюся ситуацию следующим образом: «... В данный момент Польша фактически не имеет границ, и все, что мы можем получить на западе, зависит от Антанты и ее намерений более или менее ущемить Германию. На востоке другое дело: здесь есть двери, которые открываются и закрываются, и зависит, кто и как широко откроет их силой»¹¹.

Перспектива вооруженного конфликта с Советской Россией вызвала в Польше политический кризис: лидеры эмиграции выразили опасения, что не одобренное Антантой наступление грозит поражением и утратой независимости, а также осложнит позицию польской делегации на приближающейся Парижской конференции по вопросу о конфигурации границ Польши. Впрочем, и сами эмигранты разделяли стремление присоединить к государству обширные территории на востоке, о чем свидетельствует разработанный ими проект конфигурации будущей границы Польши, — т.н. линия Дмовского. Однозначно против войны на востоке выступили лишь польские социалисты и коммунисты, развернувшие широкую антивоенную агитацию под лозунгами международной солидарности с Советской Россией.

К февралю 1919 г. Ю. Пилсудскому стало очевидно, что УНР, БНР и Литва не смогут самостоятельно сохранить свою государственность в боях с РККА и это дает Польше возможность вмешаться и предложить сотрудничество на своих условиях. 4 мая 1919 г. в Париже было заключено соглашение об урегулировании отношений Польши и УНР, которое закрепило польско-украинскую границу по Стыри в обмен на оказание помощи С. Петлюре в борьбе с РККА и войсками А. Деникина. Реализация этих намерений была сорвана ввиду протеста Франции, постоянно оказывавшей давление на польскую делегацию в Париже с целью налаживания совместных действий Польши и белого движения против Красной армии. В мае-июле 1919 г. польская армия полностью вытеснила украинские войска из Галиции и ликвидировала администрацию ЗУНР.

Парижская мирная конференция, определяя расстановку сил на востоке Европы, продемонстрировала нежелание Антанты признать за народами бывшей Российской империи право на самоопределение. Державы, сделав исключение только для Польши и Финляндии, высказались за сохранение единства России и рекомендовали Ю. Пилсудскому поддержать белое движение в борьбе с РСФСР¹². Польская делегация во главе с И. Падеревским и Р. Дмовским согласилась с этим мнением и предложила определить Польше такие границы, которые обеспечат ей достаточные возможности для обороны с востока и с запада. 25 июня 1919 г. кон-

¹⁰ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich 1961, 745-747.

¹¹ Baranowski 1990, 58.

¹² Krasowski 1963, 152.

ференция временно передала Галицию под контроль Польши, с условием создания там украинской автономии, что польская сторона так и не выполнила.

Продолжительные переговоры представителей польского правительства с деятелями белого движения не привели к соглашению о совместной борьбе с РСФСР, т.к. основным условием сотрудничества Ю. Пилсудский назвал признание независимости Украины¹³. Более того, когда на фронтах гражданской войны складывалась критическая для РККА ситуация, Польша фактически содействовала Советской России, приостановив свое наступление и тем самым обеспечив Красной армии возможность перегруппировки сил для отражения ударов Вооруженных сил Юга России¹⁴. 1 сентября 1919 г. Польша и УНР подписали перемирие, что дало возможность отступавшим перед превосходящими силами ВСЮР украинским войскам перейти на польскую территорию.

Успехи польского наступления на восток вызвали опасения деятелей белого движения и дипломатов Антанты, не желавших чрезмерного усиления Польши и фактической реализации ее федералистских намерений на украинских и белорусских землях. 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты принял «Декларацию о временной восточной границе Польши» и предложил польскому правительству принять в этом качестве условную линию, отделяющую этнически польские земли от земель, населенных украинцами, белорусами и литовцами. Учитывая благоприятную для Польши ситуацию на польско-советском фронте, Ю. Пилсудский проигнорировал предложение Антанты, не разоружил войска УНР, отказался от предложения советского правительства об определении «разумной границы» и продолжил подготовку к наступлению на Советскую Украину. 21 апреля 1920 г. Польша заключила с С. Петлюрой Варшавский договор (не ратифицированный польским сеймом), означавший признание независимости УНР в обмен на отказ украинцев от территориальных претензий на Галицию, Западную Волинь и Холмщину. Спустя 3 дня была подписана Польско-украинская военная конвенция о совместных действиях против РСФСР¹⁵, результатом которой стало масштабное наступление армий Польши и УНР на Украине. 26 апреля в Житомире Ю. Пилсудский выступил с обращением к украинскому народу, в котором заявил о его праве на независимость и самостоятельный выбор формы государственного устройства.

Успешное польско-украинское наступление увенчалось взятием Киева в начале мая и захватом плацдарма на левобережье Днепра. 17 мая в Виннице на встрече с С. Петлюрой Ю. Пилсудский заявил: «Я буду счастлив, когда не я, слуга своего народа, а представители сеймов Польши и Украины провозгласят заключение соглашения. От имени Польши провозглашаю — да здравствует свободная Украина, суверенная Украина с собственным правительством и конституцией»¹⁶. В ответ и С. Петлюра подчеркнул приверженность идее польско-украинского союза.

Успех контрнаступления Западного фронта РККА в июле 1920 г. поставил польскую армию на грань масштабного поражения. В этой ситуации Ю. Пилсудский согласился признать ранее предложенную Антантой восточную границу Польши в надежде на помощь западных держав в войне с РСФСР. 11 июля министр

¹³ Nowak 1995, 258.

¹⁴ Materski 1994, 60.

¹⁵ Serednicki 1991, 209-213.

¹⁶ Piłsudski 1937, 150.

иностранных дел Великобритании лорд Керзон направил наркому г. В. Чичерину ноту с требованием не пересекать ранее указанную Антантой демаркационную линию и заключить с Польшей перемирие, при этом предложенная им линия разграничения в Галиции оставляла Львов за советской стороной¹⁷. Это требование было проигнорировано советским правительством, и продвижение РККА на запад прекратил лишь прорыв поляками фронта на участке Мозырской группы, после чего польская армия перешла в ответное наступление, не остановилась на линии Керзона и заняла Западную Украину. 12 октября обессиленные Польша и РСФСР заключили перемирие, и польская армия утратила возможность оказать помощь войскам С. Петлюры, еще месяц самостоятельно сражавшимся с РККА¹⁸.

Польско-советские переговоры в Минске в августе 1920 г. продемонстрировали, что РСФСР не признает государственность УНР и не откажется от Левобережной Украины. На этом настаивала и польская делегация, снабженная соответствующей инструкцией Совета обороны государства¹⁹. Единственной возможностью продолжения реализации федералистских замыслов для Ю. Пилсудского оставалось лишь самостоятельное продолжение войны с РСФСР без поддержки западных держав, но этому не способствовали ни внешнеполитическая обстановка (поражение белого движения и готовность Антанты к переговорам с советским правительством), ни противодействие эндеции, потребовавшей ограничиться уже отвоеванными территориями к востоку от линии Керзона и заключить мир с Советской Россией. К январю 1921 г. Ю. Пилсудский пришел к выводу о бесперспективности продолжения борьбы за сохранение УНР и самоустранился от явного участия в переговорном процессе с РСФСР²⁰.

В этой ситуации в польской делегации на переговорах с Советской Россией получили преобладание сторонники эндеции, стремившиеся не допустить повторения попыток федерализации польско-советского пограничья²¹. Фактический руководитель делегации С. Грабский заявил, что государственность Украины является опасной для Польши фикцией, а реальная политика требует скорейшей инкорпорации Галиции и Волыни в состав польского государства и ускоренной национальной ассимиляции местных русинов²².

Разделяя это мнение, большинство участников польской делегации отказались поддержать участие в переговорах представителей УНР, признали полномочия делегации УССР и право РСФСР выступать от имени Белорусской ССР. Таким образом, заключение 18 марта 1921 г. Рижского мира фактически денонсировало союзные соглашения Ю. Пилсудского и С. Петлюры от 1920 г., означало раздел земель УНР между Польшей и Советской Россией и отказ от плана создания блока дружественных государств на восточных рубежах Польши, т.е. фактически привело к реализации не федералистской, а эндековской концепции польского государства²³.

¹⁷ Михутина 1994, 164-165.

¹⁸ Piłsudski 1937, 177.

¹⁹ Матвеев 2014, 170-171.

²⁰ Piłsudski 1937, 166.

²¹ Dąbski 1931, 74-76, 84.

²² Grabski 1924, 2; Wojdyło 1993, 64.

²³ Grabski 1989, 169-174.

Впрочем, уже в апреле 1921 г. II-й отдел польского Генштаба приступил к изучению предложений по активизации сепаратистских движений в Советской России: на смену федералистскому обустройству польско-советского пограничья Ю. Пилсудский выдвинул прометейскую концепцию, нацеленную на поддержку национально-освободительных движений и распад России «по национальным швам»²⁴. Дальнейшим развитием Ягеллонской идеи в изменившихся обстоятельствах стала концепция «Междуморья» — конфедерации Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Венгрии, Румынии, Югославии, Чехословакии и Финляндии, простирающейся от Балтики до Черного моря и не позволяющей Германии и России доминировать в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Матвеев Г. Ф.* 2014: Тактика А. А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире с Польшей в 1920 году // Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. М.
- Мухомина И. В.* 1994: Польско-советская война 1919-1920 гг. М.
- Baranowski W.* 1990: Rozmowy z Piłsudskim, 1916-1931. Warszawa.
- Dąbski J.* 1931: Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy. Warszawa.
- Dmowski R.* 1914: Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa.
- Dmowski R.* 1925: Polityka polska i odbudowanie państwa polskiego. Warszawa.
- Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich.* 1961. T. 2. Warszawa.
- Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich.* 1961. T. 2. Warszawa.
- Garlicki A.* 1981: U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa.
- Garlicki A.* 1989: Józef Piłsudski 1867-1935. Warszawa.
- Grabski S.* 1989: Pamiętniki. T. 2. Warszawa.
- Krasowski J.* 1963: Zagadnienia polskie w polityce Wielkiej Brytanii, Francji i Stanów Zjednoczonych w czasie I wojny światowej // Problem polsko-niemiecki w traktacie wersalskim. Poznań.
- Kulakowski M.* 1972: Roman Dmowski w świetle listów i wspomnień. T. 2. Londyn.
- Materski W.* 1994: Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918-1939. Warszawa.
- Molenda J.* 1980: Piłsudczycy i narodowi demokraci 1908-1918. Warszawa.
- Nowak A.* 1995: Jak rozbić rosyjskie Imperium? Idee polskiej polityki wschodniej 1733-1921. Warszawa.
- Nowak A.* 1995: Jak rozbić rosyjskie Imperium? Idee polskiej polityki wschodniej 1733-1921. Warszawa.
- Piłsudski J.* 1937: Pisma zbiorowe. T. II. Warszawa.
- Piłsudski J.* 1937: Pisma zbiorowe. T. V. Warszawa.
- Piłsudski J.* 1937: Pisma zbiorowe. T. V. Warszawa.
- Piłsudski J.* 1937: Pisma zbiorowe. T. V. Warszawa.
- Serednicki A.* 1991: Polsko-ukraińskie kłopoty sojusznicze // Wojna polsko-sowiecka 1920. Przebieg walk i tło międzynarodowe. Warszawa.
- Wasilewski L.* 1925: Ukraińska sprawa narodowa w jej rozwoju historycznym. Warszawa.
- Wojdyło W.* 1993: Koncepcje społeczno-polityczne Stanisława Grabskiego. Toruń.
- Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały.* 1968. T. III. Warszawa.

²⁴ Garlicki 1989, 214.

UKRAINE IN THE FEDERALIST CONCEPT OF JOZEF PILSUDSKI

S. V. Olkhovskiy

The article traced the evolution of J. Pilsudski' ideas about the role of Ukraine for Poland's foreign policy and the attitude of Polish society to the attempt of federalization of the Polish-Soviet borderlands.

Key words: Second Polish Republic, Jagiellonian concept, federalism, J. Pilsudski, Polish-Ukrainian Union, Ukrainian People's Republic

---

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2014

А. И. Чепель

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

В статье изучаются причины опасных криминальных проявлений — преступлений против личности в шведско-русском приграничье после Столбовского мира. Исследование основано на материалах российских архивов. Автор приходит к выводу, что нападения на людей, проживавших или оказавшихся в приграничье по разным причинам, происходили, в основном, с целью грабежа, сопровождавшегося в случае сопротивления физической расправой. Нападения имели и социальную составляющую, когда крестьяне или дворовые люди умышленно подвергали физическому насилию именно своих бывших хозяев и членов их семей. Круговая порука, бюрократические препоны, необдуманные и корыстные действия представителей приграничных властей препятствовали пресечению преступлений.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, приграничная торговля, перебежчики

Изменение по условиям Столбовского мира 1617 г. линии границы между Швецией и Россией существенно повлияло на жизнь местного населения. Граница отделила от Московского царства значительные территории с проживавшими на них людьми. Оказавшись под властью шведского короля, жители нового порубежья не порвали связей со своими «знакомцами и родимцами», оставшимися по русскую сторону границы. Сохранялись родственные узы¹, дружеские, торговые контакты. Живших по обе стороны рубежа также связывала общность религии: значительная часть разделённых границей людей исповедовала православие².

Процесс становления приграничья занял довольно продолжительное время, что способствовало увеличению трансграничных миграций³, нередко сопровождавшихся криминальными проявлениями, в числе которых имели место и преступления против личности — убийства, увечья, избиения.

Цель настоящей работы — изучить причины разрастания в шведско-русском приграничье после установления новой границы преступлений против лично-

Чепель Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: achepel@mail.ru

¹ Чепель 2011, 231–244.

² Толстиков 2004, 132.

³ Чепель 2009, 29–41.

сти; выяснить, какие препятствия встречали власти обеих стран в борьбе с подобными правонарушениями. Исследование основано на материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН).

Можно сказать, что определённый криминальный пример подали отправленные для проведения линии границы официальные представители обеих сторон — межевальные послы, или судьи. Так, в 1620 г. споры о принадлежности одной из приграничных территорий (Поросозерской волости) едва не вылились в вооружённое столкновение. Русские представители описывали царю положение следующим образом. Пришедшие в свои станы шведские делегаты «велели на задор кнехтам стрелять твоих государевых межевальных послон на станы». Когда же русские выговорили послам шведского короля, что мнение о принадлежности спорных мест шведской стороне зиждется на ложных сведениях, к тому же выбитых из «старожильцев» (местных крестьян, привлечённых для выяснения факта принадлежности земель той или иной административной единице) угрозами или подкупом, представитель шведского посольства вступил с русским коллегой в перебранку и даже обнажил оружие — «вынимал на него корд»⁴. Русские делегаты продолжали настаивать на своей правоте, стрельцы высадились на берегу озера, но подверглись нападению шведского отряда. В результате стычки несколько стрельцов были ранены. Съезд перенесли на воды спорного озера, где обе делегации, сидя в лодках, переговаривались посредством угроз. Шведы говорили, что если русские углубятся в Поросозерскую волость, то тут же будут атакованы⁵.

Убийства вообще были довольно редки, но случались убийства резонансные. В 1617 г. новгородец сын боярский Иван Неелов, приехав по делам на шведскую территорию, «во брани за свое бесчестье» убил соотечественника Ваську Семенова, сбежавшего ранее в шведские пределы — вероятно, из-за какой-то ссоры с отцом. Шведские власти схватили убийцу и «на рубеже казнили <...> позорным обычаем, отсекли у него наперед руки и ноги, а потом отсекли голову. И казнив, покинули тело его на рубеже». Такое самоуправство вызвало негодование русской стороны: «Казнить сына боярского за изменника, который перебежал с царской стороны, за худово человека, не довелось», да и в договорах не указано, что позволительно казнить подданных соседнего государства, а написано, что все ссоры, возникающие в приграничных землях, следует решать представителям приграничных властей Швеции и России, а «большие дела, которые они не могут рассудить — тому до посольского съезда отсрочену быть»⁶. В данном случае шведские власти в нарушение межгосударственных соглашений расправились с подданным соседнего государства, и такие действия есть все основания приравнять к убийству.

Не прибавляли авторитета приграничным властям и случаи фактического пособничества преступникам. Так, в 1617 г. бобыль Печёрского монастыря Прошка Лапотников, ездивший с товаром в шведские земли, был там ограблен и убит. Глава шведской приграничной администрации — «державец» — отыскал убийцу, но

⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620 г. Д. 1. Л. 195–197.

⁵ Жуков 2000, 34.

⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 46–47.

«для своей корысти отпустил», выдав русским только «убитую голову», а себе оставив украденное имущество⁷.

После подписания мирного договора шведско-русские отношения развивались не гладко, но всё же Стокгольм и Москва стали искать пути к военно-политическому союзу против общего врага — Речи Посполитой, а также налаживать торгово-экономические отношения, поэтому обмен дипломатическими представителями активизировался. Казалось бы, посланникам и гонцам должна была быть обеспечена полная безопасность на территории соседа. После русско-шведской войны 1656–1658 гг. страны стремились поскорее вновь наладить мирные контакты, и дипломаты потянулись через рубеж. В 1659 г. шведский дипломатический представитель оказался в щепетильной ситуации, когда на русской территории по недосмотру царских приграничных воевод ему не выделили провожатых, в результате «он со своими людьми по деревням плутал», и местные жители «хотели его убить за то, что он без провожатых ездит»⁸. В том же году глава другого шведского посольства попал в подобную ситуацию. Выделенный ему русский пристав, вместо того чтобы поскорее доставить везущего королевскую грамоту дипломата к месту назначения, стал подолгу задерживаться «по своим друзьям и родимцам», а посла оставлял без охраны, придерживая стрельцов при себе. А швед тем временем «с своими людьми по дороге плутал, не ведаючи куда ехать. И боялся того, чтобы по дороге шиши и лихие люди» его не побили. Видимо, из опаски выбирая глухие места, шведский посол забрёл в болото, где едва «совсем не потонул», всё своё имущество попортил и чудом только «королевскую грамоту и зберёг»⁹. Незавидно было положение иностранных представителей, оказавшихся фактически один на один с местными жителями, с большим недоверием относившимися к заезжим чужакам.

Другая область приграничного напряжения возникла в отношениях между местными жителями, в массе своей земледельцами, оказавшимися по разные стороны рубежа. Нечёткость обозначения линии границы на местности провоцировала сельское население увеличивать площадь обрабатываемой земли дополнительными «прирезками» путём перенесения приграничных знаков (зарубок на деревьях, засыпанных углём ям, камней с высеченными на них государственными символами), и на этой почве вызревали острые конфликты. Так, когда в 1617 г. шведские подданные, «латыши» (так в русских документах именовали соседние народы, исповедовавшие лютеранство), в русских пределах на реке Плюсе «высекли дров на 300 сажень», русские крестьяне Гдовского уезда «учали им о том насильстве говорить, что они, крадучи, на царской стороне сено свозят и, в судах приезжая, траву косят и живот кормят, и те зарубежские латыши за то им угрожают смертным убойством»¹⁰.

Близость рубежа создавала благоприятную почву для ухода крестьян от своих помещиков — например, из-за каких либо конфликтов, а чаще — с целью укрыться в соседнем государстве с награбленным: дворовые люди и крестьяне, уходившие за рубеж от своих господ, почти всегда прихватывали с собой хозяйское до-

⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 80.

⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 803. Л. 2.

⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 66–67.

бро¹¹. О своего рода традиции при уходе за рубеж уносить с собой имущество покинутых хозяев говорит следующий эпизод. В 1622 г. отправленные русским землевладельцем на лесозаготовки дворовые люди Савка, Ромашка и Онашка устремились вместо этого к границе. Оказавшись напротив хозяйского поместья, беглецы вдруг решили несколько задержаться, чтобы «в поместье лошадей грабяти», и лишь после этого, «пограбя лошади, ехати бы с лошадьми за рубеж в Орешек», в шведские земли. По дороге между ними разгорелся конфликт: Ромашка наотрез отказался уходить за рубеж. Тогда двое других, очевидно, опасаясь, что их товарищ может навести на след, Ромашку «связали и связав вели за собой вёрст сорок». Можно предположить, что по пути Ромашка сумел убедить беглецов, что согласен уйти с ними, они его развязали, и, улучив удобный момент, Ромашка, «ухватя топор», расправился с Савкой и Онашкой. Затем убийца вернулся с повинной к своему хозяину¹².

Обосновавшиеся за рубежом беглецы, хорошо зная расположение имущества бывших хозяев, зачастую приходили грабить из-за границы именно поместья своих прежних господ: зная, что и где брать, они могли грабить быстро и успешно избегали поимки и наказания благодаря возможности укрыться за границей, в новых местах своего обитания. Нередко хозяйское добро увозили за рубеж с целью его распродажи. Так, в 1620 г. от русских порубежных помещиков Богдана Самарина и Ивана Лугвенева в шведские владения сбежали дворовые люди, прихватив с собой хозяйское имущество, среди которого было судно. Вскоре помещики узнали, что беглецы «ехали в судне до Ямского уезда, и в Ямском уезде те беглые люди продавали тот сносный живот и судно»¹³.

Очень часто среди похищенного встречаются животные, особенно лошади. Широкое распространение конокрадства в приграничье легко объяснимо. Во-первых, лошадь использовалась для транспортировки украденного. Об этой функции украденных лошадей говорит жалоба русских властей на шведских подданных, «латышей», которые с «краденными лошадьми переходя» приходят в русские земли «для воровства»¹⁴. Во-вторых, широкому размаху конокрадства способствовал большой спрос на краденых лошадей¹⁵, и часто за рубежом животных укрывал до времени сообщник¹⁶. Более того, не имея в соседнем государстве сообщников и действуя в одиночку, преступник сильно рисковал, оказавшись среди подданных другой державы. Так, бежавший в 1661 г. с русской стороны с хозяйскими лошадьми крестьянин был убит на шведской территории местными жителями. Подчас обосновавшиеся за рубежом люди, создав сплочённые банды, превращали грабежи имущества своих бывших хозяев в своеобразный промысел. Так, из грамоты новгородского воеводы узнаём, что в 1662 г. беглые дворовые люди русского помещика, укрепившись на шведской территории, «переходя в русскую сторону, у своего прежнего хозяина лошадей крадут и многие шкоты чинят»¹⁷.

¹¹ Селин 2008, 677; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 722. Л. 1; Д. 738. Л. 1; Д. 739. Л. 1; Д. 740. Л. 1; Д. 926. Л. 1.

¹² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 94. Л. 2; Д. 801. Л. 1.

¹³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 739. Л. 1.

¹⁴ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 575. Л. 6.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 286–300.

¹⁷ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.–14, 59 об., 78.

Вероятно, часто определённую роль играло желание беглецов навредить именно своему бывшему господину, отомстить ему за прежние обиды. В 1627 г. зафиксирован характерный случай бегства в шведские пределы крепостных холопов Богдана Григорьевича Оболянинова. «Заворовав», сбежали «Васька Филиппов с женою Степаниткою Ларионовою дочерью, да с сыном Прошкою, да Васька Ондреев». Оболянинов жаловался властям, что беглецы «женишко мое, и сынишко и дочеришко, мучили до полусмерти и мучив заперли в клетки»¹⁸. Сходным образом поступили беглые дворовые люди и крестьяне другого русского помещика: они приходили из-под Ругодива в деревню, где жил покинутый ими хозяин, «и хотели его и жену его убить и деревню выжечь»¹⁹. Действительно, бывало, что дело едва не завершалось убийством. Иногда мстили за реальные обиды, нанесённые прежним хозяином. В 1629 г. из Водской пятины, от боярского сына Богдана Водоского в шведские пределы сбежали крестьяне. «В ночи приходили из-за рубежа к нему в Усадище те его крестьяне со многими людьми розбоем. И его, Богдана, кололи в руку рогатиною. И он от них утек ранен. А жену его мучили». Следствие показало, что эти крестьяне были перебежчиками — «целовав крест» шведскому королю, затем они перешли в русские пределы и осели у того самого Богдана. Когда у крестьян в очередной раз возникло устремление уйти, боярский сын «задержал их у себя неволею»; жену и братьев одного из крестьян, Ивашки Овсеева, хозяин заковал «в железа», а отца его «убил до смерти». Тогда-то Иван Овсеев с сыном сбежал в шведские земли. Там, вероятно, он организовал «незнаемых людей», и эта банда приходила к Богдану Водоскому с ночным разбоем²⁰.

Расследование убийств становилось проблемой, особенно когда жертвой были «зарубежные люди»: такие дела нередко доходили до центральных правительств, грозя ухудшить дипломатические отношения государств. В 1630 г. новгородский воевода докладывал в Москву. На русскую заставу в Тесово пришли «зарубежные мужики» и рассказали, что царские подданные приходили во владения шведского короля, украли лошадей и другое имущество, а также убили двух «латышей». Предварительное следствие выявило предполагаемых соучастников преступления. Ими оказались двое русских подданных — Прошка Мельничник и Харка, а также подданный шведского короля, «латыш» из Ингерманландии, Гаврилко Еустратьев, приставший к ним по дороге. На этот раз конокрадство обернулось убийством «латышей» и об этом случае стало известно даже шведскому королю, который требовал докладывать ему о ходе следствия. Дело приняло опасный поворот, и все трое принялись обвинять друг друга. Один из предполагаемых преступников, Прошка Мельничник (именно на него указали жалобщики), пытался обвинить в организации конокрадства Филиппа Лугвенева — хозяина, у которого Прошка строил мельницу. Якобы Филипп, систематически отправлявший своих дворовых людей за рубеж с целью конокрадства, говорил Прошке «и не одинова, чтоб он с человеком его с Харкою ходил в зарубежные деревни лошадей красть». За отказ Лугвенева якобы Прошку бил, грозясь «убить до смерти», и Мельничник, опасаясь за свою жизнь, вынужден был оставить работу. Вскоре к Прошке, очевидно, оставшемуся без средств к существованию, обратился упомянутый Харка,

¹⁸ Селин 2008, 678.

¹⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 37. Л. 151 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1629 г. Д. 1. Л. 65–66, 70.

в очередной раз отправленный Филиппом Лугвеневым за рубеж для кражи лошадей, с предложением пойти с ним в шведские владения: «там де промыслим себе по лошади»; на этот раз Прошка «с ним за рубеж пошел»; встретившийся по дороге Гаврилко присоединился к ним; вместе они крали лошадей, и Харка по окончании дела пришёл «в крови», хотя, кто убил «латышей», Прошка «не видел и Харку не расспрашивал»²¹. Таков был рассказ Прошки Мельничника. Шведский подданный Гаврилко поначалу сказал, что вовсе не ходил красть коней, а лишь встретил конокрадов «на мосту, идущими с лошадьми в царскую сторону»; затем изменил показания, утверждая, что натолкнувшиеся на него Прошка и Харка, «изымав его, связали и повели с собою», а после завершения предприятия «привели его к вере, што про них тово никому не сказать, что они за рубежом были», и Гаврилко «побитых латышей не видел, сидел связан в лесу»; вначале дал неверные показания потому, что отвечал «исторопясь, по руски говорить мало умеет, и рассказать подлинно не умел». Так представил дело шведский подданный Гаврилко Еустратьев. Филипп Лугвенева отрицал свою организаторскую роль в этом преступлении, приведшем к трагической развязке и громкому международному резонансу, а на обвинения по поводу систематического приёма из-за шведского рубежа краденых лошадей, приводимых его дворовыми людьми, заявил, что его человек Яшка недавно был отпущен «за рубеж к отцу <...> побыл там с неделю, да опять пришел к нему и привел кобылу, и сказал, что ту буру кобылу дал ему отец». Прошку и Харку пытали, но показания они не изменили. Так как виновники резонансного убийства так и не определились, «хотели их еще пытать. И они повинились, а сказали, побили де тех латышей они. А пошли де было за рубеж к племени своему, Прошка к сестре, а Харка к брату»; на грабёж их подбил якобы именно Гаврилко, указавший конкретное селение, «а они до того про тех латышей не ведали»²².

Обстоятельства рассмотренного дела вскрывают важные обстоятельства, мешавшие властям, несмотря на контроль над ходом следствия со стороны самого короля, в короткие сроки добиться выявления виновных. Несмотря на попытку участника этой своего рода «международной трансграничной банды» Гаврилко, «латыша» из Ингерманландии, убедить следователей в плохом знании русского языка, рассмотренный случай показывает, что этнические и религиозные различия не служили непреодолимым препятствием к трансграничному общению. Разделение многих семей после 1617 г. линией границы могло использоваться преступниками как оправдание своего нелегального нахождения на территории соседнего государства тягой к родственному общению, избегая при этом обвинения в худших намерениях — в шпионаже, грабежах и т.д. Действенным способом добиться признания в совершении преступления могло быть применение пыток, но к иностранным подданным эта мера была неприменима. По этой причине ведущие следствие русские воеводы «пытать Гаврилку не велели, потому что он человек зарубежный»²³.

Наказанию виновных мешало и то обстоятельство, что организованный властями розыск наталкивался на круговую поруку или страх подвергнуться мести со

²¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 3–10.

²² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 10–24.

²³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 25.

стороны преступников. Когда у шведского подданного в 1661 г. украли лошадей, он снарядил за ними погоню. На русской стороне след привёл к мужику, который сказал «погонщикам»: «Ведаю где ваши лошади, да не смею сказать». Мужик указал только примерное направление поисков. Заставной голова этого района по требованию «погонщиков» посылал «около себя про тех лошадей сыскивать и сыскать не мог», а потому потребовал мужика этого для разъяснений. Но «тот мужик стал силен и к нему не пошел»²⁴ — очевидно, опасаясь доносить на конокрадов открыто. Действительно, нередко конокрады действовали очень агрессивно: «Приходили в царскую сторону латыши, взяли лошадей и всякий запас, а по иным крестьянам стреляли»; украли «латыши» пять лошадей, и на поле двух пастухов «те воры били до умертвия»²⁵.

Попытка выдать преступника властям зачастую приводила к очень тяжёлым последствиям для людей, пытавшихся восстановить справедливость и наказать виновных. Некий Крестилко, шведский подданный, привёл под Новгород «немецкую лошадь серу». Местный сын боярский Обросим Степанов сын Кузминский «сведал <...> что у Крестилко та лошадь краденая, и он его поймал и хотел вести в Новгород», но конокрад «от него ушел за рубеж, и, собрався с ворами же, с дядьями своими <...> и с иными ворами, с ружьем, с пищальми и з бердыши, и ходили на него, Обросима, розбоем <...> двор его Обросимов и крестьянские дворы <...> зажигали, и в двух деревнях дворы и житницы с хлебом выжгли без остатку. И от того их зажигу крестьянин его Ермолка да крестьянка его с дочерью сгорели. И приходили на него, Обросима, многижда розбоем, чтоб его, Обросима, убить <...>. И видя его разоренье, зарубежские крестьяне <...> по рубежу на царской стороне пожни его косили и лесовые угодыя запустошили»²⁶.

Банды разбойников сильно осложняли отношения приграничных властей обеих стран. В конце августа 1620 г. воевода Новгорода отослал в Москву, в Посольский приказ, донесение о банде Ивана Горбуна из Кексгольмского лена, проявивших себя в Олонце и в Заонежских погостах. Из донесения следует, что разбойники эти являлись карельскими беженцами, которые в России мыкались по разным монастырским вотчинам, так как никто за них не поручался перед властями. Купив судно, они занялись торговлей на Свири. Потом, курсируя по рекам и озёрам от Олонца до Южного Прионежья, Горбун с товарищами стал совершать преступления — «грабить и воровать». Их банда в составе пяти человек выдавала себя за торговцев «ис Корелщины». В мае 1620 г. они совершили на судне поход в шведские владения, в Кексгольмский лен, где напали на деревню Гухтотерву, сожгли её, убили трёх крестьян, надругались над их жёнами и детьми и с награбленным возвратились в Заонежские погосты. С самого начала дело осложнилось тем, что шведский комендант Кексгольма открыто пригрозил олончанам вторжением своих солдат для ответного грабежа в возмещение ущерба. Русские власти отправили для сыска в Заонежские погосты следователя новгородца Петра Хомутова с подьячим Михаилом Кудрявцевым. В царской грамоте приказывалось помогать следствию, участвовать в возврате награбленного и в поимке преступников. В случае нерадения грозили «великой опалой и казнью» и возмещением ущерба по-

²⁴ НИА СПб И РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об–14 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 44. Л. 6–14 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 125–127.

страдавшим шведским подданным за счёт тех, кто не слишком активно помогал следствию. Розыск дал результаты: узнавший о ходе расследования комендант Кексгольма отказался от вторжения в Олонец, и в конце концов члены банды, а затем и сам Иван Горбун были пойманы²⁷.

Активная приграничная торговля также оказывала большое влияние на рост преступности. У торговцев, как правило, было чем поживиться. Так, в 1623 г. на русской территории были убиты шведские подданные — «зарубежный торговый человек» Иван Тёткин и его сын. Следствие, проведённое русскими властями, не дало результата. Опрашиваемые местные жители отвечали сходным образом: ничего об убийстве не слышали²⁸, вероятно, опасаясь доносить на возможных преступников.

Таким образом, шведско-русское приграничье, долгое время после подписания Столбовского мира находившееся в процессе становления, стало территорией, способствовавшей разрастанию криминальных проявлений, в числе которых не последнее место занимали преступления против личности. Зачастую официальные представители обеих стран подавали дурной пример, провоцируя вооружённые столкновения в ходе решения приграничных споров. Казни иностранных подданных по распоряжению властей другого государства ещё более накаляли обстановку в приграничье, т.к., согласно мирным соглашениям, такие коллизии следовало разрешать путём переговоров, а подданных соседнего государя недопустимо было не только казнить, но даже пытаться.

Близость рубежа предоставила порубежным жителям возможность наносить ущерб своим бывшим соотечественникам. Особенно следует выделить социальную составляющую этой проблемы — готовность перешедших за рубеж крестьян грабить имущество именно своих бывших хозяев. Обстановка неприязни, сопровождавшая такие преступления, нередко приводила к членовредительству, вплоть до убийства.

Разрастанию преступлений способствовал и спрос на краденое имущество среди жителей приграничья. Расследованию преступлений зачастую мешали бюрократические препоны, круговая порука местного населения, а также страх пострадать от преступников, на которых бы поступил донос.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков А. Ю. 2000: Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории / О. П. Илюха (ред.). Петрозаводск, 31–36.

Жуков А. Ю. 2003: Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород.

Селин А. А. 2008: Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.

Толстиков А. В. 2004: Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации: Соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 132–134.

²⁷ Жуков 2003, 81–83.

²⁸ НИА СПб И РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 34. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 36. Л. 1; Д. 37. Л. 1; Д. 38. Л. 1; Д. 39. Л. 1.

Чепель А. И. 2009: Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: От Столбовского до Кардисского мира (по материалам архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук) // ПИФК. 4, 29–41.

Чепель А. И. 2011: «Был без проезжей и хотел своих детей навестить»: Проблема разделения семей в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 35, 231–244.

OFFENCE AGAINST THE PERSON IN SWEDISH-RUSSIAN BORDER AREA AFTER THE TREATY OF STOLBOVO

A. I. Chepel

The paper is a study of reasons for dangerous display of offence against the person in Swedish-Russian border area after the Treaty of Stolbovo. The study is based on Russian archives material. The author concludes that attacks against people in the border area were for the most part mugging which sometimes ended in violence. The attacks assumed social character too when peasants and house-serfs physically abused their former masters and their family members. Mutual protection, red tape, rash and mercenary operations of border area authorities hampered crime suppression.

Key words: Swedish-Russian border area, the Treaty of Stolbovo, border area trade, defectors

---

© 2014

Н. Н. Макарова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЧУВСТВ ЭПОХИ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)

В статье рассматриваются духовные переживания и спектр чувств жителей нового промышленного города в 1930-е гг. Опираясь на источники личного происхождения, автор приходит к выводу о том, что магнитогорцев волновала не только судьба металлургического завода, как это преподносила советская пропаганда, но в большей степени собственные мысли, переживания, заботы. Эмоции и чувства во многом зависели от условий, создаваемых для горожан в быту и в труде. Эго-источники, отражающие духовный мир людей, свидетельствуют о том, что человек постоянно испытывал потребность в многообразии чувств.

Ключевые слова: история повседневности, история эмоций, индустриализация, Магнитогорск

Личные переживания человека и его частная жизнь до недавнего времени считались главным объектом интереса писателей и художников, призванных опи-

---

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г. И. Носова». E-mail: makarovanadia@mail.ru

сывать лирические сюжеты, а не историков, профессиональные интересы которых заключались в объяснении социальных процессов и явлений¹. В этой связи чувства, переживания и мечты строителей «светлого будущего» — ударников и стахановцев, добровольцев, спецпереселенцев и заключенных, мужчин, женщин и детей — всех тех, кого советская пропаганда обозначала категорией «строителей социализма» и преподносила их чувства и мечты в сугубо торжественно-героическом дискурсе, оставались за рамками исследований историков.

О Магнитогорске в годы первых сталинских пятилеток был создан миф, который в большинстве своих тезисов сохраняется до настоящего времени. Магнитогорск представлялся советскими писателями и публицистами исключительно как город-мечта, где люди неустанно трудятся, социально-бытовые условия идеальны, а жизнь прекрасна. Картину ударного всепоглощающего труда, жертвенности и энтузиазма, преодоления и трудового героизма, игнорирования магнитогорцами всяких бытовых трудностей рисовала фото- и кинохроника². Если литература, кинематограф, фотохроника и обращались к миру чувств магнитогорцев, то единственно возможными чувствами горожан выступали любовь к Родине, своему городу, труду, ненависть к вредителям, летунам, тунеядцам и проч.

В условиях новостройки «личная жизнь как выражение индивидуальных чувственных переживаний не прекращалась, неизбежно «встраиваясь» в новый формат существования»³. Жизнь в новом городе, где бытовые условия в течение первых сталинских пятилеток оставались крайне сложными, вплоть до 1935 г. существовал латентный голод, а дефицит процветал все десятилетие, обостряла чувства людей. Большинству магнитогорцев — молодым людям, оторванным от семьи, привычного быта и окружения, в условиях тяжелого физического труда требовалось переживать «обычные» чувства.

В условиях «антропологического поворота», начавшегося в конце 1980-х гг., все чаще внимание историков привлекают сюжеты, связанные с внутренним миром конкретных людей. В этой связи историки начали обращаться к источникам личного происхождения, ведущую роль среди которых играют дневники, воспоминания и письма. В данной статье предпринимается попытка изучить духовный мир магнитогорцев, живущих и работающих в строящемся городе, а значит понять какие чувства и эмоции они переживали.

Воспоминания играют особую роль в конструировании поля истории повседневности, однако, важно учитывать контекст написания и опубликования данного вида источников. Так, воспоминания о Магнитогорске представлены в данной статье как неопубликованными материалами из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованными мемуарами. Кроме того, особое значение в исследовании принадлежит письмам, исходящим от людей разных социальных и профессиональных групп. Именно в этом виде эго-источников наиболее ярко отражен спектр чувств и переживаний.

Мемуары участников строительства города и лиц, в разное время посетивших Магнитогорск объединяет тенденция героики в изложении материала, пафоса строительства Metallургического завода. В них практически не говорится

¹ Кринко, Тажикина 2009, 168.

² Макаров 2011, 113–125

³ Кринко, Тажикина 2009, 168.

о трудностях и бытовых проблемах, имевших место на строительстве города, а тем более в стороне остаются чувства и переживания авторов. Так, воспоминания участников строительства, изданные в 1930–1970-е гг. часто копируют сюжеты и чувства участников строительства Магнитогорска. Лейтмотивом мемуаров подобного рода в отношении чувственных переживаний стали слова С. Петренко, участницы строительства города весной 1931 г.: «Мы, как и все комсомольцы, будем говорить *любовно* (здесь и далее курсив — *Н. М.*): «Наша Магнитка», включая в это понятие стройку первенца первой пятилетки — Магнитогорского металлургического комбината!»⁴. Чувства долга, ответственности, взаимопомощи и, конечно, энтузиазм, выступали наиболее важными в мире чувств магнитогорцев в первые пятилетки. Следуя за воспоминаниями первостроителей, можно понять, что только «*страстная увлеченность работой, высокое понимание комсомольского долга*»⁵ волновали молодежь Магнитки. Если среди строителей и находились такие, кто не желал работать, был недоволен жильем, питанием и работой, то их было, во-первых, крайне мало, во-вторых, многих убеждали в необходимости выполнить свой *долг*: «Редко от кого можно было услышать слово жалобы на трудные условия. Были, конечно, такие. Они, обычно, долго не задерживались, уходили со стройки. Да их особо и не старались держать. Магнитострою нужны были люди выносливые, не боящиеся трудностей, способные выдержать все...»⁶. Ударники и стахановцы Магнитостроя были *одержимы* работой, *целеустремлены и сосредоточены* на результате. Все рабочие *уважали и ценили* своих бригадиров и десятников. С. Петренко вспоминала о том, как «Людмила Волнистова⁷ как-то сразу завоевала *уважение и любовь* коллектива..., что порою *забавно* было видеть, как маленькая девушка в телогрейке, с детским лицом, стоит около бригадира Васи Спасова — огромного парня..., а он, переминаясь с ноги на ногу, кивает ей!»⁸. Естественно, что «прорабы опирались на коллектив, в котором каждый рабочий чувствовал себя *ответственным* за общее дело...». «*Уважение и доверие* к коллективу...»⁹ оказывались основополагающими чувствами во взаимоотношениях на строительстве. *Энтузиазм* сопровождал строительство Магнитогорска на протяжении многих лет. В большинстве мемуаров об энтузиазме говорится вполне обыденно.

Тяжелый труд, сложные бытовые условия, однако, не являлись секретом и в эпоху советской пропаганды. Хотя, значительная часть сложностей не освещалась в средствах массовой информации. Если и возникали сюжеты критикующие действительность Магнитогорска, то они были направлены против реальных и мнимых врагов строительства. Вспоминал о вредительстве мастер стройуправления №5 Е. Смертин: «Враги нам хотели помешать. Да только не вышло у них ничего... Мы *упорно* добивались выполнения великих задач»¹⁰. Несомненно, важным было чувство *радости* от результатов проделанной большой и сложной работы. Среди всех доступных нам текстов воспоминаний первостроителей нет ни

⁴ Петренко 1978, 196.

⁵ Петренко 1978, 197.

⁶ Смертин 1959, 75.

⁷ Людмила Волнистова — прораб отдела коммутации электростанции Магнитогорска.

⁸ Петренко 1978, 201.

⁹ Петренко 1978, 199.

¹⁰ Смертин 1959, 79.

одного, где бы не озвучили тезис о радостном моменте пуска домны: «31 января 1932 г. первая доменная печь была задута. А 1 февраля тысячи строителей собрались у доменной печи, чтобы своими глазами увидеть первый магнитогорский чугунок. Над заводом запыляло зарево первой плавки. И чугунок пошел. Велика была радость строителей!»¹¹. Чувство *гордости* сопровождало, судя по текстам мемуарных источников, всех участников грандиозного строительства: «Мне довелось участвовать в строительстве большинства доменных печей, кокковых батарей ... и я горжусь этим!»¹²; «Наша Магнитка» — с *гордостью* произносят те, кто по призыву партии коммунистов участвовал в сооружении гиганта индустрии. К их числу отношусь и я...»¹³.

Однако среди пафоса чувств, описанных выше, в мемуарных источниках изредка встречаются указания на «обычные» чувства героев строительства города и завода. Среди них блаженство, «когда снимаешь тяжелую обувь и одежду и ложишься в кровать после 48-часового рабочего дня», радость «видеть родные лица»¹⁴. Неопубликованные в советское время, или даже по сей день, мемуары ярче указывают на недостатки и просчеты в организации быта первостроителей, чаще обращаются к миру чувств человека. Особо следует отметить мемуары американца Джона Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»¹⁵. Автор работал на различных участках Магнитостроя, жил вместе с рабочими и инженерно-техническими кадрами, учился в Магнитогорском комвузе. Особая ценность этой книги состоит в том, что Дж. Скотт повествует не только о триумфах строительства, указывает на крайне тяжелую жизнь рабочих, спецпереселенцев, заключенных, иностранцев, привилегии номенклатурных работников, но и вспоминает о чувствах, сопровождавших его в Магнитогорске. Живой интерес американца вызывало буквально все: традиции и культура, праздники и быт, способы самолечения, формы преподавания и т.д. Удивлялся Дж. Скотт вполне обыденным по меркам Магнитостроя вещам. Так, например, удивительным открытием для него стала очередь к зубному врачу, отсутствие теплой одежды у соседа по комнате и проч. Видимо, одним из самых важных чувств, которые пережил американец в Магнитогорске, стала любовь к русской девушке Марии Дикаревой, которая впоследствии стала его женой. Сама возможность заключения брака с иностранцем стала легитимной в условиях Магнитогорска, где работали иностранные специалисты.

Значительный объем информации, собранной редакцией «История фабрик и заводов» в 1935–1936 гг. сохранился в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства и городских музеях. Это воспоминания первостроителей, стахановцев и ударников, неопубликованные рукописи писателей, задействованных в создании «Истории Магнитостроя», а также воспоминания очевидцев строительства металлургического завода и города, собранные писателем Э.Г. Казакевичем, побывавшем в Магнитогорске в конце 1950-х гг. и зафиксировавшем воспоминания и пережи-

¹¹ Смертин 1959, 79.

¹² Смертин 1959, 79.

¹³ Джапаридзе 1959, 82.

¹⁴ Петренко 1978, 196.

¹⁵ Скотт 1991.

вания горожан. Описания жизни магнитогорцев начала 1930-х гг. сохранилось в неопубликованных рукописях, записных книжках и блокнотах журналистов и писателей, посещавших Магнитогорск в начале 1930-х гг. Что особенно важно, в записях, сделанных В. Полонским, И. Штоком и А. Роммом, отражены не только трудовые подвиги и достижения магнитогорцев, но и аварии, неразбериха, отсутствие нормальных бытовых условий — все то, что официальная документация фиксирует в «сухих» цифрах. Следует отметить, что фонд «Истории фабрик и заводов», созданный в значительной степени из материалов воспоминаний магнитогорцев о первых годах строительства города и завода, мог быть значительно более ярким в отношении фактов проявления чувств и эмоций, однако участникам опросов неоднократно вменялось в вину то, что они часто говорят о ерунде, а именно о страхах, обидах, радости, любви и т.д. Чувство страха сопровождало горожан на протяжении многих лет. Поводом к его возникновению могли выступать плохо освещенные улицы, отсутствие дорог, значительное число краж в городе, возможный голод, аварии на производстве и строительстве и т.д. Воспоминания монтажников кауперов домен свидетельствуют о том, что многие рабочие отказывались «лезть в каупера, мотивируя тем, что здесь у них семьи, что их жизнь здесь ничего не стоит...»¹⁶. Многие рабочие упоминали отчаяние, которое порождало алкоголизм, толкало на кражи и иные преступления¹⁷.

Письма в истории эмоций, как отмечалось выше, играют значимую роль, т.к. отражают непосредственную реакцию человека на события и одновременно фиксируют мир чувственных переживаний. Письма В.Ф. Берсенева¹⁸ своему сыну Руфу, друзьям и родственникам отличаются в значительной мере хорошим слогом, ясностью изложения, особым художественным стилем. Естественно, что здесь особое значение играет уровень образования автора писем. Несмотря на то, что семья Краузе-Берсенвых по меркам 1930-х гг. и в условиях Магнитостроя жила довольно обеспеченно, значительная доля переживаний матери была связана с бытом и здоровьем своих домочадцев. В каждом письме В.Ф. Берсенева переживает о здоровье родных и близких ей людей, уточняла, нет ли необходимости выслать денег, одежду, продукты и прочие предметы быта. Чувство страха возникает в текстах письмах довольно часто. В письме от 9 марта 1933 г. В.Ф. Берсенева писала: «Материально нам живётся теперь несравненно хуже, чем прежде. Продовольственный кризис проник даже в наши «Берёзки». Кормят нас уже плохо и дорого. Наших денег едва хватает, чтобы кое-как держаться... Я часто думаю о надвигающемся голоде и очень его боюсь. Как переживать голод с детьми? Уже нет того запаса сил, той сопротивляемости, которая была в

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 362. Л. 10.

¹⁸ Берсенева В. Ф. родилась в 1897 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Получила блестящее образование сначала в Выборгском восьмилетнем коммерческом училище, затем во Франции (1912–1914 гг.), потом на Бестужевских Высших женских курсах в Петербурге и в педагогическом институте в Москве. Знала несколько языков. Была замужем за И. Н. Хлодовским (1904 — 1951), студентом-математиком, позднее профессором Московского химико-технологического университета им. Д.И.Менделеева. В 1920-е гг. В. Ф. Берсенева работала педагогом-воспитателем в подмосковном санаторном отделении Дома охраны младенчества и детства (Институт Педиатрии АН СССР). В 1928 г. В. Ф. Берсенева вышла замуж за детского врача Ф. О. Краузе. В 1931 г. семья переехала в Магнитогорск.

молодости»¹⁹. Во второй половине 1930-х гг. снабжение значительно улучшилась за счет преодоления острой фазы голода в стране в целом и налаживании поставок продуктов и иных товаров в город. Однако во многих письмах своему сыну Руфу, который с 1937 г. учился в Москве, В. Ф. Берсенева просила выслать чай, сахар, указывала на сложности содержания большой семьи, постоянно говорила о необходимости экономить, откладывать деньги на отпуск, на рояль, на покупку одежды. В течение 1937 г. В. Ф. Берсенева нигде не могла достать зимнее пальто. В результате она сшила дочери шубу из старой ткани: «Ты можешь себе представить: мне нужно непременно сшить Лене шубу, зима уже на носу, а я даже за нее не принималась и что делать — не знаю»²⁰. Чувство страха обострялось в связи со слухами о приближающейся войне, с приграничными конфликтами, и, конечно, призывом в военкомат старшего сына: «Боюсь как бы события на границе Монгольской республике не испортили нам отдыха... Ты вот огорчаешься, что в армию придется, может, идти служить в этом году, и как я эти расстраиваюсь, лучше не говорить... Получишь оторочку — это большое счастье...»²¹. Боялась В. Ф. Берсенева, как и большинство матерей, за своего младшего сына, который часто участвовал в драках с мальчишками во дворе: «Я очень боюсь, чтобы этот «отпуск» не окончился пробитой головой»²².

Одно из самых сильных чувств — чувство любви матери к своим детям, родных людей, друзей. Любовь и надежда на скорую встречу сопровождает каждое письмо В. Ф. Берсенева: «Родной мой, дорогой Руфиша! Сегодня получила твою телеграмму и ужасно ей обрадовалась! Все дни неотступно думала о тебе... Будь здоров, мой родной, ненаглядный мальчик. Обнимаю и целую тебя крепко, крепко. Веселись и поправляйся хорошенько, а я буду радоваться твоей радостью»²³. Безмерную радость вызвали телеграммы, письма, приезд родственников и друзей в гости, покупка абрикосов детям: «Радуюсь, что все здоровы... Дети довольны, а я этим рада...»²⁴.

Чем дольше длилась разлука, тем сильнее обострялись чувства. Так, Б. Г. Козелев²⁵ в своих первых письмах из Магнитогорска к жене и дочери обращается «Дорогая, Зинушка», а содержание писем носит фактический характер о назначениях, людям, быте. Однако спустя три месяца, тон писем существенно меняется. Автор обращается к жене и дочери «Зинушка, родная», «Дорогая моя доченька», а содержание писем касается исключительно эмоциональной стороны, переживаний, чувства тоски, одиночества и надежд на скорый приезд в Магнитогорск семьи: «Зинушка родная! Я отправил телеграмму и письмо... Грустно мне до сумасшествия. Не могу работать... Имей в виду, у меня нет тут близких и родных людей. Я один. Мне тяжело потому, что удары сыплются на меня последний год

¹⁹ Краузе 2009, 54.

²⁰ Краузе 2011, 32.

²¹ Краузе 2011, 14, 41.

²² Краузе 2011, 14.

²³ Краузе 2011, 8.

²⁴ Краузе 2011, 17, 43.

²⁵ Козелев Б. Г. — профсоюзный деятель. Окончил горное училище и гимназию (экстерном). Член РСДРП с 1910, активный участник октябрьской революции в Москве. Член ВЦИК СССР (1920–1927). В 1930 г. был обвинено в правом уклоне и изъявил желание ехать на строительство Магнитогорска.

серьезные и частые — партийные дела еще не устроены, трудная работа, прямо непосильная, семейные дела расстраиваются... Тяжко мне, Зина. Скорей напиши два слова. Борис»²⁶. Свою дочь Б. Г. Козелев даже немного пожурил за отсутствие писем: «Родная моя доченька! Не знаю, есть ли у какого-либо отца такая неблагодарная дочь. Ведь ты мне совсем ничего не пишешь. Вот новый наш управляющий тов. Гугель не успел приехать и получил от своего 9-летнего сына письмо, в котором он спрашивает о Магнитогорске. Сынок тов. Гальперина тоже пишет отцу письма. Только ты никакого внимания как будто я для тебя не существую... Твой папа Борис»²⁷. Столь сильные эмоции Б. Г. Козелева были вызваны в значительной степени размолвкой с супругой З. Могильницкой. В очередном письме Б. Г. Козелев писал: «Дорогая Зина! Я ничего не понимаю. Что я потерял семью или нет? Я сейчас болен и неработоспособен после всей этой истории. Меня убивает то, что я не имею ни одного письма от тебя... Если принято твердое решение, то телеграфируй или напиши — я тогда не буду переезжать в американский городок в квартиру. Если не приняла квартиру, то я буду занимать квартиру и ждать твоего приезда. Я жить долго один не могу. Никакой другой семьи заводить не собираюсь... Прошу поэтому напиши. Борис»²⁸.

Несмотря на лирические нотки Б. Г. Козелев всегда проявлял практическую заботу о семье. В частности, он выхлопотал благоустроенную квартиру, должность для супруги, перечислил какие вещи и лекарства нужно взять с собой в Магнитогорск, т.к. в городе их достать нельзя: Дорогая моя Зинушка! Истосковался я по тебе зверски. С нетерпением жду окончания твоего лечения и приезда сюда... Вчера разговаривал по телефону с Магниткой (с Гугелем), просил его освободить скорей для меня в Американском городке квартиру в связи с Вашим приездом. Он обещал твердо... Захвати белье, посуду, т.к. канителью здесь доставать эту муру. Я тут заказал в Свердловске демисезонное пальтишко для Кларочки. Мне обещали достать. К приезду Вашему, надеюсь, получу... Не забудь привить Кларочке и себе оспу... Зинушка, думаю, что по приезде ты немного (с месяц) отдохнешь и не будешь приступать к работе. Лена мне сказала, что ты мобилизована на работу по кадрам. Я, мягко говоря, против этого. Эта работа не для тебя. Тебе следует взять работу или по здравотделу или партийную. Однако приедешь — посоветуемся, посмотрим, виднее на месте... Зина, захвати всякие медикаменты, если сможешь — составь аптечку. Организуй это через Розу... Целую тебя, родная, и жду с нетерпением. Борис»²⁹. Уже через четыре дня Б. Г. Козелев писал жене о получении жилья: «Дорогая моя Зинушенька!.. Необходимо тебе захватить часть моей библиотеки и отправить ее багажом, главным образом, всю экономическую часть. Телефон надо ликвидировать. Комнату сохрани пока что, потом всегда можно будет переменить... Квартира моя состоит из трех комнат с отдельной кухней и ванной и т.д. Необходимо будет нанять работницу. Если бы могла приехать Поля, было бы очень хорошо. В школу договорились ребят возить на машине или лошадях... Жду с нетерпением Вашего приезда. Борис»³⁰.

²⁶ Письмо Б. Г. Козелева. 1931. II. 26. Музей Магнитостроя.

²⁷ Письмо Б. Г. Козелева. 1931. II. 21. Музей Магнитостроя.

²⁸ Письмо Б. Г. Козелева. 1931. III. 3. Музей Магнитостроя.

²⁹ Письмо Б. Г. Козелева 1931. IV. 16. Музей Магнитостроя.

³⁰ Письмо Б. Г. Козелева. 1931. IV. 20. Музей Магнитостроя.

Несомненно, проблемы снабжения и неудовлетворительное состояние жилого фонда негативным образом сказывались на здоровье магнитогорцев. На протяжении 1930-х гг. заболеваемость была на высоком уровне. В течение первой половины десятилетия смертность превышала рождаемость³¹. Свидетельства В. Ф. Берсеновой и Ф. О. Краузе демонстрируют ситуацию в городе в сфере здравоохранения. «Из детских учреждений имеется: одна консультация, двое яслей по 75–100 человек, две детских амбулатории; из них одна чисто лечебная, другая под профилактической амбулаторией. Имеется при родильном приюте детская комната (до 30 человек новорожденных) и при терапевтическом отделении палата на 10 человек детей. Если почти все эти учреждения плохи, то особенно из рук вон скверна эта палата. Дети лежат на больших кроватях вместе с матерями, которые за ними «ухаживают». Комментарии излишни. Кадров, по существу, для всех этих учреждений нет»³². Многие личные письма содержат сведения о ситуации в городе в той или иной сфере деятельности. Однако все они демонстрируют чувства, переживаемые авторами. Чувства безысходности, горечи также довольно часто встречаются в письмах. Так, безысходность и обида возникают в письме рабочего, имя которого не было зафиксировано в источнике: «Добрый день, дядя Федя! Привет из Магнитогорска. Дядя Федя, доехали до места благополучно. В Магнитогорске нас встретили плохо... Здесь приходится сидеть голодным.. Дядя Федя, нам работы не дают по специальности... Я потом все равно приеду в Ленинград... отсюда трудно выбраться — ни за что не выпускают, но я все равно приеду, так как жить невозможно: работы нет, кормят плохо, одежду не выдают, находимся в палатках, а погода стоит холодная и дождливая, всегда палатки промокают и все после дождя мокрое... С гор дует сильный холод, ветры, так что очень холодно жить в палатках, замерзаем, а начальство и в ус не дует. Так что нас, когда отправляли, говорили красивые слова: «Вы, мол, едите на ударное строительство, вас там ждут. Из-за вас мол дело стоит...»³³. Очевидно, что ключевой причиной подобного эмоционального состояния являются неустроенный быт и нереализованные обещания. Сложности в трудовой деятельности, а именно, общение с коллективом, вызывали неприятные чувства у В. Ф. Берсеновой: «Я страдаю от мысли о близкой осени и возвращении на работу и встречах с противными мне людьми...»³⁴. Важно отметить, что эмоции формировались под влиянием самых бытовых, мелких событий в жизни. В. Ф. Берсенева была крайне воодушевлена походом в кино, ее семилетнего сына Карика волновали и радовали детские шалости, дочка Лена радовалась успехам и волновалась о результатах экзаменов в музыкальной школе. Глава семьи Ф. О. Краузе наслаждался, слушая патефон и читая «Одиссею».

Подводя итоги, необходимо отметить, что источники личного происхождения разрушают привычные представления и мифы о повседневной жизни новых индустриальных центров, в конкретном случае Магнитогорска, давая возможность понять, как думали и чувствовали горожане. Магнитогорцев волновала не только судьба металлургического завода, темпы его строительства, рекорды, но и в значи-

³¹ Макарова 2008, 70–77; 2009, 251–263.

³² Краузе 2009.

³³ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 145.

³⁴ Краузе 2011, 18.

тельно более важной степени собственные мысли, переживания, заботы. Эти эмоции и чувства во многом зависели от условий, создаваемых для горожан в быту и в труде. В Магнитогорске рекордно быстро создавался гигант черной металлургии, возводили жилой фонд, развивали культурно-массовую и пропагандистскую работу, а магнитогорцы переживали о погоде и выпускных экзаменах, наслаждались чтением книг, делились впечатлениями о кинофильмах. Это-источники, отражающие духовный мир людей, свидетельствуют о том, что человек несмотря на неустроенность вокруг, а иногда и благодаря ей, испытывал потребность в многообразии чувств. Мир чувств человека огромен: радость, страх, безысходность, забота, любовь, ненависть и т.д. Все чувства и переживания были вполне «обычными», характерными для любого человека и любой эпохи, но в условиях форсированной индустриализации и связанных с ней сложных социально-бытовых условий, чувства оказались обостренными. Горожане, лишённые привычных социальных связей и обстановки, переживали «обычные» чувства особенно остро, более эмоционально, когда тревога оказывалась чрезмерной, страх паническим, безысходность преследующей, радость и любовь безграничными.

ЛИТЕРАТУРА

- Джапаридзе Е.* 1959: Этих лет нельзя забыть // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М. 81–86.
- Краузе О. Ф.* (ред.) 2009: Воспоминания, дневники, письма. Череповец.
- Краузе О. Ф.* (ред.) 2011: Пришла война в Березки. Письма матери. Череповец.
- Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г.* 2009: «Сердце высказать не могу», или о повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина (ред.). Ростов-на-Дону, 168–188.
- Макаров А. Н.* 2011: Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // ПИФК. 1, 113–125.
- Макарова Н. Н.* 2008: Из истории становления системы здравоохранения Магнитогорска (1929–1935) // ПИФК. XIX, 70–77.
- Макарова Н. Н.* 2009: Из повседневной жизни магнитогорцев: система здравоохранения в 1929–1935 гг. // Проблемы российской истории. 9, 251–263.
- Петренко С.* 1978: Два прораба // Всегда в борьбе. М., 193–198.
- Скотт Дж.* 1991: За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск.
- Смертин Е.* 1959: Трудности нас не остановили // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М., 71–77.

EVERYDAY FEELINGS ERA OF INDUSTRIALIZATION (ON MATERIALS OF MAGNITOGORSK OF THE 1930-s)

N. N. Makarova

This article discusses the spiritual experiences and range of feelings of the inhabitants of new industrial city in the 1930s. Based on personal origin sources, the author comes to the conclusion that Magnitogorsk worried about the destiny of not only metallurgical plant, as it had in Soviet propaganda, but to a greater extent own thoughts, worries and concerns. Emotions and

feelings are largely dependent on conditions, created for citizens in everyday life and at work. Ego-sources, reflecting the spiritual world of the people, show that people always felt a need in a variety of senses.

Key words: history of everyday life, the history of emotions, industrialization, Magnitogorsk

© 2014

В. В. Переверзев

«ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ЗАТИШЬЕ» В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ 1960-х гг. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье рассматривается освещение советской периодической печатью периода 1964–1966 гг. в советско-китайских отношениях. В связи с этим анализируются соответствующие материалы, выявляется их тональность и направленность. Автором делается вывод о том, что большинство материалов по своему характеру были положительными или нейтральными, что в известной мере свидетельствует о существовании пропагандистского затишья или «оттепели» в советско-китайских отношениях 1964–1966 гг.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, оттепель, КПСС, КПК, периодическая печать

В октябре 1964 г. после довольно длительного периода острой открытой полемики в отношениях между СССР и КНР, и прежде всего между КПК и КПСС, наметились некоторые тенденции к смягчению идеологического и политического противостояния. Это во многом было связано со сменой руководства СССР: 14 октября Н. С. Хрущев был отправлен на пенсию. С этим событием лидеры КНР связывали определенную надежду на смену внешнеполитических установок СССР в отношении Пекина и международного коммунистического движения.

Крупнейший отечественный китаевед Ю. М. Галенович даже употребил термин «оттепель» применительно к советско-китайским отношениям периода с 1964 г. до весны 1966 г.¹ Исследователь указывает на то, что в этот период советская сторона выступила с рядом инициатив, направленных на улучшение отношений с КНР. Среди них выделяются советско-китайские пограничные переговоры (февраль 1964 г.), приглашение партийно-правительственной делегации КНР на празднование годовщины Октябрьской революции (ноябрь 1964 г.), визит А. Н. Косыгина в КНР (февраль 1965 г.), смена советского посла в Пекине, приглашение китайской делегации на XXIII съезд КПСС, отказ от публикаций антимаоистских материалов в периодической печати и др.² Однако лидеры КПК

Переверзев Валерий Владимирович — ассистент кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: pereverzev.vv@yandex.ru

¹ Галенович 2012, 53.

² Подробнее Галенович 2011.

довольно быстро поняли, что Л. И. Брежнев не собирается отказываться от линии Н. С. Хрущева по отношению к международному коммунистическому движению и холодно реагировали на советские инициативы.

В отечественной историографии фактически отсутствуют работы, отражавшие реакцию советской пропаганды на те или иные изменения в советско-китайских отношениях рассматриваемого периода. Советские исследователи ограничивались, как правило, лишь упоминанием о том, что в октябре 1964 г. КПСС «осуществила целый ряд мер, направленных на укрепление отношений Советского Союза с братскими социалистическими странами»³. Или, как отмечал другой автор, «ЦК КПСС предпринял новые усилия для нормализации советско-китайских отношений»⁴. Исключение составляет работа О. Владимиров (О. Б. Рахманина), в которой он выделил период с октября 1964 г. по август 1966 г., указав, что данный период «занимает важное место в истории советско-китайских отношений 60-х годов». Автор определил его как канун «культурной революции», рассмотрев основные инициативы КПСС, направленные на нормализацию отношений с КПК⁵.

После распада СССР в историографии рассматриваемой проблемы не намечалось существенных изменений. Исследователи по-прежнему в большинстве своем особо не выделяют период 1964–1966 гг. в истории советско-китайских отношений. Вместе с тем по-иному оцениваются шаги, предпринятые новым советским руководством после смещения Н. С. Хрущева. Так, М. С. Капица выдвинул тезис о том, что Л. И. Брежнев чувствовал себя неуютно. По-прежнему, как и раньше, большое влияние на политику, проводимую в отношении Пекина, имел М. А. Суслов. Поэтому «в китайской политике Кремля продолжали звучать все те же ноты»⁶. По мнению Б. Т. Кулика, идеологическая полемика между КПСС и КПК утихла только на непродолжительное время, пока китайская делегация пребывала на праздновании годовщины Октябрьской революции. После этого в Пекине стали говорить о «хрущевизме без Хрущева», а в Москве — о созыве нового Совещания коммунистических и рабочих партий, которое Л. И. Брежнев хотел использовать для укрепления позиций КПСС в борьбе с КПК⁷. Другой отечественный китаевед, В. П. Федотов, указывает на то, что брежневское руководство после отставки Н. С. Хрущева упустило шанс наладить диалог с Китаем. По его мнению, лидерам КПСС было необходимо на время забыть о каких-либо разногласиях и выйти на неофициальные переговоры с КНР⁸.

Вместе с тем следует особо отметить работы Ю. М. Галеновича, в которых, как уже упоминалось, автор выдвинул тезис об оттепели в советско-китайских отношениях, которая началась в феврале 1964 г. и завершилась в августе 1966 г. По его мнению, она нашла проявление во многих сферах и была связана с определенным плюрализмом взглядов на советско-китайские отношения, который имел место как в Пекине, так и в Москве. В КПК линию на улучшение отношений с

³ Борисов (Рахманин), Колосков (Кулик) 1977, 316.

⁴ Капица 1979, 223.

⁵ Владимиров 1984, 163.

⁶ Капица 1996, 72.

⁷ Кулик 2000, 345–347.

⁸ Федотов 2005, 342.

КПСС главным образом олицетворял Председатель КНР Лю Шаоци, в то время как председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, по мнению Ю. М. Галеновича, был настроен антисоветски. В СССР также не было единства по этому вопросу. Сторонником скорейшей нормализации отношений с КНР в советском руководстве прежде всего был А. Н. Косыгин, а Л. И. Брежнев был более осторожен и, как считает, Ю. М. Галенович, не считал возможным вообще интенсифицировать контакты с КПК и не надеялся на какие-либо положительные изменения в отношениях двух коммунистических гигантов, пока у власти находился Мао Цзэдун⁹.

Определять период с начала 1964 г. по август 1966 г. как время «оттепели» в двусторонних отношениях Москвы и Пекина не совсем корректно. Данные хронологические рамки оправданы, если взять за основу ряд внешнеполитических инициатив, направленных на налаживание диалога между КПСС и КПК. Но в этом случае останется незамеченной реакция советской пропаганды на данные события. Представляется, что именно отражение китайской тематики советскими пропагандистами и должно быть взято за основу. В этом случае обозначить начало 1964 года как старт периода «оттепели» было бы не совсем верно: в первые месяцы года в периодической печати массово печатались материалы антимаоистского содержания. Обычной стала практика выпуска небольших по объему брошюр с текстом какой-либо статьи из центральной газеты или с текстом выступления того или иного партийного либо государственного деятеля. Так, 25 апреля тиражом в 1,2 млн. экземпляров была подписана в печать брошюра с текстом доклада М. А. Сулова на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 г. «О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения»¹⁰; 9 мая подготовлено к публикации малоформатное издание «О некоторых сторонах партийной жизни Китая» (тираж 400 тысяч экземпляров)¹¹; 25 мая — статья К. М. Симонова «Не заблуждайтесь!» (тираж 200 тысяч экземпляров)¹²; 6 июля подписана в печать брошюра со статьей из журнала «Коммунист «Против догматизма и вульгаризации в литературе и искусстве» (тираж 200 тысяч экземпляров)¹³; 23 сентября подготовлен к печати сборник, содержащий тексты заявлений советского правительства и ЦК КПСС за период с 19 июня 1963 г. по 15 июня 1964 г. «За сплоченность международного коммунистического движения»¹⁴ (тираж 150 тысяч экземпляров).

В этой связи представляется необходимым рассмотреть отражение советской пропагандой событий 1964–1966 гг., что в свою очередь позволит определить хронологические рамки «оттепели» в советско-китайских отношениях и в известной мере даст ответ на вопрос о том, насколько реальной была возможность нормализации отношений между двумя крупнейшими коммунистическими партиями. Периодическая печать в этом отношении в силу своей массовости является одним из самых важных источников.

Реакцию периодической печати на названные выше события можно проследить по материалам двух ежедневных центральных газет СССР — «Правды» и «Известий» за период 1964–1966 гг. Проанализировав материалы названных газет

⁹ Подробнее Галенович 2011.

¹⁰ Сулов 1964.

¹¹ Правда 28.04.1964.

¹² Симонов 1964.

¹³ Иноземцев 1964.

¹⁴ Динерштейн 1964.

за 1964 г. можно сделать вывод, что «пропагандистская оттепель» в советско-китайских отношениях берет свое начало отнюдь не в начале 1964 г., а только в конце сентября 1964 г. Так, последняя критическая публикация в газете «Правда» датируется 28 сентября. В этот день была опубликована критическая заметка монгольского журналиста Ц. Намсарая «Чудовищные претензии китайских раскольников»¹⁵. Ее автор осуждал территориальные притязания Мао Цзэдуна на 1,5 млн кв. км советской территории. Последний критический материал в отношении КНР в газете «Известия» был напечатан 29 сентября. В этот день на второй полосе поместили текст доклада Б. Н. Пономарева, в связи со 100-летием I Интернационала¹⁶.

После публикации этого материала тональность периодической печати по отношению к КНР и КПК стала меняться. Представляется, что это было обусловлено 15-летним юбилеем КНР, который нельзя было оставить без внимания. Уже 1 октября газеты сообщали о том, что в Китае проходит празднование 15-летней годовщины провозглашения нового государства. Большая часть публикации была посвящена рассказу о китайской революции, которой при помощи социалистических стран удалось победить и к власти пришли коммунисты. «Правда» даже поместила на первой полосе текст телеграммы, направленной советским руководством китайским коллегам. В ней провозглашалась «вечная дружба великих народов Советского Союза и Китая»¹⁷. Вместе с тем некоторое осуждение политики пекинского руководства по-прежнему имело место в советской периодике «... некоторое время назад не по вине нашего народа, нашей партии и нашего правительства отношения между Советским Союзом и Китайской народной республикой начали ухудшаться...». Далее отмечалось, что КПСС трезво оценивает обстановку и пытается с помощью других братских партий «не допустить дальнейшего развития событий в худшую сторону». А советский народ «искренне хочет дружить и сотрудничать с китайским народом, вместе преодолевать трудности и преграды в строительстве счастливой жизни для трудящихся»¹⁸.

2 октября советские центральные издания снова опубликовали материал, приуроченный к 15-й годовщине КНР. При этом ни в сообщении корреспондента газеты «Известия» Ю. Косюкова «Праздник в Пекине», ни в сообщении ТАСС «Братскому китайскому народу» не содержалось каких-либо упоминаний о сложностях в отношениях между КПСС и КПК¹⁹. Аналогичным по тональности был материал «Правды» за 2 октября «Праздничная демонстрация в Пекине»²⁰. Однако 5 и 7 октября «Правда» поместила критические заметки лидеров компартий США и Перу соответственно. В них они критиковали КПК за пособничество фракционной деятельности в рядах своих партий²¹.

В дальнейшем после смены руководства СССР в октябре 1964 г. Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин выступили, как уже упоминалось, с рядом инициатив, направленных на сближение Москвы и Пекина. В первую очередь этим было обусловлено

¹⁵ Правда 28.09.1964.

¹⁶ Известия 29.09.1964.

¹⁷ Правда 1.10.1964.

¹⁸ Известия 1.10.1964.

¹⁹ Известия 2.10.1964.

²⁰ Правда 2.10.1964.

²¹ Правда 5.10.1964; Правда 7.10.1964.

продолжение публикаций с положительной в отношении КНР тональностью. Это было особо заметно в ноябре 1964 г., когда китайская делегация прибыла в Москву для празднования 47-й годовщины Октябрьской революции. О неудачном исходе переговоров представителей КПК и КПСС советская пресса умолчала. 8 ноября «Правда» сообщила о том, что празднование годовщины Октябрьской революции пройдет в 7 городах Поднебесной. Читатели могли ознакомиться с телеграммой, направленной Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлаем Л. И. Брежневу, А. И. Микояну и А. Н. Косыгину, которая заканчивалась лозунгом о «вечной и нерушимой дружбе между народами СССР и Китая»²².

После возвращения китайской делегации из Москвы на родину число сообщений по китайской тематике в советской периодической печати уменьшается, меняется их характер и тональность. Большая часть материалов о Китае стала передавать нейтральную и отвлечённую информацию. Об этом можно судить по заголовкам газет. «Известия» за период конца ноября — декабря 1964 г. опубликовали пять материалов, связанных с Китаем или имеющих отношение к нему: «Ярмарка в Гуанчжоу», «Накануне сессии ВСНП», «Сбит воздушный шпион», «Пленарное заседание ВСНП», а «Правда» — два сообщения: «Пошли эшелоны с углем», «Народы клеймят позором империалистическую агрессию в Конго». Представляется, что данная ситуация является прямым отражением провала советско-китайских переговоров, проходивших во время празднования 47-й годовщины Октябрьской революции. Поводов для восхваления Китая у советской пропаганды не было, поскольку уже в конце ноября 1964 г. в КНР после непродолжительного перерыва вновь стали выходить антисоветские публикации²³.

Вместе с тем, несмотря на то что в конце 1964 г. КПСС и КПК не удалось сгладить существующие противоречия, в следующем году советское руководство продолжало искать точки соприкосновения. В записке Внешнеполитической комиссии ЦК КПСС «О нормализации советско-китайских отношений», представленной М. А. Сусловым, Ю. В. Андроповым, Б. Н. Пономаревым и Л. Ф. Ильичевым, от 7 января 1965 г. констатировалось, что положительной динамики в отношениях Москвы и Пекина достичь не удалось. Однако в ней же отмечалось, что решить все проблемы сразу стороны не в состоянии, поэтому КПСС необходимо осуществить ряд новых шагов, которые позволили бы нормализовать двусторонние отношения. Для этого предусматривался период в 5–7 месяцев. Далее в Приложении к записке среди прочих шагов, которые советское руководство запланировало на 1965 г., намечалось «Систематически освещать в советской периодической печати и по радио внутреннюю жизнь и внешнюю политику КНР»²⁴.

В январе 1965 г. тенденция к уменьшению информации о КНР и публикации материалов преимущественно нейтрального содержания продолжилась. Так, всего за 1965 г. «Правда» опубликовала 52 материала по китайской тематике, в «Известиях» было напечатано 61 сообщение. Представляется, что если учесть, что оба издания являлись ежедневными, а Китай пусть и формально, все еще оставался «братским государством», то эта цифра невелика. К тому же большая часть материалов была малоинформативной. Заметки о КНР печатались в основном в

²² Правда 8.11.1964.

²³ Борисов, Колосков 1977, 325.

²⁴ Прокуменщиков 2007, 6–9.

1–2 абзаца. Например, 12 января «Известия» напечатали сообщение «Семья тракторов растет», в котором читателей информировали о создании новых моделей тракторов. В заметке корреспондента Ю. Косюкова «Жатва Фуцзяни» говорилось о том, что промышленные предприятия перевыполнили государственные задания по себестоимости и качеству продукции²⁵. Аналогичными были публикации «Правды». 11 января в заметке «Ткани для населения» газета информировала читателей об успехах текстильной промышленности Пекина и Шаньдуна²⁶.

Вместе с тем в 1965 г. к 15-летию заключения советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи в советской периодической печати появилась соответствующая информация. Нужно заметить, что в годы тесной дружбы между СССР и КНР традиционно было принято посвящать выпуски газет за период 14–16 февраля этому событию. 14 февраля под заголовком «Документ дружбы» «Известия» поместили статью И. Лобода. Центральной ее темой было экономическое сотрудничество двух стран на ранних этапах развития КНР: «Все последние годы наша страна продолжала оказывать поддержку КНР в социалистическом строительстве. С помощью Советского Союза строились крупные промышленные объекты. В наших институтах обучались аспиранты, на советских предприятиях проходили практику инженерно-технические работники КНР. Большой размах получили все виды научного сотрудничества и посылка специалистов... В китайское народное хозяйство и научные учреждения было командировано более десяти тысяч высококвалифицированных специалистов...»²⁷. При этом публикация не содержала какой-либо критики китайского руководства²⁸. 15 февраля в «Правде» также была опубликована большая статья, посвященная памятной дате.

Некоторое увеличение числа публикаций по китайской тематике в советской периодической печати произошло в феврале 1965 г., что лишь отчасти связано с 15-летней годовщиной подписания советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи. В первую очередь рост публикаций обусловлен поездкой Председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина в КНР в феврале 1965 г. Главным инициатором этой поездки был именно советский премьер. По воспоминаниям Г. А. Арбатова, на заседании Президиума ЦК КПСС даже возник спор относительно внешней политики СССР. Ю. В. Андропов подвергся критике со стороны А. Н. Шелепина и А. Н. Косыгина за «пренебрежение мерами для улучшения отношений с естественными союзниками» (т.е. прежде всего с китайцами)²⁹. О том, что председателю Совета министров СССР пришлось бороться за улучшение советско-китайских отношений «сразу на два фронта» (в Пекине и в Москве), упоминал и его помощник Ю. В. Фирсов³⁰. Советско-китайская встреча была призвана продемонстрировать мировому сообществу возможность диалога между крупнейшими социалистическими государствами и могла бы несколько оживить начавшийся процесс «оттепели» в отношениях КПК и КПСС.

²⁵ Известия 12.01.1965; 15.01.1965.

²⁶ Правда 11.01.1965.

²⁷ Известия 14.01.1965.

²⁸ Известия 14.01.1965.

²⁹ Арбатов 1991, 113 — 114.

³⁰ Гвишинани 2004, 190.

При этом официальным предметом переговоров была выбрана начавшаяся агрессия США во Вьетнаме.

Первые упоминания о пребывании советской делегации в КНР появились в советской прессе уже 6 февраля, т.е. на следующий день после ее прилета в Пекин. «Правда» и «Известия» опубликовали на первых полосах сообщение ТАСС о том, что советские представители, направляясь в ДРВ, остановились в Пекине. Далее отмечалось, что китайские пионеры и члены делегации преподнесли А. Н. Косыгину цветы, а в числе встречающих на аэродроме с китайской стороны был премьер госсовета КНР Чжоу Эньлай, сопровождавший высокого гостя до резиденции³¹. Они провели переговоры, но об их содержании не сообщалось. Так, 7 февраля «Правда» сообщила, что делегация СССР завершила визит в Пекин и направляется в ДРВ³². «Известия» в публикации за этот же день ограничились только упоминанием об обеде, который дали в честь советской делегации 5 февраля Чжоу Эньлай и министр иностранных дел Чэнь И, а также сообщением об ее отъезде³³.

10 февраля 1965 г., возвращаясь из Ханоя, советская делегация вновь остановилась в Пекине. На следующий день ее решил принять Мао Цзэдун. Однако советская печать вновь ограничилась лишь сухой констатацией того, что состоялся ряд приемов, и упоминанием о присутствовавших на них³⁴.

Пекинские переговоры способствовали некоторому росту положительных публикаций о Китае в советской периодической печати. К примеру, 10 февраля «Правда» и «Известия» сообщили о протесте китайских граждан против действий США во Вьетнаме: «До позднего вечера продолжались 8 февраля демонстрации в Пекине против военных провокаций американской военщины... Участие в ней приняло около 500 тысяч человек». 14 февраля газеты опубликовали поздравительную телеграмму Л. И. Брежнева, А. И. Микояна и А. Н. Косыгина китайскому руководству по случаю 15-й годовщины Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

После названных публикаций советская периодическая печать более двух недель не возвращалась к пекинским переговорам. И только 27 февраля «Правда» и «Известия» поместили на своих полосах текст выступления А. Н. Косыгина по Центральному телевидению «О поездке в социалистические страны Азии». Основное внимание Председатель Совмина уделил вьетнамскому вопросу, но в конце выступления рассказал и о переговорах в Пекине: «Мы дважды останавливались в Пекине, где встречались и беседовали с товарищами Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими китайскими руководителями. Это был откровенный обмен мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес...»³⁵.

Вместе с тем А. Н. Косыгин указал, что в отношениях двух стран есть трудности и разногласия, которые невозможно преодолеть сразу, но Советский Союз будет и дальше делать все необходимое для укрепления единства социалистиче-

³¹ Правда 6.02.1965; Известия 6.02.1965.

³² Правда 7.02.1965.

³³ Известия 7.02.1965.

³⁴ Известия 12.02.1965; Правда 12.02.1965.

³⁵ Известия 27.02.1965. Правда 27.02.1965.

ского лагеря³⁶. Из сообщений подобного характера внимательный советский читатель мог понять, что в действительности советско-китайские переговоры были малорезультативными. Безусловно, А. Н. Косыгин не мог сообщить о том, что Мао Цзэдун фактически потребовал от КПСС отказаться от решений XX и XXII съезда, пригрозив в противном случае вести полемику против КПСС в течение «десяти тысяч лет»³⁷. Сообщение А. Н. Косыгина свидетельствовало о желании советского руководства продолжать попытки улучшения отношений с КНР.

После февральской встречи на высоком уровне 1965 г. общие тенденции, присущие советской пропаганде, продолжали сохраняться. Однако даже в период «оттепели» в советско-китайских отношениях возникали сложные ситуации, и обойти их вниманием было довольно трудно. Так, 4 марта 1965 г. китайские студенты, подстрекаемые своим посольством, осуществили провокацию. Молодые люди воспользовались состоявшейся у посольства США демонстрацией советских граждан и представителей других стран, протестовавших против американской агрессии во Вьетнаме. Китайские студенты, находившиеся среди демонстрантов, выкрикивали антисоветские лозунги, обвиняли КПСС в отказе от помощи ДРВ, в «сговоре» с империализмом, позволяли себе хулиганские выходки в отношении советской милиции³⁸. 6 марта 1965 г. перед посольством СССР в Пекине была организована новая массовая манифестация китайских граждан под антисоветскими лозунгами. В китайских учреждениях и организациях состоялись собрания, на которых зачитывались антисоветские материалы, провозглашались призывы к «беспощадной борьбе» против КПСС³⁹.

Представляется, что ввиду широкого общественного резонанса, который вызвали студенческие провокации (даже на уровне одной Москвы), советским руководством было решено дать некоторую информацию об этом в печати. Однако только лишь 13 марта в «Правде» и 14 марта в «Известиях» была опубликована нота МИД СССР МИД КНР, в которой он требовал от посольства КНР «принятия таких мер, которые бы полностью исключали возможность повторения китайскими гражданами в СССР действий, подобных тем, которые имели место во время демонстрации иностранных студентов 4 марта, и чтобы они вели себя так, как подобает вести в стране, оказавшей им гостеприимство...»⁴⁰. «Правда» в этот же день опубликовала два письма от советских граждан — очевидцев событий, в котором они писали, что «отдельные студенты до того распоясались, что допускали насилие в отношении сотрудников советской милиции, провоцировали драку, выкрикивали в их адрес оскорбительные слова, совершали другие недопустимые действия». 21 марта 1965 г. в заметке ТАСС «Фарс в Пекинском аэропорту», помещенной в «Правде», содержалась еще более критическая информация. В частности, сообщалось, что 14 марта в пекинском аэропорту была устроена шумная встреча четырех китайских студентов, которые не обучались в Москве, но участвовали в беспорядках у американского посольства в Москве. Перед выходом из

³⁶ Известия 27.02.1965. Правда 27.02.1965.

³⁷ Галенович 2011, 44.

³⁸ Борисов, Колосков 1977, 333 — 334.

³⁹ Борисов, Колосков 1977, 333 — 334.

⁴⁰ Правда 13.03.1965; Известия 14.03.1965.

самолета медсестра намазала им лица и их вынесли на носилках. Встречающая толпа выкрикивал антисоветские лозунги⁴¹.

Вместе с тем следует отметить, что публикацией названных выше сообщений советская периодическая печать как бы «закрыла» данный инцидент и больше к нему не возвращалась. Сдержанная же реакция советской пропаганды, и в частности прессы, на весьма выразительный инцидент в марте 1965 г. может свидетельствовать о продолжении советским руководством линии на улучшение двусторонних отношений с КПК.

Следующая публикация, содержащая критику маоистского руководства в советской периодической печати, относилась к 17 ноября. В статье анонимного корреспондента «Антисоветская публикация в китайской печати» говорится о том, что в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» помещена редакционная статья «Отповедь разглагольствованиям нового руководства КПСС о единстве действий». При этом в сообщении советской прессы признавалось, что в китайской печати регулярно выходят подобного рода статьи. Однако данная публикация в китайских газетах особо выделялась своей грубостью. Советский Союз в ней обвиняется в «сговоре с американским империализмом с целью завладения всем миром, в буржуазном перерождении, реставрации капитализма и т.д.»⁴². Довольно сложно сказать, почему именно в середине ноября в «Правде» и «Известиях» появилась данная статья. Вероятно, советское руководство постепенно стало склоняться к тому, что односторонние инициативы СССР, направленные на снижение напряженности в двусторонних отношениях, не возымели эффекта. Поэтому советская пропаганда снова начала подавать образ маоистского руководства в негативном ключе, намекая на то, что пекинский лидер пограл все нормы марксизма-ленинизма. К тому же в Китае шла планомерная подготовка к «культурной революции», а насаждение маоистской пропагандой антисоветизма становилось все более очевидным.

Тем не менее, в целом советская периодическая печать продолжала сохранять доброжелательное или нейтральное отношение к внутренней и внешней политике КНР. Наиболее положительную тональность во второй половине 1965 г. имели сообщения советских газет за 1–2 октября и 8 ноября. Первые даты были связаны с очередной годовщиной образования КНР. В этой связи в «Правде» и «Известиях» был опубликован текст поздравительной телеграммы, направленной лидерам КПК советским руководством. В ней, как и ранее в подобных посланиях, провозглашались «дружба и тесное сотрудничество народов Советского Союза и Китая»⁴³. Еще более благожелательной была поздравительная телеграмма Мао Цзэдуна и других китайских лидеров советским коллегам по случаю годовщины Октябрьской революции. 8 ноября ее текст был опубликован первым в ряду поздравлений, присланных прочими лидерами коммунистического движения. В китайском послании говорилось о заслугах «великого советского народа», преодолевшего тяготы Великой Отечественной войны, сделавшего многое для угнетенных наций всего мира. После этого сообщалось о «великой дружбе между народами Ки-

⁴¹ Правда 21.03.1965.

⁴² Известия 17.11.1965.

⁴³ Правда 1.10.1965; Известия 1.10.1965.

тая и Советского Союза». Она названа «вечной и нерушимой»⁴⁴. При этом лидеры Москвы и Пекина неизменно продолжали называть друг друга товарищами. Представляется, что отправка подобных телеграмм из Китая при одновременной критике КПСС внутри Поднебесной имела две основные причины. Во-первых, своеобразный реверанс в сторону Москвы мог быть следствием конструктивного подхода, проявляемого по отношению к СССР Председателем КНР Лю Шаоци. Во-вторых, Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун в период подготовки «культурной революции» мог считать преждевременным полный разрыв с Москвой и поэтому не препятствовал появлению подобных благожелательных посланий.

С начала 1966 г. советская пропаганда продолжала линию, характерную для предыдущего года. Публикации о Китае в советской периодической печати стали еще более редкими и давали довольно скудный объем информации читателю. Данная ситуация продолжалась в период с января до конца августа 1966 г. (всего 14 публикаций в «Правде» и 20 — в «Известиях»).

Тональность и характер материалов в советской периодической печати не изменились и после XXIII съезда КПСС, прошедшего в период 29 марта — 8 апреля 1966 г. В ходе его работы, даже несмотря на отказ КПК направить делегацию в Москву для участия в нем, вопрос о разногласиях между двумя партиями не стал центральным. Едва ли не единственное на съезде упоминание о советско-китайских отношениях содержалось в докладе Л. И. Брежнева, оглашенном в день открытия. Советский лидер отметил, что СССР стремится к нормализации отношений с КНР и Албанией, для этого был предпринят ряд шагов: «Вы знаете, что в ноябре 1964 г. была встреча в Москве с делегацией КПК. Несколько позже наша делегация имела беседы в Пекине с руководством ЦК КПК, предлагая китайским товарищам провести новую встречу на высшем уровне в Москве или в Пекине. Мы и сейчас считаем, что такая встреча была бы полезной, и готовы в любой момент совместно с руководством КПК вновь рассмотреть имеющиеся разногласия с тем, чтобы найти пути их преодоления на принципах марксизма-ленинизма»⁴⁵.

Следует отметить, что, вероятно, не случайно в 1966 г. уже не было традиционных публикаций с поздравлениями в адрес Пекина по случаю очередной годовщины советско-китайского договора 1950 г. Отнюдь не простым представляется то, что поздравительная телеграмма, отправленная советской стороной по случаю 45-летия китайской компартии, не персонифицирована и адресована ЦК КПК за подписью ЦК КПСС⁴⁶. Тем самым советское руководство уже завуалированно показывало, что оно дистанцируется от группы Мао Цзэдуна. Забегая вперед, отметим, что точно так же отправитель и адресат были обозначены в телеграмме, посланной в Пекин по случаю годовщины образования КНР.

После XXIII съезда КПСС советская периодическая печать до августа 1966 года стала еще более инертной в отношении публикаций о китайской тематике. В прессе появлялись крайне скудные и малоинформативные материалы. С конца августа 1966 г. началось отражение в советской периодической печати темы «культурной революции» в КНР. И поскольку одним из ее главных элементов был антисоветизм, то соответствующей была и тональность сообщений. 26 августа

⁴⁴ Правда 8.11.1965; Известия 8.11.1965.

⁴⁵ Известия 30.03.1966.

⁴⁶ Правда 1.07.1966; Известия 2.07.1966.

«Правда» опубликовала критическую заметку «Пекин в ходе культурной революции», а 27 августа «Известия» напечатали подобный материал под заголовком «Как проходит «культурная революция» в Пекине». После этого число негативных публикаций о КНР в советской периодике резко увеличилось. Словосочетание «культурная революция» с самого начала стало повсеместно печататься в кавычках, что сразу же ориентировало советского читателя на то, как необходимо воспринимать это явление в жизни Китая. До конца года «Правда» опубликовала 104 сообщения, содержащие критику КНР, а «Известия» — 58 таких материалов. Отсюда следует, что период «оттепели» в советско-китайских отношениях завершился в конце августа 1966 года.

Факт существования некоторого пропагандистского затишья (или «оттепели») в отношениях между КПСС и КПК подтверждается не только материалами периодической печати. Идентичные выводы позволяют сделать сведения советской справочной литературы. Рассмотрим в этой связи информацию международных справочников «Ежегодник Большой советской энциклопедии» и «Международный ежегодник. Политика и экономика» за 1965–1966 гг. Они были ориентированы на массового читателя (тираж их колебался от 40 до 60 тысяч экземпляров). Названные ежегодники в 1965–1966 гг.⁴⁷ не продолжили линию на публикацию критических материалов об антимарксистской политике китайского руководства, начатую в изданиях за 1963–1964 гг. Напротив, в этот период почти вся информация в справочниках о Китае носила нейтральный характер. В частности, в «Ежегоднике БСЭ» 1965 г. со ссылкой на китайские источники указывалось, что в КНР завершался период восстановления народного хозяйства. Увеличилось промышленное производство, расширился ассортимент основных видов продукции.⁴⁸ Во внешней политике, помимо прочего, указывалось на обмен взаимными визитами советских и китайских делегаций различного уровня⁴⁹. Раздел «Китай» в «Ежегоднике БСЭ» за 1966 г. был еще более нейтральным по содержанию. Из него советский читатель мог понять, что отношения между КНР и другими соцстранами нормализуются. Например, в нем указывалось, что в 1965 г. увеличился товарооборот между КНР и странами «социалистического содружества». Продолжались обмены визитами китайских и советских делегаций. Частыми стали телеграммы, отправляемые руководителями обеих стран по случаю каких-либо значительных событий. Упомянулось и о поддержке Китаем вьетнамского народа в борьбе с агрессией США⁵⁰.

Выпуски «Международного ежегодника» за 1965–1966 гг. не содержали отдельного раздела о Китае. Но в разделе «Международные отношения и внешняя политика СССР в 1965 г.» кратко отмечалось, что «наша партия и советский народ искренне хотят дружбы с народным Китаем и его Коммунистической партией...»⁵¹.

Кроме того, в 1965 г. вышел седьмой том Советской исторической энциклопедии с довольно большой по объему статьей о Китае. В ней обходились все «острые» вопросы, отсутствовали авторские оценки тех или иных сложных со-

⁴⁷ Информация в ежегодниках, как правило, ограничивалась рамками предыдущего года.

⁴⁸ Шаумян 1965, 282 — 283.

⁴⁹ Шаумян 1965, 282 — 283.

⁵⁰ Шаумян 1966, 291 — 293.

⁵¹ Аболтин 1967, 20.

бытий (например, политики «большого скачка»)⁵². О том, что первоначальное содержание раздела о КНР было иным, можно судить по информации из архивного фонда аппарата ЦК КПСС: «Редакция Советской исторической энциклопедии (Т. Л. Шаумян) обратилась в ЦК КПСС с просьбой просмотреть статьи «Китай» и «Коммунистическая партия Китая», подготовленные для седьмого тома. Отдел пропаганды ЦК КПСС и Отдел ЦК КПСС просмотрели указанные статьи и внесли в них следующие поправки: в статьях исключены критические оценки, относящиеся к внутренней политике КПК, к курсу «трех красных знамен» («генеральная линия, большой скачок, народные коммуны»). Исключены авторские оценки, в которых критикуется раскольническая деятельность руководства КПК в международном коммунистическом движении»⁵³. Вместо авторских оценок о раскольнической деятельности китайского руководства в энциклопедию был включен текст следующего содержания: «Делегации КПК принимали участие в работе Московских Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. и подписали принятые этими Совещаниями документы. Но уже в 1960 г. обнаружилось разногласия между КПК с КПСС и другими братскими партиями в трактовке ряда важных проблем современности. Несмотря на возникшие разногласия, КПСС придерживается линии на улучшение отношений с Коммунистической партией Китая на принципиальной марксистско-ленинской основе»⁵⁴.

В различных трудах и исследованиях периода пропагандистского затишья также было сложно найти критику политики китайского руководства. Например, в 1965 г. к 100-летию Первого Интернационала под редакцией одного из главных идеологов КПСС Б. Н. Пономарева вышла книга «Международное революционное движение рабочего класса»⁵⁵. В ней вообще не говорилось о каких-либо проблемах в отношениях СССР с Китаем.

Фактически полное отсутствие критики в адрес КНР в советской пропаганде на протяжении периода с октября 1964 г. по конец августа 1966 г. зачастую вызывало недоумение в советском обществе, поскольку в СССР звучали пекинские радиостанции с антисоветскими передачами и довольно часто проникали различные маоистские листовки. Так, в марте 1965 г. в редакцию журнала «Коммунист» пришло письмо от доцента Магнитогорского горно-металлургического института Г. И. Попова, в котором он просит ответить на вопрос: «Почему наша печать не дает отпора китайской пропаганде?»⁵⁶. А житель г. Выгода (Одесская область) В. Ф. Соколенко в ноябре того же года спрашивал редакцию о том, «являются ли противоречия между коммунистической партией Китая и КПСС антагонистическими»⁵⁷.

Подводя итог, следует отметить, что в период с октября 1964 г. до конца августа 1966 г. в отношениях между Москвой и Пекином имело место пропагандистское затишье, или, по терминологии Ю. М. Галеновича, «оттепель». В данный период была приостановлена антимаоистская пропаганда в СССР. Руководство

⁵² Жуков 1965.

⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 223. Л. 71–72.

⁵⁴ Жуков 1965, 357.

⁵⁵ Пономарев 1965.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 446. Л. 60.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 446. Л. 68.

КПСС тем самым первым сделало шаг к нормализации отношений между двумя крупнейшими коммунистическими партиями. Эти шаги были продолжены рядом внешнеполитических инициатив и проведением встреч на высшем уровне. Однако они показали бесперспективность надежд на быстрое прекращение советско-китайской идеологической полемики. Советская пропаганда в обозначенный период велась так, чтобы сохранить все возможности для нормализации отношений между КПСС и КПК. Об этом в частности свидетельствуют тональность и характер публикаций в периодической печати. После анализа материалов двух главных советских изданий — газет «Правда» и «Известия» — можно сделать вывод о крайне редко встречающихся критических публикациях в адрес маоистского руководства.

Вместе с тем инициативы советского руководства во многом были односторонними. КНР никогда на протяжении 1964–1966 гг. не брала на себя обязательства даже на кратковременное прекращение открытой полемики. Отсюда в советском обществе периодически могли возникать и возникали сложные ситуации, связанные с пониманием внешнеполитических процессов. И тем не менее период «оттепели» в советско-китайских отношениях можно оценить достаточно высоко, поскольку он продемонстрировал стремление советского руководства, прежде всего А. Н. Косыгина, и части китайских лидеров (в лице Лю Шаоци) найти общие точки соприкосновения и наладить конструктивные отношения между странами, народы которых всего лишь несколько лет назад называли друг друга «братьями навек».

ЛИТЕРАТУРА

- Аболтин В. Я.* (ред.). 1966: Международный ежегодник. Политика и экономика. М.
- Арбатов Г. А.* 1991: Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Записки современника: Международные отношения. М.
- Борисов О. Б., Колосков Б. Т.* 1977: Советско-китайские отношения 1945–1977. М.
- Владимиров О. Е.* 1984: Советско-китайские отношения в сороковых-восьмидесятых годах. М.
- Галенович Ю. М.* 2011: История взаимоотношений России и Китая: в 3 кн. Кн. 3. Ч. 2. М.
- Галенович Ю. М.* 2012: От Брежнева и Мао Цзэдуна до Гобачёва и Дэн Сяопина. М.
- Гвишинани А. Д.* 2004: Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.
- Динерштейн И.* (ред.) 1964: За сплоченность международного коммунистического движения. М.
- Жуков Е. М.* (ред.) 1965: Советская историческая энциклопедия. М.
- Иноземцев В.* (ред.) 1964: Против догматизма и вульгаризации в литературе и искусстве. М.
- Катица М. С.* 1979: КНР: три десятилетия — три политики. М.
- Катица М. С.* 1996: На разных параллелях. Записки дипломата. М.
- Кулик Б. Т.* 2000: Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.
- Пономарев Б. Н.* (ред.). 1965: Международное революционное движение рабочего класса. М.
- Симонов К. М.* 1964: Не заблуждайтесь. М.
- Суслов М. А.* 1964: О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. М.
- Федотов В. П.* 2005: Полвека вместе с Китаем: Воспоминания, записи, размышления. М.

Шаумян Л. С. (ред.) 1965: Ежегодник БСЭ. М.

Шаумян Л. С. (ред.) 1966: Ежегодник БСЭ. М.

THE REFLECTION OF “PROPAGANDA CALM PERIOD” IN SOVIET-CHINESE
RELATIONS OF THE MID-1960S IN THE SOVIET PERIODICAL PRESS

V. V. Pereverzev

The article deals with the coverage of Soviet-Chinese relations in 1964–1966 by the Soviet periodical press and presents the analysis of the appropriate material to determine its tone and focus. The author concludes that the bulk of the material was either positive or neutral, which to some extent testifies to the so-called “propaganda calm period” or Thaw in the Soviet-Chinese relations in 1964–1966.

Key words: Soviet-Chinese relations, Thaw, CSU, CPC, periodical press

---

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2014

Т. Е. Абрамзон

«ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ» М. ЛОМОНОСОВА И “EVENING REFLECTIONS” ДЖ. БОУРИНГА: ОТ ПОЛИСЕМИИ ИДЕЙ ОРИГИНАЛА К ОДНОЗНАЧНОСТИ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена сравнительному анализу двух произведений – духовной оды «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» М. Ломоносова и её перевода “Evening Reflections, on the Majesty of God, On Seeing The Great Northern Lights” Дж. Боуринга. Картина мира русского оригинала и его английского перевода совпадают по формальным признакам и расходятся в смысловых связях и решениях. Научно-поэтическая картина мира в ломоносовском размышлении трансформируется в религиозно-поэтическую в переводе Боуринга, отражая как свойства его индивидуального мировоззрения, так и особенности языковой – английской – картины мира. Эпистемологическая проблема, решаемая в ломоносовской оде неоднозначно, в переводе Боуринга получает единственное решение – Бог непостижим.

Ключевые слова: Ломоносов, «Вечернее размышление о Божием величестве», Дж. Боуринг, “Evening Reflections”, эпистемологическая проблема, переводческие стратегии, картина мира

Русская поэзия долгое время оставалась *terra incognita*? для западного читателя. Одно из первых знакомств английского читателя с русской поэзией произошло в 1821 году, когда в свет вышла антология «Specimens of Russian Poetry» Джона Боуринга, строгого пуританца, знаменитого государственного деятеля, редкого полиглота-поэта, который перевел на родной язык испанскую, польскую, сербскую, мадьярскую, чешскую поэзию и др.

Первой в серии антологий Боуринга стала антология русской поэзии. В сборник вошли стихотворения тринадцати поэтов XVIII — начала XIX вв. (Г. Державин, К. Батюшков, М. Ломоносов, В. Жуковский, Н. Карамзин, И. Дмитриев, А. Крылов, И. Хемницер, С. Бобров, И. Богданович, Д. Давыдов, Е. Костров, Ю. Нелединский-Мелетский), специальный раздел, посвященный народным песням, и обстоятельный историко-литературный и лингвистический комментарий. Император Александр I отметил второй том антологии Дж. Боуринга поистине

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: ate71@mail.ru

царским подарком, о чем автор упомянул в своих мемуарах: “At St. Petersburg I acquired a knowledge of the Russian language sufficient to enable me to give the first specimens ever presented in English to the public. The first volume was successful. The second I wrote in 1822 while in Boulogne Prison, and forwarded a copy to the Emperor Alexander, who sent me a large amethyst ring surrounded with diamonds”¹.

Основную свою задачу Боуринг видит в том, чтобы стать «добросовестным переводчиком», сохранив красоту оригинальных стихотворений, лучших из северных «первоцветов»². Оценить, справился ли переводчик с поставленным им задачей в объеме всего сборника и какова идейно-поэтическая специфика «английского варианта» русской поэзии, — дело будущего. На сегодняшний день нам известна одна работа, посвященная одному стихотворному переводу из антологии Боуринга³. Материалом данной статьи является «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» М. Ломоносова и его английский перевод Дж. Боуринга.

Выбор этого русско-английского дуэта отнюдь не случаен: Ломоносов — русский гений-ученый и поэт, Боуринг — английский гений-полиглот, одаренный поэт и переводчик⁴, который из поэтического наследия «отца русской поэзии»⁵ отдал предпочтение одному произведению — знаменитой духовной оде «Вечернее размышление о Божием Величестве»⁶. И этот факт вполне объясним: «Вечернее размышление» Ломоносова — одно из самых совершенных сочинений русского поэта, в котором поэтическая сила и талант «северного Пиндара» явлены в полной мере⁷, это «мир стиха с самим собой»⁸. И, кроме того, ломоносовское

¹ Bowring 1877, 123.

² Bowring 1822, XXI.

³ Цветкова 2009, 129–132.

⁴ Джон Боуринг (1792–1872) обладал необыкновенными способностями к изучению языков: согласно его словам, он изучил около двухсот языков, на ста из которых говорил свободно. Он также был наделен талантом переводчика, предложив английскому читателю переводы древних и новых народных стихотворений различных европейских стран: “Specimens of the Russian poets” (Лондон, 1821–1823), “Batavian anthology” (Лондон, 1824), “Specimens of the Polish poets” (Лондон, 1827), “Servian popular poetry” (Лондон, 1827), “Esthonian Anthology” (Лондон, 1832), “Poetry of the Magyars” (Лондон, 1830) и “Ancient poetry and romances of Spain” (Лондон, 1824).

⁵ В «Предисловии» к сборнику Боуринг называет Ломоносова «отцом русской поэзии» и дает характеристику его гения едва ли не с большим пониманием, чем это делали соотечественники — современники русского поэта (Bowring 1821, IX–X). Любопытно, что Боуринг осознает творческий гений Ломоносова как дар, который если уж дается природой ли, Богом ли, то не нуждается в развитии и совершенствовании, свойственном обычным явлениям и предметам. Отсутствие периода ученичества как уникальной особенности творчества Ломоносова будет сформулирована Л. В. Пумпянским в XX веке.

⁶ По свидетельству самого автора, ода была написана в 1743 году: в «Изъяснениях» к «Слову о явлениях, от электрической силы происходящих» (1753) читаем: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года <...>» (см.: Ломоносов 1952/3, 123). Впервые ода была опубликована в «Кратком руководстве к красноречию...» (1748), а затем с рядом поправок вошла в первую книгу «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» (1751).

⁷ Поскольку у «Вечернего размышления» есть пара «Утреннее размышление о Божием Величестве» (вместе они составляют стихотворную дилогию во славу Творца), то выбор переводчика, проигнорировавшего «Утреннее размышление», несомненно, основан и на эстетических предпочтениях. Отдадим должное художественному вкусу Боуринга, сумевшему почувствовать пусть и не очевидное, но превосходство высокого торжественного слога и поэтической цельности «вечернего размышления» над «утренним».

⁸ Пумпянский 2000, 70.

размышление в стихах отвечало одной из центральных поэтических тенденций, а именно — философско-религиозному дискурсу.

Однако наше внимание к ломоносовской оде обусловлено еще одним качеством данного текста, а именно его принадлежностью к риторической словесной культуре. П. Е. Бухаркин отмечает: «Формализованность семантической композиции и идейной структуры, характерная <...> для культуры “готового слова”, здесь особенно ощутима. <...> Более того, ломоносовская ода виделась ее автору как возможный пример для учебной книги, каковой, при всем ее глубокомыслии, было “Краткое руководство...” <...> С одной стороны, в нем [в «Вечернем размышлении». — Т.А.] легко обнаруживаются <...> регламентированность и предопределенность типов смыслопорождения <...>. С другой — ломоносовское стихотворение, при всей рациональности идейной структуры, обнаруживает полисемантический смысл, никак не вмещающийся в логическую идею, частным примером которой оно является»⁹. Действительно, несмотря на логическую прозрачность, использование «готовых» конструкций и формул, семантическая структура ломоносовского текста не уместается в рамках культуры «готового слова». И это провоцирует еще больший интерес к переводу данного текста, осуществленному Боурингом: вычитал ли талантливый англичанин многозначность художественного смысла и многомерность «картины мира» в ломоносовском стихотворении? Смог ли передать ее в своем переводе? И какими средствами, переводческими стратегиями? В каком идейно-художественном формате ломоносовская ода дошла до английского читателя?

Начнем сначала. То, что заглавие обладает особо значимой функцией в тексте, что «имя» произведения содержит свернутый до нескольких слов его смысл, единодушно признают многие исследователи¹⁰. Название раскрывает центральную тему, отмечает «ту доминанту, которая определяется собой все построение...» произведения¹¹, обладаем весом, сравнимым «с тысячами других слов текста»¹². Перевод осуществляет передачу содержания заглавия средствами другого языка, поэтому эквивалентность перевода заглавия оригиналу часто относительна. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от таланта переводчика, от сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов и т.п.¹³

Скажем несколько слов о заглавии оригинала — «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великаго севернаго сияния». Два однокоренных слова «Величестве» (Божием) и «Великом» (северном сиянии) создают ключевой семантический центр имени текста и самого текста — *Величие Бога*. Именно с этого значения и библейских примеров к нему начинается статья в Словаре Академии Российской: «*Великий* <...> Во всех смыслах тоже значит, что и *велий*. 1) *Велик Господь паче всех Богов*. Исход. XVIII. II. *Велик день Господен, велик и светел зело*. Иоиль. II. II. 2) *Дам силу великую сию в руку твою*. 3 Царств. XX. 28. <...>»¹⁴.

⁹ Бухаркин 2006, 39–40.

¹⁰ См. подробнее: Кржижановский 1931; Шкловский 1928.

¹¹ Выготский 1998, 175.

¹² Эткинд 1998, 559–565.

¹³ Рогов 1998.

¹⁴ САР 1791/1, 586.

Подобные примеры из Библии, прославляющие Творца, открывают и статью «Великость», «Величаюсь», «Величественно», «Величество»¹⁵. Особо нас интересует то слово, которое Ломоносов предпочел остальным: «*Величество*, ва. с. ср. 1) Высокое достоинство, превосходство славных качеств и дел существа высочайшего. *Слава и величество пред лицом его*. I. Парал. XVI. 27. 2) Высота, величина, большее обыкновенного количества вещи. <...> 3) Государская власть, верховное достоинство, сопряженное со властью управлять делами великаго людей множества. 4) Титло достопочтенное Императоров и Королей, также и их супругов»¹⁶. Как видим, слова «великий» и «величество» в своих первых значениях оказываются синонимами, чуть ли не дублетами, к тому же с минимальными морфологическими различиями. Думаем, именно этого эффекта и добивался русский полигистор, яснее других осознававший великое чудо природы с ее точными законами и нераскрытыми тайнами. Величие Бога, гениального Творца всего сущего — эта идея выдвинута на первый план в заглавии синонимическим повтором.

В переводе заглавия Боуринг стремится к точности, максимально сохраняя структуру ломоносовского заглавия: “Evening Reflections, On The Majesty of God, On Seeing The Great Northern Lights”. Однако точность оборачивается буквализмом, не позволяющим передать игру однокоренных слов (великий — величество): «о Божиим Величестве» переведено “On The Majesty of God”, а великое северное сияние — “The Great Northern Lights”.

Интересно, что в английских словарях середины и конца XVIII века слово «Majesty» не зафиксировано¹⁷. Оно отсутствует в словаре Т. Шеридана «Complete Dictionary of the English Language both with regard to Sound and Meaning by Thomas Sheridan» (The Third Edition in Two Volumes. London, 1790) и в словаре С. Джонсона “Dictionary of the English Language by Samuel Johnson” (The Third Edition. Dublin, 1768).

В «Словаре» С. Джонсона оно появляется в конце 20-х годов XIX века: “Majesty. n. 1. Dignity; grandeur; greatness of appearance; power; sovereignty; dignity; elevation of manner; the title of kings and queens”¹⁸. Оно также включено в “Pronouncing Dictionary of the English Language by V. N. Smart” (London, 1836) и в этимологический словарь (“*majesty* — c.1300, from O.Fr. *majestū* “grandeur, nobility”, from L. *majestatem* (nom. *majestas*) “greatness, dignity” from stem of *major*, comp. of *magnus* “great” Earliest Eng. sense is of God, reference to kings and queens is from Romance languages”¹⁹.

¹⁵ САР 1791/1, 588–591.

¹⁶ САР 1791/1, 591.

¹⁷ “From the 12th to the 15th c., the kings of France, England, Castile, Aragon, Portugal used the style Highness (Fr: Altesse, Ger: Hoheit, It: Altezza, Sp: Alteza) as their prerogative, though not to the exclusion of other styles (French kings were also called Excellence until Louis XI in the 15th c.). Same went for the Emperor.

When Charles V became emperor (1519), he decided that Highness was not enough for his elevated status, and started using Majesty. Immediately, his rival François I of France insisted on the same: the treaty of Cambrai (1520) only styles the Emperor as Majesty, but the treaty of Crépy styles François as Royal Majesty and Charles as Imperial Majesty, and the Câteau-Cambrésis treaty (1559) goes further with Most-Christian and Royal Majesty. Henry VIII of England followed suit, but in England the terms Majesty, Grace and Highness were all in use until the end of James I, when Majesty became exclusive» (Bousfield, <http://www.heraldica.org/topics/royalty/highness.htm>).

¹⁸ Johnson, Walker 1828, 458.

¹⁹ English Etymology Dictionary, 1300.

Во всех вышеназванных словарях присутствуют *great* и *greatness*. Сошлемся лишь на один из них: “Gre’atness [from great] 1. Largeness of quantity or number. 2. Comparative quantity. *Locke*. 3. High degree of any quality. *Regers*. 4. High place; dignity; power; influence. *Dryden, Swift*. 5. Swelling pride; affected state. *Bacon*. 6. Merit; magnanimity; nobleness of mind. *Milton*. 7. Grandeur; <...>; magnificence. *Pope*”²⁰.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что у Боуринга была возможность лексическими средствами английского языка передать игру семантических повторов в ломоносовском заглавии (*Great/ Greatness*)²¹, но он отказывается от повтора и использует *Majesty* применительно к Богу, а *Great* — к северному сиянию. Казалось бы, что может трансформировать в смысле заглавия и всего произведения незначительная лексическая замена? На наш взгляд, многое.

Заглавие заявляет основную идею: в нашем случае — Бог велик в любом явлении природы. И в русском *величество*, и в английском *majesty* есть сема власти, титулования, но в ломоносовском заглавии эта сема затушевывается, если не стирается вовсе, повтором *великое* (о северном сиянии). Здесь происходит укрупнение идеи величия, но не власти, уравнивание Бога и Природы (Натуры). Эта идея и прощёт весь ломоносовский текст:

Для общей славы божества
Там равна сила естества²².

Использование переводчиком двух синонимов с разными корнями вводит своеобразную градацию, ранжирование двух величий и к тому же делает акцент на семе власти: Бог предстает правителем Вселенной. Таким образом, переводное заглавие транслирует иную, отличную от звучащей в оригинале мысль — отнюдь не равенство величия Бога и Природы, но иерархию величия, на верхней ступени которой находится Бог как властелин мира, а ниже — все сущее, пусть и великое. Бог в английском переводе Боуринга оказывается ближе к библейскому образу Бога, нежели натурфилософский образ Бог у Ломоносова.

Перейдем от заглавия к тексту. В оригинальном «размышлении» *день* и *ночь* — одно из ключевых противопоставлений, подчеркнутое четким делением стихов (1 стих — день, 2 стих — ночь) и сильной рифменной позицией:

Лице свое скрывает *день*,
Поля покрыла мрачна *ночь*.

Боуринг снимает структурную антитезу, она находит у него воплощение, где день и темнота присутствуют уже в первом стихе:

²⁰ Johnson 1768, 429.

²¹ В Библии на английском языке *greatness* и *majesty* являются синонимами, легко замещающими друг друга:

Luke 9:43. And they were all amazed at the greatness of God.

Micah 5:4. And He will arise and shepherd His flock In the strength of the LORD, In the majesty of the name of the LORD His God. And they will remain, Because at that time He will be great To the ends of the earth.

1 Chronicles 29:11. “Yours, O LORD, is the greatness and the power and the glory and the victory and the majesty, indeed everything that is in the heavens and the earth; Yours is the dominion, O LORD, and You exalt Yourself as head over all.

Psalms 145:12. To make known to the sons of men Your mighty acts And the glory of the majesty of Your kingdom.

See more at: <http://bible.knowing-jesus.com/topics/God,-Majesty-Of#sthash.3un3s3us.dpuf>

²² «Вечернее размышление о Божием Величестве» М. Ломоносова цитируется по следующему изданию, в дальнейшем без указания страниц: Ломоносов 1959/8, 120–126.

Now *day* conceals her face, and *darkness* fills <...>²³

День теряет свое значение, равноценное *ночи*, и к тому же обретает новое, не содержащееся в оригинале значение, а именно женский род: день представлен женской персонификацией, на что указывает «*her face*». Переводчик конкретизирует и персонифицирует время суток, добавляя собственное видение образа — женскую сущность дня, скрывающую лицо.

Конечно, форма слова *день* могла сбить переводчика с толку: слово имеет нулевое окончание, как и слово *ночь* женского рода, да и форма глагола (3 л. ед. ч.) *скрывает* не выявляет рода, в отличие от глагола прошедшего времени *покрыла*, которое относится к ночи. Если же не списывать женскую персонификацию на счет трудностей русского языка и незнания Боуринга, тогда приходится признать, что переводчик вносит сознательное изменение соответственно своему мирообразу. Вряд ли нам удастся установить истинные мотивы замены, но что мы действительно можем сделать, так это оценить результат. В переводе Боуринга *день* представлен женской фигурой, прячущей свое лицо, в оригинале женским родом обладает *ночь*.

Собственно *ночь* в ломоносовском стихотворении описана во 2–3 стихах:

Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень <...>

В переводе ей уделено больше внимания:

<...> and darkness fills
The field, the forest, with the shades of night;
The gloomy clouds are gathering round the hills <...>

Боуринг расширяет номинативный ряд ломоносовских стихов: в оригинале *ночь*, *тень*, *горы*, *поля* — в переводе им соответствуют *темнота* (darkness), *ночные тени/ тени ночи* (the shades of night), *поле* (the field), *лес* (the forest), *облака* (the clouds), *холмы* (the hills). Это дает любопытный художественный эффект: переводчик как будто дорисовывает ломоносовскую картину ночи, выписывая те детали, которым мастер по неизвестной причине внимания не уделил.

К подобному приему прописывания и объяснения Боуринг прибегает и при переводе следующего стиха «Лучи от нас склонились прочь»: “Veiling the last ray of the lingering light”. *Лучи* переводчик передает несколькими словами — «последний луч угасающего света». Здесь мы наблюдаем и генерализацию (свет/light), и конкретизацию (последний луч / the last ray), в стих помещается и целое явление, и его часть. Переводчик исключает зрителя картины мира (ломоносовское *мы/нас*), рисуя картину вечера без наблюдателя, несмотря на то что в заглавии прямо заявлен зрительный код, предполагающий зрителя, — “On Seeing The Great Northern Lights”.

Гениальное двустишие, до настоящего времени одно из самых цитируемых, ставшее чуть ли не визитной карточкой ломоносовского творчества, — описание ночного неба, выражение восторга и благоговения, вызванных созерцанием и осознанием бесконечности Вселенной:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

²³ Перевод Боуринга цитируется по следующему изданию, в дальнейшем без указания страниц: Bowring 1821, 67–70.

Красота стихов оригинала в чеканном, стройном, бессоюзном синтаксисе, звукописи (б-з-в-д-н/е-а-е-а), сливающихся в единое целое две строки, а также в лексическом минимализме (4 слова в пятой строке, 5 слов в шестой строке): два слова из четырех повторяются в шестой строке. *Бездна* имеет прозрачную, не затертую временем, этимологию — *без дна*, то, что не имеет дна²⁴, поэтому повтор оказывается не двойным, а тройным, причем «бездна, у которой нет дна» можно было бы счесть плеоназмом, если бы не гармония и красота целого двустишия. В английском переводе ломоносовское восхищение обретает иную форму:

*The abyss of heaven appears — the stars are kindling round;
Who, who can count those stars, who that abyss can sound?*

Как видим, стихи из девяти русских слов обратились в двадцать одно английское слово, потеряв лаконизм и красивую скупость языка: более чем в два раза Боуринг расширяет словесный ряд, пытаясь передать основные идею и эмоцию ломоносовского двустишия. Кроме того, переводчик явно стремился сохранить лексический параллелизм оригинала («бездна звезд» и «бездна и звезды»): *the abyss — the stars* — в пятой строке перевода, *those stars — that abyss* — в шестой. Однако Боуринг разрывает на два отдельных понятия ломоносовскую *бездну звезд*, составляя словосочетание *the abyss of heaven*, причем уточняя, что именно за бездна открывается — *бездна небес*, и *the stars are kindling round* (зажженные звезды).

Ломоносовский восторг-утверждение «Звездам числа нет, бездне дна» Боуринг трансформирует в риторический вопрос: “Who, who can count those stars, who that abyss can sound?” В оригинале отсутствуют глаголы, Боуринг же вводит обращение к Человеку (*who*) и два глагола — *count* и *sound* / *сосчитать* и *измерить*. Ответ на вопрос ясен: никто не может сосчитать звезды и измерить эту бездну. Что привносят в ломоносовскую картину мира переводческие трансформации?

Основным предметом ломоносовского восхищения является бесконечность Вселенной, именно эту идею транслируют и *бездна звезд*, и *нет числа*, и *нет дна*. Введение переводчиком человеческого измерения и глаголов познания (сосчитать и измерить) сдвигают смысловые акценты в этом двустишии: огромность Вселенной, которую необходимо познать, — непознаваемость ее Человеком — слабость Человека. Если в оригинале первая строфа замкнута на вечернем/ночном пейзаже космического масштаба, то в переводе этот пейзаж, детализированный и прописанный, соотношен с Человеком и научным познанием Вселенной, о чем речь пойдет во второй строфе оригинала.

Вторая строфа оригинала говорит о ничтожности авторского (и человеческого Я) в масштабах Вселенной. Первые четыре стиха содержат четыре сравнения, построенные на антитезе двух предметов или явлений — малом и огромном, слабом

²⁴ «Бездна. прилаг. бездóнный, др.-русск., ст.-слав. бездъна, болг. бѣдна, сербохорв. бѣздан, словен. bédan, чеш. bezdna, польск. bezden и т. д. Заимствовано из старославянского языка. Бездъна — калька греческого abyssos (← а ‘без’ и byssos ‘глубь’, ‘дно’). Образовано с помощью приставки без- от существительного дьно». См.: Фасмер, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-778.htm>.

Ср. с происхождением английского слова: «Abyss (n.) late 14 c., earlier abime (c.1300, from a form in Old French), from Late Latin abyssus “bottomless pit”, from Greek abyssos (limne) “bottomless (pool), “from a- “without” (see a- (2)) + byssos “bottom”, possibly related to bathos “depth”. См.: Online Etymology Dictionary, <http://www.etymonline.com/index.php?term=abyss>.

и сильным, мгновенном и вечном (*песчинка/море, искра/льды, прах/вихрь, огонь/перо*), иногда включающие в противопоставление и эпитеты:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне <...>

Боуринг сохраняет четыре параллельных сравнения, но не следует за ломоносовским безглаголем, отчасти в силу грамматических особенностей английского языка. Между двумя предметами малым и большим, мгновенным и вечным, слабым и сильным переводчик воссоздает действия, те отношения, которые в оригинале опущены, но легко восстанавливаемы читательским воображением:

Just as a sand *'whelm'd* in the infinite sea;
A ray the frozen iceberg *sends* to heaven; <...>
A mote, by midnight's maddened whirlwind *driven* <...>
[Как песчинка, *потонувшая* в безграничном море;
Луч, который ледяная глыба *посылает* в небеса; <...>
Пылинка, *несома* безумным полуночным вихрем <...>]²⁵

Безглагольная конструкция оригинала сохранена только в одном из четырех сравнений перевода:

A feather in the fierce flame's majesty <...>
[Перо в свирепом величии пламени <...>]

Безусловно, восполнение глагольных пустот добавляет динамики сравнительным оборотам, превращая каждый стих в самостоятельную зарисовку с собственным мини-сюжетом. И, конечно, детерминирует смысловые сдвиги.

Из четырех переводных сравнений самым неудачным, на наш взгляд, является сравнение об искре в вечном льде — “A ray the frozen iceberg *sends* to heaven”. Ломоносовское сравнение включает одновременно две оппозиции — количественную и временную, причем члены этих оппозиций восстанавливаются из контекста: *малая* искра / (*большие*) льды и (*мгновенная*) искра / *вечные* льды. В боуринговском переводе отсутствует вообще какое-либо противопоставление: он расширяет предметный план стиха *небесами*, к которым айсберг посылает свой луч. Смысл ломоносовского сравнения полностью утерян, при том что изобразительный эффект перевода во многом совпадает с оригиналом. В итоге — поэтические картины схожи, идеи нет.

Четыре сравнения подготавливают появление главной оппозиции «Я и Бездна», «Я и Вселенная»:

Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Заметим, что ломоносовское страдательное причастие *углублен*, как раз таки содержащее действие, как бы *post factum* указывает на соотношения явлений/предметов в данных выше сравнениях, центральным из которых является малое Я внутри огромной сущности. *Бездна* во второй ломоносовской строфе — ключевое слово: оно связывает первую и вторую строфу, не дает им распасться на отдельные фрагменты текста. В первой строфе — описание бездны космоса, во

²⁵ Здесь и далее в квадратных скобках перевод Боуринга на русский язык мой. — Т. А.

второй — ломоносовское *Я* в этой бездне. В боуринговском переводе эти стихи обрели следующий вид:

Am I, midst this parade: an atom, less than nought,
Lost and o'erpower'd by the gigantic thought.

Как видим, Боуринг отказывается от повтора *бездны* (*the abyss*), заменяя его словом, отражающим красоту космического пространства, — *this parade*, которое, однако, отменяет установленную в оригинале взаимосвязь строф. Кроме того, в перевод введено новое сопоставление и противопоставление: «Так и я, посреди этого парада: атом, меньше, чем ничто, / Потерянный и подавленный гигантской мыслью» (перевод мой. — Т. А.). И здесь перевод превосходит оригинал, достигая невероятной силы противопоставления в оксюморонном сочетании: *Я* — ничто с гигантскими думами. Необходимо также подчеркнуть, что слово *атом*, привнесенное переводчиком, придает тексту новый дискурс — естественной науки: человеческое *Я* определяется через физико-химический термин, вписывая Человека в общую картину мироздания как наименьший физический элемент.

Особо значима для понимания оригинала и перевода третья строфа, в которой звучит идея множественности миров, одна из популярных идей европейского Просвещения, крамольная и гонимая в России в силу ее несовместимости с православным церковным учением. Ломоносов защищает саму идею и пытается примирить её с идеей Бога.

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

Согласно его видению, существуют и другие вселенные, в центре которых находятся свои солнца, эти вселенные населены народами, там также явлена сила Природа (Естества) — и всё это «от Бога» и «во славу Бога». Не можем не сказать, что церковников-ханжей компромиссное толкование Ломоносова не устроило. Пять строк из шести русский просветитель посвятил краткому и точному изъяснению научной концепции, и лишь одним стихом почтил Творца, подытожив — «для общей славы божества». Более того, как и в других строфах (и в произведениях Ломоносова), проходит деистическая мысль о равенстве Природы и Бога, то есть Бог и есть Природа.

Боуринг как создатель книги гимнов во славу Бога поправляет ломоносовский текст соответственно своим представлениям о мире, получая возможность прославить Всевышнего:

And we are told by wisdom's knowing ones,
That these are multitudes of worlds like this;
That you unnumber'd lamps are glowing suns <...>

Он передает идею множественности миров двумя стихами (2–3 стихи строфы), опять-таки расширяя предметный ряд: не просто солнца, но лампы (*lamps*) и солнца (*suns*). От строки, в которой звучит мысль о том, что эти вселенные еще и обитаемы, Боуринг отказывается вовсе, возможно, посчитав ее слишком прямой и смелой: одно дело — допускать существование иных миров и планет,

и совсем другое — признавать существование инопланетных народов. Заключительные три строки строфы — гимнические стихи во славу Предвечного:

And each a link amidst creation is: —
 There dwells the Godhead too — there shines his wisdom’s essence —
 His everlasting strength — his all-supporting presence.
 [И каждое звено в его Творении —
 Там тоже пребывает Бог, — там светит его мудрая сущность —
 Его вечная сила — его поддерживающее все присутствие]

Кажется, что Боуринг не отходит от ломоносовской мысли о «славе божества», но он ее значительно распространяет и делает строфу максимально торжественной. Более того, не осталось и намека на деизм: ломоносовская идея «равна естества» потонула в похвалах Творцу всего сущего. Из трех ломоносовских стихов всего лишь два слова имеют английские эквиваленты: сила — strength, божество — the Godhead. Остальные же по воле переводчика были трансформированы в гимн Богу.

В четвертой строфе оригинала дана картина «великого северного сияния», чуда северной природы, до сих пор не получившего однозначного объяснения:

Но где ж, натура, твой закон?
 С полночных стран встает заря!
 Не солнце ль ставит там свой трон?
 Не льдисты ль мещут огонь моря?
 Се хладный пламень нас покрыл!
 Се в ночь на землю день вступил!

В первых двух строках явлено удивление (если не возмущение) поэта тем, что нарушен обычный круг природных явлений: ночью наступает день, хладный пламень исходит изо льдов. Вся строфа — сплошь вопросы и восклицания. Еще раз отметим, что обращение к «натуре» вполне закономерно: Бог и Натура взаимозаменяемы в ломоносовской картине мира. Правда, видимо, адресовать упрек Богу о нарушении закона Ломоносов все-таки не считал возможным. В переводе эти стихи получают следующее воплощение:

Where are thy secret laws, O nature, where?

Первый стих перевода максимально приближен к оригиналу, за исключением повтора вопросительного слова (*where*), который вполне вписывается в риторику оригинала, и добавления эпитета *secret (laws)*. Последнее кардинально изменяет смысл стиха: удивление несоблюдением обычного порядка вещей заменяет вполне конкретный вопрос о том, где же хранятся тайные секреты Природы. Мотив таинственности будет развиваться и в дальнейшем.

Ломоносовские вопросы в этой строфе нацелены на то, чтобы изобразить картину северного сияния: «не солнце ли?», «не огонь ли ледяных морей?». Боуринг следует заданной выше интенции и переводит ломоносовские вопросы так:

How dost thou light from ice thy torches there?
 There has thy sun some sacred, secret throne?
 [Как создан свет факелов изо льда?
 Там солнце имеет священный, тайный трон?]

Боуринг вновь расширяет номинативный и описательный ряд оригинала, вводя и новые предметы, и новые эпитеты.

See in yon frozen seas what glories have their birth;
Thence night leads forth the day to illuminate the earth.

[Смотри, в этих мерзлых морях, какое великолепие имеет их рождение;

Оттуда ночь приводит день, чтобы осветить землю].

Ломоносовские метафоры «хладный пламень», «льдистые моря мешут огонь», «с полночных стран встает заря», найденные поэтом для описания северного чуда, трудно переводимы на английский язык из-за отсутствия реалий. Поэтому переводчику пришлось в основном отказаться от точных и кратких образных, часто оксюморонных, находок Ломоносова и объяснять читателю великолепие сияния более «прозаичным» языком, думаем, более понятным.

Пятая строфа начинается с обращения к тем, кто исследует законы природы, и завершается вопросом-просьбой, объяснить законы «чудного» явления:

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Из прямых указаний, каких именно ученых имеет в виду русский поэт, имеет-ся лишь отсылка к знатокам движения планет, то есть к астрономам. Посмотрим на английский перевод. Ломоносовское «О вы» заменено на «Приди, философ!», прозрачное для понимания и в целом соответствующее ломоносовскому описанию:

Come then, philosopher! Whose privileged eye
Reads nature's hidden pages and decrees: —
[Приди, философ! Чей особенный глаз
Читает спрятанные страницы и указы природы]

Ломоносовский образ «быстрый зрак», который «пронзает в книгу вечных прав», — одический топос Ломоносова: это особое зрение, точнее умозрение, дух, «мысленный взор», позволяющий пронзать время и пространство, устанавливать связь между земным и небесными мирами. Эта способность мысленно видеть невидимое не принадлежит ему как частному лицу, она подчиняется высшей власти, превращая поэта-ученого в медиатора между мирами.

Значение данного ломоносовского топоса позволяет судить о переводческой замене Боуринга, поставившего на место *быстрого* (зрака) — *privileged (eye)*. Эту замену в рамках целостной картины мира Ломоносова можно было бы признать равноценной, если бы не связь этого эпитета с последующим глаголом «пронзает книгу вечных прав». Здесь вновь вступает в силу антиномичность ломоносовской поэзии: мгновенное познание вечных истин. В боуринговском же переводе это противопоставление отсутствует: познание законов природы представлено как процесс длительный, процесс чтения/открытия природных тайн.

«Призывание» философа продолжается и в 3–4 стихах пятой строфы перевода, в которых Боуринг вольно перелагает ломоносовские стихи:

Которым малый вещи знак
Являет естества устав, <...>

Come now, and tell us whence, and where, and why,
 Earth's icy regions glow with lights like these, <...>
 [Приди сейчас, и скажи нам, откуда и где, и почему,
 Ледяные регионы Земли светиться огнями, как эти]

Стихи Ломоносова описывают универсальный путь познания, а именно наблюдение, сопоставление и установление причин и следствий явлений природы, «естества», причем универсализм этот распространяется не только на естественные науки, но и на общественные и гуманитарные. Русский поэт дает формулу исследовательского пути.

Боуринг отказывается от «формулы познания»: он сужает и конкретизирует задачу «философа», сводя ее к объяснению конкретного явления — северного сияния в «ледяных регионах земли». Собственно, об этом речь шла в финальных строках строфы:

Вам путь известен всех планет;
 Скажите, что нас так мятет?

В фокусе этой ломоносовской строфы находится эпистемологическая проблема. И, несмотря на вопросительную форму, здесь звучит уверенность в возможности познания («Вам путь известен всех планет», то есть уже *известен* и, более того, *всех* планет). Эти стихи Боуринг переводит следующим образом:

That's fill our souls with awe: profound inquirer, say,
 For thou dost count the stars and trace the planet's way!

[Это наполняет наши души благоговением: глубокое познание, скажем, Того, чтобы счесть звезды и изучить пути планет!]

Картина мироздания, рисуемая Боурингом, дополняется и наполняется чувством переводчика — благоговением и трепетом, что смещает фокус смысла с проблемы познания на «трепет душ», исследующих великое творение Божие.

Следующая — шестая — ломоносовская строфа состоит из серии вопросов (четырёх вопросов), в которых русский ученый-поэт пытается описать физическую сторону явления, северного сияния, и сформулировать поэтическим языком научные проблемы, требующие решения:

Что зыблет ясный ночью луч?
 Что тонкий пламень в твердь разит?
 Как молния без грозных туч
 Стремится от земли в зенит?
 Как может быть, чтоб мерзлый пар
 Среди зимы раждал пожар?

Поэтический язык Ломоносова свободно включает физические термины («мерзлый пар», «тонкий пламень»), которые в сочетании с нейтральной лексикой максимально сближают поэзию с наукой, не лишая первую образности, а вторую — точности. Обратимся к переводу Боуринга:

What fills with dazzling beams the illuminated air?
 What wakes the flames that light the firmament?
 The lightnings flash: — there is no thunder there —
 And earth and heaven with fiery sheets are blent:
 The winter night now gleams with brighter, lovelier ray
 Than ever yet adorn'd the golden summer's day.

[Что наполняет ослепительными лучами подсвеченный воздух?
 Что будит пламя, которое освещает небосвод?
 Молнии вспыхивают: — там грома нет—
 И земля и небо слиты воедино огненными всполохами:
 Зимняя ночь теперь блестит лучами, более яркими, красивыми,
 Чем те, которые когда-либо украшали золотой летний день]

Отказ от вопросительной серии лишает строфу главного посыла — посылка научного познания. Переводчик ограничивается двумя вопросами, остальные же четыре стиха трансформирует вновь в описание картины северного сияния, причем картину поэтическую. Если ломоносовские формулировки нацелены на научные ответы (Что? И каким образом?), то Боуринг констатирует и любит. Думаем, поэтому вместо вопроса о том, как же «мерзлый пар» (научно точное определение с привкусом оксюморона) может породить среди зимы «пожар», у Боуринга появляется описание «зимней ночи» с яркими лучами, ночи, соперничающей по красоте с золотым летним днем. Ломоносов не только подчеркивает странность явления (молнии без туч), но и задается вопросом — как же так? Боуринг опять же фиксирует необычную сторону. Скажем короче: у Ломоносова — опозитивированная физика явления, у Боуринга — красота природного явления; у Ломоносова — научная проблема, у Боуринга — поэтическая зарисовка. В основном.

В седьмой строфе отношения оригинала и перевода складываются еще любопытнее. В ломоносовской строфе содержатся научные гипотезы-ответы, поставленные в предыдущей строфе.

Там спорит жирна мгла с водой;
 Иль солнечны лучи блестят,
 Склонясь сквозь воздух к нам густой;
 Иль тучных гор верьхи горят;
 Иль в море дуть престал Зефир,
 И гладки волны бьют в Эфир.

Несмотря на то что Ломоносов предлагает несколько гипотез, все они даны в повествовательном (утвердительно) предложении через союз «иль». Эти гипотезы строго научны. Так, А. А. Морозов считает, что идея о *мерзлом паре*, выдвинутая в этом стихотворении, связана с теорией Х. Вольфа²⁶. Христиан Вольф полагал, что причину северных сияний надо искать в образующихся в недрах земли «тонких испарениях», в том числе селитряных и сернистых, возгорающихся в небе. *Иль тучных гор верьхи горят* — отражает гипотезу бреславльских ученых-натуралистов, что северное сияние не что иное, как отражение огней исландского вулкана Геклы в морских северных льдах при их передвижении. *И гладки волны бьют в эфир* — эти слова отражают теорию самого Ломоносова, указывающего на электрическую природу северных сияний. Ломоносовская версия оказалась ближе других к истине. Не утверждая истинность какой-либо версии, автор все же верит в познаваемость мира.

Боуринг передает гипотетичность как раз таки четырьмя вопросами, создающими парадигму сомнения:

Is there some vast, some hidden magazine,
 Where the gross darkness flames of fire supplies?

²⁶ Ломоносов 1986, 510.

Some phosphorus fabric, which the mountains screen?
 Whose clouds of light above those mountains rise?
 Where the winds rattle loud around the foaming sea,
 And lift the waves to heaven in thundering revelry?
 [Может там есть огромный, секретный склад,
 Где густая мгла воспламеняет запасы огня?
 Фосфорический занавес, который прячет горы?
 Чьи облака восходят наверх гор?
 Где ветры воют громко над пенящимся морем,
 И вздымают волны до небес в разгуле громовом?]

Боуринг не смог или не захотел вычитать научные гипотезы из ломоносовской строфы и перевел их в поэтические объяснения, создавая таинственную картину природного явления. Природа обладает то ли секретным складом огня, то ли таинственным фосфорическим пологом. Строфа получает новое поэтическое измерение, не включающее научных толкований-предположений. Возможно, переводчику не хватило естественных знаний — владения физическими теориями, в силу чего физика заменена поэзией — *таинственными складами огня и волнами до небес*.

В финальной — восьмой — строфе оригинала подводится итог размышлениям поэта, сплошь состоящий из вопросов:

Сомнений полон ваш ответ
 О том, что окрест ближних мест.
 Скажите ж, коль пространен свет?
 И что малейших дале звезд?
 Несведом тварей вам конец?
 Скажите ж, коль велик Творец?

Пространство, которое предлагает поэт познать, — ближнее (*окрест ближних мест*), дальнее (*пространен свет*) и то невидимое и неведомое, которое находится за пределами нашей Вселенной (*что дале звезд*). Пространственное измерение переходит во временное — «несведом тварей вам конец». И последний вопрос вроде бы риторический, и ответ на него должен быть однозначным: Творец велик. Но вопросы 3-4-5 стихов задают не только сомнение, но и содержат интенцию поиска ответов на них, поэтому последний вопрос, венчающий эту вопросную серию, получает иную смысловую составляющую или, во всяком случае, возможность прочтения нескольких смыслов. Вот один из них: только получив ответы на вопросы об устройстве Вселенной и можно оценить величие Творца.

Какому смыслу отдал предпочтение Боуринг? Или какой создал сам?

Thou knowest not! ‘tis doubt, ‘tis darkness all!
 Even here on earth our thoughts benighted stray,
 And all is mystery through this worldly ball –
 Who then can reach or read you milky way?
 Creation’s heights and depths are all unknown — untrod-
 Who then shall say how vast, how great creation’s God?
 [Ты не знаешь! Сомнения, тьма вокруг!
 Даже здесь, на земле наши мысли бродят во мраке невежества,
 И весь этот земной шар покрыт тайной -

Кто же тогда может достичь или прочитать тебя, Млечный Путь?
 Высоты и глубины созданий абсолютно неизвестны — непознаны —
 Кто же может сказать, как огромен, как велик в творениях Бог?]

В переводе Боуринга строфа лишена потенциала полисемии. Решение эпистемологической проблемы дано категорично и однозначно, а именно: мир ближний непознаваем, мир дальний непознаваем тем более, величие Творца не может быть осмыслено человеком вовсе. Идея непознаваемости подчеркнута повторами отрицаний (*knowest not, unknown, untrod*), а также абсолютизированием незнания и тайны (*darkness all, all is mystery, are all unknown*), кроме того, синтаксическими трансформациями (четыре вопроса оригинала / два вопроса, два восклицания перевода).

Следует признать следующее: переводчик определил основную идею строфы как идею непознаваемости мира и Творца и передал ее, максимально усилив ее средствами родного языка. Боуринг воплотил один из возможных смыслов ломоносовской строфы, не оставив читателю свободы для иных интерпретаций.

Таким образом, основная эпистемологическая проблема, решаемая в ломоносовском размышлении неоднозначно, в переводе Боуринга получает единственный ответ — Бог непостижим. Идейно-поэтический формат русского оригинала и его английского перевода совпадают по внешним чертам, но расходятся в смысловых связях и решениях. Научно-поэтическая картина мира в ломоносовском размышлении подменяется религиозно-поэтической картиной мира в переводе Боуринга, отражая при этом как свойства его индивидуального мировоззрения, так и особенности языковой — английской — картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухаркин П. Е.* 2006: Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием Величестве при случае великого северного сияния» М. В. Ломоносова: между однозначностью логики и полисемией языка // XVIII век. СПб., 35–57.
- Выготский Л. С.* 1998: Психология искусства. М.
- Гаспаров М. Л.* 1984: Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.
- Кржижановский С.* 1931: Поэтика заглавий. М.
- Ломоносов М. В.* 1959: Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л.
- Пумпянский Л. В.* 2000: К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по русской литературе. М.
- Рогов В.* 1998: О переводе заглавий”. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/rogov-pr.html>
- Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 частях. СПб.
- Фасмер М.* Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-778.htm>
- Цветкова М. В.* 2009: Метаморфозы поэтического текста при переводе на иностранный язык (Ода Державина «Бог» в переложении Джона Боуринга) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2, 129–132.
- Шкловский В.* 1928: Техника писательского ремесла. М.; Л.
- Эткинд А.* 1998: Поэтика заглавий // Rev. Étud. Slaves. LXX/3, 559–565.
- Bousfield S.* Royal Styles and the uses of “Highness”. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.heraldica.org/topics/royalty/highness.htm>
- Bowring J.* 1821: Specimens of the Russian Poets. London.

Bowring J. 1877: *Autobiographical Recollections*. London.

Johnson S., Walker J. 1828: *Dictionary of the English Language*. The second edition. London.

Johnson S. 1768: *Dictionary of the English Language*. The Third Edition. Dublin.

Sheridan T. 1790: *Complete Dictionary of the English Language both with regard to Sound and Meaning*. The Third Edition: in Two Vol. London.

Smart B. H. 1836: *Pronouncing Dictionary of the English Language*. London.

“VECHERNEYE RAZMYSHLENIYE” BY M. LOMONOSOV AND “EVENING REFLECTIONS” BY G. BOWRING: FROM POLYSEMANTIC MESSAGE OF THE ORIGINAL TO THE MONOSEMANTIC ONE OF THE TRANSLATION

T. Ye. Abramzon

The paper deals with comparative analysis of two works, namely, the spiritual ode “*Vecherneye Razmyshleniye ...*” by M. Lomonosov and its translation “*Evening Reflections, on the Majesty of God, on Seeing the Great Northern Lights*” by G. Bowring. Formally the world image of the original and the translation coincide, but differ in notional ties and solutions. Scientific and poetic world image of M. Lomonosov’s reflections gets transformed into religious-poetic in Bowring’s translation, thus reflecting both his individual world-view, and peculiar English linguistic world image. Integrated epistemological approach to the problem in Lomonosov’s ode gets only one solution — the God is inconceivable.

Key words: M. Lomonosov, “*Vecherneye Razmyshleniye ...*”, G. Bowring, “*Evening Reflections*”, epistemological issue, translation strategies, world image

---

© 2014

Н. А. Тимофеев

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX В.:
ОБРАЗ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

В статье рассматривается проблематика повести А. П. Чехова «*Чёрный монах*». С помощью анализа языковых особенностей и композиционных приёмов исследуются принципы создания образа главного героя и системы персонажей. Через трагедию героя Чехов раскрывает глубинный кризис сознания современников, показывая столкновение рационалистического и иррационального типов мышления как главную подоплёку духовных поисков интеллигенции в конце XIX в.

Ключевые слова: русская литература, Чехов А. П., кризис сознания, библейские мотивы, символика, принцип параллелизма

В 1894 году Чехов публикует повесть «*Чёрный монах*», которая, как отмечают исследователи, своеобразна и содержит нехарактерные для творчества писателя сюжет и некоторые особенности поэтики¹. Однако, вводя новаторские элементы,

---

Тимофеев Никита Анатольевич — аспирант кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: ntimof88@mail.ru

¹ Сухих 2007, 166.

Чехов не отклонился от магистрального пути в своем творчестве, последовательно придерживаясь принципа объективности, глубокого художественного анализа.

Центральная проблема, с которой сталкивались и сталкиваются исследователи, — трудность при выявлении не только авторской позиции (которая всегда в силу специфики чеховского стиля выявляется нелегко), но и самого замысла повести «Черный монах». Поставленный в тупик «туманным» содержанием произведения, еще Н.К. Михайловский вопрошал в своем критическом отклике: «Но что значит самый рассказ? В чем его смысл? <...> Не знаю»².

На наш взгляд, ключом к смыслу произведения может послужить анализ образа главного героя, Коврина, поскольку через призму его сознания показано восприятие мира, именно он задается сложными вопросами о смысле бытия, назначении собственной жизни, избранничестве и т.д.

Нам представляется важным принцип параллелизма, заложенный на разных уровнях произведения. Этот же принцип реализуется и в создании Чеховым системы образов персонажей. В исследовательских работах, посвященных «Черному монаху», нередко была заметна тенденция встать на сторону или Коврина, или Песоцких, одновременно сближая выбранную точку зрения с позицией самого Чехова. В чеховедении даже утвердилось полушутливое разделение литературоведов на «ковринистов» и «песоцкистов»³, в то время как, на наш взгляд, для понимания произведения существенно не противопоставление, а сопоставление и сближение образов Тани, Егора Семеныча и Коврина. Мы склонны разделять мнение В.Б. Катаева: «Чехову не требовалось... отдавать кому-либо из них [героев — *Н.Т.*] предпочтение»⁴.

Сближение образов прослеживается уже на лексическом уровне: при характеристике героев используются или повторяющиеся слова, или же синонимические (*нервный, болезненный, полубольной, непокойный, беспокойный*). О Коврине сказано, что он постоянно находится в состоянии психического возбуждения, крайне чувствителен: «расстроил себе нервы»⁵, «вел нервную, беспокойную жизнь»⁶, «полубольные, издерганные нервы»⁷. Те же самые черты (хотя на первый взгляд не столь очевидные) мы увидим и в Егоре Семеныче (его статьи отличал «непокойный, неровный тон», «нервный, почти болезненный задор»⁸), и в Тани («нервна в высшей степени»⁹). Заметен параллелизм и в других деталях. Читая статьи Егора Семеныча о садоводстве, Коврин с иронией замечает ораторские обороты из латинского языка, не слишком уместные в работе об антоновке: «*audiatur altera pars*», «*sapienti sat*»¹⁰. Но и сам Коврин, желая показать эрудицию, демонстрирует знание латыни при разговоре с черным монахом: «*Rimlyane govoryli: "mens sana in corpore sano"*»¹¹.

² Михайловский 2002, 346–347.

³ Катаев 1979, 193.

⁴ Катаев 1979, 202.

⁵ Чехов 1980/VIII, 226.

⁶ Чехов 1980/VIII, 232.

⁷ Чехов 1980/VIII, 240.

⁸ Чехов 1980/VIII, 237.

⁹ Чехов 1980/VIII, 238.

¹⁰ Чехов 1980/VIII, 237.

¹¹ Чехов 1980/VIII, 243.

Такой параллелизм указывает на некую общность персонажей, этот прием Чехова — сигнал к тому, что нам следует внимательно проследить, в чем совпадают характеры, взгляды, поведение этих героев, столь разных на поверхностный взгляд, и почему автору было важно указать на их глубинное сходство.

В работах, посвященных «Черному монаху», исследователи часто отмечали приземленность устремлений Песоцкого, преданного своему делу, садоводству, и в противовес указывали на возвышенные, отвлеченные идеалы Коврина. Например, А. М. Турков писал: «...уже в этом описании [описании сада — *Н.Т.*] таится предвестие будущего драматического конфликта между Ковриным и Песоцкими, между страстным, до болезненности напряженным духом и здоровой, будничной, слегка <...> муравьиной деятельностью»¹². Как мы указали, напряженность, болезненность по-своему присущи и Песоцким. Если внимательно сопоставить поступки, речь героев, то мы увидим, что Чехов намеренно убирает кажущуюся «пропасть» между возвышенными духовными устремлениями Коврина и «муравьиной» деятельностью Песоцких, сближая персонажей и на этом уровне. Егор Семеныч так говорит о своем деле: «Это не сад, а целое учреждение, имеющее высокую государственную важность, потому что это, так сказать, ступень в новую эру русского хозяйства и русской промышленности»¹³. Черный монах (то есть, по сути, alter ego самого Коврина) убеждает магистра: «Вас, людей, ожидает великая, блестящая будущность. И чем больше на земле таких, как ты, тем скорее осуществится это будущее. Без вас <...> человечество было бы ничтожно <...> оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга»¹⁴. Таким образом, если присмотреться, Егор Семеныч и Коврин оба маниакально убеждены в своем мессианстве, только каждый из них — на своем поприще. Песоцкий верит, что его садоводческие успехи приближают новую эру хозяйства, а Коврин убежден, что его недюжинные умственные способности и избраннычество способствуют приближению рая, всеобщего блаженства. Заметен параллелизм и в речи персонажей: Песоцкий готов отдать жизнь за свой сад, но боится, что в этом нет смысла, и спрашивает: «Но к чему? *Какая цель?*»¹⁵ (курсив мой — *Н.Т.*) Коврин также верит в благо «вечной правды», но, пока монах не уверяет его в существовании вечной жизни, магистр тоже, как и Песоцкий, сетует на бренность всего живого и, опасаясь бессмысленности всех своих усилий и достижений, спрашивает: «Но разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни?», «*А какая цель вечной жизни?*»¹⁶ (курсив мой — *Н.Т.*).

Наконец, даже в психической болезни Коврина есть сходство с Песоцким. Магистр страдает манией величия, и в его сознании наблюдается галлюцинаторное «раздвоение»: черный монах и Коврин сосуществуют. Когда описывается настроение и поведение Егора Семеныча, то отмечается такое же «раздвоение»: «В нем [Егоре Семеныче — *Н.Т.*] уже сидело как будто бы два человека: один был настоящий Егор Семеныч, который, слушая садовника Ивана Карлыча <...> возмутился

¹² Турков 2003, 260.

¹³ Чехов 1980/VIII, 236.

¹⁴ Чехов 1980/VIII, 242.

¹⁵ Чехов 1980/VIII, 236.

¹⁶ Чехов 1980/VIII, 242.

и в отчаянии хватал себя за голову, и другой, не настоящий, точно полупьяный, который вдруг на полуслове прерывал деловой разговор...»¹⁷. Такое же контрастное сосуществование двух настроений заметно и в Тане: «То вдруг нахлынет такая радость, что хочется улететь под облака и там молиться богу, а то вдруг <...> бог весть откуда, придет мысль, что она ничтожна, мелка и недостойна такого великого человека, как Коврин, — и она уходит к себе, запирается на ключ и горько плачет в продолжение нескольких часов. <...> Эти новые ощущения завладели ею совершенно...»¹⁸. Более того, в Тане заметно стремление быть не как все обыкновенные люди, а выше, умнее, чтобы соответствовать Коврину, который в ее глазах великий и гениальный человек. То есть в Тане есть «задатки» такой же, как у Коврина, болезненной самовлюбленности, желая стать над «стадными» людьми.

На уровне других — физиологических — черт опять же заметно указание на общность персонажей: Егор Семеныч страдает одышкой¹⁹, а Коврин незадолго до смерти заболевает чахоткой, при которой также всегда возникает мучительная одышка. При описании Тани сказано, что у нее лицо «с тонкими черными бровями»²⁰, ту же деталь мы видим во внешности черного монаха (то есть alter ego самого Коврина): «Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями...»²¹; «Монах с непокрытою седою головой и с черными бровями...»²².

Как видим, прием параллелизма, отражения последовательно выдержан во всем произведении, но он особенно важен именно для понимания образов персонажей, прежде всего — Коврина. Для чего Чехову понадобился этот «сгущенный» параллелизм? Из-за этих странных повторов, образных и сюжетных переключек у читателя создается впечатление, будто над жизнью героев тяготеет некий неумолимый рок, мрачная разрушительная сила. Однако повесть посвящена разоблачению призраков, объяснению их, поэтому, проанализировав характеры персонажей, мы увидим, что трагедия произошла не из-за какого-то неведомого рока, а в силу *общей* атмосферы, созданной самими героями: из-за завышенных притязаний, неудовлетворенности, эгоистичности — как Песоцких, так и Коврина. Их жизнь — *повторение и отражение* друг в друге, в частности — одинаковые ошибки, заблуждения. В итоге создается как бы замкнутый круг: не вырвавшись за его пределы, герои терпят крах. Чтобы усилить ощущение такого замкнутого круга, Чехов подробно разрабатывает только образы этих трех персонажей и описывает только их мысли и поступки, таким образом «отдаляя» героев от жизни, идущей вокруг: не зря остальные лица намеренно упомянуты лишь вскользь (доктор, гости, садовник Иван Карлыч, Варвара Николаевна) и намечены всего несколькими штрихами.

Бесспорно, что идеи и философия черного монаха/Коврина были чужды Чехову, который не принимал мистицизма, сдержанно относился к религиозным поискам интеллигенции, к философским манифестам и самой эстетике символистов (Мережковского, Минского и других). Об этом писал А.В. Амфитеатов: «Антон

¹⁷ Чехов 1980/VIII, 246.

¹⁸ Чехов 1980/VIII, 245.

¹⁹ Чехов 1980/VIII, 230.

²⁰ Чехов 1980/VIII, 228.

²¹ Чехов 1980/VIII, 234.

²² Чехов 1980/VIII, 256.

Павлович <...> решительно не признавал никаких метафизических априорностей <...> он не умел относиться к ним иначе как к нервной болезни, которой необходимы самый тщательный диагноз и пользование <...> В области всякой мистики, сверхчувственности, сверхъестественного и т.п. Чехов держал себя как в лечебнице для тихих помешанных <...> Мистик — для Чехова человек с отравленным мозгом, переброшенный из действительности в сказку...»²³. В связи с анализируемой нами повестью «Черный монах» весьма показательно замечание мемуариста о том, что увлечения метафизикой и мистикой Чехов уподоблял *нервной болезни*. Как бы ни оценивал писатель влияние «экстаза и вдохновения»²⁴ (по словам Коврина) на продуктивность творчества и т.п., Чехов все же был настроен скептически по отношению к таким проявлениям психики. В.Б. Катаев отмечал: «Уклоняясь от дидактизма <...> Чехов находит чисто художественные средства навести читателя на мысль о норме, от которой уклоняется жизнь его героев»²⁵.

Но каковы же истоки странных идей Коврина (которые, несомненно, относятся к области религиозной метафизики и мистичны по сути своей)? Исследователи неоднократно отмечали, что настроения, мысли, схожие с ковринскими, были изложены в философских и эстетических работах, манифестах символистов, движение которых начало набирать силу в 1890-е гг. Чехову знал о теории мэонизма, развивавшейся Н.М. Минским в труде «При свете совести»: в библиотеке Чехова было это произведение. В книге Минский рассуждает о том, что человек по природе своей всегда сконцентрирован на поиске смысла жизни, устремлен к поиску истоков бытия. В своем труде философ рассматривал те противоречия, которые неизбежны и извечно заставляют людей мучиться. Автор подвергал критическому разбору «ходячую» общественную мораль. Способ выйти из тягостных противоречий Минский нашел, открыв понятие так называемых *мэонов*. Он писал: «Изучение понятий о бытии и небытии приведет нас к высшей идее <...> в которой <...> примиряются и разрешаются противоречия жизни. Эту идею я буду называть мэоном»²⁶. Минский настаивает на иррационализме и считает, что человек должен научиться выходить за пределы эмпиризма: «Душа <...> отрицает и признает ничтожными и призрачными все измерения опытом и постигнутые рассудком тела и даже самый опыт и рассудок. <...> Опыт, как бы далеко он ни простирал свои измерения, никогда не откроет других тел, кроме измеримых и ограниченных...»²⁷. Хотя несомненна полемическая направленность повести Чехова по отношению к философии Минского (не зря в раннем рассказе «Литературная табель о рангах» (1886) Минский был отнесен к жалкому чину коллежских регистраторов, а в письме к Книппер назван «лживым», «ломакой»²⁸), но вместе с тем многочисленны глубоки смысловые переклички «Черного монаха» и книги «При свете совести».

Устремленность к вечному бытию и блаженству — вот что пленило Коврина. Бессмысленность, конечность земного — вот что ужасало героя. В труде Минского примечательны рассуждения об одной из главных черт, присущих людям, о

²³ Амфитеатров 2010/II, 89.

²⁴ Чехов 1980/VIII, 251.

²⁵ Катаев 1979, 200.

²⁶ Минский 1897, 155.

²⁷ Минский 1897, 159–160.

²⁸ Чехов 1977/XI, 195.

неотъемлемой особенности человеческой природы: о *желании первенствовать*, то есть как раз о том, чего жаждал Коврин, а также — по-своему — и Таня, и Егор Семеныч. Минский писал: «Болезнь, называемая в науке *манией величия*, по отношению к нашему времени не есть мания или болезнь, а всеобщее следствие высокой культуры, *созревший плод самолюбия*»²⁹ (курсив мой — *Н.Т.*). Говоря о желании человека встать над толпой, Минский отмечает мнимую скромность себялюбцев: «Чтобы добиться добровольного поклонения себе, он [себялюбец — *Н.Т.*] должен притворяться, пред собою и другими, будто никакого поклонения не ищет, будто счастье людей само по себе ему дороже собственного счастья»³⁰. Коврин и сам в результате такого самообмана поверил, что слава будто бы не прельщает его: на слова черного монаха: «...ты умен. Ты к славе относишься безразлично, как к игрушке, которая тебя не занимает», — Коврин отвечает: «Да, это правда»³¹.

Литературоведы, пытаясь истолковать смысл повести, приходили к выводу, что Чехов хотел показать погоню героев за мнимыми идеалами, в результате чего эти персонажи прошли мимо настоящей жизни. Например, В.Б. Катаев писал: «Не видеть, не ценить красоту, которая рядом, — это общий удел героев...»³²; «И указания на красоту, мимо которой проходят или которую губят <...> герои, и создание определенного настроения у читателя становятся в рассказе Чехова весьма действенным эстетическим средством выражения авторских представлений о должном, “о настоящей правде”»³³. Эту же точку зрения разделяют И.Н. Сухих и Л.А. Капитанова. На наш взгляд, подобное объяснение повести справедливо лишь отчасти. Свое суждение литературоведы подкрепляют цитатами из финального эпизода, где Коврин перед смертью зовет Таню, роскошный сад, прекрасную жизнь. Но надо признать, что если Песоцкие в самом деле были слишком увлечены своим «коммерческим» садом и не обращали внимания на поэзию жизни, то Коврин, в отличие от них, все-таки видел и ценил красоту (*до лечения* от душевной болезни): по приезде к Песоцким магистр любит природой, именно его глазами мы видим пейзажи: «Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов <...> Коврину не случилось видеть нигде <...> Весна была еще только в начале <...> но уж и того, что цвело вдоль аллей и там и сям на клумбах, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя в царстве нежных красок»³⁴; «Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Коврин вспомнил, что ведь это еще только начало мая <...> и вдруг в груди его шевельнулось радостное молодое чувство...»³⁵; «Он внимательно читал, делал заметки и изредка поднимал глаза, чтобы взглянуть на открытые окна или на свежие, еще мокрые от росы цветы <...> и ему казалось, что в нем каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия»³⁶.

Однако, на наш взгляд, мотив неувиденной, неоцененной красоты не глав-

²⁹ Минский 1897, 10.

³⁰ Минский, 1897, 19.

³¹ Чехов 1980/VIII, 248.

³² Катаев 1979, 200.

³³ Катаев 1979, 200–201.

³⁴ Чехов 1980/VIII, 226–227.

³⁵ Чехов 1980/VIII, 231.

³⁶ Чехов 1980/VIII, 232.

ный в повести. Названный мотив, который в самом деле присутствует в целом ряде рассказов и повестей (начиная с «Цветов запоздалых» (1882 г.) и заканчивая «Архиереем» (1902 г.)), разрабатывался в этих произведениях с помощью традиционных приемов чеховской поэтики, в то время как «Черный монах», как мы уже указали, признается литературоведами несколько «нетипичной» для Чехова повестью, которая — в силу специфики стилистических признаков — стоит в творчестве писателя особняком. Поэтому закономерно предположить, что новаторские приемы были использованы автором для того, чтобы полнее раскрыть некую другую сложную проблему, которой «Черный монах» и был всецело посвящен.

Какова же эта проблема и почему в этом произведении Чехов так сгущает символику? И.Н. Сухих заметил, что Чехов, дав в повести явно мистическую атмосферу, все-таки «заземлил»³⁷ ее, мотивировав все странные события душевной болезнью героя. И тем не менее не случайны, показательны и само обращение писателя к загадочному, «готическому» сюжету, и тщательное создание таинственной атмосферы, и вынесение в заглавие главного символа — черного монаха.

Как мы уже отметили, повесть полемична по отношению к философским и эстетическим работам символистов, но, как ни странно, одновременно с тем весь материал, положенный в ее основу, целиком «пропитан» настроениями, идеями писателей символистского круга. Чехов был лично знаком с Д.С. Мережковским, который в 1893 г. выступил с манифестом «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», ставшим важной вехой в русской литературе. Между прочим, Мережковский пронизательно отметил краеугольную проблему сознания современников: «Новейшая теория познания воздвигла несокрушимую плотину, которая навеки отделила твердую землю <...> от безграничного и темного океана, лежащего за пределами нашего познания. <...> Никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой <...> Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном неразрешимом диссонансе <...> заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX в. Наше время должно определить двумя противоположными чертами: это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем страстных *идеальных* порывов духа. <...> Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний. Умственная борьба, наполняющая XIX в., не могла не отразиться на современной литературе»³⁸.

Таким образом, в повести Чехов как раз отразил эту проблему. Размышления Коврина на определенном этапе также отражают ту умственную борьбу, о которой писал Мережковский: борьбу материализма, *ratio* и устремлений к божественному, к вечной жизни. По сути, Чехов поставил в повести трудную, ответственную задачу: сконцентрировано продемонстрировать два полюса мышления передового современного человека, интеллигента. Для того чтобы раскрыть эту проблему, писатель прибег к сложному художественному приему: «расщепил» сознание героя, который попеременно принимает как мировоззрение две противоположных картины мира. До появления галлюцинации — черного монаха — и утверждения своих тайных идеалистических устремлений ума и сердца Коврин склонен

³⁷ Сухих 2007, 168.

³⁸ Мережковский 2007, 454–455.

к скептицизму, неверию, которое удручает его. Более того, именно внутренняя неудовлетворенность, вполне возможно, как раз и «расстраивает нервы».

Существенны в повести и скрытые библейские мотивы. И.Н. Сухих указывает, что черный монах может выступать предвестником грядущего Страшного суда: «Черный монах, по смыслу легенды <...> оказывается <...> “священником Бога и Христа” <...> Таким же апостолом называет он и Коврина. Фраза об “избранниках божьих” приобретает <...> самый прямой смысл. Поверх отсылки к разным философским системам возникает в повести и эта параллель. Слова монаха в первой беседе с магистром о вечной жизни, о благословении божьем, о конце земной истории поддерживают ее. Они тоже восходят к Апокалипсису»³⁹.

Цитаты из библейских текстов встречаются как в речи черного монаха, так и в речи Коврина. Магистра прельщает не только желание встать над «стадом», но и приблизить конец земной истории, а следовательно, и второе пришествие Христа, и Страшный суд. Знаменательна в этой связи деталь в начале VIII главы. Магистр уже излечился от галлюцинаций, не видит черного монаха. «Под Ильин день вечером в доме служили всенощную. <...> Коврину стало скучно»⁴⁰. Ильин день — день, посвященный Илие (Пророку). Этот святой упоминается в религиозных текстах как предвестник второго пришествия Христа: «Большую роль играет образ Илии <...> в христианской эсхатологии. <...> Он выступает как предтеча и провозвестник мессии <...> которого бог посылает на землю перед страшным судом <...> христианская традиция отождествила с Илией одного из “свидетелей”, упоминаемых в Апокалипсисе, которые будут пророчествовать в “конце времен”...»⁴¹. Таким образом, эта деталь — очередная отсылка к несостоявшемуся «апостольству» Коврина, и «скучно» магистру становится именно оттого, что сердцем он уже не ощущает своей «избранности», не верит в нее. Не случайно, покинув всенощную, Коврин в унынии идет именно в поле, где год назад впервые увидел черного монаха: Чехов показывает томление духа героя, который вновь оказался во власти рассудка, вернулся к материалистической точке зрения на мир, но подспудно испытывает внутреннюю потребность в вере, в божественном.

Итак, на примере духовных поисков и судьбы Коврина Чехов высветил главное противоречие, присущее сознанию людей конца XIX в., — борьбу между «необходимостью верить» и «невозможностью верить». Приводя Коврина к трагическому финалу, писатель показал несостоятельность *крайних* устремлений ума и духа. Стремление символистов, мистиков погрузить сознание человека в область иррационального, загадочного, подвести под любые вопросы бытия религиозное или мистическое объяснение вызывали у Чехова недоверие и настороженность, порою — даже злую насмешку. Не зря в одном из чеховских писем Минский назван «лживым»⁴², о символистах и декадентах писатель (по воспоминаниям Серебров-Тихонова) отзывался как о людях, по его убеждению, не вполне искренних: «Жулики они, а не декаденты! <...> Религия, мистика и всякая чертовщина! <...> Это все они нарочно придумали, чтобы публику морочить. Вы им не верьте»⁴³.

³⁹ Сухих 2007, 167.

⁴⁰ Чехов 1980/VIII, 250.

⁴¹ Иванов 1987/I, 506.

⁴² Чехов 1977/XI, 195.

⁴³ Серебров-Тихонов 1986, 590.

Деятельность Мережковского, неуклонно и строго следовавшего своей религиозно-философской программе, Чехов считал слишком рассудочной, нежизненной, писатель считал, что в ней заметна тенденциозность, которая всегда приводит к необъективности и к тому, что исследователь начинает «отмахиваться» от не подводимых под систему явлений, фактов реальности. Поэтому в письме к Дягилеву Чехов писал, что ему не близки взгляды философа, который «верует определенно, верует учительски»⁴⁴.

Недаром образ черного монаха (символической концентрации мистико-религиозных, мегаломанических фантазий и идей Коврина) в повести неизменно характеризуется словом «лукавый»⁴⁵, «себе на уме»⁴⁶, то есть неискренний, не до конца открытый. Таким образом, в произведении Чехов, обличая небезобидную тенденцию эпохи, проводит важную мысль: люди избирают отвлеченную философскую систему, но в крайностях впадают в ошибки и самообман, что в итоге приводит к тяжелым душевным срывам, как это случилось с героем повести.

Хотя повесть, как мы уже отметили, является по поэтике весьма нетипичной для творчества Чехова, но ее проблематика и образ героя не только не «выпадают» из художественной системы, но и развивают, дополняют ее. В финале произведения Коврин размышляет о том, что «вымещал на ни в чем не повинных людях свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью»⁴⁷. Таким образом, перед нами — опять типичный представитель поколения, психологию которого детально исследовал Чехов на протяжении всего творчества. В «Черном монахе» (как и в предшествовавшей ему повести «Рассказ неизвестного человека») автор демонстрирует духовную опустошенность, идейный тупик человека, который потому не может прожить жизнь «осмысленно, красиво»⁴⁸, что не знает, на чем должно зиждиться его мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А. В.* 2010: Десятилетняя годовщина // Чехов: pro et contra: в 2 т. / И. Н. Сухих (ред.). СПб., 55–95.
- Иванов В. В.* 1987: Илия // Мифы народов мира: в 2 т. / С. А. Токарев (ред.). М., 504–506.
- Катаев В. Б.* 1979: Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.
- Мережковский Д. С.* 2007: Вечные спутники. СПб.
- Минский Н. М.* 1897: При свете совести: мысли и мечты о цели жизни. СПб.
- Михайловский Н. К.* 2002: Кое-что о г-не Чехове // А. П. Чехов: pro et contra: в 2 т. / И. Н. Сухих (ред.). СПб., 332–355.
- Серебров-Тихонов А. Н.* 1986: О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / Н. И. Гитович (ред.). М., 583–597.
- Сухих И. Н.* 2007: Проблемы поэтики Чехова. СПб.
- Турков А. М.* 2003: Чехов и его время. М.
- Чехов А. П.* 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.

⁴⁴ Чехов 1977/XI, 234.

⁴⁵ Чехов 1980/VIII, 234, 241.

⁴⁶ Чехов 1980/VIII, 241.

⁴⁷ Чехов 1980/VIII, 254.

⁴⁸ Чехов 1980/VIII, 213.

SPIRITUAL CRISIS OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE LATE 19th
CENTURY: PROTAGONIST IN A. CHEKHOV'S NARRATIVE
"THE BLACK MONK"

N. A. Timofeyev

The paper deals with the subject matter of A. Chekhov's narrative "The Black Monk". The analysis of linguistic features and composition techniques underlie the study of protagonist's and characters' characterization. Chekhov through the tragedy of his hero reveals the deep crisis of his contemporaries' consciousness and shows the clash of irrational and rational types of thinking as the hidden motive for spiritual quest of Russian intelligentsia of the late 19th c.

Key words: Russian literature, A. P. Chekhov, consciousness crisis, Biblical motifs, symbolism, parallelism principles

---

© 2014

О. В. Морозова

ТЕМА ДЕТСТВА: ЧЕХОВСКИЕ «ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ» ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. БЛОКА

В статье рассматривается проблема перехода от реализма к символизму в русской литературе на рубеже XIX–XX вв. на примере творчества А. П. Чехова и А. А. Блока. Предмет исследования — репрезентация в обращении писателей к теме детства, а также влияние творчества Чехова на символистов, проявившееся как на уровне отдельных образов, тем и мотивов, так и в области принципов художественной организации текста (Минц), в области поэтики.

Ключевые слова: рубеж XIX–XX вв., реализм, символизм, принципы художественной организации текста, тема детства, поэтика, А. П. Чехов, А. А. Блок

На рубеже XIX–XX вв. наблюдается всплеск писательского интереса к теме детства. Каждому из направлений в истории литературы было свойственно свое отношение к данной теме: так, например, классицизм, ориентированный на поиск образцового, всеобщего в людях, детство воспринимает как уклонение от нормы, неразумие, незрелость (впрочем, и на рубеже XIX–XX вв. публикуется немало морализаторских опусов, выдаваемых за детскую литературу, которые пародирует Чехов в своем знаменитом «Сборнике для детей»); для просветителей дети — благодатная почва, которая при должном воспитании должна дать достойные плоды разумности и добронравия. Как отмечает М. Эпштейн, «само понятие детства как самоценной стадии духовного развития могло возникнуть только на почве сентиментально-романтического умозрения»¹. На рубеже XIX–XX вв. к данной

Морозова Ольга Владимировна — аспирантка кафедры истории русской литературы и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: olge1988@list.ru

¹ Эпштейн 2006, 151.

теме обращаются представители разных направлений, в частности А. П. Чехов, творчество которого традиционно воспринимается как последняя веха в истории «золотого века» русской литературы, писатель-реалист и «запоздалый классик», а также представители нового искусства — символисты. Следовательно, в развитии темы детства в этот период выразилась смена литературных направлений, двух типов мировоззрения, двух картин мира. «Конец века так долго рассматривался в советском литературоведении *sub specie* Чехова, что новое литературоведение, сосредоточившее свои усилия на реконструкции русского символизма и постсимволизма и на изучении авангарда, инстинктивно обходило его стороной. Получалась как бы альтернативная реконструкция «прекрасной эпохи» — без Чехова. Эти две науки описывали два разных, непересекающихся социо-культурных «хронотопа»: вначале девяностые годы Чехова, потом девяностые годы «декадентов»². В этом свете представляется актуальным сопоставить произведения А. П. Чехова и писателей-символистов, проследить преемственность и обозначить характер возможных различий в их поэтике, решить, уместно ли здесь говорить о сходстве — генетическом или типологическом в развитии темы детства, а также о влиянии либо взаимовлиянии авторов.

Тема детства занимает особое место в творчестве Чехова. В полном собрании сочинений писателя присутствует целый ряд произведений о детях: «Степь», «Гриша», «Житейская мелочь», «Мальчики», «Событие», «Белолобый», «Спать хочется» и многие другие. Как отмечает Л. Громов, «Чехов был близок к издававшимся в его время журналам «Детский отдых» и «Детское чтение» (в последнем был напечатан его рассказ «Белолобый»), общался и переписывался с детскими писателями (Киселевой, Островской и др.), в письмах к ним выступал в качестве литературного критика, помогал им своими советами, а также содействовал продвижению их произведений в печать»³. И при жизни Чехова отдельными книжками выходили сборники его рассказов для детей: так, в 1889 г. отдельной книжкой был выпущен сборник «Детвора», куда вошли рассказы «Детвора», «Ванька», «Кухарка женится», «Беглец» «Событие» и «Дома», в 1892 г. отдельным изданием вышла «Каштанка» (первая публикация — в «Новом времени» в 1887 г.), переиздававшаяся только с 1893 по 1896 гг. шесть раз.

Символисты также внесли свой вклад в развитие как детской литературы, так и темы детства в литературе для взрослых. Так, А. А. Блок издал два стихотворных сборника для детей: «Сказки» и «Круглый год», — для детей писал В. Я. Брюсов, жанр литературной сказки на рубеже столетий получает развитие в творчестве З. Гиппиус, М. Кузмина, А. Ремизова, Ф. Сологуба и К. Бальмонта.

В данной статье мы позволили себе сосредоточиться только на творчестве А. П. Чехова и А. А. Блока и предметом интереса является не развитие литературы для детей (хотя, безусловно, обращение к ней писателей является свидетельством значимости образа ребенка в общественном сознании рубежа веков), а тема детства, особенности изображения ребенка в качестве главного героя, отражение его внутреннего мира. Примеры подобных произведений как в творчестве Чехова, так и у писателей-символистов представлены в изобилии. Так, например, только в символистском журнале «Новый путь» за 1903 г. практически в каждом номере

² Толстая 2002, 9.

³ Громов, <http://www.anton-chehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html>.

присутствует рассказ, повесть либо пьеса о детях, в одном номере может быть опубликовано до трех (sic!) таких произведений. Вот некоторые из них: драма Л. Семенова «Около тайны», рассказ Н. Бобринского «Боря умер», сказка А. Ремизова «Медведюшка» и т.д. Что же вызвало настолько частотные обращения писателей к данной теме?

Следует заметить, что в разработке данной темы, в изображении маленьких героев символисты много переняли у автора «Степи», «Каштанки» и рассказа «Спать хочется». В качестве рассказчика у Чехова выступает, как правило, не сам ребенок или подросток, однако повествователь, наблюдающий все происходящее со стороны, сопереживает маленькому герою, словно проникнув в его сознание, он глубоко понимает и разделяет его чувства, и сам видит мир будто глазами ребенка. «Он не старался уснуть, а сидел в постели, обняв руками колена, и думал. Мысль об экзамене была ему противна. Он уже решил, что его исключат и что в этом исключении нет ничего ужасного. Напротив, все очень хорошо, даже очень. Завтра он будет свободен, как птица, наденет партикулярное платье, будет курить явно, ездить сюда и ухаживать за Нютой, когда угодно; и уж он будет не гимназистом, а «молодым человеком» А остальное, что называется карьерой и будущим, так ясно: Володя поступит в вольноопределяющиеся, в телеграфисты, наконец, в аптеку, где дослужится до провизора... мало ли должностей? Прошел час-другой, а он все сидел и думал...»⁴. О своих злоключениях рассказывает не Володя из одноименного рассказа Чехова, за него это делает повествователь, но, несомненно, передается ход размышлений юного героя («все очень хорошо, даже очень», «остальное, что называется карьерой и будущим, так ясно...» и т.д.); в повествование вплетаются реплики, которые могут принадлежать только мальчику, — например, мечта Володи из гимназиста сделаться «молодым человеком», ухаживать за дамой сердца «когда угодно» и, конечно, «курить явно». Кроме того, детям свойственно, размышляя о жизни, подобно Володе, говорить о себе в третьем лице. Так, например, В. Ходасевич вспоминает: «Как многие дети, я часто задумывался, не подкидыш ли я, и преисполнялся к себе жгучею жалостью. Порою после какой-нибудь неприятности я находил наслаждение в том, что изо всех сил бередил эту рану. Я запирался в самом отдаленном и отнюдь не для того предназначенном уголке квартиры, и там, в тесноте, при свете огарка, предавался страшным мечтам. Мне виделись душераздирающие семейные сцены, навеянные чтением Диккенса и Шпильгагена. Я в них играл роль жертвы, столь несчастной и столь благородной, как только можно себе представить. При этом я думал о себе в третьем лице: «он». Каждый раз все кончалось тем, что «он», произнеся самую сердцепипательную и самую самоотверженную речь в мире, всех примирив, всё устроив, всех сделав счастливыми, падал жертвою перенесенных страданий: «Сказав это, он приложил руку к сердцу, зашатался и упал мертвым». Далее воображал я уже надгробные о себе рыдания — и сам начинал плакать. То были, однако, сладкие слезы, очистительные, как все, проливаемые над вымыслом. Свое странное убежище я покидал умиротворенный и размягченный сердечно, в некой духовной приподнятости, и давал себе слово впредь быть именно таким хорошим

⁴ Чехов 1976/6, 203.

и великодушным, каким только что себя воображал»⁵. Трагически заканчивается и рассказ «Володя», главный герой которого «падает жертвой перенесенных страданий» — совершает самоубийство.

Отличительной особенностью произведений Чехова является то, что мир увиден как будто глазами ребенка. Иногда планы повествования совмещаются, и мы видим происходящее одновременно и со стороны вместе с безымянным повествователем, и глазами главного героя («Спать хочется», «Степь»). Например, в повести «Степь» в начале путешествия Егорушки с о. Христофором и дядей Иваном Ивановичем Кузьмичовым дается такая картина: «Мальчик всматривался в знакомые места, а *ненавистная* (курсив мой — *О.М.*) бричка бежала мимо и оставляла все позади»⁶. В данном случае эпитет «ненавистная» принадлежит, безусловно, повествователю, ребенок не мог бы так выразиться. Однако в этом слове отражены чувства и переживания не рассказчика, а Егорушки — ведь это он со слезами покидает родные места и едет в неизвестность по жаркой, залитой солнцем бесконечной степи, подпрыгивая, «как чайник на конфорке»⁷ (сравнение в равной мере может принадлежать как повествователю, так и Егорушке). В подобных случаях возможно, на наш взгляд, говорить о полифонии (термин М. М. Бахтина, предложенный в работе «Проблемы поэтики Достоевского»), пожалуй, в более расширенном понимании, чем в произведениях Достоевского: в данном случае речь идет не только о собственно многоголосии, но и о создании многомерного изображения за счет совмещения разных планов, разных точек зрения (уместно было бы сравнить возникающий эффект с созданием цветной фотографии — когда накладываются друг на друга разноцветные негативы).

С другой стороны, совмещение в повествовании одновременно двух планов — точки зрения рассказчика и точки зрения главного героя-ребенка — позволяет создать в произведении атмосферу волшебного, полного чудес и загадок мира, где живо и интересно все, все в равной мере значимо и достойно внимания: ведь за каждым домом, пейзажем, предметом, деревом и т.д. может стоять целая история, приключение, что-то, напоминающее о родных и дорогое сердцу: «Когда бричка проезжала мимо острога, Егорушка взглянул на часовых, тихо ходивших около высокой белой стены, на маленькие решетчатые окна, на крест, блестящий на крыше, и вспомнил, как неделю тому назад, в день Казанской божьей матери, он ходил с мамашей в острожную церковь на престольный праздник; а еще ранее, на Пасху, он приходил в острог с кухаркой Людмилой и Дениской и приносил сюда куличи, яйца, пироги и жареную говядину; арестанты благодарили и крестились, а один из них подарил Егорушке оловянные запонки собственного изделия»⁸. Нам представляется, что именно это чеховское открытие оказалось созвучно и предвосхитило особенно значимые элементы поэтики произведений символистов.

Говоря о влиянии на А. А. Блока того или иного автора, во-первых, необходимо отдельно рассматривать каждый из периодов творчества поэта; во-вторых, анализировать не только аллюзии и реминисценции, но и характер организации тек-

⁵ Ходасевич, <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/belyj-koridor/mladenchestvo.htm>

⁶ Чехов 1977/7, 14.

⁷ Чехов 1977/7, 14.

⁸ Чехов 1977/7, 14.

ста произведения, тематику, обращаться к мотивному анализу; в-третьих, помнить о «полигенетичности» образов в творчестве Блока. «Интерес к тому или иному автору у Блока, как правило, активно отражается в его творчестве: появляются не только новые принципы художественной организации текста, но и многочисленные цитаты, реминисценции и т.д. Такие цитаты, однако, вовсе не «зеркальное» отражение «влиятельных», а скорее знаки той традиции, которую они представляют, «ключ к шифру» (Блок) — тому языку, на котором их можно понять. Цитата — часть художественной системы того или иного автора, и чтобы раскрыть ее значение, надо выяснить не только «откуда она», но и каким законам подчиняется цитация в его творчестве, каковы ее эстетические функции⁹. [...] Особенно следует помнить, что «чужое слово» в творчестве позднего Блока, как правило, «полигенетично» (В.М. Жирмунский), то есть восходит *одновременно к нескольким* разным источникам, получая свой общий смысл лишь в отношении ко всем им (и во всем объеме своих внутритекстовых связей). [...] Роль полигенезиса в понимании художественного смысла цитаты у Блока очень велика: достаточно сказать, что это — один из источников создания той «бездонной многозначности» произведения, которую мы постоянно ощущаем в его лирике»¹⁰, — отмечает З. Г. Минц. Наконец, важно учитывать также, что в конце XIX — начале XX в. формируется и закрепляется в сознании читательской публики «чеховский миф»¹¹, оказавший влияние на восприятие творчества писателя в том числе и представителями культурной элиты эпохи и отразившийся на творческом осмыслении Блоком чеховского наследия. Возможно, отчасти под влиянием мифа объектом внимания Блока становится лишь определенный корпус чеховских текстов (но лишь отчасти, поскольку у Блока встречаем отсылки к тем чеховским произведениям, которые не вошли в состав мифа). Так, «Чайка», «Черный монах», «Вишневый сад» и др.; отдельные цитаты и образы из произведений Чехова, приемы, принципы художественной организации текста, например, «небо в алмазах», «я чайка», звук лопнувшей струны, стук топора, «В Москву! В Москву!», человек в футляре и т.д.: а) оказались невероятно созвучны поэтике произведений символистов и предвосхитили их художественные открытия; б) стали частью мифа о писателе. Возможно, произошло это во многом потому, что влияние на формирование чеховского мифа отдельных представителей символизма (прежде всего, З. Н. Гиппиус) было значительным.

Легко заметить, что у Чехова в восприятии мира маленьким героем много общего с теми «осколками» культурной памяти, о которых говорит Ю. М. Лотман применительно к творчеству Блока, с той лишь разницей, что Лотман говорит о текстах в классическом понимании: «Целостные тексты, организованные и выраженные на всех уровнях, при частичном забывании остаются в памяти в виде своеобразных «осколков», из которых, однако, при припоминании может быть снова восстановлен целостный текст. Если в качестве такого «осколка», выполняющего роль свернутой программы текста, выступает элемент высокого уровня, в памяти остается логически построенная мысль или часть ее. В этом случае восстановление целостного текста выступает как сознательный акт. Если же в памяти

⁹ Минц 1973, 387–417.

¹⁰ Минц 2000, 26–27.

¹¹ Подробнее об этом: Бушканец 2012; Морозова 2011а; 2011б.

застревает «осколок» низших уровней — слово, конкретизированное до звукового образа, зрительный образ конкретного предмета, выступающий как вырванный из контекста знак, — то реконструкция забытого текста протекает как неосознанный и неожиданный для самого субъекта процесс»¹².

Подобное представленному в чеховском тексте восприятие мира встречаем у лирического героя ряда стихотворений А. А. Блока: вот одно из них, написанное в Шахматово в 1898 г. — как раз в тот период, когда в творчестве поэта наиболее частотны обращения к чеховским образам, мотивам: *Полный месяц встал над лугом / Неизменным дивным кругом, / Светит и молчит./ Бледный, бледный луг цветущий, / Мрак ночной, по нем ползущий,/ Отдыхает, спит./ Жутко выйти на дорогу: / Непонятная тревога/ Под луной царит. / Хоть и знаешь: утром рано / Солнце выйдет из тумана, / Поле озарит, / И тогда пойдешь тропинкой, / Где под каждою былинкой / Жизнь кипит*¹³.

*Нередко в произведениях Чехова глазами ребенка мы видим поистине заораживающие, действующие на воображение картины: «А за кладбищем дымились кирпичные заводы. Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыши, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх. Небо над заводами и кладбищем было смугло, и большие тени от клубов дыма ползли по полю и через дорогу. В дыму около крыши двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...»*¹⁴. В циклах стихотворений А. А. Блока («Страшный мир», «Снежная маска» и др.) лирический герой наблюдает настолько близкие чеховским сцены (несмотря на то, что они даны вне обращения к детской теме), что влияние поэтики произведений Чехова на поэта очевидно. Например, стихотворение «Фабрика» из цикла «Распутья» (1902–1904 гг.): *В соседнем доме окна желты. / По вечерам — по вечерам / Скрипят задумчивые болты, / Подходят люди к воротам. // И глухо заперты ворота, / А на стене — а на стене / Недвижный кто-то, черный кто-то / Людей считает в тишине*¹⁵...

В произведениях Блока мы будто видим мир глазами человека, восприятие которого во многом напоминает детское: мир предстает загадочным, таинственным, порой страшным. Безусловно, данная особенность блоковских текстов связана с художественно-философскими установками символизма, однако нельзя не заметить, что подобный «принцип организации текста» (Минц) был заимствован символистами у Чехова. П. Генри в своей статье, включенной в сборник «Чеховиана», сопоставив поэтику произведений Чехова и А. Белого, приходит к схожим выводам: «В романе «Петербург» упоминаются не только силуэты, но и тени, очертания. Однако и в этом Чехов предвосхищает практику модернистов. Так, Егорушке («Степь») кажется, что тени оживают, передвигаются как одушевленные предметы: «широкие тени ходят по равнине, как облака по небу». Такое мы находим не только в детском восприятии Егорушки, но во «взрослом», в речи повествователя. Абогин и Кирилов видели ночью, как на пруду «спали черные тени» («Враги»). В рассказе «Верочка»: «две длинные, узкие тени шагнули через ступени к цветочным клумбам. [...] Затем от палисадника отделилась темная тень и пошла к нему

¹² Лотман, <http://philologos.narod.ru/lotman/apt/32.htm#62>

¹³ Блок 1997/1, 14.

¹⁴ Чехов 1977/7, 15.

¹⁵ Блок 1997/1, 166.

навстречу»; и «весь мир, казалось, состоял из черных теней и бродивших белых теней. [...] В рассказе Чехова «Тиф» речь идет даже о двойной тени: «Тень сестры становилась на колени и молилась: она кланялась образу, кланялась на стене и ее серая тень, так что богу кланялись две тени»¹⁶.

Использование такого способа организации повествования в художественном тексте свойственно А. Блоку лишь в те периоды, когда поэт обращает пристальное внимание на творчество Чехова — например, перечитывая его произведения. Отметим в скобках, что интерес к наследию Чехова присутствовал у Блока всегда, однако в данном случае имеет место та же ситуация, о которой говорит Минц применительно к творчеству Гоголя: «Раннее возникновение интереса к творчеству Гоголя, хорошее знание его произведений *с детства* — факт, который исследователю необходимо учитывать. Если некоторые классики (например, Достоевский) были впервые по-настоящему «открыты» Блоком-юношей, то Гоголя и Пушкина (как и Чехова — *О.М.*) ему «открывать» не пришлось. Это имеет для изучающего вопрос и свои минусы. Мы можем, например, хорошо проследить по письмам и дневникам молодого Блока, что и когда более всего поразило его в творчестве Достоевского или Вл. Соловьева, упоминания же Гоголя и Пушкина будут неизмеримо более скудными, хотя знает их Блок подчас ничуть не хуже. Просто радость «первооткрытия» уже прошла, а время нового, более углубленного интереса наступит позже»¹⁷. Так же и с Чеховым. Логично потому, что лишь определенный корпус текстов в творческом наследии Блока содержит названную «чеховскую» составляющую.

Тем более любопытно, что Блок использует чеховские художественные приемы и образы не только в художественных произведениях периодов повышенного интереса к писателю. Одним из ключевых для Блока произведений Чехова стал рассказ «Спать хочется» (где вновь совмещаются планы повествования: рассказчик описывает происходящие события, наблюдая их со стороны, но вместе с тем главной является точка зрения юной героини): «Зеленое пятно и тени приходят в движение, лезут в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в ее наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грезы. Она видит темные облака, которые гоняются друг за другом по небу и кричат, как ребенок. Но вот подул ветер, пропали облака и Варька видит широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди с котомками на спинах, носятся взад и вперед какие-то тени; по обе стороны сквозь холодный, суровый туман видны леса. Вдруг люди с котомками и тени падают на землю в жидкую грязь. — «Зачем это?» — спрашивает Варька. — «Спать, спать!» — отвечают ей. И они засыпают крепко, спят сладко, а на телеграфных проволоках сидят вороны и сороки. Кричат, как ребенок, и стараются разбудить их». [...] «Опять она видит шоссе, покрытое жидкою грязью. Люди с котомками на спинах и тени разлеглись и крепко спят. Глядя на них, Варьке страстно хочется спать; она легла бы с наслаждением, но мать Пелагея идет рядом и торопит ее. Обе они спешат в город наниматься.

— Подайте милостыньки Христа ради! — просит мать у встречных. — Явите божескую милость, господа милосердные!»¹⁸.

¹⁶ Генри 1996, 85–86.

¹⁷ Минц 2000, 27.

¹⁸ Чехов 1977/7, 7–10.

Как продолжение чеховского текста звучит фрагмент статьи А. А. Блока «Безвременье»: «Нет конца и края шоссе на путях, где они тащатся, отдыхают и снова идут. Неприметливому взору покажется, что эти «горемыки» — сырые, обреченные, изгнанные, что они не знают, где приклонить голову, потому что одежды их в лохмотьях, а лица обезображены голодной тоской. Но они — блаженные существа. [...] Шоссе на путях нищих России идут, ковыляют, тащатся такие же нищие с узлами и палками, неизвестно откуда, неизвестно куда. Их лица осунулись, и выкатившиеся глаза с красной орбитой щупают даль. Бесцельно и праздно идут вереницами. Все ясно для них и просто, как высокое небо над головой, как груды щебня и пласты родной глины по краям шоссе»¹⁹.

Таким образом, чеховские принципы художественной организации текста используются Блоком достаточно широко: как в художественных произведениях, созданных в периоды повышенного интереса к творчеству Чехова, так и в публицистике — в ряде статей. Заимствование не всегда осознанно самим поэтом, что лишний раз подтверждает, насколько близки «новому искусству» были открытия А. П. Чехова.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А. А. 1997–1999: Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.

Блок А. А. 1971: Собрание сочинений: в 6 т. М.

Бушканец Л. Е. 2012: «Он между нами жил...». А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань.

Генри П. 1996: Чехов и А. Белый (Эмблематика, символы, языковое новаторство) // Чеховиана. Чехов и «серебряный век» / А. П. Чудаков (ред.). М., 80–90.

Громов Л. Чехов и детская литература. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.anton-chehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html>.

Лотман Ю. М. О глубинных элементах художественного замысла (К дешифровке одного непонятного места из воспоминаний о Блоке). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/lotman/apt/32.htm#62>.

Минц З. Г. 1973: Функция реминисценций в поэтике А. Блока. Тарту, 387–417.

Минц З. Г. 2000: Александр Блок и русские писатели. СПб.

Морозова О. В. 2011а: К вопросу о чеховских мотивах в стихотворениях А. Блока // Татьянанин день: сборник статей и материалов восьмой республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI Веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т. А. Геллер / О. О. Несмелова (ред.). Казань, 45–49.

Морозова О. В. 2011б: Чехов и «глубинные элементы художественного замысла» А. Блока // Студенты Института филологии и искусств в научном поиске. Вып. 1. Сборник тезисов лучших докладов научно-практической конференции студентов в рамках I Всероссийского Фестиваля науки в г. Казани / И. Э. Ярмакеев (ред.). Казань, 127–132.

Толстая Е. 2002: Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-начале 1890-х гг. М.

Ходасевич В. Ф. Младенчество. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/belyj-koridor/mladenchestvo.htm>

Чехов А. П. 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.

Эпштейн М. Н. 2006: Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.

¹⁹ Блок 1971. — Т. 5, 67.

CHILDHOOD THEME: CHEKHOV'S PRINCIPLES OF TEXT ORGANIZING
SYSTEM EMBODIED IN A. BLOK'S WORKS

O. V. Morozova

Using A. Chekhov's and A. Blok's works as an example, the paper deals with the issues concerning transition from realism to symbolism in Russian literature at the turn of the 19th — 20th centuries. The subject of research is connected with the writers' childhood theme and with Chekhov's influence on symbolists, which became apparent both in concrete images, themes, motifs, principles of text organization (Mints), and poetics.

Key words: Russian literature of the turn of 19th — 20th centuries, realism, symbolism, childhood theme, poetics, A. Chekhov, A. Blok

---

© 2014

В. А. Валитова

ГЕНДЕРНАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ
МАРИИ СЕМЕНОВОЙ

В статье рассматривается гендерная позиция мужского и женского образов в творчестве М. Семенов. На основании сопоставления с персонажами фольклорной традиции (поляница и богатырь) выделяются черты, нетипичные для литературы, воссоздающей фольклорные сюжеты.

Ключевые слова: М. Семенова, гендерная универсальность, женская проза, дихотомия «мужское-женское» в современной литературе

Произведения художественной литературы, где наглядно представляются мужской и женский взгляд на мир, могут быть по-новому интерпретированы при помощи гендерного подхода, который основывается на идее о том, что важны не биологические различия полов, а то культурное и социальное значение, которое придает этим различиям общество. Под термином «гендер» мы понимаем «социальный пол, который определяется через сформулированную культурой систему атрибутов, норм, стереотипов поведения, предписываемых мужчине и женщине»¹.

Широкое распространение гендерных концепций в России рубежа XX–XXI вв. оказало значительное влияние на литературоведение. Стали появляться статьи как зарубежных и отечественных авторов, в которых интерпретация художественных текстов дана с точки зрения гендерного анализа. Мария Рюткенин в статье «Гендер и литература: проблема “женского письма” и “женского чтения”» рассмотрела проблематику «женского письма» и поставила вопрос о возможности изучения гендера в художественном тексте.

Валитова Василия Ахатовна — ассистент кафедры истории философии Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: erven_ae@mail.ru

¹ Савкина 2007, 19.

О значении женского творчества писала Ю. Кристева, видя в нем желание женщины самоутвердиться. Она выдвинула мысль, что женская литература, вступающая в противоречие с социальными нормами, очень важна, поскольку «выводит наружу природу того, что остается невысказанным, обогащает наше общество более гибким и свободным дискурсом, способным назвать то, что пока не вошло в широкий оборот»². М. Завьялова выделяет проблему идентификации женщины как основную. Определить себя женщиной — «значит дать себя в объекты», отождествить себя со своим телесным комплексом, приравнять разнообразную сущность к одному ее уровню, а невостробованная часть личности будет требовать самостоятельного существования.

Фактически под гендерными литературоведческими исследованиями часто понимается изучение творчества женщин-писательниц, а также, по Пушкаревой, изучение женских образов в женской литературе. И. Жеребкина предлагает разделить литературу, созданную женщинами, на четыре группы:

1. Женская литература (акцент на пол автора);
2. Женское чтение (акцент на пол читателя);
3. Женское письмо (акцент на стиль текста);
4. Женская автобиография (акцент на содержание текста)³.

Мы обратим более пристальное внимание на первую группу. Понятие «женская литература», или «женская проза», употребляется в двух значениях: 1) как традиционное определение художественного творчества женщин (женская литература — то, что создано в литературе женщинами) и 2) как современное понятие из области гендерного литературоведения. Т.А. Ровенская, автор диссертации по гендерному аспекту женской прозы, считает, что «женщина в доминирующих случаях становится темой или объектом любых дискурсов: романтических, реалистических, постмодернистских и пр. И даже как говорящий субъект она чаще всего рассматривается этими дискурсами внутри культурно-лингвистического конструкта в рамках определенных, присущих им традиций»⁴. По мнению Т.А. Ровенской, сложность и противоречивость феномена женской прозы проявляется на уровне самоидентификации. Идентифицируя себя с женской прозой как воплощением идеи «феминности», авторы в то же время испытывают всю меру отчуждения от нее не только под воздействием внешних регулирующих сил, но и потому, что в целом сами бессознательно являются носителями и выразителями все той же патриархальной культурно-лингвистической традиции. Более того, сама степень маскулинности и феминности в женском творчестве тоже может быть различна. Процесс идентификации поднимает и острые дискуссионные проблемы в области исследования этого явления. Т.А. Ровенская предлагает рассматривать женскую прозу как художественно-эстетический феномен, но в отечественном литературоведении встал вопрос, явилось ли это понятие возможным исключительно на основе гендерной общности или же прослеживаются реальные закономерности на уровне мировосприятия и мироотражения как всей женской прозы в целом, так и в творчестве отдельных ее представительниц. Т.А. Ровенская выделяет целостность и эстетизм как основополагающие характеристики женской прозы.

² Кристева 2005, 140.

³ Жеребкина 2000, 138.

⁴ Ровенская 1999.

Своеобразие женской прозы проявляется и в способности автора художественно интерпретировать образ мужчины, увиденный сквозь призму женского взгляда. Если главным героем становится женщина, то автор, воплощая чувственную сферу героини, может представлять персонажей-мужчин в ее восприятии. Если же герой — мужчина, то особенности его поведения передаются в восприятии автора, изображая человека вообще, то есть универсальный с точки зрения гендера образ, сочетающий в себе психологические черты обоих полов, поскольку, согласно И. Н. Тартаковской, герой противоположного пола всегда будет для автора внешним объектом.

В литературе, описывающей современный мир, заметна тенденция к исчезновению четких границ, разделяющих мужское и женское поведение, что отражает реальное положение дел в проблеме соотношения, однако в произведениях, реконструирующих историческую или мифологическую действительность, идею противоположности этих начал игнорировать невозможно. Разделение мира на мужской и женский было фундаментальным для традиционной культуры, и восприятие женского начала как одной из сторон оппозиции могло стать основой для героического типа женского характера, по классификации Лотмана⁵. Образ девы-воительницы появлялся еще в эпических жанрах русского фольклора, в сказках, затем — в художественных текстах, воссоздающих фольклорные сюжеты («славянское баснословие» XVIII–XIX вв.), но женские персонажи рассматривались в контексте судьбы героя-мужчины. Героиня была либо помощницей героя, выполняющая его поручения или спасая его от верной смерти при помощи своей хитрости, магического умения и женской мудрости, а затем становилась его женой и пропадала из повествования; либо противницей, и тогда противоборство героя и героини являлось стержнем в построении сюжета: воительница искала богатыря, который окажется равным ей по силе, чтобы выйти за победителя замуж. С XVIII века в русской литературе все более востребованным становится образ самостоятельной женщины-героини («Орлеанская дева» Жуковского, «Марфа Посадница» Карамзина, «Записки кавалерист-девицы» Дуровой), когда женщины фактически перехватывают мужские паттерны поведения. Героини добровольно отказываются от принадлежности к женскому миру, сконцентрированному вокруг дома и семьи, и не планируют в него возвращаться, полностью переходя в мир мужской.

В своем творчестве Мария Семенова реконструирует историческую и/или мифологическую действительность языческих славян (вторая половина IX века в романах «Валькирия», «Лебединая дорога», повестях «Пелко и волки», «Лебеди улетают», «Ведун» и т.д. и фантастический мир, основанный на мифопоэтических воззрениях различных народов дохристианской эпохи, в романе «Волкодав»), воспроизводя в том числе и традиционное для выбранного времени и культур противостояние «мужское-женское». Однако на фоне этого противостояния часто действуют герои, которые по сути совмещают обе гендерные роли. Ярким примером главной героини с двумя гендерными моделями поведения является Зима из романа «Валькирия», примером героя — Волкодав из одноименного романа.

Зима следует сразу по двум дорогам женских судеб: она и ждет суженого, как сказочная девица в хоромах, загадывая претендентам загадки, и при этом — одно-

⁵ Лотман 1994, 72.

временно — сама идет на его поиски. Подобно былинным богатыршам, Зимке нужен муж сильнее ее (и не только в физическом плане). Она отказывает сначала слабым Нежате и Соболюку, насмехаясь над ними («Беги себе, пока искать не пришли! Еще сдумают — зашибла тебя!»⁶; «Званко Соболек — выговорить-то смех!»⁷). Потом более сильным Некрасу и Хауку, причем оба равны ей по физической силе, но проигрывают «моральный поединок»: Некрас хотел испугать и смутить Зимку, ожидая ее на берегу после купания, но девушка прошла мимо него, как мимо пустого места, и спокойно оделась, не реагируя на неприятные слова («Не видать ему моего срама, не хвастаться»⁸); Хаук, «утверждая себя в мире живых»⁹, поддерживает грубые шутки товарищей о Зимке, не зная, что она все слышит. Славомир сильнее героини физически, но морально она ощущает себя равной ему, в то время как ей нужна «каменная скала, при которой надежно расти клонящемуся вьюнку»¹⁰, и этой скалой может стать лишь воевода — единственный, перед которым Зимка всегда робела и с которым не решалась спорить. С другой стороны, жизнь героини мы видим ее же глазами, а не через призму мужского восприятия, как это происходит в былинах и сказках. Происходит погружение в чувственную сферу жизни девушки дохристианской эпохи, что нетипично ни для фольклорных текстов, ни для «славянского баснословия». О создании нового жанра речи не идет, однако существующая жанровая система подвергается трансформации благодаря специфике авторского сознания, особой точке зрения автора и его героев на гендерную картину мира, основанную на стереотипах маскулинности и феминности. Согласимся с С. Охотниковой, которая рассматривает гендерную поэтику как часть исторической поэтики: «Гендерное самосознание, в котором всякий раз отражены историческое содержание той или иной эпохи, его идеологические потребности и представления, отношения литературы и действительности, определяет совокупность принципов литературного творчества в их теоретическом и практическом художественном освоении мира»¹¹.

В отличие от литературных героинь, перехвативших мужскую модель поведения, Зимка не отказывается полностью от женского мира. Она носит мужскую одежду, поступает в дружину, воюет, но для нее это не самоцель, а всего лишь те самые «железные башмаки», которые надо истоптать, прежде чем удастся встретить суженого. Зачем она избирает именно этот способ достижения цели, она и сама объяснить не может. Но, рассуждая о судьбе новых невольниц, мимоходом упоминает: «В чужой воле — хозяйской, родительской, мужниной — жизнь, может, и сытая, но я никогда не буду рабыней»¹². Зимка превосходит многих мужчин в силе и мудрости, но ей необходимо уважать своего избранника и — что намного сложнее в патриархальном обществе — чувствовать, что и ее уважают. Поэтому она, не имея возможности добиться этого иным способом, стремится занять равное мужчинам положение; учится воинскому искусству наравне с отроками, но продолжает по-женски мечтать о заступнике, даже если сама способна справиться

⁶ Семенова 2003, 31.

⁷ Семенова 2003, 52.

⁸ Семенова 2003, 238.

⁹ Семенова 2003, 311.

¹⁰ Семенова 2003, 233.

¹¹ Охотникова 2002, 276.

¹² Семенова 2003, 325.

с обидчиком («Вечная моя судьба, нажаловаться, потом отводить грозу от обидчика <...> Я сама могу наказать, кого пожелаю»¹³).

Зима соединяет в себе мужское поведение и женский образ мыслей, поэтому не может принадлежать ни к одному из миров — оба ее отторгают. Это чувствует и ее родня («Я с тобой в баню идти застыжусь... У тебя борода вырастет скоро»¹⁴), и жители соседней деревни («Попотчевала бы, да обидеть боюсь, не умею звать-величать, то ли добрым молодцем, то ли красной девицей»¹⁵), и воевода («Оплошала парнем родиться, невестой хвалилась бы»¹⁶), и тем более она сама («Куда податься кметю с косой? <...> Я устроилась подле мужей, но не совсем с ними, чуть в стороне»¹⁷). Она является по сути переходником между двумя полярными мирами, и это распространяется за пределы гендерной пары: Зима универсальна и в противопоставлении «лес/звери-люди» (для нее лес — утешение, тогда как для ее родни — страшная угроза; она постоянно сравнивает себя с волком; лучший друг — пес), «деревня-крепость» (одновременно и своя, и чужая для обоих мест: «Я здесь своя» — о родных лесах¹⁸; «Я была дома» — о дружинной избе¹⁹; «уйду из дружины <...> Избушку себе срублю в потаенной крепости лесов»²⁰), «жизнь-смерть» с перевесом в сторону жизни (она «отбирает» у смерти сначала Блуда, а затем Бренна; не отмывшись от крови последнего боя, принимает роды; слышит смех погибшего Славомира через «брешь в невидимой грани»²¹). Кроме того, Зима — искусная рукодельница («Это кто тебе такую радость спроворил? <...> Макошь ткала, пока я на полатах спала»²²), а поскольку покровительницу прядения и ткачества Макошь автор готова признать и «хозяйкой судеб»²³, то и Зима не может не влиять на судьбу, как свою, так и окружающих. Мужчины принимают то, что им дано, а женщины, если не хотят принять, пытаются изменить («женщины горюют иначе»²⁴), и у них получается. Появляется ситуация противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины: мужчина может решить, что он должен сделать, но не может потом изменить сделанное («много чего делаешь зря <...> сам плачешь потом»²⁵), а женщина-героиня не может разобраться со своим будущим, зато многое делает по наитию («чтоб схватывалась и бежала, укушенная неожиданной мыслью <...> и больно билось сердечко, словно где-то чаяли выручки, а я медлила»²⁶).

Примером гендерной универсальности в мужском образе можно назвать главного героя пятитомного романа «Волкодав», представителя вымышленного племени веннов, где царит матриархат. Оскорбить женщину для венна — огром-

¹³ Семенова 2003, 313.

¹⁴ Семенова 2003, 47.

¹⁵ Семенова 2003, 104.

¹⁶ Семенова 2003, 98.

¹⁷ Семенова 2003, 239.

¹⁸ Семенова 2003, 338.

¹⁹ Семенова 2003, 129.

²⁰ Семенова 2003, 312.

²¹ Семенова 2003, 279.

²² Семенова 2003, 73.

²³ Семенова 2005, 287.

²⁴ Семенова 2003, 298.

²⁵ Семенова 2003, 298.

²⁶ Семенова 2003, 293.

ный грех, надругавшийся над женщиной обязан «измерить шагами собственные кишки». Вся мифология племени построена на уважении к женщине; главная задача мужчины-венна — защищать женщину; причем представители этого племени по-богатырски сильны и смелы («Я слышала, как забавляются лучшие бойцы твоего племени. Кто-нибудь разгоняет на них тройку, и они ударом в оглоблю опрокидывают всех трех коней»²⁷), а представительницы — спокойны, мудры и нежны. Волкодав, воспитанный на таких правилах, абсолютным счастьем считает тихую семейную жизнь с любимой женщиной в доме у реки и леса, но пока этой женщины нет. Зато есть другие племена, где к женщинам отношение совершенно не такое, какое Волкодав привык видеть: в Саккареме, «стране робких женщин и спесивых мужчин», девушек продают в рабство родственники; у сегванов род убийцы в качестве уплаты долга крови отдает в род убитого девушку; даже у сольвеннов, самого близкого к венам племени, принято *выдавать* девушку замуж («у веннов девушка *брала* себе мужа»²⁸). Подобные обычаи Волкодав воспринимает как варварство. Пиетет по отношению к женщинам, не пропавший даже после каторги, делает мировосприятие Волкодава более женским, чем даже у литературных героинь, добровольно перешедших в мир мужчин и взявших на себя их функции: у Марфы Посадницы и Орлеанской девы на первом месте стоит отечество, Волкодав же мечтает прекратить воевать, освоить мирное ремесло и создать семью. Однако паттерны поведения у него однозначно мужские. Как и богатырь Илья Муромец, Волкодав совершает подвиги «по пути», но разница между ними в том, что Муромец защищает свою землю от захватчиков, а у Волкодава своей земли нет — в его родных местах живут чужие люди, выгнать которых он не в силах.

Идеальная природа богатыря проявляется не только в нравственном чувстве, руководящем его поступками, но и в чертах его внешнего облика: Волкодав в двадцать три года — седой и в морщинах, а по части боевой науки превосходит даже старых воинов вроде дядьки Крута. Его угрюмый вид многих отпугивает, а его доброту видят только те, кто общался с ним близко, те, кого он спас. К тому же печальная судьба Волкодава заставляет воспринимать его чуть ли не как мученика, ставшего воином лишь по воле обстоятельств. Впервые мальчик-венн убил человека, когда защищал мать; второй раз — на каторге, защищая мальчика-сегвана; и только третий раз он дрался насмерть ради себя и своей свободы. И хотя после освобождения он и изучал несколько лет воинскую науку, это ему нужно было лишь для одной конкретной цели: убить Людоеда, отомстить за погубленный род. Больше его ничего не интересовало, поскольку жить дальше Волкодав не планировал, и когда после свершившейся мести и спетой Песни Смерти ему пришлось спасти рабыню Ниилит и пленного мудреца Тилорна, думать об их судьбе, он начал обретать смысл жизни, который оказался не в поисках славы, как в мужском мире, а в заботе о ближних, что больше присуще миру женскому. «Надо приодеть девчонку Ниилит <...> да подкормить этого Тилорна, в чем душа держится... Пустота, зиявшая впереди, постепенно заполнялась»²⁹.

Сочетание женской жалости (воспитанной в роду и приумноженной в рудниках образованным и добрым напарником-аррантом) и мужской силы заставляет

²⁷ Семенова 2004а, 249.

²⁸ Семенова 2004а, 262.

²⁹ Семенова 2004а, 33

Волкодава спасать всех обиженных, повстречавшихся на его пути, и жестоко наказывать обидчиков. Как ни учила его мать Кендарат проявлять сострадание ко всем живущим на земле, Волкодав не понимает ее учения всепрощения и не умеет прощать: его правда в том, что свершивший зло должен понести наказание. Как уговорить злодея одуматься и ступить на верный путь, Волкодав поначалу не знает. Но постепенно совершенствуется: учится отличать оступившихся людей от закоренелых преступников, обучает молодых воинов не только умению драться, но и науке решать споры мирным путем, даже мирит целые народы. К концу своего пути он понимает и перенимает учение матери Кендарат, а затем и превосходит ее.

Как и героиня «Валькирии», Волкодав находится между женским и мужским миром, но если Зима не принадлежит ни одному из миров и страдает от непризнанности, то Волкодав совмещает в себе оба мира, страдая от излишнего внимания к своей особе, из-за которого не имеет возможности отложить оружие, создать семью и спокойно жить в тихом месте. Он также принадлежит двум мирам в диаде «лес/звери-люди» (его племя живет в лесу и общается с ним как с живым существом; Волкодав является последним представителем рода Серых Псов, а потому становится обратным — псом с разумом человека) и «смерть-жизнь» с перевесом в смерть (он не успел получить имя — то есть не успел родиться как полноценный человек; осмысленная жизнь у него начинается после спетой Песни Смерти; проводится параллель с мечом, который сковали для погребения, и т.д.). Принадлежность к двум мирам сразу дает дополнительные силы, и, помимо обратничества и способности видеть суть некоторых вещей, Волкодав получает способность влиять на судьбу — свою и окружающих. На это символически указывает и выбранное им ремесло: герой в детские годы учился у отца кузнечному делу и мечтает стать кузнецом — мифопоэтическим хозяином судьбы мужского мира³⁰.

Оба романа переворачивают традиционное представление о гендерных ролях. Автор, объединяя мужскую модель поведения и женское мировоззрение, расширяет поле деятельности героев, выписывая их психологические портреты как некий образ человека вообще, внутренне свободного от гендерных рамок, но вынужденного находиться в мире с четким разделением на мужское и женское в сознании и поведении людей.

ЛИТЕРАТУРА

Жеребкина И. 2000: «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.

Кристева Ю. 2005: Изоляция, идентичность, опасность, культура... // Вестник Европы. 15, 227–241

Лотман Ю. М. 1994: Беседы о русской культуре. СПб.

Охотникова С. 2002: Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики. Ч.2. Иваново.

Пушкарева Н. Л. 1998: Гендерный подход в исторических исследованиях // ВИ. 6, 76–86

Рюткенин М. 2000: Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 3, 5–17

³⁰ Семенова 2004б, 241–245.

Ровенская Т. А. 1999: Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 1980-х — 90-х годов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.a-z.ru/women/texts/rovenskaia.r.

Савкина И. 2007: Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.

Семенова М. 2003: Валькирия. М.

Семенова М. 2004а: Волкодав. М.

Семенова М. 2004б: Поединок со Змеем. М.

Семенова М. 2005: Мы — славяне! СПб.

Тартаковская И. Н. 1997: Социология пола и семьи. Самара.

GENDER UNIVERSALITY IN MARIA SEMYONOVA'S WORKS

V. A. Valitova

The article deals with gender attitudes of male and female characters in M. Semyonova's works. Comparison with traditional folklore characters makes it possible to identify features that are not typical of literature recreating folklore plots.

Key words: M. Semyonova, gender universality, female prose, dichotomy "male-female" in contemporary literature

© 2014

Н. А. Хуббитдинова

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ФОЛЬКЛОР В БАШКИРСКОМ ДАСТАНЕ «БУЗЬЕГЕТ» БАГАВИ И ЕГО УСТНЫЕ ВАРИАНТЫ

В статье рассматриваются особенности творческого использования башкирских народных устно-поэтических традиций — мотивов, образов, обрядового фольклора — в дастане Багави (Багавитдина) «Бузьегет» (1842 г.) и его вариантах, распространившихся в народе устно. Нами усматриваются функциональное значение этих традиций, их аллюзии на поэму Кул Гали «Кисса-и Йусуф» — известное произведение средневековой тюркской литературы Урало-Поволжья.

Ключевые слова: эпос, фольклорные традиции, мотивы, дастан, литература

Поэтическое эпическое произведение «Бузьегет» (1842), созданное в Уфе неким Багави (Багавитдином) в традиции восточных, тюркско-башкирских любовных дастанов «Кисса-и Йусуф», «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Тахир

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@mail.ru

и Зухра» с использованием башкирских фольклорных традиций, получило широкое распространение в народном эпическом репертуаре.

Дастан¹ «Бузьегет», являясь плодом индивидуального творческого начала, во многом вобрал в себя тематические мотивы башкирского фольклора («Вещего сна», «Женитьба на полюбившейся во сне девушке», «Любовного треугольника», «Соумирания» и другие), образы (старца сказителя, вредной рабыни, мистической мыши и т.д.), элементы обрядового фольклора (поэтическое благопожелание «яр-яр», оплакивание, причитание — хыктау, прощание и т.д.). Кроме этого были использованы отдельные фольклорные жанры, как пословицы и поговорки, кубаир, мунажат — духовные стихи. Сюжет дастана построен на известном эпическом сюжете о несчастной любви, который лежит в основе башкирских народных эпосов «Заятуляк и Хыу-хылу», «Кузыйкурпес и Маян-хылу», а также известных восточных поэм «Тагир и Зухра», «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин» и т.д.

В дастане используются разнообразные фольклорные традиции: от примитивных сказочных персонажей до таких сложных явлений, как обрядовый фольклор или эпический герой. Рассмотрим некоторые из них. Так, в судьбе героев особую роль и функцию выполняют сказочные персонажи. Интерес вызывает мифический образ мыши, который служит образцом для излечения героя от смертельных ран. Исцеление или даже воскрешение по примеру какого-то животного имеет типологические соответствия в древнейших мифах: например, согласно одному из древнегреческих мифов, Полиид² заточили в темницу вместе с трупом Главка с тем, чтобы он оживил умершего. Внезапно вползшую в темницу змею Полиид убивает. Другая змея, проникнув за предыдущей, видит ее мертвой, уползает обратно и возвращается с целебными травами, с помощью которых оживляет мертвого сородича. Полиид был поражен увиденным и приложил эту же траву к телу Главка и воскресил его³. Как видим, здесь на примере змеи герой не только излечивается, но и воскрешается из мертвых.

В дастане «Бузьегет» вместо змеи роль исцелителя выполняет мышь, о которой в древнегреческой мифологии существовали представления как об атрибуте, символе и священном животном. На нее возлагалась функция (деятельность) болезни — здоровья (нанесение ущерба — исцеление) и другие. Эта сторона деятельности мыши во многом подходит к нашему случаю, к эпизоду, когда Карасэс стала молить Бога о помощи в излечении Бузьегета, израненного в неравной схватке с ханским войском. Бог смилостивился и послал ей черную мышь, которой девушка нанесла несколько ран и стала ждать, что будет. Мышь стала собирать различный сор или сорную траву, перетерла и приложила к своим ранам, отчего вскоре стала выздоравливать. Карасэс проделала со своим раненым возлюбленным то же самое, и он быстро оправился от ран⁴.

В данном случае мышь сама по себе вызывает легкое недоумение. В мусульманской мифологии и верованиях мышь никак не фигурирует, чаще упоминается летучая мышь. Поэтому изображение в данном случае мыши, а не другого какого-

¹ Дастан — жанр эпического поэтического произведения любовно-романтического, героического характера.

² Полиид — прорицатель из Аргоса, внук Мелампода — жреца, знающего язык зверей.

³ Боровский 2004, 76.

⁴ Хусаинов 2002, 224.

нибудь животного можно было бы объяснить низменным происхождением самой мыши и неприязненным отношением к нему людьми в быту (как средство исцеления героя в собственно волшебных сказках чаще упоминается живая и мертвая вода или какое-нибудь лекарство, записка или магического слова святого, например Хызыр Ильяса, веление самого Аллаха, яркий пример которого можно проследить в вариантах версий эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу»). Возможно, Багави имел некие познания в области древнегреческих сказаний, а также башкирских народных сказок, в которых мышь является героем сказок о животных. Другими словами, автор был уверен, что это «низменное животное» не жаль было изранить и оно вполне подходило к роли так называемой подопытной мыши.

В дастане «Бузьегет» интерес также представляет образ сложенного в шесть раз алмазного меча (в народных вариантах устной версии дастана он может быть сложен и в семь раз). Лишь с его помощью можно было умертвить героя. Острый алмазный или булатный меч или кинжал является традиционным для эпического героя атрибутом, который показывает, насколько физической силой обладает батыр. Так, в башкирском народном эпосе «Алпамыш» спящего героя алып (великана) враги связывают стальными цепями и сбрасывают в глубокую яму. Эти путы может разрезать только его алмазный меч⁵. В вариантах того же эпоса крепко заснувшего Алпамыша, который мог спать за раз семь дней и семь ночей, можно было разбудить, вонзив в его мягкие ткани его же собственный кинжал и т.д.⁶ Иначе говоря, алмазный меч или кинжал представляет собой средство, еще раз подтверждающее невероятную силу и мощь героя: его можно было связать, сделать недвижимым только благодаря стальным цепям, которые он не мог бы разорвать, но это мог сделать его меч или кинжал; заставить пробудиться только от полученной раны — колотых ударов кинжала, так как другие средства не помогали.

Исходя из этой идеи, можно предположить, что Бузьегет из одноименного дастана обладал такой же физической силой батыра, как Алпамыш — алып-исполин, которого невозможно было лишить жизни обычными мечами. Вот почему, когда хан — отец прекрасной Карасэс — приказал его казнить, палачи только изранили его, терзая душу. Не выдержав этих мучительных пыток, Бузьегет просит достать из-под стельки его сапога в шесть раз сложенный алмазный меч, только с помощью которого можно наконец довершить начатое⁷.

В своем дастане Багави также свободно оперирует различными элементами обрядового фольклора башкир, художественно, идейно-эстетически восполняющими, поэтически украшающими произведение. Он так и указывает в произведении: мол, «есть у нас старинный обычай говорить “Яр-яр!”» и далее достаточно полно описывает картину исполнения девушками-подружками героини поэтических благопожеланий и восхвалений⁸.

В обрядовом фольклоре башкир существовала традиция поэтического благопожелания «Яр-яр!», являющегося частью свадебного празднества — туй. Невесту и жениха так восхваляли и выражали им благопожелания:

⁵ Хаиров 1999, 43.

⁶ Хаиров 1999, 58.

⁷ Хусаинов 2002, 232.

⁸ Хусаинов 2002, 208.

Дочь пророка в жены
 Галей⁹ взял однажды, яр-яр,
 С той поры обряд женитьбы
 И ведется, яр-яр!
 Юсуф с Зулейхой¹⁰ друг друга
 Так любили, яр-яр!..
 Пусть счастливым будет туй,
 Веселитесь, яр-яр,
 Пусть уютным будем дом,
 Радости вам, яр-яр!..

А во время проводов в дом жениха невеста в знак благодарности всем окружающим бросала в толпу серебряные монетки.

У Багави в эпизоде встречи Бузьегета с Карасэс девушка разбрасывает драгоценные камни — жемчуга и кораллы. После того, как влюбленные поздаровались и обнялись, 40 девушек стали петь им «Яр-яр!»:

Альхамде сура начинается с Корана, яр-яр,
 Пророки возле Аллы [находятся], яр-яр.
 Один — жемчуг, другая — коралл, нанизаны, яр-яр,
 Один — хан видать, другая — ханша, как пары, яр-яр..¹¹

Таким образом, в доме у Карасэс был проведен один из немаловажных элементов свадебного обряда, тепло и красочно поэтизированный автором. В художественно-эстетическом плане изображение в произведении данного обряда является намеком на скорую свадьбу в будущем, как бы выполняет функцию совершения акта бракосочетания.

Однако в будущем свадьбе не суждено было осуществиться: финал произведения трагичен, в нем наблюдается творческое освоение автором традиционного мотива соумирания¹². В результате влюбленные один за другим расстаются с жизнью: Бузьегет был казнен, а Карасэс, не вынеся его смерти, возвела над его могилой прекрасный дворец и сама, войдя в него, вонзила кинжал в грудь. То же самое проделали с собой ее 40 девушек-подружек. В народных вариантах устной версии дастана, записанных в 1969 г. в дер. Мэсетле Салаватского района Республики Башкортостан у Хабировой Шаргии (1892 г.р.), а также зафиксированных в 1971 г. в дер. Бурзян-Кунакбаево Перелюбского района Саратовской области у Биишевой Булякбики (1890 г.р.), — их примеру также последовал верный друг Бузьегета¹³. Финал произведения, как видим, также напоминает трагическую концовку народного эпоса.

В дастане также можно наблюдать эксплицитную и имплицитную аллюзию на «Кисса-и Йусуф» Кул Гали. Герои обоих произведений знакомятся друг с другом во сне, видят вещие сны. Другими словами, традиционный мотив сновидения, вещего сна выполняет сюжетобразующую функцию и дает толчок динамичному

⁹ Галей (Хэзрэти Гали) — зять пророка Мухаммеда.

¹⁰ Сулейманов 2010, 386–387, 476.

¹¹ Зарипов 2002, 208

¹² В основе мотива лежит древний обычай умерщвления жены вместе с ранее умершим мужем (т.е. соумирание) и совместное их захоронение.

¹³ Зарипов 2002, 288, 299.

развитию сюжета. Намек на средневековую киссу можно наблюдать и в других случаях. Так, в дастане Бузьегет призывает Карасэс проявить терпение и сдержанность в своих чувствах, как это делали главные герои киссы Йусуфа и Зулейха. Наличие у Бузьегета золотой косы и прекрасного лица, скрытого под шелковым (или, точнее, сплетенным из тоненьких волос — кыл) покрывалом, также списан с образа Йусуфа. Эти детали представляют собой опознавательные метки, традиционный для фольклорных произведений художественный элемент, присутствующий почти во всех вариантах устной версии дастана. В варианте, записанном в 1974 г. в дер. Ново-Субхангулово Бурзянского района Республики Башкортостан у Мырдабаевой Гильмиханы (1938 г.р.), к примеру, говорится, что волосы у Бузьегета были позолочены, а на лбу они были украшены кораллами¹⁴ и т.д.

Таким образом, Багави, будучи талантливым поэтом и образованным человеком своего времени, был хорошо осведомлен о традициях, поэтическом своеобразии башкирского народного устно-поэтического творчества. Обладание мастерством певцов-сказителей (сэсэн) позволило Багави подчинить эти знания и умения одной цели, выстроить в стройные поэтические строки, исполнить сюжет приключенческо-романтического характера с трагическим финалом. Сюжет дастана, напоминающий эпический сюжет о несчастной любви, стал особенно популярным в народе в сложные и трудные для него времена. «В тот тяжелый в истории башкирского общества, переходный период от феодализма к капиталистическим отношениям (XIX в.), читатели принимали близко к сердцу идеи гуманизма и справедливости, отраженные через образы гордых и свободолюбивых людей, людей пылкого сердца, могучей воли, готовых идти даже на смерть за духовную свободу, за чистую любовь, за верность взглядам и чувствам»¹⁵. Именно в такие переломные исторические моменты создавались кубаиры (семисложные эпические поэтические произведения) в устно-поэтическом творчестве башкир (А.М.Сулейманов, Г.С.Кунафин), поэтому обращение автора именно к жанру кубаир в поэтических речах, диалогах героев дастана, к полной иносказательности и намеков песне сэсэна-певца оправдывало себя.

Так, книжное произведение «Бузьегет» Багави, как и в свое время «Кисса-и Йусуф» Кул Гали, передаваясь из уст в уста, видоизменялось, обрастало новыми художественными элементами, и литературный памятник в конце концов перешел в форму устного бытования. Подобной творческой процедуре фольклоризации были подвергнуты также книжные литературные произведения прошлого «Тахир и Зухра», «Сайфульмулюк», о чем свидетельствуют многочисленные их устные варианты, зафиксированные в многотомном своде «Башкирское народное творчество»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

Боровский Я. М. (ред.) 2004: Аполлодор. М.

Зарипов Н. Т. (ред.) 2002: Башкирское народное творчество: Обрядовый фольклор: в 12 т. Уфа.

¹⁴ Зарипов 2002, 320.

¹⁵ Кунафин 2004, 211.

¹⁶ Хаиров 1999, 150-276; Хусаинов 2002, 192-331, 332-351.

- Кунафин Г. С.* 2004: Поэтическое эхо прошлого. Уфа.
Сулейманов А. М. (ред.). 2010: Башкирское народное творчество: Сказки о животных: в 55 т. Уфа.
Хаиров А. И. (ред.) 1999: Башкирское народное творчество: Эпос: в 55 т. Уфа.
Хусаинов Г. Б. (ред.) 2002: Бузъегет // Башкирское народное творчество: Эпос: Киссы и дастаны: в 55 т. Уфа.

FOLKLORE CREATIVE ADAPTATION IN BASHKIR DASTAN “BUZYEGET”
BY BAGAVI AND ITS ORAL VERSIONS

N. A. Khubbitdinova

The paper covers creative adaptation of Bashkir folk poetic traditions, motifs, images, and ritual folklore in Bagavi's (Bagavitdin) dastan “Buzyeget” (1842) and its oral versions. The author discovers functional meaning of these traditions, their allusions to Kul Gali's poem “Kissa and Yusuf”, a well-known work of Turkish medieval Ural-Volga literature.

Key words: epos, folklore traditions, motifs, dastan, literature

---

ЛИНГВИСТИКА

© 2014

И. Пачаи

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ К ТЕОРИИ О. Н. ТРУБАЧЕВА О СИНДАХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Работы О. Н. Трубачева, посвященные вопросам истории Северного Причерноморья, могут быть использованы в этимологических исследованиях венгерского языка. Его выводы об индоевропейском происхождении племени синдов представляют большой интерес для исследователей языковых и культурных контактов Евразии. Исходя из того, что во время миграции венгры сталкивались с народами, проживавшими на Северном Кавказе и в Северном Приазовье, можно предположить, что они установили контакты с народом, в языке которого сохранились элементы арийского языка. Следы контактов с народами данного региона, в котором, по мнению О. Н. Трубачева, раньше обитали синды, по-видимому, сохранились в венгерском языке.

Ключевые слова: синды, индийское происхождение, Черное море, иранское влияние, культурные и языковые контакты, этимология, сходные фонетические и семантические признаки

Работы О. Н. Трубачева, в которых рассматриваются вопросы истории Северного Причерноморья, заслуживают самого пристального внимания, поскольку они могут быть применимы к этимологическим исследованиям венгерского языка. При изучении данной многосторонней и сложной проблемы для нас важным ориентиром служат статьи О. Н. Трубачева «О синдах и их языках» (1976) и «Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье» (1977), посвященные изучению имеющих индийские корни топонимов Северного Причерноморья¹. Российский исследователь видит в топонимах индийского происхождения в данном регионе доказательство пребывания индийцев в Северном Причерноморье. При этом О. Н. Трубачев указывает на недостаточную разработанность научных исследований в области топонимии и этимологии многих географических названий данного региона.

По мнению О. Н. Трубачева, в основе неточности этимологии топонимов лежит широкое употребление названий «скифы» и «Скифия» древними авторами. Он считает необходимым отделить топонимы индийского происхождения от иранизмов. Веским доказательством пребывания индийского населения в Северном Причерноморье он считает наблюдения Б. А. Рыбакова² о сходстве элементов трипольской археологической культуры и культуры древних индийцев. При изучении

Пачаи Имре — habilitированный доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Ньиредьхазской высшей школы. E-mail: drpacsa@gmail.com

¹ Трубачев 1976, 39–63; 1977, 13–29.

² Рыбаков 1973.

этнонима «синды» О. Н. Трубачев приходит к выводу, что это индийское племя. Его теория о пребывании индоиранских народов в районе Кавказа и в южных областях степной зоны, соприкасающихся с побережьем Черного моря, не подлежит сомнению, поскольку уже древние историографы писали о присутствии скифов в упомянутых регионах.

О. Н. Трубачев указывает на то, что самоназвание индийцев, сохранившееся в имени *сундой*, близко древнеиндийскому *sindhavas* (мн. «речные жители»), которое восходит к индийскому слову *sindhu* («река» вообще). Он отмечает, что в иранских языках «река» обозначается другими словами. При толковании этимологии географических названий в его работах подчеркивается, что гидронимы данного региона сохранили следы языков племен, обитавших в Северном Причерноморье. Древнее название реки Кубань, имеющей два рукава при впадении в море, — *Coracanda* — сходно по семантике с названием реки *Ghorvand* в Пакистане («множество рукавов»). Название реки *Ghorvand* изучено в работе Д. С. Серкара, в которой рассматриваются географические названия древней и средневековой Индии³. Название *Coracanda* реки Кубань имеет соответствие в индоарийском: **Krka-vant(i)* («имеющая много горловин»). Древнеиндийские слова *krka-* («горло»), *krkata-* («шея») тоже указывают на вышеупомянутое наименование реки.

Многие географические названия в Крыму до наших дней сохранили индоарийские элементы. Мыс к востоку от Федосии назван словом *kaccha* (берег), восходящим к праkritскому языку. Слово *kaccha* зафиксировано в словаре Р. Пишлера⁴.

По мнению О. Н. Трубачева, важным доказательством пребывания населения являются следы системы каналов. Уже К. Риттер⁵ обратил внимание на индийскую природу синдов, о чем свидетельствует древнее строительство искусственных каналов в так называемой *Синдской Скифии* (Scythia Sindica) — в низовьях южного Буга и к северу от Крыма, а также на нижней Кубани (по данным Плиния и Страбона). По этим археологическим доказательствам можно предполагать давнюю оседлость и высокий уровень развития земледелия. Образ жизни указывает на серьезные различия синдов и скифов.

Географическое название *Качик Kacche* (праkrit. «берег») обнаруживается в топонимах *Таш-Качик*, *Яга-Качик*, в которых прослеживаются и тюркские компоненты *Таш* «камень, каменистый» и «(татар., ногайск.) «берег, береговой». Мы обратили особое внимание на топоним *Яга-Качик*, который построен из абсолютных синонимов *Яга* «берег, береговой» и *Качик* «берег» и имеет таким образом тавтологический характер. Это сложение по своим этимологическим и семантическим свойствам подобно копулятивным сложениям (парным словам) азиатских языков, построенным из синонимов. Данный вид деривации широко используется в азиатских языках, о чем свидетельствуют уйгурские структуры *gen-coz* «разговор» [перс. + тюрк.], *зан-закун* «закон» [тюрк. + рус.]; индийские *remda-baksa* < *remda* «ящик»+ *baksa* «ящик» [инд. + англ.]; *jhanda-nišan* «флаг» < *jhanda* «флаг»+ *nišan* «флаг» [инд. + перс.]. Венгерские сложения *színtiszta* < «совершенно чистый, не смешанный»> *szín* «чистый, не смешанный»+ *tiszta* «чистый» «[неизв. +

³ Sircar 1960.

⁴ Pischler 1900.

⁵ Ritter 1820.

славян.]»; *hadsereg* «армия» < *had.* «рать, армия» + *sereg* «армия» [финно-угор. + тюрк.]» также построены по данному типу. Представленные нами сложения состоят из разнородных по происхождению синонимов. Тавтологические сложения, по мнению многих исследователей, явно отражают древние языковые контакты. Эти структуры в книге индийского лингвиста С. К. Чаттерджи⁶ названы термином *translations compounds* — «сложения-переводы».

О важности исследования древних топонимов свидетельствуют и венгерские географические названия, в которых сохранились элементы куманского языка. Потомки куманов, переселившихся в Венгрию в XIII в., уже не используют язык своих предков, а говорят на венгерском. После смены куманского языка его следы сохранились в географических названиях *Karcag, Kadarcs, Törtel, Tülkele* и в именах (фамилиях) *Botka, Bolmas, Csertán, Kargoly, Kongor*⁷. Упомянутые имена собственные свидетельствуют о пребывании данного этноса на территории Венгрии и отражают пережитки древних традиций. Параллельные явления венгерской ономастики подтверждают для нас обоснованность теории О. Н. Трубачева, который, опираясь на достижения многих исследователей, считает веским доказательством своей теории индийский характер географических названий изученного региона.

В настоящей статье мы рассматриваем сходство между венгерскими словами и лексическими единицами языка хинди, которое обнаружилось при изучении лексики последнего. В центре нашего исследования стояли структуры общего вида деривации в языках Восточной и Южной Евразии. Заслуживает внимания семантическое сходство между сочинительными сложениями хинди *кхун-манс* (ХРС 315) «кровь + мясо, плоть > близкие родственники» и венгерского языка *testvér* «тело + кровь > брат или сестра», которые построены из компонентов, относящихся к общему семантическому полю. У обоих сложений происходит одинаковое изменение семантического поля. По значению компонентов парное слово относилось бы к семантическому полю «части человеческого тела», а возникшая новая структура по смысловым свойствам относится к полю «семья, родственники» как в языке хинди, так и в венгерском языке. Заслуживает внимания тот факт, что данный прием обозначения степени родства и структура фразеологического характера с соответствующими компонентами не используются ни в европейских, ни в тюркских языках.

Мы обнаружили сходство между другими венгерскими и хинди парными словами. Сложения *jön-megy* «расхаживать взад и вперед < приходить + уходить»; *jött-ment* «пришедший и ушедший»; *jövő-menő* «проходящий», по мнению венгерского академика Д. Ф. Фокоша⁸, считаются древними элементами языка. В языке хинди мы обнаружили параллели венгерских сложений. Сложение *ānā-đjānā* (ХРС 128) «1) посещать; 2) общаться; 3) курсировать» < *ānā* (ХРС 127) «приходить; приезжать; прибывать; подходить, приблизиться» + *đjānā* (ХРС 127) «идти; уходить; уезжать; удаляться», состоящее из глаголов-антонимов, обладает сходным значением. От сложения *jött-ment* образовано слово *jöttment* «1) пришелец, некоренной житель, чужак; 2) бродяга», которое имеет общие семантические признаки с парным словом хинди *āя-гая* (ХРС 134) «1. пришедший и ушедший; про-

⁶ Chatterji 1940.

⁷ Bartha 2012,

⁸ Fokos 1961, 12–55.

шлый; 2. 1) неожиданный посетитель; 2) неожиданный гость, гости». Также обращает на себя внимание тождество морфологических признаков, так как в этих структурах, состоящих из глаголов-антонимов, использованы причастия прошедшего времени.

В работе А. А. Потебни упоминается о том, что данный вид деривации является древним приемом словотворчества индийских языков, которое в древних индийских грамматиках называется термином «двандва»⁹.

Общими элементами венгерского и хинди являются неполные тождественные повторы, которые называются термином *figura etymologica*: хин. *gurdā-gurd* (ХРС 336) «кругом, вокруг»// венг. *körös-körül* «кругом, вокруг, со всех сторон»; хинд. *dayā-day* (ХРС 573) «без остановки; без передышки»; *джхарā-джхар* (ХРС 454) «1) непрерывно; 2) один за другим»// венг. *folyton-folyvást* «беспрерывно, постоянно, непрестанно»; хинд. *mālā-māl* (894) «полным-полно, до краев»; *txacā-txac* (ХРС 476) «полным-полно, до краев» // венг. *telis-tele* «полным-полно, до краев»; хинд. *pāto-pām* (ХРС 957) «1) ночь за ночью; 2) среди ночи»// венг. *éjten-éjjel* «каждую ночь, ночь за ночью».

Сопоставленные структуры, относящиеся к общему виду деривации, обозначают превосходную степень какого-либо качества или обстоятельства, что свидетельствует об их общей функции.

Специфическим видом изученного нами способа деривации являются рифмующиеся повторы, которые в венгерских грамматических работах называются термином “*ikerszavak*” (слова-близнецы). При изучении словаря языка хинди также наблюдается значительное количество рифмующихся повторов. При сопоставлении рифмующихся повторов языков венгерского языка и хинди выделяются их общие фонетические типы. При изучении венгерских рифмующихся повторов Д. Паиш¹⁰ установил следующие виды: 1) корреляция гласных разного подъема: венг. *ringy-rongy*, *gidres-gödrös* // хинди *джхāk-джхук*, *судхā-садхā*; 2) второй компонент начинается с лабиального согласного: венг. *csinja-binja* «ходы и выходы», *tarka-barka* // хинди: *кхар-бар*, *мантра-мантра*, *ластам-настам* «медленно, еле-еле»; 3) первый компонент начинается с гласного, а второй с лабиального согласного: *encsem-bencsem*, *iceg-biceg*, *illeg-billeg* // хинди: *анджар-нанджар*, *ачхтānā-начхтānā*. Необходимо подчеркнуть тот факт, что рифмующиеся повторы данного типа как венгерском, так и в языке хинди начинаются лишь с лабиальных согласных, тогда как второй компонент тюркских рифмующихся повторов мог начинаться и с *ч* или *с*.

Представленные нами параллельные структуры не только свидетельствуют об интенсивном использовании общего вида деривации, но обнаруживают многие структуры, обладающие общими семантическими, фонетическими или синтаксическими признаками. Упомянутые сходные признаки сопоставленных структур отражают общие элементы языковой модели мира, которая непосредственно связана с языковыми нормами¹¹.

Учитывая параллельные семантические признаки сложений и фонетические закономерности рифмующихся повторов, мы обратили внимание на фонетическое

⁹ Потебня 1968.

¹⁰ Pais 1951, 143–155.

¹¹ Nyomárkay 2000, 487–494; Bańcerowski 2008.

и семантическое сходство между иными лексическими единицами, обнаруженными при изучении лексики языка хинди. Исследователи, изучившие этимологию венгерских слов, установили сравнительно большое количество неизвестных до этого или точно не определенных слов.

Особенно интересен глагол *rak* (TESZ III 339) «класть, положить», которому уделили внимание и финно-угроведы. А. Й. Йоки¹² предполагает, что данный глагол был заимствован из иранских языков. Финский исследователь ссылается на работу венгерского лингвиста Д. Дэчи¹³, включившего глагол *rak* «legen» в состав двенадцати важнейших венгерских лексических единиц, заимствованных из индоевропейских языков. Основное значение данного слова «класть, положить, ставить» сохранилось только в венгерском языке, поэтому в венгерском этимологическом словаре подчеркивается необходимость дальнейшего изучения возможных **индоевропейских** связей. Заслуживает пристального внимания тот факт, что глагол языка хинди *rakhnā* / **ракхнā** (ХРС 941) «**ставить, класть**, класть в сторону, откладывать; класть деньги в банк; поставить все на карту; откладывать, копить (деньги)»; класть яйца [о птицах]» показывает полное соответствие с венгерским глаголом *rak* «класть, положить», которое подтверждается примерами употребления в венгерском языке. Абсолютными синонимами венгерской лексической единицы *rak* являются слова *tesz*, *helyez*, которые используются в следующих контекстах: *rak* «1) **ставить, класть**: *félrerak* / *félretesz* «класть в сторону»; *bankba rakja* / *teszi a pénzt* «откладывать; класть деньги в банк; *mindent egy kártyára tesz* «оставить все на карту»; 3) *pénzt rak* / *tesz félre* «откладывать, копить деньги»; *tojást rak* (*a madár*) «класть яйца [о птицах]».

Представленные нами параллельные примеры доказывают, что основное значение глаголов *rak* / *rakhnā* (**ракхнā**) наблюдается как в венгерском языке, так и в хинди, что подтверждается и словосочетаниями.

Глагол *bánt* (TESz I 236) «1) мучить, бить; 2) резать, драть, мешать; 3) трогать кого-л.; 4) грызть, поедом есть» восходит к глаголу *bán* (TESz I 236) «жалеть, пожалеть о чем-либо» неизвестной этимологии. Оба глагола без этимологии. В языке хинди глагол *bhandnā* / **бханднā** (ХРС 839) «вредить, портить, ломать»; *bhanjan* / **бханджан** (ХРС 838) «разрушающий, ломающий» является фонетическим эквивалентом венгерского слова. Значение глаголов также обозначают близкие по смыслу понятия.

Значения венгерского глагола без этимологии *bök* (TESz I 360) «1) тыкать/ ткнуть; 2) бодать, забодать, боднуть; бодаться» и глагола хинди *bhoknā* / **бхокнā** (ХРС 857) «вонзать, втыкать» указывают на полное семантическое соответствие.

Глагол *csal* (TESz I 471) «1) обманывать/ обмануть; плутовать/ наплутовать; 2) обманывать/ обмануть мужа (жену); 3) плутовать в карты; 4) пользоваться шпаргалкой; 5) заманивать/ заманить; 6) приманивать/ приманить (к себе)» и образованное от него существительное *csel* (TESz I 471) «1) хитрость, ухищрение, увертка; козни; 2) *спорт.* финт, обман; 3) *воен.* хитрость, обман» не имеют этимологии, их происхождение неизвестно. В языке хинди глагол *chalnā* / **чхалнā** «1) обманывать; 2) очаровывать» построен из корня *chal-* / *чхал-* и из суффикса инфинитива *-nā* / *-нā* и как по семантике, так и по звуковой оболочке и морфологическим при-

¹² Joki 1973.

¹³ Décsy 1965.

знакам соответствует венгерскому глаголу. В словаре языка хинди зафиксировано отглагольное существительное *chal* / **чхал** (ХРС 399) «обман, уловка, хитрость», соответствующее венгерскому слову *csele*.

Слова *dér* (TESZ I 616) «иней, изморозь» и *dermed* (TESZ I 616) «коченеть, цепенеть, неметь; *перен.* застывать от удивления; твердеть (цемент)», относящиеся к одному гнезду, являются неизвестными по своему происхождению. Мы обнаружили их параллели в хинди, о чем свидетельствуют слова *thar* / **тхар** (ХРС 477) «1. **холод, мороз, 2. снег**» и глагол *tharnā* / **тхарнā** (ХРС 476) «1. замерзать, коченеть; 2) наступать [о холодах]; холодеть». Фонетический вариант *thīr* / **тхир** (ХРС 478) «1) мороз, стужа» еще ближе к венгерскому слову. Венгерский лингвист М. Баллаги¹⁴ указал на то, что слово *dér* «иней, изморозь» является тождественным синонимом слова *hóharmat* «иней, изморозь (букв. снежная роса *hó* «снег»+ *harmat* «роса»), которое является термином венгерской народной метеорологии. М. Баллаги при трактовке слова *dér* представил и значение «точка застывания», которое вместе со значением «снежный» (второе значение) слова *thar* / **тхар** подтверждает сходную семантику венгерского и хинди слов.

Неизвестно происхождение гнезда *gyújt* (BPC I 908) «1) зажигать, зажечь; 2) воспламенять/ воспламенить; 3) ожигать/ ожечь; воспламениться/ воспламениться; **злить/ разозлить**»; *gyullad* = *gyúl* (BPC I 909) «1) зажигаться/ зажечься; разгораться/ разгореться; вспыхивать/ вспыхнуть гневом»; *gyulladás* (BPC I 909) «1) воспламенение; **воспаление**». При изучении словаря языка хинди выделилось параллельное гнездо: *džalnā* (ХРС 422) «1) гореть; 2) сгорать (о хлебе в печке, о масле на сковороде); выгорать (о траве, растениях); 3) обжигаться»; *džалан* (ХРС 422) «1) жжение; **воспаление**; 2) зависть; 3) злоба»; *džalānā* (ХРС 423) (понуд от I *džalnā*) «1) **зажигать**; разжигать огонь; 2) обжигать (напр. руку); вызывать зависть, ревность; 4) **злить**». Парное слово *džalā-бхунā* (ХРС 423) «1) сгоревший; 2) горячий, страстный» дополняет состав гнезда.

В аспекте фонетики заслуживает внимания глагол хинди *džхуласнā* (ХРС 459) «1) быть обожженным; обжигаться; обгорать, обугливаться; 2) обжигать (напр. руку); обжигать, палить». Значения «**зажигать/ зажечь**» и «**палить**» глаголов *gyújt* и хинди *džхуласнā* свидетельствуют об их семантическом сходстве.

Начальные гласные венгерских глаголов *gyújt*, *gyúl*, *gyullad*, *gyullaszt* отражают осуществление основной фонетической закономерности, установленной венгерскими лингвистами. Гласный *gy / d'* в начале слов, заимствованных из тюркских языков, развился из согласного *dž* (дж), о чем свидетельствуют слова *gyárt* «готовить» < *džarat* < *jarat* (тат) «создать, готовить», *gyöngy* «жемчуг» < *džidž* (кипчак) «жемчуг». Слова языка хинди *džalnā*; *džалан*; *džalānā*; *džхуласнā* начинаются с согласного *дж*, что соответствует данной фонетической закономерности. В корне *gyúj-*, *gyul-*, *gyúl* венгерских глаголов *gyullaszt*, *gyújt*, *gyúl* и в глаголе *džхуласнā* языка хинди обнаруживается гласный «у», что отражает полное тождество звуковой оболочки корней данных слов.

Древневенгерский глагол *kall* (TESZ II 326) «1) бить; 2) валять/ свалить; 3) изнашиваться/ изнашиваться» не обладает этимологией. От него образовались слова *kallóz* (BPC I 1175) «валять/ свалить»; *kallózás* (BPC I 1175) «валяние, валка;

¹⁴ Ballagi 1873, 209.

kallózó (ВРС I 1175) «валяльный, сукновальный»; *kallózott* (ВРС I 1175) «валяный, валяльный/увалянный»; *kallómalom* (ВРС I 1175) «валяльня». Данное слово сохранилось и в венгерских топонимах, например *Szuhakálló*. В географических названиях компонент *kálló-* (Kiss I 659), по мнению академика Л. Киша, вообще обозначает, что там работала **валяльня** или **мельница**. При изучении лексики языка хинди обнаружилось слово *khal* II./ **кхал** (ХРС 305) «ступа», которое используется в словосочетании *khal karnā* / **кхал карнā** (ХРС 305) «толочь, молотить», имеющее соотношение в аспекте семантики с древним венгерским глаголом **kall** «бить; валять, свалить». Также имеется связь между глаголами бить, валять со значениями другого слова хинди — *khalyān* / **кхалиян** (ХРС 305) «гумно, ток», ведь там молотили зерновые. В самом начале молотба, имеющая непосредственную связь с действием бить, означала ручную работу. Слова бить и молотить близки по своим семантическим признакам (в русской разговорной речи являются синонимами).

Слово *khalla* / **кхалла** (ХРС 305) «1) мельница; 2) ступка» непосредственно связано со значением «мельница» венгерского слова *-kálló*, о котором упоминается в этимологическом словаре венгерских топонимов.

Венгерский глагол *koboz* (TESz II 509) «наложить арест; конфисковать» тоже не имеет этимологии. Раньше глагол *koboz* обладал значением «грабить; похитить; захватить». В языке хинди *kabz* / **кабз** (ХРС 230) «1) захват, овладение; 2) конфискация; (ист.) налог»; *kabzā* / **кабзā** (ХРС 230) «1) захват, овладение; 2) оккупация; аннексия» относятся к семантическому полю, с которым связаны древние и настоящие значения венгерского глагола *koboz*. В фонетическом аспекте чередование гласных а/о является закономерным, по мнению Й. А. Йоки и В. И. Лыткина¹⁵.

В сочинительном сложении венгерского языка *lót-fut* (TESz II 790) «суетиться; мотаться; метаться» совместно с глаголом *fut* «бежать» используется компонент *lót*, этимология которого неизвестна. Это устаревшее слово используется только в парных словах *lót-fut* и *lótás-futás* «беготня, беганье, суета; гонка, мотня». Оригинальное значение глагола по значению сложения могло быть «суетиться, юлить, ходить туда-сюда», а компонент *fut* «бежать» обозначал скорость движения.

В языке хинди глагол *lotnā* / **лотнā** (ХРС 1004) «1) перекачиваться; переворачиваться; 2) ворочаться с боку на бок; валяться» обозначает действия, которые близки к значению венгерского сложения. О семантической связи свидетельствуют и глаголы хинди *lautnā* / **лаутнā** (ХРС 1006) «1. возвращаться; 2.) отворачиваться», illetve a *lautanā* / **лаутанā** (ХРС 1006) «1) возвращать; отсылать обратно; вернуть; 2) отбирать», которые обладают значением, сходным с венгерскими конструкциями.

Венгерские глаголы а *pereg* / **pörög** (ВРС II 538) «быстро кружиться, вертеться»; *perdül* (ВРС II 538) «запруживаться» и глагол хинди *phernā* / **пхэрнā** (ХРС 775) «1) повертывать; вращать; 2) крутить» обозначают одинаковое действие. Имя существительное *pher* / **пхэр** (ХРС 775) «1) кружение, круговое движение; обход; 2) поворот» тоже связано с обозначением данного движения. Слово *pherī* / **пхери** (ХРС 776) «1) кружение, вращение; 2) обход, поворот; 3) бродяжничество; 4) торговля в разнос» тоже относится к данному семантическому полю, как и имя

¹⁵ Joki 1973, 303, Лыткин 1953, 48–69.

существительное *pherā/ пхерā* (ХРС 776) «1) кружение», вращение; 2) обход; объезд, поворот; 3) оборот [веревки, шнура, ленты вокруг чего-нибудь]; 4) случайное посещение; 5) возвращение; 6) окружность, круг». Значение «случайное посещение», как у слова хинди *pherā/ пхерā*, наблюдается и у венгерского глагола *megfordul* (ВРС II 178) «обёртываться / обернуться; оборачиваться / оборотиться». Словосочетание *megfordult nála* «кратковременное посещение, пребывание у кого-л.» обозначает сходное действие. Глагол *forog* (ВРС I 816) «вращаться, вертеться, крутиться, кружиться» является фонетическим вариантом слов *pereg / pörög*.

Гнездо *tám* «опора, опорка, держава»; *támaszt* «1) опирать, опереть о что-либо; 2) подпирать, подпереть»; *támaszkodik* (TESz III 834) «1) прислоняться, прислониться к чему-л.; 2) опираться, опереться на что-либо»; *támogat* «поддерживать, поддержать; поддерживать морально» не имеет этимологии. Данное гнездо соответствует гнезду *thām* II. /тхām (ХРС 532) «1) **поддержание**; 2) удержание»; *thāmnā / тхāmнā* (ХРС 532) «1) останавливать; 2) удерживать; удержать кого-л. за руку, 3) **держать**, брать, хватать; 4) **поддерживать, помогать**». При сравнении значений венгерских и хинди глаголов обнаруживаются общие конкретные и переносные значения.

Венгерский глагол *tol* (TESz III 934) «1) двигать, двинуть; 2) придвигать, придвинуть; 3) отодвигать, отодвинуть» не обладает этимологией. Лексическая единица языка хинди *talnā / талнā* (ХРС 467) «1) отодвигать, передвигать» обозначает то же самое действие: «горизонтальное передвижение определенного объекта по поверхности чего-либо». Переносное значение глагола хинди *талнā* «4) откладывать, переносить (на другой срок)» наблюдается и у венгерского глагола *kitolja (a határidőt)* (ВРС II 1356) «отдалять, отдалить; отодвигать, отодвинуть (срок)». Глагол *талнā* обладает и другим переносным значением: «**переложить на кого-л. (вину, ответственность)**», которым обладает и венгерский глагол *tol: rátolja valakire a felelősséget* (ВРС II 614) «свалить на кого-л. ответственность». В языке хинди используется и слово *tal* II / **тал** (ХРС 467) «1) откладывание, отодвигание; 2) перенесение на другой срок; 3) отговорка, увиливание», которое также подчеркивает параллельные признаки сопоставленных языковых единиц.

Неизвестно происхождение венгерского глагола *tör* (TESz III 968) «1) **ломать**, ломать, ломить; 2) разламывать, разломать; **разбивать**, разбить; 3) колоть, кольнуть; толочь, истолочь; стирать, стереть (в порошок); 4) рушить, порушить». Параллельной лексической единицей является глагол языка хинди *tornā / торнā* (ХРС 526) «1) **ломать; разбивать; разрывать**; 2) рвать, срывать; собирать [цветы, ягоды]; 3) отрывать; 4) вырвать зуб», у которого обнаруживаются основные сходные значения.

В венгерском глаголе *megtorol* (ВРС II 242) «мстить/ отомстить; отплачивать/ отплатить кому-л.; расправляться/ расправиться» выделяется корень *tor-*, который не обладает ясной этимологией. В языке хинди слово *tor / топ* (ХРС 526) имеет значение: «**1.** 1) разламывание; разбивание; разрывание; 2) пробоина, пролом 3) быстрое течение; 4) **противодействие**; отпор». **2.** 1) разрушающий, сокрушающий (сокрушающий ответ); 2) противодействующий». Значения «**противодействие; отпор; сокрушающий ответ**» слова *tor / топ* (ХРС 526) вполне соответствуют

основному значению венгерского глагола *megtorol*, обозначающему реакцию на агрессивное поведение.

Корень *tor* венгерского глагола *megtorol* является соединяющим звеном между словами *tör* и *tornā* / **торнā** в аспекте фонетики. Данные слова могут быть фонетическими вариантами по толкованию венгерского историко-этимологического словаря (TESz). Гласные *o* / *ö* в финно-угорских языках обозначали общую фонему, о чем свидетельствуют венг. *kör* (TESz II 617) «круг», зырянское *kor* «обруч, кольцо»; венг. *köz* (TESz II 631) «промежуток, расстояние», мансийское *kottjel* «середина», удмуртское *kot* «промежуток; венг. *köles* / мансийское *kwolas* «мука», *kolas* «каша из рыбьей муки».

Кроме глаголов, мы обнаружили параллельные лексические единицы и в составе других частей речи, в частности отглагольных существительных, рассмотренных при анализе параллельных глаголов.

Гнездо *csendes* «1) тихий, 2) спокойный, мирный, 3) кроткий, мягкий»; *csend* «тишина» (TESz I 498) не обладает этимологией. В языке хинди используется гнездо слов *śānti* / **шāнти** (ХРС 1068) «1) спокойствие; 2) тишина; 3) мир; 4) отдых»; *śānt* / **шāнт** (ХРС 1068) «1) утихший; прекратившийся (о *ссоре*, боли и т. п.); 2) успокоенный; спокойный; 3) мирный»; *śāntā* / **шāнтā** (ХРС 1068) «1) мир, спокойствие; 2) тишина».

Основное значение упомянутых слов языка хинди «утихший, тишина; спокойствие, мир, спокойный; мирный» соответствует значению венгерских слов.

Венгерские слова *csuta*, *csutak* «пучок, горсть (соломы), мочалка»; *csutka* «початок, сердцевина, стебель» (TESz I 587) относятся к гнезду слов с неизвестной этимологией, которые могут иметь сходство со словами хинди *cutaknā* / **чутакнā** (ХРС 387) «срывать, собирать (цветы, овощи)»; *cutki* / **чутки** (ХРС 387) «1) щипок, 2) **шепотка, горсточка**»; *cutia* / **чутия** (ХРС 387) «1) чуб; 2) волосы, оставляемые хинду на бритой голове». Венгерское слово *csutak* «горсть, пучок (соломы, сена)», которым чистят коней, коров, имеет связь со значениями «шепотка, горсточка» слова *cutki* / **чутки** языка хинди. Параллельные денотаты непосредственно связаны действием, обозначаемым глаголом хинди *cutaknā* / **чутакнā** (ХРС 387) «срывать, собирать». Венгерский глагол *csutakol* (ВРС 368) «обтирать / чистить лошадь (соломой, сеном)» обозначает и использование горсти соломы, сена, вырванного из стога, или сорванной травы.

Происхождение венгерских слов *hintó* (TESz II 72.) «коляска, карета», *hinta* «качели» (TESz II 72.), образующих гнездо, неизвестно. Слово хинди *hindora* / **хиндора** (ХРС 1211) «1) колыбель; 2) качели» и его фонетический вариант *hindola* / **хиндола** (ХРС 1211) «1) колыбель; 2) качели» также обозначают предметы, для которых характерно качание. Значение венгерского слова *hinta* «качели» и второе значение слов хинди *hindora* / *hindola* «качели» вполне соответствуют друг другу.

Венгерские слово «череп» *kopoltyú* (TESz II) «жабры» может быть соотнесено со словом *kapala* «череп, бокал, скорлупа» санскрита. В языке хинди слово *kapal* / **канāl** (ХРС 228) «1) череп; голова; 2) лоб; 3) судьба; 4) черепок; 5) **крышка** (горшка); **покрышка**» обладает значениями, которые могут иметь связь с венгерским словом.

Слово *kopoltyú* «жабры» также может восходить древнеарийскому слову *kapal* «череп», к которому восходят лат. *caput* «голова», франц. *capital* «главный», рум.

cap «голова». Слово хинди *kapal/ капāl* (ХРС 228), кроме значений «череп; голова», «черепок», обладает также значениями «крышка (горшка); покрывка». Жабры рыб, напоминающие крышку сосуда, находятся в голове, поэтому могут иметь соотношение со словом, обозначающим «голову, покрывку».

В венгерском этимологическом словаре упоминается, что слово *kopoltyú*, вероятно, восходит к глаголу *kopolt*, исчезнувшему из венгерского языка. По нашему мнению, значение древнего глагола могло быть «закрывать, покрывать», что связано с функцией жабр.

Этимология венгерского слова *másza* (TESz II 868) «центнер» является спорным, так как не обоснована его связь ни с латинским словом *massa* «куча, множество», ни с восточнославянским *мажа* «повозка, запряженная волами». Происхождение южнославянских эквивалентов тоже неясно. В языке хинди слово *māśā / māśā* / (ХРС 895) «весовая единица» по семантическому полю ближе к семантике венгерского слова, чем упомянутые выше слова. На восточное происхождение венгерского слова может указать французское *quintal* «центнер», которое восходит к иранскому *qintar* «центнер, весовая единица», а не к латинскому *quīntus* «пять».

Венгерское слово *sziklevél* «семядоля» не рассматривается в историко-этимологическом словаре TESz. Данное словосложение состоит из компонентов *szik-* и *levél* «лист». В языке хинди слово *sīk/ сик* (ХРС II60) «1) стебель; соломинка; 2) прут; вертел; 3) шпилька» может иметь этимологическую связь с упомянутым венгерским словом. К данному гнезду слов примыкают слова *sīkca / сикча* (ХРС II60) «прутик»; *sīnka / сика* (ХРС II60) «веточка», относящиеся к семантическому полю «растительный мир».

Корень слова *szik-* мог обладать значением «предмет с острым наконечником или заостренный конец чего-либо», о чем свидетельствует слово *szikáncs* «остроконечная щепка, заноза», используемое в народной речи. Значением «остроконечный предмет» обладают слова хинди: *sīk/ сик* «1) прут; вертел; 2) шпилька»; *sīkh / сикх* (ХРС II61) «1) металлический прут; 2) вертел»; *sīkhcā / синкчā* (ХРС II61) «1) железный прут, 2) вертел». Остроконечная форма семядоли у однодольных растений, т. е. хлебных злаков, похожа на вертел, что лежит в основе ассоциативных связей, образующей гнездо слов.

Венгерское слово *szigony* (TESz III 748) «острога, багор», не имеющее этимологии, по своим фонетическим и семантическим свойствам имеет связь как со словом *sīkh / сикх* (ХРС II61) «1) металлический прут; 2) вертел», так и со словами *sīkhcā / синкчā* (ХРС II61) «1) железный прут, 2) вертел», *sīk/ сик* (ХРС II60) «прут; вертел; шпилька». Глагол *szigonyoz* «острожить» связан со словами, обозначающими остроконечные предметы.

Слово *six* (РПС 58) «вертел» относится к лексическому фонду новоперсидского языка. Туркменское *сых* (ТуркРС 609) «1) вертел; шампур; 2) заостренный конец чего-либо» восходит к персидскому слову. От этого слова образуется гнездо глаголов *сыхаламак* (ТуркРС 609) «водить острием (ножа); пилить» > *сыхалатмак* (ТуркРС 609) «водить острием; пилить»; *сыхламак* (ТуркРС 609) «вонзать». К данным словам примыкает и слово *сух* «вертел» (УзРС 4000) узбекского языка.

По данным историко-этимологического словаря персидского языка, слово *six* (РПС 58) «вертел» восходит к санскритскому *sīhcā* «вертел», что свидетельствует

о многогранных языковых контактах. В персидском языке не образовалось гнездо и слово *six* не обладает ботаническим значением, что наблюдается в венгерском языке и хинди.

Слово *szike* (TESz II 750) «скальпель», неизвестное по происхождению, также относится к данной группе слов по своей семантике и фонетическому строю. Заслуживает внимания значение туркменского слова *сыхаламак* (ТуркРС 609) «водить острием (ножа)», которое связано с функциональным свойством скальпеля. Данный инструмент хирурга используется подобным образом.

В настоящей статье мы не хотим и не можем обсуждать обоснованность теории О. Н. Трубачева о синдах. Мы старались представить некоторые общие элементы венгерского языка и языка хинди, которые еще не рассматривались в лингвистических работах.

Представленные нами венгерские слова, имеющие фонетические и семантические сходства с лексическими единицами языка хинди, могут иметь соотношение с теорией О. Н. Трубачева о синдах. Параллельные венгерские лексические единицы в большинстве случаев не обладают этимологией. Необходимо указать на то, что венгерские слова с неизвестным происхождением, по-видимому, были заимствованы до установления контактов с германскими, славянскими либо романскими народами.

Знакомство с теорией о синдах О. Н. Трубачева содействовало оформлению нашей гипотезы о возможности этимологической связи венгерских слов, не обладающих ясной этимологией, с индийскими словами. Сходство между венгерскими и индийскими словами долгое время казалось нам случайным созвучием, так как ни в лингвистических, ни в исторических работах не говорится о возможности этих связей.

Выводы О. Н. Трубачева об индийском происхождении народа синдов интересны для исследователей языковых и культурных контактов Евразии, также важны с точки зрения ареальной лингвистики, в чем убеждают нас положения упомянутых исследователей. Исходя из того, что во время миграции венгры установили контакты с народами, жившими в регионе Северного Кавказа и Северного Приазовья, можно предполагать, что они установили контакты с народом, в языке которого сохранились элементы арийского языка. Следы контактов с народами данного региона, в котором, по мнению О. Н. Трубачева, раньше обитали синды, по-видимому, сохранились в венгерском языке. Объем настоящей статьи не дает возможность ни для этимологического анализа сходных лексических единиц языка хинди, ни для установления эпохи заимствования венгерских слов без этимологии.

Мы заканчиваем нашу статью положением В. М. Солнцева и соавторов¹⁶ о необходимости изучения новых языковых фактов, освещающих неизвестные языковые и культурные контакты. По его мнению, новые проблемы требуют разработки новой теории, содействующей успешности научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Афимов Н. В. 1958: Племена Прикубанья в сарматское время // СА. XXVIII, 43–67.

¹⁶ Солнцев, Вардуль, Алпатов, Бертельс, Коротков, Санжеев, Шарбатов 1979, 3–15.

- Баранников А. П.* 1928: Синонимические повторы в новоиндийских языках. Л.
- Бархударов А. А.* 1963: Словообразование в хинди. М.
- Лыткин В. И.* 1953: История словарного состава пермских языков // ВЯ. 5, 48–69.
- Лыткин В. И.* 1975: Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 3, 84–97.
- Пачаи И.* 1995: Ареальные аспекты парных слов в русском языке. Ньиредьхаза.
- Потебня А. А.* 1968: Из записок по русской грамматике. Т. III. М.
- Рыбаков Б. А.* 1973: Язычество древних славян. М.
- Солнцев В. М., Вардуль И. Ф., Алпатов В. М., Бертельс А. Е., Коротков Н. Н., Санжеев Г. Д., Шарбатов Г. Ш.* 1979: О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // ВЯ. 1, 3–15.
- Топоров В. Н.* 1962: О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии // Топонимика Востока. М., 48–65.
- Трубачев О. Н.* 1976: О синдах и их языках // ВЯ. 4, 39–63.
- Трубачев О. Н.* 1977: Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 6, 13–29.
- Трубачев О. Н.* 2003: Этногенез и культура древнейших славян. М.
- Трубецкой Н. С.* 1991: Верхи и низы русской культуры // Вестник МГУ. Сер. 9. 1, 87–98.
- Abbi A.* 1994: Semantic. Universals in Indian Languages. New Delhi.
- Ballagi M.* 1873: A magyar nyelv teljes szótára. Budapest.
- Bañcerowski J.* 2008: A világ nyelvi képe. Tinta Könyvkiadó. Budapest.
- Bartha J.* 2012: A népi kultúra nyelvi öröksége — nyelvjárási gyűjtések a Nagykunságon // Jászkunság. 1–4. Szolnok, 159–178.
- Berzin E., Grantovvsky E.* 1962: Kinsmen of Indians on Black Sea Shores. Delhi.
- Chatterji S. K.* 1926: The Origin and Development of the Bengali Language. Calcutta.
- Chatterji S. K.* 1940: Indo-Aryan and Hindi. Calcutta.
- Collinder B.* 1954: Zu indo-uralischen Frage. Uppsala.
- Décsy G.* 1965: Zur Frage der indogermanischen, iranischen und türkischen Lehnwörter in der Grundsprache // Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden.
- Eilers W., Mayrhofer M.* 1960: Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache. VI, 1382–1397.
- Fokos D.* 1961: Uráli és altaji összehasonlító szintaktikai tanulmányok // Nyelvtudományi Közlemények. LXIV. 1, 12–55.
- Harmatta J.* 1977: Irániak és finnugorok, irániak és magyarok // Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest, 167–182.
- Joki A. J.* 1973: Uralier und Indogermanen. Helsinki.
- Kretschmer P.* 1943: Inder am Kuban // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Anzeiger. 80 Jg. I–XV, 35–42.
- Minns E. H.* 1913: Scythians and Greeks. Cambridge.
- Nyomárkay I.* 2000: A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában // Magyar Nyelvőr. 124, 487–494.
- Pais D.* 1951: Kérdések és szempontok a szóösszetételek vizsgálatához // Magyar Nyelv. XLVII, 143–155

SOME FACTS FOR THE THEORY OF O. N. TROUBAČEV ON THE SINDS

I. Pacsai

The works of O. N. Troubačev examined the history of the traits of Sindes in the North Black Sea Region. The famous Russian scientist formed his theory from the Indian origin of Sinds,

who lived in this region, by the old toponyms, which comes from Indian languages. Troubačev based his theory on the works of researchers who examined the history of this region. The questions, examined by O. N. Troubačev, have a connection with the Hungarian language which was formed during the long migration of Hungarian people. During the migration many cultural and language contacts were created with the neighbouring nations. These various contacts are reflected in the vocabulary of Hungarian language, which contains many words with unknown etymology. Beyond the examined structures discovered the Hindi words, which presents the similar phonetic and semantic features with Hungarian words without clear etymology, which belongs to the basic word-stock of Hungarian language. The second important period of migration of Hungarian people was connected with the north region of Caucasus and the North-East maritime region of the Black Sea, examined by O.N. Troubačev where very intensive contacts are formed with Iranian nations. It is possible that the adoption of the words with Indian origin carried together with the Iranian words. These questions have mutual connection, namely the theory from Sinds of Troubačev which explains the origin of the examined Hungarian words, and this language contact proves the well-founded character of his theory.

Key words: the Sindi, Indian origin, maritime region, the Black Sea, Iranian influence, cultural and language contacts, etymology, similar phonetic and semantic features

---

© 2014

А. П. Наумова

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ФОРУМ КАК ЖАНР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье анализируется жанр переводческого форума как виртуальной формы актуализации профессионального дискурса переводчиков. Выявлены соответствующие социолингвистические, структурно-медийные и языковые характеристики на английском, русском и французском языках.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, профессиональная коммуникация, виртуальное жанроведение, жанр форума

Исследования жанрового пространства виртуальной коммуникации характеризуются высокой частотностью, актуальностью и ведутся в различных направлениях: предметом рассмотрения выступают определение понятия виртуального жанра; соотносённость традиционных и виртуальных жанров; описание специфических типов жанров, а также разработка критериев для их классификации. Сформировавшийся теоретический аппарат позволяет говорить о создании новой лингвистической области — виртуального жанроведения¹.

Особое место в профессиональной интернет-коммуникации занимают форумы переводчиков как наиболее распространенный формат взаимодействия специалистов по вопросам оптимизации переводческой деятельности.

Наумова Анна Петровна — аспирантка кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета. E-mail: anaumova9@gmail.com

¹ Горошко, Жигалина 2011.

Форум как форма актуализации профессионального дискурса переводчиков (ПДП) имеет характеристики, маркирующие принадлежность данного вида профессиональной коммуникации к статусно-ориентированному типу общения: цель, задача, ценности, набор участников, хронотоп, стратегии, тематика². Данные характеристики выступают в качестве основы выявления специфики реализации данного вида институционального дискурса в его компьютерно-опосредованной форме.

Наряду с ними большой эвристичностью в анализе форм интернет-коммуникации отличаются выделяемые многими исследователями базовые характеристики компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК):

1. структурно-медийные (гипертекстуальность, степень интерактивности, креолизованность);

2. языковые³

В анализе коммуникации переводчиков в рамках форума мы будем использовать преимущества указанных дискурсивных характеристик.

Проанализировав ряд дефиниций, выделяемых исследователями интернет-коммуникации⁴, можно заключить, что сетевой форум представляет собой форму коммуникативного асинхронного компьютерно-опосредованного взаимодействия, разворачивающегося по задаваемым темам в рамках определенных разделов или всего сайта в целом.

В качестве материала исследования использован контент семи сетевых дискуссионных площадок, созданных различными представителями института перевода: форум Общероссийской общественной организации «Союз переводчиков России» (СПР); форум на сайте «Ассоциации лексикографов Lingvo» (Lingvo); форумы крупнейшего мирового сетевого сообщества переводчиков «Proz.com» (Proz); форумы переводческого сайта «TranslatorsCafé.com» (ТСТ); форум профессиональных переводчиков Франции «Forum de traducteurs professionnels» (РТФ); форум интернет-ресурса «Город переводчиков» (ГП); форум на сайте бюро переводов «Альба» (Alba).

Форумы СПР, ГП, Proz, ТСТ, Lingvo являются частью одноименных сайтов и выделяются в их составе с помощью соответствующих лексических единиц «форум», «форумы» и требуют дополнительной навигации для доступа к ним. Форумы Alba и РТФ изначально имеют традиционную структуру и представляют собой автономные сайты.

Отдельно стоит отметить дискуссионные площадки ресурса Proz, в структуре которого можно выделить два блока форумов. Первый, *KudoZ^{TM}*, всецело посвящен терминологическим трудностям при переводе. Второй — всем остальным вопросам и проблемам, связанным с профессией переводчика.

Аналогичная ситуация имеет место на сайте TranslatorsCafé.com, в структуре которого также выделяются форумы, связанные с общими и частными практическими и теоретическими вопросами переводческой деятельности, а также форум терминологической помощи «*TCTerms*».

² Карасик 2000, 12.

³ Асмус 2005; Горошко 2007; Лутовинова 2009; Щипицина 2010.

⁴ Щипицина 2010, 269; Галичкина 2012, 16; Лутовинова 2009, 175; Асмус 2005, 52, 60.

Переводческий сетевой форум создается с целью распространения и получения новой информации относительно качества перевода и способов его обеспечения и представляет собой в данном отношении информативный жанр в противопоставлении социальному (по функциональной классификации жанров КОК Л.Ю. Щипициной⁵). Позиционируя профессиональный дискурс переводчиков как вид институционального, мы относим форум переводчиков, виртуальную форму его реализации, к примарно-информационному типу, служащему для представления и получения информации⁶. Основной задачей ПДП в целом и соответственно форума в частности является оптимизация переводческой деятельности для поддержания и сохранения ценности исследуемого вида дискурса — качественного выполнения перевода. Так, реализация информативной функции непосредственно прослеживается в названиях разделов форумов: *Трудности перевода*, *Переводческие ошибки и ляпы* (СПР); *Обсуждаем переводы* (Lingvo); *Форум для начинающих* (ТСТ); *Проезд локализации и видеоперевода* (ГП); *Questions pratiques* (РТФ); *Правовая помощь* (Alba); *Translator resources*; *CAT Tools Technical Help*; (Proz). Характерным для данной функции также является наличие комментариев, размещенных непосредственно в названии или правилах участия в форуме: *Сайт для переводчиков: беседы и обмен опытом* (Alba); *Forum des traducteurs professionnels. Ce n'est pas un service de traduction, mais un espace de débat entre professionnels* (РТФ); *Форум на сайте СПР создается для обсуждения актуальных проблем профессионального сообщества переводчиков России, информирования переводчиков о деятельности СПР и его региональных отделений* (СПР).

Природа специализированного форума как коммуникативной дискуссионной площадки априори предполагает представление, обсуждение, и в силу потенциально ничем неограниченного количества адресатов, получения компетентной информации. На этом основании логично говорить именно о примарно-информативном характере любого раздела профессионального сетевого форума.

Помимо информативной, в жанре профессионального переводческого форума также реализуется ряд следующих функций:

— презентационная: представление данных о себе и своих профессиональных достижениях. Так, на форуме Lingvo представлен авторский раздел известного российского переводчика П.Р. Палажченко *Дополнения к моему Несистематическому Словарю (Авторский раздел Павла Палажченко)*, в котором обсуждаются отдельные лексические единицы, входящие в состав изданного автором раздела словаря. Непосредственное представление себя и своих профессиональных качеств, требований или ожиданий представлено в формате форума ТСТ: *Переводчики и работодатели. Расскажите о себе или своем агентстве*;

— латентно-директивная, предоставляющая пользователю какую-либо информацию с целью побудить его на осуществление какое-либо действия. Данная функция реализуется в текстах объявлений, составляющих отдельный раздел в структуре форумов: *Требуется переводчик. Объявления о вакансиях и переводческих заказах* (СПР); *Объявления* (ТСТ).

Участниками выступают профессиональные переводчики, имеющие профильное образование и определенный опыт работы. В силу того, что к форуму

⁵ Щипицина 2011, 21.

⁶ Щипицина 2011, 21.

прибегают для получения квалифицированной помощи или консультации, степень компетентности участников может варьироваться от начинающих переводчиков до настоящих профессионалов, признанных мастеров. Проверка принадлежности к тому или иному профессиональному классу проходит на формальном уровне при регистрации, состоящей из двух этапов. На первом пользователь вводит свое имя пользователя и пароль. Далее, после подтверждения, следует этап заполнения персональных данных. Процедура является обязательной для участия в работе форума. Без нее в зависимости от сайта доступен просмотр некоторых или всех веток обсуждения, но без возможности ответа и комментариев.

Обязательным пунктом при заполнении личных данных является указание пар рабочих языков и, частично, тематики выполняемых переводов:

Язык (-и): укажите свою рабочую языковую пару или пары, если их несколько (ГП);

Родной язык. С каких языков и на какие вы переводите. Отметьте тематику, в области которой вы работаете (Alba);

Родной язык. Ваши рабочие языки. Специализация. Выберите локали ваших рабочих языков перевода и нажмите кнопку Установить локали (ТСТ);

Языковые пары. Родной язык. Please, specify a variant. Области специализации: общие области, узкие области. Ваши области специализации. Ваши рабочие области. Области ваших интересов. (Proz).

В правилах форума СПР непосредственно предписывается указывать *рабочую языковую комбинацию*. При регистрации на форуме Lingvo поля для ввода информации о рабочих языках и областях специализации отсутствуют. Отличителен в данном отношении пример французского форума PTF, где в качестве второго этапа необходимо составить о себе небольшое вводное сообщение-презентацию, указав в обязательном порядке виды переводческой деятельности (*Quels types de traductions faites-vous (technique, littéraire, audiovisuel, etc.)?*), степень компетентности (*Êtes-vous un professionnel confirmé, un débutant ou un étudiant fraîchement ou prochainement diplômé?*) и рабочие языки (*Quelles langues traduisez-vous?*). Данные требования размещаются администратором форума, который после просмотра «резюме», выдает право на участие в его работе⁷.

Характерной особенностью исследуемых сетевых форумов является использование участниками двух имен: одно требуется для входа на форум, так называемый ник или логин, а второе — непосредственно имя пользователя, которое видят все коммуниканты. Так, на двух крупных переводческих сайтах и соответствующих форумах и на форуме российского профессионального объединения переводчиков преимущественно используются полные настоящие имена пользователей:

1. Proz: *Anna Fredrikson, Kevin Fulton, Claudette Hepburn, Terry Richards, Helena Chavarria, Pavel Nikonorkin, Tina Vonhof*⁸;

2. ТСТ: *Vera Spodenko, Igor Oglobin, Steven Lagutin, Ketevan Tsakadze, Sadig-Mammadov*⁹;

⁷ <http://www.portail-traduction.fr/fdt/viewtopic.php?f=8&t=9208>.

⁸ http://www.proz.com/forum/translation_theory_and_practice/244867-how_long_do_you_have_to_save_translations.html.

⁹ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=95979&hlm=a&hlid=238297#a238297>.

3. СПР: *Юрий Новиков, Nadezhda Barvitenko, Elena Iarochenko, Константин Зайцев, Zlobin Alexander*¹⁰.

Наличие документально закреплённого в «Правилах участия в форуме» СПР запрета на использование ников подчеркивает строго специализированную профессиональную направленность ресурса: *Запрещается использовать в качестве логина вместо настоящего имени и фамилии «ники», а также аватары вместо личных фотографий. Участники, зарегистрировавшиеся под «никами» до обнародования настоящих правил, должны перерегистрироваться в соответствии с этими правилами*¹¹.

Подобное требование относительно использования настоящего имени и фамилии в КОК связано с обязательностью позиционирования переводчика как специалиста не только в реальном, но и в виртуальном мире. На форуме ГП, менее крупных форумах Alba и Lingvo, а также РТФ наряду с именами и фамилиями активно используются так называемые «ники». На наш взгляд, это связано, во-первых, с отсутствием письменного регламента; во-вторых, с тем, что некоторые ресурсы существуют только в виртуальном виде (например, ГП, РТФ), и в-третьих, с традиционной нормой использовать ненастоящие имена на форумах:

4. РТФ: *SvTr; mandarine, Olivier69430, tartine, 4 juillet, dejinytravy, tiggerdan, Pascalitsa, Anne, Clarika*¹²;

1. ГП: *Sergey Rybkin, vlady, Наталья Шахова, Виктория Максимова, Alter Ego, L.B., Newsha, e-cat-Erina*¹³;

2. Lingvo: *Евгений Масловский, Русский язык, Александр Мельников, Прохажий, arsen, Pedant, Просто инженер, Avz, Konstantine Gunin, Валерий Афанасьев, Vassili, Владимир Селегей, bo, Codeater, Cnti, Elena I.*¹⁴;

3. Alba: *VMT, avessalom, deG, Portu, Русский, Alexandr_Minsk, rasmus_rasmus, kot, Mirvays, frelice, Masta_Z, alex 1886, Leo, Костя, Cruentus*¹⁵.

Подтверждение профессионального статуса также происходит при заполнении полей в личном профиле пользователя, посвящённых полученному образованию, членству в профессиональных организациях, стажу работы и т.д.:

1. СПР: *4. Для регистрации необходимо заполнить графы, отмеченные как обязательные, указав (полностью) фамилию, имя и отчество участника, электронный адрес, основной вид переводческой деятельности, рабочую языковую комбинацию, город (страну). Участники-члены СПР указывают номер членского билета*¹⁶;

2. Alba: *Стаж работы, лет; Опыт работы в области переводов: организация, год, тематика переводов; Образование: наименование учебного заведения, год окончания, специальность; Техническое обеспечение: используемые текстовые и графические редакторы; используемые САТ-программы*¹⁷;

¹⁰ http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_kunena&view=topic&catid=4&id=383&Itemid=299&limitstart=45.

¹¹ http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_kunena&view=misc&Itemid=306.

¹² <http://www.portail-traduction.fr/fdt/viewtopic.php?f=1&t=9987>.

¹³ <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=13&t=55688>.

¹⁴ <http://www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?bid=10&tid=2941&pg=-1>.

¹⁵ <http://forum.alba-translating.ru/viewtopic.php?f=5&t=19&start=20>.

¹⁶ http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_kunena&view=misc&Itemid=306.

¹⁷ <http://forum.alba-translating.ru/anketa.php>.

3. Proz: *Проекты; Образование в области перевода; Стаж; Дипломы; Членство в ассоциациях; Программное обеспечение*¹⁸;

4. ТСТ: *Аккредитация (например, аккредитация в качестве судебного переводчика); Членство в профессиональных организациях; Платформа и оборудование*¹⁹.

Зачастую совокупность указываемых профессиональных данных представляет собой анкету или резюме, которые, помимо информативных, также используются и в презентационных, маркетинговых целях, представляя необходимую информацию потенциальным работодателям. Так, например, на крупнейшем переводческом ресурсе Proz в настройках личного профиля, относящегося как ко всему сайту, так и к форуму, в частности, имеется раздел «*Портфолио/образцы переводов*», в котором пользователь может размещать отрывки из ранее выполненных им переводов. А в настройках профиля на сайте ТСТ пользователь имеет возможность создать или загрузить готовое резюме в разделах «*Резюме*» и «*Самореклама*».

Характеризуя участников переводческих сетевых форумов, необходимо обратить внимание на фактор адресанта, а именно отправителя-создателя гипертекста форумов. Данный фактор специфичен для двух исследуемых нами форумов: Proz и ТСТ. В терминологии Е. И. Горошко, данный фактор именуется «*географией Интернета*»²⁰ и влияет на увеличение медийности текста в зависимости от уровня развития цифровых и интернет-технологий в разных странах. В приложении к сетевым переводческим форумам данный фактор влияет на их структуру и языковое оформление и манифестируется, в первую очередь, в явлении локализации. Так, каждый из двух вышеназванных форумов имеет несколько языковых версий, которые пользователь выбирает по своему усмотрению в личном профиле. Языком оригинала выступает английский язык, так как ресурсы разработаны в США (североамериканский головной офис расположен в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк) и Канаде (г. Онтарио). Поэтому сайты и, соответственно, форумы, входящие в их состав, имеют достаточно сложную, разветвленную структуру. При выборе языка интерфейса, отличного от английского, пользователь может столкнуться с явлением «смешивания» языков в разных разделах форума, т.к. их локализация осуществляется на более чем 90 языках и их вариантов на сайте Proz и на 55 языках на сайте ТСТ на добровольных началах непосредственно самими пользователями. Локализации подвергаются в первую очередь «*самые посещаемые разделы*»²¹ и название структурных элементов.

Так, на сайте Proz существует следующее деление форумов:

Перевод как искусство и бизнес;

Технические форумы;

Форумы на других языках (кроме английского);

Форумы по странам;

*Форумы о сайте Proz.com*²².

¹⁸ <http://www.proz.com/profile/1324393>.

¹⁹ <http://www.translatorscafe.com/cafe/profile/General.asp>.

²⁰ Горошко 2007, 382.

²¹ http://www.proz.com/?sp=localization&sp_mode=team.

²² <http://www.proz.com/forum/>.

Однако при переходе в тот или иной раздел пользователь имеет дело с текстом на английском языке, например:

*Перевод как искусство и бизнес — Art of Translating and Interpreting. Translator resources; Translation theory and practice; и т.д.*²³;

Forum rules — Форумы ProZ.com предназначены для дискуссий исключительно на темы, соответствующие специализации ProZ.com.

*Jobs — 2.Rules for responding to postings — Ответ на заявку на выполнение работы должен основываться на интересе к выполнению этой работы*²⁴.

В подобных ситуациях при переходе с локализованного названия раздела, размещенного на одном языке, например русском, к сообщениям обнаруживается, что обсуждение ведется на английском языке, в том числе и русскоязычными пользователями: *Всё о мошенниках: Вопросы безопасности: программы, сайты, советы, предупреждения о спаме, вредоносных и шпионских программах, о мошенниках*²⁵.

- RE: New most popular scam in the translation Industry: identity theft. How to protect yourself from theft scam. Nikita Kobrin. Родной язык: русский²⁶.

Конвенции поведения участников закреплены в соответствующих правилах, размещенных на каждом из анализируемых форумов, регламентируют формальные, нормативно-правовые, морально-этические и языковые аспекты деятельности на форуме.

В соответствии со своей узкоспециальной направленностью ПДП в жанре форума монотематичен, но охватывает различные области, прямо или косвенно связанные с переводческой деятельностью: терминологические аспекты; виды и разновидности перевода; вопросы рынка переводов, трудоустройства, оплаты труда; инструменты перевода, вспомогательные материалы; вопросы обучения, преподавания, повышения квалификации; вопросы теории и практики перевода; общие вопросы смежных с переводом дисциплин.

Характерной особенностью анализируемых сетевых форумов является наличие заранее заданной модератором тематической структуры-«скелета» обсуждений, в рамках которых уже пользователи самостоятельно открывают так называемые «треды» (от англ. *thread* — нить) — дискуссии на отдельные темы.

Стратегии ПДП в жанре форума определяются его функциями: информативной, презентационной и латентно-директивной. Информативная функция реализуется в стратегии уговаривания (тактики просьбы, убеждения); презентационная — в стратегии самопрезентации (тактика презентации профессиональных качеств, достижений); латентно-директивная — стратегия формирования заинтересованности (тактики информирования, призыва).

Рассмотрим пример реализации стратегии уговаривания, содействующей основной цели сетевых переводческих форумов — получению и распространению информации об обеспечении качественных переводов. Так, тактика просьбы проявляется при обращении пользователя к другим участникам форума и формулировании вопроса:

²³ http://www.proz.com/forum/categories/Перевод_как_искусство_и_бизнес.html.

²⁴ <http://www.proz.com/?sp=siterules&mode=show&category=forum>.

²⁵ <http://www.translatorscafe.com/cafe/MegaBBS/?showall=true>.

²⁶ <http://www.translatorscafe.com/cafe/MegaBBS/thread-view.asp?threadid=20679&posts=113>.

1. Подскажите, пожалуйста, имеет ли право переводчик-ИП осуществлять перевод паспортов и прочих документов, заверяя их у нотариуса?²⁷

2. Здравствуйте! Не владею французским, в тексте об отеле встретила название на французском — *Forêt des Quatre Piliers*. Поиск ничего адекватного не дал, пожалуйста, напишите, что это²⁸.

В приведенных примерах авторы сообщений, излагая суть проблемы, вежливо просят помочь, используя лексемы *пожалуйста*; *подскажите*; а второй автор, помимо этого, еще указывает причины неудачного поиска: *не владею французским; поиск ничего адекватного не дал*.

Тактика убеждения отчетливо манифестируется в обсуждениях терминологических трудностей перевода в подробном аргументировании адекватности/неадекватности того или иного варианта перевода. Так, обсуждение на форуме ТСТ проблемы создания терминологического соответствия для исходного *up-selling in flight services* представлено на 5 страницах (1 стр. ~ 1800 зн.):

KetevanTsakadze

up-selling — убеждение потребителя приобрести более дорогую версию продукта, которая обладает какими-л. дополнительными качествами

Пример — “Maximize room revenue by up-selling to a higher rate category and selling the highest possible rates for walk-in guests.” (one of the obligations of a Receptionist) — <http://ae.linkedin.com/pub/kristina-slauta/40/617/4a5>

IgorOgloblin

Кетеван, upsell — это допродажа, какая угодно. *Up sell to a higher rate category* — частный случай *upsell*. Предложение защитного аэрозоля при продаже замшевой обуви — это тоже *upsale*.

....

Кетеван, такое употребление термина up-sale придумал не я, так употребляют его работники торговли (в основном, имеющие дело непосредственно с покупателем) в Северной Америке. Наш коллега, Сергей Орлов, совершенно правильно намекнул на разность контекстов.

Действительно, существует такой термин — cross-sale. Однако, он, как опять же правильно заметил Сергей, узкоспециальный, не все его поймут. Вторых, Вы представьте чисто практически, как это возможно оторвать пассажира от просмотра(прослушивания, сна и т.д.) в полёте и произнести ему(ей) sales pitch?... Но это и всё. Это и названо в данном случае — up-sale. Кетеван, Вы давно летали?²⁹

Приводимый в качестве примера фрагмент наглядно демонстрирует классический вариант профессиональной беседы «старшего с младшим». Подчеркнуто уважительное обращение на *Вы* (*Вы представьте...; Вы давно летали?*) не смягчает менторского тона и примитивных примеров для сравнения (*как это возможно оторвать пассажира от... сна ... в полёте и произнести ему(ей) sales pitch?; Предложение защитного аэрозоля при продаже замшевой обуви — это тоже upsale*).

²⁷ <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=13&t=55751>.

²⁸ http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/tourism_travel/5061035-for%C3%AAAt_des_quatre_piliers.html.

²⁹ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=95979&hlm=a&hlid=238297#a238297>.

Помимо использования сравнения, тактика убеждения также реализуется с помощью употребления в тексте ссылок на внешние справочные источники.

Сетевой форум представляет собой асинхронный жанр КОК, при которой коммуниканты находятся в сети неодновременно. В связи с этим хронотоп (как пространственно-временная характеристика общения) профессионального переводческого форума имеет ряд особенностей. Во-первых, временные рамки обсуждения того или иного вопроса зависят от тематики раздела. Так, например, совместная работа пользователей по подбору эквивалента перевода лимитируется автором исходного сообщения с помощью соответствующих лексических единиц. Например,

1. ТСТ: *Ответ принят автором. Вопрос закрыт 09.02.2012 19:54*³⁰;

2. Proz: *The question was closed on 2013-03-15 16:55:39 based on peer agreement. Выбранный ответ от Svetlana Chistiakova*³¹.

Данные действия обусловлены тем, что, обращаясь на форум за помощью, пользователь, вероятнее всего, находится в условиях ограниченного времени на выполнение заказа на перевод, поэтому ответные сообщения других пользователей сообщества являются достаточно оперативными и актуальными.

Остальные разделы исследуемых форумов в меньшей степени подвержены временным ограничениям и носят традиционный атемпоральный характер, при котором участники по мере необходимости обращаются к ресурсу.

Во-вторых, характеристика пространственного аспекта коммуникативного взаимодействия в жанре форума предполагает, что участники дистанцированы друг от друга и в действительности могут находиться в любом месте. В пространстве виртуальной коммуникации непосредственно сам форум является прототипным местом общения переводчиков.

Гипертекстуальность признается одной из самых важных характеристик для текстов Интернета и понимается как форма нелинейной организации текста, при которой порядок следования отдельных текстовых блоков, составляющих единый текст, не является строго заданным. Применительно к переводческим форумам она может быть охарактеризована на макро- и микроуровнях. Первый относится к структурной организации всех разделов и тем обсуждений форума, которые пользователь может читать в любой последовательности в зависимости от своих потребностей. Средством связи отдельных текстовых блоков служат номинативные гиперссылки, совпадающие с названием разделов и тем обсуждения. Говоря о гипертекстуальности на микроуровне, мы имеем в виду порядок следования текстовых блоков в рамках одного обсуждения. Форумы СПР, ГП, Alba, РТФ, Proz (за исключением KudoZ™) имеют линейную структуру во всех разделах, т.е. сообщения публикуются друг за другом по мере поступления и могут располагаться на нескольких страницах. Для того чтобы было понятно, кому адресовано сообщение, пользователи либо пишут вначале ник адресата, либо полностью цитируют сообщение, на которое дается ответ. В древовидных форумах (KudoZ™ на сайте Proz, ТСТ, Lingvo) автор оставляет сообщение, далее любой заинтересован-

³⁰ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=95979&hlm=a&hlid=238297#a238297>

³¹ http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/construction_civil_engineering/5134769-lots_fluide.html.

ный специалист оставляет комментарий или свое мнение по заданному вопросу, а уже третий и последующие пользователи имеют возможность комментировать не только исходное сообщение, но и конкретные мнения конкретных пользователей, создавая тем самым графическую ленту сообщений, имеющую древовидную структуру. Показательным является отсутствие деления на страницы обсуждений на форумах KudoZ™ и ТСТ, что способствует формированию впечатления некоего общего дискуссионного пространства, но в рамках виртуальной коммуникации. Гиперссылки, используемые на микроуровне, могут носить экзогенный характер и отсылать пользователей на внешние ресурсы для подтверждения/ опровержения той или иной информации:

*Как вариант: по оси шнека экструдера <http://www.extruplast.net/extrusion.html>
http://www.znaytovar.ru/s/Sposoby_vyrabotki_izdelij_iz_p.htm...³².*

Кроме того, номинативные гиперссылки могут использоваться для навигации внутри одной ветки обсуждения с целью быстрого нахождения ответа, выбранного автором исходного сообщения; а также для перехода на страницу учетной записи пользователя, давшего ответ. Директивные гиперссылки, используемые на микроуровне, побуждают пользователей совершить конкретное действие: *Прокомментировать. Оценить. Пожаловаться. Предложить справочный материал. Разместить сообщение к обсуждению.*

Наряду с гипертекстуальностью, интерактивность также признается одной из важнейших характеристик виртуальной коммуникации и понимается как одновременная коммуникативная деятельность участников общения (вид: человек-человек; направленность: 1-н «от одного многим»). В связи с этим профессиональный переводческий форум представляет собой полилогический жанр³³ с открытым количеством коммуникантов и разными степенями интерактивности, которые варьируются от проблематики обсуждаемого вопроса. Высокой степенью интерактивности отличаются дискуссии, посвященные нахождению эквивалентов перевода; средней — все остальные вопросы.

Анализ сетевых переводческих форумов не полон вне рассмотрения креолизованности текста, которая понимается нами как сложное семиотическое образование, в котором вербальные и иконографические компоненты образует единое целое. Так, исследуемые тексты отличаются частичной креолизацией, при которой изобразительный компонент сопровождает вербальный блок и является необязательным. Таковым является размещение фотографии пользователя, в обязательном порядке отображаемой в каждом сообщении, и дополнительно содействующей созданию эффекта «присутствия» и общения с реальным человеком в виртуальном пространстве. Помимо этого наблюдается использование цветовых выделений в следующих случаях:

1. Для маркирования ключевой информации в контексте, для последующей работы с ней: *“We live more in the moment, as you say. We have an old proverb: **‘This is Siberia, you can’t plan things here.’**”³⁴;*

2. Для выбора ответа, принятого автором исходного сообщения:

³² http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/mechanics_mech_engineering/5115229-laxe_de_la_vis_dextrusion.html.

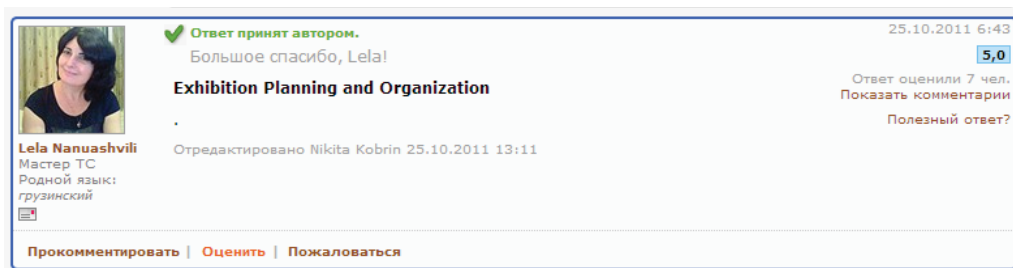
³³ Митягина 2012, 278.

³⁴ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=112251>.

Все предложенные варианты перевода
 утвержденный диагноз
 поставленный диагноз
 установленный диагноз³⁵.

При этом также могут использоваться графическое цветовое выделение рамкой всей реплики, сопровождающейся иконическим компонентом в виде «галочки» и фразой «*Ответ принят автором*», см. рис. 1³⁶:

Рис. 1

Коммуникативная активность авторов исходных сообщений также обеспечивается за счет использования цветового выделения текстовых блоков. Например, на форуме ТСТ для выражения согласия с определенным высказыванием пользователь, инициировавший беседу, может ставить пометку *Согласен* на соответствующем сообщении. Подобным образом также обеспечивается интерактивный характер профессиональной виртуальной коммуникации переводчиков.

Отличительной особенностью зарубежных форумов переводчиков является использование системы оценивания задаваемых вопросов и полученных ответов с помощью иконических элементов, а также цветовыделения, см. рис. 2³⁷, 3³⁸:

Рис. 2

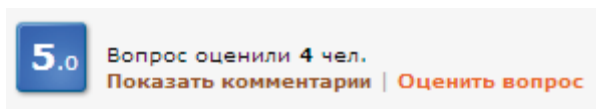
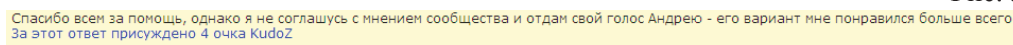

Рис. 3

Подобное формирование рейтинга оценок подтверждает качественный характер участников профессиональных форумов от форумов общей направленности.

Наряду с рассмотренными вариантами формирования гипертекста, в исследу-

³⁵ http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/medical_general/5137069-diagnostic_retenu.html#11373976.

³⁶ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=90328&hlm=a&hlid=225243#a225243>.

³⁷ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=112251>.

³⁸ http://www.proz.com/kudoz/english_to_russian/government_politics/5152570-let_us_bear_witness_to_the_past.html.

емом материале отмечается наличие текстов с полной креолизацией, формально представленных графическим значком и раскрывающих содержательную сторону при наведении на них курсора мыши. Например, на форуме переводческой взаимопомощи KudoZ™ наряду с именем пользователя и краткой информацией о нем используются специальные символы и , обозначающие участие пользователя в программе, объединяющей высококвалифицированных переводчиков «ProZ.com Certified PRO» и членство в крупнейшем мировом виртуальном сообществе переводчиков «Proz.com» соответственно. На форуме ТСТ помимо участия в открытом, видимом для всех обсуждении можно написать отдельное письмо непосредственно автору конкретного сообщения, нажав на соответствующий символ .

Языковое оформление жанра форума переводчиков обусловлено несколькими факторами: целью и качественными характеристиками участников общения — и непосредственно связано с понятием коммуникативной тональности как эмоционально-стилевого формата общения, возникающего в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющего выбор средств общения³⁹.

Основываясь на классификации коммуникативных тональностей, разработанной В.И. Карасиком⁴⁰, в переводческом форуме необходимо выделить информативно-фатический тип. Примарность компонента информативности обусловлена целью общения на специализированном форуме — получение или распространение необходимой информации. Фатический компонент заключается в обеспечении комфортности диалога и манифестируется в письменной фиксации устной речи с помощью следующих языковых средств:

1. Формул приветствия: *Уважаемые коллеги! Всем привет, ... Здравствуйте! Уважаемый .... ! Господа, ...Уважаемые форумчане! Граждане-ассы-переводчики!*

2. Жаргонизмов: *пробник, фриланс, фрилансерство, офисник, р.-а. словари, А-Р-А форум;*

разговорных конструкций и просторечных выражений: *Как раз затраты на перевод (ну и вообще на всякую канцелярию, закупку бумаги, ручек и пр. кофе) и начинают в первую очередь волновать крупного заказчика, ..., ну или кризис финансовый случится... Да уж, коучей в наши дни развелось больше, чем специалистов⁴¹;*

Я бы постарался отразить случаи употребления witness в первом и втором абзацах, коль скоро они имеют место быть⁴²;

Используйте руки и голову. Запускаете программу. И вперед⁴³;

А вообще, Рубашный прав, если речь о Brain, то смело «мир оцущений» и синонимы⁴⁴;

³⁹ Карасик 2008, 20.

⁴⁰ Карасик 2008, 20.

⁴¹ <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=11&t=55808&sid=0f4e110e90d1f57aa15fb99c620145fd>.

⁴² http://www.proz.com/kudoz/english_to_russian/government_politics/5152570-let_us_bear_witness_to_the_past.html.

⁴³ www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?tid=14465.

⁴⁴ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=94539&hlm=a&hlid=234717#a234717>.

3. Стилистических фигур: эпитеты (*материальный отклик, гневные наставления, крик отчаяния смертельно раненого зверя*), крылатые выражения и поговорки (*рыть носом землю, работать из любви к искусству, набраться терпения и «сбивать молоко в масло»*); метафоры (*проспект устного перевода, английская набережная, французский бульвар немецкая слобода*).

Подобное снижение стиля общения объясняется тенденцией к естественности виртуальной профессиональной коммуникации, несмотря на технически опосредованный характер.

По справедливому замечанию В. А. Митягиной, форумное общение ориентировано на дачу и получение совета, оформляемое с помощью личной формы глагола в изъявительном наклонении на фоне разного времени, подчеркивающего личный опыт коммуниканта⁴⁵, и профессиональная коммуникация в рамках переводческих форумов не исключение:

*Помнится, где-то встречалось *ораque power struggle*, что я для себя тогда перевела как «подковерная борьба».*

*А я в тексте встретила «*low-level war among competing oligarchic factions*» и тоже перевела как *подковерная борьба*⁴⁶;*

Я бы еще добавила буквально два-три слова насчет того, что за сайт. У вас много, понятно, что это время, но если по одному добавлять, то вполне можно⁴⁷.

Для переводческих форумов также характерно использование разных языков в пределах одной реплики, обусловленное необходимостью поиска варианта перевода:

*Up-selling в данном контексте (*earn revenue in flight services*) — это продажа/платное предложение всего, что не входит в стандартный бесплатный набор товаров/услуг⁴⁸;*

*Судя по определенному артиклю, эта *prise en charge* фигурирует где-то в предшествующем контексте, возможно под другим названием. Попробуйте⁴⁹.*

Помимо этого, подобная языковая «контаминация» отмечается и на уровне высказывания, связанная с тем, что все участники владеют как минимум двумя языками и могут использовать любой из них, понимаемый другими пользователями:

Andriy Rubashnyu: Думаю, в Вашем случае (если речь о Braun) можно спокойно использовать «спектр/палитра наслаждений», то есть, не переводить дословно

Elliott R: all good translations. It will be hard to do better than this⁵⁰.

Профессиональный аспект дискурса переводчиков в жанре форума также подтверждается использованием специальной тематически-ориентированной лексики (*заказчик, редакторская правка, выверить терминологию, переводной текст*),

⁴⁵ Митягина 2012, 280.

⁴⁶ <http://www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?tid=5704>.

⁴⁷ <http://www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?tid=5018>.

⁴⁸ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=95979&hlm=a&hlid=238297#a238297>.

⁴⁹ http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/social_science_sociology_ethics_etc/5054462-la_prise_en_charge.html.

⁵⁰ <http://www.translatorscafe.com/tc/terms/ru-RU/thQuestion.aspx?id=94539&hlm=a&hlid=234717#a234717>.

а также транскрибированием на русский язык англоязычных лексических единиц (*тревеллер, раунд-трип, версус*), свидетельствующий о степени компетентности коммуникантов и отсутствии необходимости перевода данных единиц.

Участниками исследуемых форумов являются профессиональные переводчики, т.е. специалисты, имеющие филологическое или лингвистическое профильное образование, основным инструментом работы которых является язык. Поэтому в анализируемом материале отмечается тенденция к использованию литературного языка с соблюдением правил пунктуации и орфографии:

1. СПР: *Предлагаю обсудить, каких этических правил должен придерживаться переводчик в своей профессиональной деятельности, в том числе во взаимоотношениях с заказчиками и коллегами-переводчиками*⁵¹;

2. Proz: *Коллеги, мы сошлись на «питании по типу конституции». Извините, я не в состоянии определить, кто из вас был ближе всего к этому ответу, но всех искренне благодарю*⁵².

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Жанр переводческого форума представляет собой многомерное коммуникативное образование, анализ которого целесообразно проводить по социолингвистическим, структурно-медийным и языковым параметрам.

2. Сетевой форум является базовым виртуальным жанром ПДП на основании следующих социолингвистических параметров, характерных для институциональной коммуникации: цель — распространение и получение компетентной информации относительно обеспечения качества перевода (информативная, презентационная и латентно-директивная функции); задача — оптимизация переводческой деятельности для поддержания и сохранения ценности ПДП — качественного выполнения перевода; участники — профессиональные переводчики, открыто указывающие релевантные специализированные данные о себе, что отличается от в целом анонимного характера участников неспециализированных форумов; хронотоп — временные рамки общения зависят от тематики раздела; в пространстве виртуальной коммуникации форум — прототипное место общения; стратегии ПДП, реализующие функции форума: уговаривания (тактики просьбы, убеждения), самопрезентации (тактика презентации профессиональных качеств, достижений), формирования заинтересованности (тактики информирования, призыва); монотематическая направленность форума в силу узкоспециальной направленности ПДП, но затрагивающая различные области профдеятельности.

1. Такие структурно-медийные параметры, как гипертекстуальность, степень интерактивности и креолизованность содействуют формированию доступного и прикладного характера коммуникативного взаимодействия в рамках форума, что делает его ведущим жанром виртуальной профессиональной коммуникации переводчиков. Выделяется гипертекстуальность на макро- и микроуровнях; степень интерактивности зависит от проблематики обсуждения; тексты с частичной креолизацией, обеспечивающие эффект «присутствия» и общения с реальным человеком в виртуальном пространстве.

⁵¹ http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_kunena&view=topic&catid=4&id=383&Itemid=299&limitstart=0.

⁵² http://www.proz.com/kudoz/french_to_russian/nutrition/4935044-morpho_nutrition_morphonutrition.html.

2. Языковое оформление зависит от цели и качественных характеристик участников общения. Доминирование информативно-фатической коммуникативной тональности в целях обеспечения естественности коммуникации сопровождается тенденцией к подбору языковых средств и соблюдению правил пунктуации и орфографии.

ЛИТЕРАТУРА

Асмус Н. Г. 2005: Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. Челябинск.

Галичкина Е. Н. 2012: Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. Волгоград.

Горошко Е. И. 2007: Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // *Жанры речи* / В. В. Дементьев (отв. ред.). Саратов, 370–389.

Горошко Е. И., Жигалина Е. А. 2011: Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=223>.

Карасик В. И. 2008: Коммуникативная тональность // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова* Т. 4. / Л. Х. Тургиева (ред.), 20–29.

Карасик В. И. 2000: О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин (ред.). Волгоград, 5–20.

Лутовинова О. В. 2009: Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград.

Митягина В. А. 2012: Глобальные и этнокультурные туристического дискурса в Интернете // *Интернет коммуникация как новая речевая формация* Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова (науч. ред.). М., 271–290.

Щипицина Л. Ю. 2010: Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.

Щипицина Л. Ю. 2011: Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка). Воронеж.

TRANSLATION FORUM AS A GENRE OF TRANSLATORS' PROFESSIONAL DISCOURSE

A. P. Naumova

The article focuses on analyzing translation forum as a virtual form of translators' professional discourse actualization. It reveals socio-linguistic, mass media structural, and linguistic features in English, Russian and French.

Key words: professional discourse, professional communication, virtual genre studies, genre of forum

© 2014

М. Р. Валиева

БУЛГАРИЗМЫ В БАШКИРСКОЙ ГИДРОНИМИИ*

В статье рассматриваются болгаризмы в башкирской гидронимии. В XII в. Волжская Булгария занимала огромную территорию от Самарской луки до Северной Чувашии и Южного Приуралья. Таким образом, географически болгары являлись непосредственными соседями башкир. Языковой контакт башкир с булгарами отразился в некоторых башкирских гидронимах.

Ключевые слова: башкирский язык, мадьярский язык, болгаризм, гидроним, по-тамоним, лимноним, аппелятив

Взаимодействие различных этнических групп, живших по соседству в прошлом, не может быть изучено без привлечения топонимических данных. Топонимы являются объективными информаторами, рассказывающими об истории той или иной географической среды. Изучение башкирской топонимии способствует открытию новых страниц истории края, связей башкир с другими народами. Следует отметить, что топонимика в Башкортостане как самостоятельная отрасль науки прошла довольно длительный путь развития и становления. Топонимику Башкортостана исследовали многие языковеды¹. На основе собранного языкового материала составлен топонимический словарь Башкортостана²; выявлено, что начало формирования топонимической системы Южного Урала и Предуралья связано с древнейшими периодами расселения в регионе ираноязычных, финно-угорских и ранних тюркоязычных предков башкир. При этом наиболее крупным, ведущим напластованием в топонимии региона являются башкирские географические наименования, возраст которых, как становится все более очевидным из работ последних лет, насчитывает более двух тысячелетий и первые упоминания о которых восходят к временам Геродота (V в. до н. э.).

В IX–XII вв. башкиры были непосредственными соседями волжских болгар. Территориальная близость способствовала развитию всевозможных контактов, в том числе и языковых. В топонимии Республики Башкортостан значительное место занимают болгаризмы. В связи с этим целью статьи является выявление болгарских элементов в топонимии Башкортостана, а также сбор и систематизация ранее выявленных болгарских элементов.

Многие историки, археологи и языковеды доказывают, что на северо-западной и северо-восточной территории Башкортостана осели болгарские племена и вошли в состав башкир. В исторических источниках даны сведения, что северо-западные башкиры в IX–XII вв. подчинялись Волжскому Булгарскому

Валиева Мадина Раилевна — младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: valieva_1979@list.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009

¹ Хисамитдинова 1992; 1991; Рашоньы 1964; Камалов 1997; 2007; Матвеев 1985; 1987; 2008.

² Гарипов 1980; 2002.

государству³. По словам И. А. Гагина, если восточные и юго-восточные границы основных, наиболее заселенных болгарских земель проходили по низовьям Зая, Шешмы и Большому Черемшану, то территория восточнее этих рек до Белой и Яика была заселена булгарами неплотно. Здесь кочевали подвластные булгарам племена башкир. Западные башкиры вплоть до нашествия монголов находились в непосредственной сфере болгарских интересов. В целом отношения башкир и булгар были добрососедскими⁴. Безусловно, эти исторические события должны были отражаться в топонимах и повлиять на язык башкир. Башкирский топонимист А. А. Камалов утверждает, что присутствие гидронимов булгаро-чувацкого происхождения в Башкортостане объясняется соседством булгар и башкир в раннем периоде и ассимиляцией некоторой части булгар в составе башкирского народа⁵. А. В. Дыбо считает, что единственным живым потомком болгарской группы языков является современный чувашский; кроме того, наиболее ранние стадии собственно болгарской фонетической истории известны прежде всего по ранним заимствованиям из языков болгарской группы в другие языки. Особенно много в этом отношении дают болгарские заимствования в венгерском (мадьярском) языке, которых насчитывается около 400⁶.

Нами были рассмотрены в основном гидронимы, так как именно они хранят в себе древнюю историю народов. Элементы потамонимов, восходящие к болгарскому языку, были разделены на структурные и семантические.

Наименование гидронимов по семантике отражает характер рельефа, ландшафта, признаки и качество водного объекта, а также природно-климатические особенности. Например, на территории республики есть реки и речки с названием *Иўльш*, *Идеш*, который в мадьярском языке слово *ides* означает 'вкусный, сладкий, пресный'. Данный термин — *ides* — субстратный и сохраняет древнее звучание протомадьярского языка, так как в башкирском языке не наблюдается аппелятив *иўльш* / *идеш* в значении 'вкусный, сладкий, пресный'. Такой древний иноязычный слой принято называть топонимическим субстратом.

Наше исследование показало, что к протомадьярским топонимическим субстратам относятся гидронимы на территории Республики Башкортостан — *Иўльш*, *Бриш*, *Вереш*, *Вьрльш*, *Вьрльшле*, *Вашаш*, *Вашъязы*, *Биаз*, *Кубиаз*, *Кувьз*, *Бьрльуаз*, *Вьз*, *Вьзьм*, *Сим*, *Иньльр* и др. В удмуртском языке аппелятивной лексемой *сим* / *син* обозначаются озера. В топонимических словарях Башкортостана дано около десяти гидронимов *Иўльш*, а также гидронимы *Сим* (*Эзем*), *Симка*, *Сън*, *Сънбаш*⁷. Они в основном зафиксированы в северо-западном и юго-восточном районах республики. Например, река *Иўльш* течет через территории Абзелиловского, Зианчуринского, Буздякского, Бакалинского, Шаранского районов, реки *Сън*, *Сънбаш*, *Симка* (*Эзем*) — в Илишевском и Шаранском, Нуримановском районах, а озеро *Симка* находится в Бирском районе.

Топонимический булгаро-мадьярский субстрат на территории Башкортостана может использоваться всего лишь как топоним. В мадьярском языке это аппелятив.

³ Шакуров 1995; Галяутдинов 2000; Греков, Калинин 1945; Юсупов 1960, 96-105.

⁴ Гагин 2006, 12-19.

⁵ Камалов 1969, 239, 240.

⁶ Дыбо 2010, 83-132.

⁷ Гарипов 1980, 54.

Например *Береш, Вереш, Върлши, Върлшиле* означают в венгерском языке *város* ‘город’. В основе гидронимов *Вашиш, Вашъязы* лежит венгерское слово *vas (vasi)* ‘железо, железняк’. А гидронимы *БеЎ, Бияз, Кубияз, Кувьз*, возможно, происходят от венгерского слова *víz (viz)* в значении ‘вода’ или ‘полноводная река’. Венгерское *víz* ‘вода’ есть во многих названиях рек Башкортостана. Например, речка *Биаз* в Салаватском районе и ойконим *Биаз*, речка *Биз* в Кугарчинском районе, гидроним и ойконим *Без / БеЎ* в Янаульском районе, ойконим *Биаз* в Нуримановском районе. С. Ф. Миржанова считает, что название притока реки Сакмара *Вазам (Цльзьм)* происходит из венгерского *víz* ‘вода’⁸.

В ряды гидронимов болгарского происхождения многие топонимисты включают гидроним *Егльн* — река с таким названием течет в Ишимбайском и Гафурийском районах Башкортостана, где компактно проживают юрматинцы. Г. Е. Корнилов пишет, что на территории великих болгар был гидроним *Еган-Васан*. Ученый определяет, что формы *аган, еган, юган, юхан, йоһэн* с хантыйского языка означают ‘река’, у угров и чувашей форма *ја:хан* означает ‘река, течение, текущая вода’⁹.

По мнению Ф. Г. Хисамитдиновой, гидроним Инзер — *Иньльр* тоже болгарского происхождения, так как гидроним может быть связан со словом болгарского языка *ан(г)ар, эн(г)ер* в значении ‘река, яма’¹⁰. В статьях Н. И. Егорова гидроним *ангар* рассматривается как марийский апеллатив в значении ‘река’¹¹.

Е. Г. Корнилов пишет, что название реки Черемшан *Сьрмьсьльн*, которая протекает через территорию «старого Башкортостана», или нынешнего Татарстана, упомянутой в болгарских эпитафиях, заимствовано из болгарского языка. Он предполагает, что в болгарском языке было слово *сирма / сырма*, которое означало ‘река, яма’¹². В башкирском языке слово *сирма* пишется с фонемой *j*: *йырма*.

По словам Н. И. Егорова, в основе большинства потапонимов лежат нарицательные слова, со временем принявшие значения собственных имён; среди последних ведущее место занимают простые географические номенклатурные термины, связанные с понятием ‘вода’, ‘течь’, ‘текучий’, ‘течение’, ‘русло’, ‘река’ и т.п.¹³

В гидронимах тюркского происхождения часто встречается структурообразующий элемент *ќаран*: *ѓаранйылћа, ѓаранбаш, ѓаран-Бишенде, ѓаран-ѓуѓкас, ѓарантамаќ, ЕЎем-ќаран, ѓыйыш ќаран, ѓоро-ќаран, ѓорос-ќаран* и др. Для большинства носителей башкирского языка этот элемент неинформационный: в современном башкирском языке нет нарицательного слова *ќаран*. Считается, что гидроним *ќаран* тюркского происхождения, древнетюркская форма *qaran/qaram* ‘ров’¹⁴. А. А. Камалов возводит слово *ќаран* к болгарскому языку¹⁵. Надо отметить, что *ќаранами* называют небольшие реки, которые зимой не замерзают. В центральной части Башкортостана зарегистрировано более десяти *ќаранов*. Например, с элементами *ќаран* зафиксированы гидронимы в Аль-

⁸ Миржанова 1971, 285–287.

⁹ Корнилов 1964, 189–192.

¹⁰ Хисамитдинова 2006, 132.

¹¹ Егоров 2003, 101.

¹² Корнилов 1973, 33–35.

¹³ Егоров 2003, 101.

¹⁴ Наделяев, Насилов, Тенишев, Щербак 1969, 424.

¹⁵ Камалов 1969, 239, 240.

шеевском, Абзелиловском, Баймакском, Белорецком, Благоварском, Буздякском, Гафурийском, Давлекановском, Кугарчинском, Кумертауском, Чекмагушевском, Федоровском, Чишминском районах¹⁶. По мнению А. А. Камалова, гидроним *қаран* остался только в Башкортостане, в топонимах других тюркских народов не наблюдается¹⁷. В последнее время гидроним *qaran* исследовал Г. К. Валеев. Он считает, что гидроним *qaran*, обнаруженный от Венгрии на западе до Южного Урала на востоке, восходит к восточноиранским языкам и обозначает ‘каменистая речка’, ‘родник, текущий из-под камней’¹⁸. По данным картотечного фонда ИИЯЛ УНЦ РАН, имеется на территории Республики Башкортостан более тридцати гидронимов с компонентом *қаран*.

В западных и центральных районах Республики Башкортостан много рек с названиями *қаран*, но следует отметить, что гидроним *qaran* чаще встречается в восточной части Башкортостана.

К *структурным* болгарским элементам в гидронимии данного региона относятся потамонимы с характерными фонетическими особенностями болгарского языка — например, топонимы, сохранившие ротацизм и ламбдаизм.

В топонимии Республики Башкортостан частым гидронимом является географический термин *шар* в значении ‘болотная речка’, ‘болото’ или ‘речка с заболоченными берегами’: *Шарлы ялан, Шарлы баш, Шарлы ЈЎлк, Шарлы култыќ, Шарлы яр, Шарлы урман, Шарлы тамаќ, МЈкле шар, ЙЈкль шар, КЈрлн шар, Шарлык, Айыу шары, Турат шары, Шар кайыны* и т.п. В «Словаре топонимов Башкирской АССР» насчитывается около пятидесяти названий маленьких озер, рек, болот с элементами *шар* (*шор / шур / шир*). Данные лимнонимы, потамонимы с географическим термином *шар* локализуются в основном на северо-востоке Башкортостана.

Следует отметить и то, что в венгерском и удмуртском языках аппелятив *шур* также функционирует для обозначения лега КТО ЭТО?? с небольшим ручейком. Как известно из исторической фонетики, пратюркской сибилантной фонеме *s в башкирском языке соответствует фарингальный целевой согласный ѝ, в чувашском и мадьярском — фонема ŝ (чув. *шур, шурлăх*, венг. *mocsár*), также произошёл переход гласных фонем *а > о, у; р > Ў*. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что собственно башкирский аппелятив *ѝаЎ* в значении ‘болото’ имеет общие корни с гидронимом *шар* в том же значении. Однако в топонимических словарях Башкортостана не так часто встречается топоним *ѝаЎ*, кроме названия деревни Сазово *ЃаЎ* в Калтасинском районе. Однако деревня Сазово *ЃаЎ* имеет и другое название — *Шоръял*, происходящее от лимнонима *шор*. Двойные названия присущи таким лимнонимам республики, как *Балаўар / Балашар* и *ЯманўаЎ / Яманўар / Яманшар*. Можно считать, что нарицательное слово *шар / шыр* — ротицирующий вариант башкирского слова *ѝаЎ* и они являются абсолютными синонимами. В современном башкирском языке аппелятив *шар* функционирует в значении ‘болотистое место, покрытое уремой’; кроме этого, по отношению к заболоченным, непроходимым местам часто употребляется слово *шарлык / шырлык*. В разговорной речи и в литературном языке башкиры часто

¹⁶ Гарипов 1980, 88, 89.

¹⁷ Камалов 1969, 239, 240.

¹⁸ Валеев, www.lib.csu.ru.

используют в значении ‘болото’ слово *йаЎ*, а аппелятив *шар* активно используется как географический термин.

В башкирском языке в основе некоторых потамонимов лежит болгарский аппелятив *vo ˚r — vo ˚ro ˚n — vo ˚ro ˚m — vürüt — urum* в значении ‘русло, долина, ложбина’. Например, реки *Урюм, Уран, Уранка, Црек, Урюк*. Ротацирующий болгарский аппелятив сохранился в языке башкир в функции гидронима. В башкирском языке сохранились также другие ротацирующие аппелятивные слова болгарского происхождения: например, *оро* в значении ‘родник, питьевой источник’, от которого образовались лимнонимы *Ороло кЛл, Оро ськкан кЛл, и кондор* ‘бобёр’ присутствует в гидронимах *Гондорош* в значении ‘бобровое’, в лимнонимах *ГандракЛл* и *Гандра-Тамак* в значении ‘бобровое озеро’.

Как уже известно, в XII в. Волжская Булгария простиралась на огромной территории от Самарской Луки до Северной Чувашии и Южного Приуралья, и в связи с таким географическим положением болгары были непосредственными соседями башкир. Языковой контакт башкир с булгарами отразился в некоторых башкирских гидронимах.

ЛИТЕРАТУРА

- Валеев Г. К.* Из истории южноуральской топонимики и географической терминологии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lib.csu.ru
- Гагин И. А.* 2006: Волжская Булгария и мир кочевых народов в X–XII вв. // Чувашский гуманитарный вестник. 1, 12–19.
- Галяутдинов И. Г.* 2000: Два века башкирского литературного языка. Уфа.
- Гарипов Т. М.* (ред.) 1980: Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа.
- Гарипов Т. М.* (ред.) 2002: Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа.
- Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* 1945: Булгарское государство до монгольского завоевания. М.
- Дыбо А. В.* 2010: Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском. // *Gedenkschrift für Eugen A. Helinski (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009)*. FUM, The correct (final) pages numbers are V. / Ju. Gusev, A. Widmer & A. Klein (eds.), 83–132.
- Егоров Н. И.* 2003: Заговорят ли абашевцы?.. (к этимологии гидронима Сура...) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 4, 100–110.
- Камалов А. А.* 1969: Булгаро-чувашские гидронимы в Башкирии // Материалы конференции молодых ученых БФ АН СССР. Уфа, 239–240.
- Камалов А. А.* 1997: Башкирская топонимия (сравнительное и ареальное исследование): дисс. на соиск. ученой степ. д. филол. наук. Уфа.
- Камалов А. А.* 2007: Башкорт теленеГ тарихи-этимологик топонимик үҮҮлеге. Гҫфь.
- Корнилов Г. Е.* 1964: Гидронимический ареал жо:хан в Евразии. // Топонимика Востока. М.
- Корнилов Г. Е.* 1973: Евразийские лексические параллели. Чебоксары.
- Матвеев А. К.* 1985: Топонимия Урала. Свердловск.
- Матвеев А. К.* 1987: Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск.
- Матвеев А. К.* 2008: Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург.
- Миржанова С. Ф.* 1971: Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. Вып. IV, 285–287.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. (ред.) 1969: Древнетюркский словарь. Л.

Раионъи Р. 1964: Башкурт ва Маджар йуртлариндаки ортак географик адлар узере. Анкара.

Хисамитдинова Ф. Г. 2005: Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа.

Хисамитдинова Ф. Г. 2006: Географические названия Башкортостана. Уфа.

Шакуров Р. З. (ред.) 1995: Башкортостан. Краткая энциклопедия. Ч. 1. Уфа.

Юсупов Г. В. 1960: Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.

BULGARISMS IN BASHKIR HYDRONYMS

M. R. Valiyeva

The article considers Bulgarisms among Bashkir hydronyms. In the 12th century the Volga Bulgaria vast territory extended from the Samara bend to Northern Chuvashia and Southern Priuralye. Thus from the viewpoint of geographical position the Bulgars were Bashkirs' closest neighbors. Their linguistic contacts affected both the Bashkir language and some Bashkir hydronyms.

Key words: the Bashkir language, the Magyar language, bulgatism, hydronym, potamonym, lymonym, potamonym, appellative

© 2014

Л. И. Швыдка

КОГНИЦИЯ И ИДИОМАТИЗАЦИЯ

Цель статьи состоит в рассмотрении понятия идиоматичности с точки зрения моно- и межкультурной коммуникации, благодаря которому у слов, словосочетаний и невербальных элементов появляется новое значение. В процессе межкультурной коммуникации дистанция между коммуникантами увеличивается из-за доминирования монокультурных факторов, что в равной степени справедливо как для вербальных, так и невербальных элементов. Буквальная интерпретация невербальной ситуации неизбежно сопряжена с появлением значения, не выводимого из семантической структуры соответствующих слов. Таким образом, в языке возникает новая идиома. Антиномия формы и содержания любого элемента коммуникации свидетельствует об идиоматическом характере единицы, из чего можно сделать вывод об идиоматичности как об универсалии, характерной для всех видов коммуникации.

Ключевые слова: идиома, идиоматичность, когниция, концепт, культура, вербальный, невербальный, наложение, коммуникация

Швыдка Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: lshvydkaya@yandex.ru

Предметом данного исследования являются идиомы и идиоматичность. Цель исследования состоит в рассмотрении понятия идиоматичности в моно- и межкультурном общении с позиций когнитии, в результате чего возникает новое значение у слов, словосочетаний и невербальных элементов.

В процессе межкультурной коммуникации зона непонимания или ложной интерпретации расширяется в силу доминирования монокультурных факторов, что является справедливым как для вербальных, так и невербальных составляющих акта коммуникации.

План содержания и план выражения высказывания обладают относительной независимостью, что и позволяет выразить одно и то же понятие при помощи вербальных или невербальных средств в зависимости от конкретной ситуации.

Буквальная, вербальная интерпретация невербальной ситуации обязательно связана с неким значением, приписываемым невербальному знаку. Это значение не выводится из семантической структуры слов, обеспечивающих вербализацию ситуации, что и приводит к появлению в языке новой вербальной идиомы. Процесс вербализации и идиоматизации невербальных компонентов представляется чрезвычайно сложным и не сводится к простому буквальному описанию.

Невербальные элементы несут мощный эмоциональный заряд, их вербализация сопровождается коннотациями, которые получают лингвистическую реализацию через дополнительные вербальные компоненты, которые только опосредованно связаны с коммуникативным актом.

Антиномия между формой и содержанием любого элемента, участвующего в процессе коммуникации, и объясняет идиоматичность единицы. Идиоматичность можно считать универсальным свойством, присущим всем сторонам человеческого общения.

Явление идиоматичности, с одной стороны, охватывает широкий спектр вербальных единиц — от односложных слов, словосочетаний и предложений (пословиц, поговорок и т.п.) до широкого контекста. А с другой стороны, является признаком, характеризующим невербальные знаки (жесты, символы и т.п.) и различные ситуации культурного плана.

В основе такого подхода к предмету исследования положен принцип «Язык как целое» ('Whole language'), в котором акцент делается на овладение иностранным языком в целом, а не на его отдельные аспекты. По аналогии с термином «Язык как целое» вводится понятие «Культура как целое», суть которого состоит в представлении акта коммуникации в его естественном виде, сочетающим единицы языка и элементы культуры в широком смысле этого слова. При этом культура рассматривается как совокупность всех материальных, интеллектуальных и духовных элементов общественного бытия. В основе исследования лежит попытка связать понятие идиоматичности с моно- и межкультурной коммуникацией.

Мы познаем мир и реагируем на любые внешние проявления с точки зрения собственной культуры, культуры, с которой мы хорошо знакомы.

Монокультурная коммуникация является доминирующей в любом типе общения. При этом мы не осознаем влияние собственной культуры на процесс общения. Осознание чаще всего приходит при столкновении с межкультурным комплексом.

Гипотезу, лежащую в основе данного исследования, можно сформулировать следующим образом: идиоматичность представляет собой универсалию, присущую всем аспектам коммуникации. Соответственно, идиоматология является разделом общей теории коммуникации, которая с одной стороны соприкасается с невербальными явлениями, а с другой стороны, представляет собой неотъемлемую часть языка и речи.

Итак, исследование строится с учетом всех парадигматических форм и отношений, зависящих от конкретных коммуникативных ситуаций, языковых особенностей и культурного багажа участников коммуникации.

Межкультурная идиоматология базируется на корреляции различных монокультурных типах коммуникации. Суть исследования состоит в возможности сведения в единую систему вербальные идиомы и невербальные ситуации в контакте моно- и межкультурной коммуникации. Решение подобной задачи позволило бы пополнить лингвистическую теорию, как общую, так и частную, и теорию коммуникации.

Идиомы и идиоматичность являлись и являются предметом исследования ученых во всех странах. При этом идиомы традиционно рассматриваются исключительно с позиций лингвистики в рамках фразеологии¹, либо в контексте метафоры².

В данных работах, при определенной степени варьирования, отмечается сходство в трактовке идиом как языковых единиц, характеризующихся отсутствием эксплицитного значения, т.е. имеет место условная и произвольная связь между формой и содержанием сложной по структуре языковой единицы. А это, в свою очередь, может приводить к неоднозначной реакции со стороны реципиента и к неверному истолкованию ситуации.

Соответственно, идиоматичность, являясь свойством языковой единицы, способна привести к двусмысленности в результате одновременной реализации в рамках одного текста буквального и фигурального значений составляющих.

Под идиомами, таким образом, понимаются единицы с непрозрачным значением, не выводимым непосредственно из значений составляющих³.

Идиомы не представляют собой однородный класс единиц. Они представлены не только традиционными фразеологизмами (kick the bucket, beach bunny, that's the horse of another color), но и идиоматичными словами (green-bottle, eyewash, loud colors, etc.).

В последнее время в рамках когнитивных исследований большое распространение получил концептуальный подход к метафоре. Во-первых, он привлек внимание исследователей к структуре абстрактных концептов, а, во-вторых, вызвал новый интерес относительно отражения концептуальных структур языковыми структурами⁴.

Все работы, в которых рассматриваются идиомы, метафоры, фразеологизмы, обладают одним общим свойством — они имеют дело только с лингвистическими данными, ограниченными рамками вербальной монокультурной коммуникации.

¹ Кунин 1996; Телия 1997.

² Glucksberg 2001; Jackendoff 1999; Lakoff, Johnson 1980; Makkai 1972.

³ Glucksberg 2001, 68.

⁴ Gibbs 1992.

Однако, любая коммуникация представляет собой многоаспектный процесс. Мы общаемся постоянно, даже когда молчим. Наша походка, улыбка, жестикация, манера одеваться и т.д. делают процесс общения результативным.

Невербальные (паралингвистические) элементы дискурса могут привести к возникновению двусмысленных ситуаций. Люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, при общении могут столкнуться с множеством подводных камней при интерпретации той или иной ситуации.

Идиоматичность является неотъемлемым свойством как моно- и межкультурной коммуникации, так и вербальной и невербальной.

Данные общие свойства приводят к необходимости обратиться к такому методу исследования, который можно назвать «Культура как целое». Суть метода состоит в том, что коммуникация как естественный процесс со всем комплексом свойств должна рассматриваться как единое целое, а не набор разрозненных частей. Это означает, что система функционирует как единое целое и правильно истолковать функционирование этой системы можно только исходя из комплекса составляющих относительно целого.

Процесс коммуникации нельзя разбить на отдельные составляющие. Конечно, вычленение отдельного компонента возможно в случае необходимости его детального рассмотрения, но чаще всего мы прибегаем к анализу целого, чтобы добраться до сути явления и в полной мере понять его природу.

Кроме того, при межкультурном общении мы реагируем на ту или иную ситуацию с точки зрения собственной культуры или с позиций социального или профессионального яруса, к которому принадлежим. Этим фактором объясняется наличие идиом с идентичным фигуральным значением в разных языках или наличие синонимичных идиом в одном и том же языке⁵. Иными словами, идиоматическое значение формируется на основе концептуального знания людей⁶, что сопряжено с широко распространённым мнением о естественной связи языка или жаргонов в том или ином языковом сообществе⁷. Таким образом, необходимо проводить различие между фактическим процессом создания идиом как единиц коммуникации и идиомами как элементами, на которые реагируют или которые используют коммуниканты. Другими словами, метафорический (идиоматический) процесс когнитивной необходимо рассматривать с двух разных сторон — на уровне восприятия и интерпретации и на уровне создания коммуникативных единиц на основе конкретного опыта и конкретной языковой картины мира. Таким образом, создается ментальная репрезентация мира и его связи с монокультурным дискурсом.

Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами. У американцев и англичан есть такие популярные национальные спортивные игры как бейсбол и крикет, на основе которых был образован целый ряд идиом в результате когнитивного переноса опыта распространенных спортивных игр на сходный опыт, никак не связанный со спортом. Это такие единицы как *home run*, *up to bat*, *to throw a curveball*, *off base*, *to have a good innings*, *be cricket*, *on a sticky wicket*.

Различные ассоциации, закрепленные локально или социально, выступают в качестве основы для образования единиц с переносным значением. Человеческое

⁵ Gibbs 1992, 103.

⁶ Gibbs 1992, 109.

⁷ Kramsch 2004, 65.

мышление, являясь метафоричным во многих отношениях, отражает когнитивные процессы и когнитивную систему. Любая метафора изначально предполагает сравнение между объектами и явлениями, которые фактически никак друг с другом не связаны. Сравнение и сопоставление играют важную роль в процессе коммуникации, что позволяет называть как новые, так и привычные факторы и рассматривать их с разных позиций и под разным углом зрения. Процесс начинается с эксплицитного сравнения, в котором используются такие коннекторы как предлоги (like), союзы (as ...as), слова и фразы (resemble: bear a resemblance to, look like, appear like, take after, be like, be similar to, correspond to, be akin to, parallel, etc.), или суффиксы (-y (-ey), -ish, -like, -en, -esque, -wise).

В имплицитном сравнении (метафора) или в некоторых случаях в метонимии в качестве формального механизма используется эллипсис, что проявляется в опущении нерелевантных для восприятия элементов, которые легко восстанавливаются в случае необходимости из лингвистического или интерактивного контекста⁸.

Если проанализировать предложение 'He's tried to become the Mother Teresa of north London' только на основе вербального текста, то попытка понять, почему человека, захотевшего организовать реабилитационный центр, называют матерью Терезой, окажется безрезультатной. Но если обратиться к культурному фрейму, то аналогия окажется весьма прозрачной. Мать Тереза, являясь основательницей благотворительной миссионерской организации, удостоилась почета и уважения во всем мире.

Человек способен воспринимать абстрактные идеи благодаря когнитивной проекции и активации мозговых связей, сформированных на основе закрепленного опыта⁹. Таким образом, слова и символы, обозначающие определенный опыт, должны основываться на концептуальных структурах, отражающих предыдущий опыт. И только это дает возможность правильно истолковать, иначе проявится значительный концептуальный провал, ведущий к когнитивному диссонансу и культурному шоку.

Люди стараются найти логику и последовательность в результатах когниции. Теория диссонанса применима ко всем ситуациям, в которых задействовано формирование отношения. Это также справедливо и по отношению к переносу стереотипов на новые, межкультурные ситуации, особенно если последние имеют определенное сходство со знакомыми ситуациями и знакомым опытом.

Данное понятие можно проиллюстрировать примеров из опыта пребывания иностранцев в США. Вьетнамская студентка, решив из самых лучших побуждений сделать преподавательнице комплимент, сказала, что та поправилась. Во Вьетнаме считается, что если женщина набирает вес, то это значит, что она достаточно хорошо зарабатывает, чтобы содержать семью. Но американка обиделась, так как лишний вес говорит о том, что вы в плохой форме и у вас проблемы со здоровьем. Следующий пример связан с сигналами светофора. В России мигающий зеленый свет означает, что до переключения на желтый свет осталось совсем мало времени и пешеходу нужно быть внимательным. В Вашингтоне пешеходы

⁸ Швыдка 2009.

⁹ Feldman 2006, 185.

переходят через дорогу при мигающем зеленом свете. Как только свет перестает мигать, необходимо проявить осмотрительность, поскольку сигнал вот-вот переключится. Рассогласованность такого рода привело к ряду неприятных моментов для иностранцев, приехавших в эти страны. Примеры подобного рода в полной мере соотносимы с явлением идиоматичности, поскольку имеет место та же самая антиномия или противоречие между двумя одинаково правомерными формами и содержаниями.

Паралингвистические или невербальные сигналы (жесты) также являются вполне показательными в этом отношении. Сходные или почти сходные жесты могут по-разному интерпретироваться и привести не только к легкому удивлению или просто непониманию, но и вызвать агрессию и привести к конфликту. Знак одобрения (жест) ОК для уроженца Великобритании или США является оскорбительным сексуальным жестом для жителей северной Греции, Средиземноморья, Германии, Турции, Мальты, Сардинии, Туниса, стран ближнего Востока, Парагвая, Бразилии. Во Франции этот жест обозначает ноль, а в Японии — деньги.

Таким образом, в результате межкультурной коммуникации знакомый смысл может быть приписан сходной по внешнему виду форме выражения, что в конечном итоге является отличительной чертой идиом любого уровня и типа коммуникации.

Вербальные идиомы, образованные на паралингвистической основе, редко вызывают замешательство у носителей языка или у иностранцев, владеющих языком на продвинутом уровне, поскольку они прочно отпечатались в сознании и не мешают процессу коммуникации благодаря тому, что обычно люди воспринимают только один аспект (идиоматический) языковой единицы. Но если в тексте одновременно встречается несколько метафорических единиц, сразу же в результате столкновения разных образов, появляется контаминированная метафора. Хотя в данном термине и использовано понятие метафоры, но метафорический образ сразу же исчезает, уступая место буквальному описанию невербальных составляющих. Рассмотрим две идиомы *to scratch one's head* (выражает озабоченность, усиленное размышление; буквально — чесать голову) и *to sit on one's hands* (ничего не делать; буквально, сидеть, подложив под себя руки). В основе обеих идиом лежит буквальное описание соответствующих жестов, которые часто ассоциируются с концептами недоумения и безделья соответственно. Как только они совмещаются в одном контексте, они вытесняются из новой концептосферы и возвращаются и возвращаются в сферу базовых невербальных образов: “All that sheriff has done for the past two days is sit on his hands and scratch his head. ‘Neatest trick of the week,’ Jake murmured”¹⁰.

Примеры подобного рода показывают, что граница между идиоматичными и не идиоматичными единицами очень зыбкая, и равновесие между ними очень легко нарушить.

Культурные фреймы и фреймы, несущие предыдущий повседневный опыт вовлекают определенные концептуальные схемы, в результате чего появляются концептуальные метафоры. Это относится ко всем аспектам человеческого общения, как вербального, невербального или смешанного характера.

¹⁰ Rice 1943.

Последнее представляет собой более часто встречающееся явление. На язык и процесс когниции оказывают влияние социальные и культурные факторы. Лингвистическое (вербальное) и нелингвистическое (невербальное) поведение, с одной стороны, вовлекает обработку существующих единиц, а с другой стороны, процесс реального создания новых единиц. И оба этих процесса всегда базируются на национальных и социальных стереотипах и опыте. Для правильного истолкования и использования разных элементов коммуникации необходимо хорошее владение языком и культурой, т.е. опираться на подход «Культура как целое». Столкновение понятий разных культур приводит к когнитивному диссонансу, приводящему к появлению идиоматичности и идиом в самом широком смысле этого слова. Из всего вышесказанного можно сделать заключение об универсальном характере идиоматичности, присущей процессу коммуникации во всех его аспектах — от вербального и невербального монокультурного общения до межкультурного.

ЛИТЕРАТУРА

- Кунин А. В.* 1996: Курс фразеологии современного английского языка. М.
Телия В. Н. 1997: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.
Швыдкая Л. И. 2009: От образного сравнения к идиоме // ПИФК. 4, 147–153.
Feldman J. A. 2006: From Molecule to Metaphor. Massachussets.
Gibbs R. W. 1995: Idiomaticity and Human Cognition. Idioms. Structural and Psychological Perspectives. New Jersey.
Glucksberg S. 2001: Understanding Figurative Language. New York.
Jackendoff R. 1999: Languages of the Mind. Massachussets.
Kramsch C. 2004: Language and Cultural Identity. Oxford.
Lakoff G., Johnson M. 1980: Metaphors We Live By. Chicago.
Makkaï A. 1972: Idiom Structure in English. The Hague. Mouton.
Rice C. 1943: Trial by Fury. New York.

COGNITION AND IDIOMATIZATION

L. I. Shvydkaya

This research aims at connecting the notion of idiomaticity with mono- and cross- cultural communication due to which a new meaning is assigned to words, word groups and non-verbal elements. In cross-cultural communication the gap between communicants is widened due to the dominance of mono-cultural factors, which holds true for both verbal and non-verbal elements.

Literal verbal interpretation of a non-verbal situation necessarily involves a certain meaning ascribed to a non-verbal sign, which is not gathered from the semantic structure of corresponding words. Thus a new verbal idiom appears in the language. Antinomy of form and content in any element of communication accounts for idiomatic property of a unit. Thus idiomaticity is a universal characterizing all aspects of human communication.

Key words: idiom, idiomaticity, cognition, concept, culture, verbal, non-verbal, cross-cultural, mapping, communication

© 2014

М. Р. Цицкиева

СОСТАВ И СТРУКТУРА ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ ИНГУШСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В РОМАНАХ И. БАЗОРКИНА «ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ» И А. БОКОВА «СЫНОВЬЯ БЕКИ»

Статья посвящена изучению системы поэтонимов в текстах исторических романов И. Базоркина «Из тьмы веков» и А. Бокова «Сыновья Беки». Анализ различных по происхождению литературных антропонимов производится с учетом семантических и этимологических характеристик.

Ключевые слова: литературная антропонимия, заимствованное имя собственное, исконное имя собственное, этимологический комментарий

Ингуши являются коренным населением Северного Кавказа, имеющим самобытную историю. К числу наиболее известных ее исследователей относятся П. К. Услар, Н. Ф. Яковлев, Е. М. Крупнов и др. ученые. Ингушская народность включается в кавкасионский антропологический тип, относящийся к балканокавказской семье большой европеоидной расы. Ингушский язык «вместе с чеченским и бацбийским составляет нахскую группу иберийско-кавказской семьи языков»¹.

Этноним «ингуши» обязан своим происхождением русским ученым и офицерам, часто посещавшим ингушское селение Онгушт (Ангушт), расположенное к юго-востоку от г. Буро (совр. Владикавказ), жителей которого называли «ангуштовцы» или «ингушевцы». Впоследствии данное этническое наименование трансформировалось в «ингуши». Самоназвание ингушей (автоэтноним) — «ГалГай». По мнению большинства исследователей, слово «ГалГай» означает «житель башен»².

Антропонимическая система ингушского языка формировалась в течение длительного времени. Ее исследованию посвящено довольно много работ как русских (П. А. Флоренский, Л. В. Успенский и др.), так и вайнахских (ингушских и чеченских) исследователей (Н. С. Бибулатов, А. Г. Мациев, И. Ю. Алироев и др.).

Современный ингушский антропонимикон представляет интерес прежде всего с точки зрения неоднородности своего состава, наличия большого числа личных собственных имен, относящихся к разным языковым пластам.

Исторически сложившиеся этнические связи и этнокультурные контакты ингушей как с соседними, так и с территориально отдаленными народами нашли отражение в современном ингушском именнике. Таким образом, ингушская антропонимия формировалась не только за счет результатов собственного народного творчества, но и за счет заимствований из других (арабского, персидского, русского) языков.

Цицкиева Мадина Руслановна — соискатель кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета. E-mail: mzizkueva@yandex.ru

¹ Суперанская 1987, 79.

² Дешериев 1973, 15.

В именник ингушей входят:

1. Исконно ингушские (чеченские) имена собственные;
2. Восточные имена арабского, иранского, тюркского происхождения: *Аскер* (араб.), *Акболат* (тюрк.);
3. Имена, заимствованные из русского языка и через посредство русского языка: *Светлана*, *Бэла*.

В ингушском языке имеется группа собственных имен, которую лингвисты с уверенностью относят к исконным: это «те личные мужские и женские имена, которые теоретически могут быть объяснены средствами языка данного народа»³.

Первыми поселениями ингушей были горные области Северного Кавказа (основными видами деятельности было земледелие и охота), что объясняет наличие в ингушском языке онимических единиц, образованных от названий животных и птиц, пресмыкающихся, растений, географических объектов. Такие единицы относятся к наиболее древнему слою антропонимов. В настоящее время они составляют сравнительно небольшую долю личных имен, поскольку вытеснены арабско-мусульманскими. По мнению исследователей, в эпоху, предшествующую массовому распространению ислама на Северном Кавказе во второй половине XVIII и первой половине XIX в., численность исконно вайнахских имен была несравненно больше. Это подтверждается данными фольклора всех этнических групп вайнахов и генеалогии многих вайнахских семей, — записями, произведенными в 20-х и 30-х гг. XX столетия. «Вопрос о социальной природе собственных имен привлекает внимание ономастов на протяжении многих десятилетий. За продолжительный период времени относительно указанной проблемы получены существенные выводы, касающиеся социальной дифференциации личных имен и их социально-культурных коннотаций, а также в значительной мере затрагивающие лингвокультурный и логико-философский аспекты»⁴.

Мотивы наречения новорожденных зависят от общих законов развития антропонимии народа и от конкретных обстоятельств рождения человека. Относительно специфики наречения новорожденных у ингушей И. Ф. Грабовский писал: «У ингушей нет раз и навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, например: борз (волк), оалхазал (птица) и т.п.»⁵

1. Исконно ингушские имена

Исконный ономастикон вайнахов довольно разнообразен и позволяет выделить следующие семантические группы имен:

1.1. Личные имена, образованные от названий животных и птиц.

Исконно ингушские мужские и женские личные имена, образованные от названий животных и птиц: **Борцук** (ингуш. «барсук»): «...А у **Борцука** мясо пока в котле...»⁶ (количество употреблений — 1); **Пхарказ** (ингуш. «щенок-кобель»): «*Не уходил бы!* — искренне сказал **Пхарказ**»⁷ (количество употреблений — 184);

³ Ахриев 1975, 174.

⁴ Соколова 2008, 152.

⁵ Грабовский 2000, 46.

⁶ Базоркин 1991, 268.

⁷ Базоркин 1991, 184.

Чаборз (ингуш. «медведь-волк»): «*Не зря у тебя такое имя — Чаборз! Ододел ты его!*»⁸ (количество употреблений — 415).

Имена с «животной» семантикой почти не используются в современном именнике вайнахов. Причиной их появления и широкого распространения в древности стали тотемные верования ингушей и их убежденность в том, что люди с такими именами будут наделены качествами этих животных.

1.2. Личные имена, отражающие физические, возрастные и личностные качества, социальное положение, место рождения человека.

Калой (ингуш. «молодец из Кели») (аул в нагорной Ингушетии, ныне не существующий): «*Так пусть тому, который, впервые открыв глаза, увидел над собой не отчий кров, а голубое небо и этот камень, будет имя — Калой!*»⁹ (количество употреблений — 2036);

Малсаг (вероятно, от ингуш. «малх» — «солнце» и «саг» — «человек»; «солнечный человек»): «*Шурин мой, Малсаг... Отец его с детских лет уповал на то, что сыну уготовано стать вторым Уцага Малсагом*»¹⁰ (количество употреблений — 93).

Данная группа представлена в основном мужскими именами. Отметим, что у ингушей издревле существовал культ мужчины-героя и кодекс чести, нарушение заповедей которого в народе не прощалось. **Кьонах**: «кьо» (сын, ингуш.) + «нах» (народ, ингуш.), то есть «сын народа», истинный мужчина — так говорят в народе о храбром, благородном, мужественном человеке. В романе И. Базоркина «Из тьмы веков» таким благородным и храбрым человеком является главный герой **Калой-Кант**, который наделен всеми чертами мужчины-героя: «*Я не стану тебе рассказывать, что было, но ты должна запомнить: он (Калой — М.Ц.) хоть и молод, сердце в нем богатырское. Он спас меня... Он все может...*»¹¹.

Фитоморфные имена собственные — «содержащие корневую морфему, обозначающую название растения»¹² — не были немотивированными: мужчинам давались имена с семантикой «сила, прочность», а женщинам — имена, подчеркивающие внешнюю красоту и нежность.

Анализ древних ингушских антропонимов позволяет сделать вывод о том, что имена, в основе которых лежит «животная» семантика, а также имена, созданные на основе прилагательных, ушли в историю. До настоящего времени важным мотивом наречения остается благозвучность, легкость произношения, положительная семантика.

В силу ряда историко-культурных причин исконные ингушские антропонимы сохранились в малом количестве. Одной из таких причин явилось принятие ислама, который вытеснил значительную долю «первоначальных» ингушских имен, культивируя иноязычные онимы преимущественно арабского, персидского и древнееврейского происхождения.

2. Восточные имена арабского, иранского, тюркского происхождения у ингушей.

⁸ Базоркин 1991, 58.

⁹ Базоркин 1991, 39.

¹⁰ Боков 1999, 184.

¹¹ Базоркин 1991, 79.

¹² Подольская 1988, 144.

Как известно, ни одна народность не существует изолированно; взаимодействие культур происходит на всех этапах развития этнических групп. Взаимодействие культур отражается и в процессе лексических заимствований между различными родственными и неродственными языками. Собственные имена, как и апеллятивы, переходят из одного языка в другой, постепенно адаптируясь к особенностям языка-преемника. Большая часть антропонимов каждого народа заимствована у других народов или полностью состоит из заимствованных личных собственных имен.

Заимствованные имена «не переводятся, они относятся к международной лексике и одновременно принадлежат ко многим языкам. Поэтому изучение имен собственных тесно связано с проблемой заимствования слов, и шире — с проблемой взаимодействия языков»¹³. Самым многочисленным пластом заимствованных ингушских имен являются имена арабского и персидского происхождения. Антропонимия арабского происхождения охватывает обширный ареал, соответствующий историческому распространению ислама. Но «по восприятию структуры и внутренней формы имени существует принципиальное различие между исходным центром этого ареала (арабские страны) и его периферической зоной, где господствуют тюркские, иранские и полинезийские языки»¹⁴. Если имя *Джамал* в арабском языке воспринимается как имеющее определенную коннотацию, то на остальной части ареала это осмысление отсутствует, и единственное, что препятствует данному имени стать абстрактным знаком, — это его восприятие как относящегося к слою арабоязычных по своему звучанию и происхождению имен.

В тюркские, в том числе в языки среднеазиатских тюрков, арабские имена проникали в основном через посредство персидского языка. Затем в заимствующих языках происходила закономерная фонетико-морфологическая трансформация антропонимов. Так, сочетания [см], [шм] в казахском языке давали [сп], [шп]; в тюркских языках прослеживалось оглушение конечных взрывных согласных: ср. казах. Ахмет (от Ахмад), Эсет (от Асад) и др.

Заимствованные имена характерны не только для ингушей, но и для других народов Северного Кавказа. Большинство из них могут быть разъяснены на исконной (арабской) тюркской почве: «*Мехти* — от арабского «махди», что означает «направляемый Аллахом». Сначала это был почетный титул мусульманских правителей, который потом стали употреблять как личное имя. В Дагестане имя популярно у всех народностей, но употребляется в разных формах: у аварцев и даргинцев в форме, близкой к арабской, — Махди, у лезгин — Мехти, у лакцев — Магди»¹⁵.

Ряд заимствованных личных имен в процессе их фонетического освоения сильно изменился, и эти изменения можно отчетливо увидеть в исследуемых текстах. Арабское *Маджид* перешло в *Мажит*, что объясняется стремлением к упрощению сочетания *дж* в *ж*: «*А в баиню Калоя пришла радость. Дали подарила сына-Мажита*»¹⁶.

¹³ Никонов 1974, 87.

¹⁴ Бибулатов 1991, 80.

¹⁵ Сафаралиева 1987, 153.

¹⁶ Базоркин 1991, 100.

Заимствования арабо-тюрко-персидского происхождения можно условно разделить на два типа: эпитеты пророка, некоторые из которых упомянуты в исследуемых нами текстах, и двухкомпонентные заимствованные имена собственные.

2.1. Мужские однокомпонентные личные имена собственные арабского происхождения в ингушском языке.

Ази (араб. «непобедимый»): «Словно из-под земли вырос Ази»¹⁷ (количество употреблений — 143); **Ахмад / Ахмет** (араб. «хвалимый, достохвальный»: «**Ахмет**, или *Амайг*, как чаще его называли родные и друзья, — единственный сын *Мурада*»¹⁸ (количество употреблений — 147); **Касим** (араб. «разделяющий»): «**Касим** вдруг как бы вышел из оцепенения и побежал к шалашу»¹⁹ (количество употреблений — 221).

2.2. Двухкомпонентные мужские личные имена с арабскими, персидскими, тюркскими элементами в ингушском языке.

С лексическим компонентом *Абдул* (араб. «раб Божий»).

Абдул-Муталиб (Абдул, араб. «раб Божий» + Муталиб, араб. «выскакивающий»): «**Абдул-Муталиб** и без нее понимал, что в этом деле ему не удастся остаться в стороне»²⁰ (количество употреблений — 3).

С морфологическим компонентом *-дин* (араб. «религия»).

Зяуддин (Зяуд, араб. «рост, развитие религии» + дин, араб. «религия»): «*Наших дома нет — ни Абдул-муталиба, ни Зяуддина*»²¹ (количество употреблений — 8); **Сайфутдин** (Сайфи, араб. «вооруженный мечом, клинком» + дин, араб. «религия»): «*Что там горит, Сайфутдин?* — спросил Саад, указывая кнутовицу в сторону леса»²² (количество употреблений — 15).

С морфологическим компонентом *Солта* (араб. султан — «власть, покровитель, властелин, повелитель»).

Солтамурад (Солта, араб. «власть, покровитель, властелин, повелитель» + мурад, араб. «желанный, предмет желания»): «*Старшая женщина была женой Зяламха, вторая — женой его погибшего брата, Солтамурада*»²³ (количество употреблений — 2); **Солтагири** (Солта, араб. «власть, покровитель, властелин, повелитель» + гири, араб. «сильный, могущественный»): «*Солтагири* — друг командира полка»²⁴ (количество употреблений — 27).

С лексическим компонентом *Хаджи* (араб. «мусульманин, совершивший паломничество (хадж) в Мекку и Медину»).

Торко-Хаджи (Торко — вероятно, от торки — название тюрк. племени; имеет два значения: «тюркок» и «сила, власть»): «*С годами Торко-хаджи снискал огромное уважение и почтение в народе...*»²⁵ (количество употреблений — 221); **Эда-Хаджи** (Эда — значение не установлено + Хаджи, араб. «мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину»): «*Узнав о запрете, старый Эда-*

¹⁷ Боков 1999, 271.

¹⁸ Боков 1999, 375.

¹⁹ Боков 1999, 151.

²⁰ Боков 1999, 382.

²¹ Боков 1999, 407.

²² Боков 1999, 536.

²³ Боков 1999, 434.

²⁴ Базоркин 1991, 130.

²⁵ Боков 1999, 405.

хаджи решил сам идти с отарой в лес»²⁶ (количество употреблений — 2); **Эдалби-Хаджи** (Эдалби — значение является неясным + Хаджи, араб. «мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину»): «*В Кескеме для ускорения дела свяжитесь с Эдалби-хаджи...*»²⁷ (количество употреблений — 4).

С морфологическим компонентом *бек* (у тюркских народов Кавказа бек — повелитель)

Асланбек (тюрк. аслан «лев» + тюрк. бек «повелитель»): «*Из Чечни приехал один Асланбек Шерипов*»²⁸ (количество употреблений — 1).

К категории многокомпонентных имен относятся ингушские гибридные антропонимы (имена, состоящие «из лексических или морфологических элементов двух или более языков»²⁹), в состав которых входят арабские и тюркские, а также тюркские и персидские компоненты. Например:

1. Личное имя **Сафарбек** представляет собой соединение двух компонентов: араб. **сафар** (путешествие, поездка) + тюрк. **бек** (повелитель).

2. Личное имя **Эльмурза** состоит из двух компонентов: др.-тюрк. существительного **эль** («страна») и перс. нарицательного имени **мурза** («потомок повелителя»). Таким образом, именование **Эльмурза** можно трактовать как «сын правителя государства». Вероятно, родители назвали ребенка **Эльмурза**, желая, чтобы он добился высокого положения в обществе. Впоследствии потомок человека, которого звали **Эльмурза**, получил фамилию **Эльмурзаев**.

В ингушском именнике наиболее широко представлены однословные, а также двухкомпонентные имена данной группы, образованные по модели **имя + имя** или **имя + титул**, реже **титул + титул**. Указанная структура создается за счет компонентов сложного имени **Бек, Хан, Султан**, которые располагаются после основного. Исключением является титул **Шах**, встречающийся только в начале антропонима.

Отметим, что в настоящее время подобные онимы являются «полноценными» в семантическом отношении и используются без «титulyных» компонентов.

3. Ингушские имена, заимствованные из русского языка и через посредство русского языка.

Социально-исторические контакты ингушского и русского народов не могли не отразиться на ингушской антропонимической системе, пополнившейся именами русского происхождения. В особенности этот процесс затрагивает 20-е гг. XX в., период после Октябрьской революции. Мы не можем говорить о внедрении столь большого количества антропонимов, связанных со сменой идеологии, как в Древней Руси, однако следует упомянуть о появлении у ингушей имен **Оксана, Елена, Денис, Михаил**. Некоторые из них употреблялись только в сокращенной форме (**Лена, Миша** и нек. др.) и были в таком виде зафиксированы в документах, удостоверяющих личность. Заимствование русских имен в гипокористической форме, вероятно, обусловлено тем, что взаимодействие ингушей с русским населением происходило уже после их переселения на плоскостные земли и ограничивалось в большинстве случаев неформальным общением, в котором

²⁶ Боков 1999, 295.

²⁷ Боков 1999, 406.

²⁸ Боков 1999, 447.

²⁹ Подольская 1988, 48.

чаще используются сокращенные формы имен, нежели полные. В подтверждение вышесказанного обратимся к текстам исследуемых романов: « — *Паша зовет тебя...* <...> *жена звала его Пашей, и близкие подражали ей*»³⁰.

Встречается в романе «Сыновья Беки» и диминутивная форма имени: « — *Нюрка, напои коней...*»³¹.

На основе анализа ингушских личных собственных имен с точки зрения их происхождения можно сделать вывод, что вайнахский антропонимикон, формировавшийся на протяжении длительного времени, — явление сложное и многоплановое. Именник ингушского народа обогащался двумя путями:

1. За счет использования внутренних ресурсов ингушского языка;
2. В результате заимствований из других языков (преимущественно арабского, персидского, тюркского, русского).

Исконные ингушские имена собственные, разнообразные в семантическом отношении и являющиеся культурным наследием этноса, на сегодняшний день почти утрачены ингушским народом (в особенности это касается женских имен). Однако иметворчество с использованием средств ингушского языка всегда будет неопределимым источником для установления мировоззренческих основ и реконструкции языковой картины мира ингушей.

Заимствованные личные имена можно условно разделить на две группы:

1. Заимствования, которые проникли в ингушский язык с принятием ислама в XIX в. На сегодняшний день они уже не воспринимаются как иноязычные, а гармонично вписываются в эстетический контекст ингушского именника;
2. Заимствованные личные имена (такие как Елена, Оксана, Денис, Михаил), проникшие в ингушский язык в середине 20-х гг. XX в. через посредство русского и не получившие широкого распространения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахриев Н. Г.* 1975: Исконные имена чеченцев и ингушей // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания / Ю. В. Алироев (ред.). Грозный, 199-213.
- Базоркин И.* 1991: Из тьмы веков: Роман. Назрань.
- Бибулатов Н. С.* 2003: Роль языка в формировании и становлении нахской антропонимики // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитии их литературных языков / А. С. Куркиев (ред.). Грозный, 60-65.
- Боков А.* 1999: Сыновья Беки: Роман. М.
- Грабовский Н. Ф.* 2000: Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Избранное. Назрань, 200-325.
- Дешериев Ю. Д.* 1973: Сравнительно-историческая грамматика кавказских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный.
- Ибн Мирзакарим ал-Карнаки* (сост.) 2010: Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.
- Крупнов Е. И.* 1971: Средневековая Ингушетия. М.
- Мацев А. Г.* 1962: Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный.
- Никонов В. А.* 1974: Имя и общество. М.

³⁰ Боков 1999, 247.

³¹ Боков 1999, 258.

- Подольская Н. В. 1988: Словарь русской ономастической терминологии. М.
Сафаралиева Э. Я. 1981: Как тебя зовут? Махачкала.
Соколова Е. Н. 2008: Из истории изучения древнерусской антропонимической системы // Вестник Челябинского государственного университета. 21, 147-156.
Суперанская А. В. (ред.) 1987: Справочник личных имен народов РСФСР. М.
Услар П. К. 1888: Кое-что о словесных произведениях горцев // Этнография Кавказа. Чеченский язык. / П. К. Услар (ред.) Тбилиси, 82-98.
Успенский Л. В. 1972: Ты и твоё имя. Имя дома твоего. Л.
Флоренский П. А. 1998: Имена. М.
Яковлев Н. Ф. 1925: Ингуши. М.

COMPOSITION AND STRUCTURE OF INGUSH NATIVE AND BORROWED
PROPER NAMES IN THE NOVELS OF I. BAZORKIN "FROM REMOTE
ANTIQUITY" AND A. BOKOV "THE SONS OF BEKI"

M. R. Tsitskeyeva

The article deals with the study of poetonyms in the texts of historical novels "From Remote Antiquity" by I. Bazorkin and "The Sons of Beki" by A. Bokov. The analysis of literary anthroponyms is carried out with regard to semantic and etymological characteristics.

Key words: literary anthroponomy, borrowed proper name, native proper name, etymological commentary

---

© 2014

А. В. Нагорная

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ИНТЕРОЦЕПЦИИ

В статье определены методологические подходы к исследованию сферы интероцептивных (внутрителесных) ощущений в рамках лингвокогнитивной парадигмы. Исходя из специфики объекта исследования, установлены требования к методологии и обоснована правомерность и эффективность использования теории воплощенного значения. Автор излагает основные постулаты теории и показывает степень их релевантности для изучения интероцептивного словаря.

Ключевые слова: интероцепция, когнитивная лингвистика, теория воплощенного значения, когнитивное моделирование, вербальная репрезентация

Интероцепция — это процесс восприятия сигналов, поступающих из внутренней среды организма и характеризующих его физиологическое состояние. Примерами таких сигналов, именуемых интероцептивными ощущениями, являются покалывание в области подреберья, чувство тяжести, распирающего или опу-

---

Нагорная Александра Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и перевода Московского городского педагогического университета.
E-mail: alnag@mail.ru

стошения в желудке, субъективно ощущаемое перемещение сердца по внутрителесному пространству и т.п. Способы вербального обозначения таких ощущений составляют специфический interoцептивный словарь, объем и качественное разнообразие которого обнаруживает значительную вариативность как при сопоставлении разных языковых культур, так и при анализе идиолектов в пределах одного лингвокультурного сообщества. То, что кажется совершенно естественным, понятным и единственно возможным способом описания актуального interoцептивного опыта одному человеку («ноги тоскуют», «в голове словно черви копошатся», «сердце золой ест») часто представляется странным и неприемлемым другому, в идиолекте которого эти состояния репрезентируются иначе («ноги ноют», «в голове мозги плавятся», «сердце жжет»). Общепринятые в определенной культуре словообозначения могут полностью отсутствовать в другой и быть несопоставимы с используемыми в ней конвенциями (Ср. англ. *My heart races/gallops/flies* «мое сердце бежит*/скачет*/летит*»). Наряду с развитыми, концептуально богатыми и лексически разнообразными interoцептивными идиолектами¹ существуют предельно скудные системы, представленные примитивными малоинформативными единицами («мне плохо», «у меня внутри дискомфорт»).

В этой связи возникает несколько вопросов, представляющих несомненный интерес в лингвокогнитивной перспективе: 1) почему interoцептивные ощущения, физиологический базис которых един для всех представителей нашего биологического вида, допускают возможность столь разного словесного обозначения, в то время как словарь экстероцепции достаточно унифицирован; 2) существуют ли общие принципы, лежащие в основе формирования interoцептивного словаря, независимо от индивидуальных и социокультурных факторов; 3) обладает ли interoцептивный словарь признаками системности; 4) каковы формирующие его факторы, и каким образом они взаимодействуют друг с другом; 5) благодаря чему обеспечивается взаимное понимание между людьми, прибегающими к принципиально разным способам концептуализации качественно однотипных interoцептивных ощущений.

Решение этих и множества других вопросов, возникающих в связи с попытками изучения interoцептивного словаря, невозможно без выработки четкой методологии исследования, которая позволила бы учитывать как индивидуальные, так и культурно обусловленные особенности языка interoцепции.

Эта методология должна отвечать нескольким требованиям. Главное из них заключается в том, что она должна обладать достаточным интегративным потенциалом и гибкостью, чтобы позволить исследователю работать в междисциплинарной парадигме. Это требование обусловлено тем, что interoцептивные ощущения принадлежат к разряду комплексных явлений, изучение которых возможно лишь в рамках широкого междисциплинарного диалога. Будучи явлением биологическим (физиологическим) по своей природе, они, тем не менее, не редуцируются к свойствам тех рецепторов, посредством которых воспринимаются, и принадлежат сфере не только физического, но и ментального. Interoцептивное восприятие, как пишет А. Ш. Тхостов, «не может быть однозначно определено свойствами раздражения, а зависит от оценки ситуации, значения телесного ощу-

¹ Нагорная 2013.

щения, его смысла, мотивации человека, принадлежности к определенной культуре, индивидуального опыта и других психологических факторов»². Все перечисленные факторы представляются лингвистически релевантными, и их учет возможен лишь в том случае, если исследование принимает во внимание данные, накопленные в психологии.

С другой стороны, проблема interoцепции вписывается в более широкий контекст дискурсов человеческой телесности и требует серьезной мировоззренческой рефлексии. Понимание сущности interoцептивного ощущения вне интерпретации той среды, в которой оно локализуется, не представляется возможным. Мы убеждены, что методология лингвистического анализа interoцепции должна строиться на прочном философском фундаменте. Выбор философской концепции во многом предопределяет отношение к изучаемым феноменам и задает концептуальные ориентиры в их исследовании. В постмодернизме, например, тело, провозглашенное системообразующим центром современной культуры³, интерпретировалось почти исключительно через дискурс, что привело к парадоксальной ситуации, когда само тело в совокупности его анатомо-физиологических, кинетических и перцептивных свойств «исчезло в облаке языка»⁴. Нам представляется, что философией, в полной мере отвечающей специфике и изучаемого феномена, и лингвистического подхода к его анализу, является феноменологическая традиция М. Мерло-Понти. Называя тело «естественным субъектом», «предварительным наброском моего целостного бытия», Мерло-Понти пишет, что реально познать его можно лишь живя им, «беря на себя драму, которую оно переживает, смешиваясь с ним»⁵. Действительно, interoцепция — это «живое знание», источником которого служит личный опыт и которое формируется «вне какой-то специальной деятельности по его производству»⁶.

Рассуждая об interoцепции, важно иметь в виду, что мы имеем дело не с анатомическим, а именно с феноменологическим телом. Феноменологический подход к телу отличается от анатомо-физиологического, по крайней мере, тремя сущностными чертами: 1) анатомический подход ориентирован, главным образом, на анализ строения тела и предполагает изучение его структурных частей и их функций, в то время как подход феноменологический нацелен на рассмотрение реальных живых динамик тела в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются индивидом; 2) анатомический подход унифицирует тело, лишает его индивидуальности и превращает его в некую общую форму, которая, парадоксальным образом, является одновременно предельно конкретной и предельно абстрактной. Превращаясь в «тело каждого», анатомическое тело становится «телом ничьим». Феноменологический подход, напротив, обеспечивает высокую индивидуализацию, подчеркивая уникальность каждого тела и его несводимость к единому стандарту; 3) анатомический подход строго регламентирован в том смысле, что он должен подчиняться принципу «правильности» и соответствовать некоторой системе постулатов, составляющих признанную на данный момент

² Тхостов 2002, 5.

³ Гульчинский 1999.

⁴ Twigg 2006, 13.

⁵ Мерло-Понти 1999, 257.

⁶ Баксанский 2009, 29.

«анатомическую истину». Феноменологическая позиция предоставляет индивиду несравнимо большую степень эпистемологической свободы в интерпретации телесных феноменов. Тело может рассматриваться в индивидуально выработанной системе концептуальных, аксиологических, прагматических и других координат с использованием тех интерпретативных моделей и модусов, которые позволяют индивиду максимально эффективно осмыслить происходящие interoцептивные процессы.

При лингвистическом изучении interoцепции важно помнить и о необходимости учета фактора социокультурного взаимодействия, поскольку культурная среда, частью которой являются и дискурсивные практики, служит медиатором индивидуального телесного опыта, формируя и направляя его⁷.

Любое лингвистическое исследование телесных феноменов, которое проводится в узких дисциплинарных границах, обречено на неудачу, поскольку оно искусственно снимает «нередуцируемую многомерность»⁸ телесности, отрывается от ее живых динамик и превращает ее в лишенный витальности конструкт в духе выхолощенных постмодернистских построений.

Кроме того, методология лингвистического анализа interoцепции должна соответствовать сути изучаемого феномена. Сущностным свойством interoцепции является ее принадлежность субъективной сфере индивида. Как было показано в начале статьи, interoцептивное ощущение допускает принципиально различные трактовки и существенно различающиеся способы вербализации, которые, тем не менее, обладают одинаковой валидностью и не могут быть отринуты как «неправильные» или «несоответствующие действительности». Методология должна обладать необходимым интерпретативным потенциалом, для того чтобы объяснить, почему такая множественность трактовок в принципе возможна.

Еще одно требование заключается в том, что методология должна быть пригодной для объяснения динамических процессов, происходящих в изучаемом объекте, и позволять прогнозировать его вероятностные состояния и тенденции развития.

И наконец, в идеале методология должна обладать элементом эстетической привлекательности, предлагая не просто эффективное, но и элегантное решение исследовательских проблем.

Методологией, в полной мере отвечающей всем вышеуказанным требованиям, является так называемая теория воплощенного значения, основы которой изложены в трудах М. Джонсона и Дж. Лакоффа⁹, а также А. Дамасио¹⁰, С. Галлахера¹¹ и др.

Данная теория, с энтузиазмом поддержанная на Западе и легшая в основу многочисленных экспериментальных исследований в когнитивной лингвистике¹², не получила особого распространения и практического применения в России. Ис-

⁷ Данная проблема рассматривалась нами ранее: Нагорная 2012.

⁸ Киященко, Моисеев 2009, 11.

⁹ Johnson 1987; 2007; Lakoff, Johnson 1999.

¹⁰ Damasio 1994.

¹¹ Gallagher 2005.

¹² Bergen 2012.

ключение составляют работы Д. Б. Никуличевой, посвященные анализу способов концептуализации времени в разных языковых культурах¹³.

Изложим основные положения теории и покажем их практическую применимость к анализу interoцептивной сферы.

Теория воплощенного значения основывается на феноменологической традиции холистической трактовки человека. Будучи натуралистической по своей сути, она базируется на идее о том, что значение формируется под воздействием органических процессов, происходящих в нашем теле, и в значительной степени обусловлено нашими сенсомоторными возможностями и способностью испытывать чувства и эмоции¹⁴. Иными словами, значение располагается в потоке телесного опыта, и мы были бы не способны к формированию характерных для нас когнитивных структур, если бы не обладали телами определенной конфигурации, наделенными определенными кинетическими, перцептивными и аффективными способностями.

Центральная роль в процессе соиздания значения отводится движению, в котором человек выявляет особенности и спектр возможностей своего тела и познает законы физической каузации¹⁵. Именно посредством движения начинается первичное смысловое различение, ибо в движении мы извлекаем смысл из своего тела и экстраполируем его на окружающий нас мир в попытке осмыслить и его¹⁶. Накопление опыта движения (или кинетического опыта) начинается еще в период внутриутробного развития¹⁷ и продолжается в течение всей человеческой жизни. Как пишет Гиббс, «младенец начинает жизнь с разнообразных движений: он ерзает, потягивается, открывает и закрывает рот, глотает, пинается, тянет ручки и дотрагивается до людей и предметов. Он в буквальном смысле вырастает в свое тело»¹⁸. «Вырастая в тело» и познавая его кинетический потенциал, мы естественным образом приобретаем привычку мыслить в терминах движения. Примечательно, что данный механизм работает как при непосредственном взаимодействии с окружающим миром, так и в его отсутствие. Нейро-физиологическим базисом этого процесса является механизм симуляции, заключающийся в том, что в отсутствие реального кинетического взаимодействия со средой наша сенсомоторная система *симулирует* его, активируя те же нейронные связи, которые задействованы в непосредственном опыте движения¹⁹.

Опыт движения позволяет нам структурировать окружающее нас пространство и познать смысл происходящих в нем процессов. Неслучайно любой естественный язык изобилует описаниями движений, причем существующие средства выражения позволяют описывать различные его аспекты, такие как временные параметры, пространственную траекторию, способ действия, его интенсивность и т.д. Более того, в сознании людей содержится представление об определенной

¹³ Никуличева 2004.

¹⁴ Johnson 2007, 9.

¹⁵ Johnson 2007, 9.

¹⁶ Sheets-Johnstone 1999, 148.

¹⁷ Van Dantzig 2009.

¹⁸ Gibbs 2006, 27–28.

¹⁹ Barsalou 1999; Grush 2004.

кинетической норме для движений разных типов и существуют специальные языковые средства для обозначения отклонений от нее (*waddle, totter, lollop* и т.д.)²⁰.

«Движение является нашим родным языком»²¹ даже в тех случаях, когда мы пытаемся сформировать сложные, абстрактные понятия, одним из которых является время. Как известно, у времени отсутствует тот физический субстрат, который человек мог бы воспринимать посредством определенных органов. Не имея возможности воспринять его телесно, человек концептуализирует его в терминах телесно-восчувствованных динамик движения (*time flies, время бежит*)²². Многочисленные примеры такого рода приводит М. Джонсон: *Tuesday went by in a flash, our meeting dragged along at a snail's pace, the lazy days of summer roll by, pass a deadline, reach Sunday, be halfway through the month*²³. Абстрактная, трудноуловимая сущность обретает определенность и некоторую понятную структуру, вписываясь в концептосферу человека. Мы используем опыт движения и для обозначения морально-этических понятий (*twisted personality, twisted misdeeds, to stand straight and tall* и т.д.). Мы познаем корпоральную логику круговых движений своими глазами, ступнями, руками, и это телесное знание дает нам понимание круговых процессов, временной цикличности и порочных логических кругов²⁴. Многие из наших наиболее фундаментальных понятий, включая те, которые формируют нашу этику, политику и философию, уходят корнями в движение и другие телесные переживания на дорефлексивном уровне²⁵.

Наблюдения, касающиеся роли движения в осмыслении мира, имеют принципиально важное значение для лингвистического исследования interoцепции. Факты языка показывают, что термины движения оказываются наиболее эффективным и частотным средством вербализации актуального interoцептивного опыта. Для объяснения данного обстоятельства, помимо вышеизложенных причин, могут использоваться и следующие аргументы: 1) являясь представителями одного и того же биологического вида, люди обладают приблизительно одинаковым кинетическим репертуаром, лишь в некоторой степени модифицированным той культурой, к которой они принадлежат. Движение становится универсальным семиотическим кодом для интерпретации любых динамических феноменов, к ряду которых, несомненно, принадлежат и interoцептивные ощущения; 2) процессы, происходящие во внутренней среде организма, воспринимаются как изменения в изначально стабильной структуре, и образы движения являются удобным эпистемологическим инструментом для осмысления этих изменений. Заметим в этой связи, что «ИЗМЕНЕНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ» относится к числу первичных метафор, описанных Ш. Нараянаном в нейрологической теории метафоры²⁶; 3) движение — это хорошо структурированный домен, который представлен богатым и разнообразным словарем, что дает человеку широкую возможность выбора вербального материала для описания качественных и количественных характеристик актуального interoцептивного опыта.

²⁰ Mani, Pustejovski 2012.

²¹ Sheets-Johnstone 2013, 20.

²² Никуличева 2004.

²³ Johnson 2007.

²⁴ Lakoff, Johnson 1999.

²⁵ Johnson 2007, 26.

²⁶ Narayanan 1997.

Приведем ряд примеров, демонстрирующих возможности концептуализации interoцептивного опыта в терминах движения.

1.interoцептивное ощущение может описываться как перемещение органа или части внутреннего тела по полюму внутрителесному пространству с существенным изменением его изначального положения или полным выходом за пределы внутреннего тела: *I felt my heart lift at this amazing sight (D. Koontz. Seize the night); Without warning, my heart dropped to my bathroom floor (C. M. Burney. Death, deceit & some smooth jazz: an Amanda Bell Brown mystery).*

Заметим, что в английском лингвокультуре обнаруживается тенденция к концептуализации внутреннего тела как контейнера, который может иметь и вертикальную (как это принято в русской), и горизонтальную ориентацию. Данное обстоятельство способствует тому, что для концептуализации interoцептивных ощущений активно используются глаголы, обозначающие перемещение по горизонтальной оси: *I watch, my heart suddenly galloping (S.Kinsella. Twenties girl). Jason's heart was still racing (R.Cook. Mortal fear).*

В английском языке отчетливо выражена тенденция к персонификации органов внутреннего тела, которая проявляется в частности в том, что для вербализации interoцептивных ощущений могут использоваться глаголы, обозначающие сложные движения, характеризующиеся интенциональностью: *My heart vaulted nimbly into the back of my mouth and crouched there, trembling (S. King. The Body).*

2. Ощущение может описываться как изменение в положении органа при сохранении его общей локализации: потеря равновесия (*My stomach lurches again — S.Kinsella. Twenties Girl*) или движение вокруг оси (*He felt his stomach roll over in a single giddy tumble — S. King. Thinner*).

3. Ощущение описывается как движение внутри органа и обозначается отглагольными существительными либо конвертированными глаголами: *a terrible sinking in my stomach <...> (S. King. N.); a weird flip in my stomach (S.Kinsella. Twenties Girl); a sickening lift-drop in his stomach (S.King. Needful Things)*

4. Ощущение описывается как движение, осуществляемое инородным телом, находящимся во внутрителесном пространстве: *“Okay,” I said, and I said it some guy pole-vaulted in my stomach. He dug is pole all the way into my balls, it felt like, and ended up sitting astride my heart (S. King. The Body).*

Данный список, разумеется, неполон. Здесь представлены лишь наиболее распространенные типы высказываний, позволяющие убедиться в релевантности движения для когнитивного моделирования interoцептивных ощущений.

Движение не осуществляется в некотором пустом абсолютном пространстве, оно всегда связано с взаимодействием с определенными аспектами окружающей среды и находящимися в ней объектами, которые человек воспринимает посредством своих органов чувств. В связи с этим вторым постулатом теории воплощенного значения является положение о роли перцептивного взаимодействия со средой в процессе созидания значения. Это взаимодействие осуществляется посредством функционально специализированных рецепторов, которые снабжают нас качественно определенными и легко различимыми типами перцептивной информации. Экстероцептивный опыт обладает общностью для всех людей, жизнь которых протекает в пределах единой географической и культурной среды. Он легко верифицируется, благодаря чему достигается взаимопонимание и форми-

руется устойчивый, понятный и общеупотребительный перцептивный словарь. Представляется эвристически перспективным и когнитивно экономичным экстраполировать этот богатый и хорошо структурированный опыт на сферу interoцептивных ощущений, которая представляет собой «когнитивное слепое пятно» (Э. Гроц). Такое решение позволяет консолидировать и унифицировать пространство телесного опыта, соединив внешнее и внутреннее.

На вербальном уровне этот процесс манифестируется несколькими типами высказываний, наиболее распространенные из которых приведены ниже:

1. Экстраполяция физических свойств неживых объектов (размер, форма, вес и т.д.) на органы и части внутреннего тела, в которых локализуется определенное ощущение: *His stomach was still in a ball* (S.King. *Needful Things*).

2. Описание болезненного interoцептивного ощущения через аналогию с воздействием предмета, который способен повредить внешнее тело: *Invisible needles kept torturing the back of my throat* (R.Vajra. *Layna's mirror*). В контекстах данной группы обширно представлены наименования различных типов орудий: *She felt as if a blade had pierced her heart* (L. Goldstein. *Strange devices of the Sun and Moon*).

3. Экстраполяция функциональных свойств неодушевленных объектов, особенно приборов и механизмов, на сферу interoцептивных процессов: *Her heart was jackhammering wildly in her throat* (S.King. *Needful Things*).

4. Проецирование свойств одушевленных предметов на сферу внутрителесных процессов: характерной манеры движения (*He stared at the figure, feeling a coldly fluttering swirl of moths in his gut* — S. King. *Thinner*); типа голосового поведения (*My heart is suddenly roaring* — K. Kesey. *One Flew Over the Cuckoo's Nest*); типа разрушающего воздействия на человеческую кожу (*"Eat," she said from far away, and he felt stinging pain* — S. King. *Misery*).

Третьим постулатом теории воплощенного значения является положение о том, что человеческое мышление — это «непрерывный процесс чувствования-думания, который навсегда привязан к тому, как наше тело управляет своими собственными состояниями»²⁷. Тело участвует в процессе созидания значения как единство физического и чувственного, разделить которые можно лишь достаточно условно, ибо любое телесное ощущение всегда эмоционально окрашено и любая интенсивная эмоция неизменно сопровождается определенной телесной реакцией. Эмоции признаются своеобразным «первовидением», базовой формой познания мира, сигналом о том, что явление попало в светлое поле сознания.

Эмоции, несомненно, играют первостепенную роль в процессе осмысления interoцептивных ощущений. Ощущение, регистрируемое сознанием, в первую очередь оценивается как приятное-неприятное, хорошее-плохое, комфортное-дискомфортное, и лишь затем осуществляется более тонкая когнитивная нюансировка по его качественным и количественным признакам. Более того, интерпретация ощущения в эмоционально-оценочных терминах часто является не только базовым, но одновременно и конечным уровнем когнитивной обработки, и эмоционально-оценочное значение непосредственно выводится в дискурс. Неслучайно большая часть описаний interoцептивных ощущений строится по моделям *I am feeling well/unwell/bad; I had a nasty feeling inside* и т.п.

²⁷ Johnson 2007, 98.

Роль эмоций в осмыслении interoцептивных ощущений отчетливо прослеживается в следующих типах контекстов:

1. Описание органической дисфункции в эмоционально-оценочных терминах: *By the time I got home, I was beginning to feel a little queasy. Did I have a bad liver? (R. DeVos. Choose Optimism)*

2. Описание эмоциональных состояний в терминах соматического заболевания: *a bout of separation anxiety (K.B.Seely. Learning to let go)*

3. Создание бленда эмоции и ощущения: *a spasm of guilt / alarm/ panic/ bewilderment / curiosity/ rage; a stab of fear / annoyance / despair / shame / sympathy / envy / relief /worry, etc.; a throb of pleasure / panic / pity / relief / excitement / regret, etc.; a twang of fear / terror / doubt, etc.*

4. Имплицитное указание на эмоцию посредством описания типичного для нее физиологического проявления («соматического маркера» у А. Дамазио): *I can see him properly and I feel a tightening in my stomach (K. Harrison. Starter Marriage)*

Признавая важность первичного непосредственного опыта движения, экстероцепции и чувствования в процессе созидания значения, сторонники теории воплощенного значения предупреждают об опасности их абсолютизации. В противном случае следовало бы признать, что значения, получаемые в ходе приобретения такого совокупного опыта, сугубо индивидуальны и недоступны другим индивидуумам, обладающим качественно иным опытом. Кроме того, реальность человеческого существования такова, что фактически с момента рождения мы лишены возможности обретения некоторого «чистого» опыта, не направляемого и не формируемого нашим непосредственным социальным окружением. Никто из нас, как пишет О. Е. Баксанский, не является «гносеологическим Робинзоном»²⁸, «знание повседневной реальности социально конструируется — субъект видит мир сквозь линзы познания, выработанные в процессе исторического развития своего социума»²⁹.

В связи с этим важнейшим постулатом теории воплощенного значения является требование учета фактора социокультурного взаимодействия. М. Джонсон пишет о телесно-детерминированной intersубъективности, поясняя, что наше пребывание с другими через телесное выражение, жестикуляцию, имитацию и взаимодействие составляет нашу суть с момента появления на свет и является местом рождения значения³⁰. Наше понимание телесных действий, производимых другим человеком, основывается на активации собственных ощущений от выполнения подобных действий. Тем самым любое событие нашей жизни превращается в со-бытие: совместное, взаимосвязанное и взаимообусловленное бытие феноменологических тел в условиях динамично изменяющейся физической и социальной среды.

Важнейшей формой социокультурного взаимодействия является вербальное общение, которое оказывает решающее влияние на процесс осмысления явлений внутрителесной реальности. Вербальное общение выполняет целый ряд важнейших функций. Во-первых, общение вынуждает индивида облекать в слова тот опыт, который хранится в его сознании по большей части в невербализованном

²⁸ Баксанский 2009, 31.

²⁹ Баксанский 2009, 55.

³⁰ Johnson 2007, 51.

виде и упаковывать этот опыт в такие словесные формулировки, которые потенциально были бы понятны собеседнику. Ощущаемая человеком необходимость вербализации способствует более четкому структурированию синкретичного, диффузного interoцептивного опыта и более глубокому его осмыслению. Во-вторых, общение позволяет людям сравнивать индивидуальный interoцептивный опыт, поскольку вербализация — это единственный способ объективации interoцептивных ощущений. В-третьих, оно обеспечивает людей знанием интерпретативных моделей и модусов, которые уже выработаны и апробированы тем лингвокультурным сообществом, к которому они принадлежат. Через общение люди открывают для себя тот «банк» когнитивных моделей, который существует в коллективном когнитивном пространстве, и с той или иной степенью осознанности «заимствуют» в нем модели или их элементы.

Роль вербального общения особенно заметна в формировании представлений об устройстве внутреннего тела, которое, в отличие от сугубо субъективной сферы ощущений, является объективной, хотя и неочевидной реальностью. Эти представления отличаются большей стабильностью и более высокой степенью осознанности, поскольку они активно эксплицируются в религиозных, философских и научных дискурсах. Усваивая бытующие в социуме представления об устройстве внутреннего тела, человек системно встраивает в них и свое видение происходящих в теле динамических процессов, к числу которых относятся interoцептивные ощущения.

Приведем лишь один, но весьма показательный пример того, как когнитивная модель внутреннего тела диктует определенные правила осмысления и вербализации interoцептивных ощущений.

Известно, что для культуры западного типа характерно представление о теле как о машине, сформировавшееся в результате широкой популяризации картезианской философии. В рамках данной когнитивной модели interoцептивное ощущение может осмысляться как механическая неисправность: *Her fingers were like the pincers of some machine which had frozen solid for lack of oil* (S.King. *Needful Things*), — либо как работа механизма определенного типа: *my heart pumping / hammering* (S. Kinsella. *Twenties Girl*); *His hand broadcast pain* (S.King. *Thinner*).

Участие в дискурсивных практиках позволяет человеку освоить и некоторый базовый словарь interoцепции, который уже прочно вошел в узус и используется для обозначения наиболее качественно определенных, «конкретных» ощущений: *stabbing, shooting, piercing, stinging, etc.*³¹ Легко заметить, что все его единицы генетически восходят к экстероцепции, и специальной, отдельной терминосистемы для interoцептивных ощущений не существует. Более того, создание такой терминосистемы совершенно нецелесообразно, поскольку, как уже было сказано выше, interoцепция принадлежит исключительно субъективной сфере индивида и лишена того элемента всеобщности, который позволил бы произвести конвенционализацию такого словаря.

Подводя итог, вернемся к тем вопросам, которые были сформулированы в начале статьи и попытаемся ответить на них, опираясь на постулаты теории воплощенного значения.

³¹ Полный список см. в опроснике боли МакГилла в: Melzack, Wall 1996, 40.

1) Процесс восприятия interoцептивных ощущений сугубо субъективен, и человек выбирает наиболее оптимальный способ их вербализации с учетом их качественных и количественных характеристик, а также особенностей ситуации общения и преследуемых коммуникативных целей. Качественно однотипные interoцептивные ощущения могут получить разное словесное оформление в силу того, что их когнитивная обработка может осуществляться разными способами и в основу создания когнитивной модели может быть положен моторный, перцептивный или эмоциональный опыт, либо может использоваться готовая формула, усвоенная в ходе участия в дискурсивных практиках.

2) Общим принципом, лежащим в основе формирования interoцептивного словаря, является экстраполяция телесного опыта, полученного в ходе взаимодействия с окружающей средой, на область внутреннего тела.

3) Словарь interoцепции лишь внешне выглядит как хаотичное, не поддающееся классификации образование, собрание индивидуально выработанных словесных формулировок. В действительности же составляющие его единицы группируются в строго определенные классы (орудийная лексика, лексика зооморфной и антропоморфной семантики, лексика движения, эмоционально-оценочная лексика и т.д.). Конкретное вербальное наполнение этих классов может различаться от человека к человеку, но используемые семантические домены едины для всех говорящих.

4) Факторы, формирующие interoцептивный словарь, — это телесный опыт движения, взаимодействия с объектами окружающего мира, эмоциональный опыт и общение. Эти факторы взаимосвязаны, и их выделение представляется достаточно условным, ибо движение осуществляется в определенной социокультурной среде и опосредуется ей, неизбежно предполагает взаимодействие с объектами окружающего мира и сопровождается определенными эмоциями.

5) Несмотря на существенные различия в способах вербализации interoцептивных ощущений, люди способны понимать друг друга именно потому, что в основе всех номинаций, какими бы экзотическими способами они ни осуществлялись, лежат одни и те же когнитивные модели, сформированные в результате аккумуляции телесного опыта в определенной физической и социокультурной среде.

ЛИТЕРАТУРА

Баксанский О. Е. 2009: Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М.

Киященко Л. П., Моисеев В. И. 2009: Философия трансдисциплинарности. М.

Мерло-Понти М. 1999: Феноменология восприятия. М.

Нагорная 2012: «Интероцептивный дискурс» как продукт социокультурной медиации субъективного телесного опыта // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Ч. I, 91–97.

Нагорная А. В. 2013: Индивидуально-идиолектальная вариативность словаря внутри-телесных ощущений (на материале произведений С. Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 3 (21). II, 138–144.

Никulichева Д. Б. 2004: Перцептивное и грамматическое время в разных языковых культурах // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). М., 172–184.

- Тулчинский Г.Л.* 1999: Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы. // Вопросы философии. 10, 35–53.
- Тхостов А.Ш.* 2002: Психология телесности. М.
- Barsalou L.* 1999: Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 22, 577–660.
- Bergen* 2012: Louder than words: The new science of how the mind makes meaning. New York.
- Damasio A. R.* 1994: Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain. New York.
- Gallagher S.* 2005: How the Body Shapes the Mind. New York.
- Gibbs* 2006: Embodiment and cognitive science. Cambridge.
- Grush R.* 2004: The Emulation Theory of Representation: Motor control, Imagery, and Perception. Behavioral and Brain Sciences. 27, 377–396.
- Johnson M.* 1987: The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago.
- Johnson M.* 2007: The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago.
- Lakoff G., Johnson M.* 1999: Philosophy in the Flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York.
- Mani I., Pustejovski J.* 2012: Interpreting Motion: Grounded Representations for Spatial Language. New York.
- Melzack R., Wall P.D.* 1996: The challenge of pain. New York.
- Narayanan* 1997: Embodiment in language understanding: Sensory-motor representations for metaphoric reasoning about event descriptions. Berkeley.
- Sheets-Johnstone M.* 1999: The Primacy of Movement. Amsterdam.
- Sheets-Johnstone M.* 2013: Bodily resonance // In Moving Imagination. Amsterdam. Philadelphia, 19–36.
- Twigg J.* 2006: The Body in health and social care. New York.
- Van Dantzig S.* 2009: Mind the Body. Grounding Conceptual Knowledge in Perception and Action. Rotterdam.

METHODOLOGY OF LINGUISTIC STUDY OF INTEROCEPTION

A. V. Nagornaya

The paper defines methodological approaches to the study of interoceptive (inner-body) sensations within the framework of cognitive linguistics paradigm. Describing the phenomenological specificity of interoception, the author outlines the main requirements for the choice of research methodology and proves the effectiveness of the Embodied Cognition Theory. The paper further sets out the main postulates of the theory and demonstrates their relevance for the study of interoceptive vocabulary.

Key words: interoception, cognitive linguistics, embodied cognition theory, cognitive modeling, verbal representation

---

© 2014

Н. Ч. Серээдар

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы выражения и значения прямого объекта в модели в тувинском языке. Автор показывает обозначение прямого объекта разными падежами и выявляет свойства, отличающие их друг от друга.

Ключевые слова: модель, прямой объект, винительный падеж, неоформленный винительный падеж, исходный падеж, глаголы интеллектуальной деятельности

В статье анализируются элементарные простые предложения с глаголами интеллектуальной деятельности, описывающие пропозицию пребывания субъекта в определенной интеллектуальной сфере.

Элементарными простыми предложениями (ЭПП) называются такие предложения, ни один из компонентов которых не может быть развернут в самостоятельную предикативную единицу¹. Основной синтаксической единицей мы, вслед за М. И. Черемисиной, считаем элементарное простое предложение, в котором представлены все необходимые и достаточные компоненты.

М. И. Черемисина исследует простое предложение как синтаксическую единицу языка. При описании ЭПП мы используем модельный подход. Вслед за М. И. Черемисиной мы понимаем модель ЭПП как двустороннюю сущность, планом выражения которой является структурная схема, а планом содержания – пропозиция. План выражения – структурная схема изучаемых нами предложений $\{N_{Nom} N_{acc} V_f\}$ – содержит предикат, прямой объект-актант и субъект.

В модели $[N_{Nom} N_{acc} V_f]$ в качестве N_{Nom} выступают имена существительные в именительном падеже. Прямой объект выражен именами существительными, местоимениями в винительном (N_{acc}), неопределенном (N) и исходном падежах (N_{abl}). В качестве предикатов выступают глаголы интеллектуальной деятельности. Предложение, в котором подлежащее выражается именем в неопределенном (именительном) падеже, дополнение выражается именами существительными, местоимениями в винительном (N_{acc}), неопределенном (N) и исходном падежах (N_{abl}). сказуемое – глаголом в финитной (спрягаемой) форме, является наиболее типичным, употребительным предложением в тувинском языке. Его главные и второстепенные члены соответственно обозначают субъекта в определенной интеллектуальной сфере. Подлежащим в нем может быть любое имя (существительное, местоимение и т.д.), дополнением — любое имя существительное и местоимение, сказуемым — глагол любого времени и наклонения.

Структурно-семантические модели простого предложения в современном караево-балкарском языке исследованы И. Х. Ахматовым². На материале уйгурского языка структурно-семантические модели простого предложения изучены

Серээдар Надежда Чылбаковна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором языка Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: sereedar.62@mail.ru

¹ Черемисина 1998, 37.

² Ахматов 1983.

С. Н. Абдуллаевым³. Н. Р. Байжанова описывала элементарные простые предложения алтайского языка, строящиеся по структурной схеме $N_1 V_f$ ⁴.

В элементарных простых предложениях в роли сказуемых с семантикой интеллектуальной деятельности выступают глаголы знания, узнавания, понимания.

В древнетюркском языке к глаголам интеллектуальной деятельности относились следующие глаголы: *san-* ‘думать, раздумывать, обдумывать’, *san-saqin-* ‘обдумывать, размышлять, продумывать’; *sana-* ‘считать’; *saqin-* ‘думать, размышлять, представлять’, *saqin-serin-* ‘обдумывать’, *saqinc saqin-* ‘задумывать, помышлять’⁵.

В алтайском языке ведущее место среди глаголов с семантикой интеллектуальной деятельности занимает глагол *санан-* ‘думать, считать, полагать’. Также существуют глаголы *бил-* ‘знать’, *бодо-* ‘представлять, полагать’, *бут-* ‘верить’⁶. Семантическую структуру алтайского глагола *бил-* ‘знать’ системно рассматривала Б. Б. Саналова⁷.

В шорском языке к глаголам интеллектуальной деятельности относятся следующие глаголы: *сана-* ‘думать, вспоминать, тосковать’, *пил-* ‘знать, предчувствовать’, *кыыр-* ‘читать’, *пас-* ‘писать, описывать’, *урген-* ‘учиться’, *мекеле-* ‘обмануть’, *ундут-* ‘забыть’⁸.

В якутском языке глагол *санаа* передает следующие значения: ‘мыслить, мнить, думать, размышлять, рассуждать, умствовать, заключать, полагать, предпологать, помышлять; надеяться, намереваться, хотеть, размышлять; вздумать, дерзать, обдумывать, размышлять о чем, понимать, думать о чем или о ком, помнить что, вспоминать что, кого или о чем; читать что за (кэриэтэ) что, почитать что чем (инстр.)’⁹.

Профессор Н. К. Дмитриев к глаголам мышления в татарском языке относит следующие глаголы: *уйлау* ‘думать, размышлять, воображать, раздумывать, соображать’, *фикер йөртү* ‘размышлять’, *аңлау* ‘понимать’, *төшенү* ‘понимать’, ‘воспринимать’, *белү* ‘узнать, знать, иметь теоретическое знание о предмете’, *сизү* ‘чувствовать, ощущать, осязать, думать, полагаться, догадаться, чують, сознавать свою вину’, *тану* ‘ознакомиться, быть знакомым, признать во время встречи’, *тикшерү* ‘анализировать’, *тезү* ‘синтезировать’¹⁰.

В тувинском языке эта группа глаголов лексически богата. К глаголам, которые обозначают интеллектуальную деятельность, относятся следующие: *бил-* ‘1. знать; 2. уметь; 3. понимать’; *бода-* ‘1. думать, раздумывать, мыслить; предпологать; 2. решать; 3. учитывать’; *сагын-* ‘1. вспоминать; 2. запоминать, припоминать’; *шиңгээт-* ‘1. усваивать; 2. осваивать, овладевать’; *угаа-* ‘соображать, представлять’; *дыңна-* ‘слушать’; *айыт-* ‘1. указывать, показывать; 2. наставлять, объяснять, разъяснять; 3. обучать, учить’; *тайылбырла-* ‘1. объяснять, разъяснять, пояснять; 2. толковать; комментировать’; *шинчиле-* ‘исследовать, изучать’; *чер-*

³ Абдуллаев 1992.

⁴ Байжанова 2004.

⁵ Наделяев, Насилов 1969, 483, 486.

⁶ Тыбыкова 1991, 138.

⁷ Саналова 2002, 21.

⁸ Телякова 1994.

⁹ Черосов 1972.

¹⁰ Дмитриев 1962, 580.

зиле- ‘изучать’; *сурга-* ‘1. наставлять, поучать, давать советы; 2. инспектировать; 3. агитировать’; *бижи-* ‘писать’; *өөрен-* ‘1. учиться; изучать; 2. усваивать, овладевать; 3. разучивать; 4. заниматься’; *номчу-* ‘читать’; *деңне-* ‘1. равнять, уравнивать; уравнивать; 2. сравнивать, сопоставлять’; *төөрет-* ‘дурманить, дурачить, вводить в заблуждение’; *энде-* ‘обозначаться, ошибаться’; *ут-* ‘забыть’; *адын каг-* ‘а) забывать; б) ронять, терять дорогой’; *таны-* ‘узнать’; *ожаа-* ‘замечать; отмечать, принимать во внимание’; *ожаава-* ‘игнорировать, не замечать’; *ончала-* ‘проверять наличие (обычно домашних животных)’; *ылавыла-* ‘уточнять’; *дөзээле-* ‘иметь смутное представление’; *сайгар-* ‘1) разбирать, анализировать; 2) приводить в порядок, переставлять, расставлять; 3) сбывать, реализовать (товар)’; *салча-* ‘путать, смешивать’; *сетки-* ‘1) мыслить, размышлять; 2) симпатизировать, относиться благожелательно (доброжелательно (к кому-л.))’; *сомала-* ‘делать приблизительно (в общих чертах, упрощенно)’; ‘делать наметки’; *сура-* ‘1) искать, расспрашивать; 2) *перен.* обзывать, оскорблять’; *сурагла-* ‘искать, расспрашивать; наводить справки’; ср. *сураар*; *сурга-* ‘1) наставлять, поучать, давать советы; инструктировать; 2) инспектировать; 3) агитировать; склонять к чему-л.’; *угаазыла-* ‘понимать, осмысливать, осознавать; соображать’; *угаа-* ‘соображать; представлять’; *угут-* уст. ‘проповедовать; агитировать, пропагандировать’; ср. *суртаалда-*; *унеле-* ‘1) оценивать; квалифицировать; 2) *перен.* дорожить, высоко ценить; беречь’. Среди них основные – глаголы *бода-* ‘1. думать, раздумывать, мыслить; предполагать; 2. решать; 3. учитывать’; *бил-* ‘1. знать; 2. уметь; 3. понимать’. Глагол *бода-* заимствован из монгольского языка.

Глаголы этой группы показывают результат умственной деятельности. В большинстве случаев они управляют винительным падежом, редких случаях — неопределенным и исходным падежами. Чижээ: *Бо хемнеп ажар орук-ту эки билир сен бе?* (САС, АТ, 140) — Ты хорошо знаешь дорогу, которую ездят через речку?

В тувинском языке винительный, неоформленный винительный и исходный падежи обозначают прямой объект. Но каждый падеж имеет свои особенности употребления. Так, существительное в винительном падеже занимает свободную позицию: в предложении оно может стоять непосредственно перед сказуемым, может находиться далеко от управляющего им глагола (от сказуемого): *Шынында, Эрес ол билет дугайы-н барык-ла уттупкан чораан* — На самом деле Эрес забыл про тот билет; *Демги Чоодурнуң дииспейи уруувус Хорлуужук-ту таныыр чүве* — Кошка того Чоодура знает нашу дочку Хорлуужук (букв.: Того Чоодура кошка-его нашу дочку Хорлуужук знает, это точно); *Ол шыкта оьттан чоруур инектер-ни мен баштай танываан мен* — Я вначале не узнал коров, которые паслись в том лугу.

Существительное в неоформленном винительном падеже обычно стоит перед сказуемым: *Чүнү канчап чоруур ийик? Дескен орустар чуртундан, аанакайын, чимзенип, үп бодап чорлар ыйнаан* — Что они тут могут делать? В местах, покинутых русскими, шаряются, ищут, что осталось, думают о барахле; *Эртенги шай соонда башкылар база аңаа кээп, моол бижик айтыгылаар* — После утреннего чая учителя приходят туда и учат монгольскому письму. Очень редко между ним и сказуемым появляются другие слова.

Существительное в исходном падеже, выражающее прямой объект, занимает позицию только перед сказуемым: *Көрдүң бе, Силиг-оглум, чок дээн очерк-тен*

бижип эккел — Ну смотри, (друг) мой Силиг-оол (Силиг-оол мой), напиши и принеси хороший очерк.

Оформленный винительный падеж

Имя существительное в оформленном винительном падеже обозначает **определённый объект**. **Аффиксом оформленного винительного падежа** всегда оформляются: 1) имена существительные с **аффиксом принадлежности 3-го лица в значении ‘их, свой’**; 2) личные, вопросительные, указательные, определительные местоимения: **мен** ‘я’, **сен** ‘ты’, **ол** ‘он’, ‘она’; **бис** ‘мы’, **силер** ‘вы’, **олар** ‘они’; **кым?** кто?, **чүү?** что?; **ол** ‘тот’, **бо** ‘этот’, **шак бо** ‘вот этот’; **чамдык** ‘весь’, **шупту** ‘весь, все’, **дөгере** ‘все, весь’, **хамык** ‘весь’; 3) собственные имена; 4) **шак бо** ‘вот этот’, **шак ындыг** ‘вот такой’, **бүгү** ‘весь’, **хамык** ‘весь’ в винительном падеже также выступают в качестве прямого объекта: Из этой группы сочетания существительных с уточняющими словами типа *ол* ‘тот’, *бо* ‘этот’, *демги* ‘тот’, *доо* ‘тот основной’.

Неоформленный винительный падеж

Авторы «Грамматики тувинского языка» писали: «Существительное в винительном падеже не имеет падежного аффикса лишь в том случае, когда стоит рядом с управляющим глаголом, но стоит вставить между ними хотя бы одно слово, как у существительного обязательно появится аффикс винительного падежа»¹¹. Но материал показывает, что неоформленный винительный падеж имени **может дистанцироваться**, хотя и редко. Перед глаголом появляются наречия (*халаска* ‘даром’, *кончуг* ‘очень’ и др.), частица (*черле* ‘вообще’), союз (*база* ‘тоже’).

Проанализированный нами материал показывает, что имя существительное в неоформленном винительном падеже в тувинском языке часто представляет **неопределённый объект**, группу или единичный предмет данного рода, никак не индивидуализированный, не несущий на себе специального показателя. Существительные в оформленном и в неоформленном винительном падежах могут появляться при всех временах глагола. Они взаимозаменяемы в следующих случаях:

когда существительные в этих падежах стоят непосредственно перед предикатом;

когда существительные употребляются с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица;

когда употребляются словосочетания, основанные на 2-м изафете.

Слова с аффиксом принадлежности **3-го лица никогда не употребляются в неоформленном винительном падеже**.

В большинстве примеров при прошедшем времени глагола 3-го, 1-го лица употребляется существительное в неоформленном винительном падеже, которое обозначает неопределённое лицо или неопределённый предмет.

Исходный падеж

Имена существительные в исходном падеже занимают позицию **только перед глаголом**.

¹¹ Исхаков, Пальмбах 1961, 132.

Существительное в исходном падеже в роли прямого объекта стоит непосредственно перед глаголом и при этом выражает либо **неопределенный объект, либо часть целого**. Выбор этого падежа определяется наклонением и временем глагола. Он употребляется, если глагол стоит **в повелительном, условном, согласительном сослагательном наклонениях или в будущем времени изъявительного наклонения**. Во всех этих случаях есть точка соприкосновения с планом будущего.

С исходным падежом в рассматриваемом значении больше всего примеров встречается **в повелительном наклонении**.

Вспомогательный глагол **көр-** с деепричастием на **-п** в повелительном наклонении при сочетании с исходным падежом обозначает:

- 1) **вежливую просьбу;**
- 2) **желание.**

В предложениях со значением неопределенного объекта в исходном падеже встречаем имена существительные, обозначающие исчисляемый предмет. Это может быть лицо, названия животных, птиц, вещей. Это могут быть также имена существительные, обозначающие предмет.

В форме исходного падежа редко встречаются обозначения людей по признакам профессии, рода занятий, пола и возраста, а не употребляются в исходном падеже личные местоимения, личные имена, термины родства.

В большинстве случаев в вышерассмотренных предложениях перед исходным падежом присутствует конкретизатор **бир** 'один, некий'. Имя существительное в форме исходного падежа называет объект, составляющий **неопределенную часть от целого**.

Таким образом, в тувинском языке в элементарных простых предложениях в модели с глаголами интеллектуального действия в качестве прямого объекта употребляются имена существительные в оформленном и неоформленном винительном и исходном падежах. Значение определенности выражается оформленностью винительного падежа. В значении неопределенности используются неоформленный винительный и исходный падежи. В отличие от оформленного винительного падежа и неоформленного винительного, исходный падеж занимает позицию перед глаголом.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев С. Н.* 1992: Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке. Каракол
- Ахматов И. Х.* 1983: Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик.
- Байжанова Н. Р.* 2004: Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Структурная схема N1 Vf в алтайском языке. Новосибирск.
- Дмитриев Н. К.* 1962: Строй тюркских языков. М., 577–581.
- Наделяев В. М., Насилов Д. М. и др.* (ред.) 1969: Древнетюркский словарь. Л.
- Саналова Б. Б.* 2002: Семантическая структура алтайского глагола *бил*= знать // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12, 19–24.
- Телякова В. М.* 1994: Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск.

Тыбыкова А. Т. 1991: Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск.

Черемисина М. И. 1998: Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4, 35–60.

Черосов М. А. 1972: Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке. Якутск.

ELEMENTARY SIMPLE SENTENCES WITH VERBS DENOTING MENTAL ACTIVITY IN THE TUVA LANGUAGE

N. Ch. Sereedar

The author considers the means of expression and meaning of a direct object in the model in Tuvan. The ways of expression of a direct object by different cases are given.

Key words: the model, a direct object, an Accusative case, an Accusative (unformed) case, an Ablative case, the verbs of an action

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2014

А. К. Идиатуллов

«ИСЛАМИЗИРОВАННОЕ» ШАМАНСТВО КАРАЧАЕВЦЕВ (АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ КАРАЧАЕВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

В статье представлены разнообразные формы шаманских ритуалов карачаевцев, выявлены основные магические понятия. Автор приходит к выводу, что шаманство карачаевцев опосредовано в основном мусульманскими представлениями и атрибутами, в ходе магических обрядов нередко читается мусульманская молитва, магические действия могут восприниматься как исламские.

Ключевые слова: мусульманские представления, шаманские представления, обряд, карачаевцы

Территория России включает в себя несколько историко-культурных регионов, в которых процесс адаптации ислама к местным условиям у народов, принявших мусульманство, происходил не одновременно и под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Сближение и сращивание «нормативного» ислама с духовным субстратом самобытных культур местных народов и этнических групп привели к появлению специфических черт его функционирования и формированию региональных форм бытования. Предметом исследования данной статьи как раз является одна из таких форм — «исламизированное» шаманство карачаевцев.

Карачаевцы — один из самых многочисленных тюркских народов России, традиционно исповедующих ислам, после татар, башкир, казахов, азербайджанцев, кумыков и узбеков. На протяжении XX в. в духовной жизни этого этноса происходили глобальные изменения как в результате естественно-исторических процессов, связанных с переменами в этноконфессиональной идентичности, так и под воздействием идеологического пресса, когда всякие проявления религиозности сурово пресекались на разных уровнях организации общества (школа, государственный аппарат). Все это порождает потребность в обращении к историческому опыту взаимодействия ислама с язычеством, что особенно важно в плане осмысления современных реалий и факторов, определяющих перспективы развития духовной культуры мусульманских народов России. Изучение данной проблемы,

---

Идиатуллов Азат Корбангалиевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры географии Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

являющейся частью более глобальной темы религиозного синкретизма, способствует также выяснению особенностей взаимовлияния народного и мусульманского мировоззрения в контексте тюркской культуры. В основу данной статьи легли полевые материалы автора, собранные в 2013 г. в Карачаевске.

Теоретический подход, на который мы опираемся в статье, исходит из сложного единства традиционной тюркской и мусульманской культур, а также стремится изучить весь возможный спектр факторов, благодаря которому такое единство возможно. Весьма часто конгломерат тюркского и мусульманского именуется «народным исламом», под которым понимают комплекс представлений, обрядов и культов, нередко разнородных. В этой связи наш подход вполне можно назвать системным, а также структурно-функциональным, так как одной из своих задач он ставит объяснение значений и смыслов каждого элемента системы религиозного мировоззрения.

Наибольшего успеха этот подход достиг при исследовании представлений и обрядов тюрков-мусульман Казахстана и Средней Азии. Его применение во многом стало возможным благодаря наличию в вышеназванных регионах сложного синкретичного исламского «культа святых», который сам требовал системного рассмотрения. Помимо «культа святых» и покровителей к самым распространенным формам «народного ислама» как в Туркестане, так и на Кавказе и в Поволжье следует также отнести своеобразное соотношение ислама с домусульманскими реликтами — «исламизированное» шаманство¹.

Что касается наиболее общих мотивов домусульманского мировоззрения карачаевцев, то здесь, по всей видимости, надо отметить дуализм духов, «борьбу доброго и злого начала, света с тьмою, наземных богатырей с подземными, Нартов с Емегенами»². Согласно балкаро-карачаевским сказаниям, сотворение мира Нартов связано с деятельностью богов — Тейри Земли, Тейри Солнца и Тейри Неба, которые принимают самое активное участие в судьбе нартских героев³. Сердце и кровь Дебета из огня, он понимает язык огня, камней, зверей и птиц, прекрасная Сатанай — чародейка и провидица; Карашауаю подвластна стихия холода, он и его богатырский конь Гемуда могут менять облик⁴. Враждебные существа нартов — эмигены, алмосту, агач киши, сарауеками, желмауузами.

Языческие представления карачаевцев упоминаются и позднее в XIX в., несмотря на то что к тому времени ислам окончательно утвердился в качестве официальной религии. Например, в сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа говорится о том, что в Хурзуке на кладбище среди сплошной группы древних каменных курганов стоит единственное чрезвычайно старое дерево — сосна, считающееся священным, а потому никто не осмелится к нему прикоснуться или сломать ветвь — иначе ослепнет. «По рассказам, дерево это в темные ночи бывает озарено каким-то таинственным светом, а иглы его бросают от себя яркие красноватые искры. Явление это, говорят, предвещает хорошую погоду и внушает суеверный страх не только в сердца баб, но и мужественных джигитов. Карачаевцы думают, что в курганах погребены какие-то необыкновенные

¹ Чвырь 2006, 6.

² Дьячкова-Тарасова 1900, 107.

³ Миллионщикова 1996, 94.

⁴ Миллионщикова 1996, 95.

люди, богатыри древности, воевавшие чуть ли не с силами небесными. Камни, по мнению суеверных старух, натасканы на могилы этих людей не людьми, а шайтанами, дьяволами, энегенами, которые и по днесь охраняют эти бесчисленные могилы. Когда в Карачае долго нет дождя, местные суеверы тайно отправляются на древние могилы и разворачивают камни, бросая их в стороны от кургана: эмегевы сердятся и посылают в Карачай грозу и дождь. Когда же дождь становится уже излишним и вредным, то тоже суеверы снова идут на могилы и собирают разбросанные ими камни, укладывая их на прежнее место: дождь прекращается».⁵

Подобная сохранность языческих пережитков у карачаевцев объяснялась рядом исследователей тем, что мусульманское духовенство оказалось достаточно гибким: «освятило» и использовало многие обычаи и обряды, сложившиеся в до-мусульманский период⁶.

На современном этапе у изучаемого этноса самыми распространенными до-мусульманскими (шаманскими) понятиями являются «хынэ» (порча-приворот), «кюз тиген» (сглаз), «китап ашхан» (гадание по книге или открытие книги судьбы), «таш салган» (гадание по камням). Что касается служителей культа, то наибольшее распространение в современном Карачае имеет «бельгеч» (провидец), владеющий даром предвидения безо всяких атрибутов (книг, камней и проч.). В качестве возможного объяснения одаренности «бельгеча», весьма показательным следующее мнение мужчины (42 года): «У таких людей есть на услужении джинны, которые могут перемещаться в пространстве по велению хозяина. Есть люди, к которым обращались во время Великой Отечественной войны, чтобы узнать судьбу родственника. Как говорят, предвидение бельгеча всегда сбывалось»⁷. Иными словами, не сам бельгеч имеет возможность узнавать судьбу, предсказывать и предугадывать события, но для этого он заключает некий договор с джиннами.

В магическую силу белгечей верят даже весьма религиозные по исламским канонам люди. В частности, карачаевка (80 лет), зная о мусульманском запрете гаданий, все же призналась в своей вере в них: «Фатима — дочь пророка, гадала. Муж уходит на войну — она гадает. Благодаря гаданию она знала, что он придет, и потому заранее готовила горячую пищу. «Как же она успевает вовремя тепленькое, хорошее приготовить», — заподозрил ее муж. Однажды он подкараулил ее и увидел, как она занимается гаданием, и не вошел к ней в дом. С тех пор нельзя верить в гадания. А я верю, многие точно говорят. У меня случай был. Моя родственница не хотела выходить замуж, но ее насильно отправили с женихом в Москву. Немного времени спустя она прогнала жениха. Давай пойдем к Мухаммаду, пусть откроет «китап», решили родственники. Клянусь, с этих пор я боюсь Мухаммада. Он ее не видел, он ее не знает. Когда стал он рассказывать о родственнице, то стал сравнивать лицо ее с лошастью, и точно: у нее лицо продолговатое, волосы светлые. При этом лицо у него [Мухаммада] такое бордовое стало, сразу я поняла, что-то будет. Когда уходили, хотели дать деньги, не берет. «В Коране не написано, чтобы брать за это деньги», — он говорит. Ему верю, к другим не хожу»⁸.

⁵ Тепцов 1892, 107–108.

⁶ Шаманов 1977, 272.

⁷ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, мужчина (42 года).

⁸ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (80 лет).

В интервью одной из женщин присутствуют явные противоречия о значении белгече в духовной жизни карачаевского народа. С одной стороны, она отмечает, что при обращении к провидцам карачаевцы говорят: «Мин белгичке бардэм (Я ходил к провидцу)». С другой стороны, ей же подчеркивается, что ходят к «белгече» тайно, не афишируя. То же противоречие наблюдается и в семье женщины. С ее слов, семья не пользуется услугами провидцев. При этом перед свадьбой сестры родственники жениха «ходили к прорицателю, и он сказал, что сестра станет членом семьи и у нее будет два сына»⁹.

Такое противоречие, по всей видимости, свидетельствует о неоднозначном отношении части карачаевцев к вышеназванной разновидности служителей культа, что можно объяснить влиянием ислама, в котором обращение к колдунам, магам, провидцам, мягко говоря, не приветствуется.

Присутствует также некоторая неопределенность в ответах, касающихся выполняемых функций карачаевских магов. Признается, например, существование универсалов, которые выполняют самые разнообразные магические практики (гадание, предвидение и лечение), но есть при этом и специализирующиеся служители культа. Многообразие представителей «исламизированного» шаманства отмечается еще одной карачаевкой (33 года): «Маги есть, в каждом районе — личность, за которой признаются магические способности. С помощью ритуалов могут воздействовать на судьбу, на удачу. Есть люди со способностями ясновидения. Есть те, которых считают шаманами. Есть те, которые гадают на кофейной гуще. Есть те, которые, исповедуя ислам, на основе Корана и Сунны излечивают людей»¹⁰.

Гадание на картах, на камнях и по книге столь распространено в Карачае, что о нем слышаны даже те представители карачаевского народа, которые в магию не верят: «Не очень верю в магию. Вернее, даже совру, возил сестру к гадалке и ради интереса зашел сам с другом, впечатление было, что это полная профанация. Гадала карачаевка. Использовала карты. При этом все сопровождалось отчасти исламской риторикой, отчасти карачаевской»¹¹.

У одной из женщин, которая сама владеет навыком гадания по камням, мы узнали, что в ее семье многие женщины владели этим даром: «Я на камушках гадаю, научилась от бабушки папиной, она очень хорошо гадала. Мама хорошо гадала, свекруха хороша гадала. Косточки от вишни, фасоль для этого можно использовать». Однажды она помогла таким образом найти своей родственнице колечко. «Сидишь на нем,» — сказала она ей. И точно, родственница нашла колечко на диване¹².

Весьма распространены в Карачае представления о порче и сглазе: «Отец дружил с другой женщиной, и якобы она навела порчу. У нас называется порча «хынэ». Также есть сглаз — «кюз тиген» — страшнее, чем порча. «Кюз тиген» связано с тем, что есть люди с плохой аурой, которые как вампиры воздействуют на человека. И на меня воздействуют. Одна женщина посоветовала, чтобы не приносили вреда такие люди, положить в стол осиновую палочку, желательно носить темные очки от солнца. У меня такой защиты нет в организме»¹³.

⁹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (49 лет).

¹⁰ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (33 года).

¹¹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, мужчина (37 лет).

¹² ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (80 лет).

¹³ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (53 года).

Карачаевский термин, обозначающий порчу, «хынэ», весьма созвучен с понятием сглаза «кинна» у узбеков Хорезма, что свидетельствует о довольно древнем происхождении этого понятия: «Вера в губительное действие сглаза кинна занимает в хорезмских верованиях очень важное место <...> иногда даже в той среде, которая к религии относится весьма равнодушно...»¹⁴.

По всей видимости, в Карачае есть специальные люди, которые занимаются наведением порчи: «У нас были люди, которые занимались порчей, их убили. Это было пять лет назад. Одного убили в Шахтинске. Две женщины в Осетиновке, Кумыше. Из тех же, кто излечивают, — больше мошенников. Привязывают к себе, ходишь»¹⁵.

Для порчи — «хынэ», — по мнению части интервьюируемых, используются у карачаевцев волосы: «Если нашли волосы, значит, навели порчу. Лечат порчу, читая Коран. Маги популярны, пара карачаевцев в больших городах успешные. Здесь если ходят, то к старушкам (универсальным магам). В основном говорят «таш салдрып килем» (погадаю на камнях)»¹⁶.

Признак порчи — появление во время обряда очищения зевания и обильного слезоотделения. Говорят, от степени порчи («хынэ») зависит состояние больного: «Если у него «зарары бар» (есть порча), то будет отрыжка, начинается рвота, тяжесть. Я видела, как слезы появляются, зевает такой человек»¹⁷. Зевание возникает, судя по рассказам карачаевцев, не только во время обряда очищения, но и зачастую символизирует общий контакт со сверхъестественными силами и способностями служителя культа: «Приехали к знахарке Соне, которая по национальности черкешенка. Давайте все смеяться. Зашли во двор, я начала зевать сильно, мои подружки смеются. Знахарка нас не видит. Тут вышла женщина и говорит: «Соня просила передать: те, кто пришли с ограблением, можете быть свободны, я им ничего не скажу». Мы замерли. Выяснилось, что она знает вора, но в страхе за свою семью, она поклялась на Коране не выдавать грабителя. Был такой опыт. Она нас вычислила»¹⁸.

Нередко понятием «хынэ» обозначают и любовную (приворотную) магию: 1) «В Кумыше был колдун альбинос, влюбился в девушку, сделал приворот, но приворот съела корова и стала за ним бегать»; 2) «Я сама лично видела. Мужчина связался с одной татаркой. Говорят, она приворотила — «хынэ». У них дети»; 3) «Сколько таких случаев, когда время приворота заканчивается — люди расходятся»¹⁹.

Порчу и сглаз лечат в основном с помощью чтения сур из Корана: «Я неверующая, в больнице лежала, болеешь. Сил никаких. Вылечили Кораном. Читают по очереди два человека, три раза, перекрестно»²⁰. Распространен также обряд «тюкергенски», аналог татарского «эшкрю», когда произнесенная мусульманская молитва сопровождается ритуальным оплевыванием-очищением. В качестве мусульманского обряда-очищения от порчи и болезней, как возможной альтернати-

¹⁴ Снесарев 1969, 35.

¹⁵ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (53 года).

¹⁶ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (49 лет).

¹⁷ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

¹⁸ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

¹⁹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

²⁰ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

вы молитве, в Карачае также распространено использование воды, над которой читали аяты²¹. Последний способ также является самым массовым среди татар Среднего Поволжья²². В интервью упоминалось также лечение с помощью текстов Корана, написанных с помощью «зикерле»²³. Часто такой способ в лечебных целях применяется у узбеков Хорезма²⁴ и у татар-мишарей Ульяновской области²⁵.

Однако в качестве защиты от порчи и сглаза используют также далеко не мусульманские средства, такие как красную ткань и кровь барашка: «От сглаза читать молитву надо. Глазливые люди есть. Легче всех поддаются сглазу дети. У меня была сестра, которая в девятимесячном возрасте от сглаза умерла. Водили ее фотографироваться, русский мужчина удивленно сказал: «Что за ребенок». Она зачала. Врач сказал — «орус кюзь тигян» (русский сглазил), так как христианский сглаз — самый страшный сглаз. Чтобы защититься от сглаза, нужно красное одевать. Должно быть что-то красное в одежде: тряпочка, соска. Лоб детей можно смазать черной золой или кровью барашка»²⁶.

Отмечены случаи, когда для излечения детей обращаются к православным бабкам: «Найдите и приведите [знахаря]. Младенческие болезни мы, мусульмане, несем к бабке-христианке. Моя мама лечила людей. Знахарки своих родственников излечивать не могут (дочь, сына). Передать родственникам не может. Эстафеты нет. В семье кто-то Богом одаренный бывает, а так не все. В обществе есть признанные знахари»²⁷.

Для защиты от сглаза карачаевцы нередко используют боярышник — «джабышмак». Вот один из рассказов о волшебной силе боярышника: «Когда советскую власть устанавливали, шли из Учкулана трое мужчин. Видят, пашут быки, да так красиво, как тарпаны. Один из мужчин говорит: «Хотите, остановлю быков». «Давай», — отвечают. Один бык свалился, другой нет. «Не могу его свалить», — отвечает мужчина. «Ты голову морочишь нам», — отвечают ему друзья. — «Если от боярышника есть хотя бы кусочек на теле у быка, не свалить его»²⁸.

Еще один отчасти магический интересный пласт в духовной жизни карачаевского народа — всевозможные сновидческие практики. Надо сказать, что за время пребывания в Карачае мы получили представление о трех типах сновидческих интерпретаций. Первый тип связан с осознанием снов как помощи или новостей от близких, уже умерших, родственников.

Женщина: «Когда у меня умерла мама, отцу приснился сон, в результате которого мы даже картину нарисовали, во сне как будто мама показывала, где она находится. Он у меня вообще сны не видит, не запоминает их. Он запомнил сон настолько ярко, что человек, умеющий нарисовать, восстановил. Это тот самый рай. Лужайка, цветы, водоем. В тот момент мы подумали, что это такое послание нам, как будто рай есть. Насколько это правда, я не могу сказать. Я хочу верить,

²¹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

²² Идиатуллов 2013, 34.

²³ Шафрана.

²⁴ Снесарев 1969, 37.

²⁵ Идиатуллов 2010, 83–84.

²⁶ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

²⁷ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

²⁸ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (80 лет).

что моя мама в раю. А так я не знаю. Не могу сказать, насколько вера в сны — карачаевская традиция»²⁹.

Женщина (53 года): «Во сне иногда часто снится: душа мамы приходит, душа брата приходит. Я его не вижу во сне. Он говорит: «Я как бы умер, но я живой. Не думай, что мы тебя не видим». Когда защищала кандидатскую, приходила ко мне душа брата. После смерти душа уходит в другой мир. В трудные минуты приходит, как бы подсказывает, что мне здесь выход будет, надо быть осторожной. Значит, что-то есть. А взять и отрицать тоже не могу»³⁰.

Мужчина (37 лет): «После смерти человека душа никуда она не девается, просто остается в каком-то пространстве, особо влиять не может на людей, но, скажем так, все-таки в исключительных случаях какую-то подсказку дает или может дать. В виде помощи. Бывает, часто люди в возрасте удивительным образом видят либо во сне или им что-то представляется, к этому можно относиться по-разному, даже с материалистической точки зрения подойти, но в итоге какие-то параллели, не из области мистики, но что-то такое происходит. Подсказки, помощь»³¹.

Второй тип интерпретаций — гадание по снам: «Верю в сны. Я уже разбираюсь в этом. Вижу во сне покойника — обязательно заберет кого-то. Если плачет покойник — радость принесет такой сон. Без гармошки танцую, пою — к смерти дальних родственников; если вижу гармошку, под которую танцую, — к смерти близких. Когда копаешь землю — нехорошо. Если проросшие семена видишь — к прибыли. Когда покойник приходит — что-то даешь — значит, кого-то провожаешь. Если обнимает покойник — что-то хорошее. 80 лет на свете живешь, начнешь разбираться»³².

Мужчина (42 года): «По снам гадают, говорят. Меньше связывают сны с исламом. Старые женщины обычно видят во сне покойников, кровь и т.п. На бытовом уровне верят в сны. Четкого института нет»³³.

Наконец, третий тип интерпретаций связан с представлениями о рае, ангелах, о соответствии жизни человека основам ислама: «Я снам верю. В 1956 г. в Казахстане³⁴ говорили, что «ахыр-заман» (конец света) придет ливнем. Бабушки каждый день Коран читали. И вот ветер, рев — решили, идет конец света. Прибежали мы к бабушкам и говорим: «Ахыр-заман начинается!». Они нам говорят: «Идите, читайте то, что знаете». Читали, читали все молитвы. Ночью мне снится сон. Комнатка, а в комнате такой сильный шум, я такого шума никогда не слышала, из-под земли. Так испугалась, только бы не трогали мою голову. Я встаю, вижу — там сидит кто-то, не могу запомнить лица, оттуда светит как лампочка, вся в белое одетая женщина, как сейчас молодые одеваются, по-арабски. Я тогда не могла знать, как одеваются арабы. Поворачиваюсь в другую сторону, плетеные ворота, туда не доберусь. От Бога прошу, две подружки у меня тогда умерли, дай мне хоть немного жизни, сзади говорят: «Сейчас ты не умрешь. У тебя волосы открыты, твои мюлекле (ангелы), которые должны были судить тебя, ушли». Плетеная дорожка открылась, на левой стороне я вижу небо с землей вместе — такие

²⁹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск.

³⁰ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (53 года).

³¹ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, мужчина (37 лет).

³² ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (80 лет).

³³ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, мужчина (42 года).

³⁴ В 1943 г. карачаевцы были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию.

яркие цвета, цветы совершают единовременные поклоны, словно делают намаз, не в мою сторону. Я не дошла. Утром по Корану гадала мне женщина. Я ревела — шум не мог пройти. «Ты свой «ахират», рай видела, — мне говорит. — Теперь не грехи. Не открывай волосы». Сейчас людей, которые одеваются по-арабски, осуждают. Гнях (грех) на себя берут, ангелов видела таких»³⁵.

Итак, «исламизированное» шаманство карачаевцев опосредовано в основном мусульманскими представлениями (о рае и аде), атрибутами (Коран) и понятиями (джинны), в ходе шаманских обрядов нередко читается мусульманская молитва, магические действия могут восприниматься как исламские. При этом есть культы чисто языческие, откровенно противопоставляемые исламу (порча, сглаз), а также такие обряды, в которые вплетаются и элементы иных религиозных систем (обращение к православным бабкам, использование оккультного понятия ауры в качестве объяснения сглаза). В центре синкретичного комплекса шаманства и ислама стоят разнообразные служители культа (белгечи), которые, будучи зачастую мусульманами по убеждениям, представлениям и обрядности, владеют магическими и шаманскими приемами (гадание по книге, камням, по снам, предвидение) независимо от степени их сохранности.

Кроме того, этот комплекс обнаруживает явное сходство у разных представителей лингво-конфессиональной группы тюрков-мусульман. Например, у татар и у карачаевцев встречаются такие общие «исламизированные» шаманские практики и представления, как гадание по книге (китап ачтыру/китап ачхан), сглаз (кюз тигян), порча и приворот (быздру/зарар/хынэ/сюдрю), а также весьма близкие средства излечения от болезней, связанные с исламским культом (тюкергенски/эшкрю). Нередко сами карачаевцы не отделяют национальные карачаевские представления от татарских: «В доме пятиэтажном жило две семьи татар. Дружим до сих пор. Бабушка одного из моих друзей-соседей — татарка. И вот от нее запомнил такой обряд, возможно тюркского, татарского или карачаевского происхождения. С ее подачи мой друг выбрасывал на улицу нож. По ее представлениям, это должно способствовать тому, чтобы прекратился град. Слышал, в ауле Кумыш, когда не было дождя, купали ишака в реке, это должно способствовать тому, чтобы пошел дождь. В детстве поливали друг друга водой, считалось, что это способствует тому, чтобы выпал дождь»³⁶.

Таким образом, следует говорить о довольно мощной синкретичной, по большей части тюркской, традиции в среде карачаевцев, которая, будучи разрозненной из-за воздействия ислама, тем не менее противопоставляет официальной религии простоту своей формы, интеллектуальную доступность для массы населения (не требует глубокого знания исламских догм и ритуалов), отвечает сиюминутным запросам, обеспечивает в большей степени «видимое», эмоциональное, но весьма оперативное решение проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Дьячкова-Тарасова А. Н. 1900: В горах Большого и Малого Карачая // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 28, 1–136.

³⁵ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, женщина (80 лет).

³⁶ ПМА 2013, Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, мужчина (37 лет).

Идиатуллов А. К. 2010: Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). Ульяновск.

Идиатуллов А. К. 2013: Взаимодействие исламских и шаманских представлений в народной медицине татар Среднего Поволжья // Глобальный научный потенциал. 8, 34–36.

Миллионщикова Т. М. 1996: Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев // Социальные и Гуманитарные науки. М., 93–98.

Снесарев Г. П. 1969: Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.

Тепцов В. 1892: По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 14, 59–212.

Чвырь Л. А. 2006: Заметки о культурном единстве оседлых туркестанцев // Среднеазиатский этнографический сборник / С. Н. Абашин, В. И. Бушков (ред.). М., 6–8.

Шаманов И. И. 1977: Карачаевцы. Черкесск.

KARACHAI 'ISLAMIZED' SHAMANISM (INTERVIEW ANALYSIS OF KARACHAI INTELLIGENTSIA)

A. K. Idiatullov

The article covers different types of Karachai shamanism rituals and principal magic notions. The author concludes that Karachai shamanism is mainly determined by Moslem notions and features. Magic rites are often accompanied by Moslem prayers. Magic performance can be interpreted as Islamic.

Key words: Moslem notions, shamanism notions, rite, the Karachai

© 2014

В. В. Медведев

ЛАЧУГА У ЧУВАШЕЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье речь идет о постройке *лаç* «лачуга», распространенной у чувашей. Опираясь на архивные, опубликованные и полевые материалы, автор рассматривает трансформацию помещения во времени (молельная комната, архаичная форма жилища, летняя кухня, летний домик). Проанализированы строительные приемы, конструкция и представления о постройке. Полевой материал собран у чувашей Республики Башкортостан. Для наилучшей реконструкции проведены этнокультурные параллели.

Ключевые слова: чуваша, лачуга, хозяйственные постройки, строительные материалы, сакральные представления

Набор хозяйственных построек, формировавших двор чувашского крестьянина, был широко распространен среди народов Урало-Поволжья и не являлся

Медведев Владислав Валентинович — кандидат исторических наук, заведующий учебно-методическим кабинетом исторического факультета Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: vlad.etno@mail.ru

уникальным. Тюрки, финно-угры и русские, образовав чересполосные поселения, в процессе взаимопроникновения перенимали друг у друга те или иные элементы культуры. Весь этот симбиоз постепенно формировал пестрый, но единый этнокультурный облик региона. Традиции и инновации, приобретенные в ходе межэтнических контактов, проявлялись и в строительном деле, в том числе при возведении хозяйственных помещений. Чуваши строили клетки, амбары, бани, постройки для содержания скота (хлев, конюшню, сеновал), погребя, мякинницы и др. Наиболее архаичным строением была летняя лачуга *лаç*.

Рассматриваемая постройка общеизвестна как *лаç*, но существуют и другие термины, используемые в ее отношении: *лаçа*, *киремет лаçси*, *лаçй*, *павар* и др. Н. В. Никольский «лачугу» обозначал как *лаç*, «лачужку» – *пёчэк лаç*, *начар лаç* или *начар пурт*¹. В Башкортостане распространены названия *лаç*, *лачужкё*, *хура пурт*, *кухнё* и *избенкё*. Все они в современном понимании подразумевают «летнюю кухню». В сс. Исайкино и Васькино Оренбургской области строение называли *хура пурт*². Это же название бытует у чувашей Челябинской области, переселившихся с Оренбуржья³. В с. Горбуновском Свердловской области *лаç* подразумевает предбанник и летнее жилье, здесь используют термины *столовай* «столовая» и *суллахи* «летний»⁴.

Трансформацию *лаç* во времени выразим схемой: молельня → лачуга → летняя кухня → летний домик. Летние домики для проживания в теплое время года бытуют и в наши дни.

Лаç определяют как временную постройку производственного назначения, летнюю кухню и спальню⁵. Слово произошло от древнетюркского *алаçи* «шатер, палатка с двумя шестью». Аналоги также встречаются и в других тюркских языках. Например, у хакасов *алачых иб* «конусообразный шалаш», шорцев — *аланçуг* «юрта из жердей, покрытая корой и иногда войлоком, шалаш», турок — *аласик* «шатер, шалаш, сторожка», казахов — *лаşуг* «лачуга», каракалпаков — *улаşуг* «лачуга, шалаш, временная постройка из камыша» и т.д.⁶. В татарском языке *алачык* является производным от словосочетания *алы ачык* — «с открытым передком», поскольку постройка имела три стены. Наиболее близкими к чувашскому *лаç* считают диалектные произношения башкирского языка *лаш*, *ылаш* и *ылас* «навес для сушки курута, шалаш»⁷. Единое значение с *лаçй* имеет и алтайское *аланчйк* «шалаш»⁸.

Близкими по звучанию к *лаç* можно считать слова славянских языков: русского *лазня*, болгарского *лазья*, чешского *лазей*, польского *лазня* в значении «баня». Название использовали для обозначения деревянного сооружения, например, полка в бане⁹.

¹ Никольский 1909, 184.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 160–161, 164.

³ ПМА 2013, Челябинская обл., Сосновский р-н, п. Полетаево, с. Чипышево.

⁴ ПМА 2012, Свердловская обл., Талицкий р-н, с. Горбуновское.

⁵ Тенишев, Дыбо 2006, 461.

⁶ Тенишев, Дыбо 2006, 461–466.

⁷ Ахметьянов 1988, 128.

⁸ Каховский 1965, 208.

⁹ Фасмер 1986, 450.

Рис. 1. *Лаç* — летняя кухня (Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. № 1700–72

О расположении *лаç* на усадьбе говорится: «Среди самого двора ставят жилище их избы, которая никакой постройки не имеют как-то сеней или чуланов; но двери прямо открываются на двор; заживные (*зажиточные чувашки* — В.М.) между ими имеют при каждой зимней избе и летнюю, которая против зимней ставится»¹⁰. В летний период здесь разводили в очаге огонь и в котле готовили пищу¹¹. В ходе *синсе* «время покоя земли, запрета на сельскохозяйственные работы» в избах запрещалось топить печи и кухня переносилась в *лаç*, «варить же *яшку* они должны во все это время в особых лачугах и то вечером, а хлеба напекать заблаговременно перед началом *синзи*»¹².

В описи к фотографии (рис. 1) сказано, что постройка являлась летним жилищем, кроме того, «в недавнем прошлом служила для семейных молений». Одним из наиболее подробных описаний *лаç* является текст С. М. Михайлова. Исследователь пишет: «Летом чувашки живут не в избах, а в лачугах *лаçь*, в избах же пекут только хлебы *стюкур*; но, впрочем, и в лачугах у некоторых есть печи *кумагга*, и в таком случае печенье и жарение производится решительно уже в одних лачугах... Жизнь лачужная походит с некоторой стороны на кочевую. Там посредине очаг *воцах*, над коим устроен железный крюк... кругом лавки *сак* и есть стулья *поган* или чурбашки деревянные; к одному углу, ближе к двери, поставлен стол *стель*, а к задней стене устроена перегородка *чулан*... Лачуга устроена из бревен

¹⁰ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 60 об.

¹¹ Черемшанский 1859, 178.

¹² РНБ. Q.IV. 379. Л. 11.

без моха и без пола, а вместо того земля уколочена, как ток на гумнах; покрыта дранью или древесную корою *хон*, с отверстием для выхода дыма *тюдюм*; дверь обыкновенная и даже с деревянным замком *сюрасси*»¹³. Наряду с лачугой на лето чуваша переходили жить в амбары и клетки, где хранили зерно, вещи и бытовые предметы¹⁴. В лачуге, предназначенной для лета, отсутствовало утепление стен, которые не конопатили мхом и травой¹⁵.

Итак, *лаç* — ранняя форма чувашского жилища, представлявшая собой постройку без потолка и окон, с дымовым отверстием в крыше и примитивным очагом в центре. Со временем она перенимает функцию летней кухни, наиболее распространенной была у верховых чувашей. Иногда здесь ставили обеденный стол¹⁶. В фольклоре чувашское жилище представлено треугольным строением, «какое ныне видим, например, у обитателей тундр и снегов летом»¹⁷. Следующая ступень — шести- или восьмиугольная лачуга, принявшая форму круга и сменившегося впоследствии «под русским влиянием жилищем четырехугольной формы, сначала без потолка и пола, а потом с тем и другим»¹⁸.

Лачугу как пожароопасное строение размещали на расстоянии от прочих помещений. Помимо летнего жилища, кухни, она служила для стирки белья и приготовления пива¹⁹. «На дворе, среди прочных амбаров, неизменный шалаш для летнего жилья и пивоварня: пиво — их (*чувашей* — В.М.) любимый напиток»²⁰. Стирка одежды и заготовка пива в лачуге характерны для зимы²¹. При отсутствии *лаç* пиво варили за пределами двора, например, очаг ставили в овраге. Возможно, название лачуги *павар* взаимосвязано с традицией готовить здесь пищу и пиво. Перемена в названиях наблюдается в юго-восточных районах Чувашии в 1920-х гг., когда каменный очаг заменяют плита с вмазанным котлом и хлебная печь²². Использование помещения в качестве кухни подтверждает и обрядовая сторона. При поминании усопших здесь в большом котле варили мясо животных²³. Вполне уместно будет процитировать отрывок, приведенный Н. И. Ашмариним: «Что касается сестрицы Феклы, то она только готовила в лачуге (летнее помещение на дворе, где варят над очагом пищу) кушанья, необходимые для поминок»²⁴. Для удобства висевший на железном крюке котел регулировали, поднимая либо опускаемая над огнем²⁵. Три стены очага выкладывали из природного камня. Лицевая часть оставалась открытой, что позволяло следить за огнем и при необходимости подбрасывать дрова²⁶.

¹³ Михайлов 1972, 72.

¹⁴ Ригтих 1870, 47.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 81.

¹⁶ Воробьев 1950, 71.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73–74.

¹⁹ Комиссаров 1911, 352.

²⁰ Зеленин 1904, 22.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

²² Матвеев 2005, 86.

²³ Прокопьев 1903, 28.

²⁴ Ашмарин 1994, 297.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 82. № 922.

Для тщательного анализа и восприятия сведений о постройке следует проследить ее эволюцию, опираясь на приведенную выше схему (молельная → лачуга → летняя кухня → летний домик). Необходимо помнить, что под лачугой подразумевается «убогое, бедное жилище»²⁷. Определение говорит о простоте форм и ограниченном наборе материалов, отсутствии внешнего декора, но значение постройки от этого не умалялось. Напротив, первоначальная функция молельни, возможно не только семейной, родовой, но и общей для сельского мира, подчеркивает ее уникальность среди других помещений.

Лас исконно (т.е. на раннем этапе; об этом говорят и сравнения с удмуртским материалом) использовали для молений и проведения обрядов. Например, при падеже домашнего скота приносили жертву божеству *Хытӓм*. В лачуге либо бане заранее варили мясо и зарывали его в овраге в землю²⁸. *Киремет Мелӓм хуҫа* (= *Валӓм хуҫа*) обитал в лачуге, где ему «приносили кровавые жертвы», т.е. жертвы животного происхождения²⁹. Проживало здесь и божество бережливости и изобилия *Перекет*, которое способствовало благосостоянию хозяйства крестьянина³⁰.

Многие десятилетия *лас* выполняла только производственные функции. Сакральные представления, связанные с ней, отступили на второй план, затем были исключены из системы народного знания (это подтверждалось во время бесед с информантами). Г. Б. Матвеев обращает внимание на то, что «чувашская лачуга носила только утилитарную хозяйственную функцию и не являлась культовой постройкой»³¹. Однако в свадебной обрядности невесту заводили в *лас*, где на пороге она перешагивала через холст, «подружка в это время у девицы или девица у него лоскуток сей вырывает из рук, и кто успел это сделать, у того молодая лоскуток выкупает за 10 или 20 коп.»³². Ткань считали подарком божеству *Йӓрӓх*. Со стороны молодой, таким образом, происходило жертвоприношение домашнему духу. Для благополучного исхода обряд совершали до проводов молодоженов к брачному ложу³³.

Существует мощный пласт косвенных свидетельств, указывающих на значительную роль лачуги в представлениях чувашей и их соседей. Н. Н. Харузин, описывая конструкцию марийской постройки *кудо*, отмечал «первобытный очаг, составленный из камней; он обыкновенно открыт по крайней мере с одной стороны». Над очагом подвешивали котел, дым выходил через отверстие в потолке. Исследователь говорил о связи между кухней *лас*, удмуртской *куалой*, марийским и эрзянским *кудо* и мокшанским *куд*³⁴.

Исходя из собранного материала, выделим постройки одного порядка, активно бытовавшие в прошлом и встречающиеся в наши дни у народов Урало-Поволжья. К таковым принадлежат: у чувашей — *лас*, татар — *алачык*, башкир — *бура аласык*, *бурама*, удмуртов — *куала*, бесермян — *кӓала*, *кӓа*, марийцев — *кудо*. Разделим помещения по их назначению. Чувашаи, татары, башкиры и бесермяне

²⁷ Черных 1999, 470.

²⁸ Магнитский 1881, 119–120.

²⁹ Ашмарин 1999, 222.

³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 253; Никольский 1928, 49.

³¹ Матвеев 2005, 86.

³² Михайлов 1972, 67.

³³ Осипов 2007, 92.

³⁴ Харузин 1895, 20.

использовали постройки в качестве летней кухни и временного жилища в теплой половине года (естественно, здесь следует рассматривать рубеж XIX–XX вв. по сей день, т.к. в далеком прошлом ситуация была противоположной). Среди марийцев и удмуртов помещения, помимо хозяйственных нужд, выполняли культовое предназначение. Религиозная составляющая была их неотъемлемой частью.

Проанализируем типы, формы и функции (бытовые и сакральные) построек у народов Урало-Поволжья. Во-первых, проследим ее эволюцию у этносов, использовавших постройку только в хозяйственных целях. Естественно, сравнительный материал поспособствует наилучшей реконструкции.

Общее описание *лаç* чувашей было приведено и проиллюстрировано выше. Подводя некий итог, мы можем говорить о срубной постройке с двускатной кровлей, покрытой тесом, дранью либо другим материалом. Внутри находился открытый очаг, дым от которого выходил в отверстие на крыше и в дверь. Интерьер состоял из лавок, стола, иногда стульев и полок, необходимых в быту.

Информанты вспоминали лачугу как «небольшой сруб, размером три на три, из нетолстых бревен, иногда она была с крышей, а иногда без нее (*подразумевается двускатная из досок и односкатная жердевая кровля, заложенная землей — В.М.*), ровный потолок, в котором дыра, печь для котла из кирпича или камня, у всех по-разному»³⁵. В с. Месели Аургазинского района *лаç* возводили из тонких бревен и жердей, выкладывали очаг, впоследствии трансформировавшийся в печь с дымоходом и вмазанным казаном. Внутри находилась самодельная мебель: стол, длинная скамья, стулья, шкаф для посуды. По словам краеведа И. В. Ефимова (1947 г.р.), дверь в лачугу «была ненадежная»³⁶.

Бытование *лаç* среди чувашей Башкортостана подтверждают также отчеты экспедиции 1962 г., в которых на материалах нескольких сел и деревень представлен краткий обзор сельских усадеб. О лачугах жителей с. Шланлы записано: «У многих имеется лазь, которая также стоит особняком... Лази также обмазывают глиной. Есть лази из бутового камня». Каменные постройки были и в д. Асавбашево, а чуваша д. Чубукаран строили их почти в каждом хозяйстве. *Лаç* в д. Аделькино называли «небольшие клетушки»³⁷. Во многих описаниях населенных пунктов сказано, что лачуги встречаются во всех дворах или у большинства жителей. Подобные записи свидетельствуют о распространении постройки и выборе строительных материалов, исходя из ландшафта территории.

Помимо дерева использовали дикий камень, плетень и саман. На иллюстрации (рис. 2) отражены тенденции срубного строительства.

В Башкортостане наличие или отсутствие *лаç* в чувашских селах и деревнях зависело от иноэтничного влияния и уровня зажиточности хозяйств. Несостоятельные жители имели во дворах минимальный набор построек, предназначенный для всех видов повседневных работ. В более крупных хозяйствах число надворных помещений увеличивалось, именно здесь обязательно возводили лачугу.

В разговорной речи прослеживаются локальные отличия. Так, в с. Антоновка Гафурийского района постройку называют *лаç*. В д. Пугачево Хайбуллинского района в этом же значении бытует термин *избенке*. В с. Месели Аургазинского

³⁵ ПМА 2010, РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново.

³⁶ ПМА 2013, РБ, Аургазинский р-н, с. Месели.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 5–6, 40, 75, 93.

Рис. 2. Летний домик на усадьбе З. И. Никитиной (1932 г.р.)
(РБ, Аургазинский р-н, с. Месели, 2013 г., фото автора)

района помимо *лаç* используют слово *лачужкĕ*³⁸. Кроме того, одну из половин деревянного амбара-пятистенка чуваша называли *шурĕ лаç* «белая лачуга»³⁹.

Лачугу вполне можно считать прообразом срубного дома чувашей, когда-то выступавшей жилищем: «В пользу ея (*лаç* — *В.М.*) древности — помимо примитивности формы — говорят обычаи, практикующиеся до сих пор в торжественные моменты жизни чувашина. При осеннем молении нового хлеба Ч. в доме, имеющем уже окна, по старому обычаю обращаются лицом к отворенной двери и бросают кусочки хлеба на печь, как бросали прежде на огонь, разведенный на земляном полу посредине избы»⁴⁰.

Постройка *лаç* чаще встречалась у верховых чувашей, чем среди *анатри*⁴¹. Популярность *лаç* среди *вирьял* объясняется марийским влиянием. Сторонником этого мнения выступает К. И. Козлова: по ее словам, помещение заимствовали предки верховых чувашей у горных марийцев в процессе взаимных контактов⁴².

³⁸ ПМА разные годы, РБ, чувашские поселения.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 651.

⁴⁰ Смирнов 1903, 935.

⁴¹ Каховский 1965, 410.

⁴² Пименов 2007, 489.

В строительном деле татар была распространена постройка *алачык*, широко бытовавшая среди татар-мишарей, чепецких татар, молькеевских кряшен. *Алачык* служил летней кухней и представлял собой однокамерное помещение (срубное, саманное, плетневое) с двускатной или шатровой крышей, без пола и потолка. В нем находился очаг, затем превратившийся в печь с дымоходом⁴³. Наиболее тесная связь прослеживается между постройкой *алачык* татар-мишарей, служившей временным жилищем, кухней, а также отвечавшей другим хозяйственным нуждам, и *лаç* чувашей⁴⁴.

У башкир временным жилищем являлась постройка *бура аласык*, или *бурама*. Она выступала в роли летнего дома, встречалась в бассейне рек Инзера и Белой. Существовал и другой тип, называемый «летней кухней», — *аласык*, *ут яккыс*, *усаклык*, *ашнак*. Помещение соединяло функции места, где готовили пищу и проживали, проводя большую часть свободного времени. В зависимости от ландшафта местности размеры, формы и материалы строительства *аласык* изменялись⁴⁵. Во время своего путешествия по башкирским аулам С. И. Руденко писал: «Жилище это представляло собой род берестяного шалаша, состоящего из нижней, цилиндрической, части, около 1,5 м высоты и около 6 м в диаметре, и конусообразного верха, покоящегося на цилиндре и отстоящего от земли в центральной своей части на 5–6. Подобные шалашы катайцы называли *аласык*; насколько мне известно, они встречались исключительно на летних кочевках и в деревнях только у истоков р. Белой»⁴⁶.

Бесермянам была известна небольшая постройка, представлявшая сруб с земляным полом, очагом и набором необходимой мебели, называвшаяся *кўала*, *кўа* либо *кэнэс* «амбар». *Кўала* — атрибут зажиточных крестьян, служила летней кухней. В ряде поселений (дд. Гулекшур и Палагай) так называли постройку полуземляночного типа, в летнее время выполнявшую роль погреба. Сведения о сакральном назначении этого помещения и наличии священных предметов отсутствуют⁴⁷.

В традиционной культуре марийцев особое место занимало *кудо* — хозяйственная постройка, имеющая бытовое и культовое предназначение. Помещение — «продукт собственной работы черемисина — это срубленный из тонких бревен и покрытый драницами шалаш — куда»⁴⁸. Строение было летним жилищем, «состоящее просто по устройству из сруба четырех-стенка»⁴⁹.

Интерьер постройки включал лавки, вырубленные топором, стол, «на котором всегда можно было найти большую деревянную чашку с положенными в нее караваем хлеба и ножом» и предметы домашнего обихода. Так же, как и в летних постройках других народов, здесь горел очаг, над которым висел котел. Отличительным элементом *кудо* было устройство перегородки для *изи кудо* — отдельной комнаты, хранившей ритуальные принадлежности. «На вопрос, какое назначение имеет это отделение, постороннему человеку говорят, что это кладовая, в которой

⁴³ Уразманова, Чешко 2001, 247.

⁴⁴ Мухамедова 1972, 70.

⁴⁵ Шитова 1984, 138, 175.

⁴⁶ Руденко 2006, 174.

⁴⁷ Попова 2004, 116.

⁴⁸ Смирнов 1889, 88.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

хранятся съестные припасы. В настоящее время у обруселых черемис она, может быть, и точно исполняет такое назначение, но в старину она устраивалась для другой цели; это был уголок, который назначался для домашнего духа (куда-водьш) (*Куды водыж — В.М.*)⁵⁰. В *изи кудо* для духа прятали лепешку, которой угощали молодоженов⁵¹.

Кудо являлось духовным центром семьи, пространством, в котором проживало божество-покровитель. При укладке первого бревна для постройки марийцы просили благополучия, во время жертвоприношений молили божество о защите и заступничестве⁵². Помимо сакрального назначения, как и у чувашей, постройка служила летним помещением в качестве кухни.

Сельские общины удмуртов почитали местные святыни, к которым принадлежали постройки *куа*, *куала* и священные рощи *Луд*, *Киремет*. Как и марийское *кудо*, в народной культуре удмуртов *куала* считалась ритуальным строением. Имела форму квадратного сруба, поставленного без фундамента, окон и потолка, пол представлял собой вытопанную землю, в центре находился каменный очаг с подвесным котлом. Сруб, как правило, рубили сосновый⁵³. Для строительства аналогичной постройки в молельных целях *келё лаçси*, располагавшейся на святилище *Киремет*, чуваша использовали «белое дерево» — очищенные от коры липовые стволы⁵⁴. Лачугу, построенную из липы, сравнивали с белоснежной женской головной повязкой *сурпан*⁵⁵. Как известно, чуваша липу считали священным деревом⁵⁶.

Наиболее архаичные формы *куалы* — огороженная площадка, небольшое углубление в земле и сруб без крыши, находившиеся во дворе либо на огороде⁵⁷. *Куала*, служившая летним помещением, бытовала одновременно с зимней полуземлянкой и землянкой. И. Н. Смирнов называет ее «шалаш для летнего жилья»⁵⁸.

В удмуртском предании о богатырях Тутое и Янтамыре говорится, что «вотяки жили в шалашах (куа или куала), а изб не строили, так как при появлении русских приходилось бы покидать избы»⁵⁹. Распространение стационарных поселений и срубных жилых помещений И. Г. Георги связывал с принятием российского подданства, в результате которого удмурты «постоянные жилища предпочли полевым ставкам»⁶⁰. Возможно, *куала* имела двойное значение: жилища и молельни, что зависело от географических условий и занятий.

Куала, *куа* разделялись на семейные и родовые. *Покчи куала* — «малая куала» — считалась семейным святилищем, а *бадзым* или *быдзым куала* — «большая, великая куала» — местом поклонения всего рода. *Быдзым куалу* строили во дворе деревенского жреца, иногда за деревней⁶¹. Семейную постройку помимо

⁵⁰ Смирнов 1889, 88–89.

⁵¹ Смирнов 1889, 132.

⁵² Шкалина 2003, 101.

⁵³ Загребин 1999, 125.

⁵⁴ Ашмарин 1999, 245.

⁵⁵ Ашмарин 2000, 220.

⁵⁶ Салмин 2010, 174.

⁵⁷ Шутова 2001, 92.

⁵⁸ Смирнов 1890, 88.

⁵⁹ Гаврилов 1880, 145–146.

⁶⁰ Георги 1799, 55.

⁶¹ Никольский 2008, 311–312.

покчи куала называли также *почи каула*, *куала инты*, *куала гоп* или *сион поттонни*. Южные удмурты родовую *куалу* обозначали словами *быдзьым куала*, а северные — *зёк куала*⁶².

Родовое святилище было больших размеров. Священник Н. Н. Блинов писал о заброшенной деревенской *куале*: «Шалаш большой из нетолстого леса, немшенный: крыша, по обычаю, из досок, не близко сходящихся между собой сверху, пол земляной, сырой. Справа и слева от входа большие нары и пред ними прочные столы, налево от входа для мужчин, направо — для женщин. У стены, противоположной входу, высоко чрез весь шалаш широкая полка, посредине ея “мудор” — толстая доска около аршина длины и четверти три ширины. Мудор положен на два бруска, загнутые впереди вверх, в виде полозьев»⁶³.

Мудором называли полку, служившую хранилищем воршудного короба и ритуальной посуды⁶⁴. В «великой куале» удмурты Закамья на *мудоре* держали берестяной и деревянный короба, соль и масло⁶⁵. В коробе, изготовленном из бересты, находились беличья шкурка, «перевязанная красной досталью (нитками)», крыло или хвост рябчика, несколько перьев тетерева, посуда для жертвоприношений, кусок ржаного хлеба, сучок дерева⁶⁶. Б. Г. Гаврилов в числе хранящихся предметов перечислял серебряные и медные монеты, березовые и хвойные ветви, беличью шкурку, небольшую кулебяку. Шкурка животного, ветви и пирог «меняются ежегодно весной, около Троицына дня»⁶⁷. Весеннее обновление одежды на фигурах родовых духов, при вскрытии льда на реке проводили южные селькупы⁶⁸.

По свидетельству А. И. Емельянова, короба были и липовыми. Он же проводил сравнительные параллели удмуртской *куалы* с постройками хантов и манси, в которых проходили моления. «В задней части этих лачуг, подобно вотскому воршудному коробу, хранится особый Божий сундук. Но этот сундук у них не пустой, а в нем имеется изображение домового духа»⁶⁹.

Моления, проходившие в «великой куале», обладали большой силой и были направлены на благополучие всего сельского мира. Например, в первой половине XX в. в д. Порвай Игринского района Удмуртии проживал *вёсась, куапон* («жрец») П. В. Емельянов. Его моления в родовой постройке сельчане считали наиболее действенными⁷⁰.

Закамские удмурты в общественной *куале* совершали обряд жертвоприношения три раза в год: на Пасху, перед началом сенокоса и по окончанию сельскохозяйственных работ⁷¹. Они проводили *куалае пырон* — «вхождение в куалу» в первый день *Быдзьынал*, летом накануне *Бадзьым вёсь* — «Великого моления» (замена еловых ветвей на березовые) и с первым снегом (смена березовых ветвей на еловые)⁷².

⁶² Шутова 2001, 92.

⁶³ Блинов 1898, 18.

⁶⁴ Владыкин 1994, 108–109.

⁶⁵ Садиков 2010, 67.

⁶⁶ Никольский 2008, 311.

⁶⁷ Гаврилов 1880, 161–162.

⁶⁸ Степанова 2008, 230.

⁶⁹ Емельянов 1921, 36, 44.

⁷⁰ Шутова 2010, 132.

⁷¹ Садиков 2010, 18.

⁷² Садиков 2001, 115.

Конструкция *куалы* в прошлом была подобна *кудо*: она разделялась на две половины или имела пристройку к задней части сруба⁷³. В родовых постройках встречались маленькие дополнительные комнаты, обращенные на юг, здесь служитель совершал моление. Рядовые участники находились в передней половине *куалы* у очага и стола⁷⁴.

В случае смерти жреца и отсутствия наследников должность занимал кто-нибудь из его родных. Постройку переносили во двор нового служителя: «Самое важное при этом — перенести золу из очага старой *куалы* в новую. Когда переносят *куалу*, молятся, чтобы *Инву воишуд* (родовое божество удмуртов *Воршуд* — *В.М.*) не сердился, что ему будет хорошо на новом месте»⁷⁵. В наши дни семейные святилища *покчи куала* используют только как летние кухни⁷⁶.

Таким образом, среди надворных построек народов Урало-Поволжья имелось хозяйственное помещение, предназначенное для повседневных дел и выступавшее в прошлом культовым сооружением. Постройки выполняли следующие роли: а) молельная комната; б) архаичная форма жилища; в) летняя кухня; г) летний дом. При использовании помещения в качестве кухни здесь проживали в теплое время года. Культовое назначение имели строения марийцев (*кудо*) и удмуртов (*куала*). В народной культуре чувашей, башкир, татар и бесермян постройки *лаç*, *аласык*, *алачык* и *кӯала* получили роль только бытового помещения. Однако религиозные представления отчасти сохранились. Например, чувашаи с лачугой отождествляли божество *Перекет*.

Общим в традициях тюркских и финно-угорских народов являлось подсобное значение летних кухонь в домашнем хозяйстве. Частное — сакральная составляющая, наделение их духами-покровителями и божествами. Последнее характерно для финно-угров, что было проиллюстрировано на примере марийцев и удмуртов. Единство (один географический регион, схожий социально-бытовой уровень жизни, а также генетическая общность) финно-угорской традиции и культуры чувашей прослеживается в развитии *лаç*. Об этом свидетельствует распространение ее у верховых чувашей, связанных с марийцами, и меньшая популярность среди *анатри*. Кроме того, в татарской и башкирской культуре, т.е. у тюрков, постройки служили только в хозяйственных целях. С другой стороны, зафиксированный татарский и башкирский материал обусловлен исламом. Доисламские представления были изжиты по религиозным соображениям, поэтому в истории развития построек и отношения к ним населения до принятия новой религии существует определенная лакуна.

Современная лачуга — это, как правило, небольшой летний домик, имеющий свет, печь либо плиту, мебель и другие вещи элементарного обихода. Строительным материалом служит дерево, кирпич, шлакоблок. Другим типом лачуги является постройка, в которой складировуют вещи, а на плите готовят пищу животным. Помещение не пригодно для проживания.

Лачуга, как и аналогичные постройки соседних народов, сохранилась до наших дней. Имея большое значение в системе жизнедеятельности чувашей, ее

⁷³ Загребин 1999, 125–126.

⁷⁴ Садиков 2010, 20.

⁷⁵ Садиков 2010, 18.

⁷⁶ Атаманов 2001, 7.

функции менялись во времени. Наиболее устойчивой оказалось трансформирование *лаç* в летнее помещение и кухню. Очаг, на котором готовили пищу, наложил свой отпечаток и привел к появлению нового названия – *навар*. Другое наименование – *хура пурт* «черная изба» — свидетельствует о существовании тесных связей между постройкой и жилищем. Подобное отношение отражает положение лачуги в структуре жилых и хозяйственных помещений чувашского двора.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г.* 2001: По следам удмуртских воршудов. Ижевск.
- Ахметьянов Р. Г.* 1988: Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.
- Ашмарин Н. И.* 1994: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 1–2. Чебоксары.
- Ашмарин Н. И.* 1999: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 7–8. Чебоксары.
- Ашмарин Н. И.* 2000: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 13–14. Чебоксары.
- Блинов Н. Н.* 1898: Языческий культ вотяков. Вятка.
- Владыкин В. Е.* 1994: Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск.
- Воробьев Н. И.* 1950: Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 3. 66–78.
- Гаврилов Б. Г.* 1880: Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань.
- Георги И. Г.* 1799: Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. СПб., 1799.
- Емельянов А. И.* 1921: Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань.
- Загребин А. Е.* 1999: Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск.
- Зеленин Д. К.* 1904: Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев.
- Каховский В. Ф.* 1965: Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. Чебоксары.
- Комиссаров Г. И.* 1911: Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXVII. Вып. 5, 311–432.
- Магнитский В. К.* 1881: Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань.
- Матвеев Г. Б.* 2005: Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары.
- Михайлов С. М.* 1972: Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары.
- Мухамедова Р. Г.* 1972: Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.
- Никольский Н. В.* 1909: Русско-чувашский словарь. Издание Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа. Казань.
- Никольский Н. В.* 1928: Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары.
- Никольский Н. В.* 2008: Собрание сочинений. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Т. III. Чебоксары.
- Осипов А. А.* 2007: Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары.
- Пименов В. В.* (ред.) 2007: Основы этнологии: Учебное пособие. М.
- Попова Е. В.* 2004: Календарные обряды бесермян. Ижевск.

- Прокопьев К. П.* 1903: Похороны и поминки у чуваш. Казань.
- Риттих А. Ф.* 1870: Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. Казань.
- Руденко С. И.* 2006: Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа.
- Садиков Р. Р.* 2001: Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.
- Садиков Р. Р.* 2010: Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа.
- Салмин А. К.* 2010: Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.
- Смирнов И. Н.* 1889: Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань.
- Смирнов И. Н.* 1890: Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань.
- Смирнов И.* 1903: Чуваши // Энциклопедический словарь. Т. 76. СПб., 933–938.
- Степанова О. Б.* 2008: Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб.
- Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* (ред.) 2006: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина пратюркского этноса по данным языка. М.
- Уразманова Р. К., Чешко С. В.* (ред.) 2001: Татары. М.
- Фасмер М.* 1986: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.
- Харузин Н. Н.* 1895: Очерки истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. Вып. 1. Кн. XXIV, 1–99.
- Черемшанский В. М.* 1859: Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа.
- Черных П. Я.* 1999: Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.
- Шитова С. Н.* 1984: Традиционные поселения и жилища башкир (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). М.
- Шкалина Г. Е.* 2003: Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола.
- Шутова Н. И.* 2001: Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.
- Шутова Н. И.* 2010: Деревенские жрецы в традиционной религии удмуртов (конец XIX — первая половина XX в.) // Уральский исторический вестник. 1 (26). 130–137.

CHUVASH SHACK: TRADITIONS AND INNOVATION

V. V. Medvedyev

The paper deals with the building of *лаç*, shack spread among the Chuvash. Relying on archive, published, and fieldwork material the author considers housing transformation with time (worship room, archaic habitation, summer kitchen, summer house) and analyzes building techniques, architecture, and the building concept. Fieldwork information was obtained from Bashkortostan Chuvash. Ethno-cultural parallels were drawn for the most optimal reconstruction.

Key words: ethnology, Chuvash, shack, utility structures, building material, sacral notions

---

© 2014

И. Р. Атнагулов

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАГАЙБАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье содержится этнографический материал о всех основных видах хозяйственной деятельности нагайбаков Верхнеуральского уезда. Данная группа своим происхождением связана с волго-уральскими татарами и некоторыми другими этносами региона, а также входила в состав Оренбургского казачьего войска. Такое сочетание этнических компонентов в происхождении нагайбаков сформировало оригинальный комплекс черт в хозяйстве.

Ключевые слова: этнология, нагайбаки, системы земледелия, животноводство, птицеводство, присваивающие виды хозяйства

В данной статье идёт речь о нагайбаках Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Известно, что в 1842 г. казаки-нагайбаки нескольких станиц 3-го и 5-го кантонов Оренбургского казачьего войска, расположенных на территории Белебеевского уезда Оренбургской губернии, были переселены тремя группами в Троицкий, Верхнеуральский, Оренбургский и Орский уезды той же губернии¹. Все три группы, переселённые в юго-восточную часть региона, оказались в иных природно-климатических условиях. В отличие от Восточного Закамья, Южное Зауралье находится в более засушливой лесостепной и степной зонах, что отразилось на хозяйстве нагайбаков, вынужденных адаптироваться в новых условиях. Настоящий сюжет посвящён исследованию основного обеспечивающего вида хозяйствования изучаемой группы — земледелия. Источниковой базой явились полевые материалы автора, архивные данные и корпус опубликованных источников второй половины XIX — начала XX в., а также публикации Н. А. Халикова.

Положение с обеспечением земель крестьянства Поволжья и Приуралья во второй половине XIX — начале XX в. было таким, что землепользование татар западных и центральных районов расселения было менее продуктивным, чем у населения приуральских уездов. В результате реформы 1866 г. у бывших государственных крестьян Казанской губернии на душу мужского пола приходилось 4,8 дес. удобной земли, в Симбирской губернии — 4,0 дес.² На протяжении втор. пол. XIX в. количество земли у крестьян продолжало уменьшаться: в Средневолжском районе в 1860 г. на душу мужского пола приходилось 4 дес. наделной земли, в 1880 г. — 3,1 дес., в 1900 — 2,4 дес. В результате прежде вполне обеспеченные землёй (обычными были наделы в 25–30 дес.) собственники в XIX в. имели участки нередко меньшие, чем даже у государственных крестьян.

Если положение с обеспечением земель в западных и центральных районах расселения татар складывалось неблагоприятно, то в лучших условиях находились земледельцы приуральских уездов. В п. Париж пахотной земли на душу

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

¹ Атнагулов 2007, 53–54.

² Черемшанский 1859, 19.

мужского пола приходилось 15,6, в Касселе — 26,8, в Остроленке — 28,4, в Требии — 35,3 дес³. Даже земельные наделы татар неслужилых сословий в Приуралье, уступая землевладению казаков и мешеряков, превышали размеры наделов крестьян более западных губерний⁴. У казаков Оренбургской губернии посевы занимали только 9,4% всей надельной земли, что при системе трёхполья давало возможность избежать истощения почв⁵, а у нагайбаков п. Остроленка в 1870 г. этот показатель составлял 3,5%⁶.

Переселившись из Восточного Закамья в более аридную зону Южного Зауралья, казаки-нагайбаки в целом сохранили типичный для них хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев. Местные физико-географические условия способствовали не только сохранению, но и дальнейшему интенсивному развитию земледелия.

В Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губернии плодородные земли были ещё и малонаселёнными: в середине XIX в. плотность населения составляла 3 чел. на кв. версту⁷. В это время в п. Кассель на 276 душ мужского пола приходилось 11,8 тыс. дес. земли (или 42,7 дес. на душу мужского пола), в том числе 9490 дес. пахотных земель, 850 дес. лугов и т.д.⁸.

Наличие большого количества свободных земель оказало воздействие на характер хозяйственной деятельности верхнеуральских казаков-нагайбаков. Агрокультура нагайбаков базировалась на смешанной, залежно-паровой и залежно-переложной (*чирәм жир*) системах земледелия⁹. В Троицком и Верхнеуральском уездах пашню распахивали 2–3 года, затем оставляли залежь на 4–5 и более лет¹⁰. П. Н. Распопов писал: «В степных местах Оренбургского, Орского и Троицкого уездов <...> господствующая система есть переложная, по которой земля, доставившая две-три жатвы пшеницы, предоставляется природе для нового утучнения, а под посев выбирается другой участок, ещё не разработанный или поднимается т.н. залежь, оставшаяся в этом состоянии от 5 до 10 лет, на которой сеют два-три года кряду, потом опять бросают и т.д.»¹¹.

На рубеже XIX–XX вв. оренбургские татары-казаки все надельные земли, пригодные под посев, делили на два или три клина, засеивали каждый клин 2–5 лет, по прошествии этого срока его меняли на другой, а предыдущий участок запускали на отдых¹². Каждый клин, таким образом, отдыхал от двух до 10 лет и использовался в это время в качестве пастбища и сенокосных угодий. Севооборот у верхнеуральских казаков-нагайбаков имел следующую последовательность: на распаханной целине первые 2–4 года выращивали яровую пшеницу, затем, по мере падения урожая, переходили на менее прихотливые овёс или ячмень и, наконец, оставляли для отдыха под пар сроком на один год и вновь сеяли пшеницу¹³.

³ Рассчитано нами по архивным данным (см. Приложение, табл. 1).

⁴ Черемшанский 1859, 20.

⁵ Черемшанский 1859, 20.

⁶ Рассчитано нами по архивным данным (см. Приложение, табл. 1, 3).

⁷ ГАОО. Ф.6 Оп. 8. Д. 13.

⁸ ГАОО. Ф.6. Оп. 8. Д. 117.

⁹ Черемшанский 1859, 27.

¹⁰ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40.

¹¹ Халиков 1978, 73.

¹² Черемшанский 1859, 28.

¹³ Халиков 1995а, 20.

Истощённую землю оставляли в перелог и распахивали новый участок. Поля не удобряли и искусственного орошения не использовали¹⁴. В засушливом Зауралье нагайбаки освоили новое агротехническое мероприятие — подъём зяби (*зябить иту, пласт*)¹⁵. Этот приём способствовал сохранению зимней влаги в почве. В лесной зоне это практиковалась редко, а в Оренбургской губернии широко. Весной поле уже не пахали, сеяли «под борону»¹⁶.

К началу посевной готовились заранее: отбирали снопы с полновесным зерном и обмолачивали их отдельно, не применяли овинной сушки, считая, что она уменьшает всхожесть семян. Затем посевной материал провеивали и сортировали, очищая от мелкого зерна и семян сорняков. Сеял, как правило, старший, наиболее опытный член семьи. Зерновые культуры сеяли вручную (*кул астына*). Посевное зерно насыпали в долблённую деревянную посуду-пудовку (*пудэукэ*) ёмкостью 1–2 ведра, чаще — в 1 пуд. После окончания весеннего сева приступали к обработке пара под озимый посев. Вспашка пара обычно производилась с начала июня. Сев озимой ржи обычно проводили в первых числах августа.

Как уже было отмечено выше, нагайбаки не заботились об удобрении почв, что наверняка ограничивало урожайность. Е. А. Бектеева свидетельствует: «Для посева землю не удобряют, искусственного орошения не производится: «Бог не даст урожая, так ничто не поможет», — рассуждает нагайбак, вследствие чего нередко гибнет хлеб от засухи, кобылки; ранние морозы, которые начинаются здесь с 15 августа, также немало способствуют этому»¹⁷.

Переложная система из-за трудоёмкости обработки, необходимости многочисленной упряжки и значительных земельных пространств была доступна далеко не каждому земледельцу и использовалась в наиболее зажиточных хозяйствах¹⁸.

Древнейшей разновидностью земледелия поволжских татар была залежно-переложная и подсечно-огневая системы земледелия¹⁹. Первая была известна ещё древним булгарам²⁰. В домонгольское же время начинает распространяться паровая система, а также лесная подсечно-огневая, заимствованная у марийцев и удмуртов система земледелия²¹. В конце XIX в. во многих уездах Оренбургской губернии залежно-переложная система земледелия постепенно исчезает, уступая место паровой системе²².

Таким образом, агрокультура верхнеуральских казаков-нагайбаков, как и у большинства казачьего населения края, знала несколько систем земледелия. Начиная с середины XIX в., то есть с момента расселения этой группы в Южном Зауралье, залежно-переложная система, усвоенная их предками в период проживания в Прикамье, постепенно сменяется паровой. Последняя, в форме трёхполюя, к началу XX в. становится господствующей. Многоземелье нагайбаков позволяло

¹⁴ Бектеева 1902, 169.

¹⁵ Халиков 1995б, 30; 1995а, 20.

¹⁶ Халиков 1978, 73.

¹⁷ Бектеева 1902, 169.

¹⁸ Халиков 1995б, 28.

¹⁹ Халиков 1995б, 28.

²⁰ Халиков 1978, 67.

²¹ Халиков 1981, 28,30.

²² Халиков 1995б, 32.

максимально сохранять силу земельного ресурса. Так называемый «кризис трёхполья», наступивший во второй половине XIX в. в европейской части России, Южного Зауралья не коснулся. Территория Южного Урала в рассматриваемый период была зоной развития товарного земледелия. Нагайбаки, как и в целом жители Верхнеуральского и Троицкого уездов, были довольно зажиточными²³.

Основными сельскохозяйственными культурами верхнеуральских казаков-нагайбаков являлись: в первую очередь пшеница (*бодай*), а также овёс (*солы*) и ячмень (*арна*). Кроме того, выращивали полбу (*борай*), рожь (*арыш*) и, возможно, гречиху (*карабодай*).

Яровая пшеница была главной обеспечивающей культурой нагайбаков, в отличие от многих групп поволжских татар лесной полосы, у которых это место занимала рожь. Посевы яровой пшеницы занимали самый значительный удельный вес (до 50%) в земледельческом хозяйстве нагайбаков. Этот показатель был самым высоким среди остальных групп татарского населения Волго-Уралья²⁴. Пшеница хорошо растёт на тяжёлых чернозёмных степных почвах. Она была культурой предпринимательского, товарного земледелия, и возделывание её требовало качественного пахотного инвентаря, в достаточном количестве рабочего скота и рабочих рук. Большинство нагайбакских хозяйств соответствовало этим требованиям. С появлением плуга на рубеже XIX–XX вв. у зажиточных казаков посевы пшеницы расширились.

Вторым после пшеницы по значению хлебом у нагайбаков был овёс. По своему удельному весу эта культура занимала одно из ведущих мест в земледельческом хозяйстве России²⁵. Далее по значению шёл ячмень. По своим биологическим свойствам он больше пригоден для культивирования в северных районах, поэтому в Оренбургской губернии не был так широко распространён. В небольшом количестве нагайбаки сажали полбу. Распространению этой культуры в лесостепных и степных областях способствовала её устойчивость к засухе и болезням.

Нагайбаки возделывали рожь в небольших количествах. Данная культура встречалась в основном в бедняцких хозяйствах. Посевы озимой ржи в малоснежных степях Южного Зауралья часто вымерзали. Этим объясняется её скромная роль в хозяйстве нагайбаков. По поводу посевов гречихи в исследуемый период никаких прямых свидетельств нет. Однако известно, что гречневая каша у нагайбаков являлась обрядовой пищей²⁶. Культивировали также коноплю (*киндер*) и лён (*жчитен*): последний сеяли по целине, а коноплю по возможности выращивали на унавоженных землях старых казахских и башкирских зимовок. Считается, что поволжско-уральские татары, независимо от территории проживания, традиционно отдавали предпочтение конопле²⁷.

В целом урожайность зерновых у верхнеуральских казаков-нагайбаков была сравнительно выше, чем у других групп волго-уральских татар. Так, в 70-е гг. XIX в. отмечалось, что у зажиточных нагайбаков Остроленки, Касселя и других Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии «урожаи всегда с избытком»²⁸.

²³ ГАОО. Ф.6. Оп. 8. Д. 13., л. 67 об. — 68.

²⁴ Халиков 1995б, 34.

²⁵ Халиков 1995б, 34.

²⁶ Глухов 1993, 167.

²⁷ Черемшанский 1859, 42.

²⁸ Распопов 1884, 39.

В отличие от других групп кряшен и волго-уральских татар, у верхнеуральских нагайбаков отсутствовала соха²⁹. Поскольку соха по ряду конструктивных причин является более удобной для применения в обработке лесных участков пашни, то в Оренбургской губернии она не имела распространения³⁰. В.М. Черемшанский прямо указывает, что на степных землях Оренбургской губернии соха — орудие бесполезное³¹. Поэтому отсутствие сохи у нагайбаков Верхнеуральского уезда вполне объяснимо.

К основным пахотным орудиям нагайбаков относились плуг и тяжёлая борона. Плуг был деревянным и представлял собой так называемый «татарский сабан»³², издавна имевший множество разновидностей. Такой сабан, помимо того что был наиболее древним, был и наиболее распространённым: им пахали крестьяне различных этносов, в том числе и татары в Среднем и Нижнем Поволжье, Заволжье и Закамье, Южном Приуралье³³.

Разновидностями нагайбакских сабанов, судя по описаниям, были так называемые поволжский и кунгурский сабаны (*агач сабан*, *агач сука*)³⁴. Поволжский сабан широко применялся нагайбаками до середины XIX в. Он снабжался колёсным передком и упряжкой из шести лошадей или волов. Корпус орудия (*стан*) и отвал (*шабала*) были деревянными, а рабочие органы — лемех (*сошник*) и нож-резец (*нычак*, *отрез*) — железными³⁵. Подобное орудие было традиционным для земледелия поволжских татар и как нельзя лучше приспособленным для обработки степных целинных земель³⁶. В 60–80-е гг. XIX в. распространяются так называемые «сохи-колёсянки» и «колесухи»³⁷. Все они отличались небольшими размерами и более совершенным устройством корпуса и рабочих деталей. «Кунгурские сабаны» имели два лемеха, напоминающие сошники и деревянный отвал. Другие типы снабжались только одним лемехом плужного типа и стальным отвалом. Нож-резец у полусабанов отсутствовал. Его функцию выполняла «брыла» — загнутое вверх левое перо лемеха (левого сошника). Эти орудия также использовались с колёсным передком или, реже, без него³⁸. Пахотные орудия нагайбаков и татар в целом (сабан, полусабан), по всей вероятности, генетически восходят к булгарскому земледелию³⁹.

На рубеже XIX–XX вв. на смену архаичному сабану начинают приходиться кустарные и фабричные плуги⁴⁰. И всё же среди нагайбаков сабан сохранялся дольше всего в сравнении с татарами других регионов⁴¹. В плуг нагайбаки впрягали до шести лошадей (в зависимости от характера пашни и конструкции орудия).

²⁹ Витевский 1878, 6.

³⁰ Халиков 1995б, 46–47.

³¹ Черемшанский 1859, 299.

³² Распопов 1884, 208.

³³ Халиков 1995б, 50.

³⁴ Халиков 1995б, 52.

³⁵ Халиков 1995а, 21.

³⁶ Халиков 1981, 59–60.

³⁷ Халиков 1995б, 52.

³⁸ Халиков 1995б, 52–53.

³⁹ Халиков 1981, 71.

⁴⁰ Халиков 1995а, 21.

⁴¹ Халиков 1981, 47.

В. Н. Витевским была записана нагайбакская песня⁴² (авторская орфография сохранена):

*Алты ат жигебь, сабан сёрдемь Запряжи в плуг шесть лошадей,
Борайларга төгөль, бодайга; Я вспахал не для полбы, а для пшеницы.
Берь шөкөрь төгөль, менгнярь шөкөрь Не раз — слава, а тысячу раз — слава,
Бу көннярне биргань Ходайга! Давишему эти дни Господу!*

Отмечалось, что казаки Оренбургской губернии чаще пашут на быках. Упряжка из быков, насчитывавшая до 3–4 пар животных, чаще состояла из общего деревянного дышла и ярма на каждого животного⁴³.

Орудия боронования нагайбаков предназначались для таких агротехнических мероприятий, как измельчение комков почвы, выравнивание пашни вслед за плугом и последующего укрывания посеянных семян. По Н. А. Халикову, бороны, распространённые среди различных групп волго-уральских татар, сводятся к двум видам: суковатки и рамные бороны⁴⁴. У верхнеуральских нагайбаков в середине XIX в. наибольшее распространение имела рамная борона как с деревянными, так и с железными зубьями. В конце XIX — начале XX в. бороны имели стальные зубья. В это время начинают появляться полностью металлические орудия.

Ручные почвообрабатывающие орудия труда нагайбаков, как и других групп волго-уральских татар, ни по назначению, ни по конструкции не отличались от аналогичного инвентаря других народов Поволжья и Урала. Фабричные или кустарной кузнечной работы лопаты (*көрәк*) и мотыга (*китмән*) применялись для хозяйственных, огородных или полевых работ. Деревянная лопата использовалась для очистки зерна, а для уборки сена на сенокосе, скирдовании и молотье — деревянные грабли (*кул тырмасы*) и вилы (*сэнәк*). Железные вилы применялись для уборки и погрузки навоза и т.д.

Летом и ранней осенью наступало время следующих агротехнических мероприятий — жатвы и сенокоса. Основным способом уборки хлебов в прошлом была жатва серпом. Серп (*урак*) был обычной формы, характерной для русского крестьянства того времени: черешковый с хорошо прогнутым зазубренным клинком.

В середине XIX в. В. М. Черемшанский писал, что большинство хлебов в Оренбургской губернии, в том числе рожь и пшеницу, убирали серпом⁴⁵. Коса (*чалгы*) для уборки яровых в широкое употребление входит только к концу XIX в.⁴⁶ Земельные угодья нагайбаков давали сравнительно высокие урожаи, и товарное производство заставляло земледельцев убирать урожай в максимально короткие сроки, хотя жатва серпом приносила меньшие потери хлеба. Характерно, что пшеницу мягких сортов косили, а твёрдую, имевшую высокую товарную ценность, всё-таки жали серпом. Коса, применявшаяся для уборки хлебов, была современного нам вида — так называемая коса-«литовка». Наряду с традиционными ручными способами жатвы в начале XX в. в наиболее зажиточных хозяйствах начинает внедряться машинная уборка урожая.

⁴² Витевский 1891, 268.

⁴³ Халиков 1995б, 53.

⁴⁴ Халиков 1981, 63.

⁴⁵ Черемшанский 1859, 288, 291.

⁴⁶ Халиков 1995б, 69.

Сенокос обычно начинался в июне (по старому стилю), по мере созревания трав. Жатва наступала, как правило, не позднее середины — второй половины июля. Последовательность уборки была следующей: начинали жатву с озимой ржи, поспевавшей первой, затем убирали яровые: пшеницу, ячмень, овёс, полбу. Лён и коноплю убирали после хлеба. Жатва и сенокос в агрокультуре нагайбаков в прошлом были мероприятием, мало чем отличавшимися от подобных у других групп татар и соседних народов. Однако следует отметить, что интересующая нас группа одной из первых в регионе начала широко использовать эффективные способы жатвы (косами, машинами).

К концу первого десятилетия XX в. в п. Фершампенуаз насчитывалось десять сенокосилок и три жнейки-самосброски. Войсковое правление, заботясь о казаках, выписывало их из Америки, а затем со склада в Верхнеуральске продавало в кредит с рассрочкой выплаты на два года. Такие покупки позволяли себе зажиточные и середняцкие хозяйства. Последние чаще всего выписывали на два хозяйства одну машину паем. Кредиты распределяли на заседаниях кредитных товариществ. За распределением следил атаман посёлка, отдавая предпочтение наиболее хозяйственным казакам.

Убранный и связанный в снопы хлеб на поле оставляли в кладях для дозревания и просушки. Одновременно существовало два типа кладей снопов. Первые, более характерные для лесной зоны, с высоким увлажнением и частыми осадками, были островерхой формы. Прежде всего — «суслон» (*сослан*) или, что то же самое, — «бабка» (*бэбкэ*). Данная форма представляла собой островерхую кладь из определённого числа снопов. Внизу обычно устраивали девять снопов вертикально по кругу или в три ряда по три снопа, прислонив вершинами друг к другу. В сырую погоду число снопов могло быть меньше — 4–8, в сухую достигало 15, редко — 20 снопов. Точного числа снопов в суслоне не соблюдалось. Сверху кладь, как правило, прикрывалась: озимая рожь одним перевёрнутыми колосьями вниз снопом, раскрыв вершину; яровые — чаще тремя горизонтально уложенными снопами⁴⁷.

Более распространёнными типами кладей были *скамья* и *зурат*, наиболее подходящие для степного, сухого климата. В них ставили главным образом снопы яровых культур. Данные типы различались по способу укладки. В первом случае (*скамья*) два или три ряда вертикально поставленных снопов соединяли вершинами. В два ряда ставили культуры с короткими стеблями, в три ряда — с длинными стеблями. Сверху снопы перекрывались либо рядом снопов, уложенных поперёк полосы, либо одним и тремя рядами снопов, ориентированных вдоль клада. Общее число снопов зависело от размеров сжатого участка и колебалось в пределах 25–100 и более снопов. Другой тип (*зурат*) складывался следующим образом: на нижний горизонтально уложенный ряд снопов с двух сторон вершинами внутрь укладывали несколько новых, обычно четыре-пять рядов вверх. Оба эти типа были широко представлены не только среди нагайбаков, но и других территориальных групп волго-уральских татар. Появление первого типа клада в агрокультуре татар не совсем ясно. Н. А. Халиков предполагает, что данная форма татарскими крестьянами была заимствована от русских земледельцев. Разновидность «зурат», по

⁴⁷ Халиков 1995б, 75.

мнению того же автора, имеет поволжско-булгарское происхождение и у русских встречается только в Чувашии⁴⁸.

Просушенные и дозревшие в поле снопы на специальных сноповозках (*колтэ арбасы*) перевозили на гумно, где часть обмолачивали, а большую часть для достаточно длительного хранения укладывали в скирды под названием *кибэн*. Внутри него для лучшего проветривания и сохранности хлеба устраивали треножник из жердей. Кибэн нагайбаков был без традиционного для татарской агрокультуры помоста, что, по-видимому, было практично при здешнем достаточно сухом климате⁴⁹. По той же причине сравнительно редко употреблялись для просушки снопов срубные ямные овины (*эвен*). Обычно хлеб досыхал в скирдах. С начала XX в., в связи с распространением молотилок, не требовавших предварительной просушки снопов, овины быстро выходят из употребления. Гумна (*ындыр*) располагались на усадьбе или, чаще, за околицей, поделённые между отдельными домохозяйствами и огороженные. Ток (*ындыр табак*) был открытый круглой в плане формы; у зажиточных нагайбаков встречались крытые молотильные сараи (*лапас*).

Климатические условия, хозяйственные возможности, древние аграрные традиции и земледельческие влияния соседних этносов предопределили формирование у поволжско-приуральских татар различных способов и приёмов обмолота снопов. Условно их можно подразделить на следующие виды: ручную молотьбу (подразделяющуюся на виды: молотьба цепом; хлестание; оббивка); молотьбу лошадьми (топтанье копытами; обмолот колёсами телеги; молотильным катком; молотильной доской); машинную молотьбу (с помощью ручной, конной или паровой молотилки)⁵⁰. Из всех типов и видов обмолота снопов у поволжских татар на протяжении середины XIX — начала XX в. преобладающей была молотьба цепом. Не исключением были верхнеуральские нагайбаки. Почти повсеместно для молотьбы ими использовался цеп (*тапэч*).

Конструктивные особенности татарского цепа сближают его украинским аналогом⁵¹. Н. А. Халиков выделяет два основных типа этого орудия у татар, называя их простым и сложным. В обоих типах ручка цепа и било соединялись кожаным ремешком (*каеш*). Обычно это была просто полоска кожи, реже — кусок кишок телёнка. В простом типе цепа ремешок крепился к кольцевым канавкам в близлежащих концах ручки и била. Реже ремень петлёй пропускался через отверстие в биле и закреплялся на ручке. Иногда встречался вариант, где один ремешок заменяли две кожаные петли. Сложный тип устроен следующим образом: к билу ремешок крепился как в первом случае, а в ручке предварительно пропускался через продольное отверстие в её утолщённой части. Оба типа цепов сосуществовали одновременно, но в большинстве случаев предпочтение отдавалось сложному орудью, а у верхнеуральских нагайбаков он встречался лишь изредка.

При молотьбе цепами снопы расстилали на току в два параллельных ряда или по кругу вершинами друг к другу. В среднем постав вмещал 5–10 снопов. Первоначально постав проходили цепами один-два раза, затем перерезали сер-

⁴⁸ Халиков 1995б, 77; 1995а, 22.

⁴⁹ Халиков 1995а, 22.

⁵⁰ Халиков 1995б, 88.

⁵¹ Халиков 1995б, 90.

пом перевясла, вновь молотили, переворачивали, ворошили солому деревянными вилами и молотили в последний раз. Обмолоченную солому стряхивали и убирали, зерно с мякиной сгребали в кучу обратной стороной деревянных граблей или специальной лопатой. Обычно молотили 4–6 человек. В случае если рабочих рук не хватало, прибегали к найму работников или созывали помощь (*θмэ*). Способ молотьбы цепами у предков казанских татар мог появиться ещё в болгарскую эпоху⁵². Н. И. Воробьёв считал цеп у татар русским заимствованием⁵³.

Наиболее распространённым орудием молотьбы снопов у верхнеуральских нагайбаков был каток или камень (*башым таишы*). В конце XIX — начале XX в. в Верхнеуральском уезде данный способ молотьбы становится основным. Помимо относительной дешевизны и доступности орудия, его отличала довольно высокая производительность. Не исключено, что у нагайбаков мог иметь место способ молотьбы топтанием копытами лошадей, известный у волго-уральских татар юго-восточного ареала расселения. По поводу происхождения способа молотьбы лошадьми, в частности топтанием копытами, существует мнение о давней традиционности его у поволжских татар. Например, Н. А. Халиков, ссылаясь на различные источники (П. И. Рычков, И. Георги, Е. П. Бусыгин и Т. А. Крюкова), основывается именно на этом предположении, прослеживая корни этого типа молотьбы в связях с культурами Средней Азии, Казахстана и Кавказа⁵⁴. В начале XX в. среди зажиточных казаков появляются механические молотилки⁵⁵. Широкому внедрению механических молотилок способствовало увеличение производства доступных фабричных механизмов⁵⁶.

По окончании молотьбы приступали к вяению и сортировке семян. Приёмы вяения были несложными: зерно с мякиной деревянной лопатой (*агач корэж*) бросали вверх либо перпендикулярно ветру. Тяжёлое полновесное зерно падало близко, более лёгкие семена сорняков, мякину, пыль и мелкий сор ветер относил в сторону. Этим достигалась не только очистка зерна от посторонних примесей, но и одновременная сортировка его: тяжёлое спелое зерно, падавшее ближе к работнику, отделялось и предназначалось на посев. Основная часть зерна, улетающая дальше, шла на помол. Всё остальное: щуплое зерно, мякина и семена сорняков — обычно предназначались на корм скоту. В конце XIX — начале XX в. в некоторых хозяйствах также появляются механические веялки.

Собранный урожай перерабатывался в муку и крупу. Этой цели служили мельницы (*тагэрмэне*) и крупорушки. Нагайбаки, как и большинство других земледельцев, использовали мельницы. Природные условия Южного Зауралья позволяли с максимально большой производительностью использовать ветряные мельницы (*жыл тагэрмэне*). Нагайбакские поселения располагались в основном в открытых лесостепных и степных районах с ограниченными водными ресурсами. В конце XIX в. в Верхнеуральском уезде ветряных мельниц было втрое больше по сравнению с водяными⁵⁷. А в п. Фершампенуаз в первом десятилетии XX в.

⁵² Халиков 1995б, 95.

⁵³ Воробьёв 1930, 104.

⁵⁴ Халиков 1995б, 95–96.

⁵⁵ Байтеряков, 53–54.

⁵⁶ Халиков 1995б, 95.

⁵⁷ Черемшанский 1859, 319.

насчитывалось 13 ветряных мельниц. Ветряные мельницы, по словам информаторов, также имелись в п. Остроленка и Париж.

Ручные мельницы (*кул тәгәрмәне*) нагайбаков в целом представляли собой общераспространённый среди других групп татар тип. Изготавливали их обычно из дерева или камня. Для первых использовались тяжёлые и плотные породы: дуб, берёза, — и на рабочие поверхности дополнительно набивали железные пластины или осколки чугуна. Для обработки круп использовались также ступы (*киле*). Они были простейшей конструкции из раздельной ступы и ручного песта (*кул килесе*). Ступы использовались для рушения зерна на крупу, а также давления масла из конопли или подсолнечника.

Основным сооружением для хранения зерна и муки у нагайбаков служила клеть (*келәт*). Строили клетки из различных материалов. Обычно это была одно- или двухкамерная срубная постройка, с соломенной или тесовой крышей. Ввиду недостатка леса нередко кладовые сооружали из самана, камня или плетня, обмазанного глиной. Особенно были распространены каменные клетки. Верхнеуральский уезд был богат выходами природного камня, который нагайбаки активно использовали в строительстве. Постройки из плитняка до сих пор широко распространены в нагайбакских селениях. В посёлке Кассель у зажиточных казаков были и двухэтажные срубные клетки. Внутри клетки сооружали сусеки (*бура*) из полубрёвен, жердей, тёса или самана. Сусеки внутренними перегородками делились на камеры для разных культур.

Освоившись в середине XIX в. в несколько иных физико-географических условиях, нагайбаки выработали ряд заметных отличий в агрокультуре в сравнении со своими собратьями — кряшенами и другими группами волго-уральских татар. Земледельческая культура верхнеуральских казаков-нагайбаков была детерминирована новыми климатическими условиями. В отличие от Восточного Закамья, Юго-Восточное Зауралье является более аридной зоной. Здесь меньше выпадает осадков, менее снежные и более морозные, с частыми ветрами зимы и более жаркое и засушливое лето. Определённые трудности создавал недостаток водных запасов. Вместе с тем район обладал безграничными земельными ресурсами. Напомним, что каждый казак получал в пользование до тридцати десятин земли. Местные земли, доставшиеся нагайбакам после башкирских и казахских кочевий, были хорошо унавожены и поэтому не требовали дополнительных удобрений. Несмотря на различия в земледельческой практике казаков-нагайбаков в сравнении с другими группами кряшен и татарами-мусульманами, всё же хозяйственная лексика у них осталась тождественной друг другу.

Овощеводство у нагайбаков, как и у волго-уральских татар в целом, в прошлом имело меньшее значение по сравнению с русскими. Среди нагайбаков садоводство начало распространяться не ранее 50-х гг. XX в. Огородничество и садоводство у татар в середине XIX — начале XX в. в подавляющем большинстве случаев имело второстепенный характер и предназначалось прежде всего для удовлетворения собственных продовольственных нужд крестьянской семьи. На рынок оно ориентировалось лишь в редких случаях. Основной огородной культурой татар был картофель⁵⁸. Большинство овощей и фруктов приобреталось татарами на рынках.

⁵⁸ Халиков 1995, 117.

На этом фоне верхнеуральские нагайбаки заметно выделялись. Все основные овощи они получали со своих огородов (*бакча*)⁵⁹. Из возделывавшихся овощей наиболее распространёнными были морковь (*кишер*), свёкла (*кызыл чогендер*), капуста (*кабестә*), редька (*торма*), лук (*суган*), огурцы (*кыяр*), репа (*шалкан*). Картофель (*барэнге*) выращивался, но не так широко, как у татар Волго-Камья. Из бахчевых культур кое-где встречалась тыква (*кабак*). Как сообщал известный исследователь Оренбургского края Р. Г. Игнатьев, «нагайбаки <...> хорошие земледельцы, но, кроме того, нагайбаки считаются даже лучшими, исправными казаками, хорошими огородниками...»⁶⁰. Однако, как и большинство соплеменников, нагайбаки садоводством не занимались: «О садоводстве не имеют понятия, да оно и бесполезно при здешнем суровом климате»⁶¹.

Судя по всему, огородничество среди нагайбаков начало распространяться лишь во второй половине XIX в., а в массовом порядке с начала XX в. Овощеводство появляется прежде всего под русским влиянием. Расширению этой отрасли среди нагайбаков способствовало также определённое усердие по пропаганде огородничества со стороны казачьего командования. Е. А. Бектеева пишет: «Огородничество за малым исключением не развито. Войсковое начальство взяло теперь на себя труд ввести последнее»⁶². Недостаток овощей и фруктов восполняли покупками на верхнеуральском рынке.

Наконец, в заключение следует отметить, что слабое развитие садоводства и огородничества нагайбаков является следствием не столько особых этнических традиций (скотоводческое хозяйство предков татар⁶³, преобладание мучных блюд в кухне), хотя это и имело место, сколько особенностей климатических условий. Эта отрасль хозяйства в регионе мало чем отличалась у разных народов, включая русских⁶⁴. Садоводство и огородничество получило большой толчок лишь во второй половине XX в. с появлением морозоустойчивых сортов различных культур. Возможно, что определённую роль в формировании этой области хозяйства нагайбаков сыграли украинцы, переселявшиеся сюда в течение XX в.

Основу хозяйственной системы нагайбаков во второй половине XIX — начале XX в. составлял земледельческо-скотоводческий хозяйственно-культурный тип оседлых этносов лесостепной полосы Евразии с решительным преобладанием пашенного земледелия. Земледелие нагайбаков генетически связано хозяйственной культурой осёдлоземледельческих народов Среднего Поволжья и Прикамья. Природно-климатические особенности лесостепной и степной зон привнесли некоторые изменения в агрокультуру.

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов И. Р. 2007: Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск.

⁵⁹ Витевский 1878, 7.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 96–97.

⁶¹ Бектеева 1902, 169.

⁶² Бектеева 1902, 169.

⁶³ Мухаметшин 1977, 46.

⁶⁴ Халиков 1995б, 119.

Бектеева Е. А. 1902: Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. ИРГО. Вып. II, 165–181.

Витевский В. Н. 1878: Нагайбаки, их песни, сказки и загадки // Оренбургский листок. 45, 6–8.

Витевский В. Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды IV Археологического Съезда в России. Т. II. Казань, 257–286.

Воробьёв Н. И. 1930: Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань.

Глухов М. С. 1993: Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань.

Распопов П. Н. 1884: Оренбургская губерния в современном её состоянии. Статистический очерк. Оренбург.

Халиков А. Х. 1978: Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань.

Халиков Н. А. 1981: Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX вв.: историко-этнографическое исследование. М.

Халиков Н. А. 1995: Хозяйственная культура нагайбаков // Нагайбаки. (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков) / Д. М. Исхаков (отв. ред.). Казань, 19–29.

Халиков Н. А. 1995: Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань.

Черемшанский В. М. 1859: Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа.

Приложение

Таблица 1. Хозяйство нагайбаков Верхнеуральского уезда в 1865–1970 гг⁶⁵

№ п/п	Названия посёлков	Кол-во душ		Скот			Сколько засевали пудов хлеба в прошлых годах			
		Муж.	Жен.	Лошадей	Рога-того	овец	1865	1867	1869	1870
1.	Фершампенуаз	638	627	750	763	2256	11890	13290	14889	14379
2.	Куликовский	456	434	747	301	2483	8345	8998	9235	11790
3.	Требия	383	380	571	628	1461	5462	57891	8552	9850
4.	Кассель	354	337	805	610	2911	6234	7256	8522	6515
5.	Остроленка	424	401	903	615	1970	699	9681	9175	6864
6.	Париж	537	567	580	385	208	«	11458	11407	13068

Таблица 1. (продолжение)

	Сколько распаханно десятин земли под посев хлеба				Сколько накошено стогов сена в прошлых годах			
	1865 г.	1867 г.	1869 г.	1870 г.	1865 г.	1867 г.	1869 г.	1870 г.
1.	1089	1329	1488	1437	998	1065	1420	1590
2.	839	882	923,5	1179	1200	1272	1360	1390
3.	546	789¼	855¼	985	401	486	920	950
4.	623	725	852	651,5	1445	980	1007	910
5.	701	968,5	917,5	686	987	1004	1160	1090
6.	«	784,4	1426	1633	«	630	480	502

⁶⁵ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 7, 8, 25–30.

Таблица 2. Число земель, отведённых жителям II Отдела Оренбургского казачьего войска (сентябрь 1870)⁶⁶

Название посёлка	Под усадьбой		Луговой				Степи занятой лесами		Под дорогами	
	Дес.	Саж.	Собственно луговой		Вместо луговой степи		Дес.	Саж.	Дес.	саж
			Дес.	Саж.	Дес.	Саж.				
Париж	25	«	1340	«	3769	1850	666	«	100	550

Таблица 2 (продолжение)

Название посёлка	Солонцеватой		Под речками, оврагами, болотами и гористой		Пахотной		Итого удобной и неудобной земли	
	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Париж	«	«	2067	«	8400	«	1646,5	«

Таблица 3. Земли, принадлежащие селениям II Отдела Оренбургского казачьего войска⁶⁷

Названия посёлков	пахотной		луговой		лесу		неудобной		всего	
	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Кассель	9490	«	850	«	250	«	1241	1050	11491	1050
Остроленка	12049	«	955	«	2500	«	3981	800	19485	80
Требия	13515	«	1155	«	15	«	1465	1050	16150	1050

NAGAIBAK FARMING IN THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURY

I. R. Antagulov

The paper contains ethno-graphic material concerning principal types of Nağaybäk economic activity in Verkhneuralsky uyezd. The origin of the group is connected with the Volga-Ural Tatars and other ethnic groups of the region. It was also a part of Orenburg Cossack armed forces. Different ethnic features of the Nağaybäks are reflected in the original properties of their economic activity.

Key words: ethnology, the Nağaybäks, husbandry, stock-raising, poultry keeping, property-based economy

⁶⁶ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 37, 38.

⁶⁷ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 43–46.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2014

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО УКРАИНСКОГО ПОЭТА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

*Нехай буду мужицький поет,
аби тільки поет; то мені більше
нічого і не треба.*

Т. Г. Шевченко.

9 марта 2014 года исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, сыгравшего огромную роль в развитии украинского литературного языка. Этому знаменательному событию учёные-слависты посвятили XII Международную конференцию «Слово. Текст. Время. Фразеология в идиолекте и системе славянских языков», которая состоялась 14–17 ноября 2013 г. объединёнными усилиями Щецинского университета (Польша), Института славистики Эрнст-Моритц-Ардт-университета в Грайфсвальде (Германия), Фразеологической комиссии Международного Комитета славистов и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия).

В конференции активное участие приняли лингвисты из 87 исследовательских центров Европы (Болгарии, Германии, Испании, Польши, Словакии, Хорватии, Чехии), а также филологи из Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Польша на этом авторитетном форуме была представлена фразеологами из 10 городов (Бялыйстока, Варшавы, Вроцлава, Гданьска, Кельце, Кракова, Лодзи, Ополя, Познани, Щецина), Россия — специалистами из 11 городов (Белгорода, Владимира, Казани, Калуги, Кемерово, Магнитогорска, Москвы, Новгорода, Санкт-Петербурга, Смоленска, Тулы). Внушительные делегации на конференцию направили Украина и Белоруссия. Среди докладчиков конференции были члены Фразеологической комиссии Международного Комитета славистов: её бессменный председатель, душа фразеологических форумов, крупный учёный-славист, проф. В. М. Мокиенко; сопредседатель Фразеологической комиссии, автор многих оригинальных славистических проектов и сопоставительных словарей — проф. Х. Вальтер, а также члены Фразеологической комиссии — проф. М. А. Алексеенко, глава Щецинской фразеологической школы, заложивший основы Щецинских лингвистических конференций, которые регулярно проводятся под девизом «Слово. Текст. Время»; известная своими основательными фразеологическими трудами проф. Д. Балакова;

ведущий крылатолог Украины, проф. Л. П. Дядечко и др. Участникам конференции посчастливилось услышать доклады многих широко известных учёных: заслуженного деятеля науки, проф. из Казани Л. К. Байрамовой, автора уникального словаря русского просторечия В. В. Химика, проф. Ф. Бацевича, проф. Т. Володиной, проф. В. Высочанского и др.

Со вступительным словом в день открытия конференции выступил председатель Фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов, профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко.

В первый же день **на пленарном заседании** было заслушано девять докладов.

М. Алексеенко (Щецин, Польша; Львов, Украина) посвятил своё выступление Т. Г. Шевченко как основоположнику современного украинского литературного языка. Он доказал, что именно Тарас Шевченко положил конец диглоссии «украинский язык — литературный язык». Литературный язык был далёк от украинского читателя, а народно-разговорная речь украинцев во времена Шевченко в книжном языке не использовалась. Соединение этих двух разновидностей способствовало демократизации литературного языка, приблизило книгу к массе носителей украинского языка. Идиолектная система Т. Г. Шевченко стала основой для нормирования украинского литературного языка середины XIX столетия. Влияние шевченковского слова на литературную норму украинского литературного продолжается до сих пор.

Л. Дядечко (Киев, Украина) в своём докладе представила проект «Толкового словаря крылатых выражений Тараса Шевченко». Микроструктура словаря, в целом традиционная для восточнославянской эпиграфии, основательно и глубоко отработана автором. При описании обнаруженных шевченковских крылатых выражений автором учитываются все теоретические достижения современной крылатологии, а также личный эпиграфический опыт составителя. Словарная статья включает несколько обязательных зон, а при необходимости – и факультативные. Читатель найдёт в каждой словарной статье указание на источник крылатого выражения, историко-культурные комментарии к нему, толкование (с фонетико-грамматической и стилистико-функциональной характеристиками). Ценность словаря во многом определяют неизменное сопровождение зафиксированных шевченковских единиц примерами их употребления, а также ссылки на фиксацию описываемых единиц в ранее изданных словарях крылатых слов и выражений.

А. Королькова (Смоленск, Россия) в докладе «Афористика русскоязычного наследия Т. Г. Шевченко» указала на то, что в поэтическом тексте трудно выделить афоризмы, так как такие тексты создаются для того, чтобы передавать чувства, эмоции, страсть автора, стремящегося доставить читателю скорее эстетическое наслаждение, чем излагать свои идеологические убеждения. Тем более трудно выявлять афоризмы у поэта, пишущего на двух языках. В творчестве Т. Шевченко докладчица обнаружила не только парадоксальные, противоречивые афоризмы, отражающие нравственные воззрения автора, но и афоризмы, передающие его эмоциональные переживания. Ключевыми в афористике Шевченко А. Королькова считает те обороты, которые отражают его любовь к родине.

Т. Космеда (Познань, Польша) в докладе «Языковая особенность Т. Шевченко: моделирование языковой игры с помощью русских и украинских паремий» го-

ворила о своеобразном проявлении автокоммуникации (психологической и культурологической саморегуляции), обнаруживаемой в личном дневнике поэта. Свой дневник Т. Г. Шевченко вёл на русском языке, ориентируясь на русскую языковую картину мира и на способы вербализации русской концептосферы. Однако в его текстах нередко внедряются украинизмы, и параллельно поэт проявляет себя как представитель украинской культуры, как гений украинской нации. Языковая игра, в которую вовлекаются как русские, так и украинские паремии, ярко отражает свойственные Шевченко иронию и юмор, свидетельствует о том, что поэт разработал собственную модель языковой игры.

О. Остапчук (Москва, Россия) в докладе «Характер и функции фразеологических элементов в русскоязычных повестях Т. Г. Шевченко» назвала билингвизм одной из характерных черт украинского литературного процесса первой половины XIX в. На Левобережной Украине действовали в условиях билингвизма две тенденции: выбор модели преимущественно русскоязычной (как у Гоголя) и собственно двуязычной с украиноцентристским уклоном (как у Шевченко). Русскоязычные повести Шевченко свидетельствуют о закреплении в украинском культурном пространстве тенденции к жанрово-тематическому распределению украинского и русского языков и о развитии тенденции к уравниванию коммуникативных статусов этих двух родственных славянских языков. И сам русский язык произведений Т. Шевченко, и способ введения им украинских фрагментов знаменуют преобладание в языковом сознании Шевченко украиноцентричной модели. Это хорошо видно по тому, как и какие фразеологизмы использует Шевченко в текстах своих повестей. В реплики персонажей обычно вводятся украинские фразеологизмы на украинском языке, а в основном тексте, где фразеологизмы служат средством передачи местного, национального колорита, чётко прослеживается связь с украинскими источниками.

С. Шулежкова (Магнитогорск, Россия) охарактеризовала фразеологический корпус общелитературного языка славян Средневековья, выявленный по материалам памятников религиозной тематики X–XI вв. Привлечение рукописей, созданных на восточнославянских землях, обычно не включавшихся в состав «канонических старославянских», дало возможность получить более полное представление о составе фразеологизмов первого литературного языка славян. Характерная их черта — необычайно развёрнутая система вариантных форм. И если семантика данных единиц при их освоении русским и другими славянскими языками развивалась по пути обобщения или символизации, то их структура подвергалась по преимуществу импликации.

В. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия) в докладе «Фразеологические библеизмы: непонятное в понятном» говорил о том, что Библия справедливо признаётся генератором общеевропейской культуры, однако европейские (в том числе и славянские) языки не изоморфны по составу библейских крылатых слов и выражений. Поэтому корпус библеизмов любого национального языка следует рассматривать не только как интегрирующий, общеевропейский ресурс, но и как источник национальной специфики, отражающий культурологическое и языковое своеобразие того или иного народа, принадлежащего к христианскому миру. Русский язык, считает докладчик, в этом отношении не только не исключение, но и «правило». Специализированные словари, описывающие русские библеизмы, и сопостави-

тельные справочники свидетельствуют о том, что универсальность символики Священного Писания обусловила, с одной стороны, общность символического кода многих библейских слов и выражений для всего европейского пространства. Этот код подкреплялся и европеизировался благодаря буквальному переводу многих библеизмов с немецкого, французского и других языков на русский язык. С другой стороны, историческая привязанность к православию и старославянскому тексту Библии наложила свой отпечаток на специфику русских библеизмов. Одним из результатов такого симбиоза стали библеизмы-«консерванты» (*на злобу дня, вносить лепту* и др.), которые как раз и содержат «непонятные» для современного носителя языка элементы.

Е. Коморовская (Щецин, Польша) в докладе «Немецко-польский словарь крылатых слов», изложив принципы создания нового сопоставительного этимологического справочника, подчеркнула острую необходимость в таком лексикографическом издании и охарактеризовала сложности, с которыми встретился коллектив сотрудников, состоящий из опытных лексикографов и начинающих лингвистов — студентов Щецинского университета и Института славистики в Грайфсвальде.

Х. Вальтер (Грайфсвальд, Германия) выступил с необычным докладом «Первый европаремиолог: Питер Брейгель и его “Нидерландские пословицы” (1559 г.)», в котором лингвистические изыскания «скрестились» с изысканиями этнокультурологическими. Объектом внимания Х. Вальтера стала картина, на небольшом живописном пространстве которой талантливый нидерландский художник сумел поместить более ста иллюстраций к народным пословицам, басням, поговоркам и прибауткам. Смысл некоторых из них понятен европейскому, в том числе и славянскому зрителю (*вводят друг друга за нос, висят между небом и землёй*), другие лишь отдалённо напоминают немецкий и русский фольклор. Часть пословиц и поговорок, проиллюстрированных Брейгелем, сохранилась в европейских языках, смысл других почти утрачен. Докладчик обратил внимание на то, что ни европейские, ни американские паремиологии, комментировавшие картину «Нидерландские пословицы», не включали в орбиту своих сопоставлений славянский паремиологический материал, в то время как он существует. В доказательство приводятся пословицы *Стену лбом не прошибёшь, Не мечите бисера перед свиньями, Нет дыма без огня*. Подобного рода наблюдения позволяют внести коррективы в решение проблемы национального и интернационального во фразеологии славянских языков. Для диагностики собственно славянского, национально специфического в сфере фразеологии необходимо учитывать три параметра: 1) хронологию фиксации фразеологизмов в отдельных языках, 2) их точную ареальную характеристику и 3) учёт максимально полного количества вариантов. Лишь такой «трёхъярусный» ключ позволит не только отграничить «свое» от «чужого» во фразеологии, но и показать на фразеологическом материале взаимодействие разных языков и культур Европы.

Затем работа конференции продолжалась на шести секционных заседаниях. **Первая секция** объединила учёных, изучающих творчество Т. Г. Шевченко с лингвистических позиций. *В. Абашина* (Львов, Украина) посвятила свой доклад анализу фразеологического материала в дневнике Т. Шевченко, который позволяет составить представление об авторе как о языковой личности; *О. Левченко* (Львов, Украина) охарактеризовала 346 прецедентных текстов, восходящих к на-

следию Великого Кобзаря, с точки зрения интенсивности их цитирования в современном украинском дискурсе; *А. Архангельская* (Оломоуц, Чехия) обратила внимание слушателей на разные подходы к переводу на чешский язык русскоязычных произведений основоположника украинского литературного языка; *А. Горнятко-Шумилович* (Познань, Польша) сопоставила идеализированный образ обманутой украинской женщины (девушки-«покритки»), который проходит через всё творчество Т. Шевченко как символ униженной родины, и деидеализированный образ женщины-проститутки (жінки-повіі) как символ вырождения украинской нации в творчестве украинского прозаика постмодернистского периода *В. Ульяненко*; *Н. Венжинович* (Ужгород, Украина) обратила внимание на лингвокультурологические особенности описания людских судеб с помощью украинских фразеологизмов по материалам поэтического наследия Т. Шевченко; *Г. Белоус* (Львов, Украина) проанализировала национально-культурную специфику фразеологического корпуса повестей Тараса Шевченко; *М. Кучиньська* (Познань, Польша) выступила с докладом, посвящённым Т. Шевченко как идеалу украинца-эмигранта сквозь призму посланий митрополита Иллариона.

На второй секции обсуждались проблемы библейской фразеологии. *Л. Байрамова* (Казань, Россия) выступила с докладом «Библейские фразеологизмы, отражающие антиценность на основе ценности»; *В. Химик* (Санкт-Петербург, Россия) представил своё исследование «Библейский Хам и хам трамвайный: семантико-грамматическая история»; *Д. Балакова* (Ружомберк, Словакия) познакомила слушателей с результатами исследования уровня владения библейской фразеологией молодёжью, говорящей на одном из трёх языков — русском, словенском и немецком; *Т. Феодуленкова* (Владимир, Россия) предложила классификацию библейских фразеологизмов по этимологическому и временному принципу; *И. и М. Хостай* (Калуга, Россия) попытались ответить на вопрос, что скрывается за библейскими коннотативными именами; *О. Сагирова* (Донецк, Украина) предложила своё видение проблемы коннотации онимов, входящих в состав библейских фразеологизмов.

На третьей секции «Фразеология в языковой картине мира» учёные обсуждали вопросы, связанные с ролью сверхсловных языковых единиц в отражении менталитета носителей разных языков. Открыли заседание *Е. Зиновьева* и *А. Алёшин* (Санкт-Петербург, Россия) докладом «Глупый человек в зеркале русских устойчивых сравнений (на иноязычном фоне)»; *Л. Араева* (Кемерово, Россия) посвятила свой доклад отражению представления о мире в русском и киргизском языках; *О. Тищенко* (Ровно, Украина) подняла вопрос о концептуализации идеи «перемещение объекта в воде» в русском, украинском и польском языках; *Т. Володина* (Минск, Беларусь) и *М. Молоха* (Кельце, Польша) анализировали этнокультурную составляющую семантики горба в славянской фразеологии по материалам различных вариаций оборота *горбатого могила исправит*; *М. Хрдличка*, *Н. Пинтарич*, *И. В. Болт* (Загреб, Хорватия) рассматривали семантическое поле *brzydota* хорватских и польских фразеологизмов; *В. Высочанский* (Вроцлав, Польша) в сопоставительном аспекте представил фразеолого-паремиологическое понимание обманывания и обмана, обманщиков и обманываемых в польском и словацком языках; *К. Мизин* (Кременчуг, Украина) охарактеризовал аксиологичность устойчивых сравнений как лингвокогнитивных структур в сознании носителей

английского, немецкого, украинского и русского языков; *Г. Маньковская* (Варшава, Польша) сделала доклад об образе женщины в пословицах, поговорках и фразеологизмах польского и русского языков; *Е. Чубина* (Москва, Россия) — об образах права, отражённых в русской фразеологии; *Е. Концевич-Дзидух* (Краков, Польша) — об анималистической фразеологии польского и хорватского языков; *Р. Джвигол* (Краков, Польша) — об образе смеха в польской фразеологии и паремииологии; *Д. Илиева* (София, Болгария) сделала доклад «Ядро концепта “Власть” и его приядерная зона со смысловым концептом “Господство” сквозь призму болгарских паремий»; *Е. Млынарчик* (Краков, Польша) — «Образ ремесленных инструментов в польских фразеологизмах и поговорках», *Е. Нейчева* (Пловдив, Болгария) — «Оппозиция *своё — чужое* и русский национальный характер», *Е. Гананольская* (Санкт-Петербург, Россия) — «*Врёшь как дышишь* и человек как рыба без воздуха (наблюдения над символикой компонента *воздух* в современной русской фразеологии)»; *Ю. Сахата* (Львов, Украина) — «Трансформации польских фразеологизмов с компонентами-наименованиями животных»; *К. Николайчук* (Львов, Украина) — «Инновационные процессы во фразеологическом поле “Старость” (по материалам современного польского языка)».

На четвёртой секции «Фразеология в лексикографическом и переводческом аспекте» были заслушаны следующие доклады: *Б. Гасек* (Вроцлав, Польша) — «Сверхсловные выражения в русско-польской переводческой лексикографии»; *И. В. Болт* (Загреб, Хорватия) «Фразеологические единицы в лексикографии и переводоведении»; *Ж. Жунусова* — «Перевод фразеологизмов в лексикографических источниках»; *Й. Игнатович-Сковроньска* (Щецин, Польша) — «Культурные преобразования и фразеологическое богатство языка»; *А. Багдасарян, И. Антонова* — «Школьный фразеологический словарь русского языка» (авторы — В. П. Жуков и А. В. Жуков); *Х. Пирская* (Львов, Украина) — «Проект текстового корпуса метафор»; *Б. Брехмер* (Грайфсвальд, Германия) — «Устойчивые сравнения в параллельных корпусах славянских (и других) языков»; *А. Пстига* (Гданьск, Польша) — «Русская фразеология в медийном межкультурном пространстве»; *М. Закшевская* (Оломоуц, Чехия) — «Толкование фразеологического значения в переводах современной польской литературы на русский язык»; *Й. Шершунович* (Бялосток, Польша) — «Конденсация значения безэквивалентной фразеологической единицы в контрастивной перспективе».

Пятая секция «Фразеология и дискурс» объединила исследователей, интересующихся сложными проблемами новых направлений в современном языковедении, касающихся и фразеологии. Здесь были представлены доклады *Н. Богдановой-Бегларян* (Санкт-Петербург, Россия) — «Словарная идиоматика в реально звучащей речи»; *Я. Тарса* «*Тема горезонда не раскрыта*. Фразеологизмы в интернетовской коммуникации-игре»; *Т. Осиповой* (Харьков, Украина) — «Гендерно маркированные коммуникативные стратегии и тактики в невербальной коммуникации (на материале украинского паремийного фонда)»; *И. Плотницкой* (Киев, Украина) — «Гендерные аспекты и замена названий в управленческой сфере»; *Т. Архангельской* (Оломоуц, Чехия) — «Родо-половая транспозиция в лексике и фразеологии русского, украинского, польского и чешского языков»; *Н. Пинтарич* (Загреб, Хорватия) — «Прагмафраземы *молчания* в польском и хорватском языках»; *А. Зайнудинова* (Барселона, Испания) — «Эмоционально-оценочная

русская жаргонная фразеология как отражение молодёжной субкультуры»; *О. Невзоровой* (Лодзь, Польша) — «Фразеологичность и образность польского и русского молодёжного жаргона (сравнительный анализ)»; *О. Таран* (Харьков, Украина) — «Фразеологические единицы украинского «загального» сленга в контексте проблем неологии»; *Т. Новицкой* (Белгород, Россия) — «О фразеологизмах регионального значения»; *К. Скибского* (Познань, Польша) — «Фразеологическая суппозиция — категория, характеризующая специфику художественного текста»; *Ф. Бацевича* — «Фразеологизмы в абсурдном художественном тексте: прагматика употребления, механизмы трансформаций»; *Б. Андрунив, Ю. Стефанишин* (Львов, Украина) — «Функциональное разнообразие структурных фразеологических инноваций (по материалам современной польской прозы)»; *В. Макарова* (Новгород, Россия) — «Использование фразеологических единиц в сильной позиции в политическом дискурсе»; *Б. Тенчевой* (Пловдив, Болгария) — «К вопросу о фразеологизме и языковой игре в рекламном дискурсе (на материале русского, немецкого и болгарского языков)»; *Т. Король* (Львов, Украина) — «Репродукты и интернет-мемы в украинском публицистическом дискурсе как показатели современной смеховой культуры»; *Д. Дзядош* (Щецин, Польша) — «Несколько замечаний о фразеологических ошибках в интернет-коммуникации»; *Б. Родзевич* (Щецин, Польша) — «Выражение оценки в ассоциативных текстах»; *Й. Митурской-Бояновской* (Щецин, Польша) — «Всё на продажу, или несколько слов об объявлениях и не только».

Доклады участников **шестой секции «Фразеология и дискурс»** были посвящены месту фразеологии среди других лингвистических дисциплин. *О. Пилипчук* (Львов, Украина) анализировала проблемы фразеологии в трудах профессора Ю. А. Жлуктенко; *М. Хорды* (Щецин, Польша) охарактеризовала средства выражения отрицания в пословицах; *И. Химик* (Санкт-Петербург, Россия) заинтересовала присутствующих докладом «*Питер все бока вытер*, или Культурный феномен российской столицы»; *О. Фоль* (Львов, Украина) описала метафорические модели терминологий *it-галузі* в польском и украинском языках в социокультурном аспекте; *Й.-М. Беккер* (Грайфсвальд, Германия) заострил внимание на том, как слова становятся именами собственными, а имена собственные — нарицательными; *К. Янашек* (Щецин, Польша) сделала доклад «Автономия в процессе изучения языка»; *М. Флейшман* (Щецин, Польша) — «Организация автономного процесса обучения языку на курсах русистики»; *К. Кочур-Лейк* — «Эротика Бартоломея Папроцкого».

На третий день в Институте славистики Грайфсвальда (Германия) состоялось заседание **за круглым столом**, посвящённое проблеме «Фразеология и славянская паремнография в европейском контексте», сопровождавшаяся презентацией словарей нового поколения. Здесь выступили со своими докладами В. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия) и Х. Вальтер (Грайфсвальд, Германия) — «Параметры паремнологических тезаурусов»; О. Гудкова (Тула, Россия) — «Квазиэталон в основе ласковых обращений к мужчинам и женщинам в немецком лингвокультурном обществе»; В. Арифудин (Владимир, Россия; Грайфсвальд, Германия) — «Взаимодействие стиля мышления и языкового стиля в польской, русской и немецкой рекламе»; А. Ю. Сеньчихин (Грайфсвальд, Германия) — «Стратегии выборной кампании украинских партий — анализ политических ре-

кламных роликов, сопровождавших парламентские выборы 2012 г.». Завершилась конференция заседанием Фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов, где были подведены итоги XII Международной конференции «Слово. Текст. Время» и намечены перспективы дальнейшего сотрудничества фразеологов-славистов.

Организаторы конференции во главе с доктором М. Хорды, профессором М. А. Алексеенко, профессором Х. Вальтером создали самые благоприятные условия для плодотворного научного общения участников форума, не забыв об экскурсиях по Щецину, Грайфсвальду, Берлину, о знакомстве с творчеством польских и немецких студентов.

Главное, что объединяло всех, кто приехал на конференцию, — любовь к замечательному украинскому поэту и признание его заслуг перед родиной и славянским сообществом. Реальным итогом состоявшегося форума станет готовящийся к изданию сборник докладов, большинство из которых посвящено анализу художественного наследия Великого Кобзаря, и «Толковый словарь крылатых выражений Тараса Шевченко».

*С. Г. Шулежкова,
доктор филологических наук,
профессор-консультант кафедры русского языка и общего языкознания
Магнитогорского государственного технического университета
им. Г. И. Носова*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БЧ — Боспорские чтения. Керчь
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВРС — Венгерско-русский словарь / Л. Хадрович, Л. Галди (сост.). Т. I-II. Будапешт, 1969.
ВЭ — Вопросы эстетики. Москва
ВЯ — Вопросы языкознания. Москва
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ДБ — Древности Боспора. Москва
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург; Петроград
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. Москва
ИСУ — Известия Саратовского университета. Серия История, международные отношения. Саратов
КСИА — Краткие сообщения института археологии. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН — Фонды и коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПРС — Персидско-русский словарь / Б.В. Миллер (сост.). М., 1953.
РА — Российская археология. Москва
РАН — архив Российской академии наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РПС — Русско-персидский словарь / Г.А. Восканян (ред.). М., 1986.
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва
САР — Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург
СЭ — Советская этнография. Москва
ТаРС — Татарско-русский словарь / М.М. Османов (ред.). М., 1966.
Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТуркРС — Туркменско-русский словарь / Баскаков Н.А., Каррыев Б.А., Хамзаев М.Я. (ред.). М., 1968.
ТуРС — Турецко-русский словарь / Баскаков А.Н. (ред.). М., 1977.
УзРС — Узбекско-русский словарь / И. Хайрулаев (ред.). Ташкент, 1989.
ХРС — Хинди-русский словарь / А.П. Баранников (ред.). М., 1953.
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь
АА — Archäologischer Anzeiger. Berlin
ААА — Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск
ААASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AJPh — American Journal of Philology
BAR — British Archaeological Reports International Series. Oxford

-
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BEFAR — Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
CIL — Corpus inscriptionum latinarum (Vol. P) / W. Henzen, Chr. Huelsen, Th. Mommsen, E. Lommatzsch (eds.) (pars II. fasc. I). Berlin. 1893-1918.
CJ — Classical Journal
FSO — Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv
IstMitt — Istanbuler Mitteilungen. Tübingen
JCS — Journal of Combative Sport
JHS — Journal of Hellenic Studies. Cambridge
JRS — The Journal of Roman Studies. London
JSH — Journal of Sport History
KIP — Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975
LCM — Liverpool classical monthly. Liverpool
OCD³ — The Oxford Classical Dictionary. Third Edition / S. Hornblower, A. Spawforth (ed.). Oxford; New York
RE — Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G. Stuttgart, 1893-1980
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
TESz — A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. I-III. Budapest, 1976.
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
ZRG — Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Селиванова Л. Л.</i> (Москва) — Победа и (или) смерть на общегреческих играх	3
<i>Попов А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Сведения Юстина (Помпея Трога) о помощи бактрийцев селевкидскому царю Деметрию II	22
<i>Лапырёнок Р. В.</i> (Иркутск) — К вопросу о категориях <i>ager publicus</i> , получивших «иммунитет» на основании аграрного закона Гая Гракха	29
<i>Широкова Н. С.</i> (Санкт-Петербург) — Императорский культ в римской Британии	37

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Журавлев Д. В.</i> (Москва) — «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья	59
<i>Зубарев В. Г., Ярцев С. В.</i> (Тула) — Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму	86
<i>Ярцев С. В.</i> (Тула) — Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия	102

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Терновая Г. А.</i> (Алматы) — К проблеме истории, религии и жизненного уклада государства Кангюй в конце III–IV вв. н.э.	118
--	-----

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Долбунова Е. В.</i> (Санкт-Петербург) — Древнейшие керамические традиции Днепродвинского междуречья VII–VI тыс. до н.э.	132
---	-----

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Болдырева И. И.</i> (Воронеж) — Историко-правовые особенности завещательной практики в раннесредневековой Англии	148
<i>Демичев К. А.</i> (Нижний Новгород) — Особенности милитаризации сикхской общины при первых девяти гуру в XVI–XVII вв.	157

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

<i>Михальченко С. И.</i> (Брянск) — Неопубликованные «Воспоминания» Е. В. Спекторского как источник по истории евреев царства польского конца XIX в.	171
<i>Ольховский С. В.</i> (Москва) — Украинское парламентское представительство в 1922–1939 гг.	176
<i>Ольховский С. В.</i> (Москва) — Украина в федералистской концепции Ю. Пилсудского ..	188

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Чепель А. И.</i> (Санкт-Петербург) — Преступления против личности в шведско-русском приграничье после столбовского мира.....	197
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.).....	205
<i>Переверзев В. В.</i> (Магнитогорск) — «Пропагандистское затишье» в советско-китайских отношениях середины 1960-х гг. в отражении советской периодической печати.....	214

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Вечернее размышление» М. Ломоносова и “Evening Reflections” Дж. Боуринга: от полисемии идей оригинала к однозначности перевода.....	228
<i>Тимофеев Н. А.</i> (Москва) — Духовный кризис русской интеллигенции конца XIX в.: образ героя в повести А. П. Чехова «Черный монах».....	243
<i>Морозова О. В.</i> (Казань) — Тема детства: чеховские «принципы художественной организации» текста в творчестве А. А. Блока.....	252
<i>Валитова В. А.</i> (Екатеринбург) — Гендерная универсальность в творчестве Марии Семенович.....	260
<i>Хубитдинова Н. А.</i> (Уфа) — Особенности творческого освоения фольклора в башкирском дастане «Бузъегет» Багави и его устные варианты.....	267

ЛИНГВИСТИКА

<i>Пачаи И.</i> (Ньиредьхаза) — Некоторые данные к теории О. Н. Трубачева о синдах в Северном Причерноморье.....	273
<i>Наумова А. П.</i> (Волгоград) — Переводческий форум как жанр профессионального дискурса переводчиков.....	285
<i>Валиева М. Р.</i> (Уфа) — Булгаризмы в башкирской гидронимии.....	300
<i>Швыдкая Л. И.</i> (Магнитогорск) — Когниция и идиоматизация.....	305
<i>Цицкиева М. Р.</i> (Санкт-Петербург) — Состав и структура исконных и заимствованных ингушских личных имен в романах И. Базоркина «Из тьмы веков» И. А. Боккова «Сыновья Беки».....	312
<i>Нагорная А. В.</i> (Москва) — Методологические основы лингвистического изучения интероцепции.....	319
<i>Серээдар Н. Ч.</i> (Кызыл) — Элементарные простые предложения с глаголами интеллектуальной деятельности в тувинском языке.....	331

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Идиатуллов А. К.</i> (Ульяновск) — «Исламизированное» шаманство карачаевцев (анализ интервью карачаевской интеллигенции).....	337
--	-----

CONTENTS 383

<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Лачуга у чувашей: традиции и новации	345
<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Земледельческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX — начале XX вв.	358

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — К 200-летию со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко	371
---	-----

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME. HELLINISM

<i>L. L. Selivanova</i> (Moscow) — Victory and (or) Death at the Panhellenic Games	3
<i>A. A. Popov</i> (St. Petersburg) — Justinus (Pompeius Trogus) Evidence on Bactrian help to the Seleucid King Demetrius II	22
<i>R. V. Lapyryonok</i> (Irkutsk) — Some Notes on the Ager Publicus Legal Categories that were Granted Immunity by Virtue of Gaius Gracchus Agrarian Law	29
<i>N. S. Shirokova</i> (St. Petersburg) — The Imperial Cult in Roman Britain	37

THE BLACK SEA REGION

<i>D. V. Zhuravlyov</i> (Moscow) — Bracelets and Knobby Rings from Late- Scythian and Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region	59
<i>V. G. Zubarev, S. V. Yartsev</i> (Tula) — The New Sacral Complex in Belinskoye Settlement in the East Crimea	86
<i>S. V. Yartsev</i> (Tula) — The Bosphorus and Chersonese on the Eve of the Hun Invasion	102

THE ANCIENT ORIENT

<i>G. A. Ternovaya</i> (Almaty) — On The Issue of History, Religion and Lifestyle of Kangju in the Late 3 rd — 4 th centuries AD	118
--	-----

PREHISTORY

<i>E. V. Dolbunova</i> (St. Petersburg) — The Oldest Ceramic Traditions of Dnieper-Dvina Basin in the 7 th — 6 th Millennia BC	132
--	-----

THE MIDDLE AGES

<i>I. I. Boldyreva</i> (Voronezh) — Historical and Legal Principles of Testamentary Practice in Early Medieval England	148
--	-----

<i>K. A. Demichev</i> (Nizhny Novgorod) — Militarized Sikh Community under the First Nine Gurus in the 16 th — 17 th centuries	157
--	-----

MODERN HISTORY

<i>S. I. Mikhailchenko</i> (Bryansk) — Unpublished “Reminiscences” of Ye. V. Sectorsky as Source of Jews History in Polish Kingdom in the Late 19 th century	171
<i>S. V. Olkhovskiy</i> (Moscow) — Ukrainian Parliamentary Representation in 1922–1939	176
<i>S. V. Olkhovskiy</i> (Moscow) — Ukraine in the Federalist Concept of Jozef Pilsudski	188

RUSSIAN HISTORY

<i>A. I. Chepel</i> (St. Petersburg) — Offence Against the Person in Swedish-Russian Border Area after the Treaty of Stolbovo	197
<i>N. N. Makarova</i> (Magnitogorsk) — Everyday Feelings Era of Industrialization (On Materials of Magnitogorsk of the 1930-s)	205
<i>V. V. Pereverzev</i> (Magnitogorsk) — The Reflection of “Propaganda Calm Period” in Soviet-Chinese Relations of the Mid-1960s in the Soviet Periodical Press	214

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

<i>T. Ye. Abramzon</i> (Magnitogorsk) — “Vecherneye Razmyshleniye” by M. Lomonosov and “Evening Reflections” by G. Bowring: from Polysemantic Message of the Original to the Monosemantic One of the Translation	228
<i>N. A. Timofeyev</i> (Moscow) — Spiritual Crisis of Russian Intelligentsia in the Late 19 th Century: Protagonist in A. Chekhov’s Narrative “The Black Monk”	243
<i>O. V. Morozova</i> (Kazan) — Childhood Theme: Chekhov’s Principles of Text Organizing System Embodied in A. Blok’s Works	252
<i>V. A. Valitova</i> (Yekaterinburg) — Gender Universality in Maria Semyonova’s Works	260
<i>N. A. Khubbitdinova</i> (Ufa) — Folklore Creative Adaptation in Bashkir Dastan “Buzyeget” by Bagavi and its Oral Versions	267

LINGUISTICS

<i>I. Pacsai</i> (Nyirpazony) — Some Facts for the Theory of O. N. Troubačev on the Sinds	273
<i>A. P. Naumova</i> (Volgograd) — Translation Forum as a Genre Of Translators’ Professional Discourse	285
<i>M. R. Valiyeva</i> (Ufa) — Bulgarisms in Bashkir Hydronyms	300
<i>L. I. Shvydkaya</i> (Magnitogorsk) — Cognition and Idiomatization	305
<i>M. R. Tsitskeyeva</i> (St. Petersburg) — Composition and Structure of Ingush Native and Borrowed Proper Names in the Novels of I. Bazorkin “From Remote Antiquity” and A. Bokov “The Sons Of Beki”	312
<i>A. V. Nagornaya</i> (Moscow) — Methodology of Linguistic Study of Interoception	319
<i>N. Ch. Sereedar</i> (Kyzyl) — Elementary Simple Sentences with Verbs Denoting Mental Activity in the Tuva Language	331

CULTURE**ETHNOLOGY**

- A. K. Idiatullov* (Ulyanovsk) — Karachai ‘Islamized’ Shamanism (Interview Analysis of Karachai Intelligentsia)..... 337
- V. V. Medvedyev* (Magnitogorsk) — Chuvash Shack: Traditions and Innovation..... 345
- I. R. Antagulov* (Magnitogorsk) — Nagaibak Farming In the Late 19th — early 20th Century..... 358

SCIENTIFIC EVENTS

- S. G. Shulezhkova* (Magnitogorsk) — On the 200th Birthday Anniversary of T. G. Shevchenko, the Great Ukrainian Poet 371

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б. А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2014

Сдано в набор 26.02.2014. Подписано в печать 17.03.2014.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.